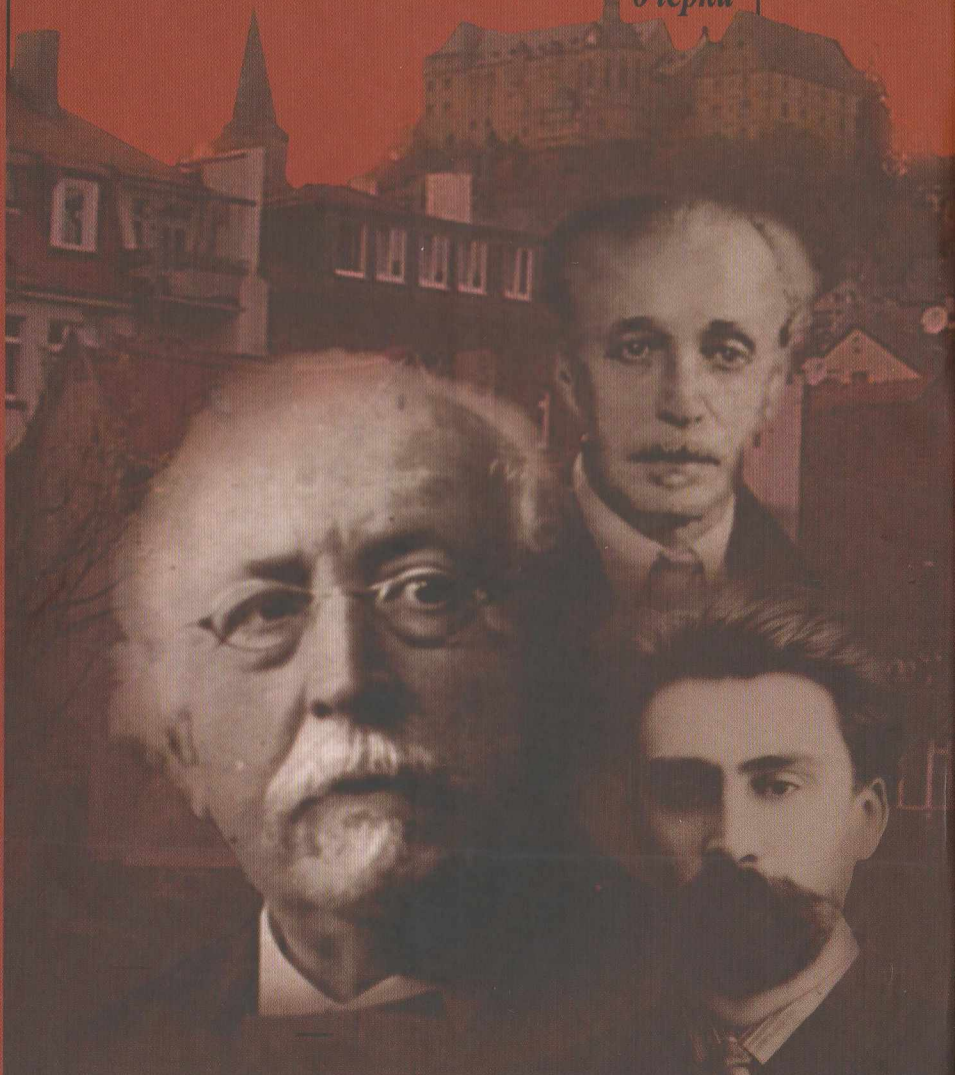

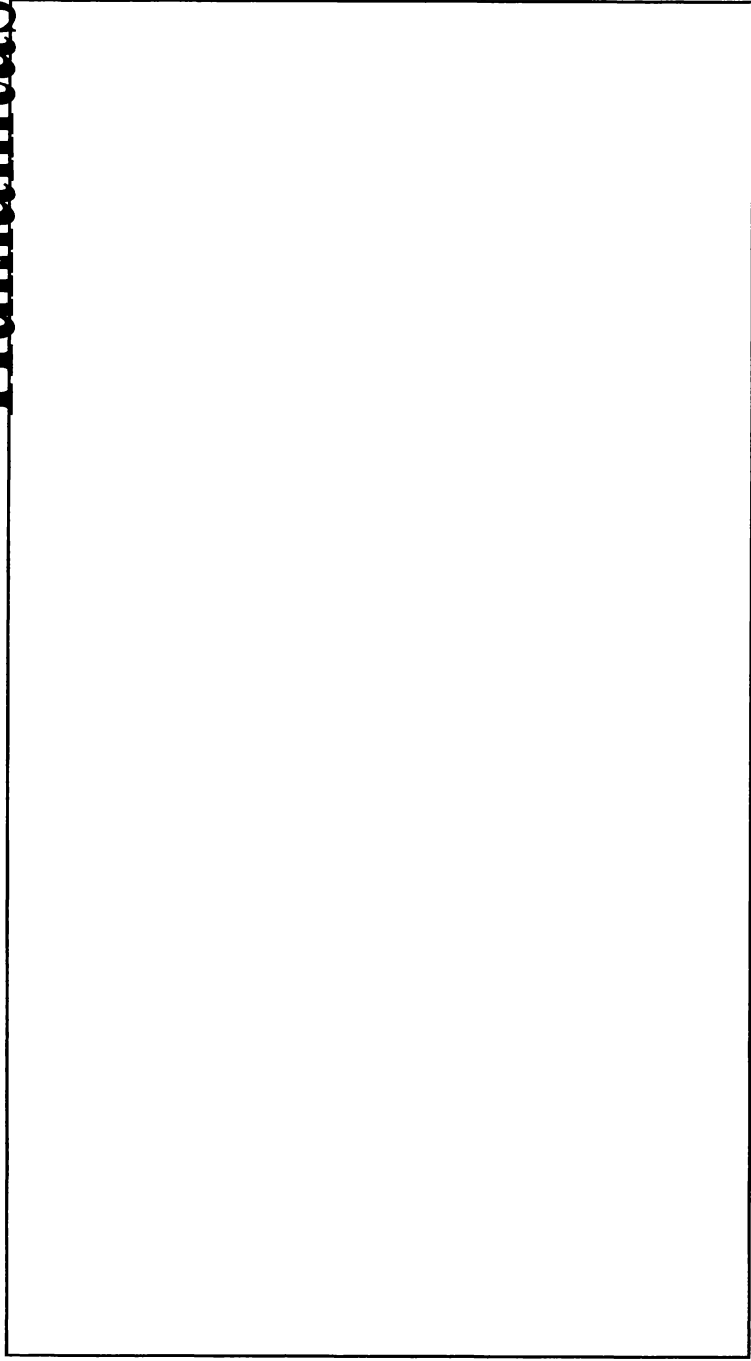
Нина Дмитриева

Русское неокантианство: «Марбург» в России

*Историко-философские
очерки*

Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Центра гуманитарных научно-информационных исследований
Института научной информации по общественным наукам,
Института всеобщей истории,
Института философии
Российской академии наук

Нина Дмитриева
**Русское неокантианство:
«Марбург» в России**

*Историко-философские
очерки*

Москва
РОСПЭН
2007

ББК 87.3 (0)
Д 53

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 06-03-16076

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), П.П. Гайденок, И.Л. Галинская,
В.Д. Губин, Б.Л. Губман, Ю.Н. Давыдов, Г.И. Зверева,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова,
А.К. Сорокин

Научные рецензенты:

доктор философских наук, профессор В.В. Васильев
доктор философских наук, профессор Т.Б. Длугач
доктор философских наук, профессор С.А. Чернов

Научный редактор И.И. Ремезова
Художник П.П. Ефремов

Дмитриева Н.А.

Д 53 Русское неокантианство : «Марбург» в России. Историко-философские очерки. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 512 с. (Серия «Humanitas»).
ISBN 978-5-8243-0835-8

В монографии исследуется процесс рецепции и трансформации кантовского критицизма в России в конце XIX — первой половине XX в., реконструируется феномен русского неокантианства, изучается влияние марбургского неокантианства на русскую культуру и вклад русского неокантианства в универсум критической философии. Исследование основано на анализе документальных материалов, обнаруженных в архивах и библиотеках России и Европы, а также в ряде личных архивов.

Книга представляет интерес для историков философской мысли, философов и читателей, интересующихся историей русской и европейской культуры.

ББК 87.3 (0)

ISBN 978-5-8243-0835-8

© Левит С.Я., составитель серии, 2007

© Дмитриева Н.А., текст, 2007

© «Российская политическая энциклопедия», 2007

Эти предварительные слова не просто дань традиции. Они были бы совершенно излишни, если бы не три обстоятельства.

Первое. Эта книга появляется в особых идеологических условиях. Российская мысль только что пережила период переоткрытия русской философии. С одной стороны, еще живы воспоминания об эйфории от первого знакомства с идеями Владимира Соловьева, Бердяева, Розанова... — остальные имена читатель прибавит по вкусу. С другой, — все еще актуально происходящее отвержение всего, что хотя бы отдаленно напоминает марксизм. Ни то, ни другое не способствует взвешенному «остраненному» рассмотрению каких бы то ни было идейных явлений, особенно — исторических событий и фактов, только недавно ставших историей. Казалось бы, уже столетие протекло с тех времен, когда любые неокантианские новации воспринимались как откровение. Но все еще свежи впечатления от тогдашних философских битв, оставивших заметный след в российской культуре. Ситуация поляризации не способствует обретению научной объективности особенно в тех случаях, когда обсуждению подлежит столь странное явление, каким казалось и бесспорно было русское неокантианство.

Второе. Не только странность, но и уникальность характеризует русское неокантианство. Во времена, когда «игралища таинственной игры, / Метались смущенные народы», вдруг явился «двух станом не боец» и поставил политически ангажированных современников (да и нынешних исследователей) в тупик: к какой идейной позиции отнести русских неокантианцев, чьи общественно-исторические позиции разнились во многих случаях радикально? Общая мировоззренческая составляющая русского неокантианства не дает возможности вынести однозначный вердикт относительно места этого духовного явления в истории до- и пореволюционной России. Еще более загадочным оказывается «советское» латентно-«катакомбное» неокантианство, существование которого в постреволюционной России пока все еще едва ли поддается рациональному объяснению.

Третье. Состояние источников, которые позволили бы получить по прочтении законченную картину русского неокантианского философствования, на какую вправе были бы рассчитывать читатели, таково, что еще несколько поколений исследователей будет кропотливо по крупицам собирать, как мозаику, разрозненный материал в разных частях интеллектуальной Вселенной. Начало было положено стараниями людей, по обе стороны границы беззаветно хранивших архивы и воспоминания. Так что теперь можно сказать: дело не безнадежно. Но это лишь начальная стадия в разработке и получении ценнейших сведений, которые сохраняют для исследуемой темы первостепенное значение.

Все эти обстоятельства определяют специфику этого труда — три особенности его содержания и формы:

Во-первых, работа носит не чисто исторический, а историко-теоретический характер: приходится фактические лакуны заполнять гипотезами, а теоретические — интерпретациями развития философских идей и самого исторического процесса;

Во-вторых, из сказанного выше следует, что еще не настало время для создания полной исторической панорамы присутствия неокантианских мотивов и образов в сознании российских интеллектуалов, из-за чего изложение неизбежно распадается на фрагменты, иной раз более полно, иной раз лишь схематично обозначающие контуры будущей картины;

Наконец, в-третьих, история неокантианства вообще и русского неокантианства в особенности в значительно большей степени, чем какое-либо другое явление духовной жизни рассматриваемой эпохи характеризуются метафорой *прерванный полет*: в повороте судьбы неокантианства есть некая тайна. Завеса над этой тайной приподнимется только в том случае, если удастся правильно поставить те роковые вопросы, которые до сих пор оставались не только без ответа, но и без допускающей отчетливый ответ формулировки. Достигнутый уровень понимания социального и философского развития человечества в XX в. пока еще не позволяет раз навсегда обозначить ту ступень и нишу, которую заняло в этом развитии неокантианство. До сих пор нет ответа на вопрос: почему критико-рационалистическая философская и научная картина человека и мира, представленная неокантианцами, почти на столетие была забыта и, по общему убеждению (предубеждению?), не оказала заметного влияния на философию XX в. Я убеждена, что ответ удастся получить *только* в том случае, если эта остановленная на лету философия сумеет войти со всей своей якобы архаичной проблематикой в актуальность идейной жизни и философской мысли. Непройденные познавательные пути заставляют вернуться даже в том случае, если это — тупиковый путь интеллек-

туального лабиринта. Такова жестокая закономерность познания и плата за познавательные успехи.

Книга, которую держит перед собой читатель, — одна из попыток взглянуть на незаконченную историю русского неокантианства с двойкой точки зрения: во-первых, с высоты «птичьего полета», который легко обнаруживает белые пятна и скрытые в тумане времен очертания интеллектуального пейзажа; во-вторых, сквозь призму личных событий и судеб отдельных персонажей, заполнивших конкретным содержанием процесс существования того, что получило название русского неокантианства, и в чем легко увидеть ростки неизбежного, на мой взгляд, возврата двадцать первого века к той части философского наследия, которая представлена «русским Марбургом».

Что и говорить, беспрестанно менять ракурсы — это и для более совершенной интеллектуальной оптики, чем та, которой располагает сегодняшняя историко-философская наука, нелегкая задача. Из этих кратких заметок перед прочтением книги должно, как мне кажется, стать ясным и то, почему я не прошу прощения за жанровую неопределенность этой книги (ненаписанная история русского неокантианства пока ни в чем ином, кроме отдельных *очерков*, не существует), и то, почему я поддалась искушению предварить сам текст этими вступительными словами: не для того, чтобы в традиционном духе просить снисхождения у читателя, а для того, чтобы вместе с ним проникнуться сложностью задач и этих сложностей не испугаться.

***

Это исследование и книга никогда не были бы осуществлены без помощи и поддержки самых разных людей. С бесконечной любовью я вспоминаю Анну Аркадьевну Гареву (4.12.1918 — 12.09.2002), ученицу и близкого друга Б.А. Фохта, которая спасла и многие десятилетия трепетно хранила архив философа. С ее выступления в честь 120-летия со дня рождения учителя весной 1995 г. на кафедре философии Московского педагогического государственного университета (МПГУ) начинается история моего исследования. Я безгранично признательна дочери А.А. Гаревой — Наталье Михайловне Морозовой за трогательную преданность, память и помощь в работе с архивом.

За предоставленные материалы из архива Г.О. Гордона, воспоминания и неизменную отзывчивость сердечное спасибо Ирине Гавриловне Гуровой (урожд. Гордон).

Инициатором этого исследования и моим философским Учителем в университете, аспирантуре и докторантуре был профессор

Юрий Алексеевич Муравьев, чья мудрость, терпение и постоянная отеческая забота и помощь направляли и вдохновляли меня. Спасибо Вам!

Я искренне признательна профессору Людмиле Александровне Микешинной, которая долгие годы была бессменным руководителем кафедры философии МПГУ и всегда поддерживала мои начинания; профессору Виталию Львовичу Махлину за ценные рекомендации и бескорыстное содействие при работе над неокантианскими сюжетами, а также профессору Владимиру Николаевичу Белову (Саратов), докторам Майе Евгеньевне Соболевой (Марбург), Татьяне Геннадьевне Щедриной (Москва) и Ивану Ивановичу Козлову (Москва) за дружеские советы и неизменную поддержку. Сердечное спасибо Александру Николаевичу Аверюшкину, Сергею Михайловичу Соловьеву и Елене Михайловне Шемякиной за неоценимую помощь при работе с литературой и всегдашнее искреннее участие ко мне.

Спасибо сотрудникам архивов: ГАРФ, ЦИАМ, ЦМAM, РГАЛИ, РГИА, Staatsarchiv Marburg (Германия), отдела рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), библиотеки Института философии Национальной академии наук Украины (Киев, Украина), отдела рукописей и отдела «Русского зарубежья» Российской государственной библиотеки (Москва) и лично Ольге Ивановне Карабаньковой за внимательное отношение и профессиональную помощь.

Благодарность и признательность я выражаю западным коллегам: профессору Юргену Штольценбергу (Stolzenberg) (институт философии, Университет Мартина Лютера, Галле/Виттенберг, Германия) за приглашение для научной работы в Галле, ценнейшие указания о состоянии современного неокантиановедения и всемерную помощь; профессору Штефану Плаггенборгу (Plaggenborg) (факультет восточно-европейской истории, Университет ландграфа Филиппа, Марбург, Германия) за приглашение для архивных исследований в Марбург и деятельную поддержку моего проекта по русскому неокантианству; профессору Лазарю Соломоновичу Флейшману (Fleishman) (кафедра славянской литературы и языков, Стэнфордский университет, США) за внимание к моему исследованию и содействие его продвижению; д-ру Бернду Райфенбергу (Reifenberg), директору отдела рукописей библиотеки Марбургского университета, за создание самых благоприятных условий для работы с материалами архива Пауля Наторпа; д-ру Сергею Дорцвайлеру (Dorzweiler), сотруднику библиотеки факультета славянских языков Марбургского университета, за неизменную помощь, предоставленные материалы и книги.

За финансовую поддержку всех моих проектов по истории русского неокантианства я благодарна Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) (Москва).

Спасибо Gerda-Henkel-Stiftung (Дюссельдорф, Германия) за финансовую поддержку архивных разысканий в Германии, — прежде всего, в университетской библиотеке Марбурга и Гессенском государственном архиве (Hessisches Staatsarchiv Marburg).

Самые теплые слова благодарности я адресую моим дорогим родителям Галине Павловне и Анатолию Петровичу Дмитриевым. За понимание, неизменную поддержку и терпение я сердечно благодарна моему мужу Алексею Александровичу Коршенинникову и его маме Лидии Павловне.

Исторические судьбы неокантианства могли бы составить сюжет интеллектуального детектива. При общем взгляде на философский путь, пройденный XX столетием, не покидает ощущение недосказанности и незавершенности в неокантианской истории, отсутствия логического конца в судьбе этой доктрины.

XX век начинался бурным расцветом неокантианских школ и доктрин. К началу 1920-х годов неокантианство стало «единственной философией», снискавшей «мировое признание»¹. Однако уже в конце этого десятилетия ситуация изменилась. Встреча в Давосе Кассирера и Хайдеггера ознаменовала собой отход от критицизма и рационализма в сторону экзистенциалистской мистики и лингвоориентированного философствования. Легко было бы предположить, что история неокантианства завершена. Между тем эта история изобилует возвратами и повторениями. Конец XX в., казалось бы, совершенно погруженный в контекстные интеллектуальные штудии постмодернистов, в итоге пришел к философской классике в ее неокантианском или, точнее, в марбургском варианте². После того, как каприз философской моды довел до абсурда преклонение перед кажущейся тождественностью реальности и текста, — внезапно обнаружилось, что разум и смысл не потеряли своих позиций, рациональность сохранила свои завоевания, а культурфилософия Марбургской школы способна в обновленном виде увлечь умы философов, преодолевших искус постмодернизма. Неофундационизм не нашел себе других пред-

¹ *Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne. Zwölf Vorlesungen. Frankfurt a. M., 1988. S. 170.

² См.: *Sieg U.* Aufstieg und Niedergang des Marburgen Neukantianismus: die Geschichte einer philosophischen Schulgemeinschaft. Würzburg, 1994. S. 5 (далее цитируется как *Sieg 1994* с указанием страниц); *Krijnen Ch.* Neukantianismus. Lesehinweise // Information Philosophie. 32. Jg., H. 1. 2004. S. 48; *Flach W., Holzhey H.* Einführung // Erkenntnistheorie und Logik im Neukantianismus. Textauswahl. Hildesheim, 1979. S. 10 (далее цитируется как *Flach, Holzhey 1979* с указанием страниц).

шественников, кроме критико-рационалистически ориентированных последних классиков неокантианской мысли.

Актуализация неокантианской проблематики в конце XX — начале XXI вв. выразилась прежде всего в появлении большого числа историко-философских исследований, посвященных как истории неокантианского движения в целом, так и отдельным идеологам этого движения³. Исследования 1970-х годов в архиве Германа Когена (Цюрих, Швейцария) дали начало изданию *первого* собрания сочинений Германа Когена⁴. В последнее десятилетие предпринято издание *полного* собрания сочинений Эрнста Кассирера, которое выходит в Гамбурге в двух редакциях: архивных рукописей и текстов⁵ и ранее опубликованных, но разбросанных по различным, в том числе малотиражным, изданиям произведений⁶. И в Германии, и далеко за ее пределами ежегодно выходят сборники, монографии и статьи о марбургском неокантианстве⁷. Оказалось, что это интеллектуальное движение вызывает не только историко-философский интерес, но обнаруживает неиссякающий идейный потенциал в решении современных проблем познания, философии культуры, этики и эстетики, что позволяет говорить о «переоткрытии и реабилитации»⁸ неокантианства в конце XX в.

³ Рассмотрение всей массы исследовательской литературы, в том числе использованной в настоящей работе, потребовало бы отдельного тома. «Точкой отсчета» в новейшей истории неокантианства на Западе можно назвать конференцию «Неокантианство. Перспективы и проблемы» (1991) (Трир, Германия), по результатам которой был опубликован первый том серии «Studien und Materialien zum Neukantianismus» под ред. Хельмута Хольцхайя (Holzhey) и Эрнста Вольфганга Орта (Orth): *Neukantianismus: Perspektiven und Probleme*. Würzburg, 1994. Подтверждением возникшего международного интереса к философии неокантианства, и что особенно важно — философии неокантианства Марбургской школы, — можно считать и два других сборника, вышедших в начале 1990-х: *Philosophisches Denken — Politisches Wirken*. Hermann-Cohen-Kolloquium Marburg 1992. Hrsg. von R. Brandt und F. Orlik. Hildesheim 1993, и *Il canocchiale. rivista di studi filosofici*, n. 1/2: *I filosofia della scuola di Marburgo*. Napoli, 1991. Это были, разумеется, далеко не первые работы, посвященные неокантианству. Своеобразной «результатирующей» исследований по философии неокантианства во второй половине XX в. (с 1963 по 1985 гг.) можно считать сборник «Materialien zur Neukantianismus-Diskussion» (Hrsg. von H.-L. Ollig. Darmstadt, 1987).

⁴ *Cohen H. Werke*. Hrsg. vom Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von Helmut Holzhey. Hildesheim — Zürich — New York, 1977—.

⁵ *Cassirer E. Nachgelassene Manuskripte und Texte*. Hrsg. von John Michael Krois und Oswald Schwemmer. Hamburg: Meiner, 1995—.

⁶ *Cassirer E. Gesammelte Werke*. Hrsg. von Birgit Recki. Hamburg: Meiner, 1998—.

⁷ См. раздел «Исследования о марбургском неокантианстве» в списке литературы.

⁸ *Stolzenberg J. Ursprung und System. Probleme der Begründung systematischer Philosophie im Werk Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger*. Göttingen, 1995. S. 3. В дальнейшем цитируется как *Stolzenberg* 1995 с указанием страниц.

Исследования ранее неизвестных текстов из архивов Когена, Наторпа и Кассирера, предпринятые западными исследователями Х. Хольцхайем, Ю. Штольценбергом, Дж.М. Кройсом, У. Зигом и др., способствуют раскрытию и заполнению лакун не только в истории Марбургской школы, но и в истории идей вообще; вводят в философский актуалитет некогда утраченные идеи и методологические решения, в результате чего происходит корректировка существовавших до сих пор представлений о неокантианских философских системах и особенностях их развития и функционирования; предлагают новый ракурс для всех последующих исследований по истории и философии марбургского неокантианства и, в конечном итоге, — заставляют считаться с результатами этих исследований при построении современных концепций.

В многочисленных современных западных исследованиях обращает на себя внимание чрезвычайное многообразие затрагиваемых в них проблем. От обобщающих работ по истории неокантианства в целом (Кл. К. Кёнке, К. Вухтерль) и его Марбургской школы (У. Зиг) — до проблемно заостренных исследований, посвященных, например, центральному понятию философской системы Когена — понятию «первоначала» (*Ursprung*) (В. Флах) — и выяснению его функционально-методологического значения в философской системе Марбургской школы через призму намеренно скрываемых разногласий, существовавших по этому вопросу внутри «школы» между Когеном и Наторпом (Х. Хольцхай, Ю. Штольценберг); «наукоучению», то есть теории познания и науки марбургского неокантианства (Г. Эдель, В. Маркс, Кл. К. Кёнке, М. Джованелли), и развитию этой концепции в трудах учеников Когена, например, — Вальтера Беньямина (А. Дойбер-Манковская); философии религии Г. Когена (Х. Хольцхай, У. Зиг, А.-К. Хаке, М. Цанк, Г. Пальмер, А. Пома, Э. Гамба, П. Фьорато, Р. Мунк); особенностям развития историко-философской проблематики, в частности, рецепции учений Платона (К.-Х. Лембек, Г. Эдель) и Гегеля (Х. Хольцхай, Ю. Штольценберг, К. Крамер, Р. Виль) в марбургском неокантианстве; эстетической теории Г. Когена (А. Пома); проблеме рациональности в философии культуры Марбургской школы (У. Ренц, Х. Лёнс); «антропологическому повороту» в марбургском неокантианстве и различным аспектам философского учения Э. Кассирера (Э.В. Орта, М. Хинш, Х. Петцольда, М. Феррари), в том числе — «раннего» Кассирера (М. Феррари); педагогическим и социально-политическим взглядам Наторпа и возможности их теоретико-философского обоснования (Н. Йегелька); формированию понятий философии права в марбургском неокантианстве и существовании научной полемики между Когеном, Наторпом и Штаммлером

(Кл. Мюллер, М. Пашер, Ст. Паульсон, П.А. Шмид, Ф.-Й. Вец); философским идеям «позднего» Наторпа — их значению в истории философской мысли XX века в контексте философского «бытия» Кассирера, Гуссерля, Гадамера, Хайдеггера, Левинаса (Ю. Штольценберг, К. фон Вольцоген, М. Феррари).

В последние годы оживился интерес к марбургскому неокантианству не только в Германии и Италии, но и во Франции⁹ и в англо-американском философском сообществе¹⁰, а также в России, где за прошедшее десятилетие появились обобщающие работы по истории марбургского неокантианства (В.Н. Белов) и исследования, посвященные отдельным философским проблемам в этом течении: рационализму и «научоцентризму» (П.П. Гайденко), понятию бесконечно-малого (Т.Б. Длугач), философии символических форм (А.А. Кравченко, Ю.А. Муравьев, М.Е. Соболева и др.), эстетической теории Г. Когена (Т.А. Акиндинова). В.А. Куренным переиздан ряд работ П. Наторпа, перевод которых на русский язык был выполнен в начале века XX в. В.Н. Беловым подготовлен к изданию *первый* русский перевод сочинения Г. Когена «Кантовская теория опыта» («Kant's Theorie der Erfahrung»). В рамках международной конференции «Социальная память и власть» (Саратов, 2002) состоялось обсуждение некоторых аспектов философского учения Г. Когена (Т.Б. Длугач, А. Пома, Х. Видебах, Э. Гамба), проблемы его архива (В.Н. Белов), актуальности его идей в начале XXI в. (Г. Эдель), рецепции его идей в России в первой половине XX в. (Л.Н. Столович)¹¹.

Современные историко-философские исследования показали таким образом ошибочность общепринятого мнения о неокантианстве как локальном, чисто немецком интеллектуальном явлении. Оказалось, что феномен неокантианства намного богаче, чем это до недавнего времени рисовалось большинству историков философии и культуры. Идеи этого философского течения распространились по всей толще философской рефлексии, формируя различные национальные неокантианские школы и придавая тем

⁹ См. работы И. Тома-Фожьель (Thomas-Fogiel), Э. Дюфура (Dufour), А. Лакса (Laks), А. Филоненко (Philonenko), переводы на французский язык неокантианских текстов, посвященных теории познания, М. де Лонэ (Launay), А. Лакса и И. Тома-Фожьель.

¹⁰ См., напр., работы С. Люфта (Luft), Ст.Л. Паульсона (Paulson), А. Кима (Kim), М. Фридмана (Friedman), М. Цанка (Zank), В. Клубака (Kluback), С. Фишера (Fisher), Дж. М. Кройса, В. Дитриха (Dietrich), перевод с немецкого историко-философского исследования Кёнке Р. Холлингдэйлом (Hollingdale), и важнейшей работы Пауля Наторпа (Natorp) о Платоне В. Политиса (Politis) и Дж. Конолли (Connolly).

¹¹ Оpubл. в сб.: И. Кант, неокантианство и Г. Коген / Под ред. В.Н. Белова. Саратов, 2004.

самым своему истоку — немецкому неокантианству — поистине всемирно-историческое значение. Однако эта мысль до той поры будет нуждаться в доказательствах, покуда не будет во всей полноте обрисовано историческое богатство, разнообразие и тонкая вариативность отдельных ответвлений неокантианства в европейской и мировой философской традиции.

До сих пор, например, остается непроясненной степень влияния неокантианства — и прежде всего его Марбургской школы — на становление и развитие российской философии и на русскую культуру в целом. Долгое время из проблемного поля историко-философских исследований выпадало творчество мыслителей, непосредственно связанных с немецкими университетскими центрами этого движения. Внимание уделялось в основном учениям представителей так называемого русского *академического* кантианства — А.И. Введенского, Г.И. Челпанова и И.И. Лапшина. Истекшее десятилетие ознаменовано, однако, первыми исследованиями «новой волны», посвященными вопросам распространения и трансформации неокантианства на русской почве. Среди них — как работы российских исследователей А.И. Абрамова, М.В. Безродного, В.Н. Белова, И.О. Бредихиной, Т.Б. Длугач, А.А. Ермичева, А.Н. Малинкина, В.Л. Махлина, С.А. Ненашевой, С.Н. Погодина, В.В. Сапова, С.А. Чернова, так и западных — Р. Крамме, Б. Пуля, Л. Флейшмана, С. Дорцвайлера, Х.-Б. Хардера, А. Цинк, М. Депперманн, Дж. Уэста, А.Д. Сиклари, а также первые публикации текстов из философских архивов некоторых русских неокантианцев, таких как Б.В. Яковенко¹², Б.А. Фохт¹³, М.И. Каган¹⁴, С.И. Гессен¹⁵, Ф.А. Степун¹⁶, Б. Кистяковский¹⁷, а также философского наследия Б.Л. Пастернака¹⁸.

¹² Яковенко Б.В. Мошь философии / Сост., перев., вступ. ст., комм. А.А. Ермичева. СПб., 2000; Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. М.Ф. Солодухиной / Общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. М., 2003; Яковенко Б.В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте / Сост., вступ. ст. А.А. Ермичева. СПб., 2004.

¹³ Фохт Б.А. Избранное (из философского наследия) / Публ., предисл. и комм. Н.А. Дмитриевой. М., 2003.

¹⁴ Каган М.И. О ходе истории / Ред.-сост. В.Л. Махлин. М., 2004.

¹⁵ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М., 1995; Гессен С.И. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкого, Н. Чистяковой, вступ. ст. А. Валицкого. М., 1999.

¹⁶ Степун Ф.А. Сочинения / Сост., вступ. ст., примеч. и библиограф. В.К. Кантора. М., 2000.

¹⁷ Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб., 1999.

¹⁸ Fleishman L., Harder H.-B., Dorzweiler S. Boris Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака. В 2-х т. Stanford, 1996.

Большая часть работ по русскому неокантианству носит *историко-философский, дескриптивный* характер. Исследователи чаще всего ограничиваются изучением или отдельных эпизодов неокантианской истории на русской почве, или персоналий, в особенности тех, чьи идеи или деятельность имели общественный резонанс: С.И. Гессена, Ф.А. Степуна, Б.В. Яковенко, — создателей русскоязычной версии журнала «Логос»¹⁹. Однако можно уже говорить о первых попытках историко-*философского* анализа феномена русского неокантианства (А.И. Абрамова, В.Н. Белова) и о появлении в этой связи проблем интерпретации²⁰.

Однако до сих пор остаются на периферии исследовательского внимания яркие и значительные для русского неокантианства фигуры Н.Н. Алексеева, А.В. Вейдемана, Б.П. Вышеславцева, Г.Э. Ланца, С.Л. Рубинштейна, В.А. Савальского, В.Э. Сеземана и др. По-прежнему не решен вопрос о месте и значении неокантианского движения в идейной истории России первой половины XX в.

Ныне нет никаких сомнений в том, что неокантианство было и остается явлением интернациональным, притом таким, которое не ограничивается лишь *трансляцией* своего влияния на новые географические пространства. Исторiku философской мысли крайне поучительной представляется та серия *трансформаций*, которая на разных национальных почвах реализуется по отношению к неокантианской традиции. Пример тому — марбургское неокантианство на *русской* почве.

***

В исследованиях, посвященных генезису философской традиции, методологически неизбежно приходится редуцировать философскую систему, давшую начало традиции, к некоторой теоретической константе, концептуальному ядру, которое, испытывая исторические трансформации, оставалось бы неизменным с точки зрения своих эссенциальных свойств и тем утверждало свою связь с первоисточником. Для *кантианства вообще* таким ядром стала проблема «вещи самой по себе» как объективно общего и умопостигаемого, вопрос об антиномичности идей чистого разума и проистекающей из нее диалектики, трансцендентальный метод, критицизм, рационализм и в качестве социальной позиции — просветительство.

Марбургские неокантианцы усвоили самую суть кантианской философии, хотя и отошли, как известно, от Канта в главнейшем

¹⁹ См. работы М.В. Безродного, А.А. Ермичева и В.В. Сапова.

²⁰ Подробнее см. далее: «Очерк первый. 5.2».

пункте — в вопросе о бытии «вещей самих по себе». Полемизируя с Кантом, марбуржцы показали, что в ощущениях предмет дается неопределенно и субъективно. Объективировать его — в этом-то и состоит задача познания. Таким образом, «вещь сама по себе» не исчезает из неокантианской теории, но превращается в идею или регулятивный принцип для объединения данных опыта. Отказываясь от онтологического толкования проблемы данности, Герман Коген решил эту проблему методологически. Центральным понятием для возрожденного кантианства стало понятие «опыт» (*Erfahrung*). Именно в системе трансцендентального опыта проблема данности нашла новый смысл и объяснение.

Со времен Канта критическую мысль питали открытые им антиномии чистого разума. Исходя из вопроса «как возможно...?», неокантианцы показали, с одной стороны, принципиальную неразрешенность Кантом найденной им антиномичности, с другой, — путь для решения этой проблемы: то, что неразрешимо онтологически и метафизически, разрешимо методологически, а именно — диалектически. Обогащенное гегелевской диалектикой мирового духа и полузабытым к середине XIX в. платонизмом, а именно — учением Платона об идеях, лишенным, однако, его онтологической основы, неокантианство смогло найти объяснение необыкновенному успеху естественных наук в новейшее время.

Драма неокантианства заключалась в том, что обращение к социально-философской проблематике на основе кантовского просветительского идеала лишало неокантианских философов возможности решить вопрос социального обновления. На рубеже XIX–XX вв. кантовский «ответ на вопрос», игнорирующий путь практического (революционного) преобразования экономической жизни, не мог быть достаточно эффективным. Слабость просветительской концепции неокантианства отчетливо проявилась в социально-философских работах П. Наторпа, где философ приходит к мысли о том, что не чистая наука, не методология, а этическое и эстетическое воспитание народа и есть искомый путь преобразования общества²¹.

Это, тем не менее, не умаляет той интеллектуальной и исторической роли, которую сыграло неокантианство в эпоху *fin de siècle*. Неокантианцы возродили и утвердили интеллектуальную традицию, ядром которой стал кантовский критический метод. Для неокантианцев он означал, прежде всего, скептицизм, рационализм

²¹ Ср.: «Отнесение социального вопроса к хозяйству как верховному принципу, и даже исключительно решающему, привело к ложному пути. <...> ошибку исправляет только одно внимание к человеку, то есть к воспитанию». См.: *Наторп П. Социальный идеализм* // *Каган, О* *О ходе истории*, 98.

и антиномизм. Последующие эпохи дополнили этот метод социальной составляющей.

С 20-х годов XX в. неокантианство уходит со сцены европейского философствования — его место занимают экзистенциализм и аналитическая философия, а в области социальной теории одно из главных мест среди новейших философских течений получает марксизм, причем, не только в России, где он скоро и на долгие годы превратился в собрание мертвящих догм, но и на территории бывшей Австро-Венгрии и Германии, где был представлен работами, прежде всего, Д. Лукача и Франкфуртской школы.

Отказ от неокантианства не сопровождался сколь-нибудь заметными интеллектуальными баталиями²², но проходил в соответствии с логикой смены научных парадигм, открытой и описанной Т. Куном: не испытывая никакого идейного давления извне и не страдая от значимых внутренних противоречий, неокантианская теория исчезла с философского горизонта, что фактически совпало с физической смертью ее создателей — Г. Когена в 1918 г. и П. Наторпа в 1924 г. Претерпев ряд трансформаций, неокантианство сохранялось и развивалось преимущественно в области философии культуры во многом благодаря личным усилиям Э. Кассирера, который в эти годы опубликовал трехтомную «Философию символических форм» (1923–1929), принесшую ему славу философа-классика, а позднее — «Опыт о человеке» (1944), ставший в США на долгие годы философским бестселлером.

В целом же философия XX в., представленная на последнем этапе своего исторического развития постмодернизмом, постепенно все дальше уходила от оснований, предложенных кантианством. Апофеозом этого ухода и одновременно заключительным эпизодом в развитии постмодернизма стало возрожденное ницшеанство, сторонниками которого были последователи Ж. Делёза и Ж.-Ф. Лиотара, на гребне лингвистического поворота провозгласившие возрождение риторики и полный крах философского фундационизма.

Судьба марбургского неокантианства ни в коем случае не исчерпывается, однако, только западноевропейской историей. Известно, что его идеи в начале XX в. достигли берегов Северной

---

²² Пожалуй, можно назвать только одну такую дискуссию — знаменитый семинар Э. Кассирера и М. Хайдеггера в Давосе (17 марта — 6 апреля 1929 г.), который впервые после Первой мировой войны собрал вместе немецких и французских интеллектуалов вокруг темы «Что такое человек?». Дебаты между Кассирером, уже подготовившим к печати третью часть «Философии символических форм», и Хайдеггером в момент публикации им работы «Кант и проблема метафизики» разворачивались вокруг вопроса о кантовском схематизме.

Америки и даже Японии. Проникнув в Россию на рубеже XIX – XX вв., оно заняло прочные позиции в умах молодых российских ученых, жаждущих фундаментального, систематического и методологически обоснованного знания, способного объяснить шквал естественно-научных открытий и набирающий темпы научно-технический прогресс. Русские неокантианцы признавали в учении Канта «школу философского мышления» и в качестве эталонной (интенционально и идейно) позицию своих учителей. Однако традиция кантианства на русской почве этим не исчерпывалась. В чем заключалось ее своеобразие?

Семена кантовского критицизма и рационализма упали на хорошо подготовленную почву российской *интеллигентской* традиции. Эта традиция складывалась на основе позиции протеста, возникающего по отношению к властям у российского интеллигента – интеллектуала, тонко чувствующего угнетение, духовную несвободу и собственную ответственность за судьбы общества. В борьбе с идейной несвободой российская интеллигенция выработала свое особое оружие – эзопов язык – и широко им пользовалась, начиная с конца XVIII в., вплоть до революций 1917 г. После недолгого периода, длившегося приблизительно до середины 1920-х годов, освежившего и до известной степени раскрепостившего интеллектуальную атмосферу, российским интеллигентам пришлось возродить свое умение пользоваться эзоповым языком. И мастерство владения этим оружием со временем приобрело витальное значение... Экзистенциальный опыт духовного сопротивления был не чужд и самому Канту, который тоже боролся с несвободой – несвободой двоякого рода: с одной стороны, с государственно-религиозным догматизмом, а с другой, – с догматизмом философско-метафизическим.

Даже небольшого «освежения» духовной атмосферы после смерти Сталина оказалось достаточно для появления в российской философии имен европейского масштаба (П.В. Копнин, Э.В. Ильенков, М.А. Лифшиц, Ю.И. Семенов), а для философской теории – кантовскими и неокантианскими вопросами «как возможно...?». Эти вопросы, а именно вопросы о том, как возможна философия, дух, культура... – вопросы, которые подготовили «антропологический поворот» внутри марксистского философствования, первыми на заре советской «оттепели» подняли два мыслителя – М.Б. Туровский и П.В. Копнин, оба ученики марбургского неокантианца Б.А. Фохта...

Критический вопрос «как возможно...?» в это же время стал новой поворота к критицизму во всей европейской философии. Хотя этот поворот произошел, видимо, без идейного влияния российских философов П.В. Копнина, М.Б. Туровского или

Э.В. Ильенкова²³, он означал событие, произведенное самой логикой развития философской мысли. Еще не известны все звенья этой логики. Можно лишь утверждать, что российская марксистская критика XX в. была замешана на неокантианстве. Происхождение же той или иной идеи здесь возможно установить только на основе биографического метода. Эта страница предыстории современного критицизма может быть освоена при том условии, если удастся прояснить исторические коннотации, которые связаны с латентным существованием «советского» неокантианства.

К концу XX в. критический кантианский метод претерпел существенную трансформацию. Дополненный марксистской теорией, он соединил в себе *рационализм*, или методологический скептицизм, подвергающий все суду разума; *антиномизм*, состоящий в отыскании и разрешении внутренних противоречий явлений; *диалектический марксизм*, основанный на отыскании социальных корней гносеологических противоречий и сопряженный с вопросом об идеологических иллюзиях.

Благодаря такой трансформации и общетеоретическому заряду, который не был исчерпан предшествующим философским развитием, в начале XXI в. в эпоху очередной смены философской парадигмы неокантианство начинает обнаруживать свою действительную силу. Отказ от постмодернизма, выраженный в формуле: «Ницше умер в 1900 году, а в 2000-м умер второй раз», обращает современную мысль «назад» к немецкой классической философии в поисках возможного фундамента для философствования. Размышляя о возможном пути последующего философского развития, можно предположить, что в случае возвращения к гегелевской философии путь философской мысли будет лежать через возрожденное неокантианство как критическую и рационалистическую философию культуры.

Неокантианский опыт противостояния тотальному контролю в условиях политарного общества²⁴ непременно понадобится со-

²³ Не примитивизируя реальную жизнь идей, представленных в пространстве советской философии, есть все основания полагать, что интеллектуальная атмосфера, в которой витали идеи последних русских неокантианцев, не могла не захватить всегда чуткого к живым философским веяниям Э.В. Ильенкова, страстно увлеченного в те годы немецким классическим идеализмом. Однако *факты*, подтверждающие эту мысль, пока остаются неизвестными.

²⁴ Под *политарным обществом* я понимаю общество, основанное на общеклассовой частной собственности, приобретшей форму государственной, в котором существует практика постоянного террора государства против всех своих поданных. См.: *Семенов Ю.И.* Философия истории. М., 2003. С. 500–502. В последнее время введенный Ю.И. Семеновым термин «политаризм» приобрел статус полноправного научного термина в рамках всех социальных наук, а также прочно вошел в язык политической публицистики.

временному, в том числе западному миру. Как только современный интеллектual отчетливо ощутит свою духовную несвободу, ему потребуется концептуально более тонкое объяснение этого состояния, чем может предложить ему теория антиглобализма. Такой опыт идейного противостояния, безусловно, берет свое начало в российской интеллигентской традиции. Эта традиция, прошедшая искуc Кантом и неокантианцами, дала в итоге интереснейший результат, в соответствии с которым можно возвести все оживление философской традиции в России к нескольким русским («советским») марбургцам.

Русское неокантианство все еще не раскрыло своего своеобразия, все еще нуждается в адекватной оценке и, наконец, составляет своего рода *terra incognita* в так еще и не написанной истории неокантианской мысли. Это уникальное явление требует специального изучения, которое, я уверена, со временем позволит переосмыслить идейную роль неокантианства в современном мире.

Очерк первый

Истоки. Кант и неокантианцы **Кантианство в Германии и России:** **компаративный анализ**

1. Германия и Россия: социокультурный контекст

Под каким бы углом зрения ни рассматривал исследователь культурно-историческую ситуацию последней четверти XIX в., он непременно отметит многообразие — вплоть до полярности — ее возможных транскрипций. Такая сложность исторического описания этой эпохи объясняется существованием в ней самых разных идейных тенденций, формировавших поле социокультурного напряжения — от экзистенциально-культурального пессимизма до революционно-прагматистского оптимизма. Сложность, однако, не означает невозможность. Если в общих чертах определить идеологическую направленность эпохи *fin de siècle*, можно говорить о постоянно растущем недоверии основным принципам либерализма, завещанным Просвещением современной цивилизации²⁵.

Научные способы освоения действительности теснил мистицизм — миропонимание, адекватное субъективно-психологическому освоению бытия, характерного для переходных эпох²⁶. Но прежде чем в XX в. волна иррационализма захлестнула философское сознание, которое оказалось не в силах предложить разумное объяснение происходящего, в истории развития идей были предприняты серьезные попытки путем создания *новых* философских (не *натурфилософских*!) *систем* восстановить мировоззрительное единство мира и тем самым спасти традицию философской классики. В результате этих идеологических усилий в философском пространстве конца XIX в. появились неокантианские школы, которые во многом отличались друг от друга, но даже не *постановкой* проблем, а, скорее, их *решением* в области познания и культуры. Родиной этих школ была, разумеется, Германия, чье интеллектуальное лидерство было определено всем

---

²⁵ См.: Willey T.E. Back to Kant: The Revival of Kantianism in German Social and Historical Thought, 1860 — 1914. Detroit, 1978. P. 9. Далее цитируется как Willey 1978 с указанием страниц.

²⁶ Панфилов О., Панфилова Н. Мистический дух переходных эпох // Ступени. Философский журнал. 1992. № 2 (5). С. 47.

развитием немецкой классической философии. В атмосфере XIX — начала XX в. представители новых философских течений стремились не только распространить идеи своих предшественников-классиков на еще не освоенные области действительности, но радикально переосмыслить их философию с учетом происшедших изменений в социокультурной реальности.

Возникновение неокантианства можно рассматривать как одну из исторических попыток немецких интеллектуалов преодолеть *кризис самоидентификации философии*, который разразился в немецкой университетской среде с 1840-х годов после «краха» гегелевской философии²⁷.

Философскую арену середины XIX в. историки сравнивают с полем сражения, усеянным телами и осколками²⁸. Идеализм, сильнейшая из немецких философских традиций, казалось, пребывал в полном забвении. Глубоко укорененный в самом духе немецкого мистицизма, протестантизма и пиетизма, он, пройдя через горнило всесторонней критики и «коперниканской революции», был превращен Кантом в светскую этику, основанную на лучших достижениях эпохи Просвещения и гуманизма, и теорию познания, отвечающую актуальному состоянию ньютоновской науки. В учениях «послекантовских» немецких идеалистов-классиков — Фихте, Шеллинга и Гегеля — критический идеализм был абсолютизирован, прозрачный дуализм его системы сведен к более сложным и не всегда ясным монистическим построениям. Эти учения, с одной стороны, казалось бы, устранили «противоречия» и исправили «ошибки» кантовской философии, но, с другой, спровоцировали множество оставшихся неразрешенными вопросов, как, например, вопрос о рациональности реальных вещей. В глазах немецких интеллектуалов они все более выглядели набором «окостенелых формул» (Ф.А. Ланге). Равнодушие, каким была встречена вступительная лекция Шеллинга в Берлинском университете 15 ноября 1841 г., стало безмолвным свидетельством *упадка спекулятивной философии*²⁹.

Влиятельнейшая в первой трети XIX в. философия Гегеля оказалась скомпрометированной, прежде всего, предпринятой в ней «некритической» попыткой утвердить примат теоретической *метафизики* перед естественными науками. Кроме того, гегелевский идеологический радикализм был *политически* «нагружен». Нако-

²⁷ См.: Куренной В.А. Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // «Логос» в истории европейской философии философии: Проект и памятник. Сб. материалов под ред. Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 16.

²⁸ См.: Ziegler T. Die geistigen und sozialen Strömungen des 19. Jahrhunderts. 14. Aufl. Berlin, 1911. S. 352.

²⁹ См.: Willey 1978, 24–25.

нец, гегелевская «ортодоксия» столкнулась с *имманентным* затруднением: она требовала общественно-историческую реальность здесь и сейчас признать реальностью разума³⁰. Не последнюю роль в «крушении» авторитета гегелевской системы сыграла революция 1848/49 г.

Принятая с большим воодушевлением немецким бюргерством, революция потерпела поражение, оставив нерешенными многие проблемы. За ней последовало «десятилетие полицейского разгула», и в немецких университетах, принимавших в революционных событиях живейшее участие, установилась атмосфера политического давления и подозрения. В первую очередь это коснулось большого числа философов, многие из которых, будучи левогегельянами, выступали за изменение общественного устройства. К известнейшим младогегельянам, которым после революции была запрещена академическая деятельность, принадлежали философы Людвиг Фейербах и Арнольд Руге и теолог Бруно Бауэр. Разочарование постигло и правых гегельянцев, которые в основной своей массе принадлежали к либеральному лагерю и со страстью отстаивали национальные интересы. С победой реакции было потеряно убеждение в разумном течении исторического процесса, чем в глазах большинства современников была окончательно дискредитирована гегелевская спекулятивная метафизика истории³¹. Все тяжело страдали от «болотных миазмов пятидесятих годов» (Ф. Ницше).

Полицейский контроль в эпоху реакции был распространен и на вопросы свободы совести. Союз консервативного правительства с новыми протестантскими ортодоксами запустил репрессивный государственный механизм в отношении внецерковных религиозных движений, появившихся в период революции, а также в отношении преподавателей, позволивших себе выступать с позиций атеизма или религиозного скептицизма. От этих мер пострадали, в первую очередь, философы: от них потребовали ограничиться в лекциях вопросами истории философии, а при нарушении этого требования лишали права чтения лекций. Два самых ярких тому примера — случай Карла Прантля и Куно Фишера³².

Правительственное вмешательство в процесс преподавания, политика назначения (вместо выборов) профессоров на должности, всесторонняя государственная, прежде всего идеологическая

³⁰ См.: *Lübbe H. Die politische Theorie des Neukantianismus und der Marxismus // Hermann Cohen / Hrsg. von H. Holzhey. Frankfurt a. M., 1994. S. 229.*

³¹ См.: *Sieg 1994, 27.*

³² *Köhnke K.Ch. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt a. M., 1986. S. 128–129. Далее цитируется как Köhnke 1986 с указанием страниц.*

опека университетов — все это привело к снижению у студентов интереса к философии. Из академической молодежи, 1820-х годов рождения, сформировалось так называемое «скептическое поколение» философов³³, которые избегали любых споров на политические или мировоззренчески щекотливые темы. Будучи студентами, они успели поучаствовать в революционных событиях, потом страдали от душлимой университетской атмосферы, как следствие — отказались от гегелевской системы и разочаровались в спекулятивной философии в целом, что и стало важнейшей причиной «крушения немецкого идеализма». К этому поколению принадлежали такие разные мыслители как Герман Гельмгольц, Куно Фишер, Рудольф Хайм, Фридрих Альберт Ланге, Юрген Бона Мейер, Карл Прантль, Фридрих Ибервег (Ueberweg)³⁴. Все они, за исключением Ланге, постарались уклониться от исследования проблем политической философии и поставили себе целью определить свою академическую дисциплину — философию — как точную науку. Каждый мыслитель фактически оказался перед выбором: или общественное признание, общественный интерес к его учению (как это произошло с философией Шопенгауэра и материализмом), или академическое «право гражданства»³⁵. Следствием академизации и деполитизации университетской философии стала *потеря интереса к философии у образованной публики*. «Нация была сыта философией до отвращения»³⁶.

Вместе с тем период революции и реакции стал временем бурного промышленного переворота и началом объединения Германии, завершившимся в 1871 г. Уже в 1830-х стали появляться промышленные союзы и общества, высшие политехнические школы и коммерческие училища, готовившие кадры для растущей и крепнущей немецкой промышленной буржуазии. «Именно в это время проснулся, наконец, *интерес к естественным наукам*», стоящим «в теснейшей связи с практическими интересами»³⁷. Успехи естествознания показали полную неадекватность претензий философии (=метафизики) с ее архаичными категориями, как,

³³ Köhnke 1986, 147.

³⁴ «Ибервег» — именно такая транскрипция этого имени стала общепринятой. По-русски вышли переводы его «Истории философии», том 1 (1876), и «Истории новой философии» (1890, 1898–1899). Встречающиеся в библиографиях варианты: «Юбервег Ф.», «Ибервег-Гейнце Ф.». В последнем случае слиты в одно два имени — автора очерка Ф. Ибервега и его редактора М. Гейнце (Хайнце, Heinze).

³⁵ Sieg 1994, 29.

³⁶ Treitschke H. v. Deutsche Geschichte im 19. Jahrhundert. T. 5: Bis zur März-Revolution. 5. Aufl. Leipzig, 1908. S. 424.

³⁷ Ланге Ф.А. История материализма и критика его значения в настоящее время. Пер. с нем. Н.Н. Страхова. 2-е изд. СПб., 1899. С. 403. Далее цитируется как Ланге 1899 с указанием страниц.

например, «механизм», «химизм» или «телеология», и идеалистической натурфилософии с ее фантастическими построениями, где алмаз, например, определялся как «кварц, достигший самосознания», — претензий исполнять по отношению к естествознанию руководящую роль, быть «универсальной наукой, определяющей последние основания»... Процесс, получивший название «*онаучивания науки*»³⁸, после смерти Гегеля все стремительнее набирал ход. «Наука» и «опытная наука» стали синонимами. Возникло понимание того, что наука с точки зрения методов представляет собой *исследование*, то есть носит процессуальный характер. Любая теория — лишь «промежуточная станция на пути познания», индуктивно полученная систематизация, которая должна пройти проверку опытом. Появление дисгармонии между теорией и опытом, возможные пробелы или противоречия в теории рассматриваются отныне не как повод для замены естественно-научной теории натурфилософскими построениями, но, скорее, говорят о необходимости очистить теорию от скрытых в ней метафизических элементов. Принцип «опыта» не только динамизирует некогда стационарные системы научных истин, превращая их в *процесс* поиска научных результатов, то есть процесс, обладающий временными характеристиками, но подводит под те же временные характеристики сам предмет естественных наук³⁹. Признание опыта научным критерием, или, другими словами, признание «эмпирической науки» — основной моделью науки, означало в научно-теоретическом смысле превращение *эмпиризма* в главную доктрину⁴⁰. Некритичное поклонение эмпирическому методу произвело на свет грубый философский — «*вульгарный*» — *материализм*, который вскоре стал подлинным мировоззрением эпохи, заменив на этом попрание идеалистическую метафизику.

Это учение приобрело невероятную популярность в европейском обществе. Книга Бюхнера «Сила и материя» (1854) стала бестселлером, выдержав уже к 1898 г. 19 изданий. Подобного успеха в жанре научно-популярной литературы достиг только известный биолог и материалист Эрнст Геккель: его работа «Мировые загадки» (1899) переиздавалась 7 раз в течение двух лет со

³⁸ Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland. 1831 — 1933. Frankfurt a. M., 1983. S. 90. Далее цитируется как Schnädelbach 1983 с указанием страниц.

³⁹ Напр., примат темпорального порядка в биосфере — в эволюционной теории Дарвина; различие между реверсивными и нереверсивными процессами как фундаментальная характеристика происходящего в природе — в термодинамике. См.: Holzhey H. Neukantianismus // Geschichte der Philosophie. Hrsg. von W. Rödl. Bd. XII: Holzhey H., Rödl W. Die Philosophie des ausgehenden 19. und des 20. Jahrhunderts (2). München, 2004. S. 19. Далее цитируется как Holzhey 2004 с указанием страниц.

⁴⁰ Schnädelbach 1983, 108—110.

времени первой публикации. К 1926 г. книга была переведена на 25 языков и разошлась тиражом 400 тыс. экземпляров. Грубый материализм и монизм продолжали преобладать в общественном сознании еще долго после того, как для естествоиспытателей учения Бюхнера, Фогта и Молешотта стали полной архаикой.

С точки зрения развития философской мысли наивный сциентизм 1850-х, отказавшись от диалектического метода как *гегелевского* изобретения, не многим обогатил материализм XVIII в. Подобно своим идеологическим антиподам — идеалистической метафизике и натурфилософии, вульгарный материализм грешил упрощениями и спекулятивными обобщениями. Общеизвестно, что Якоб Молешотт, используя физиологическую аналогию, объяснял мыслительную активность тем, что мозг выделяет мысли так же, как печень выделяет желчь, а Людвиг Бюхнер редуцировал сознание до молекулярных форм...

На съезде ученых-естественников в Гёттингене в сентябре 1854 г. вульгарные материалисты подверглись жесткой критике со стороны своих коллег, но даже не столько за свои физиологические и механистические теории, сколько за их политический и религиозный «подтекст». Многие материалисты были участниками революции, открытыми критиками прусского режима и как минимум — скептиками в вопросах религии, так как отвергали такую важную статью христианской ортодоксии, как независимое существование души... И вскоре им стало трудно сохранять места в университетах: Бюхнер был уволен из Тюбингенского университета, а Молешотт — из Гейдельбергского⁴¹. На своей книге Людвиг Бюхнер в качестве эпиграфа поставил известные слова Людвига Фейербаха: «Специфический признак философа — не быть профессором философии»⁴²...

«Одно следует поставить в заслугу естествознанию этих дней: то, что оно, насколько умело, подняло перчатку, брошенную зазнавшимися врагами *науки*. Нет более верного признака бессилия и унижения философии, как то, что она молчала, когда жалкие любимцы жалких государей хотели прекратить движение мысли»⁴³.

Материализм середины XIX в. хотя и обнаружил несостоятельность в решении важнейших философских проблем, все же оказал огромное влияние на формирование концепций тех ученых, кто, подобно Гельмгольцу, в поисках объясняющей теории вновь обратился к проблеме соотношения науки и философии. Процесс

⁴¹ См.: Willey 1978, 45.

⁴² См.: Бюхнер Л. Сила и материя. Очерк естественного миропорядка вместе с основанной на нем моралью, или учением о нравственности. В общедоступном изложении. Изд-е 2-е. Перев. с посл. 21-го нем. изд-я Н. Полилова. СПб, 1907. Эпиграф.

⁴³ Ланге 1899, 406–407.

переоценки философских основ науки о природе повел их назад к Канту, который оказался подходящим авторитетом в поисках новой теории познания⁴⁴.

Кантовский дуализм был привлекателен не только для естествоиспытателей, но и для защитников христианской доктрины, потому что сохранял «непознаваемую» ноуменальную сферу для регулятивных идей Бога, свободы и вечности, трансцендентных физическим законам, и давал основание для феноменальной сферы, управляемой механическими принципами причинности⁴⁵. Получалось, что люди, занимавшиеся наукой, могли совмещать в себе и научные, и религиозные представления без видимого ущерба для тех и других. В той степени, в какой Кант опроверг притязания метафизики, не отказываясь, в то же время, от последних принципов религии, его учение апеллировало к скептическому настроению поколения, разочарованного в спекулятивной философии, увлеченного естественными науками, но еще не готового всецело отвергнуть привычные представления о трансцендентном⁴⁶.

Следует сказать несколько слов еще о двух важных составляющих общественной жизни периода объединения Германии. Это так называемый «рабочий вопрос», который вмещал в себя целый узел проблем, связанных с классовой борьбой, рабочим законодательством и отношением к нему различных политических сил, и культура.

Неокантианство складывалось в эпоху творческого расцвета немецкой культуры, ее триумфа, главным действующим лицом которого был набирающий силу средний класс. Мощное развитие науки подготовило подлинную революцию в физике в трудах Эйнштейна, Планка и Гейзенберга. Музыка Брамса и Вагнера стала символом целой эпохи, «идеологией» нескольких поколений. В первую очередь это имеет отношение к Вагнеру с его идеей единства мира, синтеза искусств и космической перспективой интуиции и мифа — в знаменитых «тристановых» диссонансах уже тогда можно было различить черты новейшей культуры XX в.

---

⁴⁴ См.: Willey 1978, 25–26.

⁴⁵ Противоречие между выводами естествознания и «потребностями души» стало предметом ожесточенного спора, в котором Карл Фогт отстаивал принципы строго механистического мировоззрения, а Рудольф Вагнер, ссылаясь на ограниченность знания, пытался обосновать возможность веры, спасающей душу и ее бессмертие. Эти попытки Вагнера получили название «двойной бухгалтерии», а сам спор, имевший значительный общественный резонанс, был назван по заголовку одной из книг Р. Вагнера («Der Kampf um die Seele», 1957) «Борьбой за душу». См.: Вундельбанд В. История философии: Пер. с нем. К., 1997. С. 530–535; он же. От Канта до Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Период от Канта до конца XIX века. М., 1998. С. 426–435.

⁴⁶ См.: Willey 1978, 26.

Бурные социально-политические преобразования и сложная партийная борьба во многом определили социальную позицию нарождающегося (марбургского) неокантианства. По сути это был поиск «третьей силы», которая могла бы представить альтернативу одновременно марксизму с его идеей радикального переустройства общества, что пугало средний класс, и имперской идеологии «железного канцлера», с которым зачастую шли на сотрудничество многие либералы даже в таких нелиберальных программах, как *Kulturkampf* или запрещение социалистических организаций. Неокантианский «социализм» был более или менее продуктивным результатом применения кантовской этики к социальным вопросам и своим появлением предоставил общественным политическим силам возможность исправить наиболее серьезные недостатки немецкого либерализма — его узость и неспособность создать социальную философию, выходящую за рамки интересов среднего класса. Благодаря неокантианству возник некий политический альянс между левыми либералами и теми социалистами-интеллектуалами, которые были недовольны доктринерствующим марксизмом (Эдуард Бернштейн, Карл Каутский, Курт Эйсер). Но этот многообещающий союз, способный, казалось, преодолеть бездну недоверия между либералами и социал-демократией, остался исторически невостребованным⁴⁷.

Неокантианское движение со временем затронуло все европейские культуры — от Англии до России.

***

В течение XIX века положение России в мировом историческом процессе определялось в соответствии с моделью общества «догоняющего»⁴⁸ или «имперского (форсированного)»⁴⁹ типа модернизации⁵⁰. Этот вариант модернизации, предпосылки которого за-

⁴⁷ Подробный очерк развития социально-политической ситуации и участия в ней либералов как представителей интересов среднего класса во второй половине XIX в. см.: Willey 1978, 16–22.

⁴⁸ Косулина Л. Г., Ляшенко Л. М. История России. Часть II. Расцвет и закат Российской империи (XIX — начало XX в.). М., 1994. С. 110; Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. > 1917–1922 гг.: Пер. с англ. М., 1997. С. 26.

⁴⁹ Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 29.

⁵⁰ Под модернизацией понимают становление и развитие индустриального общества в какой-либо стране. «Догоняющий» тип модернизации, толчком для начала которой, как правило, являются внешние факторы (вызов стран-соперниц как более мощных и динамичных в экономическом отношении), противопоставлен по сути «органичному» типу модернизации, связанной с внутренним, «естественным» развитием капитализма, характерным в своих основных чертах для ведущих стран Западной Европы. См.: Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 3. М., 1991. С. 195.

кладывались еще в XV–XVI вв., окончательно сложился и остро проявился в России именно к концу XIX в., что отразилось и в традиционной черте российской цивилизации — в ее готовности к «заимствованию» как экономических, так и некоторых социокультурных эталонов ведущих стран.

Кризис культурных традиций XIX в. выразился, прежде всего, в пересмотре позиции «литературоцентризма» в российской художественной жизни. Вся идейная жизнь XIX столетия при отсутствии оформленной философской традиции протекала в рамках литературных жанров, литература подменяла собой едва ли не всю сферу гуманитаристики. В области литературы в XIX — начале XX в. Россия была безусловно мировым лидером. Первый «прорыв» в Европу русского литературного реализма произошел благодаря совершенным по форме новеллам и остро злободневным романам Тургенева. С социальными романами «Анна Каренина» и «Война и мир» Толстого, с религиозно-философскими и «мучительно аналитическими» романами Достоевского, прежде всего «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», в 1880–1890 гг. русская литература получила мировое признание и статус мировой литературы⁵¹. В те же годы в особенности благодаря творчеству Чайковского достигает мировой известности и славы русское музыкальное искусство.

Все проблемы социальной жизни в эту эпоху в России решались под пером писателей и критиков. Литература в этом смысле была единственно возможным способом выражения общественной мысли — от вопросов исторического развития — до проблем государственного управления. Поэтому «партийное» деление происходило фактически по эстетическому принципу. Сначала это были романтики и классицисты; новаторы и архаисты. Затем с появлением разночинцев и началом формирования российской общности (в отличие от «высшего общества» — аристократии) эта дихотомия — западники и славянофилы, демократы и реакционеры, приверженцы «чистого искусства» и «натуралисты» — приобретает более ярко выраженную политическую окраску. К концу XIX в. картина общественной жизни значительно усложняется: появляется множество всевозможных и подчас противоречивых направлений как в области искусства (передвижники и декаденты, реалисты и символисты, затем «кларисты» и «мистики»), так и в сфере политики (народники и марксисты, либералы и монар-

---

⁵¹ *Deppermann M.* Rußland um 1900: Reichtum und Krise einer Epoche im Umbruch // *Musik-Konzepte*. Hrsg. von H.-K. Metzger und R. Riehn. H. 37/38: Skrjabin und die Skrjabinisten II. 1984. S. 61. Далее цитируется как *Deppermann* 1984 с указанием страниц.

хисты). Своеобразный итог этим брожениям подвела революция 1905 г.

Реалистическое искусство — в первую очередь, литература и, затем, «передвижническая» живопись — было безусловным лидером общественной жизни России второй половины XIX в. Художник, который здесь стал больше, чем просто художником, должен был служить общественному идеалу, бороться за него, выражать искусством народные чаяния. Пытаясь подражать прогрессивной литературной практике, под влияние повествовательности и сюжетности попали все виды искусства — даже музыка и лирическая поэзия. В музыкальной сфере главенствующие позиции заняла опера. Инструментальным же и симфоническим произведениям, как правило, предпосылалась литературная программа. — Все это и было проявлением литературоцентризма господствовавшей в русском искусстве «натуральной школы», кризис которой пришелся на 90-е годы XIX столетия.

На фоне той роли, которую играло искусство в России этого периода, вес и значение философии в русском обществе было ничтожным.

Прокатившаяся по Европе волна революций 1848—49 годов совершенно потрясла российского императора, — «социально-психологические и идеологические последствия» этого потрясения «стали для судеб философии в России фатальными»⁵². Николай I лично распорядился провести строгую «ревизию» философии, результатом которой стало «Высочайшее повеление» от 22 июня 1850 г. об «упразднении преподавания философии светскими профессорами» и печально знаменитая сентенция министра просвещения П.А. Ширинского-Шихматова: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен»⁵³. На десять лет (до 22 февраля 1860 г.) были закрыты кафедры философии по всей империи, за исключением Дерптского университета.

Из философских дисциплин уцелели логика и психология, преподавание которых было передано профессорам богословия. Студентам читались также лекции по эстетике, этике, натурфилософии, «энциклопедии права». Эти лекции, в особенности по эстетике, в некотором смысле восполняли пробелы философского образования⁵⁴. Единственным ярким событием этого «бесславного десятилетия» стала защита Н.Г. Чернышевским в 1855 г. диссертации

⁵² Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб., 2003. С.156. Далее цитируется как Пустарнаков 2003 с указанием страниц.

⁵³ Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М., 2005. С. 532.

⁵⁴ См. подробнее: Пустарнаков 2003, 156—161.

ции «Эстетические отношения искусства к действительности», которому было отказано в присуждении степени из-за «опасного вольнодумства»... «Погром университетской философии привел к тому, что уровень профессиональной философии в России значительно понизился, и “гегемония” в этой сфере перешла к неакадемической, “вольной” философии, со всеми ее достоинствами и недостатками: чуткая к общественно-политическим проблемам, <...> “вольная” философия оказывала большое и благотворное влияние на российское общество, но <...> не разрабатывала философии в целом, не занималась такими специальными дисциплинами, как история философии, гносеология, логика, психология. “Вольная” философия не была поэтому ни в коей мере систематической наукой»⁵⁵.

В этих событиях можно увидеть некоторую параллель с ситуацией в германских университетах: идейный кризис в самой философии, идеологический контроль государства, репрессивные меры вплоть до изгнания профессоров из университетов. Но при всем внешнем сходстве, разница все же огромная: за германской философией стояла мощная идейная традиция немецкого классического идеализма, докантовских философских учений и всего мирового философского развития. В России удар пришелся не по интеллектуальной традиции, как бы потерявшей на какое-то время ориентиры, как это было в Германии, а по неوفиту, только-только научившемуся философской грамоте.

На мой взгляд, эпохальными событиями в складывающемся российском интеллектуальном сообществе середины – второй половины XIX в. следует считать две работы – диссертацию Чернышевского (1855) и «Кризис западной философии (Против позитивистов)» Владимира Соловьева (1874). Эти произведения четко обозначили две тенденции будущего российского философствования: критико-рационалистическую и метафизико-мистическую, где роль *идеологического* демаркатора принадлежала позитивизму.

С возвращением философии институционального статуса, что фактически означало снятие с нее идеологического запрета⁵⁶, началась работа по освоению западного философского опыта. И в Россию потоком хлынули идеи позитивистов О. Конта, Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля и вульгарных материалистов⁵⁷.

⁵⁵ Пустарнаков В. Ф. Введение. Методологические и социокультурные предпосылки исследования темы «Фихте и философия в России» // Философия Фихте в России. СПб., 2000. С. 7. Далее цитируется как Пустарнаков 2000 с указанием страниц.

⁵⁶ Правда, не надолго. С покушением Д. Каракозова на Александра II 4.04.1866 г. философия вновь попала под подозрение и контроль властей.

⁵⁷ Первый перевод: Бюхнер Л. Сила и материя, Естественная философия в общедоступном изложении. Пер. с 6-го пополненного и улучшенного изд.-я. М., 1860.

Под непосредственным воздействием идей «первого» позитивизма⁵⁸ формировались взгляды первых российских социологов и теоретиков народничества П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского и в значительной степени — В.В. Лесевича, а также В.А. Зайцева и Д.И. Писарева, которые разрабатывали своего рода «теорию реализма», Г.И. Вырубова и Е.В. де Роберти — двух наиболее последовательных и ярких позитивистов первой волны.

Сциентизм контовского позитивизма сразу и безоговорочно был принят в качестве мировоззренческой установки многими учеными-естественниками — Н.И. Пироговым, Н.А. Умовым, Д.И. Менделеевым, К.А. Тимирязевым, И.И. Мечниковым, И.П. Павловым, И.М. Сеченовым, Н.Е. Введенским, А.А. Ухтомским, В.И. Вернадским и др. — как своеобразный протест против иррационализма академической философии и официальной идеологии православно-мистического толка, что вскоре в трудах этих ученых трансформировалось в систему так называемого «естественнонаучного, или физиологического, материализма». Авторитет в обществе этих ученых был настолько высоким, что термином «позитивизм» с легкой руки В.С. Соловьева в широких околонуучных кругах стали обозначать (преимущественно употребляя его в негативно-нарицательном смысле) все философские учения, ориентирующиеся в своих основоположениях и выводах на положительные науки, то есть, прежде всего, на естествознание. К позитивизму иногда причисляли и проникшее в России на рубеже двух столетий неокантианство⁵⁹...

Мощный историко-научный пафос «первого» позитивизма инспирировал развитие истории и историографии как науки, что нашло яркое выражение в работах таких известных ученых, как Н.И. Кареев, В.С. Иконников, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков. Неожиданно сильное влияние идей Конта обнаруживается в трудах А.С. Лаппо-Данилевского, в методологии истории которого обычно усматривают лишь тесное родство с неокантианством Баденской школы.

Идеи контовского позитивизма коснулись фактически всех интеллектуальных направлений XIX в., в том числе либерализма, в лице, например, К.Д. Кавелина (близкого в определенные периоды своего идейного развития сначала славянофилам, а затем — революционным демократам), и академической философии —

⁵⁸ См. подробнее: Огюст Конт: Взгляд из России / Под ред. К.Х. Делокарова, Б.М. Шахматова. М., 2000.

⁵⁹ «Чистый и характерный трансцендентальный идеалист Коген, решительный враг метафизики и самый настоящий позитивист <...>». См.: Бердяев Н.А. О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75. С. 685.

в первую очередь учений М.М. Троицкого и Н.Я. Грота. «Памятно всем, — писал в 1888 г. В.С. Соловьев, — пылкое увлечение новейшим немецким материализмом в сочетании с французским позитивизмом»⁶⁰.

Случай Троицкого мне представляется весьма интересным, иллюстративным⁶¹. В 1862 — 1864 гг. он был послан в официальную научную командировку за границу, — эта практика возобновилась с восстановлением в университетах философских кафедр, — где слушал лекции в ряде крупнейших университетов Германии: в Йене — Куно Фишера по истории новейшей философии, в Гёттингене — Р. Лотце и Г. Тейхмюллера, в Лейпциге — Г.Т. Фехнера и М. Дробиша. Итогом его поездки стала диссертация «Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии в Англии со времен Бэкона и Локка» (1867). Поразительно, как за время написания этой работы изменилось его отношение к немецкой философии. Если в Германию он отправился метафизиком, симпатизировавшим немецким философам, то по возвращении стал их ярым противником. Даже у Фехнера Троицкий не нашел ничего, кроме «спекуляций и вычислений». Он превозносил и призывал изучать английскую литературу, ругая, чуть не до поношения, германскую философию. Книга, между тем, имела огромный успех как в обществе, так и в среде профессиональных философов, что, по-видимому, было обусловлено ее полемической заостренностью против метафизики, прежде всего религиозной. Однако были и другие мнения. П.Д. Юркевич, А.А. Козлов, В.С. Соловьев считали пренебрежение к немецкой мысли «варварским» и поверхностным, если не продиктованным попросту неграмотностью: Троицкий не владел ни естественно-научной методологией, ни диалектикой теоретического мышления. Е.Н. Трубецкой, знавший его еще будучи студентом, вспоминал:

«...тогдашний московский университетский философ, Матвей Михайлович Троицкий, пользовавшийся авторитетом не только среди студентов, но и среди профессоров, был в высокой степени ограниченный, а при этом и чрезвычайно невежественный в истории философии человек. Он оснащал свои лекции дешевым и плоским глумлением над германскими философами; но в то же время по всему, что он о них говорил, для меня и брата [Сергея] было очевидно

⁶⁰ Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Философская публицистика. М., 1989. С. 347. Далее цитируется как Соловьев 1989 с указанием тома и страниц.

⁶¹ Сведения о М.М. Троицком взяты из очерка: Кондаков И.М. Матвей Михайлович Троицкий: карьера против таланта // Выдающиеся психологи Москвы. Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Ярошевского. М., 1997.

но, что самая азбука немецкой философии была ему совершенно неизвестна. <...> Изругав с безвкусыными шуточками “метафизику”, Матвейка затем очень ясно излагал либо логику Миля, либо современные психологические учения, преимущественно английские, то есть все, что он знал, при чем он достигал ясности, систематически пропуская все трудности <...>»⁶².

Нужно, однако, иметь в виду, что, выступая в защиту немецкой философии, эти мыслители защищали в ней прежде всего то, что им было идейно ближе, а именно — ее метафизику. С одной стороны, это вполне вписывалось в общую с Германией ситуацию, где метафизика еще какое-то время продолжала оставаться университетской учебной дисциплиной. Но, с другой, — в Германии «удельный вес» метафизики в течение всей второй половины XIX в. неумолимо сокращался, пока к 1890-м годам ее окончательно не вытеснила из проблемного поля философских исследований *теория познания*⁶³ неокантианского и так называемого психологического направлений. Любые возможные мистико-религиозные учения занимали исключительно маргинальное положение. Что касается академической и частично «вольной» философии в России, здесь этот процесс шел в противоположном направлении⁶⁴: метафизика отсутствовала среди учебных дисциплин в университетах, но сами профессора и «вольные» мыслители, такие как П.Д. Юркевич, А.А. Козлов, В.С. Соловьев, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Л.М. Лопатин и другие, посвящали себя созданию собственных мистико-религиозных *метафизических* учений⁶⁵. Даже у такого непримиримого борца со всякой метафизикой, как М.М. Троицкий, итоговый труд «Наука о духе» (1882) оказался полон «метафизических ассоциаций», а его литографированные курсы лекций по психологии Лопатин характеризовал как «странную смесь эмпиризма и богословия»... Прогноз о результатах такого развития философской мысли в устах самого Соловьева звучал неутешительно: «Если наша философская мысль обнаруживает теперь мистическое направление, <...> то она, наверное, никаких плодов не принесет *на почве нашего национального мистицизма*. <...> мистическое настроение этого рода, в соеди-

⁶² Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София, 1921. С. 73–74.

⁶³ С новой теоретико-познавательной программатикой (Erkenntnistheorie) в отличие от старой «гносеологии» (Gnoseologie) как части метафизики выступил в 1862 г. Э. Целлер. См.: Köhnke 1986, 175–179.

⁶⁴ О начале с середины 1870-х гг. «довольно сильной реакции против безраздельно господствовавших перед тем учений материализма и позитивизма» и повороте к мистицизму, «недоступного для чисто философской мысли» см.: Соловьев 1989/1, 347–348.

⁶⁵ См.: Пустарнаков 2003, 170–178.

нении с безграничным недоверием к *рациональному* элементу человеческой и мировой жизни, составляет умственную почву, решительно неблагоприятную для развития всякой самобытности и наукообразной философии»⁶⁶. Соловьев, правда, различал «наш национальный мистицизм» и «философский мистицизм» и именно на этот «философский» мистицизм возлагал свои надежды...

Для появления и укрепления в России критико-рационалистического направления больше всего сделали ученые-естественники, в первую очередь физиологи. Можно сказать, что здесь они сыграли ту же роль, что их коллеги в Германии, — хотя в России это происходило с опозданием лет на десять-двадцать. Отказавшись от пустых спекулятивных построений, то есть от «философии» — знаменитое сеченовское «Мы не философы!», — тем более, что позитивизм с самого момента своего возникновения стал, по сути, негацией философии, то есть отрицал саму возможность существования философии как науки, — они обратились к научному — эмпирическому — методу, который со временем трансформировался в общенаучный метод объективного познания. С позиций такой объективности они получили возможность критиковать любые метафизические построения — как в философии, так и в самом позитивизме, оставаясь на территории науки. Однако пропагандировать свою позицию им было труднее, чем германским ученым, — у них не было возможности опереться на проверенную временем традицию «строгого» философствования.

Еще одним важным отличием от Германии было то, что немецкая «университетская профессура формировалась на базе специальных, особенно естественно-научных дисциплин, в России университетские философы приходили из литературной среды, из исторических специальностей»⁶⁷. Исходя из этого, становится понятным, почему многим русским философам были глубоко чужды «чистые» теоретические конструкции, строгие наукообразные доказательства, точность в употреблении понятий⁶⁸. В эпоху сциентизма такое положение вещей, разумеется, не способствовало повышению *научного* авторитета философии.

Общественный авторитет философии в России также оставался крайне низким. Позитивисты, эмпиристы, материалисты, революционные демократы и народники не только сами не разделяли устремлений мыслителей «религиозно-метафизического» направ-

⁶⁶ Соловьев 1989/I, 349.

⁶⁷ Пустарнаков 2000, 7.

⁶⁸ См., напр., замечание В. Гёрдта о том, что даже С.Л. Франк, философ следующего — «неокантианского» — поколения, употреблял термины «теория знания», «гносеология» и «теория познания» как равнозначные. (Goerdts W. Russische Philosophie: Zugänge und Durchblicke. Freiburg i. Br. — München, 1984. S. 560—561).

ления, но видели в них полную неспособность объяснить реальность, в том числе социальную, предложить новый идеал общественного (пере)устройства и даже противостоять постоянному авторитарному вмешательству властей в философский процесс... «Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. <...> Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались. Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, само по себе, а вся современная культура сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя... Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает»⁶⁹.

В этой весьма специфической обстановке, не особенно благоприятной для органичного развития философии, в последнее десятилетие XIX в. в России началось восприятие и усвоение идей немецкого неокантианства.

2. Германия. Кантианская магистраль: от Канта к неокантианству (к предыстории проблем)

Прежде чем перейти к рассмотрению наиболее важных моментов в идейном «вызревании» неокантианства, остановлюсь коротко на вопросе, который касается критериев «неокантианизма», то есть проблемы отнесения к неокантианству тех или иных мыслителей. В западной историко-философской литературе эта проблема решается неоднозначно.

Некоторые расхождения возникают уже в определении временных рамок существования неокантианства⁷⁰, которые указываются в одних случаях от 1831—1832 годов⁷¹, годов смерти Гегеля

⁶⁹ Чехов А.П. Письмо С.П. Дягилеву (30.12.1902) // Чехов А.П. Собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 12. Письма 1893—1904. М., 1957. С. 507—508. В дальнейшем, в результате неудач первой русской революции 1905—07 годов и захлестнувшей общество волны правительственной реакции, обращение интеллигенции к религии примет более значительный размах, и заседания московского Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева будут собирать до 600 человек... См.: Голлербах Е.А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 20).

⁷⁰ См.: Köhnke 1986, 16—17.

⁷¹ См.: Köhnke 1986, 18; Schnädelbach 1983, 15.

и Гёте, и первых призывов к актуализации кантовского наследия⁷² до 1933 г.⁷³, когда национал-социалистами были закрыты журналы «Kant-Studien» и «Logos»⁷⁴. Если принять эту «периодизацию», тогда, по-моему, следует говорить о неокантианстве в *широком* смысле, то есть как об эпохе, объединившей несколько поколений университетских профессоров, которые сами себя называли неокантианцами или считались таковыми в глазах современников. Последнее, однако, вызывает множество возражений, поскольку позволяет говорить о семи (!) «неокантианских школах» и причислить к этому направлению не только, например, Дильтея, но даже Гуссерля⁷⁵. Р. Мюллер-Фрейенфельс, характеризуя принципиальную размытость границ таким образом понятого неокантианского движения, писал: «Не лишено юмора видеть, как все эти проникательные мыслители, задавшиеся целью найти чистого Канта, при всей своей проникательности все же в своих интерпретациях прежде всего вложили в Канта свои собственные мысли и как раз этим документировали свое философское значение. Поэтому неопределенное понятие “неокантианство” и не обозначает какой-либо единой школы, но служит собирательным обозначением для очень различных направлений, у которых общее лишь то, что они говорят языком Канта»⁷⁶.

В других случаях, если иметь в виду неокантианство в *узком* смысле, начало его существования ведут от 1855–1870-х годов, времени появления специфической неокантианской теоретико-познавательной «программатики» Гельмгольца и Мейера⁷⁷, работ Куно Фишера о Канте, книг Отто Либмана «Кант и эпигоны» (1865) и Фридриха Альберта Ланге «История материализма» (1866)⁷⁸, а также институционального оформления двух знаменитых неокантианских школ — Марбургской и Баденской. Тогда же

⁷² См.: *Beneke F.E.* Kant und die philosophische Aufgabe unserer Zeit: Eine Jubelschrift auf die Kritik der reinen Vernunft. Berlin, 1932.

⁷³ *Holzhey* 2004, 41.

⁷⁴ В 1934 г. после изгнания из журнала Р. Кронера по причине его еврейского происхождения Г. Глокнер и К. Лоренц возобновили издание «Логоса» как «Журнала немецкой культурфилософии» [курсив мой. — *Н.Д.*]: «Новая серия» должна была служить «великому» «духовному» «движению немецкого народа». Это и был конец «Логоса», а вместе с ним — «целого периода в немецкой духовной истории» (Г. Барт). См.: *Крамме Р.* «Творить новую культуру» — «Логос» 1910–1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 134.

⁷⁵ См. об этом: *Orth E.W.* Die Einheit des Neukantianismus // *Neukantianismus: Perspektiven und Probleme*. Würzburg, 1994. S. 14–15. Далее цитируется как *Orth* 1994 с указанием страниц.

⁷⁶ *Мюллер-Фрейенфельс Р.* Философия XX столетия в ее главных течениях. Берлин, 1923. С. 24.

⁷⁷ *Köhnke* 1986, 151–167, 229–230.

⁷⁸ *Holzhey* 2004, 28–33.

в работах Фердинанда Лассала (1859) и Карла Людвига Михелета (1862) впервые появился сам термин — «неокантианство»⁷⁹. Второй пограничной датой становится 1914 год, начало Первой мировой войны⁸⁰, или 1924 год, год смерти Пауля Наторпа и Алоиза Рия⁸¹. Однако и в этом случае, как это хорошо видно, указываемые рамки весьма размыты.

Решение хронологической проблемы, на мой взгляд, существует, если поле исследования ограничить *специфически* неокантианством: тогда можно говорить о неокантианстве как о «влиятельном с середины XIX в. до 20-х годов XX в., а на рубеже веков — определяющим дискурс философском направлении в Германии (при соответствующей трансляции за границу)»⁸².

Одновременно возникает проблема определения самой «*специфичности*», то есть проблема *критерия*, с помощью которого можно было бы отличить неокантианство от кантианства, потому что далеко «не каждый, кто ссылается на Канта, сам уже поэтому неокантианец»⁸³. Строго говоря, «неокантианскими» следует называть прежде всего две школы — Марбургскую и Баденскую (немецкую юго-западную), поскольку именно принадлежавшими к ним философами, в отличие от ранних неокантианцев, были сформулированы «зрелые доктрины»⁸⁴. Вместе с тем, как у «ранних», так и у «зрелых» неокантианцев можно выявить общие тенденции, что отличает их от кантианцев (младших современников Канта и корреспондентов, считавших себя его учениками) и так называемых «послекантовских» идеалистов.

Во-первых, перемахнув через Гегеля, Фихте и Шеллинга и в то же время *не* проходя в молчании *мимо* их учений (В. Дильтей, О. Либман), именно с высоты *всей истории* философии «погрузиться в Канта» (Г. Коген)⁸⁵ с тем, чтобы потом «выйти за его пределы» (В. Виндельбанд)⁸⁶. Неокантианец, в отличие от кантианца,

⁷⁹ Köhnke 1986, 179, 478, 484 и далее.

⁸⁰ См.: Willey 1978. Пограничные даты здесь указаны в названии работы.

⁸¹ Rickert H. Alois Riehl // Logos. Tübingen, 1924/25. Nr. 13. S. 164.

⁸² Krijnen Ch. Der Wahrheitsbegriff im Neukantianismus // Die Geschichte des philosophischen Begriffs der Wahrheit. Berlin—New York, 2006. S. 287. Далее цитируется как Krijnen 2006 с указанием страниц.

⁸³ Schnädelbach H. Unser neuer Neukantianismus // Philosophisches Denken — Politisches Wirken. Hermann-Cohen-Kolloquium Marburg 1992. Hrsg. von R. Brandt und F. Orlik. Hildsheim—Zürich—New York, 1993. S. 204. Далее цитируется как Schnädelbach 1993 с указанием страниц.

⁸⁴ Holzhey 2004, 37; Krijnen 2006, 287.

⁸⁵ Cohen H. Rede bei der Gedenkfeier der Universität Marburg zur hundertsten Wiederkehr des Todestages von Immanuel Kant. Marburg, 1904. S. 30.

⁸⁶ Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. Пер. со 2-го нем. изд. С.Л. Франка. СПб., 1904. С. VI.

исходит из невозможности *непосредственно продолжать* мысль Канта. Неокантианцу не остается ничего другого, как развивать свои *собственные* взгляды «в духе» Канта. Кант для неокантианца *историчен*⁸⁷. Ключевым моментом в различении кантианства и неокантианства становится решение философами проблемы «вещи самой по себе»⁸⁸. В неокантианстве это кантовское понятие по сути превращается в *предмет* познания, который понимается как бесконечно подлежащий определению, всегда только «заданный» познанию и никогда не «данный» предмет. Понятие «вещи самой по себе», однако, не исчезает из неокантианской теории, но получает новое значение — значение «пограничного понятия», «бесконечной задачи» познания, идеи, или регулятивного принципа, для унификации множественности опыта. С этой точки зрения, неокантианцами следует считать Ф.А. Ланге, философов Марбургской и Баденской школ и Г. Файхингера. На этом основании А. Риль, который признает существование «вещи в себе» и даже ее «какую-то минимальную познаваемость», может считаться только кантианцем, критицистом⁸⁹.

Во-вторых, опираясь на *букву* кантовского учения, на *аутентичного* Канта, сохраняя кантовский «*esprit systématique*»⁹⁰, выстроить новые *системы* философского знания (Г. Коген, Г. Риккерт). Удалось им или нет построить собственные системы, неокантианское философствование — это не что иное, как «систематическое философствование в духе Канта»⁹¹. *Кантианцы*, напротив, следуя в идейном (и, по большей части, временном) смысле *непосредственно* за Кантом, строили свои концепции с тех или иных «единственно верных» позиций в его философской системе⁹² так, чтобы откорректировать и дополнить другие *части его* системы, казавшиеся им недостаточно обоснованными, внутренне противоречивыми и потому ошибочными. В то же время они оставляли без внимания саму систему как целое. Принципиальным моментом, позволяющим говорить о безусловном родстве

⁸⁷ Schnädelbach 1993, 204.

⁸⁸ См.: Тевзадзе Г.В. Кантианство и неокантианство (1978) // Лучшие публикации «Кантовского сборника». 1975–2001. 2-е изд., доп. / Отв. ред. В.Ю. Курпаков, Л.А. Калинин. Калининград, 2003. С. 10. Далее цитируется как Тевзадзе 1978 с указанием страниц.

⁸⁹ Тевзадзе 1978, 10–12. См. в этой же статье об отличии кантианца от «интерпретатора Канта» (С. 5–6).

⁹⁰ Букв. — «дух систематичности» (*франц.*); «систематичность». На необходимости различать догматичный «*esprit de système*» и критичный «*esprit systématique*» настаивал Э. Кассирер в своей работе «Философия просвещения» (М., 2004. С. 22).

⁹¹ Schnädelbach 1993, 206.

⁹² Orth 1994, 16.

неокантианства с философией Канта, то есть той самой «буквой» или «духом» кантовского учения, должен считаться, по мнению Г.В. Тевзадзе, «коперниканский переворот»: «Мыслители после-кантовской европейской философии могут называться кантианцами, если они принимают “коперниканский переворот”, то есть исходят вместе с Кантом из того, что предмет познания создается познанием». В этом смысле, правда, кантианцами и — добавлю — даже неокантианцами можно считать великих немецких идеалистов: Фихте, Шеллинга, Гегеля...⁹³ Поэтому к «коперниканскому перевороту», на мой взгляд, необходимо добавить признание «ограниченности познания возможным опытом» и «отказ от метафизических построений как выходящих за рамки возможного опыта». Другое дело, что «возможный опыт» как кантианцы, так и неокантианцы понимали по-разному...

Спектр зарождавшихся неокантианских течений оказался чрезвычайно богатым и сложно дифференцированным, поэтому пред- история его появления заслуживает специального исследования.

Мне бы не хотелось здесь подробно излагать то, что прекрасно описано в современной литературе: как сразу после смерти Гегеля в немецкой университетской философии началась переоценка идейных «ценностей» и возврат к учению Канта⁹⁴. Для этого достаточно назвать наиболее значимые имена ученых, возвестивших этот «возврат». Это — психолог Фридрих Эдуард Бенеке (1932)⁹⁵, теисты Иммануил Германн Фихте-мл. (1829, ²1841) и Христианн Германн Вайсе (1847), физиологи Йоханнес Мюллер (1840) и его ученик Герман фон Гельмгольц (1855), историки философии гегельянского толка Куно Фишер (1860) и Эдуард Целлер (1862), последователь Я. Фриза — Юрген Бона Мейер (1870) и непосредственные «прародители» неокантианства — Отто Либман с книгой «Кант и эпигоны» (1865), каждая глава которой заканчивалась ставшей исторически знаменитой фразой «итак, необходимо вернуться к Канту», и «отец марбургского неокантианства» Фридрих Альберт Ланге с философским бестселлером своего времени «История материализма и критика его значения (Bedeutung) для современности» (1866)⁹⁶.

⁹³ Тевзадзе 1978, 6–7.

⁹⁴ См. об этом самое полное исследование Köhnke 1986, а также Sieg 1994, 29–38; Holzhey 2004, 28–36 и русскоязычные работы: Белов 2000, 8–19; Асмус В.Ф. Неокантианство // Буржуазная философия кануна и начала империализма. М., 1977. С. 59–70 (далее Асмус 1977 с указанием страниц); Бакрадзе К.С. Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси, 1960. С. 198–210.

⁹⁵ Здесь в скобках указаны годы выхода в свет сочинений, в которых обосновывалась необходимость обращения к философии Канта.

⁹⁶ Что касается Ф.А. Ланге, то некоторые исследователи числят его не «предтечей», а основателем и первым представителем Марбургской школы неокантианства. См.,

Для всех них многократно на разные лады повторенное «Назад к Канту!» означало одно: борьбу со всякой метафизикой — как материалистической (Фогта, Бюхнера, Молешотта), так и идеалистической, критику которой начал когда-то сам Кант.

В этом перечне не хватает еще двух значительных для истории неокантианства имен: Рудольфа Германа Лотце и Адольфа Тренделенбурга, — их роль в становлении неокантианского движения часто недооценивают.

Лотце (1817–1881)⁹⁷ обычно называют предтечей баденского неокантианства⁹⁸ и упускают из поля зрения при исследовании Марбургской школы. Это не лишено основания. Он, разумеется, не был неокантианцем в буквальном смысле слова и тем более — марбургским неокантианцем. Однако именно он в период между 1875 и 1918 годами был одним из самых дискутируемых философов не только в Германии, но и за ее пределами; именно его сочинения называют «философской Септуагинтой» всего неокантианского движения⁹⁹.

Формирование его философской концепции началось в Лейпцигском университете, где наставниками у него были философ-гегельянец Х.Г. Вайсе и психолог Густав Фехнер. У Фехнера Лотце воспринял идею о том, что все вещи обладают духовными свойствами и что бог есть высшая форма сознания универсума, но не разделял его теорию о параллелизме психических и физических событий, которая самому Фехнеру казалась решением проблемы мозга и познания. Теизм Вайсе, его теория свободы, основанная на положении Канта о невозможности морального действия без свободы выбора, и кантовский критический метод, который высоко ценил и пропагандировал лейпцигский философ, оказали на взгляды Лотце глубокое воздействие¹⁰⁰. «Случай Вайсе показывает, как интеллектуальные движения часто берут свое начало у второстепенных представителей предшествующей традиции, когда возникает напряжение при столкновении этой традиции с новыми идеями и си-

---

напр.: *Giesecke P. Kant und der Sozialismus: Studien zum Marburger Neukantianismus, philosophischen Kritizismus und kritischen Rationalismus. Inaugural-Dissertation. München, 1990. S. 49.* Далее цитируется как *Giesecke 1990* с указанием страниц.

⁹⁷ Последние годы отмечены появлением новых публикаций и исследований о Лотце: *Pester R. Hermann Lotze. Wege seines Denkens und Forschens. Würzburg, 1997; Lotze H. Briefe und Dokumente Hrsg. von E.W. Orth. Zusammengestellt, eingeleitet und kommentiert von R. Pester. Würzburg, 2003.* См. также: *Schnädelbach 1983, 206–218; Willey 1978, 40–57.*

⁹⁸ См., напр., *Асмус 1977, 57; Krijnen 2006, 290* и др.

⁹⁹ *Hall G.S. Founders of Modern Psychology. New York, 1912. P. 68–69.*

¹⁰⁰ См., напр.: *Лотце Г. Основания практической философии. Пер. с нем. Я. Огуса. СПб., 1882. С. 21–22.*

туациями. Что касается неокантианства, Вайсе — это пример постепенного и, как правило, незаметного дрейфа некоторых гегельянцев назад к критической философии Канта»¹⁰¹.

В 1844 г. Лотце наследовал гёттингенскую кафедру Иогана Фридриха Гербарта и одновременно — некоторые его идеи. Антигегельянский постулат Гербарта, согласно которому мир состоит в своем основании из множества реальных вещей, повлиял на Лотце в выборе плюралистической точки зрения на универсум и в понимании им задачи философии: найти единство, скрытое за многообразием опыта. Это инспирировало интерес Лотце к учениям Лейбница и Спинозы. У Спинозы он заимствовал идею духовной субстанции, лежащей в основании единства, а у Лейбница — понятие взаимодействующих духовных сущностей. Поэтому развитие его философской мысли можно считать движением не «назад», а «вперед к Канту»¹⁰². Центральным пунктом всей его философии стала проблема: как примирить трансцендентного бога, одушевленный универсум и механистическую теорию природы в последовательно обоснованной системе? Лотце искал единства, а его научный, критический склад ума толкал его к дуализму кантовской системы. Он вступил в борьбу как против гегельянства, так и против материализма, и его оружием стал эпистемологический скептицизм кантианского толка¹⁰³.

Не в последнюю очередь влияние на формирование философской системы Лотце оказало учение И.Г. Фихте, чьи идеи для зрелого — даже марбургского! — неокантианства были не менее (если не более) значимы, чем кантовские¹⁰⁴. Представление Фихте о высшем этическом принципе, выражающем себя в конечных объектах и таким образом создающем телеологическое единство, сыграло для Лотце «конститутивную роль» при построении его теории ценностей¹⁰⁵. Именно учение о ценности и значимости оказалось тем наиважнейшим компонентом его философии, который от Лотце унаследовали неокантианцы.

¹⁰¹ Willey 1978, 43–44.

¹⁰² Willey 1978, 43, 188.

¹⁰³ Willey 1978, 40.

¹⁰⁴ Schnädelbach 1983, 242; Edel G. Fichte — Marburger Neukantianismus (insbesondere Natorp) und die philosophische Methode // Neukantianismus und das Erbe des deutschen Idealismus: die philosophische Methode / Hrsg. D. Pätzold und Ch. Krijnen. Würzburg, 2002. S. 35–48; Stolzenberg J. Fichte im Neukantianismus: Probleme der Fichte-Rezeption bei Wilhelm Windelband, Heinrich Rickert, Hermann Cohen und Paul Natorp // Neukantianismus und Rechtsphilosophie. Baden-Baden, 2002. S. 421–434 (далее цитируется как Stolzenberg, Fichte 2002 с указанием страниц); Кравченко А.А. Логика гуманитарных наук Э. Кассирера. Кассирер и Гёте. М., 1999. С. 53–87.

¹⁰⁵ См.: Stolzenberg, Fichte 2002, 422.

Исходя из тезиса «основание того, “что есть”, находится в том, “что должно быть”»¹⁰⁶, Лотце под ценностью (Wert) мыслит логическое понятие (ирреальной) значимости (Geltung), или, другими словами, понятие некой нечувственной сферы значимого (Gelten)¹⁰⁷: нечто представляет собой ценность, если оно воплощает собой цель, которую должно реализовать¹⁰⁸. Тем самым Лотце признает необходимость обоснования бытия через долженствование. В «Логике» он показывает, что для него, как и для Канта, «апостериорные синтетические суждения» имеют основание в «синтетических суждениях a priori». Таким образом, действительность функционирует не как нечто, оторванное от понятия, но основывается на том, «что должно быть». Поэтому, с точки зрения Лотце, трансцендентальные законы, или кантовские «формы», следует понимать как функции, содержания которых зависят от познания, а основные логические формы синтеза — как трансцендентальные формы значимости. Тем самым в своей теории значимости, изложенной в «Логике», Лотце подчеркивает *основополагающее* значение (Bedeutung) *логического* (не-бытийного) смысла понятия значимости. Значимость теоретического положения следует как раз не из следствий, которые оно может иметь для бытия, а из собственных оснований значимости, из некой связности обоснования. В этой связности состоит содержание познания, а форма связности, для которой Лотце находит эквивалент в истории философии (вечность платоновской идеи), присуща воплощению этих форм, или принципов значимости, как значимому. Как «само по себе значащее (Geltendes)» связность логически подчиняет познанные реальности: долженствование как имеющая ценность норма лежит в основании действительности, — оно, подобно трансцендентальному у Канта, логически предшествует действительности¹⁰⁹.

Развивая и критикуя эти положения, марбургские неокантианцы сделали акцент на значимости теоретических обоснований, исследованием которых, с их точки зрения, должна заниматься философия *per excellence*. В чем состоит сила познания? Что значит познание как таковое? Как возможна его проверка и обоснование? — Из этих вопросов, ведущих свое происхождение от разработанного Лотце понятия «значимости» и родственных ему понятий, таких как «истина», «достоверность», «ценность», сложилась

¹⁰⁶ Lotze R.H. Metaphysik: Drei Bücher der Ontologie, Kosmologie und Psychologie (1879) / Hrsg. von G. Misch. Hamburg, 1912. S. 604.

¹⁰⁷ Krijnen 2006, 290.

¹⁰⁸ Stolzenberg, Fichte 2002, 422.

¹⁰⁹ См.: Krijnen 2006, 290.

критическая теория познания — теоретическое ядро всего неокантианства¹¹⁰. И хотя у марбургцев с построением их собственной систематики термин «значимость» стал в исследованиях «фоновым», полемика с Лотце по его определению и функционированию постоянно возобновлялась на страницах их произведений. Так, систематически развитое, это понятие стало основным в когеновской интерпретации Платона¹¹¹, где Коген попытался выяснить различие между значимостью и существованием с тем, чтобы объяснить отличие идей от чувственных вещей, а также особо подчеркнуть относительный характер идей, которые *по отношению к существующему имеют бытийную значимость*¹¹².

Продолжая критику лотцевского толкования платоновских идей, Наторп показывает, что «бытие идеи», которое, по Лотце, суть «“значимое” (Gelten) в телеологическом смысле», то есть долженствование, нельзя в полной мере отнести к идее Блага, поскольку долженствование — «лишь один из видов бытия», такой же как существование (Dasein) или событие (Geschehen), и ни в коем случае не высший род бытия, к которому должна была бы принадлежать идея Блага. Идею, по Наторпу, поэтому нужно понимать как *функцию суждения*, или, в более общем смысле, как «*постоянство отношений*, будь то изначально логических, в которые включены основные математические отношения, или временных отношений в событии, [как] законы в привычно общем смысле законов природы или отношения цели. <...> Лишь впоследствии, поскольку закон закона, по сравнению со всеми условными установлениями, принимает смысл требования (обязательно законного), не идея вообще, а идея идеи превращается в долженствование»¹¹³. Наторп настаивает, что тем самым логически «возвышается» не один из родов бытия (долженствование), но мыслительно-общее поднимается, выходит за пределы мыслительно-особенного.

Представленные и разработанные Лотце в «Логике» положения, в частности, о бесконечных суждениях и о «бесконечно малых величинах качественных непрерывностей», сыграли заметную роль в разработке Когеном его «Логики чистого познания» и высшего принципа этой «Логики» — принципа «первоначала»

¹¹⁰ См.: Liebert A. Das Problem der Geltung. Berlin, 1914. S. 4, 14.

¹¹¹ Cohen H. Platos Ideenlehre und die Mathematik (1879) // Schriften zur Philosophie und Zeitgeschichte. Hrsg. von A. Görland und E. Cassirer. Bd. I. Berlin, 1928. S. 336–366.

¹¹² См.: Holzhey H. Cohen und Natorp. Bd. I. Ursprung und Einheit. Basel–Stuttgart, 1986. S. 149. Далее цитируется как Holzhey 1986 с указанием тома и страниц.

¹¹³ Natorp P. Platos Ideenlehre: Eine Einführung in den Idealismus. Hamburg, 2004. S. 201. Далее цитируется как Natorp, PI с указанием страниц.

(Ursprung)¹¹⁴. Наторп в интерпретации и критике когеновского понятия «первоначала» опирался, по существу, на разработанную Лотце теорию логической связки и так называемого «побочного суждения», а также на традиционную теорию понятия (в отличие от теории Фреге)¹¹⁵.

В целом, можно говорить, что Лотце инспирировал теоретико-познавательные исследования неокантианцев и наметил возможные направления этих исследований, в результате которых критическая теория познания достигла своей «самоидентичности», а научное познание с раскрытием его фактической значимости заняло законное центральное место в философском анализе.

Немалый вклад в формирование неокантианской программатики внес Фридрих Адольф Тренделенбург. В своем главном произведении «Логические исследования» (1840, ²1862, ³1870) он отчетливо показал перспективы для обновления философии и основные философские задачи по отношению к наукам. Именно Тренделенбург впервые заявил о философии как «теории науки»¹¹⁶.

С первых же страниц своего труда он стремится доказать состоятельность философии как науки, что позволило бы ей преодолеть теоретический коллапс, в котором философия оказалась в середине XIX в., и занять достойное место в ряду других наук.

Во-первых, Тренделенбург настаивает на принципиальной *критичности* философской мысли, которая призвана «обсуждать» и «очищать» уже существующие теории и ранее выдвинутые основоположения: «критика не может никого щадить, не поступаясь своей сущностью»¹¹⁷, что, однако, не означает, что «каждый философ обязан вновь начинать дело на свой собственный лад, что каждый должен иметь свое исключительное начало». — Тренделенбург называет такой подход к философии «немецким предрассудком»¹¹⁸.

Чтобы избежать «ложной оригинальности», он говорит, *во-вторых*, о необходимости для философии «расти и крепнуть таким же способом, как растут другие науки; <...> развиваться в непрерывной постепенности, а не начинаться и обрываться всегда сызнова в любой мыслящей голове; ей [философии] должно исторически принимать в себя задачи и преемственно вести их да-

¹¹⁴ Holzhey 1986/I, 191, 252.

¹¹⁵ Stolzenberg 1995, 63, 70, 97.

¹¹⁶ Ströker E. Beziehungen der Wissenschaftstheorie zur Erkenntnistheorie im 19. Jahrhundert // Hermann Cohen und die Erkenntnistheorie. Hrsg. von W. Marx und E.W. Orth. Würzburg, 2001. S. 17–18, 20. Далее цитируется как Ströker 2001 с указанием страниц.

¹¹⁷ Тренделенбург А. Логические исследования. М., 1868. Ч. 1. С. I. Далее цитируется как Тренделенбург 1868 с указанием части и страниц.

¹¹⁸ Тренделенбург 1868/1, IX.

лее»¹¹⁹, «важно идти об руку с историей, вслед за историческим развитием великих помыслов человечества»¹²⁰, то есть философия, чтобы стать наукой, должна быть понята *исторически*.

В-третьих, как любая наука, философия не ограничивается критикой, но вступает в «борьбу с фактами», которые ей надлежит наблюдать, чтобы потом их вывести из высшего начала¹²¹. Факты, изучаемые философией, своеобразны: в отличие от наук, каждая из которых «идет своим путем», направлена только на свой специфический предмет и «не дает себе отчета в своих методах», философия направлена на «приемы умственной обработки» предмета, только используемые другими науками. *Методы познания*, которые философия наблюдает и сравнивает, «неосознанное возводит в сознание», а многообразное — к единому, общему источнику¹²², — это и есть настоящий предмет философии. Таким образом, философия у Тренделенбурга получает свою задачу и свое оправдание, будучи понята как *рефлексия о научном методе*¹²³.

То, что философ фокусирует задачу философии на проблематике научного метода, служит не в последнюю очередь намерению обеспечить единство наук во всех различных формах их проявления и представить специфицированное познание каждой из наук как часть некоего целого. Тренделенбург был в действительности первым, кто открыто признал, что такое *целое* философски больше не может быть сконструировано, исходя из спекулятивных принципов, но должно быть понято только как единство методически структурированного многообразия наук.

Вопрос о первоначале (Ursprung) научного познания, а значит, и самой философии, Тренделенбург ставит и решает весьма специфически. Путь познания к истине, или метод, собственно и «делает науку наукой». Методы *даются* не в предмете науки, а оказываются *при* нем. — Их основание и начало находятся «в обрабатывающем предмет мышлении», которое, в свою очередь, для Тренделенбурга всегда означает «мыслить что-то»¹²⁴. Поэтому-то «искать коренного начала (Ursprung) методов» нужно в самом «существовании мысли»¹²⁵.

Философию, понятую как всеобщую науку со своим особым методом и особым предметом, Тренделенбург подразделяет на «логику в широком смысле», занятую исследованием возможно-

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Тренделенбург 1868/1, X.

¹²¹ Тренделенбург 1868/1, VI.

¹²² Там же.

¹²³ Ströker 2001, 19.

¹²⁴ Ср.: Тренделенбург 1868/1, 117.

¹²⁵ Тренделенбург 1868/1, 11.

сти познания и способов получения знания¹²⁶ (учение о мышлении), и на метафизику (учение о бытии). Именно логику, или «теорию науки», назвал он «основополагающей наукой», «*philosophia fundamentalis*»¹²⁷, чем заложил основы для последующего развития философии науки — в первую очередь, в трудах марбургских неокантианцев.

Связь философии и позитивных наук, о чем идет речь в трудах Тренделенбурга, воплощает историко-культурную действительность, чей смысл в конечном счете подлежит *рациональному* определению¹²⁸. И хотя Тренделенбург фактически не пользуется понятием «культура», но явно имеет его в виду, говоря о задаче человеческого духа привести «разные способы мышления» к «единству целостного познания», чтобы «понять весь мир как одно целое», как систему «как бы в виде одного расширенного суждения»¹²⁹.

В 1865 г. разгорелся знаменитый спор Куно Фишера с Адольфом Тренделенбургом о трансцендентальной эстетике Канта. Эта «борьба титанов» разделила все германское философское сообщество на сторонников и противников той или иной позиции. Тренделенбург, исходя из своей концепции о существующем «общении» между мышлением и бытием¹³⁰, выдвинул тезис о том, что Кант в учении о пространстве и времени оставил лакуну: Кант был прав, настаивая на априорной и трансцендентальной *субъективности* этих форм чувственности, но такая точка зрения должна быть непременно дополнена положением, согласно которому пространство и время понимаются в то же время и как *объективные* характеристики самой действительности. Поскольку и пространство, и время имеют всеобщий характер, а действительность всегда единична, Кант определяет их как *только* субъективные формы. Вот с этим-то «только» Тренделенбург согласиться не может. Если принять учение об идеальности пространства и времени в том виде, как оно сформулировано у Канта, весь чувственный мир превратится «в чистый призрак», в фикцию. И хотя сам Кант возражал против такого понимания его учения, «мы излагаем здесь не то, чего именно Кант хотел, а то, что вытекает из принятых им оснований даже и против его воли»¹³¹. Такое «исправле-

---

¹²⁶ Тренделенбург 1868/1, 13, 116.

¹²⁷ Тренделенбург 1868/1, 16.

¹²⁸ Orth E. W. Trendelenburg und die Wissenschaft als Kulturfaktum // Hermann Cohen und die Erkenntnistheorie. Würzburg, 2001. S. 52. Далее цитируется как Orth 2001 с указанием страниц.

¹²⁹ Тренделенбург 1868/2, 433.

¹³⁰ Тренделенбург 1868/1, 524–527.

¹³¹ Тренделенбург 1868/1, 145.

ние» Канта Куно Фишер как историк философии считал недопустимым. Тренделенбург же настаивал, что философа прямо-таки должна захватить «мысль о необходимой гармонии» между субъективным и объективным: «одно не исключается, а, напротив, взаимно требуется другим в искомым обоими путях обоюдного опосредования»¹³².

Преодолеть проложенную Кантом пропасть между субъективным и объективным, между мышлением и бытием Тренделенбург надеется *посредством* движения¹³³. По его глубокому убеждению, движение — «первичная, изначальная деятельность» как мысли, так и бытия, «общий источник пространства и времени», — «в этом и лежит то согласие субъективного с объективным, которое порушил было Кант» и невольно представил как «порочный круг» Гегель¹³⁴.

В 1871 г. в дискуссию вмешался Герман Коген, ученик Тренделенбурга, до этого занимавшийся, по преимуществу, античной философией, в частности учением Платона, и сравнительной психологией. В своей статье, опубликованной в берлинском «Журнале этнической психологии и науки о языке» под названием «О разногласии между Тренделенбургом и Куно Фишером», он вынес «соломоново» решение: Тренделенбург прав, критикуя Фишера, но заблуждается, критикуя Канта¹³⁵. Проницательность, которую продемонстрировал этим вердиктом 28-летний ученый, оказалась залогом будущего успеха всей его философии.

Этот текст Когена можно считать «свидетельством возникновения классического неокантианства»: в том же году появилась первая монография Когена, связанная с текстом статьи тематически, — «Кантовская теория опыта», по которой и было позднее открыто марбургское неокантианство как критический идеализм¹³⁶. Именно в ней было наиболее полно изложено собственное когеновское решение проблемы субъективности (априорности) пространства и времени¹³⁷.

¹³² Тренделенбург 1868/1, 150.

¹³³ См.: Тренделенбург 1868/1, 124—125 и далее.

¹³⁴ Тренделенбург 1868/1, 154—157. О точке зрения Тренделенбурга на кантовские принципы априоризма и дуализма, на движение как *опосредование* мышления и бытия и на категорию цели, также сыгравшую свою роль в формировании неокантианской программтики см.: Длугач Т.Б. Проблема бытия в немецкой философии и современность. М., 2002. С. 136—181.

¹³⁵ См.: Cohen H. Zur Controverse zwischen Trendelenburg und Kuno Fischer // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1871. Bd. 7. № 3. S. 249—296. Далее цитируется как *Cohen, Controverse 1871* с указанием страниц.

¹³⁶ Orth 2001, 49.

¹³⁷ Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. Berlin, 1871. S. 1—79; Cohen, H. Kants Theorie der Erfahrung. 2. neubearb. Aufl. Berlin, 1885. S. 80—238. См.: Белов 2000, 27—29.

Важнейшим итогом проведенного анализа разногласий между Фишером и Тренделенбургом стало, *во-первых*, формулирование Когеном теоремы о «производстве (или конструировании) предмета», разработанной, с одной стороны, на основе трактовки Куно Фишером «форм созерцающего разума» как «порождающих» представления и, с другой, — в результате проведенной Тренделенбургом защиты объективности перед скептическим отрицанием ее. Основное положение всего марбургского неокантианства, что предметы не «даются», а «порождаются» или, другими словами, «конструируются» априорной субъективностью, покоится на той интерпретации Канта, которую предложил Тренделенбург, чтобы ликвидировать «пробел» в кантовском доказательстве, не впадая при этом в крайность субъективного идеализма¹³⁸.

Во-вторых, — оформление особого взгляда на историю философии, ставшего парадигмальным для марбургского неокантианства.

Об историко-философской работе Тренделенбург отзывался как об «изящно составленной мозаичной картине». С таким определением Коген был категорически не согласен: в «мозаичной картине» он видел только «целое, [сложенное] из осколков», в противоположность требуемому «образованию целого из элементов (Gleiden)»¹³⁹. По Когену, цель написания истории философии в том, чтобы «представить непрерывную связь философских проблем в целом человеческой культуры», чтобы показать, что, формируясь на основе лучших достижений человеческой мысли, система именно «в своих недостатках несет зародыш нового»¹⁴⁰. Поэтому предметом исторического исследования оказывается мысль. «Вся масса исторических фактов» должна быть проверена с точки зрения того, как и насколько повлияли они на рассматриваемую мысль и ее связь с другими мыслями. Самое сложное — «за пределами этих исторически данных и найденных элементов установить новое как искомое». Здесь угрожает историку философии опасность «пустой конструкции, превратного толкования». Единственное средство, которое позволит избежать ошибки, это «*историку быть философом*», смело окунуться «в самое пекло партийных споров». В этом видит Коген отличие историко-философской работы от других форм исторического исследования. «Философские проблемы и тем более новые не решены настолько, что можно было бы заниматься их изложением без деятельнейшего участия и постоянного влияния собственного мировоззрения. Они находятся еще в непрерывном развитии, и мы са-

¹³⁸ См.: Köhnke 1986, 265–272.

¹³⁹ Cohen, Controverse 1871, 291.

¹⁴⁰ Cohen, Controverse 1871, 292.

ми с напряженнейшим интересом нашей субъективности [погружены] в них и возвещаем их объективное освещение»¹⁴¹.

Объективность достигается, с точки зрения Когена, через критицизм: если исследователь может «не быть критицистом в своей собственной философии, то этого нельзя избежать в историческом изложении», не потерпев фиаско. «Чем больше систематического участия он принимает в проблеме, которую исследует, тем добротнее — при документальной точности не в меньшей степени, чем при систематической ясности, — получится его работа». «В таком духе история философии» есть одновременно «явление работы самой философии»¹⁴².

«Философия должна не начинаться заново во всякой голове, а опираться на схожие усилия. История философии предохраняет философию от указанной ошибки. С другой стороны, философский интерес не растворяется в историческом». Самое опасное здесь — принять за несомненное некую историческую периодизацию и посвятить себя всецело одному из периодов. Это легко может привести к утрате исторической перспективы и возможности «гармоничного построения будущего как собственного духа такой всеобщей культуры»¹⁴³. «Что будет?» и «что быть должно?» — ответ на эти вопросы должен раскрыть значимость философских идей, понятых исторически. «Стимулы будущего есть <...> одновременно критерии прошлого». Историческая связь со старым, так же как историческое знание о старом, открывается лишь в том новом, что уже было в старом. «С этим новым мы еще и внутренне связаны: в этом новом мы должны как адвокаты истины проявить заинтересованность, если хотим получить настоящую историю»¹⁴⁴.

Суммируя сказанное, можно указать на некоторые параллели, — по крайней мере, в постановке проблем — в учении Тренделенбурга и марбургских неокантианцев, прежде всего у Когена:

- исходный пункт в факте наук;
- отношение к мышлению как первоначально и порождению,

в которое с введением радикального понятия синтеза, по-видимому, больше не допускаются никакие элементы;

¹⁴¹ *Cohen*, *Controverse* 1871, 293. Э.В. Орт указывает на сходство последней формулировки Когена с высказыванием по этому вопросу Р.Г. Лотце: «После такой долгой истории развития философии, когда все возможные позиции уже не однажды были открыты и снова покинуты, больше нет заслуги в оригинальности, а только лишь в точности. Отрицать, что все прошедшее воздействует на нас, и что по большей части мы сами же впутываемся в его ход, было бы напрасно и глупо». (*Lotze R.H. Streitschriften*. 1. H.: In Bezug auf I.H. Fichtes Anthropologie. Leipzig, 1857. S. 5). См.: *Orth* 2001, 50 сноска.

¹⁴² *Cohen*, *Controverse* 1871, 294–294.

¹⁴³ *Cohen*, *Controverse* 1871, 296.

¹⁴⁴ *Ibid.*

— роль философии и позитивных наук для определения культуры, соответственно, культурного сознания, или корреляция научности и культуры¹⁴⁵.

К этому можно еще добавить то, что обоими мыслителями в философскую аргументацию был включен генетический метод и математика бесконечно малых. Это определило трактовку Тренделенбургом мышления в «не-психологическом» смысле, хотя полностью не освободило его учение от «психологизмов»¹⁴⁶, что стало одной из важнейших задач для Когена.

В той плеяде философов, возвестивших возврат к Канту, мне хотелось бы обратить внимание еще на две фигуры: Эдуарда Целлера и Фридриха Альберта Ланге, сыгравших особую роль в формировании будущей Марбургской неокантианской школы.

С именем Целлера, знаменитого историка античной философии, связано событие скорее институционального, нежели идейно-теоретического значения. После того как в сентябре 1848 г. мятежный младогегельянец Карл Теодор Байрхоффер оставил руководство кафедрой философии в Марбургском университете, это место пустовало. Фактически одновременно левогегельянцу и скептику в вопросах религии Целлеру поступило предложение занять кафедру... теологии в том же университете. Это назначение «анти-христианина» вызвало протест у традиционалистски ориентированного поповства как в самом Марбурге, так и на теологическом факультете университета, хотя большинство марбургских студентов были «за» Целлера. Чтобы унять скандал, Целлеру предложили место ординарного профессора на философском факультете, правда, по настоянию его «заклятого врага», некоего Августа Вильмара, получившего спустя год место в министерстве, запретили в лекциях касаться теологических вопросов. Место профессора Марбургского университета Целлер занимал последующие 13 лет, с 1849 по 1862 год. В этот период вокруг него сложился блестящий интеллектуальный кружок, на «вторниках» которого в дискуссиях зрели философские идеи Целлера. Прочитанная по отъезде из Марбурга в Гейдельбергский университет, его знаменитая вступительная лекция «О значении и задаче теории познания» (1862) возвестила поворот философа от Гегеля к Канту — поворот, произошедший в *марбургский* период и нашедший отражение, по-видимому, уже в его *марбургских* лекциях 1860—1862 годов по логике и теории познания¹⁴⁷. Можно утверждать, что эти

---

¹⁴⁵ Orth 2001, 59.

¹⁴⁶ См., напр.: «Для нас, грешных людей, *чистого* мышления не существует». (Тренделенбург 1868/2, 523).

¹⁴⁷ См.: Sieg 1994, 49—53; Willey 1978, 70—71.

обстоятельства начали готовить почву для проникновения в Марбург неокантианских идей и косвенно определили приглашение на кафедру философии таких знаменитых адептов неокантианства, как Ф.А. Ланге и Г. Коген.

С появлением в 1866 г. знаменитой книги «История материализма»¹⁴⁸ и с приглашением в 1872 г. ее автора в Марбургский университет судьба этой неокантианской школы была обеспечена¹⁴⁹.

Одна из особенностей книги Ланге в том, что, будучи по названию исторической, главной целью ее автора было все же не написание *истории* влиятельной философской позиции, а «*уяснение принципов*»¹⁵⁰. Здесь же была сформулирована задача нового идейного течения: противопоставить материализму, распространенному среди естествоиспытателей, критический идеализм Канта, переработанный и дополненный результатами физиологических исследований. Критика, в ней предпринятая, была обращена не только на материализм, но также на метафизику (и здесь под огонь попал как метафизический идеализм, так и скрытые метафизические претензии материалистических учений), на «системную» философию (в первую очередь, Шеллинга и Гегеля) и на христианское учение. Все эти позиции Ланге подверг *теоретико-познавательному* осмыслению¹⁵¹, что впоследствии высоко оценил Герман Коген, назвав Ланге «апостолом кантовского мировоззрения»¹⁵².

Главной заслугой Канта Ланге считал данную нам возможность распространить мысль о пространстве, времени и категориях как необходимых формах нашего созерцания и рассудка на такие мыслительные образования, как материя, атом, сила. С точки зрения Ланге, они есть не что иное, как «*вспомогательные выражения*» (Фехнер), обозначающие «*отношения явлений*» и представляющие собой «*задачу теории познания*»¹⁵³. Что касается «вещи самой по себе», то в первом издании книги из-за существующих возражений против этого элемента кантовского учения Ланге представлялось, что и вся система поставлена под сомнение. Во втором же издании под влиянием идей, высказанных в «Кантовской теории опыта» Когена (1871), репутация Канта была вос-

¹⁴⁸ Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Iserlohn, 1866; 2. verb. und verm. Aufl. In 2 Bd. Iserlohn, 1873–1875.

¹⁴⁹ О Ланге см.: Willey 1978, 83–101; Köhnke 1986, 233–257; Sieg 1994, 86–106; Giesecke 1990, 23–86; Бакрадзе 1960, 200–210; Асмус 1977, 66–70.

¹⁵⁰ Ланге 1899, X.

¹⁵¹ См.: Белов 2000, 15–17.

¹⁵² См.: Willey 1978, 96.

¹⁵³ Ланге 1899, 496–497.

становлена: Ланге нашел для «вещи самой по себе» продуктивную интерпретацию — как «*предельного понятия*»¹⁵⁴.

Можно выделить ряд основных положений философии Ланге, позволяющих в общих чертах представить суть его позиции¹⁵⁵.

Ссылаясь на указанное Кантом различие между разумом и рассудком, Ланге «переводит» эти понятия из кантовской системы в свою и интерпретирует как мировоззрение (=метафизика=разум) и науку (=рассудок). Именно наука может и должна, пользуясь материализмом как эмпирическим методом, или «правилом научного детального исследования»¹⁵⁶, открыть познанию доступ ко всем областям природы. Ланге, таким образом, не отрицает условного значения материализма. Он объявляет его «первой, низшей, но сравнительно и самой твердой позицией философии». Материализм, придерживаясь «более, чем какая-либо другая система, *действительности*»¹⁵⁷, оказывается «истинным благодеянием» в противовес «метафизическим вымыслам, которые присваивают себе право вникать в сущность природы и определяют из одних понятий то, что мы можем узнать только из опыта»¹⁵⁸. Однако результаты физиологических исследований показали, что «качество наших чувственных восприятий вполне и совершенно обусловлено свойством наших органов»¹⁵⁹, и тем разрушили наивное представление о том, будто бы мир в действительности именно таков, каким мы его чувствуем. Ланге вслед за Гельмгольцем, лекции которого слушал в Бонне в 1857 г., предлагает чувственно-физиологическую, или натуралистическую, интерпретацию кантовских а priori как врожденной *организации* человеческого организма, или рода, что позволяет ему сначала кантовские формы созерцания, потом категории и, наконец, даже идеи при известных обстоятельствах свести к «природным задаткам» (Naturanlagen), стремящихся к единству. Ограниченный возможным *опытом*, материализм не пересекается и не противоречит этому тезису о «задатках», заложенных в нашей разумной организации. Это не означает также, что Ланге научно реабилитирует догматическое понятие идеи, — он, скорее, тем самым освободил место учению о морали. Справедливости ради нужно заметить, что, согласно Ланге, материализм обнаружил не *невозможность* обосновывать этические нормы, максимы и общественные идеалы, а лишь их *недостаточную* обоснованность. В прагматическом смысле как

¹⁵⁴ Ланге 1899, 374, 386.

¹⁵⁵ Ср.: Köhnke 1986, 254.

¹⁵⁶ Ланге 1899, 332.

¹⁵⁷ Ланге 1899, 723.

¹⁵⁸ Ланге 1899, 726.

¹⁵⁹ Ланге 1899, 330.

с точки зрения ценности, так и исторически и антропологически как некие константы относительной познаваемости и значимости, они могут рассматриваться даже как доказуемые.

При всей жесткой критике спекулятивной метафизики как «поэзии понятий»¹⁶⁰ Ланге нашел смысл в кантовских идеях разума: человеческая духовная потребность хочет дополнить мир явлений миром идей, которые, разумеется, не подлежат теоретизации, но служат «утешением» в религии и искусстве, мотивируют нравственные поступки, — для примера Ланге указывает на Шиллера: «В философской поэзии Шиллера мы имеем перед собою произведения, которые соединяют с самою благородной строгостью мысли самый высокий подъем над действительностью, и которые дают идеалу могущественную силу, относя его открыто и прямо в область фантазии»¹⁶¹. Оторванные от *опыта*, идеи должны в таком случае отказаться от любых претензий на теоретическую значимость, однако в *умозрении* они подчиняются тому же стремлению к единству, что и наши представления как «продукты организации *рода*», или организма, на уровне опыта. Принцип (метод) синтеза, пронизывающий все наше мышление, на высшем творческом «идейном» уровне формирует идеал — единство прекрасного, этической нормы и мирового образа¹⁶².

Идеал, взятый в социальном измерении, составляет центр социально-политических размышлений в философии Ланге. Для его осуществления должны «соединиться две большие вещи: воспламеняющая мир *этическая идея* и *социальный переворот*, который достаточно могуществен, чтобы поднять приниженные массы на значительную ступень»¹⁶³. Формированию и обоснованию идей свободы, антиклерикализма, просвещения и социальной справедливости посвящен заключительный текст «Истории материализма» под названием «Точка зрения идеала» — краткий очерк собственной философской позиции Ланге. В содержательном отношении леволиберальные идеи и социальная направленность его учения оказали на марбургских неокантианцев, пожалуй, большее влияние, чем его теоретические взгляды, фактически заложили основу для будущих социально-философских исследований «красных кантианцев» П. Наторпа, К. Форлендера и Ф. Штаудингера¹⁶⁴ и социал-этической программы, получившей название ревизионизма.

¹⁶⁰ Ланге 1899, 389.

¹⁶¹ Ланге 1899, 728.

¹⁶² Ланге 1899, 724.

¹⁶³ Ланге 1899, 736.

¹⁶⁴ Sieg 1994, 123, 296.

Ланге, писал Коген, посвятил всю свою жизнь решению двух великих проблем эпохи: основать науку на ее собственных принципах и духовно возродить массы через этический идеал социализма¹⁶⁵.

Подводя итог развитию немецкой философской мысли в XIX в. на пути к неокантианству, необходимо указать на оформление в этот период следующих важнейших установок неокантианского движения (прежде всего, Марбургской школы):

- рационализма, новое содержание которого начало формироваться в ходе пересмотра положений кантовского априоризма и понятия объективности, очищения теории познания от остатков психологизма, эмпиризма, антропологизма и т. п.;

- необходимости критики познания;

- сциентизма, или научности философии, что выразилось в признании логики, или теории (научного) познания, конституирующим ядром философии;

- систематичности и автономии философии как науки, развившихся в первых попытках рефлексии о ее методе;

- историчности философии, согласно чему философия — это критика и реконструкция сформулированных в ходе исторического развития идей с точки зрения их значимости для решения актуальнейших проблем настоящего;

- соединения кантианства и социализма в теории социального идеала и народного просвещения;

- единства знания как основы единства культуры.

Что касается институализации неокантианства как философского движения, то формально-исторически можно указать две вехи.

В 1875 г. в начале второго тома 2-го издания своей «Истории материализма» Ланге написал «о молодой школе кантианцев», среди представителей которой упомянул О. Либмана, Ю.Б. Мейера, Э. Арнольдта, К. Твестена и, разумеется, Г. Когена, чью «Кантовскую теорию опыта» хвалил за «наиточнейшее определение понятий» и основательность¹⁶⁶. Книга Ланге имела большой успех, способствуя распространению информации о новой кантианской школе.

В 1888 г. *впервые* в седьмом издании «Очерков истории философии» Ф. Ибервега (Ueberweg) сообщение об исследователях, которые в построении своих учений опираются на Канта, появилось под заглавием «Неокантианцы»¹⁶⁷. Этот год можно считать датой официального признания существования неокантианства как

¹⁶⁵ См.: Willey 1978, 96.

¹⁶⁶ См.: Ланге 1899, 327–328.

¹⁶⁷ Holzhey 2004, 30.

особого идейного течения, его «институализации» в истории философии. До этого времени термин «неокантианство» хотя и применялся довольно широко приблизительно с 1875 г., но не только и не столько для «нейтральной историографической классификации ряда философов, ссылающихся на Канта, сколько для дискредитации “вошедшей в моду кантомании” как новой формы подчинения профессуры историческому авторитету (Э. фон Гартман, Е. Дюринг, Э. Целлер)»¹⁶⁸...

3. Неокантианство: философские школы

Дифференциация неокантианского движения по направлениям, или философским школам, происходила одновременно с определением философских позиций его протагонистов по отношению к кантовскому учению, его критической или филологической интерпретации, его проблематизации в зависимости от понимания насущных философских задач.

К 1916 г. специалисты насчитывали шесть различных неокантианских направлений: 1. физиологическое (Гельмгольц, Ланге); 2. метафизическое (Либман, Фолькельт); 3. реалистическое (Риль, Кюльпе); 4. логицистское (Коген, Наторп, Кассирер — Марбургская школа); 5. ценностно-теоретический критицизм (Виндельбанд, Риккерт, Мюнстерберг — Баденская школа); 6. релятивистское преобразование критицизма (Зиммель)¹⁶⁹. В 1923 г. к этому списку было добавлено седьмое — психологическое — направление, опиравшееся в своих исследованиях на кантианца Я. Фриза («неофризская школа», Нельсон)¹⁷⁰.

Это деление на самом деле проведено довольно искусственно. В философской исследовательской литературе *неокантианскими школами* принято считать только *две* — Марбургскую и Баденскую, из которых лишь первую в соответствии с тем, как ее понимали сами марбуржцы и их современники, можно назвать *школой* в узком смысле этого слова¹⁷¹. Среди других направлений они выделялись не только институциональной оформленностью, но, прежде всего, научным авторитетом и влиянием как на современное им, так и на последующее развитие философской мысли.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ Friedrich Ueberwegs Grundriß der Geschichte der Philosophie. 4. Teil: Das neunzehnte Jahrhundert und die Gegenwart. 11. Aufl. Neu bearb. u. hrsg. von K. Oesterreich. Berlin, 1916. S. 364.

¹⁷⁰ Friedrich Ueberwegs Grundriß... 12. Aufl. Berlin, 1923. S. 417.

¹⁷¹ О понятии «философской школы» см. подробнее «Очерк второй. 3».

Оба направления обзавелись со временем собственными научными изданиями. В рамках Марбургской школы стала выходить серия «*Philosophische Arbeiten*» (Gießen, 1906–1915). Под эгидой Баденской школы был основан международный журнал философии культуры «*Logos*» (Tübingen, 1910–1933), открытый, однако, для философов разных идейных течений. Печатались в нем и представители Марбургской школы¹⁷².

Между школами существовало соперничество в том, что касалось общественной славы и научного влияния. К тому или иному направлению ученые присоединялись или покидали его, как будто бы это была религиозная или политическая партия. Члены одной школы препятствовали назначениям и повышению по службе членам другой школы¹⁷³. «Обе эти новокантианские школы враждовали друг с другом — при Виндельбанде нельзя было упоминать имя Когена, при Когене считалось неприличным говорить о “шарлатанах” гейдельбергской школы»¹⁷⁴.

Время расцвета неокантианских школ пришлось на период между 1895 и 1912 гг. В эти годы были опубликованы основные труды их главных представителей, сформировался круг учеников. К тому же времени относится и пик интереса к этим школам как со стороны специалистов, так и философски «ангажированной» общественности. «В Гейдельберге царствовал Виндельбанд, в Марбурге царствовали Коген и Наторп. Гейдельберг был блестящ и знатен, Марбург — провинциален, но серьезен, учен, проникнут тем старым философским духом, которым была полна Германия во времена Фихте, Шеллинга и Гегеля. <...> В Гейдельберге, который считался по аристократическому составу своего студенчества вторым немецким университетом после Бонна <...>, чувствовался агрессивный дух немецкого национализма; в Марбурге, где студенты были из средне-бюргерской среды, преобладали настроения либерально-демократические и социалистические. Сам Коген был близок к социализму, Виндельбанд считался типичным национал-либералом. Виндельбанд казался интереснее в том, что исходило из его пера, чем в своих лекциях и разговорах. В Москве мы восхищались изяществом стиля его “Истории философии” и его “Прелюдий” А здесь, в Гейдельберге, вошел на кафедру типичный, средний не-

¹⁷² См.: Куренной В.А. Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // «Логос» в истории европейской философии философии: Проект и памятник. Сб. материалов под ред. Н.С. Плотникова. М., 2006. С. 13–72.

¹⁷³ Beck L.W. Neo-Kantianism // The Encyclopedia of philosophy. N.Y., London, 1967. P. 468.

¹⁷⁴ Алексеев Н.Н. В бурные годы. Глава 11. Два года за границей. ИНИОН. Л. 145–146. Далее цитируется как Алексеев, Два года за границей, с указанием листов.

мец, полный, с бородой клочьями и визжащим, фальцетным голосом. В его устном изложении пропали все изящество и блеск его мысли. Коген, напротив, писал тяжело, вычурно, зато читал лекции с вдохновенным пафосом, не переходящим в ораторскую словесность и не мешавшим глубине изложения. Небольшого роста, немного сгорбленный, с крючковатым носом, с вьющимися, назад зачесанными волосами, он был похож на кафедре на какого-то мага. Он был бесподобен в своем семинаре, где умело полемизировал, тонко острил, вызывая смех своих слушателей. В философском семинаре Виндельбанда сидела блестящая публика, англичане, американцы, даже французы. Присутствовал даже сиамский наследный принц. Было интересно, но не высоко научно, как в Марбурге. <...> Из семинара этого [марбургского] вышел ряд известных философов, занимавших кафедры в различных странах Европы, — назову из них некоторых: ближайший ученик Когена, учившийся раньше в Петербургском университете и ставший позднее (во Втором Рейхе) наиболее известным германским философом, Николай Августович Гартман; кенигсбергский профессор и ректор Университета, Хаймзют; Лос Риос (или Дель Рио), испанский профессор и позднее, во время гражданской войны в Испании, испанский посланник в Вашингтоне; профессор философии в Кракове Татаркевич, <...> литовский профессор В.Э. Сеземан; московский профессор Б.П. Вышеславцев; профессор Варшавского университета при царском режиме В.А. Савальский»¹⁷⁵.

Основания *марбургской* неокантианской доктрины ведут свое происхождение из разных источников. Усвоив в целом критику материализма у Ланге, марбуржцы в то же время отказались от его требования этически и эстетически ориентироваться на «точку зрения идеала», фундированную свободной «поэзией понятий», — в пользу распространения строго эпистемического значения идей разума и теории научного опыта на «теоретико-познавательное обоснование этики». Этот «*критический идеализм*» был далее обогащен, с одной стороны, положениями Тренделенбурга из «Логических исследований», с другой, — элементами учения Платона об *идеях*, понятых только как чистые основания (гипотезы) познания, без примеси какой бы то ни было метафизичности. Такое толкование платоновского учения стало возможным благодаря фундаментальному различению, введенному Лотце и воспринятому всеми неокантианцами, — различению бытия и вещей, события и результатов, существования и отношений и — значимости и предложений (*Sätze*). Им же был выдвинут тезис о том, что мнимое «бытие» платоновских идей означает не что иное, как «значи-

¹⁷⁵ Алексеев, Два года за границей, 145–146.

мость истин»¹⁷⁶. Одновременно в ходе критической систематической переработки основных положений теоретической, практической и эстетической философии Канта в духе такого «идеализма», на рубеже веков в концепцию марбургского неокантианства начинают проникать элементы лейбницианства (по-видимому, тоже не без влияния со стороны Лотце). Наиболее широкий резонанс получили, прежде всего, работы Когена по этике, социальная педагогика и интерпретация учения Платона у Наторпа, кассировская история теории познания Нового времени, работы Наторпа и Кассирера о логике естественных наук, а также идеи этического социализма Когена, Наторпа, Штаммлера, Форлендера и др. «Даже при самом беглом обозрении философской литературы, вышедшей из среды неокантианства <...>, сразу бросается в глаза характерная особенность этой школы, существенно отличающая ее от всех остальных направлений современного критицизма; одна только Марбургская школа пытается создать путем преобразования и перестройки учения Канта прочно обоснованную и охватывающую все отрасли знания *систему философии*»¹⁷⁷.

В 1890-х годах оформилась *Баденская* школа неокантианства, которая с самого начала, не останавливаясь на историко-филологической интерпретации кантовских произведений, поставила задачу стать на более высокий — систематический — уровень анализа кантовской философии. При сохранении кантовского метода критическая философия баденцев под влиянием Лотце превратилась в учение о значимости с акцентом на культурфилософской проблематике. Понятие *значимости* было определено следующим образом: 1. значимости — это функции, или руководящие принципы, субъективности по отношению к предмету; 2. принципы значимости имеют характер требований, которые могут или не могут быть выполнены («разность значимости», *Geltungsdifferenz*). Требования, однако, привнесены не извне — напротив, субъективность подчиняется им, оставаясь автономной; 3. единство субъективности гарантирует единство принципов значимости, которые разделяются на некие структурные единства значимостей, обнаруживающие самостоятельность и стабильность¹⁷⁸. Эти положения баденской философии культуры впоследствии были разработаны подробнее, поиски принципов теоретической значимости были

¹⁷⁶ См.: Holzhey 2004, 38.

¹⁷⁷ Сеземан В.Е. Теоретическая философия Марбургской школы // Новые идеи в философии. Непериодическое издание под ред. Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. № 5. СПб., 1913. С. 1–2. Далее цитируется как Сеземан 1913 с указанием страниц.

¹⁷⁸ См.: Wolandt G. Geltungsgedanke und Kulturphilosophie // Tradition und Kritik. Festschrift für Rudolf Zocher zum 80. Geburtstag. Stuttgart — Bad Cannstatt, 1967. S. 307.

распространены на философские («метатеоретические») суждения (Э. Ласк), так что встал вопрос о «последнем обосновании». В развитии Баденской школы главную роль сыграли работы Куно Фишера о Канте, из которых баденцами был усвоен фихтеанский образ Канта, интерес к наукам о духе, или о культуре, и их строгое отграничение от естественных наук. Труды К. Фишера предварили также последующую рецепцию Гегеля в неокантианстве. Самыми значительными достижениями этой школы можно считать обоснование Виндельбандом «ценностно-теоретического» критицизма, его же работы по истории философии, исследования Риккерта и Виндельбанда об образовании понятий в науках о природе и науках о духе, а также о методологическом обосновании наук о духе, равно как и набросок логики философии, сделанный Ласком¹⁷⁹.

Несмотря на различные «центры тяжести», определившиеся по отношению к кантовской системе в неокантианских школах, их критическая программа имела общие «реперные точки»:

во-первых, это примат теории познания («логики»), точнее, теории *научного* познания в системе философских дисциплин. Все неокантианцы были убеждены в том, что научное познание — *обращенное* познание¹⁸⁰. Логически первой задачей философии оказалась поэтому теоретическая рефлексия об объективной значимости субъективных результатов познания и установление последней причины этой значимости (*Geltungsgrund*) для любого познания на основе кантовского трансцендентализма¹⁸¹;

во-вторых, это теория и методология науки¹⁸², открытая новейшим научным достижениям, и одновременно — отказ от любых попыток создания собственной натурфилософии. Свою задачу неокантианцы видели в философском объяснении и обосновании этих достижений с помощью *модифицированного* теоретико-методологического инструментария, разработанного некогда Кантом на основе положений ньютоновской механики. Критический метод Канта, развитый неокантианцами, получил название *трансцендентального* и позволил саму философию поднять на уровень науки¹⁸³;

в-третьих, это отказ от построения классических теорий субъекта. Поскольку решение этой проблемы взяла на себя психология, получившая в XIX в. научный статус, неокантианцы предприняли попытку полного очищения теории познания от психологизма и ис-

¹⁷⁹ См.: Holzhey 2004, 39.

¹⁸⁰ Flach, Holzhey 1979, 10.

¹⁸¹ Krijnen 2006, 287–288.

¹⁸² Эта интенция отчетливо обозначена уже в работах Ф.А. Тренделенбурга (Köhnke 1986, 35–48).

¹⁸³ Flach, Holzhey 1979, 13; Круглов А.Н. Трансцендентальный метод // Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. Т. 4. М., 2001. С. 101–102.

ключения из нее понятий субъекта, субъектно-объектных отношений, «Я», самосознания и т. п. Но так как невозможно представить себе теорию познания без субъекта вообще, то было решено тематизировать субъективность как первооснование объективности и всеобщей значимости познания: «чистый субъект» — это воплощение принципов значимости, то есть нечто, «лежащее в основании» (*Zugrundeliegende*). Как реально существующее, эмпирический субъект, или человек, может рассчитывать на признание за ним лишь *относительной* компетенции субъекта, которая ему, однако, тоже не гарантирована, — он вынужден постоянно ее подтверждать, поскольку каждым своим высказыванием, каждым своим художественным порывом он притязает на значимость¹⁸⁴,

в-четвертых, это обоснование и защита рациональности культуры. Культурфилософия неокантианства ведет свое происхождение от кантовского понятия «культура разума»¹⁸⁵ и имеет значение не только для Баденской, но и для Марбургской школы¹⁸⁶. Свои поиски в области теории познания неокантианцы через анализ «образцовых» наук (математики и математического естествознания) распространили на все остальные науки и все «объективации» духовной жизни, то есть на все культурные феномены, что стало возможным благодаря понятию значимости: определенность значимости лежит в основе определенности культурных феноменов, «она есть то, что превращает ее в таковые феномены»¹⁸⁷. Неокантианский критицизм может быть поэтому понят как трансцендентально-логическая философия культуры¹⁸⁸.

4. «Марбург»: схолархи

4.1. Герман Коген

Основателем Марбургской школы неокантианства был Герман Коген (1842—1918)¹⁸⁹. Свое название эта философская школа по-

¹⁸⁴ Ср.: *Flach, Holzhey* 1979, 12.

¹⁸⁵ *Кант И.* Сочинения в 6-ти т. Т. 3: Критика чистого разума. М., 1964. С. 670, 692. Далее цитируется как *Кант*, КЧР с указанием страниц.

¹⁸⁶ Ср.: «Философия для нас <...> учение о принципах науки и тем самым — всей культуры» (*Cohen H., Natorp P.* Zur Einführung // *Cassirer E.* Der kritische Idealismus und die Philosophie des «gesunden Menschenverstandes». Giessen, 1906. S. I).

¹⁸⁷ *Flach, Holzhey* 1979, 11.

¹⁸⁸ *Orth* 1994, 16; *Renz U.* Die Rationalität der Kultur: zur Kulturphilosophie und ihrer transzendentalen Begründung bei Cohen, Natorp und Cassirer. Hamburg, 2002. S. 3—4. Далее цитируется как *Renz* 2002 с указанием страниц.

¹⁸⁹ Изложение идейного содержания основных работ Г. Когена см.: *Белов* 2000, 24—168.

лучила по имени города, в университете которого Коген преподавал с 1876 по 1912 г.

Коген изучал иудейскую теологию, классическую филологию в Брейсгау, там же в 1861 г. начал свои занятия на философском факультете, а в 1864 г. переехал в Берлин, где продолжил изучение философии. В Берлинском университете он слушал философию у Ф.А. Тренделенбурга и теорию языка у Х. Штейнталя, посещал лекции по математике, естественным наукам и медицине. В 1865 г. в университете Галле-Виттерберга он защитил диссертацию на тему: «Учения философов о противоположности необходимости и случайности»¹⁹⁰. В Берлине у Штейнталя и Лацаруса в «Журнале этнической психологии и науки о языке» Коген опубликовал несколько талантливых исследований по социальной психологии¹⁹¹. Его интерес к кантовской философии был инспирирован развернувшейся полемикой между Тренделенбургом и Куно Фишером, своим вмешательством в которую Коген заставил философское сообщество обратить на себя внимание¹⁹². Одним из первых, кто по достоинству оценил идеи молодого философа, был Ф.А. Ланге: под влиянием когеновской книги «Kants Theorie der Erfahrung» (1871) он даже изменил свою точку зрения на философию Канта, что нашло отражение во втором издании «Истории материализма». Благодаря поддержке Ланге Коген получил возможность защитить в Марбурге докторскую диссертацию¹⁹³, — работа была дважды отклонена в Берлинском университете из-за иудейского вероисповедания ее автора. Спустя три года, в январе 1876 г., Коген по смерти Ланге наследовал его кафедру философии в Марбургском университете. Постепенно вокруг Когена в Марбурге начала складываться группа учеников, приобретшая вскоре в глазах научной общественности статус философской школы.

Если попытаться коротко охарактеризовать философскую деятельность Германа Когена¹⁹⁴, то можно сказать, что это была работа по решению двойной задачи. С одной стороны, следовало защитить философию Канта от «интерпретаций», которые были предприняты в ходе ее «переоткрытия» после «краха идеализма», с другой, — имея намерение реабилитировать кантовское учение,

¹⁹⁰ «Philosophorum de antinomia necessitatis et contingentiae doctrinae» (Halle a. Saale, 1865).

¹⁹¹ См.: *Ebbinghaus J. Cohen, Hermann // The Encyclopedia of philosophy*. New York — London, 1967. P. 125.

¹⁹² См. об этом «Очерк первый. 2».

¹⁹³ «Систематические понятия в докритических сочинениях Канта» («Die systematischen Begriffe in Kants vorkritischen Schriften») (1873).

¹⁹⁴ В этом очерке мне хотелось бы лишь эскизно напомнить читателю основные положения учения Г. Когена.

заново обосновать философию как теорию науки¹⁹⁵. Сам Коген с самого начала говорил, что методическая особенность его исследования состоит в «соединении систематической и исторической задачи»¹⁹⁶.

Среди «противников» кантовской философии, от которых Коген собрался ее защищать, были, прежде всего, те, кто, как И.Ф. Герbart и Я.Ф. Фриз, обнаружили в кантовской теории познания психологический фундамент и укрепляли его, или, как А. Шопенгауэр и Ф.Э. Бенеке, не находили в ней такого фундамента и пытались его создать, или, как Г. Гельмгольц и Ф.А. Ланге, стремились объяснить теоретико-познавательные основания философии Канта из психофизической природы человека¹⁹⁷. Когеновская критика этих подходов основывается на том, что психология как эмпирическая наука не в состоянии служить теорией «последнего основания», поскольку в силу своей эмпиричности может достигнуть лишь *гипотетически*-последних элементов сознания. Поэтому психологию нельзя использовать для интерпретации такой теории познания, как кантовская, то есть теории, нацеленной на выяснение «последних оснований»¹⁹⁸.

Коген начал решение поставленной задачи с интерпретации трех кантовских критик, настаивая на том, что «сначала нужно ясно выяснить буквальный смысл принципов Канта и понять их из собственных его установленных по источникам основных идей и только потом обратиться к попыткам дальнейшего их развития»¹⁹⁹.

Центральный тезис, определивший смысл и направление когеновской критической интерпретации, заключался в следующем: «Кант открыл новое понятие опыта»²⁰⁰, но после всего того, что произошло с его философией в XIX в., нам предстоит заново обосновать его учение об *a priori*, «объяснить возможность априорных синтетических положений», образующих содержание математики и «чистого естествознания»²⁰¹.

¹⁹⁵ См.: *Stolzenberg J.* Oberster Grundsatz und Ursprung in Hermann Cohens theoretischer Philosophie // *Philosophisches Denken – Politisches Wirken. Hermann-Cohen-Kolloquium Marburg 1992.* Hrsg. von R. Brandt und F. Orlik. Hildesheim–Zürich–New York, 1993. Далее цитируется как *Stolzenberg 1993* с указанием страниц.

¹⁹⁶ *Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. Berlin, 1871. S. IV. Далее цитируется как *Cohen 1871* с указанием страниц.

¹⁹⁷ *Stolzenberg 1995*, 24. См.: *Круглов А.Н.* Трансцендентализм в философии. М., 2000. С. 108–109.

¹⁹⁸ См.: *Stolzenberg 1993*.

¹⁹⁹ *Наморн П.* Кант и Марбургская школа (1912) // *Наморн П.* Избранные работы. М., 2006. С. 121. Далее цитируется как *Наморн*, КиМШ с указанием страниц.

²⁰⁰ *Cohen 1871*, 3.

²⁰¹ *Cohen 1871*, 206.

В ходе анализа априорности пространства Коген различает в кантовском априори три степени, или ступени: метафизическая первоначальность, форма и формальное условие возможности опыта. Если на первых двух ступенях еще может казаться, что априорное идентично врожденному, то трансцендентальным познанием априори третьей ступени докритическое противопоставление врожденного и приобретенного преодолевается окончательно²⁰². Найденные три ступени априорности Коген применяет не только к анализу пространства и времени, которые в этом случае выступают в трех «ипостасях»: как «хронологическая начальность в развитии сознания»²⁰³, как формы чувственности и как «предусловия (Vorbedingungen) синтетических основоположений»²⁰⁴, — но и к анализу категорий. Что касается категорий, то в их толковании Коген довольно далеко отходит от Канта, утверждая, что, во-первых, априорность можно приписать только *категории* вообще как «синтетическому единству в связывании многообразного» и, во-вторых, лишь *категориям* кантовской таблицы²⁰⁵. Априори пространства, времени и синтетического единства составляют формальное условие опыта, то есть с их помощью может быть *сконструировано* понятие опыта.

Коген считает «рычагом опыта» «синтетические основоположения», поэтому реконструкцию опыта можно начинать именно с них: только синтетические основоположения есть «то, что обуславливает возможность опыта в последней инстанции»²⁰⁶. Такой инстанцией следует считать «*высшее основоположение*» трансцендентальных условий познания — понятие, системообразующее для когеновской теории опыта²⁰⁷. Отдельным трансцендентальным условием познания Коген предлагает считать не «замкнутое целое», а лишь «часть и звено более высокого целого». Это целое представляет собой «совокупность трансцендентальных условий», которое «как единство удерживает единство науки»²⁰⁸. Это отношение части и целого Коген понимает как отношение вида и рода. Через понятие рода трансцендентальных условий естественно-научного познания можно объяснить понятие высшего основоположения, которое у Когена фигурирует или под названием «высшего основоположения синтетических суждений», или как «высшее основоположение опыта», то есть то, что делает возмож-

²⁰² См.: Holzhey 2004, 46.

²⁰³ Белов 2000, 28.

²⁰⁴ Cohen 1885, 216.

²⁰⁵ Cohen 1871, 101.

²⁰⁶ Cohen 1885, 406.

²⁰⁷ См.: Белов 2000, 33–34.

²⁰⁸ Cohen 1885, 138.

ным опыт или синтетические суждения. Остается открытым вопрос о том, в чем состоит *содержание* этого основоположения? Что делает его самого возможным? Ответ Когена: «ничего, кроме него самого»²⁰⁹. Это означает, что содержание этого основоположения выражает признание моментов законности (*Gesetzlichkeit*) как таких, которые заключены в признании факта математического естествознания как науки, а значит, и познания из законов²¹⁰.

Если Кант различал вопрос о возможности неэмпирических принципов («синтетических суждений а priori») в математике и естествознании и вопрос о возможности метафизики как науки, то для Когена существует еще вопрос об *основании возможности*, или о *значимости*, «математического естествознания». Теория познания — это, прежде всего, *критика* познания, которая заключается в том, чтобы выяснить, что делает естествознание наукой, то есть каковы предпосылки достоверности научного познания²¹¹. Искомые предпосылки Коген открывает в «познающем сознании»: «Те элементы сознания являются элементами познающего сознания, которые достаточны и необходимы для обоснования и укрепления факта науки»²¹². Эта мысль становится «принципом и нормой» *трансцендентального метода*, назначение которого состоит в том, чтобы исследовать, возможно ли решение той или иной познавательной задачи и, если возможно, то в какой мере. С помощью трансцендентального метода Коген пересматривает целый ряд положений кантовского критицизма: проблему «данности», отношения субъекта и объекта, понятия опыта, метода, идей-гипотез, границы и единства познания. Оставаясь на антиэмпиристской позиции, Коген проделывает несколько мыслительных ходов, позволяющих ему окончательно избавиться от дуализма созерцания и мышления, порождаемого наличием в кантовской теории «вещи в себе» и понятия «данности». Он пытается обосновать объективность познания без каких-либо ссылок на созерцание и заодно тем самым решить проблему очевидности, возникшую в результате кризиса понятия «наглядности» с появлением в науке мнимых величин.

Одним из самых разрушительных для старой метафизики последствий стало превращение Кантом понятия *субстанции* из «центра» и «истока» всякого учения в *предварительное условие* категорий отношения, в *функциональное понятие*. Коген, в свою очередь, показал, что такая трактовка субстанции подходит для уравниваний, описывающих *постоянство* бытия. Чтобы решить про-

²⁰⁹ Cohen 1885, 139.

²¹⁰ См.: Stolzenberg 1993, 81–82.

²¹¹ См.: Holzhey 2004, 47.

²¹² Cohen 1885, 77.

блему движения, Коген воспользовался принципом *метода бесконечно малых*, позволяющим обосновать реальность через бесконечно малое число, превратить ее в *предварительное условие субстанции* и тем самым «ликвидировать все убежища сенсуалистского реализма»²¹³. Однако окончательно избавиться от «сенсуалистского предрассудка» можно только преодолев иллюзию *данности*, якобы служащую *условием* для мышления. «Мышлению может быть, однако, дана только “материя” и никогда “содержание”»²¹⁴. Данность заменяется бесконечно малой реальностью, лишь в силу методической связи с которой «пространство и время отныне также приобретают свою подлинную чистоту»: без такой реальности их уже сам Кант называл «чистыми химерами» (*blosse Hirngespinnste*)²¹⁵. Но с отказом от понятия «данности» ставится под вопрос ощущение — может быть, ощущение вместе со своим мнимым содержанием тоже предрассудок? «Только чистое мышление в состоянии заставить признать обоснованным содержание, которое ощущением *регистрируется*, должно регистрироваться и только им одним может регистрироваться. <...> То, что эту регистрацию ощущения делает реальной, это не что иное, как содержание физики в ее отличии от чистой (*blossen*) математики. *Это физикалистское содержание ощущения определяется и обосновывается бесконечно малой реальностью*»²¹⁶. Одновременно с «данностью» Коген, разумеется, пересматривает по тому же принципу понятие «вещи самой по себе»²¹⁷. Ссылаясь на высказывание Канта о том, что «учение о чувственности есть вместе с тем учение о ноуменах в негативном смысле»²¹⁸ и что «понятие ноумена есть только *демаркационное понятие*»²¹⁹, Коген превращает вещи сами по себе, или «предметы идей (*Ideendinge*) материального идеализма», в «регулятивные принципы, чье непрерывное применение есть единственное занятие разума»²²⁰; в *цель* и *задачу* научного познания,

²¹³ Cohen, H. Kants Theorie der Erfahrung. 3. Aufl. [mit einem Nachwort]. Berlin, 1918. S. 789. Далее цитируется как Cohen 1918 с указанием страниц.

²¹⁴ Cohen 1918, 791.

²¹⁵ Cohen 1918, 791–792.

²¹⁶ Cohen 1918, 792.

²¹⁷ См.: Длугач Т.Б. Понятие «вещи в себе» и его переосмысление в философии Марбургской школы неокантианства // «Критика чистого разума» Канта и современность. Рига, 1984. С. 246–248.

²¹⁸ Кант, КЧР, 308.

²¹⁹ Кант, КЧР, 310. Ср.: Cohen 1871, 252; Cohen H. Kants Theorie der Erfahrung. 2-te neubearb. Aufl. Berlin, 1885. S. 502–507. Далее цитируется как Cohen 1885 с указанием страниц.

²²⁰ Cohen 1871, 270. См. подробнее: Ritzel W. Die Ding-an-sich-Theorie Hermann Cohens // Hermann Cohen / Hrsg. von H. Holzhey. Frankfurt a. M. – Berlin – Bern – New York – Paris – Wien – Lang, 1994. S. 177–187.

обозначающую одновременно его бесконечно изменяющуюся *границу*, которая зависит не от явления, а от наших мыслей, от наших мыслительных *движений*; в «чистое предельное понятие»; в идею, или принцип, безусловного²²¹. «Вещь сама по себе» у Канта постулировалась как единственная онтологическая данность, которая, тем не менее, не могла служить основанием для построения онтологии, так как логический доступ к «вещи самой по себе» как трансцендентному понятию невозможен. От этого противоречия, «предрассудка бытийного требования», надо было избавиться. Отказавшись от онтологического толкования «вещи самой по себе», Коген решил эту проблему методологически. «Превратившись в идею, “вещь сама по себе” больше не пустая мысль ненаучного реализма, что-то вроде призрака нелогичного суеверия или невещественное выражение вещественно невыполнимого желания (Desiderates)», — ей отныне присуща «систематическая позитивность», которую она должна проявить в «систематической творческой силе»²²². Уничтожая «вещь в себе», Коген пресекал попытки мистического истолкования кантовского учения, уничтожал возможные надежды на существование бога и возрождение метафизики. «Сверх реальности бесконечно малых не может быть никакой гарантии, никакого обоснования *объективности*»²²³. Теперь на кантовский вопрос о возможности априорного синтетического познания, Коген отвечает: «да», если «методическое предпочтительное значение (Vorzugswert) априорности» признать за реальностью бесконечно малых²²⁴.

Коген отказался «от того, чтобы учение о чувственности предшествовало логике. *Мы начинаем с мышления*. Мышление не может иметь никакой причины, кроме самого себя»²²⁵. Поэтому, если вернуться к проблеме созерцания, становится очевидно, что, по Когену, под реальным предметом природы следует понимать *объект познания*, взятый как «помысленное единство системы»²²⁶ и состоящий в закономерных связях и отношениях сил, выраженных в определенных величинах. Например, в математическом естествознании предметы описываются как силы, чьи закономерные связи выражены математическими уравнениями. Законы математического естествознания — это законы движения, и реальные предметы природы следует мыслить как случаи законов дви-

²²¹ Cohen 1885, 505–506, 518–520.

²²² Cohen 1918, 796.

²²³ Cohen 1918, 795.

²²⁴ Cohen 1918, 794.

²²⁵ Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1922. S.12–13. Далее цитируется как Cohen, Logik с указанием страниц.

²²⁶ Cohen 1885, 439.

жения. Поэтому и понятие об объекте познания следует мыслить не как понятие о конкретной вещи, а как понятие об «идеальном объединении». Что касается связей и отношений, его составляющих, то их Коген стремится обосновать в синтетических основоположениях а priori²²⁷. «Не звезды на небе есть те объекты, которые тот [трансцендентальный] метод учит наблюдать; но астрономические расчеты, те факты научной реальности есть как бы то действительное, что подлежит объяснению <...>. На чем основывается та реальность, которая дана в этих фактах? Каковы условия той достоверности, из которой это очевидно действительное получает свою реальность? Те факты законов есть объекты; не звезды (Sternendinge)»²²⁸. Именно «законы — те реальности, которые делают действительное объективным»²²⁹.

Оправдание значимости научного познания — это отныне дело только логики, которая не нуждается ни в какой трансцендентальной эстетике. В «Логике чистого познания» Коген формулирует ряд афоризмов, «парадоксальных по своему содержанию и замкнутых по форме»²³⁰, в которых современники увидели «метафизические истоки»²³¹ его системы. В качестве таких «парадоксальных» положений системы, призванных решить проблему познания, можно назвать следующие:

— во-первых, «бытие есть бытие мышления. Поэтому мышление есть мышление бытия, мышление познания», о чем Коген заключает на основе парменидовского отождествления мышления и бытия²³²;

— во-вторых, «само порождение (Erzeugung) есть порождаемое (Erzeugnis). <...> сама деятельность есть содержание, которое нужно породить (erzeugen)»²³³, что должно привести к доказательству «конструктивности самого содержания мысли» и преодолению в мысли — «данности» бытия. Именно мысль «создаст» бытие²³⁴;

— в-третьих, «чистое мышление в самом себе, и только оно, должно привести к порождению только чистого познания»²³⁵;

²²⁷ См.: Stolzenberg 1995, 35.

²²⁸ Cohen H. Kants Begründung der Ethik. Berlin, 1877. S. 20–21. Далее цитируется как Cohen 1877 с указанием страниц.

²²⁹ Ibid.

²³⁰ Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена (1917) // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 235. Далее цитируется как Рубинштейн 1994 с указанием страниц.

²³¹ Рубинштейн 1994, 239.

²³² Cohen, Logik, 15.

²³³ Cohen, Logik, 53, 29.

²³⁴ См.: Рубинштейн 1994, 235–236.

²³⁵ Cohen, 13.

— в-четвертых, «мышление есть мышление первоначала»²³⁶ (Ursprung)²³⁷, что означает, что мышление по образцу платоновской *гномоэты* должно быть понято как *полагание основ* (Grundlegung)²³⁸.

Так, место выдвинутого ранее основоположения о порождении реального как интенсивной величины²³⁹ занимает «мыслезакон первоначала» (Denkgesetz des Ursprungs), или «суждение первоначала»²⁴⁰. Суждение первоначала вместе с суждениями тождества и противоречия образует «основание мышления»²⁴¹, что можно представить как логический акт синтеза противоположного — акт, с которого начинается все научное познание и который порождает логическую связь отдельных содержаний и систему отношений²⁴². Принципу первоначала в логике соответствует принцип бесконечно малых в математике и математическом естествознании — оба выполняют функции подлинно систематического начала: основания для порождения многообразия элементов из единого источника (дифференциал как закономерная основа непрерывных величин) и объединения их в едином целом (интеграл

²³⁶ Этот термин имеет в русском языке богатую историю, которая представляется поучительной как пример интерпретаторских усилий переводчиков. Как «изначало» переводит этот термин В.Э. Сеземан (Сеземан 1913, 12; перевод кн.: Мюллер-Фрейенфельс, *Философия XX столетия в ее главных течениях*, 30); «происхождение» — П.П. Блонский, Б.В. Яковенко (Блонский П.П. *Современная философия*. Ч. 1. Москва, 1918 (1919). С. 150; Яковенко Б.В. *Мощь философии*. СПб., 2000. С. 435. Далее цитируется как Яковенко 2000 с указанием страниц), «начало» — В.А. Савальский (Савальский В.А. *Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии. Коген, Наторп, Штаммлер и др.* Т. 1 // *Ученые записки Московск. Имп. ун-та, юрид. ф-та*, вып. 33. М., 1909. С. 163. Далее цитируется как Савальский 1908 с указанием страниц), «изначальность» — М.И. Каган (Каган М.И. *О ходе истории* / Ред.-сост. В.Л. Махлин. М., 2004. С. 41. Далее цитируется как Каган 2004 с указанием страниц), «первоначало» — А.Л. Саккетти, Е.Н. Трубецкой (Саккетти А.Л. *Философия Германа Когена* (1918) // *ОР РНБ*. Ф. 626. Ед. хр. 126. Л. 10; Трубецкой Е.Н. *Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства*. М., 1917. С. 211), «первоисточник» — Б.А. Фохт (Фохт Б.А. *Избранное (из философского наследия)* / Предисл., публ. и комм. Н.А. Дмитриевой. М., 2003. С. 295. Далее цитируется как Фохт 2003 с указанием страниц), «осново-начало» — С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн 1994, 234).

²³⁷ Cohen, *Logik*, 36.

²³⁸ Об интерпретации Когеном платоновского учения об идеях см.: Фохт 2003, 276–280; Lembeck K.-H. *Platon in Marburg: Platon-Rezeption und Philosophiegeschichte*. Philosophie bei Cohen und Natorp. Würzburg, 1994. S. 13–166.

²³⁹ См.: Cohen H. *Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte* (1883) // *Cohen H. Werke*. Bd. 5/I. Hildesheim, 1984. S. 14.

²⁴⁰ Cohen, *Logik*, 91.

²⁴¹ Cohen, *Logik*, 120.

²⁴² Гайденко П.П. *Научная рациональность и философский разум*. М., 2003. С. 407. Далее цитируется как Гайденко 2003 с указанием страниц.

как совокупность членов ряда). Всего же Коген выделил «четыре точки зрения чистого познания», которым соответствуют четыре класса суждений: «суждения мыслезакона», «суждения математики», «суждения математического естествознания» и «суждения методики [исследования]»²⁴³.

Хотя принцип первоначала может показаться по сути схожим с ранее сформулированным «высшим основоположением», но вследствие использования Когеном понятия *гипотезы* для интерпретации принципа первоначала о последовательном развитии этого принципа из понятия высшего основоположения не может быть и речи. Когеновское толкование принципа первоначала как гипотезы на самом деле следует рассматривать как скрытую самокритику и попытку с самого начала исключить и опровергнуть стремление видеть в этом принципе наследника «высшего основоположения»²⁴⁴. В действительности, принцип первоначала — один из самых сложных и, одновременно, важных элементов когеновского учения. Его искаженное понимание способно привести к разладу всей философской системы Когена. Его нельзя отождествлять ни с метафизическим абсолютным²⁴⁵, ни со способной на ревизию гипотезой²⁴⁶. Это принцип формы законности, квалифицирующий само мышление. Принцип первоначала можно рассматривать как «последний принцип», но все же не как принцип порождения разницы²⁴⁷.

Согласно принципу первоначала, с одной стороны, можно только то считать данным мышлению, что оно само в состоянии в себе обнаружить²⁴⁸. С другой стороны, Коген подчеркивает, что в этом принципе (=суждении) мысль «противополагает, задает себе бытие как некоторое бесконечное “ничто”, которое в бесконечном процессе познания должно стать определенным “не-что”»²⁴⁹. Данность в отношении к предмету познания может иметь смысл лишь в качестве цели полной определенности предмета в бесконечном процессе познания.

Таким образом, «данность снова восстанавливается в правах и легитимируется»²⁵⁰. Но теперь это уже не та данность, которая была у Канта, — чувственная данность или данность категорий.

²⁴³ Cohen, Logik, 77–78; Белов 2000, 81.

²⁴⁴ См.: Stolzenberg 1995, 49, 51.

²⁴⁵ Holzhey 1986/I, 183, 218.

²⁴⁶ Edel G. Kantianismus oder Platonismus? Hypothesis als Grundbegriff der Philosophie Cohens // Il cannocchiale, rivista di studi filosofici, n. 1–2. Napoli, 1991. S. 81.

²⁴⁷ Stolzenberg 1993, 94.

²⁴⁸ Cohen, Logik, 82.

²⁴⁹ Рубинштейн 1994, 242. Ср.: Cohen, Logik, 84.

²⁵⁰ Рубинштейн 1994, 242.

От такого понимания данности Коген отказывается. Для него данность — это наука, где место чувственных данных занято «фактом науки». Данность не представляет ценности как чистое, то есть простое описание. Чистое описание — это «чистый миф», поскольку в нем обязательно есть элемент «конструкции». Поэтому следует исходить не из конструкции бессознательной и бессистемной, которая получается в результате работы обыденного познания, а из конструкции научной, которая на вопрос о бытии дает ответ в *понятии*²⁵¹. Чистое основание математического и естественно-научного познания заключается в открытой системе суждений (аналог кантовских основоположений), понятой как система методов чистого мышления, методов, порождающих предмет. Различие между суждениями и основоположениями, то есть между объединяющими функциями мышления в суждении и принципами объективно значимых суждений, сглажено тем, что суждения сами служат «основными средствами познания», которыми — без участия алогичных факторов — порождаются элементы чистого познания²⁵².

Так выясняется *неразрывная* связь, соединяющая логику и науку: логика «вскрывает *идейное* содержание бытия и *конституирует* то бытие или ту предметность, которую наука определяет»²⁵³. «Единство логики и науки», понятое как выражение единства познания, представляет собой «основное условие, сообщающее мысли природу и ценность познания». Лишь в систематическом единстве познания, лишь в единстве логики и науки обосновывается познание в науке и научность всего познания²⁵⁴.

Философия Когена в своей идеалистической направленности содержала не только мощный теоретический, но и не менее мощный *этический* мотив, систематически развитый в его книге «Этика чистой воли» (1904). Подобно отказу от всех онтологических претензий в теории познания, этика Когена также проникнута антионтологическим и антинатуралистическим духом. Его этика идеалистична не в меньшей мере, чем логика познания: этика производит свои основные понятия нравственного определения воли с помощью анализа заданных фактов науки. Центральный вопрос «как возможно этическое познание?» специфицируется в положении об автономии или самозаконодательстве действующего человека (*des handelnden Menschen*). В отличие от логических основ познания природы, в этике речь идет об основах

²⁵¹ Рубинштейн 1994, 245.

²⁵² См.: Cohen, Logik, 74.

²⁵³ Рубинштейн 1994, 245.

²⁵⁴ Рубинштейн 1994, 246.

нормативного человеческого самопознания, или, по Когену, «самосознания». Как философская дисциплина этика относится к человеку так, как логика к проблеме природы. В своем этическом идеализме Коген борется против антропологического натурализма, отстаивая *человека*, понятого в соответствии с «вечной» задачей самосовершенствования²⁵⁵. При построении этики Коген в поисках *образцовой* науки, аналогичной математике, обращается к *праву* как к «дисциплине, дающей в понятии *юридического лица* и *правового деяния* наиболее точную, объективно содержательную формулировку той проблемы, которую для этики представляет человек в его нравственных поступках»²⁵⁶.

В когеновской этике отводится значительное место учению о государстве и обществе²⁵⁷. Центром этого учения стало, однако, не государственное право, что было бы закономерно для его системы, а выстроенная под влиянием социалистических идей Ф.А. Ланге концепция *этического социализма*. Коген решительно отмежевывается от исторического и диалектического материализма и формулирует свой принцип социализма, опираясь на кантовскую этику. Социалистическая критика общества должна, по его мнению, исходить из категорического императива, который требует рассматривать «человечество как в твоём лице, так и в лице любого другого всегда одновременно как цель и никогда только как средство». В применении к «социальному вопросу» конца XIX в. этот закон практического разума означал, что рабочего нельзя считать товаром, так как в этом случае он лишается статуса личности. «Идею преимущества человечества как цели» Коген провозглашает «идеёй социализма», и тем самым придает нравственному закону конкретное историческое измерение: нравственный закон обязателен не только в отношении человечества вообще, но и в отношении экономических и политических групп или индивидов, ущемленных в личностном бытии законами трудового мира, который находится во власти рынка. Концепция когеновского социа-

²⁵⁵ См. очерк этики Когена: Holzhey 2004, 52–57; Pascher M. Cohens Ethik im Spannungsfeld zwischen Kant und Hegel // Philosophisches Denken – Politisches Wirken. S. 95–109; Winter E. Ethik und Rechtswissenschaft: Eine historisch-systematische Untersuchung zur Ethik-Konzeption des Marburger Neukantianismus im Werke Hermann Cohens. Berlin, 1980; Pascher M. Einführung in den Neukantianismus: Kontext – Grundpositionen – praktische Philosophie. München, 1997. S. 70–92. Далее цитируется как Pascher 1997 с указанием страниц.

²⁵⁶ Рубинштейн 1994, 247.

²⁵⁷ См. подробнее: Holzhey 2004, 57–59; Ethischer Sozialismus: Zur politischen Philosophie des Neukantianismus / Hrsg. von H. Holzhey. Frankfurt a. M., 1994; Pascher 1997, 92–106; Giesecke P. Kant und der Sozialismus: Studien zum Marburger Neukantianismus, philosophischen Kritizismus und kritischen Rationalismus. Inaugural-Dissertation. München, 1990. S. 118–130.

лизма существенно отличается от марксистской модели. В «этическом социализме» нет не только теории классовой борьбы и революции, но и учения о политической экономии. По сравнению с любой *революционной* стратегией, *этический социализм* диаметрально противоположным образом относится к будущему историческому развитию, которое Коген понимает как неуклонное приближение к «царству целей»²⁵⁸. Это «царство» представляет собой образец идеального государства и этически реформированного общества. Он противопоставляет идею государства, основанного на товарищеских началах, не только фактически существующим отношениям, но и их материалистически-марксистской интерпретации. В то же время Коген настаивает на смысловом различии между идеями нормативного *государства* и нормативного *общества*. Он приписывает обществу значение посредника между *государством* и *индивидом*. В отношении к государству общество функционирует в соответствии со своим реально-эмпирическим понятием, где оно выделяется из подвластной государству области как сфера обращения экономики, а также в соответствии с идеей материальной справедливости. Эта область государственно-общественных отношений получает значение «*социальной физики*». В отношении к индивиду общество тоже можно рассматривать двояким образом: с точки зрения экономической действительности и с точки зрения идеи общества как основоположения для этического социализма. Эту сферу Коген называет «*социальной этикой*»²⁵⁹. В историческом материализме Маркса Коген также находит «нравственный дух», но «ставит его с ног на голову»²⁶⁰, так что даже его превращает в свидетельство в пользу *идеалистического* взгляда на *историю*, который формулирует, исходя из идеи (гипотезы) *свободы*. Однако для Когена недостаточно, что принцип свободы лежит в основании истории: историческая теория должна одновременно отвечать за будущее осуществление *человеческого*. Философско-исторический мессианизм Когена постулирует политическую установку по отношению к будущему в смысле «вечной работы» по осуществлению нравственности²⁶¹.

Когеновская теория социализма с исторической точки зрения противоположна не только историческому материализму марксизма, но и религиозному определению этического субъекта воли. Благодаря кантовскому понятию автономии этика у Когена осво-

²⁵⁸ Cohen 1877, 242.

²⁵⁹ Cohen H. Ethik des reinen Willens. 2. Aufl. Berlin, 1907. S. 310–311. Далее цитируется как Cohen, Ethik с указанием страниц.

²⁶⁰ Holzhey 2004, 58.

²⁶¹ Cohen, Ethik, 410.

бождается от религии и теологии. Центральным этическим понятием, таким как бог, вечность, Мессия, грех, он дает этическую интерпретацию, всегда оставаясь в рамках просветительской традиции универсального интереса к человечеству. Однако, по Когену, «религия и нравственность не идентичны»: *нравственность* следует считать «целью, к которой стремится религия. И этапы этого движения дают критерий религиозного прогресса»²⁶². Высказывания пророков Коген понимает как этическое «*полагание основ*» и толкует *человечество*, то есть всеобъемлющее понятие человека, как «то, что хорошо для людей». Можно сказать, что построение Когеном концепции религии проходило в соответствии с выдвинутым им самим лозунгом: «*решение религии в этике*»²⁶³.

Завершает когеновскую систему философии *эстетическое* учение, в котором ставится вопрос о возможности искусства как содержания специфического способа порождения сознания. Искусство представляет собой одно из трех направлений сознания (природа, свобода, искусство) и порождает в качестве нового содержания *прекрасное*, хотя и не как новый «вид объекта», но в объектах природы и нравственности. Таким образом, Коген выделяет в культуре специфическую область, искусство, и ставит вопрос об обосновании закономерного нахождения эстетического в сознании. Эстетика обнаруживает единство логических и этических основоположений уже в единстве их материала. Что это конкретно означает, можно лучше всего представить, если вспомнить, что искусство ничего не изобретает, — оно, скорее, обнаруживает и оформляет. Искусство создает свое содержание, делая другие — этические и природные — предметы эстетическими. Принципы логики и этики *предполагаются* в искусстве и тем самым сохраняют свою действенность и в рамках эстетики²⁶⁴. В основании создания и рецепции искусства лежит «чистое чувство», в котором осуществляется «любовь к природе человека»²⁶⁵. Перед всеми искусствами Коген отдает предпочтение поэзии, поскольку она представляет собой «объединение понятия и чувства слова» при посредстве языка²⁶⁶, что обеспечивает единство искусства. Искусство оказывается перед проблемой «системы культуры»:

²⁶² Коген Г. Значение еврейства в религиозном прогрессе человечества (Речь Германа Когена, произнесенная на V-м всемирном конгрессе для свободного христианства и религиозного прогресса) // Еврейский мир. Трехмесячный ж-л. 1910. Кн. 2—3. С. 6.

²⁶³ Cohen H. Einleitung mit kritischem Nachtrag zur 7. Aufl. von Fr. Alb. Lange's Geschichte des Materialismus in 2., erw. Aufl. [Sonderdruck. Leipzig, 1902]. S. 518. Далее цитируется как Cohen, Einleitung с указанием страниц.

²⁶⁴ Renz 2002, 151.

²⁶⁵ Cohen H. Ästhetik des reinen Gefühls. Bd. 1. Berlin, 1912. S. 182. Далее цитируется как Cohen, Ästhetik 1912 с указанием тома и страниц.

²⁶⁶ Cohen, Ästhetik 1912/1, 367.

как может быть философски обосновано систематическое единство культуры? Отдельные «факты» культуры (наука, нравственность, искусство) могут быть поняты как сами по себе, так и в их принадлежности к единой культуре только из связи их способов порождения. Эту связь выражает система философии²⁶⁷.

Теоретическая сложность философской системы Когена отпугивала неискушенных, тем самым сужая круг «посвященных». Поэтому совершенно справедливо сетовал Б.В. Яковенко, что «в Германии, в стране философов и философии *par excellence*, имя Германа Когена совсем не пользуется популярностью, вне тесного кружка последователей и учеников его книги мало изучаются и обсуждаются, его философская система замалчивается. Это тем более странно, что система Когена является, несомненно, философским событием первостепенной важности: этого не станет отрицать ни один человек, ознакомившийся с нею, как бы враждебно он ни относился к тому течению, представителем которого является Коген»²⁶⁸. Отчасти это объясняется теоретической и стилистической сложностью его трудов, отчасти — его социалистическими взглядами, отчасти — антисемитизмом, который в Германии приобретал все более значительные масштабы по мере приближения к событиям 1914 г. Факт, что Герман Коген, социалист и некрещеный еврей, в германском университете возглавлял кафедру, был сам по себе беспрецедентным²⁶⁹. Беспрецедентным было и его философское учение, где «Кант освобожден от остатков своего догматического времени, <...> Гегель укрощен в своем стремлении дать “законченную” систему и совершенно оторвать философию от науки, сделав ее одной только настоящей и единственной наукой. Вместе с тем система Когена впитывает в себя все двухтысячелетнее развитие философии, отражает в себе всю историю борьбы философии за независимость»²⁷⁰.

Хосе Ортега-и-Гассет, один из многочисленных знаменитых учеников Когена, утверждал, что «немецкая и мировая философия» перед Когеном «в неоплатном долгу за то, что он сильным и несомненно весьма интенсивным толчком заставил философию подняться на более высокую ступень»²⁷¹ научного развития.

²⁶⁷ Подробнее об эстетической концепции Когена см.: Акиндинова Т.А., Бердугина Л.А. Новые грани старых иллюзий. Проблема мировоззрения и культуры в буржуазной эстетической и художественной мысли XIX–XX веков. Л., 1984. С. 74–91.

²⁶⁸ Яковенко 2000, 424–425.

²⁶⁹ См.: Fisher S. Revelatory Positivism? Barth's Earliest Theology and the Marburg School. Oxford, 1988. P. 10; Willey 1978, 105; Ebbinghaus J. Cohen, Hermann // The Encyclopedia of philosophy, 127; и др.

²⁷⁰ Яковенко 2000, 427.

²⁷¹ *Marías (Aguilera) J.* José Ortega y Gasset: Circumstance and vocation. Transl. by F.M. Lopez-Morillas. Norman, 1970. P. 198.

4.2. Пауль Наторп

Учеником, другом и единомышленником Германа Когена был Пауль Наторп (1854–1924), который после ухода Когена с кафедры в 1912 г. принял на себя духовное руководство Марбургской школой²⁷².

Путь Наторпа в философию был довольно извилист: свои студенческие занятия он начал в 1871 г. в Берлине изучением музыки, истории и классической филологии, продолжил свои занятия филологией у Г. Узенера в Бонне, в 1874 г. переехал в Страсбург, где в 1876 г. сдал государственный экзамен и защитил диссертацию по истории о Пелопоннесской войне²⁷³. Все эти годы Наторп был совершенно погружен в музыку, занятиям которой посвящал огромную часть своего времени. Он увлечен Брамсом и Шуманом, Бахом, Бетховеном и в особенности Вагнером, чье «новое искусство» «на годы полностью завладело им»²⁷⁴. В то же время Наторп пишет собственные музыкальные сочинения, испытывая ужасные мучения от невозможности выбрать между наукой и музыкой. В конце концов он решил обратиться за советом к И. Брамсу: отослать на суд гения свои произведения (1875). Ответ Брамса его «порядочно расстроил». «Прямо-таки ненавижу все, что называется музыкой и поэзией», — записал Наторп в своем дневнике²⁷⁵. Это определило выбор профессии, но не отвратило от музыки: в его музыкальном архиве за период с 1885 по 1915 г. сохранилось более ста песен, две хоровые работы и большое количество сочинений камерной музыки²⁷⁶. Известно, что одно из музыкальных произведений Наторпа — соната ре-мажор для виолончели и фортепиано (1917) — прозвучала в 1920 г. в Галле на

²⁷² См.: *Фохт* 2003, 424; *Fleishman L., Harder H.-B., Dorzweiler S.* Boris Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака. В 2-х т. Т. II. Stanford, 1996. С. 390. Далее цитируется как *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996 с указанием тома и страниц.

²⁷³ *Stolzenberg J.* Paul Natorp // *Deutsche biographische Enzyklopädie*. Hrsg. von W. Killy und R. Vierhaus. Bd. 7. München, 1998. S. 344.

²⁷⁴ *Natorp P.* Selbstdarstellung // *Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen*. Hrsg. von P. Schmidt. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig, 1923. S. 162. Далее цитируется как *Natorp, Selbstdarstellung* с указанием страниц.

²⁷⁵ *Natorp P.* Tagebuch. Nr. 3: «Notizen». 1875, Februar. S. 50–51. Рукопись. Частный архив. См. также: *Stolzenberg J.* Paul Natorp als Musiker, Musiktheoretiker und Komponist: Eine historisch-biographische Skizze. Vortrag aus Anlaß der Übergabe eines unbekannten Briefs von Johannes Brahms an den jungen Paul Natorp im Brahms-Institut an der Musikhochschule Lübeck, den 5. April 2006. Я благодарю проф. Юргена Штольценберга (Галле/Виттенберг) за предоставленный материал.

²⁷⁶ *Stolzenberg J.* Paul Natorp als Musiker, Musiktheoretiker und Komponist...

закрытии общего собрания Кантовского общества и получила горячее одобрение слушателей²⁷⁷. Другим серьезнейшим увлечением юности была математика²⁷⁸. Но Наторп искал «нерушимые надежные основания цельного понимания познания и жизни, приводящего в неразрывную связь разум и опыт, природу и человеческий дух, общность и индивидуума, науку и жизнь, последнее рациональное и последнее индивидуальное»²⁷⁹, и для ответа на этот «радикальный вопрос» ему требовалась наука — «не та или другая, а радикальная наука: философия»²⁸⁰. Свое философское образование он получил в Страсбурге у Эрнста Лааса, философа-позитивиста и автора работы «Кантовские аналогии опыта» (1876), там же в те же годы открыл для себя неокантианство Ланге и Когена²⁸¹. В 1880 г. он отправился в Марбург, где в 1881 г. защитил докторскую диссертацию «Теория познания Декарта. К предыстории критицизма»²⁸². Неокантианская точка зрения настолько сильно ощущалась в этом исследовании, что сам Коген просил автора внести корректуру, уточняющую различие между концепциями Декарта и Канта²⁸³. В 1885 г. Наторп стал экстраординарным, а в 1893 г. — ординарным профессором философии и педагогики Марбургского университета и занимал эту должность до выхода на пенсию в 1922 г.

Наторп писал, что «учеником Когена, в узком значении этого слова, <...> никогда не был»²⁸⁴. Вместе с тем, он считал себя подлинным и полномочным представителем Марбургской школы, признавая за Когеном положение ее основателя и идейного вдохновителя: «Мои работы о Галилее, Декарте и т. д., книга Кассирера о Лейбнице и вся его крупная работа о проблеме познания от Николая Кузанского до Канта, как и многое другое, что дала с тех пор наша школа по истории и критике точных наук, — все это сделано под влиянием работ Когена. Все, что было нами сделано за последние три десятилетия для изучения философии Платона,

²⁷⁷ Der Philosoph Natorp als Komponist // Berlinisches Tageblatt. 01.06.1920. Abendausgabe.

²⁷⁸ Natorp, Selbstdarstellung, 164.

²⁷⁹ Natorp, Selbstdarstellung, 165.

²⁸⁰ Natorp P. Vorwort zur ersten Auflage (1894) // Natorp P. Religion innerhalb der Grenzen der Humanität: Ein Kapitel zur Grundlegung der Sozialpädagogik. 2. durchges. und um ein Nachwort vermehrte Aufl. Tübingen, 1908. S. IV. Далее цитируется как Natorp 1908 с указанием страниц.

²⁸¹ См. об этом: Natorp, Selbstdarstellung, 162–164; Фоxm 2003, 265–268.

²⁸² Опувл.: Natorp P. Decartes' Erkenntnistheorie: Eine Studie zur Vorgeschichte des Kritizismus. Marburg, 1882.

²⁸³ Holzhey 2004, 65.

²⁸⁴ Наторп, КиМШ, 123.

Аристотеля, Демокрита, скептиков и т. д., было сделано под знаменем того же направления»²⁸⁵.

Историю развития философского учения Наторпа можно условно разделить на два периода²⁸⁶, граница между которыми должна была бы пройти по 1912 году — году выхода на пенсию и отъезда из Марбурга в Берлин Германа Когена. Условность этой границы заключается в том, что вызревание собственной оригинальной философской концепции шло постепенно и закономерно и было, как представляется, заложено уже в ранних философских работах Наторпа.

Интеллектуальной общественности Наторп стал известен прежде всего своими сочинениями по религии и педагогике.

Специальная работа Наторпа по философии религии — «Религия в пределах человечности» — впервые была опубликована в 1894 г. Для второго издания 1908 г. к первоначальному тексту было добавлено объемное послесловие. Название, сформулированное кантовским языком, с одной стороны, подчеркивало ограниченность религиозных притязаний и следовало в этом отношении кантовским принципам, с другой стороны, предлагало в качестве ограничителя вместо строго определенного Кантом понятия «разума» расплывчато неопределенное понятие «человечности». Действительно, для построения концепции религии Наторп находит совсем другие, нежели Кант, основания, вводит ее «в сферу социологических проблем»²⁸⁷. Поэтому среди немногочисленных исследователей наторповской философии религии²⁸⁸ сложилось мнение, что Наторп также и *выводит* религию из социологических или, точнее, «социально-педагогических размышлений»²⁸⁹. Но это не совсем верно.

Первое печатное выступление Наторпа по проблеме религии состоялось еще в 1881 г. и представляло собой полемику с марбургским теологом Вильгельмом Германном по поводу отноше-

²⁸⁵ *Natorp*, КиМШ, 122–123.

²⁸⁶ Традиционно выделяют три периода: до 1900 г., 1900–1911, 1912–1924 (*Holzhey* 2004, 66); или до 1888 г., 1888 («Введение в психологию») — 1909 (написание «Логических основ точных наук», опублик. в 1910 г.), 1909–1924 (*Фохт* 2003, 282–283); или до 1887 г., 1887 («Об объективном и субъективном обосновании познания») — 1912, 1912–1924 (*Белов* 2002, 5–6).

²⁸⁷ *Natorp* 1908, IV.

²⁸⁸ См.: *Saltzman J.D.* Paul Natorp's Philosophy of Religion within the Marburg Neokantian Tradition / With a Pref. by W.H. Capps. Hildesheim — New York, 1981; *Лусовенко Н.А.* Философия религии Марбургской школы неокантианства. Киев, 1983. С. 42–53.

²⁸⁹ *Bornhausen K.* Die Religionsphilosophie Paul Natorps: Zum Gedächtnis seines Todes August 1924 // *Zeitschrift für Theologie und Kirche*. Tübingen. 1925. H. 6. S. 404. Далее цитируется как *Bornhausen* 1925 с указанием страниц.

ния теоретического и практического познания к обоснованию не-эмпирической реальности у *Канта*²⁹⁰. Германн предлагал искать основания религии в познании, идущем только из практического самосознания, а теоретическое познание признать безусловно неоднородным с практическим и от него обособленным²⁹¹. Для Наторпа подобное прочтение Канта и предложение Германна было совершенно невозможно: оно означало не только возврат к средневековому подчинению и принижению научной истины по отношению к «истине религиозной», «абсолютной», но и пренебрежение всеми результатами теоретического исследования Канта. Поэтому Наторп, исходя из основных кантовских посылок теории познания, ставит своей задачей «полностью восстановить значимость (Geltung) единства духовной жизни»²⁹².

Объединяющий принцип Наторп находит в «мысли о вечном» законе природы, который невозможно получить из опыта, где мы имеем дело только с *временным* и *конечным*. И хотя в действительном познании и в природе ей ничто не соответствует, все же эта мысль сохраняет для нас свою значимость как предел и граница нашего действительного познания, «регулятивная идея», указывающая познанию цель. «Вечность», которую мы ищем в природе, можно рассматривать как коррелят к «вечности» трансцендентального субъекта, «коррелят единства апперцепции», или «единства сознания». Этим коррелятом оказывается «вещь сама по себе», указывающая «положение, которое мы должны занимать в нашем познании по отношению к миру»²⁹³. *Методологическая* роль этого понятия определяется тем, что оно имеет к тому же практическое значение и обоснование²⁹⁴.

Понятие бога у Наторпа совершенно очищается от исторического и «догматически-доктринального» содержания и выступает наравне с «вещью самой по себе» как *методологическое* понятие, как «рациональная граница человеческого»²⁹⁵: «Нам бы хоте-

---

²⁹⁰ *Natorp P. Über das Verhältnis des theoretischen und praktischen Erkenntnis zur Begründung einer nichtempirischen Realität // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1881. Bd. 79. S. 242–259. Далее цитируется как Natorp 1881 с указанием страниц.*

²⁹¹ *Natorp 1881, 242–243.*

²⁹² *Natorp 1881, 243–244.*

²⁹³ *Natorp 1881, 254.*

²⁹⁴ *Natorp 1881, 255. Ср.: Кант И. Сочинения в 4-х тт. на нем. и рус. языках. Т. III. Основоположение к метафизике нравов (1785). Критика практического разума (1788). М., 1997. С. 287 (006), где речь идет о том, что «практический разум ради себя самого, и не сверяясь со спекулятивным, сообщает реальность сверхчувственному предмету категории причинности, а именно свободе». Далее цитируется как Кант, КПП с указанием страниц.*

²⁹⁵ *Bornhausen 1925, 416–417.*

лось, — пишет Наторп и тем самым подчеркивает кантианское происхождение своих идей, — сверхчеловеческое сделать человечески близким, не для того чтобы опустить его до нас, а чтобы *нам до него возвыситься*»²⁹⁶ [курсив мой. — Н.Д.].

Нравственный и религиозный смысл, который иногда *вкладывают* в «теоретическую вечность закона природы», нужно понимать лишь как отражение другой «основной ценности (Wert) вечности», чье основоположение можно найти лишь в практическом самосознании нравственной личности. Поэтому истина как характеристика результата теоретического познания может приобретать значение не только «полезного и необходимого», но и «святого и божественного»²⁹⁷. Решающая ценность соответствия между практическим и теоретическим значением *вечного* находится не в применении его в теологии, а «в ясности, которая достигнута здесь благодаря особенной значимости (Geltungswert) этой мысли для обеих областей, и обладание чем, мы это признаем, нам дороже всей теологии»²⁹⁸.

Вечное — не характеристика мира вещей или духов, но мысль, существующая в теоретическом и практическом сознании, которое мы имеем о нас самих и о вещах. *Вечное для нас* — это *точка зрения*, с которой мы рассматриваем временное и которая *допускает* существование *временного*, гетерогенного вечному. Вскрытое соответствие между теоретической и этической значимостью этой «точки зрения» Наторп возводит к Спинозе, а ее теоретико-познавательное основание, разумеется, к Канту²⁹⁹, и таким образом в трактовке проблемы религии пока остается в пределах кантовского разума. Хотя сама «мысль о вечном», которая в этой работе осталась сущностно неопределенной, уже указывает на последующий интеллектуальный дрейф.

Наторп никогда не отказывался от критического рассмотрения религии. Это выразилось, прежде всего, в его полном согласии с Кантом в том, что религия должна быть *ограничена*. Но для Наторпа 1894 года религия больше не может оставаться в границах разума, поскольку тогда она снова оказалась бы, как у Канта, одним из видов познания, а именно — практического познания «всех обязанностей как божественных заповедей»³⁰⁰. С такой интерпретацией религии Наторп категорически не согласен³⁰¹. Он

²⁹⁶ Natorp 1881, 259. Ср.: Кант И. Трактаты. СПб., 1996. С. 302: «Возвышаться к этому идеалу морального совершенства, т. е. к первообразу нравственного убеждения во всей его чистоте, — это общечеловеческий долг».

²⁹⁷ Natorp 1881, 256.

²⁹⁸ Natorp 1881, 257.

²⁹⁹ Natorp 1881, 258.

³⁰⁰ Кант, КПР, 639 (129).

³⁰¹ Natorp 1903, 102.

находит для религии другое основание и помещает ее в другие границы.

С самого начала оставшееся строго неопределенным понятие «мысли о вечном», в известном смысле объединившее в себе кантовскую идею бесконечного, вневременного и сверхчувственного, указывало на некое принципиально нерационализируемое содержание этой *мысли*. Поэтому позднее, в результате проведенного анализа и под влиянием философии религии Шлейермахера, смутная «мысль о вечном» превратилась в понятие «чувства», притягивающего на непосредственное отношение к трансцендентному, на его непосредственное *усмотрение*.

Для Шлейермахера чувство — это способность человека воспринимать отдельное одновременно как воплощение целого³⁰², то есть он понимает это так, что в отдельном заключена некая закономерность, которая может выступать как репрезентант целого, а чувство — способ, каким переживается связь целого и отдельного. Наторп определяет чувство как «целое, наполненное содержанием непосредственное *самопереживание*»³⁰³, что означает субъективное наличие некоего содержания до начала всех возможных понятийных различений и объективирований. Это позволяет Наторпу говорить о некоей «последней тотальности» чувства, в которой «все конкретное есть единое»³⁰⁴. В этом последнем основании субъективности, в «чистой субъективности чувства»³⁰⁵, видит Наторп «корень религии»³⁰⁶.

У Шлейермахера в понятии чувства тесно связаны между собой два аспекта — субъективный и объективный: тем, что субъект воспринимает объективную связь целого и отдельного в модусе чувства, он одновременно воспринимает самого себя. Наторп переносит эту «мысль-чувство» из области *объективного*, представленной в учении Канта чистым разумом, в область *субъективного* и принципиально нерационализируемого и придает этому чувству значение *первоначального* основания любой жизненной активности, любого творческого, в том числе познавательного, акта. Это не означает, что чувство, по Наторпу, может быть рационализовано: это скорее некий эквивалент когеновского «*Ursprung*», имеющий не логическое, а психологическое происхождение. Религия, в отличие от других областей культуры — науки, нравственности

³⁰² *Schleiermacher F. Über die Religion: Reden an die Gebildeten unter ihren Verächtern. Mit einer Einleitung hrsg. von A. Arndt. Hamburg, 2004. S. 32 (56).* Далее цитируется как *Schleiermacher 2004* с указанием страниц.

³⁰³ *Natorp 1911, 123.*

³⁰⁴ *Ibid.*

³⁰⁵ *Наторп 1903, 103.*

³⁰⁶ *Natorp 1908, 86.*

и искусства, — не обладает, по Наторпу, способностью построения объектов, поскольку «бесконечное содержание» и бесформенность чувства, на котором она основывается, не вписывается в эти конечные построения, но «стремится встать в прямое отношение к бесконечному, к сверхчеловеческому» и даже притязает на универсальность, что выводит религию в область трансцендентного. Лишить чувство этого догматического притязания на трансцендентность можно, если понимать под религиозным представлением, с одной стороны, регулятивную идею, с другой, — художественный символ³⁰⁷.

Так Наторп называет важный аспект своей концепции религии в границах человечности: он опровергает трансцендентальную претензию религии. Значение религии он понимает, исходя из функции, которую религия выполняет по отношению к названным областям культуры: быть последним субъективным основанием для этих областей, «их объединяющей основной силой», их «первоначальнейшим, неиссякаемым живым истоком»³⁰⁸. С этой точки зрения, быть религиозным означает обладать уверенностью, что нравственное требование находится в соответствии с каузальностью законов природы. В этой идее Наторпа можно увидеть скрытую критику кантовского понятия бога как некоего постулата чистого практического разума, поскольку этот постулат относится к трансцендентному богу-творцу, который есть инициатор морального миропорядка. На место трансцендентного бога Наторп ставит продиктованную чувством уверенность в соответствии нравственности и природы. Искусство, в свою очередь, предлагает нам образцы того, как следует понимать наши религиозные представления о трансцендентном мире, а именно — только как художественные символы, не имеющие никакого отношения к объективной реальности.

Из этих положений Наторп формулирует понятие «человечности», объединяющее все области культуры, в основе которых находятся возможности человека как конечного существа, формы его сознания. Человечность — это «расцвет человеческого в человеке», достичь которого можно только «живым внутренним участием *отдельного*» человека в «его целом бытии и действовании, в жизни общего, в человеческой общности»³⁰⁹. Границы человечности — это «область *значимости* законов научного познания,

³⁰⁷ Наторп 1903, 103–104.

³⁰⁸ Наторп 1908, 44.

³⁰⁹ Наторп 1908, 1. Ср. с определением Шлейермахера, который под «человечеством» понимает «собственно универсум для нас». См.: Schleiermacher 2004, 31 (55), 28 (50).

нравственного воления и художественных образов»³¹⁰. Эти границы установлены нами самими и миром в соответствии и на основе ограниченности нашего познания. Религиозное сознание не может перешагнуть эти границы.

Дальнейшее развитие понятия религии шло у Наторпа по пути уточнения связи между индивидом как отдельным и человеческой общности, человечества как целым. Космологическое понятие чувства у Шлейермахера, «чувство к бесконечному», Наторп редуцирует к понятию чувства, фундирующего все области культуры, *человеческого* универсума, и не претендующего на *природный* космос. Проблема общего и отдельного, поставленная в философии религии Шлейермахера, уже самим Шлейермахером рассматривалась в том числе с точки зрения отношения человека как отдельного и человечества, или человеческой общности, как общего. Это отношение Наторп не только особо подчеркнул в своей концепции, но сделал центральным и фактически единственным смыслом религии. Религия, очищенная от всякого исторического, христианского содержания, оказывается у Наторпа лишь идеей единого человечества и одновременно неким изначальным основанием такого единства, заложенным в иррациональном «самопереживании» отдельного индивида.

Если Коген находил решение проблемы религии в этике, то для Наторпа благодаря понятию «чувства» ключом к религии стала эстетика. Наторп не оставил ни одного сочинения, специально посвященного вопросам эстетики, поэтому исследователям³¹¹ приходится реконструировать точку зрения Наторпа на эстетику по отдельным фрагментам, разбросанным по разным работам³¹². Наторп понимает эстетику как философию искусства. Объект искусства — «индивидуальное как таковое»³¹³, которое не может быть односторонне — или теоретически, или практически — понято, но основывается на некоем специфическом «объединении» теоретических и практических форм объективации: «Объект искусства следует рассматривать таким образом, *как если бы он, как он есть, так же должен был быть; как он должен быть, так же и был бы*»³¹⁴.

³¹⁰ Natorp 1908, 104.

³¹¹ Есть единственная монография, посвященная эстетике Наторпа см.: Krebs I. Paul Natorps Ästhetik: Eine systemtheoretische Untersuchung. Berlin—New York, 1976. См. также: Фохт 2003, 315—414; Белов 2002, 23, 40—42.

³¹² См.: Hamorn 1903, 101—102; Natorp 1911, 106—119; Natorp, PI, 506—508; Natorp, Selbstdarstellung, 179—181; Natorp P. Philosophische Systematik, 338—341, 371—382 („Poiesis“). См. также: Natorp P. Hermann Cohen als Mensch, Lehrer und Forscher. Marburg, 1918. S. 10—11, где Наторп говорит о своих расхождениях с Когеном во взглядах на искусство.

³¹³ Natorp 1911, 110.

³¹⁴ Natorp 1911, 113.

Художественное творчество достигает высшего уровня там, где «сама идея» воплощается в индивидуально-чувственный образ произведения искусства, и искусство таким образом «чуть не само превращается в новый вид философии»³¹⁵. Органом постижения объектов искусства Наторп называет «творческую фантазию». Между производством и рецепцией искусства в их психологической характеристике нет различия. Об эстетическом «чувстве» речь может идти лишь постольку, поскольку тем самым ссылаются на «чувство себя (Selbstgefühl) в образах»³¹⁶, то есть на чувство, сопровождающее, но не «конструирующее» художественное творчество.

Ситуация с сочинениями Наторпа по этике формально похожа на положение дел с эстетикой: специальных работ, посвященных этическим проблемам, у Наторпа нет. Но в действительности его крупные произведения по педагогике и социальной философии содержат их подробную разработку и исследуют возможность распространения принципов этики (и философии в целом) на воспитание и общественное устройство³¹⁷. Рассмотрение этих двух сфер — педагогической и социальной — лишь как двух сторон или даже двух «масштабов» одной проблемы становится для Наторпа руководящей мыслью, воспринятой им из учения Платона³¹⁸. Большинство работ Наторпа по вопросам «практической философии» переведены на русский язык, поэтому я назову здесь лишь основные идеи, положенные в их основание³¹⁹.

Проблема долженствования возникает у Наторпа из анализа положения о никогда не завершающемся процессе мышления. Стадии этого процесса он рассматривает как некое открытое единство, которое имеет регулятивное значение кантовских идей разума и потому интерпретируется Наторпом как «единство направления» бесконечного процесса. В этом бесконечном движении познание подчинено *имманентному* долженствованию³²⁰. Теоретическое познание оказывается, таким образом, подчиненным практической задаче как «подлежащей осуществлению цели». «Поставление целей», как и «поставление предметов в опы-

³¹⁵ *Natorp* 1911, 118.

³¹⁶ *Natorp* 1911, 116.

³¹⁷ См.: *Natorp* 1903, 85–101; *Natorp* 1911, 67–106; *Наторп П.* Культура народа и культура личности. Пер. с нем. М.М. Рубинштейна. СПб., 1912. Перепеч.: *Наторп П.* Избранные работы. С. 147–294; *Наторп П.* Философия как основа педагогики. Пер. с нем., предисл. Г.Г. Шпета. М., 1910. Перепеч.: *Наторп П.* Избранные работы. С. 297–383; *Наторп П.* Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности. Пер. А.А. Громбаха с 3-го нем. изд. СПб., 1911. Далее цитируется как *Наторп*, СП с указанием страниц.

³¹⁸ *Наторп*, СП, VII.

³¹⁹ См.: *Holzhey* 2004, 71–74.

³²⁰ Здесь и далее см.: *Наторп*, СП, 30–69.

те», управляется «законом единства сознания» и раскрывается в *последовательности* перехода от долженствования к волеию. Истоком для формулируемой Наторпом теории осуществляющегося долженствования становится *стремление*, понятое как выбор направления к определенному месту опыта, или воля. Основанием, предпосылкой или важнейшей характеристикой, направленности сознания служит его *активность*. *Свобода воли* — это прежде всего «возвышение точки зрения практического суждения над мнимой принудительной силой естественного закона». Воля не может «по своему желанию» возвысить нас на максимальную ступень свободы, «минуя промежуточные ступени». Поэтому Наторп выделяет несколько ступеней активности, или видов стремления: самый нижний уровень — влечение, которое в борьбе с чувственной материей принимает форму *работы*; еще недостающее здесь сознание «сознательно сохраняемого единства направления» подходит к стадии «выбора», или «*просто воли*», где силы влечения концентрируются на «деле»; высшую форму активности представляет «разумная воля», которая ориентируется на «безусловно долженствующее быть».

В дополняющем эту теорию учении о добродетели Наторп ориентируется на Платона: ступень влечения соответствует платоновской добродетели чистоты или меры, ступень воли — храбрости или нравственной дееспособности, ступень чистой разумной воли — добродетели истины³²¹. Понятие справедливости указывает на *социальный* аспект добродетели, в особенности — на требование всеобщего равенства. Развивая эту идею, Наторп сближает индивидуальную этику добродетели с социальной педагогикой, под которой понимает «теорию воспитания воли на основе общности». Исходя из последовательности ступеней стремления, Наторп определяет социальную жизнь как «общность работы при общественном волевом регулировании» «социальной сферы влечений», направленных на социальную работу» «объединенных в общность индивидов», — при регулировании «общностной разумной критикой», проводимой с точки зрения безусловного единства целей³²². Этим трем уровням социальной жизни (работе, социальному регулированию с помощью «техники» и права, разумной критике) соответствуют хозяйственный, административный и воспитывающий виды деятельности³²³. Структурную последовательность Наторп интерпретирует одновременно как исторический путь социального развития, который в противоположность к материалистическому

³²¹ *Наторп*, СП, 94–98. Ср.: *Natorp*, PI, 345–349.

³²² *Наторп*, СП, 138–139.

³²³ См.: *Наторп*, СП, 156–166.

пониманию истории подчиняется закону долженствования. Социальная педагогика приходит в соответствие с конечной целью социального развития — «всесторонним раскрытием человеческого существа» — благодаря социальной организации воспитания в семье (в «доме»), в школе и в общественной жизни. Что касается *школьной политики*, Наторп всегда выступал за всеобщие и бесплатные народные школы, за равные возможности получения образования для всех слоев общества³²⁴, за светское образование и полное освобождение школы от власти и влияния церкви³²⁵. К идеям социальной работы, прежде всего воспитания, Наторп обращался в течение всей жизни и оставил огромное количество научных и публицистических статей, посвященных этим вопросам.

На теоретико-познавательных работах Пауля Наторпа долгое время лежало клеймо эпигонства: казалось, что они написаны в дополнение к когеновской «критике познания», и даже если и внесли самостоятельный вклад в систематическую теорию познания, то только благодаря более точной артикуляции при постановке вопросов и формулировании основных принципов, а также некоторым содержательным деталям³²⁶. Действительно, в том, что касается постановки задачи теоретической философии и обоснования методологического идеализма, Наторп следовал за Когеном, принимал участие в предпринятом им логицистском повороте, но свою собственную работу он фокусировал на чисто логическом «основоотношении между единством и многообразием», возведя это отношение к «основному содержанию познания»³²⁷.

С первых же статей, посвященных теории познания, Наторп начал полемику с позитивизмом и, не в последнюю очередь, с позицией своего страсбургского учителя, Эрнста Лааса, выпустившего к тому времени трехтомный трактат «Идеализм и позитивизм» (1879–1884). Наторп показывает, что вопрос «об объективном и субъективном обосновании познания», вынесенный им в заглавие статьи (1887), специфицируется и находит свое разрешение в проблеме отношения *общего* и *отдельного*, или единичного и всеобщего³²⁸. Именно в споре о преимуществе того или

³²⁴ *Natorp* 1903, 100.

³²⁵ См.: *Jegelka N. Paul Natorp: Philosophie, Pädagogik, Politik. Würzburg, 1992. S. 104–105.*

³²⁶ *Holzhey, Flach* 1979, 25.

³²⁷ *Natorp П.* Логика. Обоснование и логическое построение математики и математического естествознания. (Сжатое пособие к лекциям). Пер. с нем. В.А. Радзиевского с пред. И.И. Лапшина. СПб., 1909. С. 12.

³²⁸ *Natorp P. Über objektive und subjektive Begründung der Erkenntniss // Philosophische Monatshefte. 1887. Bd. XXIII. S. 275.* Далее цитируется как *Natorp* 1887 с указанием страниц.

другого, считает Наторп, коренится противоречие между философией Платона и Аристотеля, между средневековым реализмом и номинализмом, между *идеализмом* и *позитивизмом* в новой и новейшей философии. В новейшей философии речь больше не идет только об «отношении единичной вещи, единичного события, единичного случая некой взаимосвязи к всеобщему этой вещи, этого события или этой взаимосвязи». Точка зрения позитивизма такова, что «здесь и теперь данное», «то последнее конкретное, просто единичное, которое мы называем “феноменом в последней инстанции”», или «единичное субъективного представления», «должно образовывать основоположения всего познания», — всеобщее же само по себе ничего не значит и только от единичного заимствует свое значение. Именно единичному, «позитивному», приписывается в рамках этой теории значение истинности, именно единичное признается реальным. В этом отношении позитивизм — не что иное, как «последовательное проведение номинализма»³²⁹.

Для идеализма «корень и основание» истины, реальности и даже самого единичного находится во всеобщем, в «идеальном». Единичное имеет значение для познания только в силу всеобщего, которое оно представляет. От всеобщего единичное получает всю значимость, на какую претендует в познании³³⁰: значимость действительного, бытийного (вещи, события или отношения). Уже Платон понимал единичное как «единичное всеобщего», а Наторп более современным языком обозначил как «случай закона»³³¹, поскольку единичное в идеализме — в отличие от «последнего конкретного» в позитивизме — уже предполагает и включает в себя первую объективацию³³². Поэтому не просто всеобщее и единичное, а «отношение всеобщего и единичного имеет место в познании, и, следовательно, в предмете, так как он существует для познания»³³³. Единичное «само по себе» — «такая же “нелепость”, как якобы платоновская всеобщая вещь “сама по себе”»: для Платона, считает Наторп, «само по себе» означает единство, помысленное в законе, для Аристотеля «по отдельности» означает единичность, помысленную как случай закона, а именно — в познании. Поэтому единичное оказывается всегда случаем всеобщего, а всеобщее — высшим проявлением или воплощением единичного. Таков фундаментальный закон *познания*: во всяком

³²⁹ Natorp 1887, 277, ср.: 278.

³³⁰ Natorp 1887, 277–278.

³³¹ Natorp 1887, 279.

³³² Natorp 1887, 277.

³³³ Natorp 1887, 280.

познании и *поэтому* для всякого предмета — как *предмета познания* — с необходимостью существует противопоставление и одновременно взаимосвязь всеобщего и единичного³³⁴.

Чтобы преодолеть кантовский дуализм созерцания и мышления, Наторп, исходя из этого закона, пересматривает понятие «данного». То, «что в понятии всеобще определено», считает позитивист, «должно быть конкретно дано в отдельном явлении». Наторп с этим категорически не согласен: «‘конкретное’ явления» может быть «дано» (*gegeben*) только как «впервые подлежащее определению», как «определимое *X*», как «поставленная задача», а не как «нечто данное (*Datum*) познания, из чего другое, еще неизвестное подлежало бы определению»³³⁵. В действительности до начала познания нам уже нечто дано, а именно — *задача*. «Можно также сказать: предмет дан именно как то, что лишь подлежит определению, как *X*, а не как известная величина»³³⁶. Ошибка позитивизма не в том, что он вообще ведет речь о «феномене в последней инстанции», о субъективно первоначальном, или о данности (*Gegebenen*), и видит в нем «непосредственное субъективного сознания», а в том, что это искомое «непосредственное» и «первоначальное субъективного познания» помещается в основание познания как его первоначально и непосредственно данное (*Datum*) — как, например, чувственные данные (*sense data*). Любая субъективность может быть выражена только в понятиях, и потому выступает уже не как совершенно непосредственное, субъективное, но как «всегда уже так или иначе объективированное»: «стадия *чистой* субъективности была бы идентична стадии абсолютной неопределенности». Поэтому «*конструктивный*, объективирующий результат познания — непременно предшествующее [познанию]; с него начиная мы *реконструируем*, насколько это возможно, стадию первоначальной субъективности, которая иначе, как этим реконструктивным способом, и исходя из уже осуществленной объективной конструкции, вообще с помощью познания была бы недостижима. В этой реконструкции мы объективируем, так сказать, субъективность как таковую»³³⁷. Отсюда следует, что начала и основания познания следует искать в «*объективных единствах*», в «*единствах определения*» возможных феноменов: в математике это, например, такие «фундаментальные абстракции», как точка, линия, чётность, равенство величин и т. д. Все это — основные функции объективации, которые делают воз-

³³⁴ Ibid.

³³⁵ *Natorp* 1887, 282.

³³⁶ *Natorp* 1887, 283.

³³⁷ *Natorp* 1887, 283.

можными *однозначно определенными* «феномены» науки и таким образом доказывают «самостоятельность и приоритет объективного обоснования познания перед субъективным»: «наука не может не исходить из объективных единств»³³⁸, она строится в соответствии с «основным объективным законом познания», названным Наторпом «законом *самой законности*», по отношению к которому все остальные законы познания, включая логические, выступают лишь как его особенные, конкретные проявления (*Gestaltungen*).

Фактически уже в этом, одном из первых своих сочинений Наторп отчетливо обозначил главные идейные линии последующей философской работы: обоснование научного знания, интерпретация учения Платона в духе критического идеализма, исследование возможности психологии как науки и разработка ее метода.

Объективное обоснование познания, по Наторпу, достигает высшей точки в *синтетическом единстве*. Этим кантовским понятием Наторп обозначал «основной закон познания» и понимал его как отношение понятия к предмету, подлежащему определению через это понятие, или, другими словами, как «соотношение моментов определения и определяемого»³³⁹. В дальнейшем Наторп развил содержание этого понятия. Основные формы определения предмета познания следует рассматривать как основные формы «бесконечного, бесконечно развивающегося метода (*Verfahren*)», «вечного процесса» мышления в «постоянно развивающемся, никогда не приходящем к завершению научном исследовании»³⁴⁰. Под «наукой» поэтому Наторп понимает «не только высшее проявление познанного», «но также все, что только подлежит исследованию»; «не только готовое знание», «но и само создание знания (*Wissen-schaffen*), всегда продолжающееся, никогда полностью не завершенное дело исследования до сих пор неизвестного»³⁴¹. Ближайшим следствием такой интерпретации научного познания стало признание *предмета* научного познания не просто фактом, но «фактом становления» (*Werdefaktum*), по Когену³⁴², или *Fieri*, по Наторпу, а также *относительности* определения предмета в познании, то есть зависимости определения предмета от ступени развития познания. Поэтому определенность предмета

³³⁸ Natorp 1887, 284–285.

³³⁹ Stolzenberg 1995, 117.

³⁴⁰ Natorp P. Zu Cohens Logik (I) // Holzhey H. Cohen und Natorp. Bd. II: Der Marburger Neukantianismus in Quellen. Basel / Stuttgart, 1986. S. 10. Далее цитируется как Natorp, CL (I) с указанием страниц.

³⁴¹ Natorp P. Philosophie, ihr Problem und ihre Probleme: Einführung in den kritischen Idealismus. Göttingen, 1911. S. 4. Далее цитируется как Natorp 1911 с указанием страниц.

³⁴² Cohen, Logik, 76.

мышлением, «ограничение безграничного»³⁴³, или, другими словами, эмпирическая устойчивость научного факта, — это *гипотеза*, и она никогда не может быть избавлена от этой своей гипотетической значимости³⁴⁴. «Факт науки» остается вечной задачей³⁴⁵. Вопрос об отношении познания к предмету может быть решен лишь с точки зрения самого познания и присущего ему закона. Смысл предмета познания должен быть понят только из природы познания через *отношение* к известным элементам познания — нашим основным понятиям. Наторп приводит здесь пример с уравнением, где предмет познания — некий X, который нужно найти, зная другие элементы уравнения и, разумеется, исходя из природы уравнения.

Наторп совершенно согласен с Когеном, что задача трансцендентального метода в отношении предмета познания состоит не в том, чтобы выйти за границы познания, устанавливаемые для науки ее собственным методом, а в том, чтобы исследовать эти границы. Трансцендентальный метод, будучи имманентен опыту, должен выявить чистый закон опыта, благодаря которому опыт «впервые» становится «возможен», — «закон объективного формирования» в самом «объективном формировании»³⁴⁶. Одновременно трансцендентальный метод возвышается над *опытом*, «трансцендируя» его, пытаясь заранее определить направление познания и его возможную цель. Сам трансцендентальный метод в силу своей имманентности опыту «прогрессивен, способен к развитию, даже бесконечному»³⁴⁷. Таким образом Наторп вскрывает одну из важнейших закономерностей развития науки: наука в процессе своего развития предстает как все более углубляющаяся *рационализация* знания³⁴⁸.

Как уже было отмечено, предмет может быть определен в познании всегда лишь относительно, что не мешает в то же время в качестве задачи мыслить его абсолютное определение. «Единство и тождество, в которых мыслится предмет, составляют безусловное требование, тогда как в нашем познании они могут быть достигнуты всегда лишь относительно и условно»³⁴⁹. Достоверность научного познания коренится в отказе от абсолютного

³⁴³ Наторп П. Философская пропедевтика. (Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии) (1903) // Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 62. Далее цитируется как Наторп, ФП с указанием страниц.

³⁴⁴ Наторп, КиМШ, 129.

³⁴⁵ Наторп, КиМШ, 135.

³⁴⁶ Наторп, КиМШ, 125.

³⁴⁷ Наторп, КиМШ, 126.

³⁴⁸ Гайденоко 2003, 411.

³⁴⁹ Наторп, ФП, 63.

и в принципиальном ограничении познания только отношениями. Непереходимой границей для научного познания является вопрос о *безусловном*, который оно не может ни отклонить, ни удовлетворительно решить своими силами.

Что касается проблемы «безусловного», Наторп несомненно разделяет основной идеалистический тезис Когена о порождении бытия мышлением и под понятием «безусловного» понимает только формальный характер безусловности этого отношения. В то же время он не согласен с Когеном в содержательном определении принципа первоначала и его функции при обосновании объективности познания. Первое нашло выражение в наторповской рецензии на «Логику чистого познания» Когена (1902). Рецензия заключала в себе целый ряд серьезных возражений³⁵⁰, поэтому ради сохранения «мира» внутри Марбургской школы Наторп отказался от ее публикации³⁵¹. Второе изложено в также остававшемся долгое время неопубликованным наброске к книге «Логические основания точных наук» (1910)³⁵², в котором Наторп полемизирует с концепцией Когена и предлагает альтернативное решение проблемы обоснования систематической философии³⁵³. Здесь мне хотелось бы указать лишь на некоторые моменты этой критики³⁵⁴.

Достижение полной логической обоснованности научного знания было для Наторпа не менее важно, чем для Когена. Поэтому не случайно в качестве общей претензии к «Логике чистого познания» Наторп называет отсутствие в когеновском изложении «по-настоящему поступательного развития доказательства» (*Beweisgang*)³⁵⁵. Во-первых, это относится к вопросу о «высшем классификационном основании чистого базового познания» (*der reinen Grunderkenntnisse*)³⁵⁶, который, по Наторпу, может быть решен только исходя из «закона самого синтетического единства»³⁵⁷. Наторп считает, что первый класс суждений в когенов-

³⁵⁰ Анализ этой критики см.: *Stolzenberg* 1995, 61–120.

³⁵¹ *Holzhey* 1986/I, 35–36. Текст опубл.: *Natorp*, CL (I), 5–40. При том, что печатно и даже в личных разговорах с Когеном Наторп молчал о своих возражениях Когену, он многие годы в читаемом курсе логики отводил несколько часов для подробной критики когеновской «Логике чистого познания». См.: *Nicolai Hartmann und Heinz Heimsoeth im Briefwechsel* / Hrsg. von F. Hartmann und R. Heimsoeth. Bonn, 1978. S. 29. Далее цитируется как *Hartmann, Heimsoeth* 1978 с указанием страниц.

³⁵² Опубл.: *Natorp P. Zu Cohens Logik* (Entwurf für <Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften>) (II) // *Holzhey H. Cohen und Natorp*. Bd. II: Der Marburger Neukantianismus in Quellen. S. 41–78.

³⁵³ См. об этом: *Stolzenberg* 1995, 120–133.

³⁵⁴ Ср.: *Stolzenberg* 1995, 85–86.

³⁵⁵ *Natorp*, CL (I), 12.

³⁵⁶ *Natorp*, CL (I), 13.

³⁵⁷ *Natorp*, CL (I), 17.

ской логике совершенно дезориентирован в общей системе познания. Те суждения и соответствующие им основоположения, которые у Когена разделены на два класса — «суждения мыслезакона» и «суждения математики», у Канта относятся к области «математического применения» рассудка, поскольку соответствуют первым двум классам суждений и категорий: количеству и качеству³⁵⁸. Вместе с тем, когеновские «суждения мыслезакона» определенно претендуют на то, чтобы их понимали как синтетические основоположения «до-математического, *только* логического применения», Канту совершенно неизвестного. Если бы так оно и было, то, значит, могло бы существовать мышление до начала познания, или «допредметное», «только логическое» мышление, могли бы существовать основоположения такого мышления, отличные от синтетических основоположений, имеющих отношение к *построению предмета* в опыте (в науке), а также — «особый закон *чистого суждения*», который бы позволял мыслить особый *вид предмета*, «еще более фундаментальный, чем математический», что для Наторпа, как и для Когена, невозможно³⁵⁹.

Так что, *во-вторых*, Наторп ставит вопрос о том, в каком смысле вообще изложение Когена может считаться «*чистой и строгой дедукцией* основных видов познания (Grunderkenntnisse) в науках, прежде всего точных», которую «должно требовать от логики», потому как она «обязана соответствовать подлиннейшей потребности *науки*»³⁶⁰. Наторп показывает, что только через дедукцию категорий как способ экспликации понятия синтетического единства можно добиться «надежности оснований», чего как раз не хватает Когену. Нет никакой необходимости изобретать новые законы чистого суждения, нужно лишь обратиться к чистым суждениям «более высокого порядка», относящимся «не напрямую к построению предмета в опыте, а к тем *законам*, которые должны отвечать непосредственно за построение предмета». Такие законы Наторп находит у самого Когена во Введении в «Логiku чистого познания»: это «основоположение чистого мышления вообще», или «закон сохранения обособления в объединении и объединения в обособлении». По Наторпу, этот закон тождествен *закону синтетического единства*³⁶¹.

Поэтому, *в-третьих*, чтобы привести когеновское построение в единство с «нашими общими методическими предпосылками», следует, по-видимому, признать, пишет Наторп, что в первом

³⁵⁸ Natorp, CL (I), 13. Ср.: Cohen, Logik, 73.

³⁵⁹ Natorp, CL (I), 14–15.

³⁶⁰ Natorp, CL (I), 18–19.

³⁶¹ Natorp, CL (I), 15.

классе суждений — «суждений мыслезакона» — у Когена собраны *математические суждения* лишь «одной стороны» — качественные, тогда как во втором классе суждений — «суждений математики», по Когену, — собраны суждения «другой стороны математического мышления» — количественные, и только при объединении этих двух классов получаются «полные “математические” суждения»³⁶². Это означает, однако, что об одних только «доматематических» «суждениях мыслезакона» не может быть и речи, а смысл принципов тождества и противоречия в этом классе суждений остается совершенно не ясным³⁶³. Для доказательства своих критических аргументов Наторп предпринимает реконструкцию когеновских суждений первоначала, тождества и противоречия.

Когеновская логика познания видит свою задачу в том, чтобы «удостоверить первоначало первых элементов [мышления]», а также в том, чтобы найти и обосновать «в самом мышлении» (а не где-то *вне* его) «первоначало всего содержания, которое оно [мышление] может произвести»³⁶⁴. Для этого необходимо раскрыть, используя «выражение старой метафизики», происхождение «нечто (Etwas)»³⁶⁵. «Первоначало нечто (Ursprung des Etwas)» возникает в суждении на «окольном пути» мышления через ничто к нечто³⁶⁶. «Ничто» Коген трактует как «средство», в котором «мы нуждаемся для открытия первоначала», — это ни в коем случае не абсолютное, а только относительное «ничто»: «нечто первоначала (Ursprungs-Etwas)»³⁶⁷. Возможность дать этому «парадоксу когеновского окольного пути через ничто к нечто» рациональное объяснение Наторп видит только в анализе категории качества и «первозаконе (Urgesetz) синтетического единства». Он считает, что нет и не может быть никакого «ничто первоначала», поскольку «ничто» может произвести только «ничто» «Ничто нечто» (das Nichts des Etwas), или «небытийность (Nichtsetztsein) нечто» понимается Натопом как «мысле процесс, в котором порождается нечто», как «*производство* качества» (*Verfahren der Qualität*), как одна из стадий «качественного синтеза» — *направление* обособления, тогда как в самом «нечто» представлено *направление* объединения. В *непрерывности* как основной черте мышления, в «бесконечном суждении» (Коген), выражается «необходимая взаимосвязь обоих [направлений]». Таким образом в соответствии с *первозаконом* синтетического единства в мышлении сохраняются все три стадии

³⁶² Natorp, CL (I), 16.

³⁶³ Stolzenberg, 87.

³⁶⁴ Cohen, Logik, 82–83.

³⁶⁵ Cohen, Logik, 83.

³⁶⁶ Cohen, Logik, 84.

³⁶⁷ Cohen, Logik, 105.

«качественного синтеза». Это подтверждается тем, что «единство первоначала ни в коем случае не может быть определено без двух других стадий — утверждения (Position) и отрицания (Negation)». Единство первоначала — это фундамент, но оно как фундамент не может быть выстроено без того, чтобы его фундаментом, в свою очередь, мыслились другие две стадии синтеза: «поставление не-что (Setzung des Etwas)» и «непоставление (Nichtsetzung)»³⁶⁸. Этим своим размышлениям о суждениях качества Наторп указывает количественные эквиваленты, чтобы доказать, что «на этой основе» могут быть «прояснены и в строгой структуре синтетически развиты “необходимые и достаточные” предпосылки и методы математики»³⁶⁹, которые одни могут выступать гарантом чистоты мышления и обоснованности всей системы познания как неметафизической. Когеновские «суждения мыслезакона», или, как их называет Наторп, «суждения чистого выдумывания, следовательно, познания», получают окончательное толкование как «суждения качества» или, скорее, как стадии «прогрессирующего процесса» качества: тождество, различие, тождество различия. «Им точно параллельно идет <...> процесс количества: единство, множество, единство множества», где каждая стадия качества соответствует стадии количества, непрерывность качественного процесса — всеобщности количественного. «Вследствие этого соотношения» качество и количество означают «два друг другу противоположные направления мышления (объединения и обособления)», тогда как у Когена качество и количество в «суждениях математики» идут в одном направлении³⁷⁰. Тем не менее, Наторп считает, что в существенном между ним и Когеном нет различия — разница лишь «в расположении» системы...³⁷¹

На самом деле наторповская критика выявила действительно слабые места когеновского обоснования теории познания и предложила новую версию обоснования. В концепции Наторпа с самого начала под «нечто» мыслится отношение понятия к предмету, и это отношение интерпретируется им как *корреляция* моментов определимого и определения, *порожденная* в суждении мышлением. Если Коген считал, что необходимо прежде всего *произвести «основную форму мышления»*, или, по Наторпу, «форму суждения», а для этого положить в основание формальной логики «новый мыслезакон» в форме «суждения первоначала», то Наторп настаивал на последней *изначальности* «формы суждения», видел

³⁶⁸ Natorp, CL (I), 24–25.

³⁶⁹ Natorp, CL (I), 18.

³⁷⁰ Natorp, CL (I), 34–35.

³⁷¹ Natorp, CL (I), 25.

в ней искомое основоположение для объективного обоснования познания и тем самым доказывал бесполезность производства новых законов и форм мышления. Это не означает, однако, что позиция Наторпа невосприимчива к критике. Его проект объективного обоснования познания из понятия синтетического единства также оказывается непрочным в том, что касается отношения между содержанием и систематической функцией понятия синтетического единства как высшего принципа познания³⁷². Этот недостаток дает себя знать даже в главном труде Наторпа «Логические основы точных наук»³⁷³, которое современники признавали «одним из лучших, если не лучшим из имеющихся в философской литературе систематических сочинений по методологии точных наук»³⁷⁴. Наторп понимал, что не располагает удовлетворительной теорией, в которой систематические мотивы Когена, которые ему со временем казались все более приемлемыми, могли бы быть приняты и переработаны в самостоятельный все же по отношению к когеновскому проект системы. Это, как считают исследователи³⁷⁵, стало еще одной причиной, по которой он отказался от публикации текстов, открыто критикующих позицию Когена.

Поиск теории, способной дать объективное обоснование познания из синтетического единства мышления, в конце концов привел Наторпа к постановке проблемы единой всеобъемлющей «логики идей», или «всеобщей логики», с которой «начался всецело самостоятельный и оригинальный период» его философского развития³⁷⁶.

Первые наброски «всеобщей логики» относятся к 1914 г.³⁷⁷. Затем в 1918 г. был написан очерк с таким названием, долгие годы пролежавший в архиве³⁷⁸. Некоторые идеи этого очерка нашли свое отражение в рецензии Наторпа (1918) на книгу Бруно Бауха «Иммануил Кант»³⁷⁹. Новый более подробный и обстоятельный набросок «Всеобщая логика как систематика философии» был

³⁷² Stolzenberg 1995, 114.

³⁷³ См. об этой работе Наторпа: Белов 2002, 26–35; Гайденко 2003, 367–371.

³⁷⁴ Габрилович Л. [Рец.:] Paul Natorp. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig u. Berlin. B.G. Teubner. 1910. // Логос. 1910. Кн. 2. С. 288. Далее цитируется как Габрилович, Логос 1910 с указанием страниц.

³⁷⁵ См.: Stolzenberg 1995, 121.

³⁷⁶ Foxm 2003, 290; Gadamer H.-G. Die philosophische Bedeutung Paul Natorps // Natorp P. Philosophische Systematik. Hamburg, 2000. S. XIII.

³⁷⁷ Natorp P. Einleitung zur Allgemeinen Logik // UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms 831: A 14. фрагменты опубл.: Holzhey 1986/11, 89–96. Критический разбор всего текста см.: Stolzenberg 1995, 145–153.

³⁷⁸ Опубл.: Flach, Holzhey 1979, 227–269. См.: Stolzenberg 1995, 154–160.

³⁷⁹ Natorp P. Bruno Bauchs “Immanuel Kant” und die Fortbildung des Systems des kritischen Idealismus // Kant-Studien. 1918. Nr. 22. S. 426–459.

сделан летом 1920 г., но, как и прежние, остался неопубликованным³⁸⁰. Все последние прижизненные и посмертно изданные теоретические работы Наторпа были посвящены разработке этой проблемы. Прежде всего среди них нужно назвать «Философскую систематику» (1958), где собраны лекции 1922–1923 гг.³⁸¹, некоторые положения которых были опубликованы в статье «Об исходном пункте философии» (1923)³⁸². Наиболее отчетливо идея «всеобщей логики» и ее основные тезисы были высказаны, однако, уже в наторповском «Самоизложении» (1921, ²1923), где он объяснял, что под «Всеобщей логикой» он понимает «не строго единообразное полагание основ сначала точных наук, потом описательного естествознания, затем наук о человеке, или как это еще иначе можно было правильно подразделить; <...> но — [строго единообразное полагание основ] вообще построения предмета (Gegenstandssetzung), больше того, всякого так или иначе логически схваченного, будь то даже вне-, под- или сверхпредметного построения (Setzung). Все духовное, все дальнейшие сферы поведения, творчества, самопостроения (относительной) индивидуальности и (абсолютной) индивидуации, (относительной) универсальности и (абсолютного) университета, вплоть до некой последней-препоследней перво-индивидуации (Ur-Individuität), которая в то же время есть перво-университет (Ur-Universität), в чем заключается, по-видимому, последний (логический) смысл религии, — все это, именно поскольку духовное (а это значит уже, что одно, *единое* духовное) должно быть познано в абсолютно безусловном (zentraler) единстве, из которого только должны проистекать все эти [или любые другие] обособления <...> в несомненной полноте и точном определении как их различия, так и сплоченности; как их позитивных, так и негативных связей; как их границ, так и их прочнейшего слияния в перво-единстве *этого* духовного»³⁸³. Основную мысль нового проекта Наторпа можно выразить короче: «это стремление к широкому конкретному философскому синтезу, способному и теоретически стать в уровень со всей полнотой содержания жизни»³⁸⁴.

Появление философской систематики и всеобщей логики как ее основания было, разумеется, обусловлено всеми предшествующими логическими штудиями. В то же время важнейшими вехами

³⁸⁰ Natorp P. Allgemeine Logik als Systematik der Philosophie // UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms 831: A 3. Об этом впервые см.: Stolzenberg 1995, 161–186.

³⁸¹ См. об этой работе: Белов 2002, 82–102; Stolzenberg 1995, 189–255.

³⁸² Natorp P. Über den Ausgangspunkt der Philosophie // Die japanisch-deutsche Zeitschrift für Wissenschaft und Technik. Jg. 1, H. 4, Oktober 1923. S. 121–128.

³⁸³ Natorp, Selbstdarstellung, 167–168 (1921. S. 157–158).

³⁸⁴ Фохт 2003, 307.

на этом пути стали работы, посвященные другим философским проблемам: платоновскому учению об идеях и философскому осмыслению предмета и метода психологии.

«Мы стремимся углубить Канта посредством Платона»³⁸⁵, — утверждал Наторп и был совершенно прав, говоря «мы»: это была безусловно общая почва³⁸⁶ для него и для Когена в развитии их теоретических взглядов. Наторп охотно признавал то, что именно Коген «открыл ему глаза как на Канта, так и на Платона»³⁸⁷. Именно от Когена Наторп воспринял ключевую мысль к интерпретации платоновских идей, проведенную им через всю его знаменитую работу «Учение Платона об идеях: введение в идеализм» (1903), — мысль о том, что платоновские идеи означают не *вещи*, а *законы*, «*гипотезы*», «*метод “полагания основ”*»³⁸⁸, мысль, ставшую возможной только с возрождением кантовского идеализма³⁸⁹. Кантовское учение, в свою очередь, дает верный ракурс, позволяющий постигнуть «истинный» смысл «идеализма» не как «идеализма все еще элеатски неподвижных “идей” ранней эпохи Платона», а как «идеализма “движения”, “изменения”, понятий, согласно “Софисту” Платона, идеализма “ограничения безграничного”, вечного “становления бытием”, согласно “Филебу”»³⁹⁰. Эта дифференциация ранних и поздних диалогов в зависимости от того, как в этих диалогах Платон формулирует понятие «идеи» — статически или динамически и генетически, а также скрупулезнейшая филологическая работа — безусловная заслуга Наторпа³⁹¹. Уже в этой работе 1903 г. отчетливо обозначился профиль его собственной функциональной теории познания³⁹².

Впоследствии Наторп подверг существенной корректировке свою интерпретацию платоновского учения: с самого начала для него «работа над Платоном находилась в точной связи с работой над [его] собственной философией»³⁹³. Поэтому ко второму изданию «*Platos Ideenlehre*» (1921) за неимением возможности подвергнуть полной переработке все произведение было написано «Метакритическое приложение “*Logos — Psyche — Egos*”» (1920). В нем, используя учение Гераклита о логосе и Парменида о тождестве мышления и бытия, Наторп критикует марбургское и, не в последнюю очередь,

³⁸⁵ *Наторп*, КиМШ, 142–143.

³⁸⁶ Ср.: *Natorp*, CL (I), 11.

³⁸⁷ *Natorp*, PI, X.

³⁸⁸ *Natorp*, PI, 155.

³⁸⁹ *Natorp*, PI, X. См. об этом также «Очерк первый. 2».

³⁹⁰ *Наторп*, КиМШ, 126.

³⁹¹ *Lembeck* 1994, 174–175.

³⁹² *Holzhey* 2004, 66. См. подробнее: *Белов* 2002, 13–17; *Lembeck* 1994, 169–338.

³⁹³ *Natorp*, PI, XII.

свое собственное толкование учения Платона об идеях, что подводит его вплотную к неоплатонизму³⁹⁴. Для самого Наторпа критика не означает отказ от прежних взглядов. Наторп выступает лишь против односторонности любой интерпретации. Так, например, абсолютизация значимости «гипотез» была результатом фокусирования внимания только на учении об идеях, или, «говоря языком Платона, на диалектике». Речь должна всегда идти только с точки зрения «целого философии», поскольку специфика философии в том и заключается, что она всегда стремится заложить основы «к объединению всего, еще весьма разделенного множества духовного творчества»³⁹⁵. «Идею» впредь нельзя мыслить как закон, если под законом понимать лишь «абстракцию общего». «Идея» теперь — нечто «активное, динамическое, функциональное», что может быть понято как «функция построения предмета (Gegenstandssetzung); «спонтанное», «созерцающее», «оформляющее», — но «не созерцаемое» и «не само оформленное»; «логизирующее», идущее из «первосилы “самого логоса”, “самого мышления”» — но «само не подлежащее логизации»; «создание» как процесс, — но не то, что создано; «первоначало», — но «не первоначальное» и не то, что только дает начало другому; — это «непосредственно творящее, порождающее, жизнь всякой жизни, действие (Wirken) всякого подлинного дела (Werks)»³⁹⁶. Таким образом, «идея» получает значение «первозакона», в смысле его «активного» «поставления» (des Setzens), и одновременно «первоконкретного», «полного жизни (Lebendigen)»³⁹⁷, тесно связанного с понятиями «души» (Psyche) и «эроса». По-новому понятая «идея» занимает, как считает Наторп, важное место в учении Платона о мнении (Доха), что делает ее, дополненную эстетическим, метафизическим и другими возможными содержаниями³⁹⁸, в каком-то смысле ключом к пониманию задуманной Наторпом философской систематики.

Другой знаменательной вехой на пути к новому учению стали работы «Введение в психологию в соответствии с критическим методом» (1888) и «Всеобщая психология в соответствии с критическим методом» (1912)³⁹⁹. По-видимому, в формулировании

³⁹⁴ См. подробнее: Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927. С. 518–522.

³⁹⁵ Natorp, PI, 463.

³⁹⁶ Natorp, PI, 470–472.

³⁹⁷ Natorp, PI, 473.

³⁹⁸ Фохм 2003, 271.

³⁹⁹ Идея «всеобщей» психологии публично была озвучена уже в 1903 году: в зимний семестр 1903/04 гг. Наторп читал курс лекций с таким названием. См.: Verzeichnis der Vorlesungen, welche im Winterhalbjahre 1903/04 vom 15. Oktober 1903 bis 15. März 1904 auf der Universität Marburg gehalten werden sollen. Marburg, 1903. S. 35.

проблемы психологии как «строгой науки» на Наторпа оказала влияние позиция Когена, согласно которой «психология есть наука о том, как бытие стало быть (*geworden ist*)»⁴⁰⁰. Психология, по Когену, чтобы быть частью системы философии, подобно логике, этике и эстетике, не должна заниматься метафизической проблемой «душевной субстанции» и ее смертности/бессмертия⁴⁰¹, психологию нельзя мыслить и как экспериментальную науку, поскольку экспериментальная психология занимается единичными случаями и относится к физиологии, которая в логике познания получает свое философское обоснование как часть физики⁴⁰². Психология возможна только как «учение о единстве культурного сознания»⁴⁰³.

Первые идеи Наторпа о возможности обосновать психологию в соответствии с методом критической философии содержались уже в статье «Об объективном и субъективном обосновании познания». При построении концепции философской психологии Наторп исходил из когеновской концепции философии, согласно которой теория, стремящаяся представить априорные основоположения и категории как условия объективности познания, не должна принимать в расчет мыслящего субъекта⁴⁰⁴. Именно такая ошибочная попытка — обосновать объективную значимость суждений о предметах познания в пространстве и времени из данности познающего субъекта — лежит в основании *психологических* интерпретаций теоретической философии Канта. Чтобы избежать этой ошибки, нужно рассматривать предмет познания «независимо от субъективности познавания»⁴⁰⁵. Поэтому теория об условиях объективности познания, как ее видели марбургские схоластики, ни в коем случае не может быть одновременно теорией сознания.

Исходя из такого понимания теории познания, Наторп видит задачу философской психологии⁴⁰⁶ в том, чтобы представить «субъективное переживание только *как таковое*, не принимая во

⁴⁰⁰ Сочинения Г. Когена по психологии никогда не издавались, рукописи утрачены. Известно, что в Марбургском университете он несколько раз читал курс психологии: в летний семестр (л.с.) 1899, л.с. 1902, в зимний семестр (з.с.) 1905/06, з.с. 1908/09 (под названием «Психология как энциклопедия философии»), л.с. 1916 гг. (См. в соответствии с годом: *Verzeichniss der Vorlesungen, welche auf der Universität Marburg gehalten werden sollen*. Marburg). О влиянии на Наторпа и приведенную цитату из Когена см.: *Фохт* 2003, 272.

⁴⁰¹ *Cohen*, Einleitung, 466.

⁴⁰² *Cohen*, Logik, 17. См.: *Holzhey* 1986/I, 304.

⁴⁰³ *Cohen*, Einleitung, 466.

⁴⁰⁴ См.: *Natorp* 1887, 262.

⁴⁰⁵ *Natorp* 1887, 267.

⁴⁰⁶ См. также: *Наторп П.* Философия и психология // Логос. СПб. 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 34–56; Перепеч.: *Наторп П.* Избранные работы. С. 27–54.

внимание вопрос об объективной значимости пережитого»⁴⁰⁷, и для определения контуров будущей науки вынужден пользоваться только негативным критерием: искомая наука *не* может быть объективирующей, она *не* может строиться по образцу эмпирической психологии, поскольку даже в области психического, как оно представлено в этой дисциплине, в основание положен объективирующий принцип. Формулировка Наторпом *предмета* психологии выглядит поэтому парадоксально: «бытие (Dasein) явлений только как явлений, или их субъективное бытие (Dasein) всякий раз для Я, исключая вопрос о предмете, который в них является»; «их психическое бытие, или та сторона явления, в соответствии с которой оно есть предмет психологического исследования»⁴⁰⁸. Ответ на вопрос о том, что же все-таки представляет собой «предмет психологического исследования», следует искать в наторповском понятии сознания и концепции «реконструкции».

Говоря о «субъективном бытии явления», Наторп под «явлением» понимает не феномен психического переживания, а некое содержание, которое лишь описывается как психический феномен, но имеет отношение к переживающему *субъекту*. Само явление также нельзя отнести всецело только к сфере субъективного переживания — его характеристика всегда зависит от «нашей точки зрения»: «Если я скажу, что предмет *является* мне, то я молчаливо предполагаю за этим всю целостность (Zusammenhang) объективности, из которой это единичное явление как раз только теперь бросилось в глаза. Если я скажу наоборот, что я *представляю* его, то я предполагаю за этим целостность жизни сознания, и лишь, по-видимому, только теперь это единичное явление на этот раз из тайного основания моей субъективности выступает наружу» [курсив мой. — Н.Д.]⁴⁰⁹. Можно сказать, что Наторп устанавливает некую структуру отношений «субъект — явление — объект», где сознание, субъективность характеризуется отношением «субъект — явление», а объективность, «предметность» — отношением «явление — объект». Именно первая соотносительная пара составляет область исследования философской психологии.

Далее Наторп выдвигает тезис о том, что переживающий субъект не обладает непосредственным доступом к бытию явления, поскольку оно всегда заслонено от него уже проведенным объективирующим описанием и поэтому должно быть от такого описания освобождено. Это и составляет задачу *реконструкции* субъек-

⁴⁰⁷ Natorp P. Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode. Freiburg i. B., 1888. S. 8. Далее цитируется как Natorp 1888 с указанием страниц.

⁴⁰⁸ Natorp 1888, 23.

⁴⁰⁹ Natorp 1888, 117–118.

тивного бытия явления из конструкций, в которых оно было объективировано, к непосредственному переживанию. Методически гарантированную отправную точку для такого «обратного движения» Наторп находит в когеновской реконструкции учения Канта. «Тем самым получается совершенно специфический, в корне отличный от метода естествознания равно как и объективирующего познания вообще метод психологического исследования — “реконструкция” непосредственного в сознании из того, что было оформлено из объективирований, осуществляющих науку, а прежде всякой науки — обыденный способ представления вещей <...>. Она [реконструкция] состоит <...> в том, чтобы сделать так, чтобы снова объективации, поскольку она была бы демонтированием и тем самым разрушением полноты переживаний, в мыслях не было; разведенное абстракцией снова поставить в первоначальные связи; застывшим понятиям возратить движение; сблизить их тем самым снова с текущей потоком жизнью сознания, и всем этим снова привести это конкретизированное обратно на стадию субъективной данности. Это, как видим, полное и чистое перевёртывание (*Umkehrung*) процесса объективирующего познания как научного, так и донаучного характера (*Art*): в то время как оно [познание] производит из явлений предметы, психология из предметов, как если бы они были данными, реконструирует явления. Для нее отношение явления и предмета просто переворачивается: что было объектом, превращается в подлежащий объяснению феномен; что было феноменом, из которого только должен был быть познан объект, теперь превращается в истинный, подлежащий познанию объект»⁴¹⁰.

Будучи всецело согласен с идеей Когена о принципиальной открытости системы категорий как соответствующей бесконечно прогрессирующему ходу науки, Наторп характеризует реконструктивное «обратное движение» к непосредственной связи переживаний как никогда не завершающееся, а «конечную» стадию этого движения, свободную от каких бы то ни было объективаций и представляющую лишь поток непосредственных переживаний, — лишь как пограничное понятие для бесконечного процесса реконструкции.

Исходный пункт для проведения реконструкции — многоступенчатая научная объективация, в которую Наторп включает «донаучные», «ненаучные» или «обыденные» представления, что позволяет ему расширить область реконструкции обращением

⁴¹⁰ *Natorp P. Allgemeine Psychologie nach kritischer Methode. 1. Buch: Objekt und Methode der Psychologie. Tübingen, 1912. S. 192–193. Далее цитируется как Natorp 1912 с указанием страниц.*

к нетеоретическим сферам объективации: этической, эстетической и религиозной⁴¹¹.

В этой работе возникают идеи, особенно важные для позднего Наторпа: он разрабатывает понятие «общего Я» (*Gemein-Ich*), которое связывает со сферой интерсубъективного и тем самым уходит от сферы конкретного Я и единства его переживания, оставляя, между тем, вопрос о «конкретном Я» открытым⁴¹². Наторп постоянно подчеркивает, что только «характер действия» (*Aktcharakter*), конкретное исполнение имеет значение психической жизни. «Характер действия» выражается, по Наторпу, в «стремлении», которое «ссылается на первоначальную непрерывность жизни сознания»: «Стремление означает направление, однако направление никогда не может определяться моментами, но изначально идет всегда из бесконечного в бесконечное»⁴¹³. Истоки этого положения, по-видимому, следует искать в фихтевском понятии стремления, лежащем в основе его теории конкретной субъективности, а следы влияния — в понятии «пойэзиса» (*Poiesis*) позднего Наторпа и понятии символа Кассирера, в признании как Наторпом, так и Кассирером примата «пойэзиса» перед «праксисом»⁴¹⁴, а также — в понятии «заботы» в теории практического самосознания у Хайдеггера⁴¹⁵.

Поздние работы Пауля Наторпа, его концепция «философской систематики»⁴¹⁶ будоражат исследовательский интерес вот уже многие годы, с одной стороны, сложностью и трудностью их языка, с другой, — богатством идей и влияний. Для самого Наторпа особое значение получили иначе и глубже понятые Платон и Гераклит, переосмысленный Герман Коген и Гегель⁴¹⁷, полемически продуманный Эдмунд Гуссерль⁴¹⁸, а также Meister Eckhart, Достоевский

⁴¹¹ См.: Белов 2002, 67.

⁴¹² Natorp 1912, 246–248. См. о структуре психологии у Наторпа: Белов 2002, 70–73.

⁴¹³ Natorp 1912, 261. Ср.: Hamann 1903, 90, 109–110.

⁴¹⁴ См.: Stolzenberg J. Poiesis: Zu Paul Natorps und Ernst Cassirers Begründung der Philosophie // *Ethik oder Ästhetik? Zur Aktualität der neukantianischen Kulturphilosophie*. Hrsg. von P.-U. Menz-Benz, U. Renz. Würzburg, 2004. S. 135–153.

⁴¹⁵ См.: Stolzenberg J. Der Weg zum Selbst: Paul Natorp und der frühe Martin Heidegger // *Expressis verbis: Philosophische Betrachtungen: Festschrift für Günter Schenk zum 65. Geburtstag*. Hrsg. von M. Kaufmann u. A. Krause. Halle, 2003. S. 283–316; Stolzenberg 1995, 267–279. Ср.: Wolzogen Ch. v. Den Gegner stark machen: Heidegger und der Ausgang des Neukantianismus am Beispiel Paul Natorps // *Neukantianismus: Perspektiven und Probleme*. S. 397–417.

⁴¹⁶ См. об этой работе: Белов 2002, 82–102.

⁴¹⁷ См.: Stolzenberg J. Selbsterkenntnis und Systemphilosophie: Hegel und der späte Paul Natorp // *Systemphilosophie als Selbsterkenntnis: Hegel und der Neukantianismus*. Würzburg, 2006. S. 95–111.

⁴¹⁸ См., напр.: Гуссерль Э. Избранная философская переписка. М., 2004. С. 96–146; Arlt G. Subjektivität und Wissenschaft: Zur Psychologie des Subjekts bei

и Рабиндранат Тагор. Влияние позднего Наторпа сказалось не только на Хайдеггере и Кассирере, который посвятил памяти своего учителя и друга второй том «Философии символических форм», но и на Хансе-Георге Гадамере, Рихарде Кёнигсвальде⁴¹⁹ и, по-видимому, многих других. Что касается Гадамера, то для него Наторп — не просто один из его университетских учителей: в центр своей герменевтической онтологии Гадамер поместил понятие языка, тесно связанное с поздними наторповскими исследованиями «слова», «высказывания», «логоса», «загадки» и «тайны» языка в целом⁴²⁰, разрешить которую Наторп стремился в последние годы, что для него означало бы создание *нового* основания *новой* системы философии.

Кто-то называет Наторпа «поздним Шеллингом неокантианства»⁴²¹. Не думаю, что это подходящее определение. Его «метафизика», если таковая и была создана, — ответ на этот вопрос требует специального исследования, — всегда оставалась критической, — Наторп, рассуждая о характере своего учения, писал это понятие в кавычках⁴²². *Полагание* иррационального «первоконкретного» в основание новой концепции воплотило, скорее, попытку Наторпа систематически расширить границы рационального⁴²³ (позднее осуществленную Кассирером), чем стремление мистифицировать, трансцендировать и абсолютизировать философскую систему. Все сочинения позднего периода пронизывает «глубокая и всеобъемлющая тенденция к универсальному синтезу и проникновенному пониманию более глубокого и коренного единства не только теоретического познания, но и всей культурной жизни человечества в его целом, <...> тенденция, сделавшая Наторпа <...> не только

Natorp und Husserl. Würzburg, 1985; Stolzenberg J. L'ultimo Natorp: Fondazione ultima e teoria della soggettività // Neokantismo e fenomenologia. Logica, psicologia, cultura e teoria della conoscenza. Atti del convegno internazionale L'Aquila, 29-31 marzo 2001; a cura di S. Besoli, M. Ferrari e L. Guidetti. Macerata, 2002. P. 173—186; а также рецензии Наторпа на работы Гуссерля: Natorp P. Zur Frage der logischen Methode: Mit Beziehung auf Edm. Husserls „Prolegomena zur reinen Logik“ // Kant-Studien. 1901. Nr. 6. S. 270—283; Natorp P. Husserls Ideen zu einer reinen Phänomenologie // Die Geisteswissenschaften. Hrsg. von O. Bueck und P. Herre. 1914. H. 16. 420—426, H. 17. S. 448—451 (Пепенеч.: Logos. 1918. Bd. 7).

⁴¹⁹ См., напр.: Studien zur Philosophie Richard Höningswalds / Hrsg. von E.W. Orth. Würzburg, 1996, и др.

⁴²⁰ Natorp, Philosophische Systematik, 21, 25. См. об этом: Stolzenberg J. Hermeneutik und Letztbegründung: Hans-Georg Gadamer und der späte Paul Natorp // Kunst, Hermeneutik, Philosophie: Das Denken Hans-Georg Gadamers im Zusammenhang des 20. Jahrhunderts. Akten des Internationalen Symposiums Budapest, Oktober 2000. Hrsg. von I.M. Fehér. Heidelberg, 2003. S. 63—74.

⁴²¹ Wetz F.-J. Die Überwindung des Marburger Neukantianismus in der Spätphilosophie Natorps // Zeitschrift für philosophische Forschung. Nr. 47 (1). S. 82.

⁴²² Natorp, Philosophische Systematik, 383.

⁴²³ См., напр., о «рациональности иррационального»: Natorp, Selbstdarstellung, 182.

творцом новой, более глубокой и методологически несравненно более гибкой теоретической философии, но даже самым решительным, красноречивым и даже вдохновенным провозвестником, защитником и проводником нового, более глубокого понимания *основной проблемы жизни* и связанных с ним *социалистических* и даже *коммунистических идеалов*»⁴²⁴.

5. Кант и неокантинцы в России: начало рецепции

«За последние два десятилетия довольно появлялось в России более или менее серьезных и интересных сочинений по разным предметам философии. Но все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию, а иногда и совсем ни на что не похоже»⁴²⁵... Хотя эти слова в 1888 г. были написаны В.С. Соловьевым совсем по посто-роннему нашей теме поводу, в действительности они обозначили одну из острейших проблем в истории русской философии — проблему рецепции западных философских учений в России и само-бытности русской философской мысли.

При историко-философском анализе русской философии все-гда возникают затруднения в выборе принципа анализа, что обус-ловлено, на мой взгляд, самим предметом исследования — чрезвычайным многообразием проявлений и тенденций российского философствования. В этом, довольно широком, идейном спектре критицизм, идущий от Канта и неокантианцев, занял, как выяс-няется, прочное место и во многом определил специфику целой эпохи — эпохи Серебряного века в российской культуре. Посколь-ку большинство исследователей признают факт влияния филосо-фии Канта на русскую философскую мысль⁴²⁶, анализ этого влия-ния можно, я полагаю, рассматривать в качестве парадигмального примера для последующего историко-философского осмысления отечественной философии в целом.

На рубеже XIX и XX вв. процесс трансляции и трансформации кантовского критицизма в России был сопряжен с другим, не ме-нее интересным и противоречивым, — с поиском русской филосо-фией «достоверности в отношении себя самой — своего специфи-ческого самоощущения и самопознания»⁴²⁷. Непосредственным

⁴²⁴ Фохт 2003, 281.

⁴²⁵ Соловьев 1989/1, 345.

⁴²⁶ См., напр.: Кант и философия в России. М., 1994.

⁴²⁷ Для западной философской традиции особой исторически значимой «фазой» в подобном поиске стала, по мнению Э. Кассирера, философия Просвещения, ко-

подтверждением и одновременно результатом такой рефлексии можно считать появление в 1910-20-х годах сразу нескольких очерков по истории *русской* философии — А.И. Введенского, Г.Г. Шпета, Э.Л. Радлова, Н.О. Лосского, С.О. Грузенберга, В.В. Зеньковского, А.Ф. Loseва, Б.В. Яковенко и др. Видимо, поэтому проблема историко-генетических связей и филиации идей стала одной из самых острых в истории российской философской мысли.

Вплоть до последней трети XIX в. философия Канта в России имела заметно меньший отклик, нежели учения Шеллинга, Гегеля и Фейербаха. Однако прозвучавший на Западе призыв «назад к Канту» был услышан и российскими мыслителями, и с этой точки зрения можно говорить об определенном параллелизме, синхронности, а иногда и о пересечении философских процессов, происходивших в то время в России и Германии. Тем не менее общее содержание, доминирующие тенденции и главные направления развития философской мысли на Западе и в России характеризуются глубокими качественными различиями, а порой — противоположностью и даже оппозиционностью со стороны русской философии.

5.1. Кант в России (1860-е — 1905 г.)

С 70 — 80-х годов XIX столетия имя Канта становится одним из самых популярных среди русских мыслителей, а его наследие — наиболее цитируемым в работах представителей самых разных течений и направлений философской мысли, публицистики и даже художественной литературы. «Кант непосредственно и через посредство Шиллера оказал весьма серьезное воздействие на Толстого и Достоевского⁴²⁸, а Толстой, Достоевский и Чехов — на всю мировую литературу, культуру и философскую мысль нашего века⁴²⁹. Для поколения Н.А. Бердяева, по его собственному признанию, философия Канта играла такую же важную роль, как творчество Владимира Соловьева, Толстого, Достоевского, Ибсена и Ницше⁴³⁰. Поскольку в продолжение Серебряного века восприятие Канта во многом шло *через призму* неокантианства или во

торая, отвергнув догматизм предшествующих эпох, нашла свое наивысшее воплощение в критической системе Канта. См.: Кассирер Э. Философия просвещения. М., 2004. С. 8.

⁴²⁸ См.: *Голосовкер Я.Э.* Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М., 1963.

⁴²⁹ *Фридлиндер Г.М.* Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 1995. С. 377.

⁴³⁰ *Бердяев Н.А.* Самопознание: Сочинения. М., 1999. С. 370, 388. Далее цитируется как *Бердяев*, Самопознание 1999 с указанием страниц.

многим *благодаря* неокантианскому *импульсу*, это позволяет также говорить о том, что «высший расцвет отечественной философии времени русского ренессанса в существе своем обязан и обусловлен неокантианской проблематикой»⁴³¹.

Первые сведения о философии Канта проникли в Россию еще при жизни мыслителя — в 80–90-е годы XVIII столетия⁴³². Мода, которая в Европе оказала существенное влияние на умы, — мода на Канта и кантианство — слегка затронула и Россию. И Пушкин своего Ленского сделал поклонником Канта, и последующие мыслители из славянофильского и западнического направлений неоднократно обращались к авторитету кёнигсбергского мыслителя... Европейская духовная жизнь *fin de siècle* и специфические национальные задачи русской философии заставили всех более или менее значительных мыслителей так или иначе определить свое отношение к кантовскому учению.

Я не стану подробно представлять «русскую кантиану»⁴³³ — назову лишь несколько наиболее характерных позиций.

Одной из первых работ, посвященных Канту, в пореформенной России можно считать очерк «Философский рационализм Новейшего времени» (1860)⁴³⁴ В.Н. Карпова⁴³⁵, заслуга которого перед русской философией состоит, прежде всего, в переводе на русский язык диалогов *Платона*. Критика Карповым *кантовских* идей во многом некорректна или просто ошибочна, но сама работа исторически интересна: в ней можно найти «весь тот стандартный набор негативных оценок и обвинений, которые стали характерными для религиозно-православной критики Канта в России в конце XIX — начале XX в.»⁴³⁶. По мнению Карпова, Кант заложил основы того философского рационализма и критицизма, который «пришедши в силу, может, как неудержимый поток, разру-

⁴³¹ Ермичев А.А., Никулин А.Г. А.И. Введенский и Н.О. Лосский: критицизм и интуитивизм в Санкт-Петербургском университете // Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб., 2003. С. 105. Далее цитируется как Ермичев, Никулин 2003 с указанием страниц.

⁴³² См.: Каменский З.А. Кант в России (конец XVIII — первая четверть XIX в.) // Философия Канта и современность. М., 1974. С. 289–328.

⁴³³ См. об этом прекрасные издания: Кант: pro et contra / Сост. А.И. Абрамов, В.А. Жучков, предисл. и комм. В.А. Жучкова. СПб., 2005. СПб., 2005; Кант и философия в России. М., 1994.

⁴³⁴ Карпов В.Н. Философский рационализм новейшего времени <фрагменты> // Кант: pro et contra. С. 80–128.

⁴³⁵ См. о нем: Шпет Г.Г. Очерк истории развития русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки по истории русской философии / Сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск, 1991. С. 392–400.

⁴³⁶ Кант: pro et contra. С. 841 (комм.).

шить алтари живого Бога и порядок общественный». Поэтому для защиты «православных, гражданских и народных начал русской жизни» необходимо предпринять систематический анализ рационалистической философии, чтобы отчетливо представить «всю шаткость ее начал и нелепость результатов»⁴³⁷...

По сравнению с Карповым более взвешенный и корректный анализ кантовской философии, проведенный, однако, с точки зрения платоновского объективного идеализма и онтологизма, предложил П.Д. Юркевич в своем сочинении «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта» (1866)⁴³⁸. На мой взгляд, начиная с работ Карпова и в особенности Юркевича, такой подход к Канту — с позиций платонизма, зачастую дополненного неоплатонизмом, стал парадигмальным для мыслителей религиозно-мистического направления. В этом можно увидеть парадоксальную «симметрию» с подходом марбургских неокантианцев, для которых учение Платона тоже было во многом отправным пунктом в интерпретации Канта, но, в отличие от русских религиозных мыслителей, стремящихся «исправить» и «преодолеть» Канта Платоном с тем, чтобы «с чистой совестью» вернуться к тому же Платону, Плотину и через них к христианству, марбуржцы «углубляли» Канта, то есть пытались понять Канта посредством Платона, прочитанного с помощью трансцендентального метода⁴³⁹. Так что Платон у неокантианцев выглядел не антиподом, а историческим предтечей кантовского критицизма.

С тонкой критикой позиции Юркевича выступил Н.Н. Страхов (1865), указав на принципиальную для Канта автономию разума, на познавательную самозаконодательность и независимость разума от абсолютного.

Совсем с других, нежели Юркевич, позиций подошел к анализу кантовского учения М.И. Каринский⁴⁴⁰. По результатам зарубежной командировки, целью которой было «изучение современного положения метафизики в Германии», он опубликовал обзор (1873)⁴⁴¹, где представил основные направления критики кантовской философии у немецких философов, в том числе так называ-

⁴³⁷ Карпов В.Н. Философский рационализм... С. 83.

⁴³⁸ Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990. С. 497–526. См.: Калинин Л.А. Кант в русской философской культуре. Калининград, 2005. С. 84–104. Далее цитируется как Калинин 2005 с указанием страниц.

⁴³⁹ Ср.: Натопн, КиМШ, 126, 142–143.

⁴⁴⁰ См. о нем: Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. / Общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухиной. М., 2003. С. 281–284. Далее цитируется как Яковенко 2003 с указанием страниц.

⁴⁴¹ Каринский М.И. Критический обзор последнего периода германской философии. СПб., 1873.

емого «фихте-гегелевского направления»: Вейссе, Фихте-мл., Целлера, Куно Фишера, провозгласивших «поворот к Канту» и разрабатывавших теоретико-познавательную «программатику». Специальные очерки были посвящены Лотце и Тренделенбургу⁴⁴². Каринский знал также «Логику» Лотце, «Логические исследования» Ф.А. Ланге⁴⁴³ и работы Гельмгольца по проблемам познания⁴⁴⁴, на которые опирался в собственных теоретико-познавательных исследованиях. Именно Каринского современники называли «основоположником русской критической философии»⁴⁴⁵. Предпринятая им критика кантовского априоризма основывалась на точке зрения «естественно-научного материализма», признающего достоверность чувственных данных и реальность внешних вещей. Кантовская «постановка вопроса об умозрительных истинах» (=синтетических суждениях) и их «неопытном происхождении» (=априорности) — этот «исходный пункт его исследования» — «нуждается в критическом обследовании»⁴⁴⁶. Каринский признает кантовскую «простую ссылку на нашу веру в безусловную всеобщность и необходимость той или другой истины», то есть на очевидность, например, математических аксиом, «догматичной»: вера не может считаться «научным основанием истины», «пока не разъяснено логическое право этой веры»⁴⁴⁷. Учение Канта об априорности пространства и времени Каринский принимает целиком и полностью, но не считает его доказательством умозрительности «той или иной геометрической аксиомы»⁴⁴⁸. Каринский пытается показать, что кантовские доказательства логической всеобщности и необходимости синтетических основоположений «представляют только как бы роковую необходимость для мысли принимать их»⁴⁴⁹ вместо того, чтобы объяснить логическую обязательность «предположений мысли о бытии» с указанием на условия «деятельности» этой мысли⁴⁵⁰. Проблема в том, считает Каринский, что ни о какой объективно-

⁴⁴² См.: Каринский М.И. Критический обзор... С. 132–198.

⁴⁴³ Каринский М.И. Классификация выводов. СПб., 1880. С. 22, 185, 198.

⁴⁴⁴ Каринский М.И. Об истинах самоочевидных. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1893. С. 35. Далее цитируется как Каринский 1893 с указанием страниц. Краткий обзор полемики по этой работе Каринского см.: Чернов С.А. Критицизм и мистицизм (Обзор кантианства в журнале «Вопросы философии и психологии») // Кант и философия в России. С. 132–134.

⁴⁴⁵ Радлов Э.М. М.И. Каринский. Творец русской критической философии. Пг., 1917.

⁴⁴⁶ Каринский 1893, 7, 9.

⁴⁴⁷ Каринский 1893, 9–10.

⁴⁴⁸ Каринский 1893, 17.

⁴⁴⁹ Каринский 1893, 196.

⁴⁵⁰ Каринский 1893, 194.

сти познания не может быть и речи, поскольку «никакого предмета в собственном смысле, в смысле реальности, противостоящей сознанию и независимой от самого постигающего его сознания, совсем и не предполагается, и дело может идти только об обманчивом призраке подобной реальности»⁴⁵¹. «Последним глубочайшим основанием Кантовой философии и <...> единственным основанием ее живучести» могло бы стать «признание известных состояний (внешних ощущений) за показатели внешней действительности»⁴⁵². Позднее Б.В. Яковенко увидел в учении Каринского «что-то общее» с критическим реализмом Алоиза Рия и критическим позитивизмом Эрнста Ласса⁴⁵³.

В том же ключе, то есть с позиций философского критицизма, подошел к анализу учения Канта Аким Волинский, впоследствии блестящий и одновременно скандально знаменитый литературный критик, а тогда — выпускник юридического факультета Петербургского университета, дебютировавший на страницах «Северного вестника» подробным, философски грамотным и одновременно популярным очерком *всех* частей кантовской системы и чуть не *всех* известных на то время *европейскому* кантоведению работ Канта (1889). Поводом к написанию очерка послужили два произведения Канта: «Лекции о психологии», изданные Карлом дю Прелем в Лейпциге в 1889 г., и сочинение из *Opus postumum* «О переходе метафизических начал естествознания к физике»⁴⁵⁴, изданное Альбрехтом Краузе во Франкфурте-на-Майне и Ларе в 1888 г., — «великолепные обломки Колосса Родосского, <...> в которых с необыкновенной рельефностью отразилась та двойственность взгляда, <...> которая послужила Канту основанием к разделению своей философии на философию теоретического и философию практического разума»⁴⁵⁵. Волинский берется доказать, что «в Канте неумолимая критика старой философии сочеталась с правоверным догматизмом»⁴⁵⁶, что его критический идеализм, будучи построен «на двух началах: на теоретическом разуме и практической вере», открыл человечеству «два великих принципа: принцип научного познания и принцип свободы», но возвы-

⁴⁵¹ Каринский 1893, 195.

⁴⁵² Каринский 1893, 170.

⁴⁵³ Яковенко 2003, 282.

⁴⁵⁴ См. об этом издании: Чернов С.А. Примечания ко второй части // Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М., 2000. С. 710–711.

⁴⁵⁵ Волинский А.Л. Критические и догматические элементы в философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 67. Далее цитируется как Волинский 1889 с указанием номера журнала и страниц.

⁴⁵⁶ Волинский 1889, № 7, 69.

шение практической веры над теоретическим разумом «залило» «всю кантовскую мораль с начала до конца» «ярким догматически светом»⁴⁵⁷. Эти тенденции отчетливо читаются и в двух названных выше сочинениях Канта: одно («Лекции...»), «проникнутое чистейшей догматикой, а другое, писанное, правда, дрожащею рукою утомленного старца, но полное далеко еще не исчерпанной мощи»⁴⁵⁸. Чтобы объяснить смысл и значение этих произведений, а также чтобы доказать свою мысль о постоянном сочетании в учении Канта «*догматических* и *критических* элементов», Вольтинский предпринял обзор главнейших кантовских сочинений. Очерк оказался объемным, печатался в продолжение нескольких номеров и призван был служить делу пропаганды критического идеализма.

Рассмотреть философию Канта по типу «критики критической критики» взялся блестящий ученик П.Д. Юркевича — Владимир Сергеевич Соловьев. Он подробнее проследил за действительно «узкими» местами кантовской философии, но критиковал Канта с позиции онтологизма и объективного идеализма, что возвращало мысль к до- и послекантовским метафизическим построениям, замешанным на христианской теологии и мистицизме⁴⁵⁹. Из анализа положений «Критики практического разума» и этического учения Гегеля родилась его теория «великого синтеза», или «положительного всеединства», наиболее подробно изложенная в его докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» (1880), проблематика которой вышла, однако, далеко за рамки критицизма и осталась кантовской только по названию и манере. Это не помешало ему в статье о Канте для Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (1895)⁴⁶⁰ представить глубокое и точное, едва ли не лучшее в «русской кантиане» XIX в., изложение кантовского учения и его корректную критику⁴⁶¹, избегая каких-

⁴⁵⁷ Вольтинский 1889, № 12, 55.

⁴⁵⁸ Вольтинский 1889, № 7, 69.

⁴⁵⁹ Подробную критику см.: Чичерин Б.Н. Мистицизм в науке. М., 1880; а также современные исследования В.В. Лазарева и С.А. Чернова в кн.: Кант и философия в России. С. 42—80, 119—120; Калинин 2005, 22—67, 105—123, 231—253; Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М., 2006. С. 204—219 и др. Об идейном влиянии на Соловьева философии Шеллинга, Гегеля и немецкого мистицизма см.: Гайденок П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 39—118. Далее цитируется как Гайденок 2001 с указанием страниц.

⁴⁶⁰ Кант: pro et contra, 329—366.

⁴⁶¹ Следует, по-видимому, согласиться с С.А. Черновым, который, анализируя развитие Соловьевым критики кантовского учения о нравственности, пришел к мнению, что «со временем Соловьев тем более соглашался с Кантом, чем внимательнее его читал». См.: Чернов С.А. Критицизм и... // Кант и философия в России, 140.

либо одиозных выпадов, ставших к тому времени чуть не нормой в работах мыслителей религиозно-мистического направления.

А.И. Введенский, анализируя основные линии влияния Канта на Соловьева, нашел в них две тенденции, в соответствии с которыми, собственно, происходило размежевание русских мыслителей на два основных направления: «критицизм» и «мистицизм». Получалось, что именно Соловьев и есть «первый и главный виновник» распространения критицизма в России, поскольку те, кому претил мистицизм, усваивали из его работ критицизм⁴⁶².

С позиций «конкретного», или «мистического»⁴⁶³, идеализма критиковал Канта С.Н. Трубецкой. Философская позиция Трубецкого формировалась под двойным влиянием, с одной стороны, славянофилов (прежде всего Хомякова), В.С. Соловьева и немецких мистиков, с другой, — Куно Фишера, Тренделенбурга и немецкого классического идеализма, прежде всего Канта⁴⁶⁴. Трубецкой был настоящим знатоком истории философии. Понимая историю развития философской мысли по-гегелевски, как единый процесс, подчиненный определенной логике, он ставил и решал проблему исторически, как заданную самим ходом философского развития⁴⁶⁵, чему учил и своих учеников — Б.А. Фохта, А.В. Кубицкого, М.П. Поливанова, В.Ф. Эрн и др.⁴⁶⁶

Критика Канта разворачивается у Трубецкого в связи с общей критикой субъективного идеализма, философски преодолеть который, по его мнению, можно было, только найдя универсальные формы, необходимые для обоснования абсолютного, вселенского, соборного сознания⁴⁶⁷. Он признает «бессмертную заслугу» Канта в доказательстве «несостоятельности эмпиризма и необходимости трансцендентальной философии». Вместе с тем, считает Трубецкой, в кантовском учении было столько очевидных противоречий, что все последующие немецкие философы старались их преодолеть, но в действительности — только развивали их⁴⁶⁸, сводя все об-

---

⁴⁶² Введенский А.И. О мистицизме и критицизме в теории познания В.С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1901. № 56. С. 17.

⁴⁶³ См.: Чичерин Б.Н. Существо и методы идеализма. (По поводу статей кн. С.Н. Трубецкого «Основания идеализма») // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 37. С. 185—238; он же. Еще об идеализме. (Полемика) // Там же. 1897. Кн. 38. С. 485—503.

⁴⁶⁴ Гайденко 2001, 123—124.

⁴⁶⁵ Гайденко 2001, 135.

⁴⁶⁶ См. об этом: Поливанов М.П. Памяти С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. М. 1906. № 81. С. 140—141.

⁴⁶⁷ Трубецкой С.Н. Сочинения / Сост., ред. и вступ. статья П.П. Гайденко; примеч. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова. М., 1994. С. 495, 538—539. Далее цитируется как Трубецкой 1994 с указанием страниц.

⁴⁶⁸ Трубецкой 1994, 526.

щее и частное к субъективному, лишенному, однако, индивидуальности⁴⁶⁹. «Отвлеченный идеализм со своими априорными построениями природы и истории оказался в принципиальном, постоянном противоречии с *эмпирией*, с опытом»⁴⁷⁰. Поэтому Трубецкой полагает закономерным появление позитивизма и неокантианства: «Если мы считаем правильными основные предположения Канта и если мы не желаем тратить сил в бесплодной работе, мы должны, подобно неокантианцам, отвергнуть все сделанное после Канта, чтобы вновь сознательно вернуться к нему <...>»⁴⁷¹.

И Трубецкой действительно возвращается к Канту, но не для того, чтобы повторить путь и «ошибки» неокантианцев: неокантианцы, «не будучи в силах примирить» кантовские противоречия, сами примирились с ними, признав их неизбежность и, следовательно, «радикальную лживость человеческого разума»⁴⁷². Для Трубецкого неокантианство — это «выхолощенный критицизм», лишенный «всех плодотворных метафизических элементов», переполнявших философию Канта; это «бесплодная схоластика», отказывающаяся философии в научности, а истинам — в вечности, что превращает теорию познания в «теорию неведения (Ignoranztheorie)»⁴⁷³. Трубецкой утверждает, что неокантианцы создают новую *метафизику*, «бесплодную» по сравнению с кантовской, — бесплодную якобы потому, что не признают безусловной онтологической и логической истины, указывая на историческую относительность ее оснований, и свое учение — «*метафизику*» — строят как принципиально незавершенную, открытую систему познаний⁴⁷⁴. Все же можно понять причину, по которой Трубецкой называет неокантианское учение метафизикой, — марбургские неокантианцы пытались найти *априорные основоположения* науки по типу кантовских «основоположений чистого рассудка»⁴⁷⁵. Остается, однако, полной загадкой, почему Трубецкой приписывает неокантианцам «доказательство невозможности философии в смысле науки»⁴⁷⁶ на манер позитивизма,

⁴⁶⁹ Трубецкой 1994, 487.

⁴⁷⁰ Трубецкой 1994, 523.

⁴⁷¹ Трубецкой 1994, 526.

⁴⁷² Трубецкой 1994, 526—527.

⁴⁷³ Трубецкой 1994, 524—527.

⁴⁷⁴ Ср.: Трубецкой 1994, 525.

⁴⁷⁵ В 1883 г. вышла работа Г. Когена «Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte: Ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntnisskritik», которую можно считать прологом к построению собственной когеновской философской системы. Здесь впервые со всей отчетливостью была поставлена задача отыскать основания, на которых строится наука. См.: Белов 2000, 59—71. Об этом же идет речь во 2-м изд. «Kants Theorie der Erfahrung» Г. Когена (Berlin, 1885. S. 76—79 и др.).

⁴⁷⁶ Трубецкой 1994, 527.

в то время как *марбуржцы* с самого начала понимали философию как «теорию науки», стремились ориентировать ее на «факт науки»... Так или иначе, можно сказать, что здесь, на страницах его работы «О природе человеческого сознания» (1889–1891), содержалась, по-видимому, *первая* в русской философской литературе критика неокантианства.

Итак, Трубецкой решил вернуться к Канту, чтобы именно с него начать критику субъективизма и у него же найти основания для построения собственного учения.

«Основное противоречие» в системе Канта Трубецкой видит в противоречии между бытием и мышлением, между «вещью в себе» и сознанием и считает, что это противоречие было заложено самим Кантом двойственным толкованием «вещи в себе»: с одной стороны, «вещь в себе» «превращается всецело в “идею разума”», с другой — она остается иррациональным источником наших эмпирических познаний *a posteriori*⁴⁷⁷. Выявленные Трубецким две «стороны» вещи самой по себе далеки от собственного кантовского понимания и представляют не что иное, как две тенденции в интерпретации этого понятия позднейшими философами. Если вторая интерпретация выдвигалась Г.Э. Шулце-Энезидемом, А. Шопенгауэром и др., и здесь отвергается Трубецким как основание «грубого натуралистического реализма», то первую он принимает за аутентичную, кантовскую, и далее раскрывает подробнее: «Вещи в себе не даны и не воспринимаются нами никак: они только *мыслятся* нами. Это *идеи* чистого разума, не имеющие вне его никакой действительности»⁴⁷⁸. Трубецкой здесь, однако, почти дословно воспроизводит точку зрения Г. Когена: вещь, которая не созерцаема, а лишь мыслима, значимость которой полностью утверждает себя в понятии, есть вещь сама по себе как идея⁴⁷⁹. Далее, из открытых Кантом универсальных априорных форм чувственного (=пространства и времени) Трубецкой выводит *существование* («*есть*») «универсальной трансцендентальной чувственности, обуславливающей пространство и время», из общих форм объективного бытия

⁴⁷⁷ Трубецкой 1994, 534.

⁴⁷⁸ Трубецкой 1994, 535.

⁴⁷⁹ Cohen 1885, 505. Обнаруженные у С.Н. Трубецкого в работе «Основания идеализма» «неокантианские» мотивы дали основание Джеймсу Уэсту назвать автора (вместе с его братом Е.Н. Трубецким) «религиозным неокантианцем». См.: West J. Art as Cognition in Russian Neo-Kantianism // Studies in East European Thought. 1995. № 47. P. 206–207. (Далее цитируется как West 1995 с указанием страниц). Однако отнесение некоторых указанных Дж. Уэстом мотивов к *неокантианским*, как и данное обозначение философской позиции братьев Трубецких, вызывает сомнение в их корректности: неокантианство по самой своей сути не может быть *религиозным* течением.

(=априорных категорий мира явлений) — «трансцендентальное сознание, обуславливающее мир». Ошибка Канта, по мнению Трубецкого, состояла в том, что он объявил «абсолютное» *проблематичным* и «смешал» трансцендентальное с субъективным⁴⁸⁰.

«Исправление» Канта Трубецкой производит с позиций плотино-платоновского объективизма, трансформируя трансцендентальную чувственность в универсально-космическую чувственность наподобие мировой души⁴⁸¹, а трансцендентальное сознание — сначала в «коллективную функцию человеческого рода», «соборность»⁴⁸² человеческого сознания, затем в «абсолютное вселенское» (объективное идеальное) сознание⁴⁸³, притом что и чувственность, и сознание в конце концов сливаются в «абсолютно сущем» вне чувства и мысли, актуализация которого происходит «в конкретном самоопределении» субъекта⁴⁸⁴. Таким образом, Трубецкой формулирует «критические основания» «конкретного идеализма», «соответствующие требованиям религиозного сознания» и «вере в личного Бога»⁴⁸⁵...

Так «из скромной куколки критицизма выпорхнула бабочка метафизики и устремилась на блуждающий огонек мистически-религиозных исканий»⁴⁸⁶...

Среди мыслителей религиозно-мистического направления философски выдержанную трактовку кантовского учения о нравственности предложил Л.М. Лопатин. Его критика Канта заключалась в утверждении о недостаточности для обоснования нравственного закона «веры разума» в истинность этого закона. Для этого нужна вера в бессмертие души и в бытие личного и живого бога⁴⁸⁷. Но если понимать под разумом у Канта не человеческий, а «высший», или божественный, разум, сразу исчезают все сомнения в обоснованности кантовского нравственного законодательства...⁴⁸⁸ В том же направлении работал С. Аскольдов (С.А. Алексеев)⁴⁸⁹. С позиций религиозно-мистического эмпиризма критиковал

⁴⁸⁰ Трубецкой 1994, 537–539.

⁴⁸¹ Трубецкой 1994, 544, 731 (комм.).

⁴⁸² Трубецкой 1994, 495.

⁴⁸³ Трубецкой 1994, 544, 548.

⁴⁸⁴ Трубецкой 1994, 713.

⁴⁸⁵ Трубецкой 1994, 716–717.

⁴⁸⁶ Габрилович Л.Е. Новейшие русские метафизики. (Спор о возможности метафизики) // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75. С. 647.

⁴⁸⁷ См.: Лопатин Л.М. Нравственное учение Канта // Кант: pro et contra, 470–483, 876–877.

⁴⁸⁸ См.: Лопатин Л.М. Учение Канта о познании // Кант: pro et contra, 484–497, 877–878.

⁴⁸⁹ См. о нем: Чернов С.А. Критицизм и... // Кант и философия в России, 121, 125–126.

Канта А.А. Козлов, когда писал о «*непосредственном сознании* Бога у каждого человека»: кантовский бог хотя и дан как «*Ding an sich*», как «существующее, сущее <...> в индивидуальном сознании каждого человеческого существа» и не соотносится с субъективированными формами чувственности — пространством и временем,⁴⁹⁰ — здесь Кант избежал возможных «ошибок», — но, к сожалению, «живой, непрестанно взаимодействующий со всеми субстанциями мира Бог» превращается у Канта в «абстрактное понятие»⁴⁹¹. Взгляды лейбницианца Козлова и философия всеединства В.С. Соловьева оказали сильное влияние на становление философской позиции Лосского⁴⁹².

Глубокое изучение кантовской философии привели Н.О. Лосского к мысли о необходимости объяснить феномен транссубъективности — вопрос, оставшийся у Канта без ответа. Вкупе с убеждением, вынесенным из штудий «Критики чистого разума», о доступности познанию лишь того, что имманентно сознанию, этот вопрос стал осью учения Лосского «о непосредственном восприятии транссубъективного мира»⁴⁹³, где он с позиций мистического интуитивизма, или «идеал-реализма», предпринял попытку провести систематическое опровержение кантовской теории познания и предложить ей гносеологическую альтернативу⁴⁹⁴. Однако ответ на кардинальный для учения Лосского вопрос о возможности непосредственного знания чувственного, идеального и даже божественного мира изначально предполагал выход из области гносеологии к «бытийным основаниям сознания», к метафизике⁴⁹⁵. В своей рецензии, вышедшей после вторичной публикации «Обоснования мистического эмпиризма» (1904) в виде отдельной книги под названием «Обоснование интуитивизма» (1906)⁴⁹⁶, Л.Е. Габрилович, отметив искренность и добросовест-

⁴⁹⁰ Козлов А.А. Сознание Бога и знание о Боге. Воспоминание об онтологическом доказательстве бытия Божия // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 451, 455, 459–460.

⁴⁹¹ Козлов А.А. Сознание Бога..., 456.

⁴⁹² Гайдено 2001, 213–214.

⁴⁹³ Лосский Н.О. Обоснование мистического эмпиризма // Вопросы философии и психологии. 1904. № 75. С. 505.

⁴⁹⁴ Подробный анализ см.: Перминов В.Я. Критицизм и интуитивизм Лосского // Кант и философия в России, 151–172; Белов В.Н. Русская религиозная философия и Кант: компаративистский анализ гносеологического аспекта // Русская философия: Новые исследования и материалы. (Проблемы методологии и методики) / Под. ред. А.Ф. Замалева. СПб., 2001. С. 264–266; Гайдено 2001, 211–220.

⁴⁹⁵ Гайдено 2001, 219–220.

⁴⁹⁶ Эта книга Лосского вскоре вышла по-немецки: *Losskij N. Die Grundlegung des Intuitivismus: Eine propädeutische Erkenntnistheorie* / Übersetzt von J. Strauch. Halle a. S., 1908.

ность Лосского как мыслителя, указывает на идейные источники этой работы — учения Т. Липпса и У. Джемса — и ее ценность: «Она ясно и убедительно доказывает, что критические и позитивистские утверждения о неизбежной относительности знания основаны на догматической предпосылке» — «*гипотезе* о познавательном аппарате и его творческой деятельности»⁴⁹⁷ — «и потому могут быть приравнены к предрассудку». «Что же касается самой теории интуитивизма, <...> в ней есть крупный пробел — обход проблемы предметности — и поэтому, хотя ее онтологические выводы могут оказаться справедливыми, сама она по своей гносеологической конструкции едва ли может быть признана состоятельной»⁴⁹⁸.

Из этого краткого очерка рецепции кантовских идей во второй половине XIX — первые годы XX в. становится очевидной тенденция, определенно сложившаяся к концу этого периода в методе анализа и критики трансцендентализма, скрытая иногда за «чисто научными» и «совершенно свободными» с виду рассуждениями русских философов. Важная особенность русских исследований о Канте этого периода состояла в отказе от «отвлеченной» философии, в подчинении ее религии, введении в теорию познания эмоционально-иррационального, экстатического элемента, заимствованного из богословия и религиозного опыта мистиков⁴⁹⁹. «Здесь для критицизма вернуться “назад!” невозможно; этот вопрос может звучать лишь следующим образом: как для критически, научно думающих возможна религия и какая?»⁵⁰⁰. Все усилия, связанные с критикой, полемикой и попытками опровержения кантовских положений — даже в сфере теоретического, или «чистого», разума, — были в основном направлены на «спасение» религиозно-нравственных основ христианского, прежде всего, разумеется, православного мировоззрения и со временем в трудах мыслителей так называемого «русского религиозного ренессанса» приобрели особое символическое значение и размах «национальной» идеи...⁵⁰¹ Это, по-видимому, можно объяснить слабым развитием в российских философских исследованиях теоретико-познавательной проблематики в целом при преимущественном внимании

⁴⁹⁷ Галич Л. (Габрилович Л.Е.). [Рец.:] Н.О. Лосский. Обоснование интуитивизма. СПб., 1906 // Русская мысль. 1907. Кн. III. С. 56.

⁴⁹⁸ Галич Л. [Рец.:] Н.О. Лосский..., 60.

⁴⁹⁹ См.: Чернов С.А. Критицизм и... // Кант и философия в России, 120.

⁵⁰⁰ Masaryk Th.G. Russland und Europa: Studien über die geistigen Strömungen in Russland. Erste Folge. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie: Soziologische Skizzen. 2. Bd. Jena, 1913. S. 438. Далее цитируется как Masaryk 1913 с указанием страниц.

⁵⁰¹ См., например, критику Канта Н.Ф. Федоровым или В.Ф. Эрном: Кант: pro et contra, 365–377, 740–749.

к злободневным социально-политическим и этическим вопросам: «Русское мышление мифично <...>. Поэтому в России так много литературных критиков, и так мало теоретико-познавательной критики; стоит только начать обсуждать проблему критики философии, она тут же характерным образом редуцируется к этической проблеме»⁵⁰². «Поэтому тот, кто ценит в философии, прежде всего, систему, логическую отделанность, ясность диалектики, одним словом — научность, может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания»⁵⁰³...

В этот же период начинается и постепенно интенсифицируется работа по переводу как произведений самого Канта⁵⁰⁴, так и европейской, прежде всего, германской философской литературы: в первую очередь, исторических обзоров Г. Гейне (1864), А. Шwegлера (1864), Б. Бауэра (1866), Р. Гайма (1888), Ф. Ибервега и М. Гейнце (1890, 1899), Ф. Йодля (1898), Р. Фалькенберга (1894, 1898), Т. Циглера (1900) и др.⁵⁰⁵ с рассмотрением кантовского учения и нередко критических позиций современных философов; а также специальных историко-критических исследований, среди авторов которых были мыслители, сыгравшие известную роль в становлении неокантианского движения в Германии: Куно Фишер⁵⁰⁶, Г. Гельмгольц⁵⁰⁷, А. Тренделенбург⁵⁰⁸, Ф.А. Ланге⁵⁰⁹, А. Риль⁵¹⁰, Ф. Паульсен⁵¹¹. Был сделан перевод на русский язык

⁵⁰² См.: *Masaryk* 1913, 431.

⁵⁰³ Такая характеристика русской философии содержится в статье А.Ф. Лосева, несмотря на основной — апологетический — тон этой работы. См.: *Лосев А.Ф. Русская философия // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.: Очерки истории...*, 67.

⁵⁰⁴ М.И. Владиславлевым, В.С. Соловьевым, Н.М. Соколовым, позднее Н.О. Лосским и др. были сделаны переводы — разного качества — основных кантовских трудов. См.: *Иммануил Кант: Библиогр. указ. лит. на рус. яз. 1803–1994 / Сост. Л.С. Давыдова. М., 1996. С. 5–8.*

⁵⁰⁵ См.: *Иммануил Кант: Библиогр. указ. С. 32–39.*

⁵⁰⁶ *Фишер К. История новой философии / Пер. Н.Н. Страхова. Т. 2–4. СПб., 1864–1865; Фишер К. Критика Кантовой философии / Пер. Н.А. Иванцова // Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. М., 1889. С. 203–367.*

⁵⁰⁷ *Гельмгольц Г. О зрении человека: (Лекция в Кёнигсберге в пользу памятника Эммануилу Канту) // Заграничный вестник. СПб. 1866. Т. 8. Вып. 12. С. 415–439.*

⁵⁰⁸ *Тренделенбург А. Логические исследования / Пер. Е. Корша. Ч. 1–2. М., 1868.*

⁵⁰⁹ *Ланге Ф.А. История материализма и критика его значения в настоящее время / Пер. с 3-го нем. изд. Н.Н. Страхова. Т. 1. СПб., 1881; Т. 2. СПб., 1883; 2-е изд. Т. 1–2. СПб., 1899; 3-е изд. Пер. с 5-го нем. изд. под ред. и с предисл. Вл. Соловьева. Киев–Харьков. Т.1. [1899], Т. 2. 1900.*

⁵¹⁰ *Риль А. Теория науки и метафизика с точки зрения философского критицизма / Пер. с нем. Е. Корша. М., 1887.*

⁵¹¹ *Паульсен Ф. Иммануил Кант, его жизнь и учение / Пер. с нем. Н.О. Лосского. СПб., 1899.*

и нескольких произведений Р.Г. Лотце, в том числе его знаменитый «Микрокосм»⁵¹². Остались непереуведенными две важные для неокантианства работы Лотце: «Метафизика» и «Логика».

Значение этих переводов невозможно переоценить. Благодаря им российские студенты знакомились с ходом философского развития в Европе, с новейшими подходами как к историческому, так и насущным проблемам и задачам философии. Ценность этих переводов была еще и в том, что в них постепенно выкристаллизовывалась философская терминология и раскрывалась методология философского исследования, освещенная многовековой мировой традицией.

5.2. Неокантианцы в России (1890-е – 1905 г.)

С 1890-х годов через рецензии и критические исследования в Россию начинают проникать идеи неокантианства⁵¹³.

Одновременно с критикой неокантианства С.Н. Трубецким в 1889 г. появилась, по-видимому, первая русскоязычная рецензия на последнюю в трилогии о Канте книгу Г. Когена — «Кантовское обоснование эстетики»⁵¹⁴. Ее автор, В.П. Преображенский, друг Трубецкого, критикует неокантианство за отсутствие *единства* не только в понимании Канта, но и «в самой постановке задач и приемов ее изучения». Он обвиняет Когена в *догматизации* кантовского критицизма, что, однако, плохо вяжется с последующим утверждением об использовании Когеном кантовских идей для «живого дела философской проповеди», для построения нового *собственного* учения...[курсив мой. — Н.Д.].

В 1897 г. в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона появилась статья Э.Л. Радлова «Новокантианство и новокантианцы», где был назван первый и единственный представитель этого философского течения в России — Александр Иванович Введенский⁵¹⁵.

Одно из первых русскоязычных критических исследований по философии марбургского неокантианства принадлежит перу

⁵¹² Лотце Г. Микрокосм: Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии / Пер. Е. Корша. М. Ч. 1, 1866; Ч. 2, 1866; Ч. 3, 1867; Лотце Г. Основания практической философии / Пер. Я. Огуса. СПб., 1882; Лотце Г. Основания психологии. СПб., 1884.

⁵¹³ В этом очерке речь пойдет прежде всего о рецепции в России идей марбургского неокантианства.

⁵¹⁴ Преображенский В.П. [Рец.:] Н. Cohen. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin 1889 // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. 1. С. 95–96.

⁵¹⁵ Радлов Э.Л. Новокантианство и новокантианцы // Энциклопедический словарь. Т. XXI. СПб., 1897. С. 281.

Л.И. Аксельрод (1900) — той самой Аксельрод-Ортодокс из плехановской группы «Освобождения труда». Календарное начало нового века, можно сказать, совпало с началом в России неокантоведения. Выпускница Бернского университета со степенью доктора философии Аксельрод свою задачу увидела в том, чтобы через анализ «понятия об опыте» в философии Канта и неокантианцев показать, что «содержание опыта, как его понимает критицизм, ничего общего не имеет с действительным содержанием опыта, который лежит в основе современной науки»⁵¹⁶. Она последовательно рассматривает те элементы кантовской философии, которые имеют отношение к понятию опыта, и толкование этих элементов в учении неокантианцев — Отто Либмана и Ф.А. Ланге, мимоходом отмечает особенности интерпретации у И.Г. Фихте, имманентистов (Шуппе, Шуберта-Зольдерна и Кауфмана), Вундта и Германа Лотце (в его «Метафизике»), но основное внимание посвящено подробнейшему анализу понятия опыта в «Kant's Theorie der Erfahrung» Германа Когена, на основании которого Аксельрод приходит к выводу, что «неокантианцы решительно не в состоянии критически обосновать критицизм, — и им остается начать из ничего, — не прибегая к объекту. Поэтому критическая философия есть догматический материальный реализм, — поскольку она стремится обосновать субъективизм, — и догматический субъективизм — поскольку она не обосновывает его. <...> Согласование между воспринимающими и восприятиями есть одно из вспомогательных условий опыта, но не основа его. В действительности наука <...> стояла и стоит на той твердой почве, что действительно объективны только те наши представления, источник которых находится вне субъекта»⁵¹⁷. Позднее И.И. Лапшин, полемизируя, признает, что, да, Аксельрод «наглядно показывает, как представители критицизма сами затягивают себя в петлю логического противоречия», но, вскрывая это противоречие, на самом деле «оказывает критической философии дружескую услугу, ибо справедливо указываемое <...> противоречие “снимается” ссылкой на тот факт, что мы не знаем и не можем знать, распространяемы ли законы мышления на вещи в себе»⁵¹⁸.

В 1903 г. в «Педагогическом сборнике» вышло прекрасное изложение — подробное и грамотное — книги Наторпа «Социальная педагогика. Воспитание воли на основе общности» (Stuttgart,

⁵¹⁶ Аксельрод Л.И. Опыт критики критицизма // Научное обозрение. 1900. № 12. С. 2054.

⁵¹⁷ Аксельрод, Опыт критики, 2085.

⁵¹⁸ Лапшин И.И. Законы мышления и формы познания // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Ч. LXXX. СПб., 1906. С. 147.

1899) с некоторыми комментариями автора статьи⁵¹⁹. В самом начале следующего года появился не менее подробный *критический обзор* той же наторповской работы в «Вопросах философии и психологии». Эта статья ценна тем, что ее автор Д.М. Койген не просто анализирует этот «замечательный труд Наторпа», но начинает с краткого очерка развития всей социальной философии в XIX в. В тексте Наторпа он, отвлекаясь от его практических педагогических идей, выявляет и исследует «основные проблемы социально-философской дисциплины, то есть пропедевтику социальной науки», а также «основы научного и вообще философского мышления» — «в виду того, что философия познания социального бытия тесно связана с философией науки вообще»⁵²⁰. Тем самым Койген дает всеобъемлющую характеристику философских взглядов марбургского философа, замечательную своей глубиной и точностью. Укажу лишь на некоторые интересные моменты этой работы. Так, Койген находит сходство у Наторпа с Н.К. Михайловским в толковании «высшей добродетели» как «правды» (*Wahrheit*), где соединяются «правда-истина и правда-справедливость». «Не один только русский язык, как это кажется нашему почтенному социологу, обладает таким прекрасным, объединяющим эти два понятия словом “правда” <...> Наторп же думает, что немецкое слово *Wahrheit* тоже допускает такое двоякое значение»⁵²¹. Критикуя Наторпа с позиций, близких В. Дильтею и А. Рилу, Койген указывает на ошибочность принятия Наторпом «высшего закона прогрессивного развития познания», или кантовского «положения о непрерывности» познания, как непреложного и руководящего для *социального* познания, в то время как этот «закон» установлен Кантом «только для познания природы», неокантианцами же рассматривается как «полезная гипотеза», помогающая «исследователю природы никогда не терять из виду высшей цели всякого познания и никогда не успокаиваться на достигнутой опытным путем ступени познания». К философам, впадающим в ошибку, подобную наторповской, Койген относит и П.Б. Струве в связи с его статьей «Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung»⁵²²... Не продолжая поиск интересных приме-

⁵¹⁹ Ефремова М.Н. Воспитательная теория Наторпа // Педагогический сборник, изд-й при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб. 1903. № 2. С. 161–173; № 3. С. 270–276; № 4. С. 374–388; № 5. С. 407–425; № 6. С. 485–506; № 7. С. 1–15.

⁵²⁰ Койген Д. Социальная философия с точки зрения платоно-кантовского идеализма // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 71. С. 77. Далее цитируется как Койген 1904 с указанием страниц.

⁵²¹ Койген 1904, 88.

⁵²² Койген 1904, 103–104, 108–109.

ров, достаточно сказать, что широта охвата материала, его структурированность и аналитичность текста Койгена таковы, что позволяют считать эту работу критическим введением в социальную философию рубежа веков.

В середине 90-х годов XIX в. идеи кантианства, и, прежде всего, социальные идеи неокантианства, были, как известно, восприняты представителями «легального марксизма» — П.Б. Струве, Б.А. Кистяковским, С.Н. Булгаковым, М.И. Туган-Барановским, Н.А. Бердяевым, И.А. Давыдовым и др. Процесс взаимовлияния марксизма и неокантианского критицизма в Германии и в России шел с определенной синхронностью. Между русскими «легальными марксистами», немецкими неокантианцами и немецкими же социал-демократами, тяготевшими к кантианству, существовало постоянное общение⁵²³. Булгаков так описывал свой марксистско-неокантианский период: «В связи с полемикой против Штаммлера, а также и помимо нее, я ставил себе более общую и широкую задачу, состоявшую в том, чтобы внести в марксизм прививку кантовского критицизма, подвести под него гносеологический фундамент, придав критическую формулировку основным его социологическим и экономическим учениям. <...> я колебался между различными оттенками [неокантианства], в разные времена приближаясь то к Рилу, то к Шуппе, то к Наторпу и Виндельбанду. Должен сознаться, что Кант всегда был для меня несомненнее Маркса, и я считал необходимым поверять Маркса Кантом, а не наоборот»⁵²⁴.

В связи с появлением книги К. Форлендера «Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме» (1900, рус. 1906) А.К. Дживелегов выступил в печати со статьей, где проанализировал логику идейного движения как от кантианства к марксизму в работах К. Форлендера, Р. Штаммлера, Ф. Штаудингера, П. Наторпа, Г. Когена, так и обратное движение — от Маркса к Канту — у К. Шмидта и Э. Бернштейна⁵²⁵. Дживелегов обратил внимание на аналогию этических положений Маркса и Канта: «Царство целей и прочие на своем месте очень плодотворные построения Канта <...> прекрасно идут к практической части системы марксизма»⁵²⁶. Поворот к кантовской критической

⁵²³ См. о дискуссии между русскими «легальными марксистами» и неокантианцами: *Плотников Н.С.* Философия «Проблем идеализма» // Проблемы идеализма. [1902]. Сб. статей. М., 2002. С. 11–30. Далее цитируется как *Плотников 2002* с указанием страниц.

⁵²⁴ *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895 – 1903 / Сост., вст. статья и комм. В.В. Сапова. М., 2006. С. 373.

⁵²⁵ См.: *Чернов С.А.* Критицизм и... // Кант и философия в России, 145–148.

⁵²⁶ *Дживелегов А.К.* Марксизм и критическая философия // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 58. С. 276.

философии — это, по его мнению, показатель «кризиса» в марксизме, и потому, хотя и неизвестно, как далеко зайдет взаимная ассимиляция этих течений, этот процесс плодотворен.

С Дживелеговым был совершенно согласен И.А. Давыдов: «Встреча Канта и Маркса, двух великих умов, знаменует собой начало конца того духовного кризиса, какой, несомненно, переживал и еще переживает марксизм»⁵²⁷, «синтез идеализма и марксизма далеко не представляет собой простой механической смеси разнородных элементов; напротив, это — нечто целостное, органически сплетающееся, что одинаково воздаст должное обоим великим мыслителям» и ведет к формированию «целостного, внутренне-согласованного социально-философского мировоззрения»⁵²⁸.

Были, однако, и те, кто сомневался в плодотворности «союза между критическими потомками Канта и Маркса». В.М. Чернов в полемической статье по поводу работы П.Б. Струве «Свобода и историческая необходимость» напрямую заявил, что «“экономический материализм” в том виде, как его исповедует г. Струве⁵²⁹, не только не может быть обоснован на немецкой критической философии <...>, но даже стоит в прямом противоречии с нею»⁵³⁰. Подвергнув подробному анализу тексты Струве и Рия, Чернов доказывает тенденциозность попытки Струве произвести кантиано-марксистский симбиоз — «тенденциозность в худшем смысле слова». «Чтобы выдать Рия за своего философского единомышленника, г. Струве должен был вылавливать из его книги отдельные фразы, давать им самое широкое перетолкование, лишая их живой связи с общим текстом, слишком неопределенно переводить отдельные места, игнорировать целые сотни фраз и страниц, идущих в разрез с его утверждениями, замалчивая такое разногласие. <...> Вероятно, этим и объясняется тот факт, что в статье [Струве] <...> внезапно оказывается у Рия “метафизический реализм, хотя и критически обоснованный (sic)”»⁵³¹...

Койген считал, что марксистов и неокантианцев на время объединила «их главная практическая цель» — «возвращение общест-

⁵²⁷ Давыдов И.А. Исторический материализм и критическая философия: Сб. статей. СПб., 1905. С. VIII. Далее цитируется как Давыдов 1905 с указанием страниц.

⁵²⁸ Давыдов И.А. Предисловие редактора // Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / Пер. со 2-го нем. изд. под ред. И.А. Давыдова. СПб., 1907. С. LXXI–LXXII. Далее цитируется как Давыдов 1907 с указанием страниц.

⁵²⁹ П.Б. Струве в своей работе опирался на учение Алоиза Рия.

⁵³⁰ Чернов В.М. Экономический материализм и критическая философия // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 39. С. 609.

⁵³¹ Чернов В.М. Экономический материализм... С. 644.

венному творчеству его автономной свободы». «Неудивительно поэтому, что неомарксизм сделал первый шаг по направлению к неокантианству, главная философская задача которого всегда состояла в оценке научного сознания <...>, то есть в установлении границ господства критико-эмпирической науки над творческой человеческой личностью»⁵³². Однако союз, заключенный «на почве формальной методологии», не может быть долгосрочным, «критицизм и натуралистический историзм всегда останутся непримиримыми противоположностями», если только какое-нибудь из течений «не впадет в эклектизм». Койген прогнозирует для «односторонних и более последовательных» представителей обоих течений одинаковую, с его точки зрения, ошибку: утверждение «формулы прогресса общественной жизни» — и одинаковый финал: «проповедь догматического идеализма»⁵³³.

О том, что такого финала долго ждать не придется, говорили появляющиеся одна за другой работы представителей «легального марксизма». И.А. Давыдов в предисловии к сборнику своих статей (1905) вроде бы с удовлетворением отмечал «несомненное повышение тона литературных нравов», имея в виду, собственно, повышение уровня философской грамотности: теперь движение, к которому он принадлежит, называют «трансцендентальным марксизмом», тогда как «когда-то — лет десять тому назад — тон был проще, с истинно русским пошибом: нас величали социал-буржуями — смесь нижегородского с французским, — “марксятами” А теперь <...> и слово-то какое хорошее — *транс-цен-ден-таль-ный* — чисто иностранное, без всякого русского привкуса, и — что особенно отрадно — не перепутано с трансцендентным»⁵³⁴. И тут же сам с не меньшим удовлетворением причисляет своих единомышленников-неокантианцев Штаммлера, Наторпа (особенно) и Штаудингера к... «прирожденным *метафизикам*» и признается, что «давно уже эмансипировался от догматического отрицания метафизических проблем. В этом отношении он всегда значительно отступал от учений марбургской школы, на почве которой он вообще стоял и стоит. Ее категорическое: “нет!” по отношению к религиозно-метафизическим проблемам всегда превращалось для него в вопрошающее и ищущее ожидание»⁵³⁵. Под этим признанием⁵³⁶ могли подписаться и другие русские

⁵³² Койген 1904, 120.

⁵³³ Койген 1904, 120–121.

⁵³⁴ Давыдов 1905, XIII.

⁵³⁵ Давыдов 1905, XIX.

⁵³⁶ Спустя два года точка зрения Давыдова на проблему метафизики изменилась, избрав иное, не религиозно-мистическое направление. Он говорит о том, что «абсолютная идея», понятая по-неокантиански, то есть «как идея *закономерности* во-

«трансцендентальные марксисты», которые «от критического позитивизма пришли и перешли к метафизике»⁵³⁷, — С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве... Своеобразной вехой возникшего дрейфа прочь от «легального марксизма» стал сборник «Проблемы идеализма», с которого, считается, для русской философии начался XX век⁵³⁸.

Часть «легальных марксистов», разочаровавшись и в Марксе, и в Канте, вскоре составила немногочисленную, но довольно заметную группу по созданию так называемой «новой религиозной философии»⁵³⁹. Ни о какой философии в смысле науки речи не шло: «интенсивные религиозные искания российские непрестанно облекаются в философские формы»⁵⁴⁰, — писал позднее об этом идейном течении Б.В. Яковенко. Само понятие «религиозная философия» содержит в себе явное противоречие: философия предполагает полную свободу мысли, мысль же религиозного деятеля всегда заключена в определенные рамки, за которые она не смеет выйти. Тем не менее пафос критичности, воспринятый мыслителями мистико-религиозного направления из учения Канта (иногда через идейное «посредничество» Вл. Соловьева) и работ неокантианцев, так или иначе сохранялся в их произведениях и проявлялся прежде всего в отношении оснований познавательной и практической деятельности⁵⁴¹. Поэтому нет ничего странного в том, что Бердяев вслед за Струве ничтоже сумняшеся отождествлял позитивизм и критицизм: «Чистый и характерный трансцендентальный идеалист Коген, решительный враг метафизики и самый настоящий *позитивист*, он *только на незыблемых рациональных основаниях* (идеях, априорных категориях) строит *позитивное* здание нашего *познания* и нашей нравственности.

обще, как [идея] *основоположного единства*» или «*формальный метод*», «не имеет ничего общего с метафизическим мышлением». «Неокантианская мысль в лице таких видных ее представителей, как Cohen, Natorp, Stammler и др., сознательно и настойчиво отмежевывается от метафизики». «Лишь недостаточным знакомством нашей передовой публицистической мысли с философскими проблемами в критическом их освещении можно объяснить себе это поспешное зачисление по департаменту метафизики всякой попытки развить телеологическое мирозерцание». См.: Давыдов 1907, LXXI–LXXII.

⁵³⁷ П.Г. (Струве П.Б.) К характеристике нашего философского развития // Проблемы идеализма, 334.

⁵³⁸ См.: Плотников 2002, 9.

⁵³⁹ Подробную и обстоятельную критику «русской религиозной философии» см.: Семенов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX — начала XX века // Философия и общество. 1997. № 4. С. 113–137.

⁵⁴⁰ Яковенко Б.В. Значение и ценность русского философствования // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 109.

⁵⁴¹ См.: Плотников 2002, 32–35.

Загадка бытия в его бездонности и таинственности совершенно упраздняется для таких идеалистов именно потому, что они идеалисты, что для них все сводится к *идеям разума*, к *системе понятий*»⁵⁴² [курсив мой. — Н.Д.].

Все обвинения в догматизме, метафизичности и позитивизме (в общепринятом, а небердяевском смысле) снимает с марбургского неокантианства Е.В. Спекторский. В своей статье по поводу книги Г. Когена «Этика чистой воли» и о проблеме чистой этики в целом он объясняет игнорирование и непонимание марбургского неокантианства в среде русских идеалистов «неизвестностью» этого движения в России, влиянием на русскую мысль «не столь чистых логически источников немецкой философии — главным образом Виндельбанда», что приводит к отождествлению идеализма с метафизикой⁵⁴³. Неизвестно, был ли автор среди учеников Когена и Натторпа⁵⁴⁴, но он с большой симпатией и глубоким знанием говорит о философии Марбургской школы как об идеализме «в наиболее чистом, свободном от метафизики, строго методическом и критическом смысле этого слова»⁵⁴⁵. Эта философия «отказывается от всевозможных утверждений гетерономного, догматического и бездоказательного характера, от субъективной веры во внешнее бытие (немецкое Dasein) всяких трансцендентных реальностей, единственно будто бы порождающих, удостоверяющих и санкционирующих все действительно истинное, доброе и прекрасное»⁵⁴⁶, и опирается на Канта «не со слепым и фанатическим догматизмом», но «выдвигает в его книгах на первый план то, что делает его философом свободной от всякого субъективизма науки», то есть «знания вполне достоверного, не обусловленного субъективными особенностями ума у отдельных индивидов»⁵⁴⁷. Спекторский в этой же статье предлагает краткий, но содержательный обзор трудов марбургских философов. Подробную характеристику он дает практической и социальной философии Марбургской школы, чью квинт-эссенцию выражает в двух словах: «это философия гуманизма и просвещения»⁵⁴⁸, традиция которой восходит к Сократу. Фундировать такую философию должна «чистая этика, то есть такая эти-

⁵⁴² Бердяев, О новом русском идеализме, 685.

⁵⁴³ Спекторский Е.В. Из области чистой этики // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 78. С. 386. Далее цитируется как Спекторский 1905 с указанием страниц.

⁵⁴⁴ Известно, что Спекторский с 1901 по 1903 г. был в научной командировке за границей, где работал в библиотеках Парижа, Берлина, Гёттингена и Гейдельберга. См.: Алексеев П.В. Философы России XIX — XX столетий: Биографии, идеи, труды / 4-е изд-е, перераб. и доп. М., 2002. С. 923.

⁵⁴⁵ Спекторский 1905, 385.

⁵⁴⁶ Спекторский 1905, 386.

⁵⁴⁷ Спекторский 1905, 387—388.

⁵⁴⁸ Спекторский 1905, 393.

ка, которая основывается <...> на требованиях, которые с логической необходимостью вытекают из природы автономного разума»⁵⁴⁹. Именно такую этику и стремится создать Коген. Спекторский не ставит себе целью изложить содержание когеновской работы – его интересует методическая сторона возможности «ставить проблему чистой этики как науки»⁵⁵⁰. Реконструируя ход мысли Когена при построении этической концепции, он указывает на ряд недостатков: обоснование этики «психологическим понятием воли и деяния», отделение этики от логики, подчинение обеих наук «какому-то неуловимому закону истины, отождествленной с Богом», отнесение этики к «догматическому правоведению» (римскому праву), в котором Коген «напрасно усмотрел математику общественных наук»⁵⁵¹. Хотя проблема чистой этики остается проблемой, и самой книге Когена не хватает «классичности, то есть завершенности», но именно эта незавершенность приносит, по мнению Спекторского, «неизмеримо больше пользы объективному делу идеализма», подтверждая, что «оно есть бесконечная задача, которую никогда нельзя признать раз навсегда решенной со всеми возможными выводами и деталями»⁵⁵².

Тем же пафосом, что и статья Спекторского, – пафосом «защиты научно-философского идеализма» перед идейной экспансией *метафизического* идеализма, проникнута работа Б.А. Кистяковского, написанная в 1903–1904 годах, но опубликованная только в 1907 г.⁵⁵³ Кистяковский, как и Спекторский, указывает на «неизвестность» в России научно-философского идеализма (в отличие от метафизического). Но именно научно-философское направление, с его точки зрения, способно «внести плодотворные идеи в русскую духовную и общественную жизнь»⁵⁵⁴. Активное проникновение идей научного идеализма началось было с признания некоторыми марксистами «самостоятельности этической проблемы», независимости ее от «категории необходимости». Скоро, правда, они обнаружили, что «постановка этической проблемы непосредственно наталкивает на проблему метафизическую», и сделали вывод о невозможности решения первой проблемы без решения второй. Почему же «предполагаемая связь всякой естественно-научной проблемы с проблемой метафизики» не ме-

⁵⁴⁹ Спекторский 1905, 394.

⁵⁵⁰ Спекторский 1905, 396.

⁵⁵¹ Спекторский 1905, 411.

⁵⁵² Спекторский 1905, 395.

⁵⁵³ См.: Кистяковский Б.А. В защиту научно-философского идеализма // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 86. С. 57–109. Далее цитируется как *Кистяковский* 1907 с указанием страниц.

⁵⁵⁴ Кистяковский 1907, 58.

шает ученым-естествоиспытателям исследовать явления природы «лишь как явления, не возбуждая вопроса об их сущности», не нуждаясь «в гипотезе сверхопытных и трансцендентных начал»? В тех же границах научного познания можно исследовать и проблемы этики. Уклонение от их «научного решения» сделает идеализм «движением замкнутого круга, представители которого хотя и в высшей степени воодушевлены этической идеей, тем не менее черпают свое воодушевление ею не из общеобязательного научного убеждения, а исключительно из личных переживаний, обусловленных их верой»⁵⁵⁵. В этой статье Кистяковский с позиций баденского неокантианства подробно объясняет, в чем состоит *научность* философии, каковы ее место и роль в истории всего интеллектуального развития человечества. «Философия имела громадное значение для европейской культуры отчасти потому, что она всегда теснейшим образом была связана с наукой. <...> Но у нас эта связь между философией и наукой, казавшаяся неразрывной, разорвана»⁵⁵⁶. Кистяковский с горечью констатирует появление в России «нового типа философа-публициста», который «с пренебрежением относится к специальным наукам и кичится своим дилетантизмом»⁵⁵⁷. Вердикт Кистяковского безжалостен: «Новейший поворот некоторых сторонников метафизического идеализма к мистическому реализму, как явно антинаучный, не представляет, с точки зрения автора, никакого интереса»⁵⁵⁸.

Несмотря на «количественную слабость» сторонников научно-философского идеализма в России, подъем, который наблюдался в российской философской жизни конца XIX – начала XX в., отнюдь не укладывается в упрощенную формулу так называемого «религиозно-философского ренессанса»⁵⁵⁹. Число русских философов, работающих вне религиозно-мистического направления, постоянно росло за счет молодых мыслителей, прошедших выучку в самых известных философских центрах Германии.

Свидетельством того, что позиции научной философии в начале 1900-х годов стали постепенно укрепляться, можно считать

⁵⁵⁵ Кистяковский 1907, 58–60.

⁵⁵⁶ Кистяковский 1907, 108–109.

⁵⁵⁷ Кистяковский 1907, 109. В качестве «образца невероятного дилетантизма» указана статья С. Аскольдова о «Прелюдиях» Виндельбанда. См.: Аскольдов С. (Алексеев С.А.). Теории новейшего критицизма (по поводу двух книг) // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75. С. 601–621.

⁵⁵⁸ Кистяковский 1907, 57.

⁵⁵⁹ См.: Пустарнаков В.Ф. И.И. Лапшин как философ, исследователь научного и художественного творчества // Лапшин И.И. Философия изобретений и изобретения в философии: Введение в историю философии. М., 1999. С. 340. Далее цитируется как Пустарнаков 1999 с указанием страниц.

письмо, отправленное 4 октября 1904 г. известным математиком, профессором Казанского университета, Александром Васильевичем Васильевым Эрнсту Маху, в котором Васильев назвал философов, занимающихся в России теорией познания:

1. Лесевич, Владимир Викторович (Полтава)
2. Челпанов, Георгий Иванович (Киев)
3. Введенский, Александр Иванович (СПб, университет)
4. Радлов, Эрнст Лузвич (СПб., редакция журнала Министерства образования)
5. Лапшин, Иван Иванович (СПб., университет)
6. Каринский, Михаил Иванович (СПб., Духовная академия)
7. Ивановский, Владимир Николаевич (Казань, университет)
8. Викторов, Давид Викторович (Москва, университет)
9. Виноградов, Николай Дмитриевич (Москва, университет)⁵⁶⁰.

Кроме Лесевича (1837 г. р.) и Каринского (1840 г. р.), представителей старшего поколения, чей творческий расцвет пришелся на вторую половину XIX в., Васильевым были названы мыслители, во многом определившие лицо философии рубежа веков и периода двух революций. Они принадлежали к разным идеалистическим течениям. Но все эти течения можно, однако, отнести к общему научно-философскому направлению, занятому преимущественно теоретико-познавательной критикой (в отличие от «онто-гносеологической» проблематики метафизического идеализма).

Из них по меньшей мере трое отчетливо обозначали свою философскую позицию как кантианскую. Это были представители академической философии А.И. Введенский и И.И. Лапшин, а также в своих ранних работах Г.И. Челпанов.

«Хотя и метафорически, но без какого-либо сильного преувеличения, можно говорить, что “заместителем” Канта в России стал Введенский, который, к тому же, пытался творчески подойти к наследию Канта, предложив “русское доказательство” критицизма»⁵⁶¹. Александр Иванович Введенский (1856–1925) после окончания Санкт-Петербургского университета учился у Куно Фишера в Гейдельберге, не примкнул впоследствии ни к одной из современных ему неокантианских школ и до конца своих дней

⁵⁶⁰ Письмо А.В. Васильева к Э. Маху от 4.10.1904 г. (Ernst Mach Institut, Freiburg im Breisgau). См. также: *Stella D. Scienza e rivoluzione: La recezione dell'empirio-criticismo nella cultura russa (1877–1910)*. Firenze, 1996. P. 366. Я благодарю проф. Даниэлу Стейлу (Турин) за предоставленный материал.

⁵⁶¹ Ермичев, Никулин 2003, 105.

остался приверженцем учения Канта, правда, им самим исправленного и дополненного в метафизическом духе⁵⁶². Русский профессор стремился построить *научное* мировоззрение, то есть такое, которое бы отвечало двум основным научным принципам — систематичности и критичности. Вместе с тем, он отмечал, что построение мировоззрения возбуждается прежде всего вопросом о смысле жизни. Этот вопрос является центральным для мировоззрения, и если последнее претендует на цельность, оно неминуемо должно включать в себя ту или иную метафизику. Получалось, что научное, *критическое* и систематическое мировоззрение не может обойтись без *метафизических* построений. Введенский видел заключенное здесь противоречие, понимал, что *научную* метафизику построить невозможно, и искал выход в следующем: раз метафизика неизбежна в составе мировоззрения, она должна входить в него в виде морально обоснованной веры⁵⁶³. При решении этой задачи Введенский обращается к проблеме возможности познания «чужого Я»⁵⁶⁴ и развивает одно из основных положений Ф.А. Ланге, согласно которому все те явления, которые мы обычно принимаем за выражение человеческой воли, мыслей и чувств, могут быть объяснены посредством одних только материальных причин как чрезвычайно сложные автоматические рефлексy, без всякой помощи душевных явлений. Это положение Введенский формулирует в виде нового психофизиологического закона, который называет «законом отсутствия объективных признаков одушевления». Чужая душевная жизнь, по мнению Введенского, не только не наблюдается нами извне, но и не может быть нами представлена. Мы только мысленно ставим себя самого в условия чужой душевной жизни, мы всегда и неизбежно конструируем ее

⁵⁶² А.И. Введенскому посвящено большое количество исследований, поэтому я воздержусь от подробного изложения его учения и напому читателю лишь некоторые наиболее важные положения. См. подробнее: *Ермичев А.А.* Александр Иванович Введенский — русский философ-кантианец // *Введенский А.И.* Статьи по философии. СПб., 1996. С. 3–12; *Ермичев, Никулин* 2003, 103–118; *Белов В.Н.* Апологет морали: А.И. Введенский // *Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003)*. С. 119–125; *Он же.* Философия Германа Когена и русское неокантианство // *Историко-философский ежегодник* 2003. М., 2004. С. 343–348. Далее цитируется как *Белов* 2004 с указанием страниц. См. также: *Nemeth Th. Aleksandr I. Vvedenskij on Other Minds* // *Studies in East European Thought*. No. 47. 1995. P. 155–177; *Evtuhov C.* An Unexpected Source of Russian Neo-Kantianism: Alexander Vvedensky and Lobachevsky's Geometry // *Studies in East European Thought*. No. 47. 1995. P. 245–258.

⁵⁶³ *Введенский А.И.* Что такое философский критицизм // *Введенский А.И.* Статьи..., 17, 19.

⁵⁶⁴ *Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. Далее цитируется как *Введенский* 1892 с указанием страниц.

из элементов нашей собственной внутренней жизни. Получается, что наше представление о чужой душевной жизни совершенно *субъективно*. Отсутствие *объективных* признаков чужого одушевления приводит к тому, что эта проблема не может быть решена эмпирически. А потому нам приходится «допустить возможность достоверного трансцендентно-метафизического познания» и существование «особого органа такого познания»⁵⁶⁵. Введенский прибегает для доказательства объективных признаков одушевления к нравственному сознанию: «метафизического чувства, которое было бы обособлено от нравственного, у нас наверное нет»⁵⁶⁶, а потому единственным источником достоверности в признании чужого одушевления, единственным «органом» его познания является нравственное чувство⁵⁶⁷.

Позднее Введенский ввел в «основной закон сознания» логический принцип противоречия, поскольку нашел его вполне естественным для «наших представлений» и нормативным для «нашего мышления»⁵⁶⁸. С этого времени Введенский стал называть свое учение не критической философией, а логицизмом. Этот мыслительный ход напоминает логические штудии баденских неокантианцев, различающих законы логики на естественные и нормативные. В этой же работе особое внимание Введенский уделяет «вещам в себе», интерпретация которых сближает его позицию в этом вопросе с марбургским неокантианством: Введенский отмечает их непознаваемость, проблематичность⁵⁶⁹, невозможность утверждать их существование на основании непосредственного усмотрения (поскольку таковым не обладаем, а «произвольное утверждение» обладания не в состоянии доказать)⁵⁷⁰ и толкует их как «задачу мыслить бытие, независимое <...> от переживаний нашего сознания, а поэтому и независимое от логических законов мышления» [курсив мой. — Н.Д.], как «необходимое для науки» понятие предела, или границы «логически позволительного употребления различных средств, пригодных для расширения знания»⁵⁷¹. Но дальнейшие размышления разводят Введенского с нео-

⁵⁶⁷ Введенский 1892, 105.

⁵⁶⁵ Введенский 1892, 84.

⁵⁶⁶ Введенский 1892, 103.

⁵⁶⁸ Введенский А.И. Новое и легкое доказательство философского критицизма (1909) // Введенский А.И. Статьи..., 28. Далее цитируется как Введенский 1909 с указанием страниц. По-нем.: Wedenski A. Ein neuer und leichter Beweis für den philosophischen Kritizismus // Archiv für systematische Philosophie. Berlin. XVI. Bd., 1910. S. 191–216.

⁵⁶⁹ Введенский 1909, 22.

⁵⁷⁰ Введенский 1909, 39.

⁵⁷¹ Введенский 1909, 41.

кантианством — так, например, «данное» понимается им как «непосредственно» данное при полном отсутствии «примеси теоретических истолкований» и сводится к «представлениям о прошлом и будущем» и «сумме живых ощущений»⁵⁷². А введение в «логизм» «морально обоснованной веры» обеспечило его концепции «выход в метафизику»⁵⁷³: Введенский действительно утверждает «логическую позволительность» «исповедовать *любую* метафизику в виде веры без всяких опасений, что она будет опровергнута знанием»⁵⁷⁴.

В другой работе Введенский всерьез говорит о *необходимости* веры «в силу требований нравственности», проводит отличие «сознательной веры» философа-критициста от «слепой», «наивной» и «суетной» веры: философ, зная об ограниченных возможностях познания, просто не смешивает веру и знание⁵⁷⁵, что позволяет ему быть верующим без ущерба для его научного исследования: «наше мирозерцание может при надлежащей осторожности оказаться одинаково научным, веруем ли мы в атеизм или в существование Бога»⁵⁷⁶. Такого рода дуализм не представляет собой что-то исключительное — подобные аргументы при апелляции к Канту были выдвинуты в Германии за полстолетия до Введенского, в середине XIX в., в ходе знаменитой «борьбы за душу». Введенский, правда, пошел дальше — ведь этот мировоззренческий компромисс между наукой и религией предназначался *русскому* интеллектуалу: Введенский связал нравственные требования с верой в *живого* Бога, «внимающего людям»⁵⁷⁷...

«Кем я увлекалась целиком, — вспоминала о своих студенческих годах Л.Д. Блок, — это А.И. Введенским. Тут мои запросы нашли настоящую пищу. Неокритицизм помог найти место для всех моих мыслей, освободил всегда живущую во мне веру и указал границы “достоверного познания” и его ценность. Все это было мне очень нужно, всем этим я мучилась»⁵⁷⁸.

Другая курсистка, Е.А. Дьяконова, вспоминала, что лекция Введенского «Условие позволительности веры в смысл жизни»

⁵⁷² Введенский 1909, 36.

⁵⁷³ Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917. С. 209. Далее цитируется как Трубецкой 1917 с указанием страниц.

⁵⁷⁴ Введенский 1909, 42.

⁵⁷⁵ Введенский А.И. О видах веры в ее отношении к знанию (1892) // Введенский А.И. Статьи..., 185–186.

⁵⁷⁶ Введенский А.И. Судьба веры в бога в борьбе с атеизмом (1922) // Введенский А.И. Статьи..., 191–192.

⁵⁷⁷ Введенский, О видах веры..., 184–185.

⁵⁷⁸ Две любви, две судьбы: Воспоминания о Блоке и Белом. М., 2000. С. 45.

(1896)⁵⁷⁹ повлияла на становление ее мировоззрения. На этой лекции Введенский доказывал, что смысл жизни заключается в исполнении нравственного долга, который предписывает каждому человеку служение всеобщему счастью. Но так как всеобщее счастье на земле неосуществимо, что «доказывается сочинениями философов и поэтов всех времен и всего мира», то человек вправе верить, что оно осуществится в посмертной жизни. Таким образом, Введенский хотел доказать, что вера в смысл жизни оказывается логически непозволительной без веры в бессмертие. «Он доказывал так ясно и логически правильно возможность веры в бессмертие души, что я, всегда верившая в него [в бессмертие], но считавшая это областью веры, <...> пришла в восторг от такого ясного, простого доказательства с логической точки зрения»⁵⁸⁰...

А.И. Введенского иногда называют «родоначальником и наиболее последовательным русским неокантианцем»⁵⁸¹. Однако все, что было сказано о его философских взглядах, заставляет усомниться в справедливости этой характеристики и поставить здесь принципиальный для *российского* неокантоведения вопрос о принадлежности к неокантианству тех или иных *российских* мыслителей. В его решении я предлагаю ориентироваться на выдвинутые западным неокантоведением и Г.В. Тевзадзе *критерии* этого интеллектуального движения⁵⁸².

Первым из российских исследователей, кто обратил внимание на необходимость различения понятий «кантианство» и «неокантианство» по отношению к взглядам русских философов, был А.И. Абрамов. Основным признаком принадлежности философа к неокантианству он полагал «следование философским принципам одной из основных немецких школ неокантианства (баденской или марбургской)»⁵⁸³. Но в этом случае А.И. Введенского, Г.И. Челпанова и И.И. Лапшина, которых многие исследователи, такие как Н.О. Лосский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, С.О. Грузенберг, Е.И. Водзинский, Л.И. Филиппов, В.Н. Белов, Л.Дж. Шейн

⁵⁷⁹ См.: Введенский А.И. Условия позволительности веры в смысл жизни // Введенский А.И. Статьи..., 82–109.

⁵⁸⁰ Дневник Елизаветы Дьяконовой: На Высших женских курсах (1895–1899). 2-е изд., Т. 2. СПб., 1905. С. 97.

⁵⁸¹ Белов 2004, 344.

⁵⁸² См. «Очерк первый. 2».

⁵⁸³ Абрамов А.И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Кант и философия в России. М., 1994. С. 227–228. Далее цитируется как Абрамов 1994 с указанием страниц. Эта идея нашла свое развитие в его более поздней статье: Абрамов А.И. Кантианство в русской университетской философии // Вопр. философии. М. 1998. № 1. С. 58–69.

(S(c)hein), Дж. Уэст (West) и др., традиционно называют *неокантианцами*, следует считать просто *кантианцами*. К собственно неокантианцам следует, по мнению Абрамова, отнести группу мыслителей, объединившихся вокруг журнала «Логос».

К традиционной точке зрения склоняется В.Н. Белов⁵⁸⁴. Он относит Введенского, Челпанова и Лапшина к неокантианству на том основании, что, во-первых, Введенский и молодой Челпанов, пытаясь преодолеть недостатки теории познания Канта, предложили в результате собственную гносеологию; во-вторых, Челпанов и поздний Лапшин рассматривали проблемы психологии⁵⁸⁵. По внешним признакам эта проблематика действительно соотносится с неокантианскими исследовательскими тенденциями. Вопрос правомерности отнесения этих философов к неокантианству возникает одновременно с вопросом о том, *как* они понимали гносеологию и психологию. Введенский действительно вполне в неокантианском духе видел задачу философии в «обосновании возможности научного познания и научности самой философии», однако шел к решению этой задачи совсем иным путем, чем неокантианцы: через субъективизацию познания и принятие веры как этико-гносеологического феномена⁵⁸⁶. На мой взгляд, эти два центральных для учения Введенского момента, а также положительное решение проблемы метафизики, хотя бы и в области веры, решают вопрос о его «неокантианизме» однозначно, а именно — отрицательно. Так же оценивает философские взгляды Введенского Б.В. Яковенко: «Во всех <...> разноплановых исследованиях он занимает критическую позицию в духе *старого кантовского* феноменологического субъективизма»⁵⁸⁷ [курсив мой. — Н.Д.]. Это, разумеется, не умаляет значение Введенского как философа-кантианца. Пропагандируемые им «научность» и «логицизм» вкупе с его академическим авторитетом безусловно оказали огромной важности влияние на формирующуюся российскую философскую традицию, но не могут служить основанием для трактовки его учения как неокантианского, равно как, например, разработанное И.Г. Фихте «наукоучение» не дает оснований причислять Фихте к неокантианцам...

Георгий Иванович Челпанов (1862—1936) при всем своем интересе к философскому учению Канта никогда последователь-

⁵⁸⁴ Белов 2004, 344—345.

⁵⁸⁵ Белов 2004, 345.

⁵⁸⁶ Белов 2004, 347, 348.

⁵⁸⁷ Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. М.Ф. Солодухиной. М., 2003. С. 12. Далее цитируется как Яковенко 2003 с указанием страниц.

ным кантианцем не был⁵⁸⁸. Он называл свою философскую позицию трансцендентальным реализмом, или «идеал-реализмом», то есть, следуя букве учения Канта, продолжал отстаивать реальное существование «вещей в себе». Гносеологическая проблематика, в том числе и неокантианская, была поднята и проанализирована Челпановым в его фундаментальном исследовании «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности» (1897–1904). В этой работе он вплотную подошел к позициям немецких неокантианцев⁵⁸⁹, но все же так никогда и не принял их точку зрения. Хотя он воспринял некоторые идеи кантовского критицизма, — например, учение об априорности понятия числа, то есть признавал понятие числа «необходимым логическим условием» опыта, но полагал, что оно «само из опыта не получено», «не зависит от чувственного опыта», «не определяется чувственным опытом», — «ум творит его из себя и привносит его в познание внешнего мира», «творит по поводу внешних впечатлений»⁵⁹⁰; в целом же кантовскую теорию познания он считал несостоятельной и ценил ее значение для построения... метафизики как науки, основанной на индуктивных выводах частных наук: он ратовал за *реабилитацию метафизики* и возвращение ей статуса «царицы наук»⁵⁹¹. Неокантианство Челпанов называл «третьим позитивизмом», причисляя к неокантианцам, прежде всего, Ланге и Рилия, — в своем «Введении в философию» имена основателей неокантианских школ Когена и Виндельбанда он упоминает только в списке литературы, рекомендуемой к главе «Неокантианство»⁵⁹².

Что касается проблем психологии, которым посвящали свои исследования Челпанов и Лапшин, нужно, прежде всего, задаться вопросом, *что* понимали под «психологией» эти ученые.

⁵⁸⁸ В.Ф. Пустарнаков категорически возражает против квалификации Челпанова не только как неокантианца, но даже как кантианца. См.: Пустарнаков 2003, 683. Сомнения в правомерности отнесения Челпанова к неокантианству высказывает и Дж. Уэст. См.: West 1995, 208.

⁵⁸⁹ «[Челпанов] примыкает к Рилию, Когену, Виндельбанду, Файгингеру, Кёнигу, Стадлеру и, наоборот, становится в оппозицию к И. Мюллеру, Мейнерту, Гельмгольцу, Штумеру, Герингу, Ланге». См.: Бугаев Б.Н. (Андрей Белый). Две замечательные книги. (О книге Челпанова «Проблема восприятия пространства. Часть 1-я». 1897 г. и о переводе сб. статей Виндельбанда «Прелюдии») // Весы. 1904. № 12. С. 34.

⁵⁹⁰ Челпанов Г.И. Об априорных элементах познания. (Понятие числа) // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 59. С. 559.

⁵⁹¹ Челпанов Г.И. Введение в философию. 7-е изд.-е. (С приложением вопросника и конспективного обзора истории философии). М.—Пг.—Харьков, 1918. С. 6–13.

⁵⁹² См.: Челпанов Г.И. Введение в философию. С. 270–282.

То, что сам Челпанов называл «философской психологией», было в действительности теоретическим осмыслением результатов, полученных в ходе исследований в рамках *экспериментальной* психологии, одним из родоначальников которой он вошел в историю российской науки. Свою вступительную речь в Московском университете он посвятил проблеме «отношения психологии к философии», основные положения которой сводились к следующему:

— «психология как наука о душевных явлениях всегда есть в то же время наука о душе»⁵⁹³;

— «*философски обработанные понятия являются необходимой основой психологии*»⁵⁹⁴;

— «*психология должна являться основой философии*, именно она должна способствовать построению науки о духе»⁵⁹⁵;

— эмпирическая, криминальная и другие виды психологий собирают «ценный материал», который должна «*систематизировать, свести к единству*» «общая, теоретическая или философская психология»⁵⁹⁶;

— «из этого следует, что психология не должна отрешаться от философии; <...> психология должна оставаться философской наукой, ибо ее связь с философией естественна и необходима»⁵⁹⁷.

Таким образом, поставленный вопрос о соотношении психологии и философии Челпанов решал путем сведения одной науки к другой, отличая их друг от друга не предметом и методом, а степенью обобщения экспериментально полученных данных. В дальнейшем Челпанов придерживался этих взглядов, развивал их, пропагандировал, конкретизировал. Так, предмет психологии мыслился им тем же, «что и предмет естествознания», но «с отличной точки зрения. Точка же зрения становится отличной вследствие того, что к тому или другому ощущению примышляется представление нашего “я”»⁵⁹⁸. Такое определение психологии и ее предмета соответствовало позиции психолога Вильгельма Вундта

⁵⁹³ Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 89. С. 315. Ср.: «Эмпирическая психология как наука о душевных явлениях необходимо приводит к философскому учению о душе или к философии духа» (Челпанов Г.И. Психология. Основной курс, читанный в Московском университете в 1908–1909 гг. Под ред. студентов Г.О. Гордона и Н.А. Рыбникова. Ч. 1. М., 1909. С. 17).

⁵⁹⁴ Челпанов, Об отношении психологии к философии, 318.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Челпанов, Об отношении психологии к философии, 321.

⁵⁹⁷ Челпанов, Об отношении психологии к философии, 323.

⁵⁹⁸ Челпанов Г.И. О предмете психологии // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93. С. 237; Челпанов, Психология. Основной курс..., 28.

или даже, по собственному признанию Челпанова, эмпириокритицистов Маха и Авенариуса⁵⁹⁹, но никак не неокантианцев, для которых *экспериментальная психология* составляет только часть физиологии (естествознания) и не имеет никакого отношения к философии духа, а ее метод, который основывается на наблюдении реальной психической деятельности и лабораторном эксперименте, кардинальным образом отличается от метода неокантианской *философской психологии*, состоящего в *реконструкции* психического⁶⁰⁰.

Для окончательного решения вопроса о «неокантианизме» Лапшина необходимо детальное всестороннее исследование развития его философских взглядов. Здесь же придется ограничиться лишь указанием основных характеристических моментов его философской концепции⁶⁰¹, что позволит, однако, наметить основные контуры его философской позиции. Ученик и с 1913 г. преемник А.И. Введенского на кафедре философии Петербургского университета, Иван Иванович Лапшин (1870–1952) не разделял увлечений своего наставника метафизическими построениями. Он исходил из принципиального различия между философией и религией, всю жизнь оставался на позиции «*религиозного скептицизма*», утверждая необходимость полной свободы мышления от конъюнктурных мотивов, в том числе религиозных. «Для разработки религиозного учения самую его природу положены известные грани — чудо, тайна и авторитет. Всякий раз, когда богословское мышление близко подходит к этим граням, оно неизбежно умышленно или чаще неумышленно подменяет логику рассудка логикой чувств»⁶⁰². Страх «логически развивать нашу мысль до конца, предчувствуя, что конечные выводы посягнут на что-нибудь ценное для нас»⁶⁰³, приводит многих к неприятию «критического идеализма»: «реалисты полагают, что, утратив догматическую веру в независимую от сознания реальность бытия, они потеряют нечто ценное»⁶⁰⁴. И Лапшин как убежденный сторонник «критического идеализма» предпринимает атаку на реализм «с тыла»: не вдаваясь в подробную *философскую критику*

⁵⁹⁹ Челпанов, О предмете психологии, 238.

⁶⁰⁰ См. подробнее «Очерк первый. 4.2».

⁶⁰¹ См. также: Пустарнаков 1999, 340–355.

⁶⁰² Лапшин И.И. Философия изобретений и изобретения в философии: Введение в историю философии. М., 1999. С. 9. Далее цитируется как Лапшин 1999 с указанием страниц.

⁶⁰³ Лапшин И.И. О трусости в мышлении (Этюд по психологии метафизического мышления) // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 55. С. 819–820. Далее цитируется как Лапшин 1900 с указанием страниц.

⁶⁰⁴ Лапшин 1900, 821.

(атака «с фронта») этого учения, он провел исследование *психологических мотивов*, заставляющих мыслителей цепляться за «старое догматическое понятие “вещи в себе”», «дорожить этим “наследием метафизики”»⁶⁰⁵. Свою философскую позицию он позднее определял как «*критицизм*», требующий *систематичности* мышления и ищущий «единства культурного сознания» (Коген): «Критическая философия должна иметь заветной целью гармонию духа. Такая гармония недостижима на почве метафизических, искаженных и односторонних концепций *панорамы мира*. Критицизм должен примирить логически все противоречия, которые получаются в нашем мировоззрении благодаря отступлению от *принципа относительности*. Критицизм не есть ни эмпиризм, ни рационализм, ни идеализм, ни реализм, ни монизм, ни плюрализм, ни скептицизм, ни догматизм. Не менее важной задачей для критицизма является раскрытие тех психологических и социальных причин, которые влекут философов к односторонним концепциям мира»⁶⁰⁶. В исследовании, посвященном философии творчества или, если можно так выразиться, философии истории философии, он напрямую связывает развитие философской мысли с развитием специальных областей научного знания и определяет философию как «своеобразную *научную* форму духовной деятельности», как «сферу *познавательного*, а не эмоционального мышления»⁶⁰⁷, предостерегая против эклектичного смешения философского и религиозного творчества, — за что критикует С.Н. Трубецкого. Неокантианские идеи — не в последнюю очередь, по-видимому, марбургского неокантианства, — оказали на Лапшина серьезное влияние. Уже в первых своих работах Лапшин поставил вопрос о теории познания как основе формальной и, позднее, символической логики, а также — об активности гносеологического субъекта по отношению к объекту.

Чтобы показать необоснованность метафизических претензий своего учителя А.И. Введенского, Лапшин предпринял обстоятельное исследование одного из центральных для Введенского вопроса о «чужой одушевленности». Лапшин анализирует учения большого числа современных ему философов, специально останавливается на марбургском неокантианстве, в отношении которого делает ряд тонких замечаний о том, например, что Коген «не исследует вопрос о реальности “чужого Я”», но «отправляется от допущения множественности сознаний с однородной формаль-

⁶⁰⁵ Лапшин 1900, 879.

⁶⁰⁶ Лапшин И.И. Опровержение солипсизма // Философские науки. 1992. № 3. С. 41.

⁶⁰⁷ Лапшин 1999, 7.

ной организацией как от предпосылки, принимаемой на веру». В этом вопросе Коген, утверждая, что под «*Не-Я*» нужно понимать не внешний мир, как это делал Фихте, но «*обозначать*» этим понятием «*другие Я, Ты, Мы*», критикует Фихте в гербартовском духе. Лапшин поддерживает Наторпа, который, в свою очередь, следует за Фихте и Шуппе, в том, «что солипсический индивидуум есть простая абстракция», поскольку «*весь механизм нашего мышления, речь <...> не могли бы возникнуть в ребенке, поставленном вне условий социальной среды*». «Но такая аргументация, фактически верная, не имеет никакой *логической* силы против злостного солипсизма»⁶⁰⁸. Сам Лапшин «*глубоко убежден в том, что проблема “чужого Я” разрешима строго научным, теоретическим путем на почве критической философии без каких бы то ни было уклонов в сторону скептицизма, мистицизма, фидеизма и догматической метафизики*»⁶⁰⁹.

Одними из главных вопросов его *критической теории познания* стали проблема отношения «*содержания сознания к его формам*» и вопрос о возможности применения законов мышления к «*вещам в себе*»⁶¹⁰. Отрицательный ответ на последний вопрос Лапшин положил в основание своего доказательства о *невозможности метафизики как науки*. Он подчеркивает общность своей задачи и основной проблемы кантовской философии, которая у Канта звучала в виде вопроса: «*как возможны синтетические суждения a priori?*», а у Лапшина трансформировалась в проблему возможности «*изобретений в математике, “чистом естествознании” и в философии?*»⁶¹¹, а также возможности «*синтетических апостериорных, то есть опытных, суждений*»⁶¹². Такая постановка теоретико-познавательных проблем роднит Лапшина с марбургцами, на результаты исследований которых он опирался при выведении своих положений⁶¹³.

С учетом отмеченных выше особенностей Введенского, Челпанова и Лапшина как ученых, обращавшихся на рубеже XIX–XX вв. к системе немецкого мыслителя XVIII в.⁶¹⁴, принадлежавших к поколению философов, которые провозгласили ло-

⁶⁰⁸ Лапшин И.И. Проблема «чужого я» в новейшей философии // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Ч. ХСІХ. СПб., 1910. С. 164–165.

⁶⁰⁹ Лапшин, Проблема «чужого я», 192.

⁶¹⁰ См.: Лапшин, Законы мышления и формы познания, 253, 147.

⁶¹¹ Лапшин 1999, 138.

⁶¹² Лапшин 1999, 138.

⁶¹³ См.: Лапшин 1999, 198, 208, 236 и др.

⁶¹⁴ Абрамов 1994, 227.

зунг «Назад к Канту!»⁶¹⁵, и способствовавших распространению и укреплению философского критицизма⁶¹⁶, можно называть неокантианцами в *широком* смысле⁶¹⁷. Однако для решения вопроса о неокантианстве в российской идейной и философской традиции представляется целесообразным принять за основу «реперные точки» *западного* неокантианского дискурса, понятого в *узком* смысле. Разумеется, на российской почве они претерпели значительные трансформации, — как могло быть иначе? — но тем не менее отчетливо «читаются» при анализе идейных интенций *русского* неокантианства. На этом основании я предлагаю рассматривать в качестве неокантианского учение И.И. Лапшина, закрепив за А.И. Введенским статус *кантианца*, а философскую позицию Г.И. Челпанова отнести к более широкому, нежели (нео)кантианство, научно-идеалистическому течению в русской философии начала XX в.

Завершая на этом очерк кантианской истории в России во второй половине XIX — начале XX в., хотелось бы сделать еще одно замечание — о выбранном и используемом в этом исследовании термине «*русское* неокантианство» в отличие от возможного: «*российское* неокантианство». Речь идет именно о *русском* неокантианстве как феномене не только рецепции и пропаганды в России идей Марбургской и/или Баденской школ, — тогда справедливо было бы говорить только о *российском* неокантианстве, эпигонском идейном течении в границах Российского государства. — Неокантианство в России представляло собой особый феномен, включенный в русскую культуру и испытывавший определенные трансформации в результате такого «включения»⁶¹⁸. Русские неокантианцы отдавали себе в этом отчет с самого начала своей институализации в России⁶¹⁹: «Основанное на безусловном усвоении западного наследства философское творчество наше неизбежно вберет в себя имеющиеся у нас своеобразные и сильные культурные мотивы»⁶²⁰...

⁶¹⁵ Яковенко 2003, 284.

⁶¹⁶ Яковенко 2003, 353.

⁶¹⁷ Подробнее об этом см.: «Очерк первый. 2». Представляется, поэтому, необоснованным отнесение Дж. Уэстом Алексея Ивановича Введенского, С.Н. и Е.Н. Трубецких к неокантианству даже в *широком* смысле. См.: West 1995, 198.

⁶¹⁸ Постоянно имея в виду указанную дихотомию *русское* / *российское*, в ходе дальнейшего изложения я, тем не менее, не буду строго придерживаться этого различения, поскольку в действительности вряд ли возможно провести его до конца последовательно.

⁶¹⁹ См. подробнее «Очерк второй. 3».

⁶²⁰ От редакции // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Кн. 1. М., 1910. С. 13.

В специфических условиях кризиса общественного сознания и при отсутствии в России проверенной временем традиции строгого философствования неокантианство стало той необходимой российскому интеллектуалу научной школой, которая сумела пустить на русской почве глубокие корни.

Очерк второй

«Русский Марбург»

Рубеж XIX и XX в. — время великих потрясений в истории России. Противоречивые экономические, социальные и политические процессы сплелись к началу XX в. в замысловатый «гордиев» узел: бурные успехи промышленного и железнодорожного строительства — с архаичной системой государственного управления и ограничением свободы предпринимательства, рост вывоза хлеба на зарубежные рынки — с глубоким кризисом сельского хозяйства, понимание необходимости глубоких реформ в «коридорах власти» — с консервативно-охранительным направлением, считавшим недопустимым «разрушение основ». Наконец, внешнеполитические амбиции значительно превосходили реальные возможности вооруженных сил.

XIX в., исторически завершившийся в 1914 г.⁶²¹, стал последней эпохой единства мира в сознании человека и его культуры.

Предвоенная Европа переживала «золотой век надежности». «Все имело свою норму, свой размер и вес... Никто не верил в войны, в революции и перевороты. Все радикальное, все насильственное казалось уже невозможным в эру благоразумия. Это чувство надежности было наиболее желанным достоянием миллионов, всеобщим жизненным идеалом. <...> Теперь, казалось, счет шел на какие-то десятилетия, оставшиеся до той минуты, когда со злом и насилием будет покончено, и эта вера в нескончаемый, неудержимый “прогресс” имела для той эпохи поистине силу религии: в этот “прогресс” верили уже больше, чем в Библию, а его истинность, казалось, неопровержимо подтверждалась что ни день чудесами науки и техники. И действительно, всеобщий подъем в конце этого мирного столетия становился все более заметным, все более острым, все более многообразным»⁶²².

⁶²¹ См., напр.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 16.

⁶²² Двейг С. Вчерашний мир. (Пер. с нем.) / Предисл. Д. Затонского; вступ. статья К. Федина. М., 1991. С. 42.

Ф.А. Степун, участник Третьего международного философского конгресса 1908 г. в Гейдельберге, писал позднее в своих воспоминаниях о поразившей его «социологической незаинтересованности и политической нечуткости почти всей неоиdealистической философии Германии <...> Успокаиваясь на том, что Ницше — поэт и филолог, а Маркс — экономист и политик, маститые профессора философии или вообще не занимались этими мыслителями, или занимались ими в целях приспособления их идей к положениям научной философии, что по тем временам значило — к Канту <...> Правда, в своем вступительном слове президент конгресса, Виндельбанд, горячо говорил об опасности борьбы “всех против всех”, которую несут с собою популяризация знания и демократизация общества; но, анализируя эти опасности и оптимистически предсказывая возврат человечества к разумно-гуманистическим идеалам XVIII века, он в гораздо большей степени волновался борьбой Сократа с софистами, о которой блестяще писал в своих “Прелюдиях”, чем современностью»⁶²³.

Хотя в XIX в. оптимизм предшествующих эпох в значительной степени «полинял», этот век лелеял все же мечту о построении Царства Истины, Добра и Красоты. В последний предвоенный — 1913-й — год уходящего — «некалендарного» (А. Ахматова) XIX столетия Западная Европа мечтала о строительстве Космополиса, идею которого в течение девяти лет разрабатывал норвежец Генрих-Христиан Андерсон, — международного «города света», интернационального города ученых, художников и политических деятелей, мирового культурного центра, каким были в свое время Рим и Константинополь⁶²⁴. Но эти мечты, обозначив общую тенденцию европейской интеллигенции к объединению, как известно, столкнулись с прямо противоположными интересами ведущих экономических держав и были похоронены на полях сражений Первой мировой войны.

Идея Космополиса, встреченная в Европе с восторгом и восхищением, в России вызвала в основном настороженно-негативную и даже откровенно враждебную реакцию — особенно в рядах неославянофилов, которые не могли уступить идею «собирания» мира никому другому: эта «великая миссия» — «преодолеть любовью и самоотречением грех тысячелетней распри Востока и Запада, победить вражду»⁶²⁵ — должна принадлежать только России... Бы-

⁶²³ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Изд-е второе, испр. СПб., 2000. С. 115.

⁶²⁴ См.: Дий Одинокый. Космополис. Из записной книжки // Московский листок. 1913. № 128, 5 июня. С. 3; Первухин М. «Космополис» (От нашего римского корреспондента) // Русское слово. 1913. № 125, 1 июня. С. 2–3.

⁶²⁵ Кириллов И. Третий Рим: Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. С. 89.

ли, правда, некоторые, кто, горя нетерпением или не слишком веря в эту «миссию», отправился строить... Гётеанум — в Швейцарию, к Рудольфу Штейнеру...

В России после революции 1905 г. и последовавшей за ней реакции в общественной жизни на какое-то время наступило относительное затишье — перед бурей. В 1909 г. с появлением в печати двух полярных по содержанию и влиянию на умы книг: сборника статей «Вехи» и работы «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина, — вновь забурили страсти, рождая на свет колоссальный по разнообразию спектр социальных, художественных и философских движений и настроений — «... И отвращение от жизни, И к ней безумная любовь, И страсть и ненависть к отчизне...»⁶²⁶, — который новая революция как «момент истины»⁶²⁷ свела к двум полярным цветам — «красному» и «белому», определяя все возможные тенденции и течения формулой «кто не с нами — тот против нас».

В эту полную противоречий эпоху, эпоху мистических предчувствий и профетических прозрений, эпоху глобальных социальных сдвигов и мятежей формировался замечательный талант и складывалась удивительная судьба российских философов-неокантианцев.

1. Интеллектуальное паломничество: Германия

Путь критического идеализма к российскому интеллектуалу был тернист и извилист. В конце концов «поставка идей» неокантианского критицизма в Россию была так или иначе налажена благодаря широко распространившейся с последней четверти XIX в. практике поездок выпускников университетов за границу «с ученой целью для усовершенствования в науках». Разница семестровых промежутков позволяла также студентам совмещать занятия в университете с посещением в течение летних каникул лекций и семинаров знаменитых европейских ученых. «Берлин, Марбург, Италия, Рим, Париж, Гейдельберг — везде новые впечатления, новые встречи, новые мысли и идеи»⁶²⁸. Студенты ехали в самые разные страны Европы — Англию, Францию, Италию, Швейцарию, но более всего привлекала Германия, где «после фи-

⁶²⁶ Блок А.А. «Возмездие». Поэма была задумана в 1910 г., набросок сделан в 1911 г.

⁶²⁷ См.: Шанин, Революция как момент истины.

⁶²⁸ Из дневниковых записей Б.П. Вышеславцева в передаче Н.Н. Алексеева. См.: Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый Журнал. New York. 1958. Кн. LIV. С. 159. Далее цитируется как Алексеев, В бурные годы, с указанием номера журнала и страниц.

лософского затишья восьмидесятых и девяностых годов, когда появились первые немецкие ново-кантианцы, начался бурный подъем философского творчества»⁶²⁹. Молодые люди обычно не ограничивались посещением какого-либо одного учебного заведения, а переезжали из города в город от семестра к семестру, пытаясь найти философа, система которого наиболее отвечала бы их интеллектуальным запросам. В немецкой системе образования существовало право свободного выбора и смены университета, причем все прослушанные в разных университетах семестры студенту зачитывались. Объяснялось это тем, что «научные силы Германии были рассеяны по всей стране, и каждый университет имел свою местную знаменитость, которой гордился не только он, но и город, в котором находился университет. Да и сами знаменитости дорожили возможностью жить и работать в своем городе и любили то, что немцы называют “гемютлихкейт” <...> Философские звезды сияли, кажется, во всех немецких университетах — в Берлине Фридрих Паульсен, в Галле — Алоиз Риль, в Марбурге — Герман Коген, в Страсбурге — Вильгельм Виндельбанд, в Гейдельберге — старый Куно Фишер»⁶³⁰.

Отправным пунктом для многих российских неофигов служил Берлин, где они слушали, например, Ф. Паульсена или приехавшего туда позднее А. Рилья или «модного и очень известного» Г. Зиммеля⁶³¹. Некоторые слушатели вдохновлялись на более детальное и глубокое изучение трудов Канта под непосредственным руководством неокантианских схолахов — Когена и Наторпа и/или Виндельбанда и Риккерта. У других решение ехать в определенный неокантианский центр оформлялось еще в России. Третьи предпочитали посетить сначала все неокантианские городки и только потом сделать выбор в пользу одного из них. Так происходило разделение интеллектуальных предпочтений: кто-то становился приверженцем Баденской школы неокантианства, кто-то — Марбургской.

1.1. От Бадена к Марбургу

Одним из первых в плеяде будущих русских неокантианцев, кто отправился в Германию в конце 1889 г. или в начале 1890 г. искать философских знаний, был *Павел Иванович Новгородцев*. Как писал Новгородцев в отчете о своей научной поездке, он «прослу-

⁶²⁹ Алексеев, Два года за границей, 141.

⁶³⁰ Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 82. Далее цитируется как *Зензинов* 1953 с указанием страниц.

⁶³¹ Алексеев, Два года за границей, 142.

шал несколько университетских курсов, воспользовавшись своей командировкой, чтобы посетить университеты Берлинский и Гейдельбергский. Обилие ученых сил, которыми обладает в настоящее время Берлинский университет»⁶³², заставило Новгородцева оставаться в нем «почти два семестра». В течение зимнего семестра 1889/1890 г. Новгородцев слушал «Введение в историю философии» Паульсена, «Логику» Дильтея, «Доказательства бытия Божия» Лассона, в течение летнего семестра 1890 г. — «Историю новой философии в связи с общей культурой» Паульсена, а кроме того — курсы по истории политических учений у Трейчке и Прейсса и по методологии политических наук у Шмоллера, а также «отдельные лекции других профессоров по энциклопедии и философии права и иным предметам». Новгородцев считает, что «из прослушанных курсов» ему «были наиболее полезны курсы Паульсена», поскольку «его введение в историю философии представляет обзор основных философских вопросов и критику ответов, дававшихся на эти вопросы в течение истории. Этот его курс, как и другой (по истории новой философии), были хорошим дополнением к <...> домашнему чтению». У Новгородцева возник интерес и к «собственным взглядам Паульсена, в которых он является представителем одного из наиболее распространенных теперь в Германии направлений — неокантианского. Паульсен удерживает скептические тенденции кантовского критицизма, отрицая его рационализм, и в этом отношении в значительной степени возвращается к Юму, метафизические представления он признает лишь в качестве гипотез и в этом смысле делает и свои построения, в которых он наиболее приближается к Спинозе, принимая с некоторыми изменениями его пантеизм и учение о параллелизме атрибутов (пантеизм, по мнению Паульсена, является последним словом мирозерцаний индийского, древнегреческого и новоевропейского). Но, высказывая в отношении к философии взгляды в значительной мере скептические, Паульсен тем сильнее подчеркивает значение Кантовской критики практического разума. Особенную заслугу Канта (кроме окончательного установления феноменологизма) он полагает в проведении той мысли, что центр человеческой природы заключается в воле и вере, а не в разуме и познании». «Существенным дополнением» к занятиям Новгородцева по философии «послужили также лекции Дильтея, который в своем курсе дал сжатый очерк всех основных логических вопросов. <...> в разработке логики он

⁶³² Здесь и далее цитируется «Годовой отчет о занятиях и заграничной командировке кандидата прав Павла Новгородцева, оставленного при Университете по кафедре истории философии права». См.: ЦИАМ. Ф. 418, Оп. 513, Ед. хр. 10758.

стремился [встать] на новую точку зрения и возвыситься над формальным характером логики Аристотелевской».

В конце летнего семестра 1890 г. Новгородцев перебрался в Гейдельберг, «чтобы прослушать заключительные лекции Куно Фишера по истории новой философии», где получил также «возможность ознакомиться с педагогическими приемами Куно Фишера, что собственно и составляло главную цель <...> поездки в Гейдельберг». «Педагогические приемы» Куно Фишера сыграют впоследствии свою роль в формировании Новгородцевым собственной философской «школы».

«Оставшиеся же месяцы» своей командировки Новгородцев решил «употребить, главным образом, на общее ознакомление с литературой» по выбранной им специальности. «Богатство заграничных библиотек позволит мне сделать это здесь лучше, чем в Москве», — завершил свой отчет Новгородцев.

В 1895 г. поехал в Германию и на летний семестр записался в Берлинский университет *Богдан Александрович Кистяковский*, привлеченный лекциями по социологии и кантовской философии Георга Зиммеля. На родине за революционную деятельность он был исключен (последовательно) из Киевского, Харьковского и Дерптского (Тартуского) университетов, поэтому немецкий университет был для него последней возможностью получить высшее образование. В Берлинском университете Кистяковский слушал, кроме Зиммеля, тех же философов права, что и Новгородцев, — Прейсса (Preuss) и Шмоллера — и некоторых других⁶³³. Весну 1897 г. он провел в Париже, занимаясь в Национальной библиотеке и посещая лекции по современной философии и социальной теории⁶³⁴. Предположительно именно по совету Георга Зиммеля Кистяковский отправился для завершения начатой в Берлине диссертации к Вильгельму Виндельбанду в Страсбургский университет, где тот преподавал до 1902 г. Там в 1899 г. Кистяковский защитил диссертацию «Общество и личность. Методологическое исследование» (1899)⁶³⁵, посвятив ее своим учителям Виндельбан-

⁶³³ *Dahlmann D.* Bildung, Wissenschaft und Revolution: Die russische Intelligencija im Deutschen Reich um die Jahrhundertwende // *Intellektuelle im Deutschen Kaiserreich*. Hrsg. von G. Hübinger und W.J. Mommsen. Frankfurt a. M., 1993. S. 141. Далее цитируется как *Dahlmann* 1993 с указанием страниц.

⁶³⁴ См.: *Vucinich A.* Social Thought in Tsarist Russia: The Quest for a General Science of Society, 1861 — 1917. Chicago — London, 1974. P. 126.

⁶³⁵ *Kistiakowski Th.* Gesellschaft und Einzelwesen: Eine metodologische Untersuchung: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Kaiser-Wilhelms-Universität zu Strassburg. Berlin, 1899. См. рус. пер.: *Кистяковский Б.А.* Общество и индивид: (Методологическое исследование) / Пер. с нем. и предисл. Е. Довгань. М., 2002.

ду и Зиммелю. Эту работу приветствовали рецензенты в ведущих журналах, таких как «Kant-Studien» и «Zeitschrift für Sozialwissenschaft», что обеспечило Кистяковскому научное признание не только в российских, но и в германских академических кругах⁶³⁶.

Весной 1901 г. Кистяковский для продолжения научных занятий приехал в Гейдельберг, где познакомился — теперь лично — с Георгом Еллинеком, с которым до того состоял в переписке. В дальнейшем Кистяковский будет постоянно возвращаться в Гейдельберг. Приблизительно в начале 1905 г. он познакомится там с Максом Вебером, которого будет не только учить русскому языку, но объяснять ему исторические предпосылки русской революции, смысл происходящих в России социальных, политических и экономических процессов, которые «в некоторых аспектах», по собственному признанию Вебера, были «совершенно непонятны иностранцу»⁶³⁷.

С 1896 г. в университете Гейдельберга в течение трех семестров продолжал занятия химией, начатые в Санкт-Петербургском университете, *Отто Петрович Бук*, но увлекся философией и следующие три семестра занимался в том же Гейдельберге философией и физикой, слушал Куно Фишера, Еллинека, Гаттерманна, Тоде. В 1899 г. Бук покинет Гейдельберг, чтобы продолжить учебу в Марбурге⁶³⁸.

Первая поездка *Бориса Александровича Фохта* за границу состоялась по окончании второго курса физико-математического факультета Московского университета: летние месяцы 1896 г. он провел в Гейдельберге, изучая немецкий язык и слушая лекции по логике и метафизике и по истории новой философии (до Канта) у Куно Фишера⁶³⁹. После посещения в 1896 г. Гейдельберга, а в 1898(?) Берлина и Лейпцига, где изучал физиологию и психологию⁶⁴⁰, летом 1899 г. Фохт поехал во Фрайбург к Генриху Риккерт, где слушал его лекции по логике и теории познания. И уже к 1902 г. в среде московского студенчества Фохт считался «кантианцем»⁶⁴¹. Неизвестно, когда он впервые побывал в Марбурге.

⁶³⁶ См. подробнее: *Василенко Н.П.* Академик Богдан Александрович Кистяковский // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 139–154; № 4. С. 129–139; № 5. С. 135–140.

⁶³⁷ *Василенко*, Академик Кистяковский, № 4, 132; *Dahlmann* 1993, 144.

⁶³⁸ Staatsarchiv Marburg. Best. 307d, № 175. Promotionen WS 1904/05. Buek. Lebenslauf.

⁶³⁹ См.: *Дмитриева Н.А.* Предисловие // *Фохт* 2003, 12; РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 654. Личное дело Фохта Бориса Александровича. Л. 3.

⁶⁴⁰ По другим сведениям, второй раз Фохт выехал в Германию в 1897 г. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Ед. хр. 754. Л. 26.

⁶⁴¹ *Белый А.* Начало века: Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 39.

По свидетельству Андрея Белого, к моменту окончания историко-филологического факультета (второго по счету законченного им факультета в Московском университете) в 1904 г. Фохт «не “прел” уже с риккертIANцами», но был убежденным когенианцем и даже лидером марбургского неокантианства в России⁶⁴².

Гейдельбергский университет был, наверное, самым популярным в Германии «философским» университетом: там долгие годы читал свои блестящие лекции по истории новейшей философии Куно Фишер, а с 1903 г. царствовал Виндельбанд.

Прослушав зимний семестр в Берлине, с лета 1901 г. студентами Гейдельбергского университета стали *Илья Фондаминский* (Бунаков), *Абрам Гоц*, *Владимир Зензинов* и *Амалия Гавронская* (в замужестве Фондаминская) — в будущем известные деятели партии эсеров. Они слушали Еллинека, Куно Фишера, Тоде, Фосслера, Виндельбанда. На некоторые семестры Фондаминские и Гоц уезжали в Берлин, Зензинов — в Галле, где он у Алоиза Рияля писал диссертацию по философии Спинозы и Фихте, которую, однако, защищать не стал — влюбился в Амалию и сбежал от любви в Россию, чтобы «начать революционную работу»⁶⁴³.

С 1902 по 1907 г. здесь учился *Федор Августович Степун*, в будущем один из основателей и редакторов журнала «Логос». В 1910 г. в Гейдельберге он сдал докторский экзамен⁶⁴⁴ и защитил диссертацию, посвященную историософии Вл. Соловьева⁶⁴⁵.

В те же годы лекции Виндельбанда, а также Ласка, Еллинека, Тоде слушали друзья Степуна: Н.Н. Бубнов и С.И. Гессен, со-инициаторы журнала «Логос». *Николай Николаевич Бубнов* в 1902 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом 1-й степени и был оставлен по кафедре философии «для приготовления к профессорскому званию» проф. А.И. Введенским. С 1903 г. выехал в заграничную командировку в Германию на собственные средства «для пополнения научного образования»⁶⁴⁶. В 1908 г. в Гейдельбергском университете

⁶⁴² Белый, Начало века, 384—385.

⁶⁴³ Зензинов, Пережитое, 83—87, 99.

⁶⁴⁴ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послел. Р. Гергеля. Изд. 2-е, испр. СПб., 2000. С. 132.

⁶⁴⁵ Stepin F. Wladimir Ssolowjew: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Leipzig, 1910. Справедливости ради надо сказать, что работа Степуна не была первой немецкоязычной диссертацией о Соловьеве, написанной русским студентом. В 1905 г. Емилия Тумаркина защитила в Бернском университете диссертацию «Владимир Соловьев как философ». Опул.: Tumarkin E. Wladimir Ssolowjew als Philosoph. Halle, 1905.

⁶⁴⁶ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 9699. Об оставлении при С-Петербургском университете кафедре философии Николая Николаевича Бубнова.

он защитил диссертацию на тему «Сущность и предпосылки индукции»⁶⁴⁷. С 1910 г. Бубнов «безвыездно жил в Гейдельберге»⁶⁴⁸, где в 1911 г. габилитировался работой «Временность и безвременье. Основополагающее теоретико-философское противоречие в его типичном оформлении и в его значении для современных философских теорий»⁶⁴⁹. О научном таланте Бубнова сохранились противоречивые свидетельства. Риккерт в письме к Ласку от 19 июля 1909 г. писал, что «докторскую диссертацию Бубнова»⁶⁵⁰ считает «просто скандальной»: «В этом отношении я перестаю понимать Виндельбанда. Кажется, он слишком слаб, чтобы хоть кому-то сказать “нет” Но он, видимо, не отдает себе полностью отчета в том, что, выпуская таких приват-доцентов, он позорит все наше “направление”»⁶⁵¹. Того же мнения был и С.И. Гессен. Х.-Г. Гадамер, однако, считал Бубнова хорошим преподавателем, знающим свой предмет и прекрасно готовившим студентов⁶⁵².

Сергей Иосифович Гессен свой первый — зимний 1905/06 г. — семестр учился в Гейдельберге, а «остальные шесть семестров провел во Фрайбурге (в Брейсгау), где занимался под руководством проф. Риккерта и Мейнеке. Кроме того, слушал лекции проф. Шульце-Геверница, Лифляна, Кона, Гефтера, ф.-Белова и др.»⁶⁵³. В 1909 году во Фрайбурге у Генриха Риккерта⁶⁵⁴ он защитил диссертацию на тему «Индивидуальная причинность. К трансцендентальному эмпиризму»⁶⁵⁵, а «по получении докторской степени продолжал еще в течение трех семестров слушать лекции и участвовать в практических занятиях в университетах Фрайбурга и Марбурга»⁶⁵⁶.

⁶⁴⁷ *Bubnoff N. v.* Das Wesen und die Voraussetzungen der Induktion: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Halle, 1908.

⁶⁴⁸ Русские в Германии. Беседа с Х.-Г. Гадамером. Публ. и прим. Вл. Малахова // Логос. 1992. № 3 (1). С. 230.

⁶⁴⁹ *Bubnoff N. v.* Zeitlichkeit und Zeitlosigkeit. Ein grundlegender theoretisch-philosophischer Gegensatz in seinen typischen Ausgestaltungen und in seiner Bedeutung für die modernen philosophischen Theorien. Habilitationsschrift. Heidelberg, 1911.

⁶⁵⁰ Имеется в виду первая диссертация 1908 г.

⁶⁵¹ См.: *Крамме Р.* «Творить новую культуру» — «Логос» 1910 — 1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 124.

⁶⁵² Русские в Германии, 230.

⁶⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 15. Автобиография.

⁶⁵⁴ О Гессене Риккерт был самого высокого мнения. В письме к Зибеку от 8 июля 1909 г. он называет его самым одаренным своим учеником, необыкновенно умным и инициативным. См.: *Крамме*, «Творить новую культуру», 124.

⁶⁵⁵ *Hessen S.* Individuelle Kausalität: Studien zum transzendentalen Empirismus: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Freiburg i. Br. Berlin, 1909.

⁶⁵⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 15. Автобиография.

По крайней мере с 1903 г. в Гейдельберге учился⁶⁵⁷ и в 1906 г. во Фрайбурге защитил диссертацию «Логические основы системы Гегеля и конец истории» *Моисей Матвеевич Рубинштейн*⁶⁵⁸.

В летние месяцы 1905 г. «прослушал один семестр лекций в университете в городе Гейдельберге (по государственному праву у Еллинека и по философии у Виндельбанда)» *Александр Ливериевич Саккетти*⁶⁵⁹. Саккетти, сын профессора Петербургской консерватории Л.А. Саккетти, в 1908 г. окончил юридический факультет Петербургского университета с дипломом 1-й степени и для приготовления к профессорскому званию был оставлен на кафедре государственного права. С 1914 г. Саккетти был допущен к чтению лекций по курсу «Политические учения Нового времени» с зачислением его в состав приват-доцентов⁶⁶⁰.

Отправленный Новгородцевым в научную командировку, приват-доцент *Василий Александрович Савальский* «отчетный 1905 г. <...> провел в Берлине и Фрайбурге, где, с одной стороны, слушал лекции и посещал практические занятия Паульсена, Зиммеля и Риккерта, а с другой — занимался разработкой своей магистерской диссертации»⁶⁶¹, продолжать работу над которой он поехал в Галле и Марбург.

Отучившись два года на математическом факультете Московского университета, осенью 1906 г. в Гейдельберг приехал *Генрих Эрнстович Ланц*, чтобы изучать... философию и историю. Он занимался преимущественно у Виндельбанда и Ласка, в июле 1910 г. сдал докторский экзамен, в 1911 г. защитил диссертацию «Проблема предметности в современной логике»⁶⁶², первая часть которой была посвящена «учению Канта об объективности», где Ланц представил неокантианскую точку зрения — Виндельбанда, Когена и Кассирера, вторая — «психологическому учению о предметности» (Авенариус, Мах), далее две главы — «трансцендентной школе» (Гуссерль) и последняя — «имманентной школе» (Шуппе)⁶⁶³.

⁶⁵⁷ См.: *Dahlmann*, 148.

⁶⁵⁸ *Rubinstein M.* Die Logischen Grundlagen des hegelschen Systems und das Ende der Geschichte: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Freiburg i. Br. Halle, 1906. По-русски: *Рубинштейн М.М.* Логические основы системы Гегеля и конец истории // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 80. С. 695–764.

⁶⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 96. Curriculum vitae.

⁶⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 559. Лл. 49 — 114; Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 91, 92, 96.

⁶⁶¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 179. Л. 60.

⁶⁶² *Lanz H.* Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik: I. Kants Lehre von der Objektivität: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Heidelberg, 1911.

⁶⁶³ В таком виде, то есть полностью, работа была опубликована спустя год как приложение к журналу «Kant-Studien»: *Lanz H.* Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik. Berlin, 1912.

В 1905 — 1907 годах в Гейдельберге у Виндельбанда и Ласка в течение трех семестров учился *Борис Валентинович Яковенко*, в 1907 г. он на два семестра отправился во Фрайбург к Риккерту. Там же он провел еще один семестр в 1910 г.⁶⁶⁴ В 1910 г. Яковенко был одним из инициаторов, а с 1911 г. стал соредактором русского издания журнала «Логос»⁶⁶⁵.

На один из семестров — летний 1906 г. или зимний 1907/08 г. — в Гейдельберг приезжал *Алексей Константинович Топорков*, командированный, как и многие другие обладатели диплома Московского университета *первой* степени, за границу с научной целью⁶⁶⁶.

В течение зимнего семестра 1909/10 г. *Осип Эмильевич Мандельштам* слушал в Гейдельберге лекции филолога Неймана, историка искусств Тоде, германиста Брауне и философа Виндельбанда⁶⁶⁷.

Николай Николаевич Алексеев, «будучи командирован за границу с ученой целью, в течение 1909 года, посетил университеты: Берлинский, Гейдельбергский и Марбургский». В них он «прослушал курсы лекций и присутствовал на семинариях» в Берлине у Рилиа по логике и теории познания и по истории новой философии, начиная с Канта; у Зиммеля слушал курс под названием «Главная проблема философии» и «семинарий по социологии»; у Лассона — курс по философии Гегеля; в Гейдельберге у Виндельбанда слушал историю новой философии, введение в философию и занимался в семинаре по кантовской «Критике способности суждения»; у Ласка — историю новой философии⁶⁶⁸. Дальше его путь лежал в Марбург.

Алексеев вспоминал, как во время своего зимнего семестра 1908/09 гг. в Гейдельберге «сделал визит Максу Веберу»: «Он встретил меня следующими словами, смеясь: “здорово вы разнесли меня в вашей статье, помещенной в московском философском журнале”⁶⁶⁹...». По признанию самого Алексеева, этот случай он

⁶⁶⁴ *Штов А.М.* Борис Валентинович Яковенко — факты биографии // *Яковенко Б.В.* Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте. СПб., 2004. С. 444—445.

⁶⁶⁵ См. о Яковенко также: *Ермичев А.А.* О неокантианце Б.В. Яковенко и его месте в русской философии // *Яковенко* 2000, 5—42; *Сапов В.В.* Рыцарь философии. Штрихи к портрету Б.В. Яковенко // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 8. С. 753—760.

⁶⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 620. Л. 2. Личное дело А.К. Топоркова. Curriculum vitae. (1923).

⁶⁶⁷ *Гергель Р.Е.* Ученый-гуманист // *Степун*, Бывшее и несбывшееся, 633; *Осип Мандельштам* и Гейдельбергский университет. Публик. Т. Бейера // Минувшее. Исторический альманах. 5. М., 1991. С. 222—227.

⁶⁶⁸ ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 513. Ед. хр. 10736. Л. 2.

⁶⁶⁹ Речь идет о статье Н.Н. Алексеева «Социальная философия Рудольфа Штаммлера», в которой он критикует работу Вебера о Штаммлере (*Weber M. R. Stammlers «Überwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung* // Archiv für Sozialwissen-

в своих воспоминаниях рассказал для того, чтобы показать, «насколько связана была в те времена немецкая и русская философская мысль. Вебер, знаменитый в те времена немецкий социолог, был осведомлен о том, что писал в Москве юный и никому не известный приват-доцент»⁶⁷⁰...

В течение двух семестров — летнего 1909 г. и зимнего 1909/10 г. — во Фрайбурге, куда приехал сразу после окончания гимназии в 1908 г., у Риккерта учился *Сергей Леонидович Рубинштейн*, впоследствии известный советский психолог-теоретик. Но, испытывая интеллектуальную неудовлетворенность от фрайбургских курсов⁶⁷¹, Рубинштейн перебрался в Марбург, где по окончании учебы защитил диссертацию.

С 1906 г. у Виндельбанда занимался выпускник юридического факультета, участник челпановского Психологического семинара в Киевском университете *Лев П. Салагов*⁶⁷². В июле 1910 г. в Гейдельберге он сдал докторский экзамент, а в ноябре того же года защитил диссертацию «О понятии значимого в современной логике»⁶⁷³ (референт — В. Виндельбанд) и поехал в Марбург.

В 1910–1912 годах в университетах Гейдельберга и Фрайбурга, а также Гёттингена, Парижа, Берлина слушал лекции и занимался в семинарах Риккерта, Зиммеля, Нельсона, Гуссерля *Иван Александрович Ильин*. Как писал о нем его университетский товарищ, Н.Н. Алексеев, Ильин «вошел» в Гейдельбергскую школу «в первом периоде своего философского развития с резким противопоставлением “сущего” и “должного”, тогда как в дальнейшем

---

schaft und Sozialpolitik. Bd. 24. 1907. Н. 1). Алексеев указывает, что Вебер отказывается рассматривать «значение идей Штаммлера во внутреннем развитии новейшей неокантианской мысли» и тем самым «освобождает себя от необходимости поднимать вопрос на достаточную философскую высоту»; его критика в адрес Штаммлера «являет собой пример той критики, которая главной задачей своей поставила развенчать и уничтожить противника. Точке зрения Штаммлера не противопоставляются противоположные принципы — дело идет о Штаммлере как о личности, о его промахах». См.: *Алексеев Н.Н.* Социальная философия Рудольфа Штаммлера // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 96. С. 2–5.

⁶⁷⁰ Алексеев, Два года за границей, 146 (сн.).

⁶⁷¹ См.: *Рубинштейн С.Л.* История создания книги «Человек и мир» [автобиографические заметки] // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. К 100-летию со дня рождения. М., 1989. С. 414.

⁶⁷² На одном из семинаров Салагов выступал с докладом «Теория причинности у Юма и Канта». См.: Труды Психологического семинария при Университете Св. Владимира. Т. 1. Вып. 4. Киев, 1907. С. 8. За эту работу в 1904 г. Салагов был удостоен золотой медали историко-филологического факультета Киевского университета. См.: *Ssalagoff L.* Vom Begriff des Geltens in der modernen Logik: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Leipzig, 1910. Curriculum vitae.

⁶⁷³ См.: *Ssalagoff*, Vom Begriff des Geltens...

своем философском развитии он стал утрированным “гуссерльянцем”»⁶⁷⁴.

В те же годы на юридическом и философском факультетах Гейдельбергского университета учился *Аарон Захарович Штейнберг*, где слушал лекции Виндельбанда и Риккерта и в 1913 г. у Эмиля Ласка защитил диссертацию «О понятии реального»⁶⁷⁵.

Мариэтта Сергеевна Шагинян на склоне лет с нежностью и благодарностью вспоминала «старую Хейдельберг», куда она прибыла в 1914 г., за день до объявления войны, писать диссертацию о забытом немецком философе Я. Фрошаммере⁶⁷⁶.

И даже *Николай Александрович Бердяев* не устоял против «баденского» соблазна и в 1903 г. «один летний семестр, молодым человеком, <...> слушал лекции Виндельбанда» по логике и истории философии XIX в.⁶⁷⁷ «в очаровательном Гейдельберге». Но идеи Виндельбанда его не увлекли — «в это время» он «уже отошел от кантианства»⁶⁷⁸...

В чем же заключалось очарование баденских университетов — Гейдельбергского и Фрайбургского, этих цитаделей баденского неокантианства, — для молодых людей, ищущих новых путей для решения вечных философских проблем?

Савальский считает, что «представители русской философской мысли в своем возвращении к Канту примкнули к Виндельбандо-Риккертовской школе, по-видимому, потому, что идеи этого направления родственны философии Соловьева и, во всяком случае, совпадают в существенных моментах в истолковании критической философии Канта»⁶⁷⁹. Косвенным подтверждением этого мнения можно считать тот факт, что Виндельбанд не возражал против написания Степуном диссертации по философии Владимира Соловьева: во всяком случае, проблематика, предложенная Степуном, — этика Соловьева, а затем — его философия истории, — показалась ему интересной⁶⁸⁰...

Споры, которые велись в России в начале XX века вокруг проблемы соотношения знания и веры (науки и религии, философии и религии), а также заострившиеся в переходную эпоху вопросы

⁶⁷⁴ Алексеев, Два года за границей, 146.

⁶⁷⁵ См.: Столович Л.Н. Философские воззрения Аарона Штейнберга (А. Штейнберг и Г. Коген) // И. Кант, неокантианство и Коген. Под ред. В.Н. Белова. Саратов, 2004. С. 109.

⁶⁷⁶ Шагинян М.С. Человек и время. М., 1980. С. 538–595.

⁶⁷⁷ Гегель, Ученый-гуманист, 631.

⁶⁷⁸ Бердяев, Самопознание, 345.

⁶⁷⁹ Савальский В.А. Введение в философию права // Критическое обозрение. 1907. Вып. 5. С. 11.

⁶⁸⁰ Степун, Бывшее и несбывшееся, 111.

культуры, творчества и жизни вовлекали молодые умы в философские штудии баденских неокантианцев, уделявших этим темам преимущественное внимание. В Гейдельберг и Фрайбург российские студенты ехали зачастую с психологией паломников: искать не просто знания, но *мудрости*⁶⁸¹.

Эта особенность восприятия некоторыми русскими студентами баденской философии имплицитно была выражена уже в 1904 г. в статье С.Л. Франка, который учился в 1899 г. в Берлинском университете у Г. Зиммеля⁶⁸² и с большой симпатией относился к Баденской школе. Анализируя «переворот», произведенный в «общефилософском мирозерцании» философским критицизмом вообще и баденским неокантианством в особенности, он констатировал, во-первых, исчезновение из философского актуалитета того, «что можно было бы назвать *гипнозом бытия*»⁶⁸³, и как следствие, во-вторых, превращение «универсальной философии» из «*мирозерцания* в буквальном смысле этого слова» в «*жизнепонимание*»⁶⁸⁴. Отсюда напрашивался вывод: чтобы усвоить «дух идеалистической философии», «недостаточно отвлеченно понять обосновывающие его рассуждения», — «для этого также необходимо интуитивно осознать и пережить его»⁶⁸⁵.

Между тем, мистические идеи, густо роившиеся в российском гуманитарном пространстве, осуществляли свое разъедающее воздействие и в ситуации социального кризиса привели многих бывших своих противников-критицистов на позиции религиозной метафизики. Об этом уже в 1910 г. полушутя-полусерьезно предупреждал своих учеников Виндельбанд, давая оценку их первому, вышедшему в 1909 г. коллективному сборнику «О Мессии»⁶⁸⁶ и только что оформившемуся замыслу международного журнала: «Вы дали вашей тетрадке название “О Мессии”, теперь же вы хотите озаглавить ваш журнал “Логосом”. Будьте осторожны, вы еще причалите у монахов»⁶⁸⁷. Виндельбанд не ошибся. Степун, оканчивая свою учебу в Гейдельберге, уже мучился со-

⁶⁸¹ См.: Зандер Л. О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10. С. 318. Ср.: «Я же приехал в Европу разгадывать загадки мира и жизни». Степун, Бывшее и несбывшееся, 80.

⁶⁸² Dahlmann 1993, 152.

⁶⁸³ Франк С.Л. О критическом идеализме // Мир божий. 1904. № 12. С. 236.

⁶⁸⁴ Франк, О критическом идеализме, 246.

⁶⁸⁵ Франк, О критическом идеализме, 264.

⁶⁸⁶ Сборник вышел в Лейпциге по-немецки и назывался «Vom Messias. Kulturphilosophische Essays». В нем были представлены статьи Рихарда Кронера, Николая Бубнова, Георга Мелиса, Сергея Гессена и Федора Степуна.

⁶⁸⁷ Степун, Бывшее и несбывшееся, 136. Подробнее о создании журнала «Логос» см.: «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник / Сб. материалов под ред. Н.С. Плотникова. М., 2006.

мнениями в правильности кантовского тезиса о непознаваемости «вещей самих по себе» и потустороннего мира⁶⁸⁸. Идейное сближение других (правда, не всех) российских баденцев с мистико-религиозными концепциями «неославянофилов» произошло позже, после революции, в эмиграции, и стало возможным, прежде всего, перед лицом их общего врага — марксизма...

Об истории этого интеллектуального дрейфа довольно много написано и самими участниками этого процесса, и их исследователями⁶⁸⁹. Но вышеперечисленные имена — далеко не полный перечень тех, кто свой путь в науке — не только в философии — начинал с неокантианства. Вне поля зрения исследователей долгое время оставались те, кто в своем духовном становлении в поисках фундамента и метода научного познания обратился к концепциям марбургских мыслителей.

1.2. Русские в Марбурге

«Паломничество» российских студентов в Марбург началось уже в последние годы XIX в. По-видимому, первым российским учеником у Когена и Наторпа был москвич *Курт Вильдхаген* (1871–1949). Он записался в Марбургский университет осенью 1895 г. и учился там до осени 1899 г.⁶⁹⁰ одновременно с Кассирером. Известно, что в летний семестр 1898 г. они оба слушали курс Когена по истории новой философии, психологию у Наторпа и общую теорию функций у Шоттки⁶⁹¹. Вильдхаген, подобно Кассиреру, собирался защищать диссертацию, но что-то не сложилось⁶⁹². В Марбурге он оставил по себе добрую память — в 1911 г. Наторп подумывал пригласить его принять участие в юбилейном сборнике в честь 70-летия Германа Когена⁶⁹³. После окончания

⁶⁸⁸ *Stepun F. Mystische Weltanschauung: Fünf Gestalten des russischen Symbolismus.* München, 1964. S. 209. Далее цитируется как *Stepun* 1964 с указанием страниц.

⁶⁸⁹ См., напр.: *Сапов В.В.* Сергей Гессен — русский философ // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 6. С. 525–526; *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Репринт. Переизд. 1983 г. Париж — Киев, 1991. С. 485, 488; *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994; *Гергель*, Ученый-гуманист, 635, 643, 645; *Зандер*, О Ф.А. Степуну и о некоторых его книгах, 318–340; и др.

⁶⁹⁰ Verzeichniss des Personals und der Studierenden auf der Königl. Preußischen Universität Marburg im Sommer-Semester 1899. Marburg, 1899. S. 40.

⁶⁹¹ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 281. Universitäts-Quaestur Manual Hörerlisten pro Sommer Semester 1898.

⁶⁹² *Holzhey* 1986/II, 247.

⁶⁹³ Речь идет о «Philosophische Abhandlungen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Hermann Cohen (4. Juli 1912)» (Berlin, 1912). Статьи Вильдхагена в нем нет. См.: *Holzhey* 1986/II, 392.

Марбургского университета Вильдхаген обосновался в Гейдельберге и вошел в историю как «философ гейдельбергских кофеен», а также — писатель, переводчик, издатель немецкоязычного собрания сочинений И.С. Тургенева⁶⁹⁴.

Сразу же вслед за Вильдхагеном осенью 1899 г. в Марбург приехал *Отто Петрович Бук* (1873—1966), русский немец из Петербурга, для занятий философией у Когена и Наторпа, а также физикой и математикой у Рихарца, Хесса, Хензеля, Шоттки⁶⁹⁵. В продолжение учебы в Марбургском университете он слушал следующие философские курсы:

Когена — логики и критики познания, истории древней философии, о системе Канта (учение об опыте, этика и эстетика), логики, психологии, этики и философии права; и семинары: по Платону (учение об идеях в «Диалогах» Платона), по Канту, по логике, по психологии;

Наторпа — истории новой философии, логики (теория познания), философии Платона, психологии, истории древней философии; и семинары: по Декарту и Лейбницу, по логике, по Платону, по психологии, по истории древней философии;

Кюнеманна (Kühnemann) — введения в изучение философии Канта, введения в философию по четырем философским произведениям («Государство» Платона, «Метафизика» Аристотеля, «Этика» Спинозы и «Критика чистого разума» Канта), о немецких драматургах XIX в. до наших дней⁶⁹⁶.

Отто Бук был удостоен премии философского факультета⁶⁹⁷ 1902/03 учебного года за конкурсное сочинение, написанное в соответствии с заданием, сформулированным Когеном: «Представить фарадеевское опровержение атомистики на основе его [Фарадея] работ. В философском исследовании о мотивах опровержения путем систематически-логического разбора рассмотреть прежде всего его взгляд на пространство в соответствии с от-

⁶⁹⁴ На доме Вильдхагена в Гейдельберге по адресу: Kisselgasse, 2 открыта мемориальная табличка. См. о нем: Kurt Wildhagen, 1871—1949: Der Weise von Heidelberg / Hrsg. für das Kurzpfälische Museum Heidelberg von R. Krischke und F. Hepp; mit einem Vorwort von F. Hepp. Heidelberg, 1997.

⁶⁹⁵ Staatsarchiv Marburg. Best. 307d, № 175. Promotionen WS 1904/05. Buek. Lebenslauf.

⁶⁹⁶ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Universitaets-Quaestur Manual Hörerlisten: Nr. 284. WS 1899/1900; Nr. 285. SS 1900; Nr. 286. WS 1900/01; Nr. 287. SS 1901; Nr. 288. WS 1901/02; Nr. 289. SS 1902; Nr. 290. WS 1902/03.

⁶⁹⁷ Философский факультет в те годы объединял не только философские, но и другие гуманитарные (филологию, искусствоведение) и естественно-научные специальности (химию, физику, математику, биологию, географию и др.). Поэтому конкурсные задания каждый год объявлялись профессорами от разных специальностей и часто были ориентированы на междисциплинарные исследования.

ношением к атомистике. При этом следует обратить внимание как на современную энергетику, так и, с другой стороны, исторически на развитие этой теории, начиная с Бошковича»⁶⁹⁸. Эта работа легла в основу диссертации «Атомистика и фарадеевское понятие материи. Логическое исследование»⁶⁹⁹, которую Бук защитил в Марбурге в июле 1904 г.

Задачу своей диссертационной работы Бук видел в том, чтобы раскрыть философский смысл фарадеевской теории и доказать тем самым методолого-эпистемическую общность науки и философии: несмотря на то, что «реальные отношения науки и философии часто затемняются историческим ходом событий», время от времени появляются гении, в которых философский и научный таланты сосуществуют в плодотворном взаимодействии и образуют те редкие «исключительные случаи», которые приводят «логическое существо дела (*Sachverhalt*) к точному и систематическому выражению»⁷⁰⁰. «Задача и конечная цель познания и науки, их бытие и реальность» заключены «в законе». Именно закон объединяет факты, именно в нем факты впервые получают «истинное бытие, реальность и прочность». Эта «великая идеалистическая черта» была присуща «истинно философской направленности фарадеевской физики», считает Бук. «Истина идеализма», согласно которой «нет никакого закона, кроме как в методах и через методы чистого мышления», а «дух — не игрушка капризных сил природы, ибо он сам управляет и упорядочивает разнонаправленные силы, тем что в созидании достигает их открытия», — эта истина «для Фарадея не была пустым звуком, но его внутреннейшим научным убеждением», он руководствовался ею в своих исследованиях, выражая ее, правда, «не в философски школьно-правильной форме, а на свой лад, своим языком»⁷⁰¹.

Эта работа не прошла незамеченной в научных кругах⁷⁰², ее автор был упомянут в русскоязычной рецензии Габриловича на «Логические основы точных наук» Наторпа как исследователь, разрабатывающий «вопросы научной методологии» «на основании

⁶⁹⁸ *Holzhey* 1986/I, 383.

⁶⁹⁹ *Buek* O. Die Atomistik und Faradays Begriff der Materie: Eine logische Untersuchung: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1905. Впервые в: Archiv für Geschichte der Philosophie. Hrsg. von L. Stein. Bd. XVIII. (Neue Folge, Bd. XIX) H. 1. S. 65–110; H. 2. S. 139–165. Далее цитируется марбургское издание как *Buek* 1905 с указанием страниц.

⁷⁰⁰ *Buek* 1905, 5.

⁷⁰¹ *Buek* 1905, 18.

⁷⁰² Наторп назвал эту работу «превосходной». См.: *Holzhey* 1986/II, 325.

пристального изучения действительных методов математического и естественно-научного знания»⁷⁰³. В 1911 г. Наторп пригласил Бука для участия в юбилейном когеновском сборнике, где в результате в 1912 г. появилась статья «Фарадеевская система природы и ее понятийные основания»⁷⁰⁴.

Осенью 1901 г. в Марбургский университет, даже не окончив гимназии⁷⁰⁵, приехал *Дмирий Осипович Гавронский* (14.08.1883 — 24.06.1949). Он учился здесь с перерывами на время летних семестров 1902 и 1903 гг.⁷⁰⁶ до конца зимнего семестра 1904/05 г. Летом 1905 г. Гавронский уехал в Россию делать революцию, был там арестован и сослан, бежал из ссылки и вернулся в Марбург весной 1908 г.⁷⁰⁷, чтобы продолжить учебу. Он штудировал философию как основной предмет у Когена и Наторпа, экспериментальную физику и математику как дополнительные дисциплины у Хензеля, Рихарца, Шульце⁷⁰⁸.

В годы учебы (до сдачи докторского экзамена) в Марбургском университете Гавронский слушал следующие философские курсы:

Когена — логики, психологии (?), этики и философии права (дважды), истории древней философии (?), о системе Канта (учение об опыте, этика и эстетика), истории новой философии, психологии как энциклопедии философии, эстетики; семинары по логике, по этике и философии права (дважды), по учению об идеях в платоновских «Диалогах» (?), по «Критике чистого разума», по Декарту, по психологии;

Наторпа — истории древней философии, логики (дважды?), истории новой философии, всеобщей психологии; семинары:

⁷⁰³ *Габрилович*, Логос 1910, 288.

⁷⁰⁴ *Buek* O. M. Faradays System der Natur und seine begrifflichen Grundlagen // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht. Berlin, 1912. S. 99–122.

⁷⁰⁵ Д.О. Гавронский родился в Тамбове в семье купца Осипа Гавронского и Марии, урожденной Высоцкой, дочери миллионера — владельца знаменитой в России чайной фирмы. В 1893–1897 гг. он учился в гимназии в Смоленске, с 1897 по весну 1899 г. — в гимназии в Москве. Экзамены за полный гимназический курс сдал в Пензе в 1903 г. См.: *Gawronsky D.* Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen: Inaugural-Dissertation. Marburg, 1910. S. 120 (Lebenslauf). Закончить гимназию ему не удалось из-за политической неблагонадежности и преследований полиции, — в Москве он «принадлежал к основанному Авксентьевым кружку, из которого вышла элита будущей партии социалистов-революционеров» (И. Фондаминский, братья А. и М. Гоцы, В. Зензинов, В. Руднев, М. Тумаркина, В. Чернов). См.: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 74–75.

⁷⁰⁶ Чтобы сдать выпускные экзамены в гимназии Гавронскому приходилось брать частные уроки (См.: Lebenslauf).

⁷⁰⁷ *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 75.

⁷⁰⁸ Staatsarchiv Marburg. Bs. 307d. № 219. Promotionen. SS 1910.

по Декарту и Лейбницу, по психологии, по логике, по всеобщей педагогике, по кантовской критике познания⁷⁰⁹.

Еще в июле 1905 г., после отъезда Гавронского в Россию, Наторп в письме к Гёрланду характеризовал Гавронского как «гораздо более талантливого», чем Бухенау и Альтенбург — двое других учеников Когена и Наторпа, — но при этом «к сожалению, совершенно ненадежного человека». На Гавронского, писал Наторп, «мы возлагаем большие надежды», но «на него пока что нельзя рассчитывать»: он «с головой погружен в революционную политику, к чему, кажется, способен таким же замечательным образом, как к математике и чистой философии»⁷¹⁰.

В феврале 1910 г. Гавронский с отличием (*summa cum laude*) сдал докторский экзамен и защитил диссертацию «Суждение реальности и его математические предпосылки»⁷¹¹. Эта работа, по замечанию автора, была задумана как третья глава большого сочинения, готовящегося к изданию и посвященного «подробному исследованию метода и строения логики чистого опыта в связи с точными науками»⁷¹². Наторп в марте того же года в предисловии к своей книге «Логические основы точных наук», вышедшей следом за диссертацией Гавронского, также ссылался на ожидаемый труд своего ученика, где будут подвергнуты подробному рассмотрению многие вопросы, о которых речь идет и в его, наторповских, «Логических основах...». Наторп подчеркивает, что они «оба, исходя из общих основных методических предпосылок, по сути независимо друг от друга пришли почти к единодушным выводам». Это касается прежде всего «признания понятия актуально бесконечного и его применения к проблеме не только иррационального (в чем оба придерживаются лишь направления Кантора и Веронезе), но и бесконечно малого». О проблеме бесконечно малого, — объяснял Наторп, — он в своей книге скажет коротко, поскольку «очень обстоятельное исследование» этой проблемы появится в сочинении Гавронского. В этом же предисловии Наторп отмечает настоящую исследовательскую самостоятельность Гавронского, его «богатые познания в математике и фи-

⁷⁰⁹ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Universitaets-Quaestur Manual Hörerlisten: Nr. 288. WS 1901/02; Nr. 289. SS 1902; Nr. 290. WS 1902/03; Nr. 291. SS 1903; Nr. 292. WS 1903/04; Nr. 293. SS 1904; Nr. 294. WS 1904/05; Nr. 303. SS 1908; Nr. 305. WS 1908/09; Nr. 309. WS. 1909/10. Вопросы около некоторых курсов указывают на расхождение информации в «Lebenslauf» Гавронского, согласно которой он пропустил два летних семестра, и в списках слушателей, где Гавронский числится слушающим тот или иной курс именно в период «отсутствующих» семестров.

⁷¹⁰ Письмо № 94 от 17 июля 1905 г. См.: *Holzhey* 1986/II, 339–340.

⁷¹¹ *Gawronsky*, Das Urteil der Realität...

⁷¹² *Gawronsky*, Urteil der Realität, оборот титульной страницы.

зике», что он, Наторп, находит особенно ценным для работы над этой темой⁷¹³. Все эти моменты, изложенные в предисловии, Наторп отметил и в своем отзыве на диссертацию Гавронского, где указал также основной, по его мнению, недостаток диссертационной работы: понятие «величины» осталось терминологически и математически непроясненным⁷¹⁴.

После защиты первой диссертации Гавронский продолжал еще четыре семестра, то есть вплоть до весны 1912 г., слушать лекции и участвовать в семинарах Когена и Наторпа⁷¹⁵.

Между тем большое сочинение, о котором говорили Гавронский и Наторп, выросло в габилюитационную работу «Проблема логики и ее метода». Ее защита должна была состояться в мае — июне 1912 г., но диссертация была «наотрез отклонена» факультетом⁷¹⁶ как «непригодная»⁷¹⁷.

Скандалу на факультете предшествовал инцидент внутри «школы»: «Гавронский и Наторп вступили в настоящую борьбу» по вопросам, поднятым Гавронским в габилюитационной работе, «а именно не из-за какой-то там запредельной, математической спекуляции, а из-за мыслей, полагающих основание идеализма (*des grundlegenden Idealismus-Gedankens*). То есть Гавронский, по-видимому, сдвинулся в сторону реализма. И Коген его одобряет. Пожалуй, из-за него самого (*Person*), чем по существу вопроса»⁷¹⁸...

На философском факультете голоса разделились следующим образом: профессор Рихарц, который на докторском устном экзамене оценил знания Гавронского по физике как «отличные»⁷¹⁹ и даже «рассыпался в похвалах»⁷²⁰, вдруг теперь, спустя два года, решил, что на том экзамене Гавронский продемонстрировал «недостаточные» знания⁷²¹, что «физика прошла “крайне слабо”»⁷²². Что касается математиков, из двух университетских профессоров один — Нойманн (*Neumann*) — направил декану письменное заявление с «сожалением», что уже в отношении первой диссертации

⁷¹³ *Natorp P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig – Berlin, 1910. S. V–VI.*

⁷¹⁴ *Staatsarchiv Marburg. Bs. 307d. № 219. Promotionen. SS 1910. Gawronsky.*

⁷¹⁵ *Verzeichniss des Personals und der Studierenden auf der Königl. Preußischen Universität Marburg im Sommer-Semester 1910 – Winter-Semester 1911/12. Marburg, 1910, 1911.*

⁷¹⁶ *Brief Natorps an Görland (10. Juni 1912). См.: Holzhey 1986/II, 411.*

⁷¹⁷ *Staatsarchiv Marburg. Best. 307d. Acc. 1933/7. № 395. Nicht zu Stande gekommene Habilitationen. Gawronsky.*

⁷¹⁸ *Hartmann, Heimsoeth 1978, 110.*

⁷¹⁹ *Staatsarchiv Marburg. Promotionen. SS 1910. Bs. 307d. № 219. Gawronsky.*

⁷²⁰ *Hartmann, Heimsoeth 1978, 115.*

⁷²¹ *Staatsarchiv Marburg. Best. 307d. Acc. 1933/7. № 395.*

⁷²² *Hartmann, Heimsoeth 1978, 115.*

«не заявил протест»⁷²³, но другой — Хензель, знавший Гавронского еще студентом, принимавший у него докторский экзамен и оценивший его знания на «отлично», — остался при своем мнении и оказался «по-видимому, единственным, кто не голосовал “против”». Николай Гартман, с возмущением рассказывавший в письме к своему другу Хайнцу Хаймзюту эту историю, винил в произошедшем «обоих стариков»: Когена — за то, что тот не поговорил с коллегами перед представлением габилюационной работы, — «совершенно неслыханный здесь образ действий», Наторпа — за то, что, «очевидно по небрежности», пустил все на самотек⁷²⁴. Свои соображения по этому делу Наторп подробно изложил в заметках, сохранившихся в его архиве, но, к сожалению, из-за использования им особой системы сокращений почти не читаемых⁷²⁵. Бесспорно одно: факультет организовал настоящую травлю в отношении даже не столько Гавронского, сколько его учителя Когена и Марбургской школы в целом: Коген уходил на пенсию, предстояли выборы преемника философской кафедры...⁷²⁶ Вместе с тем, революционная ангажированность Гавронского была в тогдашней Германии уже достаточным поводом, чтобы отказать в габилюации...

Так или иначе, это драматическое событие стало вехой в научной судьбе Гавронского, которая в дальнейшем фактически так и не состоялась, что было безусловно несправедливо. Все, кто знал его, — его близкий друг Эрнст Кассирер, жена Кассирера Тони, его учителя Коген и Наторп⁷²⁷, младший товарищ Борис Пастернак⁷²⁸, приятель юности Марк Вишняк и даже совсем молодой тогда Ханс-Георг Гадамер⁷²⁹, — все отмечали его уникальную одаренность и исключительные способности не только к революционной, но прежде всего к научной деятельности, к философии. Так, Тони Кассирер вспоминала, что «Эрнст всегда находил прискорбным, что его [Гавронского] научные достижения оставались далеко позади его необычайной одаренности»⁷³⁰. О том же говорил Вишняк:

⁷²³ Ibid.

⁷²⁴ Ibid.

⁷²⁵ UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms. 831: Konvolute Aufzeichnungen u.a. (unbearb.). Gawronsky. 22.–23., 26. Juli 1912. 11 S.; Hb.-Schr. 8 S.

⁷²⁶ См.: *Holzhey* 1986/II, 411.

⁷²⁷ Ср.: «По мнению профессоров, Дмитрий Гавронский был гением». (*Tatarkiewicz W. Erinnerungen eines Philosophen an Marburg // Alma Mater Philippina. Marburger Universitätsbunde E.V. Marburg. Sommersemester 1980. S. 26*).

⁷²⁸ См.: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/1, 76.

⁷²⁹ «Отдельных замечательных людей было много. Дмитрий Хавронский, например». См.: Русские в Германии. Беседа с Хансом-Георгом Гадамером. [Публ. В.С. Малахова] // *Логос*. 1992. № 3 (1). С. 231.

⁷³⁰ *Cassirer T. Mein Leben mit Ernst Cassirer. Hildesheim, 1981. S. 297.* Далее цитируется как *Toni Cassirer* с указанием страниц.

«При природных дарованиях и многосторонней эрудиции, Гавронский, однако, не пользовался авторитетом и признанием, которых как будто вполне заслуживал. Не могу объяснить почему. Может быть потому, что при явной скромности, он иногда неожиданно обнаруживал крайнюю самоуверенность и самомнение, порой граничившие с такой же наивностью. Так, он утверждал, например, что может с неопровержимостью доказать неправильность теории относительности Эйнштейна, что и попытался сделать в напечатанной небольшой работе и в публичном выступлении на съезде математиков и физиков. Не могу судить о ценности этой попытки, обнаружившей большую эрудицию. Могу лишь сказать, что, кроме немногочисленных отзывов, его попытка никаких последствий не имела и теорию относительности не сокрушила»⁷³¹.

Речь идет на самом деле о *трех* работах Гавронского, посвященных вопросам теории относительности: «Физический смысл специальной теории относительности», «Теория относительности Эйнштейна в свете философии. Новое доказательство преобразований Лоренца» и «Закон инерции и строение теории относительности»⁷³², которые, по словам его сына, «вызвали большой резонанс»⁷³³. Эти работы можно считать в каком-то смысле полемической реакцией на сочинение Эрнста Кассирера «К теории относительности Эйнштейна: теоретико-познавательные исследования» (1920)⁷³⁴.

По-видимому, подобного же — полемического — происхождения статья Гавронского, опубликованная в 1912 г. в юбилейном когеновском сборнике, «Проблема непрерывности у Понселе»⁷³⁵, где в центре внимания — те же вопросы, что и в третьей главе (параграф II) кассиеровской книги «Понятие субстанции и понятие функции» (1910)⁷³⁶.

После поездки Когена в Россию (22 апреля — 14 мая 1914 г.)⁷³⁷ Гавронский вместе с Б.М. Пинесом и Е.Д. Шором начал подго-

⁷³¹ Вишняк М.В. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж — Нью Йорк (Воспоминания). Stanford, 1970. С. 170.

⁷³² Gawronsky D. Das physikalische Gehalt der speziellen Relativitätstheorie. Stuttgart, 1925; Ders. Die Relativitätstheorie Einsteins im Licht der Philosophie. Ein neuer Beweis der Lorenz-Transformationen. Bern, 1924; Ders. Das Trägheitsgesetz und der Aufbau der Relativitätstheorie. Bern, 1924.

⁷³³ Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 77.

⁷³⁴ См. по-рус.: Кассирер Э. Теория относительности Эйнштейна / Пер. Е.С. Барловича и И.Я. Колубовского. Пр., 1922. Ср.: Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 77 прим.

⁷³⁵ Gawronsky D. Das Kontinuitätsproblem bei Poncelet // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70-sten Geburtstag. S. 65–85.

⁷³⁶ См. по-рус.: Кассирер Э. Познавание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. Пер. Б. Столпнера и П. Юшкевича. М., 2006. С. 92–103.

⁷³⁷ См.: Ермичев А.А. Приезд Германа Когена в Россию // Ермичев А.А. О философии в России. Исследования, полемика, заметки. СПб., 1998. С. 108–115.

товку русскоязычного издания трудов Когена, не состоявшегося из-за войны⁷³⁸.

Летом 1917 г. Гавронский вернулся в революционную Россию, где «побывал секретарем Керенского, и был вместе с ним свергнут»⁷³⁹, стал депутатом Учредительного собрания, которое разогнали⁷⁴⁰, «семнадцать раз приговаривался к смерти, но к счастью [ее] избежал, и приземлился у жены и детей в Швейцарии»⁷⁴¹ летом 1918 г. В 1922 г. он габилитировался в Бернском университете, читал там лекции по теории познания и социологии как приват-доцент⁷⁴², в 1941 г. вышел на пенсию⁷⁴³ и переселился в США. По-видимому, незадолго до смерти Гавронский вернулся в Цюрих, где скончался от лейкемии в 1949 г. ...

Николай Августович Гартман (1882–1950), рижанин, студент Петербургского университета, закрытого в 1905 г. из-за начавшихся революционных событий, приехал в Марбург на зимний семестр 1905/06 г. и остался здесь «навсегда»: приехал специально к Когену и Наторпу, вдохновленный их сочинениями, которые проштудировал еще в Петербурге⁷⁴⁴. Он учился в Марбургском университете до летнего семестра 1908 г. (включительно) с перерывом на зимний семестр 1907/08 г.⁷⁴⁵. В 1906/07 учебном году он получил премию философского факультета за конкурсное сочинение по заданию, сформулированному Когеном и Наторпом: «Понятия бытия и небытия в соответствии с их значением для учения Платона об идеях»⁷⁴⁶. Уже 31 июля 1907 г. Гартман сдал докторский экзамен⁷⁴⁷, тогда же представил и 3 апреля 1908 г. защитил диссертацию по теме «О проблеме бытия в греческой

⁷³⁸ Флейшман Л. С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003. С. 256–257.

⁷³⁹ Toni Cassirer, 121.

⁷⁴⁰ Вишняк, Годы эмиграции, 170.

⁷⁴¹ Toni Cassirer, 121.

⁷⁴² Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/1, 77.

⁷⁴³ Die Dozenten der bernischen Hochschule. Ergänzungsband zu Hochschulgeschichte Berns 1528–1984. Bern, 1984. 6.4.058. Gawronsky.

⁷⁴⁴ Николай Гартман, сын инженера Карла Августа Гартмана и Елены, урожденной Хакманн, российских подданных, до 15 лет получил домашнее воспитание, с 1897 по 1901 г. учился в немецкой церковной школе Св. Екатерины в Петербурге, осенью поступил на медицинский факультет Дерптского университета, откуда через год перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, где до весны 1905 г. занимался философией, историей и филологией у профессоров Введенского, Зелинского, Форстена, Гримма, Гревса, Соколова, Платонова, Соболевского. См.: Hartman N. Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato: Inaugural-Dissertation. Marburg, 1908. S. 76: Lebenslauf.

⁷⁴⁵ Staatsarchiv Marburg. Best. 307d. Nr. 398. Personalakten des Privatdozenten. Dr. Nikolai Hartmann. 1909–1918.

⁷⁴⁶ Sieg 1994, 204.

⁷⁴⁷ Hartmann, Heimsoeth 1978, 320–321.

философии до Платона»⁷⁴⁸. Из конкурсного сочинения вырос пятисотстраничный труд «Платоновская логика бытия»⁷⁴⁹, опубликованный в 1909 г. В том же году Гартман представил философскому факультету габиляцию «Философские начала математики Прокла Диадоха»⁷⁵⁰ и был оставлен в Марбургском университете в качестве приват-доцента по кафедре философии: это был единственный ученик Когена, получивший доцентуру в Марбурге, и первый после Наторпа случай успешной габиляции и приглашения в университет неокантианца⁷⁵¹. После Эрнста Кассирера Гартман считался одареннейшим учеником Когена не в последнюю очередь потому, что уже в возрасте 27 лет фактически сформировал собственное направление в развитии марбургской неокантианской проблематики, занимаясь изучением вопросов древней философии и современной психологии⁷⁵². В 1920 г. Гартман стал профессором философии Марбургского университета. В будущем его ждала слава одного из самых известных философов первой половины XX в.⁷⁵³

Заметный приток российских студентов в Марбургский университет начался с 1906 г. Вот примерный список тех, кто имматрикулировался в 1900–1914 гг. (за исключением уже названных):

Яков Клацкин (Орша Могилевской губернии, з.с. 1901/02 – з.с. 1902/03), *Сергей Носков* (Москва, л.с. 1902), *Моисей Гликсон* (Холынка, л.с. 1902 – з.с. 1902/03), *Иван Шукин* (Москва, л.с. 1906), *Гавриил Гордон* (Москва, л.с. 1906 – з.с. 1906/07, л.с. 1907(?)), *Василий Сеземан* (Санкт-Петербург, л.с. 1906 – з.с. 1906/07), *Борис Фохт* (Москва, л.с. 1906 – л.с. 1908), *Николай Болдырев* (Санкт-Петербург, л.с. 1907 – з.с. 1907/08), *Генри(х) Слонимский* (Минск – Филадельфия (США), л.с. 1907 – з.с. 1911/12), *Павел Кананов* (Москва, з.с. 1907/08 – л.с. 1908), *Соломон Рахлин* (Ростов, з.с. 1907/08 – л.с. 1910), *Александр Ландия* (Тула, л.с. 1908 – з.с. 1909/10), *Георг Эрдман* (Вольмар, л.с. 1909 – з.с. 1909/10), *Кон-*

⁷⁴⁸ *Hartmann N.* Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1908.

⁷⁴⁹ *Hartmann N.* Platos Logik des Seins. Giessen, 1909. – (Philosophische Arbeiten. Bd. III).

⁷⁵⁰ *Hartmann N.* Des Proklus Diadochus philosophische Anfangsgründe der Mathematik nach den ersten zwei Büchern des Euklidkommentars: Habilitationsschrift der hohen philosophischen Fakultät der Universität Marburg eingereicht zur Erlangung der venia legendi für Philosophie von Dr. Nicolai Hartmann. Marburg, 1909.

⁷⁵¹ *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/1, 81; *Sieg* 1994, 200.

⁷⁵² *Sieg* 1994, 200, 316–328.

⁷⁵³ См. подробнее: *Горништейн Т.Н.* Философия Николая Гартмана. Критический анализ основных проблем онтологии. Л., 1969; *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/1, 81–86.

стантин Шлесс (Санкт-Петербург, л.с. 1909 — л.с. 1910), д-р *Анатолий Стынопалов* (Ревель, з.с. 1909/10 — з.с. 1911/12), *Соломон Финкельштейн* (Рига, л.с. 1910 — л.с. 1913), *Сергей Рубинштейн* (Одесса, л.с. 1910 — л.с. 1913), *Дмитрий Самарин* (Москва, л.с. 1910), *Йоханнес Хачикян-Мечлумян* (Мегри, з.с. 1910/11), *Мошкочаим Мороз* (Малин, з.с. 1910/11 — л.с. 1912), д-р *Лев Салагов* (Елизаветград, л.с. 1911 — з.с. 1911/12), *Виктория Войтак* (Елизаветград, л.с. 1911 — л.с. 1912), *Митрофан Горбунков* (Караичев, з.с. 1911/12 — л.с. 1914), *Соломон Левин* (Гуляйполе, з.с. 1911/12 — л.с. 1914), *Александр Островский* (Киев, л.с. 1912 — з.с. 1914), *Борис Пастернак* (Москва, л.с. 1912), *Надежда Баранович* (Воронеж, з.с. 1912/13 — л.с. 1913), *Анатолий Сырцов* (Тобольск, з.с. 1913/14 — л.с. 1914), *Мордох (Матвей) Каган* (Невель, з.с. 1913/14 — л.с. 1914)⁷⁵⁴.

Это далеко не полный перечень российских студентов, учившихся в Марбурге. Многие из приезжавших, по-видимому, манкировали имматрикуляцией — в особенности, если не планировали проходить весь курс, сдавать докторский экзамен, писать диссертацию, — тем более, что семинары в отличие от лекций были публичными, то есть их посещение не нужно было оплачивать. Поэтому пребывание некоторых студентов в том или ином университете подтвердить официальными документами почти невозможно. Мне удалось обнаружить только один такой документ, показывающий, как запрос на «неформальное» посещение лекций и семинаров был проведен официально: «профессор логики и метафизики», а на самом деле — приват-доцент из Санкт-Петербургской духовной академии, командированный за границу для подготовки диссертации, *Виктор Адрианович Беляев* 28 января 1910 г. обратился через российское посольство к министру образования Германии с прошением разрешить ему «принимать участие в лекциях и практических занятиях для получения информации о методах преподавания на философском факультете» Марбургского университета⁷⁵⁵...

Итак, кто же были российские студенты Когена и Наторпа?

Яков Клацкин (1882 — 1948) посвятил свою жизнь развитию тех идей Германа Когена, которые касались значения иудейства в мировой культуре. Он активно участвовал в сионистском движении,

⁷⁵⁴ Verzeichniss des Personals und der Studierenden auf der Königl. Preußischen Universität Marburg. Marburg, 1900 — 1914; Staatsarchiv Marburg. Best. 305a. Acc. 1950/9. Nr. 173. Verzeichnis der immatrikulierten Russen. — В этих двух источниках имеются некоторые расхождения. Напр., Каган по первому документу значится в списках только л.с. 1914 г. По второму — двух семестров: з.с. 1913/14 и л.с. 1914 г.

⁷⁵⁵ Bs. 310. Acc. 1975/42. Nr. 2089. Immatrikulation der Studierenden 1909–1925. 28. Januar 1910. Bl. 12.

в 1928–1934 гг. был издателем «Еврейской энциклопедии» и словаря «Философское сокровище древнего и нового еврейского языка», выход которых был прерван приходом к власти нацистов. На смерть Когена Клацкин откликнулся многостраничной биографией, в которой попытался раскрыть культурно-философский смысл его учения, не скрывая в то же время сожаления, что политически Коген никогда не поддерживал идеи сионизма⁷⁵⁶. Из собственно философских работ Клацкина известна только одна — «Познавательный инстинкт как принцип жизни и смерти» (1935)⁷⁵⁷, где автор при исследовании познавательного процесса обращается к идеям психоанализа.

О его сокурснике, *Моисее Х. Гликсоне*, не удалось найти почти никаких сведений, кроме того, что осенью 1916 г. он был одним из участников—организаторов «еврейского драматического общества “Габима”», то есть стоял у истоков еврейского экспрессионистского театра в России.

Среди тех, кто не вошел в официальный «Перечень персонала и студентов...», был, по-видимому, *Александр Викторович Вейдеман* (1879 — после 1939), который, если следовать «Списку слушателей...» курсов Германа Когена и исключить вероятность совпадения с однофамильцем, побывал в Марбурге в зимний семестр 1903/04 г., слушал когеновские лекции о кантовской системе (учение об опыте, этика и эстетика) и занимался в его семинаре по «Критике чистого разума»⁷⁵⁸. Еще раз имя Вейдемана встречается в «Списке слушателей...» зимнего семестра 1911/12 г.⁷⁵⁹. Б.В. Яковенко считал Вейдемана «философским крестным отцом Николая Гартмана»⁷⁶⁰. В 1906 г. Г.О. Гордон назвал его одним из немногих *марбургцев*, работающих в России⁷⁶¹. С 1911(?) по 1914 г. он был председателем Санкт-Петербургского Философского собрания⁷⁶². Уже после революции Вейдеман выступил с собственной концепцией, фактически системой, представляющей интересный сплав марбургского неокантианства, гегельянства и феноменологии. Его работа под общим названием «Мышление и бытие», написанная в Петрограде в 1922 г., получила прекрасные отзывы коллег-философов — академика Э.Л. Радлова, профессоров Н.В. Болдырева, В.А. Беляева и позднее В.Э. Сеземана, которые

⁷⁵⁶ *Klatzkin J. Hermann Cohen: mit einem Bildnis von Hermann Cohen nach einer Radierung von Hermann Struck. Berlin, 1919 (21921).*

⁷⁵⁷ *Klatzkin J. Der Erkenntnistrieb als Lebens- und Todesprinzip. Zurich [u.a.], 1935.*

⁷⁵⁸ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 292.

⁷⁵⁹ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 316.

⁷⁶⁰ Яковенко 2003, 408.

⁷⁶¹ См.: «Приложение». Письмо № 11.

⁷⁶² Яковенко 2000, 950 комм.

единодушно признали ее самостоятельным, оригинальным и актуальным исследованием⁷⁶³.

Из группы москвичей, приехавшей в Марбург весной 1906 г., совершенно случайным человеком в философии оказался **Иван Сергеевич Щукин** (1886—1976), сын известного московского миллионера, мецената, выделившего денег Г.И. Челпанову на строительство Психологического института, и коллекционера, чье уникальное собрание современного искусства, прежде всего Пикассо и Матисса, составило впоследствии гордость Музея изобразительных искусств им. Пушкина. Щукину-младшему, в будущем — доктору Сорбонны по истории восточного искусства и археологу, а тогда — студенту историко-филологического факультета Московского университета, Б.А. Фохт давал в Марбурге частные уроки философии и читал с ним «Диалоги» Платона, переводы которых с древнегреческого делал Г.О. Гордон⁷⁶⁴.

По окончании историко-филологического факультета **Борис Александрович Фохт** (1875—1946) в 1906—1908 гг. получил официальную командировку⁷⁶⁵ за границу для подготовки к магистерскому экзамену и защите диссертации. Ехал он, однако, «на собственный счет», поскольку, имея диплом *второй* степени, был оставлен при университете⁷⁶⁶ «без содержания». В прошении о заграничной командировке Фохт указывал, что

«Марбургский университет избирается мною <...> на следующих основаниях: 1) В настоящее время почти ни в одном из Университетов Германии *древняя философия* не изучается с такой не только философской, но, что особенно важно, и филологической основательностью, как именно в Марбургском университете. 2) Профессора Марбургского университета *Герман Коген* и *Павел Натопф* оба, в одинаковой мере, являются специалистами как

⁷⁶³ См.: *Вейдеман А.В.* Мышление и бытие (Логика достаточного основания). Рига, 1927. С. 333—334; *Сеземан В.Э.* [Рец.] А.Ф. Лосев. Философия имени. Москва. 1927 г., 254 стр., издание автора. А. Вейдеман. Мышление и бытие (Логика достаточного основания). 327 стр. Рига 1927 г. // Версты. Париж. 1928. № 3. С. 163—172.

⁷⁶⁴ См.: ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 6. Л. 1—2.

⁷⁶⁵ Возможно, не оформляя командировки, Фохт провел в Марбурге лето 1905 г.: в мае 1905 г. он ходатайствовал о выдаче ему бессрочной паспортной книжки и получил ее. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 14). В 1932 г., заполняя очередную советскую анкету, Фохт в ответ на вопрос № 18 «Был ли за границей (где, когда и как долго и цель поездки)» напишет: «С 1894 года периодически бывал за границей, всего 7 раз главным образом в летние месяцы, а с 1904 г. также и в зимние». (ГАРФ. Ф. 5205. Институт красной профессуры. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 1. Личный листок по учету кадров).

⁷⁶⁶ Само «оставление» стало возможным только благодаря диплому *первой* степени за окончание курса на физико-математическом факультете (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 2).

в древней, так и в новой и, особенно, в новейшей философии, и оба придерживаются в изучении произведений философской литературы того строгого историко-критического и филологического метода, который уже с 30-х годов истекшего столетия получил особенно широкое развитие и особенно плодотворно проявился в области древней философии – в трудах Брандиса, Целлера и Германа Бонича, и в области новой философии (в так называемой Канто-филологии) – в трудах Германа Когена, Ганса Файгингера и Бенно Эрдмана. 3) В наступающем весеннем семестре в Марбургском университете кроме курса древней философии <...>, читаемого проф. Германом Когеном, проф. Павлом Наторпом читается еще курс Логики <...> и приват-доцентом доктором Ach'ом курс экспериментальной психологии <...> – два курса, которых подателю настоящего прошения так и не удалось прослушать в Московском университете. 4) Вышеуказанные курсы по Истории древней философии и Логике профессоров Г. Когена и П. Наторпа будут излагаемы ими с обращением особенного внимания на вопросы теории познания, что, при современном состоянии и значении этой дисциплины среди других философских наук, представляется особенно важным и поучительным. В заключении не могу не присовокупить, что в Марбургский университет я особенно стремлюсь еще и потому, что только там я мог бы достаточно плодотворно изучить дальше тот предмет, интерес к которому особенно силен у всех тех, кто имел счастье быть учеником покойного профессора кн. С.Н. Трубецкого»⁷⁶⁷.

Фохт бывал в Марбурге наездами: не все те семестры, что он записан среди слушателей, он провел в Марбурге. Так, известно, что на зимний семестр 1906/07 г. он уезжал в Москву. Тем не менее он стал в Марбурге «своим», подтверждением чему можно считать два «трофея», «вывезенных» из Марбурга:

- републикация гартмановской габилитации с инскриптом: «Глубоко уважаемому Борису Александровичу Фохту в знак старой привязанности от автора»⁷⁶⁸,
- републикация диссертации Ханса Хаймзюта «Декартовский метод ясного и отчетливого познания» (1911)⁷⁶⁹ с признанием:

⁷⁶⁷ ЦИАМ. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 29. О Фохте подробнее см.: «Очерк третий. 2» и «Приложение».

⁷⁶⁸ Hartmann N. Des Proklus Diadochus philosophische Anfangsgründe der Mathematik nach den ersten zwei Büchern des Euklidkommentars. Giessen, 1909. – (Philosophische Arbeiten hrsg. von Hermann Cohen und Paul Natorp. IV. Bd. 1. H.)

⁷⁶⁹ Heimsoeth H. (Dr. phil.). Die Methode der Erkenntnis bei Descartes und Leibnitz. In 2 Hälften. H. I: Historische Einleitung: Descartes' Methode der klaren und deutlichen Erkenntnis. Giessen, 1912. – (Philosophische Arbeiten. Bd. VI, H. 1.).

«Herrn Boris Vogt in dankbarer Erinnerung an die erste Anregung zu dieser Arbeit im Sommer 1907. Der Verfasser»⁷⁷⁰.

Фохт бывал в Марбурге, по-видимому, и раньше лета 1906 г.: его имя, если это не простое совпадение с однофамильцем, значится в «Списках слушателей» зимнего семестра 1904/05 г. и летнего семестра 1905 г.⁷⁷¹.

Владислав Татаркевич, впервые приехавший в Марбург летом 1907 г., десятилетия спустя вспоминал, что в Марбургском университете было много русских, но «живописнейшим персонажем среди них был Борис Фохт. Когда я с ним познакомился, у него за плечами было уже 25 семестров. Он говорил о себе, что у него такие большие познания, что ими трудно оперировать. Я еще помню его выражение: “У меня такие необъятные знания, что я больше не могу их мобилизовать”. После революции он стал профессором в Московском университете»⁷⁷².

В архиве Наторпа сохранились некоторые фохтовские письма⁷⁷³, а в архиве Фохта — приветы от Наторпа и Когена, переданные ему Гордоном в переписке⁷⁷⁴.

Гавриил Осипович Гордон⁷⁷⁵ (1885—1942) провел в Марбурге два семестра в 1906—1907 гг., пропустив, тем самым, один учебный год

⁷⁷⁰ «Господину Борису Фохту с благодарным воспоминанием о первом побуждении к этой работе летом 1907 г. Автор» (нем.). То, что мысли, высказанные Фохтом в ходе их философских бесед, определили выбор темы для будущей диссертации, Хаймзют подтверждал в письме к своему другу, Николаю Гартману. См.: *Hartmann, Heimsoeth* 1978, 74.

⁷⁷¹ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 294. Bl. 237; Nr. 295, Bl. 330.

⁷⁷² *Tatarkiewicz W.* Erinnerungen eines Philosophen an Marburg // *Alma Mater Philippina*. SS 1980. S. 26.

⁷⁷³ *Bücherverzeichnis der Bibliothek Paul Natorp*. Tokio, 1938. S. 203; *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/II, 388—393.

⁷⁷⁴ См.: «Приложение». В личном архиве Фохта долгое время хранились два письма к нему: от Н.А. Гартмана, написанное по-русски и датированное 7 мая 1907 г., — оно «касалось взаимоотношений Фохта с Марбургским университетом», и от П. Наторпа, датированное 11 декабря 1910 г., где Наторп «приносит свои извинения и объясняет причины задержки присылки предисловия к предпринятому Фохтом в то время переводу на русский язык труда Наторпа “Философская пропедевтика” К письму приложен написанный Наторпом текст предисловия. Однако в вышедший в 1911 г. перевод книги Наторпа <...> оно уже не попало, так как, судя по всем данным, оно пришло в Москву, когда книга была уже сверстана». — Здесь приводятся выдержки из письма вдовы Б.А. Фохта — Е.Я. Фохт к председателю Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами тов. Г.А. Жукову, где Е.Я. Фохт предлагает передать эти письма «какому-либо научному учреждению ФРГ — например, Марбургскому университету». Черновик. Написано между 1957—1962 гг. (в эти годы Жуков занимал место председателя Гос. комитета). Дальнейшая судьба этих писем неизвестна, в личном архиве Фохта — А.А. Гаревои они не обнаружены.

⁷⁷⁵ См. о нем подробнее: «Очерк третий. 3» и «Приложение».

в Московском университете⁷⁷⁶. Он слушал в Марбургском университете у *Когена* курс древней философии и лекции о кантовской системе (учение об опыте, этика и эстетика), семинар по учению Платона об идеях и по «Критике чистого разума» Канта; у *Наторпа* курс логики и общей психологии, семинар по логике, по общей психологии и педагогике, а также курс экспериментальной психологии у *Аха*⁷⁷⁷. Еще раз он приедет сюда летом 1909 г. и будет слушать лекции Когена по истории древней философии и лекции Наторпа по философской пропедевтике⁷⁷⁸. С первого же своего семестра в Марбурге он в тесном общении с Гартманом начал сложнейшую работу по отработке терминологии для переводов на русский язык классических философских текстов⁷⁷⁹. О включенности его в марбургский круг говорит и его письмо к Наторпу, сохранившееся в марбургском архиве⁷⁸⁰.

Тем же летом 1906 г. в Марбург из Петербурга приехал *Василий Эмилевич Сеземан* (1884—1963). На зимний семестр 1906/07 г., который значится в официальном марбургском «Перечне персонала и студентов», он не остался, а вернулся сюда осенью 1909 г. после окончания Петербургского университета — на собственные средства, не дожидаясь оформления официальной командировки⁷⁸¹. Сеземан окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где он учился у профессоров «Зелинского (по классической филологии), Лосского и Лапшина (по философии) и Айналова (по истории искусства)», с дипломом первой степени, был «оставлен» по кафедре классической филологии и вскоре получил командировку за границу «для усовершенствования в науках с целью приготовления к профессорской деятельности <...> с 1 июля 1910 г. по 1 июля 1912 г.», со стипендией «из оклада в 1200 руб.»⁷⁸².

Из сохранившихся в архивах Марбурга и Санкт-Петербурга документов явствует, что в Марбургском университете Сеземан провел кроме л.с. 1906 г. также з.с. 1909/10, л.с. 1910, л.с. 1911 и з.с. 1911/12 гг. и прослушал следующие курсы:

Когена — эстетики (?), истории древней философии (дважды), истории новой философии, логики; семинары по платоновскому учению об идеях, по философии Декарта, по логике,

⁷⁷⁶ ЦИАМ, Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 959. Л. 2.

⁷⁷⁷ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 297. Bl. 235, 258, 349; Nr. 298. Bl. 235, 321.

⁷⁷⁸ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 307. Bl. 455, 509.

⁷⁷⁹ См. «Приложение». Письмо № 3 и след.

⁷⁸⁰ UB Marburg. Hs: 831. Nr. 1254. 11.08.1920.

⁷⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 13. Curriculum vitae.

⁷⁸² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 559. Л. 143—209.

Наторпа — всеобщей психологии (?), логики (критики познания); семинары по логике (теории познания) (дважды);

Гартмана — философии поздней древности (с Аристотеля) (?), истории новейшей философии (с Канта), истории древней философии, всеобщей психологии; семинары по «Метафизике» Аристотеля, по древней философии⁷⁸³.

«В течение зимнего семестра 1910 — 1911 гг. в Берлине г. Сеземан слушал проф. Дильса (история эллинской религии и мифологии), Виламовица (история политических теорий античности) и Кассирера (гносеология современного естествознания)»⁷⁸⁴.

Во время своего пребывания в Германии Сеземан написал сразу несколько работ, связанных с марбургскими сюжетами: статью для «Логоса» «Рациональное и иррациональное в системе философии» (1911), рецензию на диссертацию Владислава Татаркевича «Диспозиция аристотелевских принципов» (1910)⁷⁸⁵ и статью «Этика Платона и проблема зла»⁷⁸⁶ в когеновский юбилейный сборник.

Статья «Рациональное и иррациональное...» вышла почти одновременно в обоих «Логосах» — русско- и немецкоязычном — и, можно сказать, сразу же обозначила собственную философскую позицию автора, хотя и выросшую из марбургских разговоров с Гартманом и Наторпом⁷⁸⁷, но безусловно выходящую за рамки даже гартмановского «неокантианства» — к феноменологии: в ней Сеземан, оставаясь методологически на неокантианской почве научного познания, находит в самой структуре знания обязательный иррационально-психологический компонент, что позволяет ему говорить о «*рационально-иррациональной сущности*» «объективного знания»⁷⁸⁸. На эту работу сразу же обратил внимание Наторп: в его

⁷⁸³ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 297. Bl. 260; Nr. 299. Bl. 250. Знаки вопроса отмечают курсы, которые Сеземан мог слушать в з.с. 1909/10 г. — в официальных списках слушателей его имя не значится.

⁷⁸⁴ РГИА. Ф. 733, Оп. 155, Ед. хр. 1087. Л. 13.

⁷⁸⁵ Сеземан В.Э. [Рец.:] Wladyslaw Tatarkiewicz: Die Disposition der Aristotelischen Principien. (Philosophische Arbeiten von H. Cohen u. P. Natorp). Giessen 1910, IV B. II. Heft. 102 S. // Логос. М. 1911. Кн. 1. С. 225.

⁷⁸⁶ Sesemann W. Die Ethik Platos und das Problem des Bösen // Philosophische Abhandlungen: Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. S. 170–189. См. коротко об этой статье: Гессен С.И. [Рец.:] Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70-en Geburtstag dargebracht. 358 S. 1912 // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 368.

⁷⁸⁷ В архиве Наторп сохранилось упоминание об одном из таких разговоров 9 сентября 1910 г.: UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms. 831. Hartmanniana. «Spaziergang mit Hartmann, Sesemann und Hessen <...>».

⁷⁸⁸ Сеземан В.Э. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. М. 1911. Кн. 1. С. 122. См. по-нем: Sesemann W. Das Rationale und das Irrationale im System der Philosophie // Logos: Internationale Zeitschrift. Bd. II. 1911/1912. Tübingen, 1912. S. 241.

архиве сохранились полторы страницы бисерной скорописи с разбором статьи Сеземана⁷⁸⁹. Наторп высоко ценил Сеземана, считая его специалистом, равным Николаю Гартману⁷⁹⁰.

Александр Владиславович Кубицкий (1880 — ок. 1938) был в Марбурге, по-видимому, дважды — летом 1906 г. и летом же 1907 г.⁷⁹¹. О нем известно только, что он дружил с Фохтом и с Михаилом Павловичем Поливановым, тоже «когенианцем»⁷⁹², занимался по древней философии в домашнем семинаре С.Н. Трубецкого⁷⁹³. Окончил историко-филологический факультет Московского университета по филологическому отделению с дипломом первой степени на год позже Фохта, в 1905-м⁷⁹⁴, был оставлен при университете⁷⁹⁵ и, вероятно, получил официальную командировку за границу. Между двумя семестрами в Марбурге, где он слушал когеновские курсы истории древней и новой философии и занимался в его семинарах по Платону и Декарту⁷⁹⁶, он на зимний семестр 1906/07 г. ездил в Мюнхен слушать эстетику у Т. Липпса⁷⁹⁷. В 1910-х годах он как приват-доцент вел в Московском университете семинар по древней философии («Платон, его предшественники и современники») ⁷⁹⁸, а после революции был там же профессором. Известность Кубицкому принес осуществленный им в 1930-х годах перевод на русский язык «Категорий» (1937–1939) и «Метафизики» Аристотеля (1934) с комментариями и предисловием. В эти годы Кубицкий как профессор преподавал латинский язык в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ)⁷⁹⁹.

⁷⁸⁹ UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms. 831. Konvolute Aufzeichnungen u.a. (unbearb.): W. Sesemann. Das Rationale u<nd> d<as> Irrationale im System d<er> Philos<ophie> (Logos II, 2). 2 S.

⁷⁹⁰ Holzhey 1986/II, 392.

⁷⁹¹ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 297. Bl. 260; Nr. 299. Bl. 250.

⁷⁹² См.: Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комм. В.И. Кейдана. М., 1997. С. 204–205 (далее цитируется как Взыскующие града с указанием страниц). О Поливанове см. также отзыв Г.Г. Шпета: Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М., 2005. С. 48.

⁷⁹³ Давыдов Н.В. Из прошлого. Князь С.Н. Трубецкой // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 17. Далее цитируется как Давыдов Из прошлого с указанием страниц.

⁷⁹⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 720. Л. 9. Диплом.

⁷⁹⁵ Из письма Кубицкого Фохту от 24.12.1908 г. (Богданово — Москва) ясно, что в это время Кубицкий получал стипендию. В письме от 6.01.1909 г. Кубицкий упоминает о своих планах сдать экзамен по истории философии в марте-апреле того же года, а пробные лекции отложить на осень. Архив А.А. Гаревои.

⁷⁹⁶ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 297. Bl. 260; Nr. 299. Bl. 251.

⁷⁹⁷ Белый А. Между двух революций. Воспоминания. Кн. 3. М., 1990. С. 96.

⁷⁹⁸ Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 16.

⁷⁹⁹ ЦАЛИМ. Ф. 60. Оп. 2. Ед. хр. 187. Л. 2, 13; Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 124. См. о нем также: Бирюков Б.В. Трудные времена философии: Отечественная историческая, фи-

Вместе с Кубицким из Мюнхена, прослушав курс эстетики у Липпса⁸⁰⁰, в Марбург летом 1907 г. слушать когеновскую историю новой философии⁸⁰¹ приехал **Алексей Константинович Топорков** (1882 — ?). Топорков окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1906 г. и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию⁸⁰². В студенческие годы за сочинение «Влияние Лейбница, в особенности его “Nouveaux Essays”, на теорию познания Канта» (1905) был награжден золотой медалью⁸⁰³. Занимался философией под руководством проф. Л.М. Лопатина, но, как сообщает Белый, из-за конфликта с Лопатиным вынужден был оставить университет⁸⁰⁴. Как публицист часто появлялся на страницах журнала «Труды и дни», «Новая жизнь», «Русская мысль» и др. После революции Топорков издал несколько работ, в том числе философского содержания, где попытался пересмотреть свои «диалектико-спиритуалистические» взгляды в пользу диалектико-материалистических⁸⁰⁵.

Наверняка известно, что **Николай Васильевич Болдырев** (1882—1929) провел в Марбурге л.с. 1907 г., в продолжение которого слушал когеновские лекции по истории новой философии и занимался в семинаре по Декарту, у Наторпа — курс лекций по философской пропедевтике (общее введение в философию и начальные основания логики, этики и эстетики) и семинары по этому курсу⁸⁰⁶. Возможно, он остался в Марбурге на следующий, зимний, семестр 1907/08 г.⁸⁰⁷ и затем приезжал сюда еще один или два раза: в 1909 г. и 1913 г. Болдырев был за границей в научных командировках⁸⁰⁸. После возвращения в Петербург и сдачи в 1912 г. экзаменов на степень магистра по кафедре государственного права он получил звание приват-доцента (1 ноября 1912 г.) по кафедре энциклопедии и истории философии права⁸⁰⁹ Петербургского университета. В эти же годы Болдырев становится членом Петер-

---

лософская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М., 2006. С. 172 (сн.).

⁸⁰⁰ Белый, Между двух революций, 96.

⁸⁰¹ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 299. Bl. 251.

⁸⁰² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 620. Л. 2.

⁸⁰³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 817. Л. 5. Автобиография.

⁸⁰⁴ См.: Белый, Между двух революций, 271—272.

⁸⁰⁵ См. раздел: «Литература».

⁸⁰⁶ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 299. Bl. 252, 352.

⁸⁰⁷ Будучи записан в «Перечне персонала и студентов» на два семестра, в «Списках слушателей» Болдырев значится только в списке летнего семестра 1907 г.

⁸⁰⁸ Смолин М.Б. «Революция взвесила все земное, и оно оказалось легким» [Вступ. ст.] // Болдырев Н.В., Болдырев Д.В. Смысл истории и революция. М., 2001. С. 8.

⁸⁰⁹ Смена кафедры произошла, видимо, по причинам административного характера. См.: Смолин, «Революция взвесила все земное...», 8.

бургского философского общества и Петербургского философского собрания. После революции он, по крайней мере до 1923 г., состоял профессором экономического факультета I Политехнического института в Петрограде⁸¹⁰, затем был вынужден отказаться от преподавательской деятельности, сотрудничал в различных учреждениях. В конце 1921 г. — начале 1922 г. Болдырев входил в первый редакционный совет издательства «Academia» (в 1929 г. оно было переведено в Москву). В последние годы он тяжело болел и умер 25 сентября 1929 г. По воспоминаниям его сына, на следующий день отца пришли арестовывать. «Только это опоздание и спасло семью от неминуемых репрессий. Обыска уже не произвели, а при беглом осмотре квартиры фундаментальный научный труд Н.В. Болдырева “Формальный метод”⁸¹¹, а также завершенная незадолго до смерти “Правда о большевицкой России — голос из гроба” обнаружены не были»⁸¹². Обе рукописи сохранились, и одна из них — «Правда о большевицкой России» — (а также работа 1922 г. по философии истории) опубликована (2001)⁸¹³.

В стенах Марбургского университета в продолжение двух семестров в 1907—1908 гг. учился москвич *Павел Христофорович Кананов* (1883—1967). Он окончил 5-ю Московскую гимназию (1901) и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, где проучился два семестра, был исключен за участие в студенческих волнениях и осенью 1902 г. уехал учиться в Германию. С полуторагодовым перерывом — это время Кананов, по-видимому, провел в России, участвуя в революционных событиях 1905—1907 гг., в том числе — в декабрьских боях 1905 г. на Красной Пресне, — изучал в Гейдельбергском, Берлинском, Марбургском и Мюнхенском университетах экономические науки, психологию и философию (с 1907 г.)⁸¹⁴. В Марбурге у Когена он слушал курс этики и философии права, у Наторпа — курс логики и участвовал в семинарах по этим курсам⁸¹⁵. Марбургские «схолархи» оказали все же замет-

⁸¹⁰ Вейдеман, Мышление и бытие, 333.

⁸¹¹ По другим сведениям, работа называется «Феноменальный метод». См.: Смолен М.Б. «Революция взвесила все земное...», 9.

⁸¹² Стеблин-Каменский И.М. О А.Н. Болдыреве и его «Осадной записи» [Предисл.]5// Болдырев А.Н. Осадная Запись (Блокадный дневник) / Подгот. к печати В.С. Гарбузова, И.М. Стеблин-Каменский. СПб., 1998. С. 9.

⁸¹³ См.: «Литература».

⁸¹⁴ См.: Вулых И.П. Павел Христофорович Кананов // Советская библиография. 1983. № 3. С. 68; Kananow P. Über das Gefühl der Tätigkeit: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität München. München, 1910. S. 137 (Curriculum vitae).

⁸¹⁵ Информация обнаружена только по летнему семестру 1908 г. См.: Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 303. Bl. 441, 505.

ное влияние на формирование философской позиции Кананова: в своей диссертации «О чувстве деятельности» (1910)⁸¹⁶, подготовленной и защищенной в Мюнхенском университете, он благодарит не только своих тамошних наставников Теодора Липпса и Александра Пфендера, но также Когена и Наторпа. Работа Кананова представляет собой чрезвычайно интересную попытку развить собственный феноменологический метод, способный дать описание «живого переживания». Суть метода должна была заключаться не столько в анализе, сколько в поставлении задачи синтеза, ведущего к целостному видению психического⁸¹⁷. По каким-то причинам философская судьба Кананова не сложилась: в 1918 г. он окончил Курсы академических библиотек при Народном университете А.Л. Шанявского и стал библиографом. Но его занятия философией еще какое-то время продолжались. Так, 4 июня 1921 г. на заседании Психологического общества при Московском университете он читал доклад «Душа и личность»⁸¹⁸. Как библиограф Кананов работал в Румянцевском музее, потом с 1924 г. заведовал библиотекой Института Маркса и Энгельса. В 1931 г. вернулся в Румянцевскую, тогда Ленинскую, теперь Российскую государственную библиотеку главным библиографом отдела иностранного комплектования, где проработал до самой пенсии и где хранится рукопись его фундаментального труда «Типология книги. Учение о книгах как посредниках между авторами и читателями»⁸¹⁹.

Генри Слонимский (1884 — ?), прибывший в Марбург летом 1907 г. после четырех семестров в Берлине у Дильса, Дильтея, Лассона, Паульсена, Рия, Зиммеля и Виламовица, вряд ли, конечно, может считаться действительно *российским* марбуржцем: увезенный отцом в четырехлетнем возрасте из родного Минска в Америку, в Филадельфию, он закончил там школу и успел поучиться в университете Пенсильвании. И все же в Марбурге он считался русским, поэтому будет справедливо сказать здесь о нем несколько слов. В Марбургском университете он учился у Когена, Наторпа, Нойманна, Рихарца, Трельча, изучал кроме философии политическую экономию и экспериментальную физику, в 1908/09 учебном году написал конкурсное сочинение по заданию, сфор-

⁸¹⁶ *Kananow, Über das Gefühl der Tätigkeit...*

⁸¹⁷ *Smid R. «Münchener Phänomenologie» — zur Frühgeschichte des Begriffs // Pfänder-Studien. Hrsg. von H. Spiegelberg und E. Avé-Lallemant (Phaenomenologica, 84). The Hague — Boston — London, 1982. S. 126; Куренной В.А. К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. № 11—12 (21). С. 179.*

⁸¹⁸ Деятельность Психологического общества при Московском университете за последние 4 года (1918—1922) // Мысль. Пб., 1922. № 3, май-июнь. С. 187.

⁸¹⁹ См.: *Вулых, Павел Христофорович Кананов, 69.*

мулированному Когеном и Наторпом: «Установить наличие и методическую ценность основных понятий теоретического познания у греческих философов до Платона и исследовать, в какой мере проявились начала их систематического изложения»⁸²⁰, — за что получил премию философского факультета. Это сочинение легло в основу его диссертации «Гераклит и Парменид», которую Слонимский защитил в сентябре 1912 г.⁸²¹.

Интеллектуальные поиски привели в Марбург и такого впоследствии знаменитого советского ученого, как *Сергей Леонидович Рубинштейн* (1889 — 1960). Хотя спустя много лет при подготовке книги «Человек и мир» он и писал, что чувствовал в Марбурге ту же «неудовлетворенность», что и во Фрайбурге, и уже тогда стремился создать «собственную философскую концепцию», «высвободиться из тисков чистой мысли и проложить себе путь к реальной действительности», что в Марбурге его удержали только «удовлетворительные условия учебы, возможность изучения классиков. И главное — опора на математику, естествознание»⁸²², но все его ранние работы и все известные факты его биографии доказывают обратное: *основополагающее* значение марбургского неокантианства для формирования его собственной концепции⁸²³. В Марбурге Рубинштейн пробыл с 1910 г. по 1913 г. и занимался здесь не только философией у Когена, Наторпа и Гартмана, но также математикой у Хензеля и политической экономией у Трёльча. 11 июня он выдержал докторский экзамен и представил к обсуждению диссертацию «Исследование о проблеме метода. Абсолютный и дуалистический рационализм и трансцендентальная философия»⁸²⁴, первая часть которой — «Абсолютный рационализм (Гегель)» была опубликована в 1914 г.⁸²⁵. Коген хвалил эту работу прежде всего за «ясность и точность»⁸²⁶. В ней Рубинштейн отграничивал трансцендентальную логику бытия (Наторпа) от «абсолютного рациона-

⁸²⁰ Holzhey 1986/I, 384.

⁸²¹ Slonimsky H. Heraklit und Parmenides: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1912. См. о нем там же: S. 53: «Lebenslauf».

⁸²² Рубинштейн, История создания книги «Человек и мир», 414.

⁸²³ Следует, по-моему, согласиться с исследователями, которые считают, что попытка Рубинштейна умалить роль марбургского неокантианства в собственном духовном становлении была продиктована соображениями цензуры: Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 79.

⁸²⁴ Holzhey 1986/II, 426. Под таким названием эта работа должна была выйти (но не вышла) в марбургской серии «Philosophische Arbeiten».

⁸²⁵ Rubinstein S. Eine Studie zum Problem der Methode: I. Absoluter Rationalismus (Hegel): Teildruck. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1914.

⁸²⁶ Sieg 1994, 383.

лизма» (Гегеля), позволяющего мышлению и бытию настолько раствориться друг в друге, чтобы «снять» всё бытие в понятии, и от «дуалистического рационализма» (по-видимому, Риккерта), противопоставляющего мышлению или понятию бытие как «другое»⁸²⁷. В трансцендентальном же идеализме «понятие, не 'снимая' 'бытие в себе' в абсолютном тождестве, берется в изначальной имманентности и удерживается в вещественности бытия, а вещественность бытия [удерживается] в понятии»⁸²⁸.

Время с момента сдачи экзамена до присуждения степени доктора 20 июля 1914 г.⁸²⁹ Рубинштейн провел в Берлине, где жил и преподавал ушедший на пенсию и уехавший из Марбурга Коген, и где работал в университете Кассирер. Еще в Марбурге между Когеном и Рубинштейном сложились тесные дружеские отношения⁸³⁰. В июне 1914 г. Коген писал Наторпу, что «Рубинштейн нравится <ему> совершенно исключительно». Видимо, поэтому Коген взял на себя труд подготовить к публикации рубинштейновскую работу и по-настоящему измучился, пока «сделал изложение читабельным»⁸³¹. На прощание Коген подарил Рубинштейну «с надписанием» прижизненное издание сочинений Гегеля⁸³².

По возвращении в Одессу Рубинштейн какое-то время преподавал в гимназии. В 1919 г. Н.Н. Ланге пригласил его на кафедру философии и психологии Одесского университета, где Рубинштейн как приват-доцент (а с 1921 г. как профессор) начал читать лекции по теории познания, логике, психологии, философским основам математики, теории относительности Эйнштейна⁸³³. В 1917 г. в Философском обществе при Новороссийском университете он читал доклад о Германе Когене⁸³⁴, положенный затем в основу работы «О философской системе Г. Когена»⁸³⁵, написан-

⁸²⁷ См.: *Holzhey* 1986/I, 59 Anm.

⁸²⁸ *Rubinstein*, Eine Studie zum Problem der Methode, 67.

⁸²⁹ *Sieg* 1994, 487.

⁸³⁰ См.: *Пастернак Е.В., Поливанов К.М.* Письма Бориса Пастернака из Марбурга // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник'1989. М., 1990. С. 62–63; *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 78–81.

⁸³¹ *Holzhey* 1986/II, 428.

⁸³² *Брушлинский А.В.* Новые материалы для научной биографии С.Л. Рубинштейна // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии / Отв. ред. К.А. Абульханова-Славская и др. М., 1989. С. 33.

⁸³³ Биография С.Л. Рубинштейна // *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. С. 35. Далее цитируется как *Рубинштейн* 2003 с указанием страниц.

⁸³⁴ См.: *Бредихина О.Н.* Ранний период в творчестве С.Л. Рубинштейна // Историко-философский ежегодник'92. М., 1994. С. 229.

⁸³⁵ *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена // *Рубинштейн* 2003, 428–451.

ной, вероятно, на смерть Когена. В то же время он, несмотря на войну, вел переговоры с издателем о публикации в России переводов когеновских сочинений. Было решено начать с небольших работ по философии религии, о чем Рубинштейн сообщал в июне 1918 г. в письме к Кассиреру, а тот в свою очередь в письме к Наторпу комментировал это событие как «радостный знак того, что духовные связи между двумя народами прерваны не до конца и со временем свяжутся снова!»⁸³⁶. Перевод и публикация этих работ, к сожалению, не состоялись, но это не означало для самого Рубинштейна конца неокантианского периода в его «бытии и мышлении»⁸³⁷...

Летний семестр 1910 г. провел в Марбурге после защиты «баденской» диссертации *Сергей Иосифович Гессен* (1887—1950). Там он посещал лекции и семинары Когена (история новой философии и семинары по Декарту), Наторпа (логика — лекции и семинары) и Гартмана (история новейшей философии, начиная с Канта, и семинары по Аристотелю)⁸³⁸. В записях Наторпа сохранилось упоминание о прогулке в период каникул в сентябре 1910 г. с Гессеном, Гартманом и Сеземаном по окрестностям Марбурга⁸³⁹. Возможно, речь шла о новом международном философском журнале «Логос». Или о педагогической теории, разработке основ которой Гессен, воодушевленный наторповской идеей педагогики как «прикладной философии», впоследствии посвятит много сил и времени. Гессен на Наторпа произвел приятное впечатление. В январе 1911 г. Наторп в письме в Гёрланду рассказывал о симпатии, которая возникает к марбургскому направлению в Баденской школе: «Дельная молодежь этой школы вполне склонна идти вместе с нами, не только Баух, также Гессен и др.»⁸⁴⁰. Гессен действительно исполнился большим уважением к марбургскому профессору: именно перу Гессена принадлежит некролог в память о Наторпе, опубликованный в русскоязычном эмигрантском журнале в конце 1924 г.⁸⁴¹.

⁸³⁶ Sieg 1994, 508.

⁸³⁷ См. подробнее: *Лекторский В.А.* Немецкая философия и российская гуманитарная мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 131—136.

⁸³⁸ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 15. Автобиография; *Гессен С.И.* Мое жизнеописание // *Гессен С.И.* Избранные сочинения. М. 1999. С. 733; *Verzeichnis der Vorlesungen...* SS 1910. S. 39, 41, 47.

⁸³⁹ См.: UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms. 831. Hartmanniana. 09.09.1910.

⁸⁴⁰ *Holzhey* 1986/II, 389.

⁸⁴¹ *Гессен С.И.* Пауль Наторп // Русская школа за рубежом. Прага. 1924. Кн. 10/11. С. 1—8. Перепеч.: *Гессен С.И.* Педагогические сочинения / Вступ. ст. и общ. ред. Е.Г. Осовского, сост., подгот. текста и комм. Е.Г. Осовского, М.В. Богуславского, В.П. Киржаевой, О.Е. Осовского. Саранск, 2001. С. 372—378.

Подобно Гессену, *Лев П. Салагов* (15.09.1881 – ?) после защиты диссертации в Гейдельберге приехал весной 1911 г. в Марбург и провел здесь два семестра⁸⁴². Он, по-видимому, не ходил на лекции, а участвовал только в семинарах *Когена* по логике и по платоновскому учению об идеях, *Наторпа* – по философской пропедевтике и по «Критике чистого разума» Канта и *Гартмана* – по древней философии и по современной психологии (чтение и обсуждение современных авторов)⁸⁴³. По возвращении в Россию он принял участие в составлении челпановского сборника, где опубликовал статью о связи гносеологии и онтологии⁸⁴⁴, а в 1922 г. выступал с той же темой на заседании Костромского философского общества как член Президиума этого общества и преподаватель местного педагогического института. Основная мысль этого доклада заключалась в следующем: «Традиционная гносеология, определяющая свой предмет как содержание познания, по существу решает не гносеологический, а онтологический вопрос, ибо содержание познания есть бытие, равно как и логические связи суть связи бытия»⁸⁴⁵, поэтому-то гносеологическую проблему следует ставить как *онтогносеологическую*.

По-видимому, *первой русской ученицей* Когена и Наторпа стала **Виктория Войтяк**. О ней известно только, что она родилась в Елизаветграде, на Украине, в том же городе, что и Лев Салагов. В то же лето, что и Салагов, она приехала учиться в Марбург, где, согласно «Перечню персонала и студентов», провела четыре семестра в 1911–1912 гг. А дальше начинаются предположения. В 1916 г. в Харькове вышла брошюра «Трансцендентальный характер учения Лейбница о монаде». Ее автор – Виктория Салагова, урожденная Палеолог⁸⁴⁶. В предисловии к этому сочинению Салагова пишет, что «данный очерк является главой из работы, принятой философским факультетом Университета в Гиссене в качестве

⁸⁴² Хотя информация о Салагове в «Списках слушателей» наличествует только по летнему семестру 1911 г., можно с некоторой уверенностью утверждать, что он провел в Марбурге и зимний семестр 1911/12 гг., поскольку Гартман в письме к Хеймзюту от 27 апреля 1912 г. называет Салагова среди тех, кто читал его книгу о Платоне (Гордон, Вышеславцев, Ортега-и-Гассет, Кубицкий и Рубинштейн), причем «в последнее время». См.: *Hartmann, Heimsoeth* 1978, 108.

⁸⁴³ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 314. Bl. 768, 810, 884.

⁸⁴⁴ *Салагов Л. П.* «Гносеология» – онтология // Сб.: Георгию Ивановичу Челпанову от учеников его семинариев в Киеве и Москве, 1891 – 1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916. С. 120–141.

⁸⁴⁵ Костромское философское общество. Хроника // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 1922. № 2. С. 158.

⁸⁴⁶ Эта информация значится на обложке брошюры: *Салагова Виктория, рожд. Палеолог*. Трансцендентальный характер учения Лейбница о монаде. Харьков, 1916.

докторской диссертации в июне 1914 г.»⁸⁴⁷. Н.О. Лосский в своем докладе «Конкретный и отвлеченный идеал-реализм», читанном в заседании Петербургского философского общества 3 апреля 1921 г., называет Салагову одной из «молодых сторонников школы Когена», а про ее работу говорит, что в ней производится «когенизация <...> над столь ярко христианским философом, как Лейбниц»⁸⁴⁸. Гиссенский университет, надо заметить, соседствует с Марбургским. В 1912–1914 гг. философию там преподавали профессора Германн Зибек (Siebeck) и Август Мессер (Messer). Известно, что Зибек занимался в основном изучением античной философии, истории психологии и философией религии⁸⁴⁹, а в 1893 г. под его руководством была написана и защищена диссертация о Лейбнице: «Философские проблемы в переписке Лейбница и Кларка» (автор Георг Виктор Леруа)⁸⁵⁰. О Мессере можно сказать, что он с симпатией и уважением относился к Марбургской школе. В своей книге «Введение в теорию познания» (1909) он попытался «примирить психологические постулаты вюрцбургской школы», к которой примыкал по своим философским взглядам, «с гносеологическими тенденциями неокантианства (Герман Коген)»⁸⁵¹ и потому целую главу посвятил разбору «трансцендентально-логического идеализма»⁸⁵². Исходя из этих сведений, можно предположить, что Виктория Салагова-Палеолог – это Виктория Войтяк, в девичестве Палеолог, первым браком Войтяк, вторым – Салагова, но это предположение нуждается в дополнительных архивных разысканиях. Наверное, из-за начавшейся войны факультет не успел рассмотреть уже представленную Салаговой диссертацию⁸⁵³ и вручить ей докторский диплом.

Что касается фрагмента, опубликованного по-русски, в нем Салагова показывает, что, обратившись к позднему эпистолярному наследию Лейбница (к переписке с де Вольдером, Ремоном, Бейлем и Софией Шарлоттой), она действительно нашла там, «хотя и в отрывочной форме, <...> существенно иное воззрение» на

⁸⁴⁷ Салагова, Трансцендентальный характер учения Лейбница, 3. Впервые о Салаговой и ее брошюре см.: Ванчугов В.В. Женщины в философии (Из истории философии в России XIX – нач. XX вв.). М., 1996. С. 161–162.

⁸⁴⁸ Лосский Н.О. Конкретный и отвлеченный идеал-реализм // Мысль. Пб., 1922. Кн. 1. С. 10.

⁸⁴⁹ Holzhey 1986/II, 164.

⁸⁵⁰ Universitätsarchiv Gießen. Promotionen und Dissertationen: Leroy G.V. Die philosophischen Probleme im Briefwechsel zwischen Leibniz und Clarke. 15.03.1893.

⁸⁵¹ Грузенберг С.О. От редактора // Мессер А. Введение в теорию познания / Авторизов. перев. с нем. А.А. Франковского под ред. С.О. Грузенберга. СПб., 1910. С. 9.

⁸⁵² В рус. изд. см.: Мессер А. Введение в теорию познания. С. 94–113 (Глава VII) и др.

⁸⁵³ В перечне состоявшихся диссертаций она не значится. См.: <http://www.uni-giessen.de/ub/archiv/prom.php>

монаду, «с систематической точки зрения более ценное и важное»⁸⁵⁴. «лейбницевская монада <...> стоит в прямой преемственной связи и наряду с платоновским царством идей и кантовской сферой трансцендентальных понятий»⁸⁵⁵. «Традиционные взгляды на нее <...> усматривают у Лейбница субъективистическую, психологическую и гносеологическую сторону монады <...> и не замечают, что она не только субъект познания, душа, но и *понятие, трансцендентальное обоснование мира вещей*. Соответственно этому, <...> и Бог у Лейбница является не только субъектом познания, но и *высшим трансцендентальным принципом*»⁸⁵⁶. Это исследование Салаговой было безусловно новаторским в русскоязычной философской литературе, в немецкой же отвечало общей тенденции работ марбургских неокантианцев⁸⁵⁷.

Еще одним баденцем с докторской степенью, навестившим Марбург, был *Генрих Эрнестович Ланц*⁸⁵⁸ (1886–1945). Кроме летнего семестра 1912 г.⁸⁵⁹ он провел в Марбурге, вероятно, еще пару семестров: две статьи Ланца, опубликованные в «Логосе» в 1911/12 г.⁸⁶⁰ и в 1913 г.⁸⁶¹, были написаны в Марбурге. Коген считал Ланца своим учеником и был особенно доволен им и Сеземаном во время своего визита в Россию⁸⁶². Известно, что оба выступили с приветственными речами на банкетах в честь его приезда: Сеземан — в Петербурге в богадельне им. М.А. Гинцбурга, Ланц — в Москве в доме у С.И. Щукина⁸⁶³. Вероятно, уже после революции Ланц покинул Россию и обосновался в Америке, где

⁸⁵⁴ Салагова, Трансцендентальный характер учения Лейбница, 3.

⁸⁵⁵ Салагова, Трансцендентальный характер учения Лейбница, 15.

⁸⁵⁶ Салагова, Трансцендентальный характер учения Лейбница, 23.

⁸⁵⁷ См.: *Natorp P. Leibniz und Materialismus, vorgetragen am 24. Oktober 1881*. Hrsg. von H. Holzhey // *Studia Leibnitiana*. 1985. Bd. 17. S. 3–14; *Cassirer E. Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen*. Marburg, 1902; *Görland A. Der Gottesbegriff bei Leibniz: Ein Vorwort zu seinem System*. Gießen, 1907. — (Philosophische Arbeiten. Bd. I. H. 3); *Heimsoeth H. Die Methode der Erkenntnis bei Descartes und Leibniz*. 2. Hälte: Leibniz' Methode der formalen Begründung: Erkenntnislehre und Monadologie. Gießen, 1914. S. 193–334. — (Philosophische Arbeiten. Bd. VI. H. 2).

⁸⁵⁸ О Ланце см.: Флейшман Л.С. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 677–678.

⁸⁵⁹ Б.Л. Пастернак приехал в Марбург учиться на летний семестр 1912 г. и встретился там с Ланцем. См.: *Пастернак Б.Л. Охранная грамота* // Пастернак Б. Избранное в 2-х тт. Т. 2. Проза. Стихотворения. М., 1985. С. 162. Далее цитируется как Охранная грамота с указанием страниц.

⁸⁶⁰ Ланц Г.Э. Философия Рихарда Авенариуса // *Логос*. М. 1911/1912. Кн. 2–3. С. 205–241.

⁸⁶¹ Ланц Г.Э. Вопросы и проблемы бессмертия // *Логос*. М. 1913. Кн. 3–4. С. 249–267.

⁸⁶² Письмо Когена к Наторпу от 30.06.1914 г. (Берлин). См.: *Holzhey* 1986/II, 427.

⁸⁶³ Ермичев, Приезд Германа Когена в Россию, 110–111.

продолжил занятия философией, печатался⁸⁶⁴, получил должность профессора философии и славянских языков Стэнфордского университета.

О его товарище по Марбургскому университету — **Митрофане Петровиче Горбункове** (ок. 1984 — ?) известно в основном только то, что о нем, «Г-ве», рассказал в «Охранной грамоте» Б.Л. Пастернак⁸⁶⁵ и что удалось найти в архиве Марбурга. Он родился в городе Караичеве, в семье гимназического преподавателя древних языков, в 1904 г. окончил Воронежскую гимназию. В Марбурге Горбунков учился не только у Когена и Наторпа, но и у их ученика Карла Хорста (Horst)⁸⁶⁶, защитившего диссертацию по эстетике Плотина (1905) и габилитировавшегося в 1911 г. с работой «Проблема барокко» по специальности «искусствоведение»⁸⁶⁷. Начиная с летнего семестра 1912 г. Хорст как доцент читал в университете курсы по Микеланджело, по архитектуре Ренессанса и барокко, по «Проблеме формы» Адольфа Гильдербранда, о развитии живописного стиля в верхнеиталийской художественной школе, по искусству и нравственности, искусству и религии, об идеализме и натурализме в нидерландском искусстве и др.⁸⁶⁸. Горбунков проучился в Марбурге шесть семестров — с зимы 1911/12 г., планировал, по-видимому, окончить там полный курс, но из-за начавшейся войны как российский подданный был лишен этой возможности⁸⁶⁹, сумел перебраться в Лондон и вернулся в Россию только с началом революции. В 1918 г., будучи сотрудником Наркомата просвещения, он был переведен в Москву, где встретился с Пастернаком⁸⁷⁰ и где впоследствии работал секретарем в какой-то профсоюзной газете московских служащих⁸⁷¹.

Пастернак запомнил «марбургских» Ланца и Горбункова сидящими на террасе кафе «Vetter», излюбленном месте встреч тамошних студентов-философов...⁸⁷²

Появлению Пастернака в Марбурге способствовал **Дмитрий Федорович Самарин** (1890–1921), который «был в городке своим человеком и патриотом Марбурга»⁸⁷³. Впервые он приехал туда

⁸⁶⁴ См.: «Литература».

⁸⁶⁵ См.: Охранная грамота, 162, 182–183 и др.

⁸⁶⁶ См.: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/II, 393.

⁸⁶⁷ *Holzhey* 1986/II, 327, 393.

⁸⁶⁸ См.: *Verzeichnis der Vorlesungen...* SS 1912. S. 61; SS 1913. S. 61; WS 1913/14. S. 63; SS 1914. S. 59.

⁸⁶⁹ *Staatsarchiv Marburg*. Best. 305a, acc. 1950/9. Nr. 480. *Kriegsakten: Allgemeines*. Bl. 35.

⁸⁷⁰ Охранная грамота, 182.

⁸⁷¹ См.: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/II, 391.

⁸⁷² Охранная грамота, 162.

⁸⁷³ *Пастернак Б.Л.* Люди и положения // Пастернак Б. Избранное в 2-х тт. Т. 2. Проза. Стихотворения. М., 1985. С. 252.

в июле-августе 1909 г. — попал в межсеместровый промежуток, перепутав время начала и конца семестров в германских университетах, поэтому не смог даже познакомиться с марбургскими профессорами, но встретил там Гордона, который провел здесь уже свой третий по счету семестр. Марбург Самарину очень понравился: он написал отцу, что «лучшего города для занятий он себе представить не может»⁸⁷⁴. Поэтому в мае следующего, 1910-го, года он вернулся туда, записался в университет, и стал посещать семинары Когена, занимался Кантом и Аристотелем у Гартмана⁸⁷⁵. Именно после его возвращения в Москву и разговора с ним ранней весной 1911 г., у Пастернака созрело решение ехать учиться в Марбург⁸⁷⁶. Последнее посещение Самариным Марбурга оказалось трагичным: осенью 1912 г. он отправился из Москвы в Италию, но попал почему-то в Берлин, затем в Марбург, где он заболел нервным расстройством. Гавронскому, с которым Самарин подружился во время своего предыдущего приезда в Марбург, удалось поместить его в психиатрическую лечебницу, где Самарин оставался вплоть до лета 1913 г., когда родные перевезли его в Россию на долечивание. «Моя Марбургская смерть» — так в письме к Н.С. Трубецкому назовет происшедшее Самарин⁸⁷⁷...

С весны 1911 г. **Борис Леонидович Пастернак** (1890–1960) буквально «гресил» Марбургом: начиная с этого времени он заказывает в библиотеке все основные сочинения Когена, Наторпа и Кассирера и тщательнейше их штудирует⁸⁷⁸. Однако идеи марбургского неокантианства хотя и были востребованы в кружке Самарина, куда входили Сергей Мансуров и Николай («Котя») Сергеевич Трубецкой, знаменитый впоследствии лингвист и евразиец, но основная — славянофильская — тематика их встреч, их поглощенность судьбами православия и народной веры, оставалась далека от Пастернака: в противостоянии «славянофильского» и «западнического» направления в российском философствовании он определенно тяготел ко второму⁸⁷⁹. Поэтому если Самарин в чем и повлиял на Пастернака, то только в самом решении отправиться в Марбург «для серьезных занятий философией»⁸⁸⁰. К Гавриилу Осиповичу («Габриэлю») Гордону за рекомендо-

⁸⁷⁴ Поливанов К.М. Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения [текст]. М., 2006. С. 52.

⁸⁷⁵ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 310. Bl. 582.

⁸⁷⁶ См. подробнее: Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 34–35.

⁸⁷⁷ Поливанов, Пастернак и современники, 57–60.

⁸⁷⁸ Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 29.

⁸⁷⁹ Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 34–35.

⁸⁸⁰ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М., 1997. С. 133.

дательным письмом к Николаю Гартману⁸⁸¹, с книгой которого о «логике бытия» Платона Пастернак познакомился еще в Москве, наверное, в курсе по Платону у Кубицкого⁸⁸², Пастернаку посоветовал обратиться или Сергей Мансуров, или Николай Трубецкой — оба были хорошо знакомы с Гордоном, Гордон давал им уроки в их бытность гимназистами⁸⁸³. А может быть, это был Самарин, который, судя по занятиям в Марбургском университете, ценил Гартмана и знал Гордона? Так, летом 1912 г. Пастернак оказался в Марбурге, где, несмотря на успешные занятия в когеновском семинаре, у него созрело определенное решение расстаться с философией⁸⁸⁴. Однако, по крайней мере, один факт должен заставить исследователя серьезно отнестись к философскому эпизоду в биографии Пастернака. Между двумя выступлениями на семинаре у Когена (1 и 8 июля) и сразу после банкета в честь когеновского семидесятилетия (4 июля 1912 г.) у Пастернака состоялся разговор с Кассирером, о котором Пастернак в 1931 г. рассказал Н.Н. Вильяму-Вильмонт:

Пастернак «затронул вопрос о “модальности” понятий, о их “принципиальной нетождественности” <...> в связи с их “включаемостью” в различные сферы научного и общекультурного сознания. <...> к примеру, понятие времени как “четвертого измерения” отнюдь не исключает иных “модальных” его значений рядом с тем, которое оно обрело в теории Эйнштейна, — скажем, в сфере истории, в качестве “регулирующего понятия об историческом процессе” И, далее, высказал мысль, что, по его разумению, подойти к проблеме, поставленной главою “Марбургской школы”, — проблеме “единства человека”, тем самым и самого понятия Человек, возможно только под углом Sprachphilosophie (иначе герменевтики), критической философской истории языковых образований, опирающейся на анализ “модальности” понятий, отложившихся на протяжении веков в языковом обиходе всего культурного человечества — в его прошлом, настоящем и чаемом будущем. <...>

“Mensch! Da sind Sie ja auf eine philosophische Goldgrube gestossen!” — (Голубчик! Так вы же напали на философскую золотую жилу!) — воскликнул Кассирер. — Беритесь безотлагательно за ее Ausbeutung (разработку)!»⁸⁸⁵.

⁸⁸¹ Пастернак, Борис Пастернак. Биография, 134.

⁸⁸² Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/1, 82.

⁸⁸³ Поливанов, Пастернак и современники, 52; Гордон Г.О. Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. М., 1995. № 1. С. 89 (сн.).

⁸⁸⁴ Подробнейшую реконструкцию «марбургского периода» Пастернака см.: Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/1, 11–138. Историко-философского анализа еще ждут опубликованные в этом двухтомнике философские конспекты и заметки поэта. См. также: Флейшман, От Пушкина к Пастернаку, 380–520.

⁸⁸⁵ Вильмонт Н.Н. О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. СПб., 2006. С. 205–206.

В изложении Вильмонта, как справедливо указывают исследователи творчества Пастернака, мысли Пастернака поразительно перекликаются с идеями, развитыми Кассирером в 20-е годы, в его философии языка, — и потому следует осторожно относиться к точности передачи этого разговора: на пересказ и самого Пастернака, и Вильмонта «могло наложить ретроспективный свет ознакомление» обоих рассказчиков с «Философией символических форм» Кассирера⁸⁸⁶. Запись этого разговора Пастернаком (сохранилась ли она?) могла бы получить, считал Вильмонт, «никак не меньшее значение, чем пресловутый юношеский набросок Гёльдерлина, якобы легший в основу философских систем его однокашников по Тюбингенской богословской семинарии, Шеллинга и Гегеля»⁸⁸⁷...

Прощанием с Марбургом и с философией стало для Пастернака написанное по возвращении в Россию дипломное сочинение на тему «Теоретическая философия Германа Когена» (1913). Эта работа, к сожалению, не сохранилась⁸⁸⁸.

Перед самой войной в Марбургский университет приехал учиться *Анатолий Иванович Сырцов* (8.04.1880 — ?)⁸⁸⁹. Он родился в Тобольске⁸⁹⁰, в семье протоиерея. В 1903 г. Сырцов окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен на год на кафедре психологии для приготовления к профессорскому званию. В 1904—1909 гг. преподавал логику, психологию, начальные основания и краткую историю философии и дидактики в Таврической духовной семинарии и педагогику в различных женских гимназиях Симферополя. В 1912 г. Сырцов окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом первой степени и был оставлен на два года на кафедре философии для приготовления к профессорскому званию. Неизвестно, получил ли он официальную командировку за границу или поехал на собственный счет,

⁸⁸⁶ *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 89. Пастернак определенно мог знать статью-набросок к этому сочинению Кассирера (*Cassirer E. Die Begriffsform im mythischen Denken // Studien der Bibliothek Warburg. 1922. H. 1*). См.: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 89. Вильмонт скорее всего также был знаком с работами Кассирера по философии символических форм, так как в 1920-х годах специально занимался философией марбургского неокантианства в домашнем семинаре Б.А. Фохта. См.: «Очерк третий. 2».

⁸⁸⁷ *Вильмонт*, О Борисе Пастернаке, 206.

⁸⁸⁸ *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 127.

⁸⁸⁹ Сведения биографического характера о А.И. Сырцове получены с официального сайта Пермского государственного университета. См.: [http://www.psu.ru / ?mode=profs&id=142](http://www.psu.ru/?mode=profs&id=142). Информация полученная из других источников ниже оговаривается особо.

⁸⁹⁰ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1950/9. Nr. 480. Kriegsakten: Allgemeines. Bl. 35.

но уже осенью 1913 г. он записался в Марбургский университет на философский факультет⁸⁹¹. Он проучился там всего два семестра и 4 августа 1914 г. из-за начала войны был выслан из Германии⁸⁹².

В 1916 г. в Петербургском университете Сырцов выдержал экзамен на степень магистра и в звании приват-доцента был допущен к чтению лекций по кафедре философии. В том же году он был командирован в Пермь для чтения лекций и проведения практических занятий, с 1917 г. исполнял там обязанности экстраординарного профессора по кафедре философии, а с 23 мая 1918 г. — проректора Пермского государственного университета. По возвращении из эвакуации (июль 1919 — сентябрь 1920 г., Томск) Сырцов состоял профессором кафедры педологии, был деканом (до октября 1923 г.) педагогического факультета, руководил философским семинаром.

В организованном в 1917 г. при Пермском университете Г.В. Вернадским Обществе исторических, философских и социальных наук (ОФИС) Сырцов выступал с докладами, редактировал сборник статей ОФИСа. Текст доклада «Об аналитических суждениях» (1917) лег в основу статьи, опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии»⁸⁹³. В докладе «К вопросу о социальной этике Марбургской школы: по поводу книги Gierland'a» (1922) речь шла об одной из книг Альберта Гёрланда: «Этика как критика истории мира»⁸⁹⁴ или «Новое обоснование этики с точки зрения ее отношения к частным наукам об общности»⁸⁹⁵. Выступление «Памяти В.Э. Крусмана» (1923) было посвящено умершему в 1922 г. ученому-медиевисту, знатоку эпохи Возрождения и Просвещения. Переработанный текст доклада, прочитанного 21 декабря 1924 г., «Логические и гносеологические основы специальной теории относительности» был в 1927 г. опубликован в сборнике ОФИСа. Тематика и методика этой работы безусловно вписывались в общую тенденцию неокантианских исследований 1910–20-х годов (Наторп, Кассирер, Гавронский), в которых философскому анализу были подвергнуты взгляды

⁸⁹¹ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1950/9. Nr. 173. Verzeichnis der immatrikulierten Russen.

⁸⁹² Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1950/9. Nr. 480. Kriegsakten: Allgemeines. Bl. 35.

⁸⁹³ Сырцов А.И. К вопросу об аналитических суждениях // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 139–140. С. 68–88.

⁸⁹⁴ Gierland A. Ethik als Kritik der Weltgeschichte. Leipzig, 1914. Установлено, что эта книга была в его распоряжении в Перми. См.: Сырцов А.И. Пространство и время А. Эйнштейна // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Под ред. А.П. Дьяконова, А.И. Сырцова, Н.П. Обнорского. Вып. 2. Пермь, 1927. С. 23 (сн.).

⁸⁹⁵ Gierland A. Neubegründung der Ethik aus ihrem Verhältnis zu den besonderen Gemeinschaftswissenschaften. Berlin, 1918.

А. Эйнштейна⁸⁹⁶. Еще одна из известных на сегодняшний день философских публикаций Сырцова вышла в следующем выпуске сборника и была посвящена Лейбницу и методологии изучения его системы⁸⁹⁷.

В 1929 г. Сырцов уехал из Перми в Самару, куда его перевели на должность профессора в Средневолжский педагогический институт.

Матвей Исаевич Каган (1889–1937), по-видимому, одновременно⁸⁹⁸ с Сырцовым после шести семестров в Лейпциге, где он учился у Вундта и Фолькельта, и двух — в Берлине, куда он поехал специально ради Когена и Кассирера, приехал в Марбург к Наторпу, чтобы завершить и защитить диссертацию «К истории и систематике проблемы трансцендентальной апперцепции»⁸⁹⁹. В Берлине Коген преподавал в еврейской научной школе и вел занятия у себя на дому. Кассерер читал в Берлинском университете. В том же университете Каган слушал также Рия, Бенно Эрдмана и Зиммеля⁹⁰⁰.

Судьба диссертационной работы Кагана неизвестна, как неизвестно и то, успел ли Каган до начала войны сдать докторский экзамен и представить к защите диссертацию — никаких сведений об этом в марбургских архивах обнаружить не удалось. На второй день войны Каган был арестован, провел два месяца в заключении и за это время написал работу, стараниями Наторпа опубликованную в 1916 г. в журнале «Архив систематической философии»⁹⁰¹. В октябре 1914 г. Каган был освобожден, видимо, под залог, внесенный Кассирером и/или Наторпом, и до весны 1915 г. оставался в Марбурге, откуда, преодолев множество препятствий, опять же не без помощи Наторпа перебрался в Берлин, где о нем заботились Кассирер и Коген и где он зарабатывал на жизнь преподаванием математики в лицее⁹⁰². В это время он написал еще одну

⁸⁹⁶ Сырцов А.И. Пространство и время А. Эйнштейна // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Вып. 2. Пермь, 1927. С. 1–26.

⁸⁹⁷ Сырцов А.И. К методологии изучения философской системы Лейбница // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Вып. 3. Пермь, 1927. С. 239–288.

⁸⁹⁸ Разные источники дают разную информацию. Согласно «Verzeichniss des Personals und der Studierenden» (Marburg, 1914. S. 37), Каган имматрикулировался весной 1914 г., а в «Verzeichnis der immatrikulierten Russen» (Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, ass. 1950/9. Nr. 173) Каган указан дважды — в списках з.с. 1913/14 г. и л.с. 1914 г.

⁸⁹⁹ Каган 2004, 23.

⁹⁰⁰ Каган 2004, 26.

⁹⁰¹ Каган М. Versuch einer systematischen Beurteilung der Religiosität in Kriegszeit // Archiv für systematische Philosophie. Bd. XXII. 1916. S. 31–53. В переводе Ю.М. Каган и В.Л. Махлина см.: Каган 2004, 153–170.

⁹⁰² Каган 2004, 669 (комм.).

статью — «К логике вычислительных операций с негативными числами», о судьбе которой также ничего не известно. В Россию, в родной Невель Каган смог вернуться только в 1917 г. «в качестве обменного пленного»⁹⁰³. На известие о смерти Когена он откликнулся некрологом, который удалось опубликовать, однако, лишь спустя четыре года, в 1922 г.⁹⁰⁴.

Большой популярностью идеи марбургского неокантианства пользовались и среди представителей *русской юридической школы*. В Московском университете ее признанным главой считался П.И. Новгородцев. В 1904 г. он рекомендовал своему ученику **Василию Александровичу Савальскому** (1873—1915) «пребывание в Берлине, Гейдельберге, Галле, Фрайбурге...», в продолжение которого «обратить внимание на курсы, посвященные Канту или стоящие близко к вопросам кантовской философии. В особенности <...> следует послушать Виндельбанда, Риккерта, Штаммлера, Зиммеля»⁹⁰⁵.

Сын священника в станице Михайловской Терской области⁹⁰⁶, Савальский учился некоторое время во Владикавказской духовной семинарии, но, желая продолжить обучение непременно в университете, перешел в гимназию⁹⁰⁷. В 1895 г. он окончил гимназический курс с золотой медалью и поступил в Московский университет на юридический факультет. Студентом третьего курса он написал сочинение на тему: «Учение Спинозы о праве и государстве в связи с его философией» и получил за него золотую медаль. По окончании университета в 1899 г. Савальский был оставлен проф. Новгородцевым для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии и истории философии права. В 1903 г. в мае он выдержал экзамены по истории философии права и по государственному праву, в феврале 1904 г. — по международному праву и прочел пробные лекции на тему: «Понятие солидарности у Огюста Конта»⁹⁰⁸ и «Положение третьего сословия в идеальном государстве Платона»⁹⁰⁹. С 1 января 1905 г. магистрант Савальский был командирован за границу с научной целью⁹¹⁰.

⁹⁰³ Каган 2004, 23.

⁹⁰⁴ Каган М.И. Герман Коген // Научные известия (Академический центр наркомпроса). Сб. 2. М., 1922. С. 110—124. Перепеч.: Каган 2004, 33—44.

⁹⁰⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Ед. хр. 19. Л. 310.

⁹⁰⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 309. Ед. хр. 789. Л. 8.

⁹⁰⁷ Вышеславцев Б.П. Василий Александрович Савальский. [Некролог]. [М., 1915]. <<Отд. оттиск из журнала «Юридический Вестник» 1915 г., кн. IX (III)>>. С. 1.

⁹⁰⁸ Оpubл.: Савальский В.А. Критика понятия солидарности в социологии О. Конта // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1905. Сентябрь. Ч. 361. № 9. Отд. 2. С. 94—106.

⁹⁰⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Ед. хр. 83. Л. 69.

⁹¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Ед. хр. 19. Л. 308.

После первого года своей заграничной командировки, который он действительно провел в Берлине и Фрайбурге⁹¹¹, Савальский отправился как минимум на летний семестр 1906 г. в Марбург, затем — в Галле⁹¹², откуда вернулся в Москву с материалами к диссертации на тему: «Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии. Коген, Наторп, Штаммлер и др.»⁹¹³. Диссертация была опубликована в 1908 г., а спустя два года после ее защиты, в 1910 г., Савальский получил профессию по кафедре государственного права в Варшавском университете. Хотя Н.Н. Алексеев называет Савальского учеником профессора в Галле Рудольфа Штаммлера⁹¹⁴, сам Савальский «в проблеме социальной философии и проблеме права» был «склонен следовать Когену, а не Штаммлеру», а «в решении религиозной проблемы» примыкал «к Наторпу, а не к Когену»⁹¹⁵. Но в данном случае этот вопрос не принципиален: в любом случае Савальский стал *марбургским неокантианцем*. В предисловии к диссертации он со всей категоричностью подчеркивает свою научную ориентированность: «Автор хотел в этом сочинении доказать, что, если вообще необходимо “возвращение к Канту”, то искомый Кант дан не у неохристианцев⁹¹⁶, а в Марбургской школе, и только в ней. Разбирая спор указанных школ, он стремился как можно точнее определить основания научного идеализма Марбургской школы»⁹¹⁷. О тесной связи Савальского с Марбургом говорит и тот факт, что его по-русски написанная диссертация есть в библиотеке Пауля Наторпа, — в той самой библиотеке, которая была продана после смерти scholarха в Японию⁹¹⁸.

По свидетельству Вышеславцева, его университетского товарища и друга, Савальский возвращался в Марбург еще не раз: летом 1910 г. он занимался здесь разработкой курса, посвященного общей части государственного права⁹¹⁹. О Савальском в Марбурге сохранилось и другое воспоминание Вышеславцева, которое по времени следует отнести, видимо, к зимнему семестру 1909/10 г.⁹²⁰:

⁹¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 179. Л. 60.

⁹¹² См.: «Приложение». Письма №№ 1, 2.

⁹¹³ Савальский 1908.

⁹¹⁴ Алексеев, Два года за границей, 142 (прим.). См. также: «Приложение». Письма №№ 2, 4.

⁹¹⁵ Савальский В.А. [Полемика.] Ответ проф. Новгородцеву // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 105. С. 353.

⁹¹⁶ То есть баденцев.

⁹¹⁷ Савальский 1908, III.

⁹¹⁸ См.: Bücherverzeichnis der Bibliothek Paul Natorp. Tokio, 1938.

⁹¹⁹ Вышеславцев, Василий Александрович Савальский, 3. Курс опубл.: Савальский В.А. Государственное право. Общее и русское. Конспект лекций. Варшава. Ч. 1. 1912; Ч. 2. 1913.

⁹²⁰ Датируется по воспоминаниям Н.Н. Алексеева. Согласно Алексееву, в тот год, когда они с Вышеславцевым приехали в Марбург, там «собрался ряд выдающихся

«<...> дело было в Марбурге, в маленьком германском университетском городке, в научном “монастыре”; там жил мой старинный друг, философ и ученый Василий Александрович Савальский, жил и работал, поневоле соблюдая неумолимый ритм германского трудового дня. И вот однажды в серых готических коридорах средневекового университета он знакомится и моментально дружится с молодым испанцем, сеньором дель-Рио Уррути. Все научные работы в библиотеке и лекции тотчас оставляются, покупаются апельсины, вино и сигары и все мы: трое русских, испанец и немец, скованные непонятым влечением и каким-то удивительно поэтическим порывом, отправляемся к Василию Александровичу, который всегда был “атаманом” таких предприятий, в его уютную большую комнату с мягким темно-зеленым диванцем, с массой разбросанных книг и рукописей; неприятно удивленная хозяйка, отличавшаяся непомерным пуританским благочестием, постоянно одетая в черное и думавшая, что мы всегда погружены в научные занятия, молча подает высокие бокалы для рейнвейна. Начинается одна из тех бесед, когда время останавливается в облаках табачного дыма... “совсем, как у нас в Испании”, – говорит сеньор дель-Рио, восхищенный своими русскими приятелями. Это были “поэты жизни”, объединенные тем мудрым легкомыслием, которое составляло очаровательное свойство Сократа и было источником вечных забот и огорчений для Ксантиппы <...>»⁹²¹

По смерти Савальского в 1915 г. остался неопубликованным его труд «Государство как предмет возможного опыта», издание которого планировалось Варшавским университетом⁹²². О судьбе этой работы, идея к написанию которой родилась у него еще в 1906–1907 гг. в Марбурге и Галле⁹²³, ничего, к сожалению, не известно.

молодых людей», среди которых был Фернандо де лос Риос Уррути («дель Рио»), впоследствии профессор университета Гренады, министр юстиции, народного просвещения и иностранных дел Испанской республики в 1931–1933 годах. См.: *Алексеев*, В бурные годы LIV, 159. Из официальных списков слушателей лекций Когена и Наторпа следует, что лос Риос учился в Марбургском университете только з.с. 1909/10 г. См.: Staatsarchiv Marburg. Best. 305 a, acc. 1963/13. Nr. 309. Universitaets-Quaestur Manual Horerlisten pro Winter Semester 1909/10. S. 618, 658. Кроме того, сам Алексеев провел в Марбурге один-единственный семестр – з.с. 1909/10 г. См.: ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 513. Ед. хр. 10736. О лос Риосе см. также: *Флейшман*, От Пушкина к Пастернаку, 679–683.

⁹²¹ *Вышеславцев Б.П.* К.А. Коровин. Личность и творчество. Публик. С.С. Бычкова // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1992. М., 1993. С. 63.

⁹²² *Вышеславцев*, Василий Александрович Савальский, 1.

⁹²³ См.: «Приложение». Письмо № 11.

Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954), окончив одновременно с Савальским также с дипломом первой степени юридический факультет Московского университета (1899)⁹²⁴, поначалу занялся адвокатурой. По некоторым сведениям, в 1902 г. он защитил диссертацию в Лейпциге на тему: «Политика Фридриха Августа II Саксонского, короля Польши, в течение Турецкой войны 1736–39 гг.»⁹²⁵. В том же году разочаровавшегося в адвокатской деятельности и увлекшегося философией Вышеславцева⁹²⁶ Савальский ввел в кружок Новгородцева, и тот взял его на кафедру энциклопедии и истории философии права для подготовки к профессорскому званию. Вышеславцев выдержал магистерские испытания и уехал в командировку за границу (с 1 февраля 1908 г. до середины 1910 г.). «В течение своей командировки, — писал из Парижа осенью 1909 г. Вышеславцев, — я был в следующих городах и слушал лекции следующих профессоров: в Берлине — Рия, Зиммеля, [нрзб], в Мюнхене — Липпса; в Марбурге — Когена, Наторпа, Германа; в Париже — Бутру, Бергсона, [нрзб], Дюркгейма. Предполагаю быть еще в следующих местах и слушать следующих ученых: в Гейдельберге — Йеллинека, Виндельбанда, в Фрайбурге — Риккерта, и в Галле — Штамmlера»⁹²⁷. В Марбурге Вышеславцев провел по меньшей мере часть зимнего семестра 1908/09 г. (а именно — январь и февраль 1909 г.)⁹²⁸ и зимний семестр 1909/10 г.⁹²⁹, о чем он впоследствии вспоминал с большой теплотой: «Зима, снег, <...> иду к Гартману. Он живет наверху у готической церкви, в старом германском домике, где мог бы жить молодой Вертер или Фихте в молодые годы... Комната натоплена хорошо, Гартман всегда дает крепкий кофе, который сам делает. Мы ведем философский диалог... Чудное, тихое время созерцания и мысли»⁹³⁰. Судя по письму Гартмана к Хаймзюту, еще раз Вышеславцев приезжал в Марбург летом 1911 г.⁹³¹

Вышеславцев, «философ права, который подолгу и неоднократно бывал здесь [в Марбурге]»⁹³², хорошо запомнился На-

⁹²⁴ Сапов В.В. «Рахманинов русской философии» // *Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения* / Сост., вступ. ст., комм. В.В. Сапова. М., 2006. С. 4.

⁹²⁵ Holzhey 1986/II, 394 Anm.

⁹²⁶ Алексеев, В бурные годы LIV, 159.

⁹²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 513. Ед. хр. 10746.

⁹²⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 240. Ед. хр. 18. Л. 12–13.

⁹²⁹ Семестр, когда в Марбурге встретились Алексеев, дель Рио и Вышеславцев. См.: Алексеев, В бурные годы LIV, 159; Staatsarchiv Marburg. Best. 305 a, acc. 1963/13. Nr. 309. S. 618, 658.

⁹³⁰ Алексеев, В бурные годы LIV, 159–160.

⁹³¹ Hartmann, Heimsoeth 1978, 61.

⁹³² Письмо Наторпа к Гёрланду от 5.02.1911 г. См.: Holzhey 1986/II, 392.

торпу: марбургский профессор пригласил Вышеславцева принять участие в когеновском юбилейном сборнике.

В результате появилась статья Вышеславцева «Право и мораль»⁹³³. В этом сборнике, кстати сказать, *пять* из двадцати статей принадлежали авторам из России: Гартману, Гавронскому, Буку, Сеземану и Вышеславцеву.

В своей статье для решения проблемы «оправдания государства», остро вставшей в связи с расцветом анархистских теорий и, в частности, учения Льва Толстого⁹³⁴, Вышеславцев предпринимает попытку разрешить сформулированную у Фихте антиномию «моральности» и «законности», «*внутренней свободы*» и «*свободы внешней*»⁹³⁵. Решение он видит в том, чтобы, *отказавшись* от рассмотрения морали и права как «двух противоположных сторон этической задачи, вроде как субъективного и объективного, индивидуального и социального», считать их «*двумя ступенями* в осуществлении идеи добра. *Право*, первая ступень, со всеми ее необходимостями, нашедшими выражение в правовых обязанностях и осуществленными за счет организованных действий через принуждение, открывает обширную область возможностей, которая находится в компетенции субъекта и образует множественность, требующую высшего единства, которое создается на новой ступени, на ступени *морали*»⁹³⁶. Тем самым становится очевидным, что «анархизм совершает ошибку, желая перепрыгнуть ступень права»⁹³⁷.

Эти мысли Вышеславцева были подвергнуты обстоятельному разбору и критике в работе Наторпа «Право и нравственность»⁹³⁸. Дело в том, что Вышеславцев *volens nolens* своей статьей затронул одну из основных проблем Марбургской школы — проблему «*монизма* и «*дуализма*» правового и морального в теориях Г. Когена, с одной стороны, и Р. Штаммлера — с другой»⁹³⁹. В решении этой проблемы Наторп считает необходимым сохранить разделение права и нравственности, но понимает под этим исключительно их «*двусторонность рассмотрения*» в методической перспективе и с точки зрения «последнего закона свободы»⁹⁴⁰. «Различие в ме-

⁹³³ Wischeslavzeff B. Recht und Moral // Philosophische Abhandlungen: Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. S. 190–202.

⁹³⁴ См.: Wischeslavzeff, Recht und Moral, 191–192.

⁹³⁵ Wischeslavzeff, Recht und Moral, 193.

⁹³⁶ Wischeslavzeff, Recht und Moral, 200.

⁹³⁷ Wischeslavzeff, Recht und Moral, 201.

⁹³⁸ Natorp P. Recht und Sittlichkeit: Ein Beitrag zur kategorialen Begründung der praktischen Philosophie. Mit besonderem Bezug auf Hermann Cohens «Ethik des reinen Willens» und Rudolf Stammlers «Theorie der Rechtswissenschaft» // Kant-Studien. 1913. Bd. XVIII. S. 1–79. О Вышеславцеве см. особенно: S. 12–15.

⁹³⁹ Natorp, Recht und Sittlichkeit, 21.

⁹⁴⁰ Natorp, Recht und Sittlichkeit, 12.

тоде», на которое указывает Наторп, состоит в том, что «право, отправляясь от *внешнего*, определяет *внутреннее*», то есть обращается от «периферии», от гетерономного взаимного обязательства нескольких человек, к «центру» безусловного нравственного обязательства, автономии каждой свободной личности. Для нравственности характерно встречное направление «от центра к периферии»: «мораль, напротив, исходя из *внутреннего*, определяет *внешнее*»⁹⁴¹. — По-видимому, именно с таким соотношением права и нравственности и не может согласиться Вышеславцев, но ценит спровоцированную им «попытку» Наторпа, что, кстати, признает и сам Наторп⁹⁴², «наметить систему этических категорий», которая должна быть «принята во внимание при всяких дальнейших исследованиях в этой области»⁹⁴³.

По возвращении в Москву Вышеславцев написал диссертацию «Этика Фихте»⁹⁴⁴, «которая имела большой успех в России и открыла перед ним широкую академическую дорогу»⁹⁴⁵. В библиотеке Фохта сохранился экземпляр этой диссертации с дарственной надписью:

«Дорогому <Борису Александровичу Фохт[у]>⁹⁴⁶ на память о совместной “охоте за истиной” и в залог неразрывной философской дружбы от искренно любящего автора»⁹⁴⁷.

В Гейдельберге и Марбурге Вышеславцева догнал **Николай Николаевич Алексеев** (1879–1964), тоже приват-доцент Московского университета по кафедре истории философии права. В Марбурге з.с. 1909/10 г. Алексеев занимался у Когена в семинаре по «Государству» Платона, у Наторпа — в семинаре по психологии⁹⁴⁸. В это время он познакомился с Сеземаном⁹⁴⁹. В Марбурге же им был написан отчет за первый год командировки, где он обосновывал выбор темы будущей диссертации — «Основы социально-философской системы Карла Маркса» — и ее основные задачи: «1) изучить общий характер социально-философского натурализма, создавшегося под влиянием естественнонаучных познавательных идеалов XVII и XVIII столетий и 2) исследовать, как отразился на по-

⁹⁴¹ *Natorp, Recht und Sittlichkeit*, 15.

⁹⁴² *Ibid.*

⁹⁴³ *Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии.* М., 1914. С. 437 (сн.). Далее цитируется как *Вышеславцев* 1914 с указанием страниц.

⁹⁴⁴ См.: *Вышеславцев* 1914.

⁹⁴⁵ *Алексеев*, В бурные годы LIV, 160.

⁹⁴⁶ В тщательно зачеркнутой — из-за соображений безопасности — дарственной надписи на экземпляре в коллекции Фохта угадывается, тем не менее, имя адресата.

⁹⁴⁷ *Вышеславцев* 1914, 1.

⁹⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 513. Ед. хр. 10736. Л. 2.

⁹⁴⁹ *Алексеев*, Два года за границей, 142.

становке и решении социально-философских проблем переворот, произведенный в общественно-философских вопросах немецким идеализмом»⁹⁵⁰, — и ее методологические принципы. Этот отчет интересен тем, что в нем, во-первых, ясно виден результат предыдущих занятий в Гейдельберге, и, во-вторых, при всей симпатии к неокантианству его автор остается критичным в своем подходе к неокантианским позициям:

«Основной интерес моей научной работы уже несколько лет вращался около вопроса об историческом происхождении и теоретической ценности новейших натуралистических теорий в области общественных наук. Но эти теории, стремящиеся построить общественное знание при помощи естественнонаучных приемов и методов, столь многочисленны и разнообразны, что на изучение их во всем их объеме пришлось бы потратить время, далеко превосходящее двухлетний срок командировки. Поэтому <...> я решил остановиться на теории возможно более философски обоснованной, возможно более универсальной и возможно более последовательной. Мой выбор остановился на системе немецкого социалиста Карла Маркса. Полное оправдание такого выбора может быть дано, разумеется, только в результате моего исследования; однако уже здесь можно упомянуть, что в лице, т<ак> н<азываемого> исторического материализма мы имеем дело с системой, которая в *философском* отношении ведет свою родословную от Гегеля, в *систематическом* — стремится построить цельное мирозерцание на социологической основе и, наконец, в смысле *последовательности* своим односторонним проведением принципов казуальности и необходимости едва ли не превосходит все, что было сделано в этом направлении до нее и после нее. <...>

Избранный мною *исторический* путь изучения марксизма с необходимостью вытекает из свойств изучаемого предмета. Еще Гегелем было установлено мнение, что история философии находится к самому предмету философии в несколько ином отношении, чем это имеет место в других науках. Именно, история принадлежит самому предмету философии и тесно вязана с ним. Можно изучать химию, физику, математику, не зная их истории. Совершенно иное отношение мы наблюдаем в философии, что обуславливается особенностями ее предмета. Предметом философии являются общезначимые, сверхэмпирические ценности, — “мировой разум” в его всеобщих определениях. Однако эти ценности познаются нашим конечным и ограниченным разумом. Поэтому философия может исходить из человеческого сознания и только из него. Но челове-

⁹⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 555. Лл. 239—240. Выписка из журнала Ученого Комитета Министерства народного просвещения от 21 июня 1910 г.

ское сознание – понятие весьма широкое. В каких сферах его мы можем отыскать точку, наиболее удобную для опознания “мирового разума”? Можно искать эту точку в индивидуальном сознании, в психологическом “я”. Можно искать ее, наоборот, *в явлениях культурно-исторического сознания*, пользуясь терминологией Гегеля, в “явлениях объективного духа”. Поскольку современные философы следовали тому или другому из этих направлений, дороги их, как замечает Виндельбанд, разделились. С одной стороны – путь психологизма и антропологизма; с другой – историзма и логицизма. Однако всецело следует предпочесть второй путь. Психологическое сознание совершенно индифферентно к имеющим всеобщее значение ценностям. Для психологии истина имеет такое же право на существование, как и заблуждение; и то и другое она изучает с точки зрения условий, их породивших. На той почве, где ценности равнозначны с тем, что не может иметь никакой ценности, нельзя решить философский вопрос с достаточной удовлетворительностью. Поэтому сверхэмпирическое следует искать не в психологическом сознании, но в культурно-исторических фактах науки, морали искусства. Культурно-историческое сознание, царство “объективного духа”, есть та сцена, на которой разыгрывается философская драма. <...>

Вышеизложенные идеи дали достаточную твердую опору моим стремлениям к историцизму. Уже не без основания я мог утверждать, что задачей ученого, который хотел бы идти в согласии с историческим духом, присущим наукам о культуре, является отнюдь не эзотерическая критика изучаемой им системы, но ее исследование в исторической связи проблем и истин, ею развиваемых, – я бы сказал, *определение ее исторического места*. <...>

Для наших целей в особенности важно учение Декарта об универсальной математике. В этом учении кроется ключ для понимания основных тенденций последующей философии. При этом нужно отвергнуть ту попытку интерпретации этого учения, которая сделана была Cassirer'ом в его книге о Лейбнице⁹⁵¹. Автор хочет сблизить теорию универсальной математики с учением Платона об идеях и гипотезах, понимая при этом последнее в том смысле, какой придал ему Г. Коген. На самом деле, если не увлечься насильственными и произвольными толкованиями текстов, сущность этого учения следует скорее искать в общем натуралистическом характере эпохи, чем в идеализме Платона. <...>

⁹⁵¹ См.: Cassirer E. Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen. Marburg, 1902. Переизд.: Cassirer E. Gesammelte Werke / Hrsg. von B. Recki. Bd. 1: Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen / Text und Anm. bearb. von M. Simon. Hamburg, 1998.

Для решения вопроса о том, был ли Гоббс рационалистом или эмпиристом, так же как и для выяснения взглядов Гоббса на математическое познание, мне более всего дал Cassirer, Erkenntnisproblem etc.⁹⁵² <...>

Система К. Маркса, скажем мы в заключение, есть оригинальный синтез из рационального натурализма и культурного историцизма. В самых общих чертах этот синтез, согласно вышеизложенному, можно характеризовать следующими понятиями:

- А) культурный историцизм
- В) субстанционализм
- С) натурализм

Или, другими словами, система К. Маркса есть культурно-исторический спинозизм, в коем роль субстанции играют общественные отношения между людьми, определяемые “с естественнонаучной точностью”. Я полагаю, что такая характеристика не только определяет “историческое место” марксизма в развитии проблем социальной философии, но и содержит критику его, позволяющую видеть, куда должно идти дальнейшее развитие этих проблем. Marburg a<n> d<er> L<ahn>, Februar, 1910»⁹⁵³.

Диссертация, которую Н.Н. Алексеев защитил в Московском университете по приезде из заграничной научной командировки, называлась «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук» и была посвящена «механической теории общества» — «историческому материализму»⁹⁵⁴.

О том, к какому из неокантианских направлений он в результате примкнул, Алексеев писал так: «Я многому научился в Марбурге, но не вошел в “марбургскую школу”, как вошел Вышеславцев и Савальский; не вошел и в школу гейдельбергскую <...> Я стремился, заимствуя много у иностранцев (в частности, от немцев), создать собственную русскую национальную философию»⁹⁵⁵.

⁹⁵² См.: Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Bd. 2. Berlin, 1907. Переизд.: Cassirer E. Gesammelte Werke / Hrsg. von B. Recki. Bd. 3: Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Bd. 2. / Text und Anm. bearb. von D. Vogel. Hamburg, 1999. S. 36–56.

⁹⁵³ ЦИАМ. Ф. 413. Оп. 513. Ед. хр. 10736. Отчет командированного Министерством народного просвещения за границу с ученой целью приват-доцента Московского университета Н.Н. Алексеева за 1909 год.

⁹⁵⁴ Алексеев Н.Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. 1. Механическая теория общества. Исторический материализм // Ученые записки Московского университета. Юридический факультет. Вып. 38. М., 1912.

⁹⁵⁵ Алексеев, Два года за границей, 146. Эти слова писались спустя много лет после отъезда из Марбурга, когда их автору многое виделось сквозь призму его последующего *евразийства*.

И все же, как ученый, Алексеев с воздухом Марбурга впитал ту строгую научность и научную принципиальность, которая стала для него образом жизни и мыслей. Много лет спустя, в эмиграции, полемизируя с Бердяевым по вопросу об общественной миссии философии, Алексеев писал о Марбурге: «Как бы мы ни относились к западной философии, но нельзя без особо радостного чувства вспоминать о духовной жизни отдельных немецких философских школ, об этих маленьких университетских городах, в которых жила еще старая “туманная” Германия эпохи великих философских систем прошлого века»⁹⁵⁶.

Александр Ливериевич Саккетти (1881–1966), в своих философских взглядах представлявший Петербургскую юридическую школу, тоже не избежал влияния идей марбургского неокантианства. Хотя в своем «Curriculum vitae» (1914) Саккетти указал только поездку в Гейдельберг⁹⁵⁷, он побывал, однако, и в Марбурге: на лекции Когена по истории новой философии и Наторпа по логике, читанные летним семестром 1910 г., записан студент по фамилии «Sacchetti»⁹⁵⁸. — Именно таким образом транслитерировал свое имя Саккетти, чему подтверждением служит его подпись «с сердечнейшим приветом» под обоими — официальным и дружеским — поздравительными письмами Паулю Наторпу, которые были написаны и отправлены ему его русскими учениками (и учениками его учеников!) 28 мая 1924 г. по поводу его семидесятилетия⁹⁵⁹. По возвращении в Россию Саккетти «принимал участие в занятиях кружка философии права проф. Л.И. Петражицкого, членом которого состоял, а также участвовал в практических занятиях академика А.С. Лаппо-Данилевского (теоретическая философия Канта и Гегеля и практическая философия Канта)»⁹⁶⁰, то есть идейно питался сразу из двух методологически разных «источников» — позитивистского психологизма, представляемого Петражицким, и неокантианства с баденским уклоном Лаппо-Данилевского. Ему, между тем, принадлежит в целом положительная рецензия на «марбургскую» диссертацию Савальского, в которой Саккетти демонстрирует глубокие знания когеновской философской системы⁹⁶¹, а также один из первых в России откликов на известие

⁹⁵⁶ Алексеев Н.Н. Об идее философии и ее общественной миссии // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. СПб., 1994. С. 390.

⁹⁵⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 96.

⁹⁵⁸ Staatsarchiv Marburg. Best. 305a, acc. 1963/13. Nr. 310. Bl. 513, 715.

⁹⁵⁹ Опул.: Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/II, 388–393.

⁹⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 96.

⁹⁶¹ Саккетти А.Л. [Рец.:] В.А. Савальский. Основы философии права в научном идеализме // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. СПб. 1909. Ч. XXI, май. С. 178–185. См. подробнее: «Очерк второй. 2».

о смерти Когена (4 апреля 1918 г.) — статья «Обоснование систематического идеализма. Философия Германа Когена»⁹⁶².

Про *Евгения Ивановича Боричевского* известно только, что он окончил в 1910 г. историко-филологический факультет Московского университета по философскому отделению с дипломом первой степени и что зимний семестр 1909/10 г. провел за границей⁹⁶³. Но где? В Марбурге у Когена и Наторпа, в Мюнхене у Липпса или во Фрайбурге у Йонаса Кона? С одной стороны, факт его дружеских отношений с Фохтом, Гордоном и другими московскими неокантианцами, а также участие в их «переводческой кампании»⁹⁶⁴ говорит «за» Марбург. Но, с другой стороны, в статье, написанной им в первые годы Советской власти в Минске, где он, видимо, преподавал философию в Белорусском государственном университете, речь идет не только и не столько о неокантианских сюжетах — в ней дается более или менее широкая панорама современных эстетических концепций, правда, с превалированием баденской проблематики⁹⁶⁵. Настораживает также его характеристика Когена только как «комментатора Канта»⁹⁶⁶...

«Белые пятна» в биографии *Бориса Валентиновича Яковенко* (1884—1949)⁹⁶⁷ не позволяют определенно утверждать факт его ученичества в Марбурге. Но опубликованные в последние годы теоретические работы (заново или впервые) и особенно письма ученого дают все основания для такого предположения. Его визитной карточкой в истории отечественной философской мысли стала статья «О теоретической философии Германа Когена», появившаяся в первом номере нового философского журнала «Логос»⁹⁶⁸ и поражающая обстоятельностью изложения. Яковенко называет систему Когена «философским событием первостепенной важности» и призывает «философствующую Россию» «к уяснению роли, значения и ценности» этой системы⁹⁶⁹. Во время Первой мировой войны в период наивысшего разгула национализма и шовинизма во всех воюющих странах Яковенко в письме

⁹⁶³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 1009. Л. 2, 4.

⁹⁶⁴ См.: *Христиансен Б.* Психология и теория познания. Пер. Е.И. Боричевского под ред. Б.А. Фохта. М., 1907.

⁹⁶⁵ *Боричевский Е.И.* О природе эстетического суждения. Минск, 1923. <<Оттиск статьи, помещенной в «Трудах Белорусского государственного университета». № 4—5>>.

⁹⁶⁶ *Боричевский*, О природе эстетического суждения, 4.

⁹⁶⁷ *Ермичев А.А.* О неокантианце Б.В. Яковенко и его месте в русской философии // Яковенко 2000, 14.

⁹⁶⁸ *Яковенко Б.В.* О теоретической философии Германа Когена // Логос. 1910. Кн. 1. С. 199—249. Перепеч.: Яковенко 2000, 424—472.

⁹⁶⁹ Яковенко 2000, 424—426.

Шпету от 21.01.1915 г. писал: «Я ни за кого не поручусь: ни за Риккерта, ни за любого другого немца. Верно только, что Коген никогда не станет говорить глупостей и пошлостей, никогда “не потеряет головы” И потому именно, что слишком сильна в нем школа великого немецкого идеализма»⁹⁷⁰. По-видимому, можно рассматривать эти факты как свидетельство личного знакомства Яковенко с Когеном⁹⁷¹.

Среди учеников Когена и Наторпа исследователи называют также Д.М. Койгена, А.С. Гурлянда и А.Д. Коральника⁹⁷².

О *Давиде Койгене* (15(27).10.1877 — 7.03.1933) известно, что он родился в Старокопанинине (деревня Вахновка или Вашняки). В 1892 г. окончил гимназию в Немирове. С ноября 1895 г. изучал философию в Берне, где в 1900 г. сдал докторский экзамен и защитил диссертацию на тему: «К предыстории современного философского социализма в Германии: к истории философии и социальной философии младогегельянства»⁹⁷³. Эксматрикулировался в апреле 1902 г., с мая 1902 до декабря 1903 г. учился на юридическом факультете университета Цюриха. До 1913 г. работал частным преподавателем в Мюнхене и Берлине. С 1913 г. жил в Петербурге, сотрудничал в газете «Дни». В 1918—1923 гг. — профессор в Киевском университете. В 1923 г. уехал в Берлин, где в 1925 г. основал журнал социологии, философии истории и культуры «Ethos»⁹⁷⁴. С 1928 г. — почетный профессор Гамбургского университета⁹⁷⁵. Автор множества публикаций на немецком языке по философии культуры и социологии. По своим общественно-политическим взглядам принадлежал к социал-демократическим кругам, сотрудничал с Э. Бернштейном и К. Каутским. Можно, пожалуй, назвать только три его публикации, имеющие непосредственное отношение к Марбургской школе: критический разбор социально-философских взглядов Наторпа (1904)⁹⁷⁶, рецензию на когеновскую

⁹⁷⁰ Шпет в Геттингене. Публ., предисл. и комм. И. Чубарова // Логос. 1992. № 3 (1). С. 252.

⁹⁷¹ Того же взгляда придерживается и И.М. Чубаров. См.: Шпет в Геттингене, 261 (комм.).

⁹⁷² См.: *Флейшман*, Борис Пастернак в двадцатые годы, 256; *Взыскующие града*, 482 (комм.).

⁹⁷³ *Koigen D.* Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland: zur Geschichte der Philosophie und Socialphilosophie des Jugendhegelianismus. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Bern. Bern, 1901.

⁹⁷⁴ См.: *Ethos*. Vierteljahresschrift für Soziologie, Geschichts- und Kulturphilosophie. 1. und 2. Jg. In 2 Bände. Karlsruhe, 1925—1927. — IV, 557 S. + IV, 485 S.

⁹⁷⁵ Universität Zürich. Nr. 13789.

⁹⁷⁶ *Койген Д.* Социальная философия с точки зрения платоно-кантовского идеализма. См.: «Очерк первый. 5.2».

«Этику чистой воли» (1905)⁹⁷⁷, где Койген раскрывает стремление Когена рационалистически обосновать культуру, и статью о религиозно-философском учении Германа Когена⁹⁷⁸ с кратким изложением его основных общефилософских идей (1910).

Об *Ароне Гурлянде* (1880(1) — ?) удалось найти еще меньше информации. Он родился в Вильно, учился в Бернском университете з.с. 1899/1900 г. и с л.с. 1904 г. по л.с. 1906 г.. Время с 1900 по 1904 г. он провел, по-видимому, в Гейдельберге⁹⁷⁹. В 1915 г. «по следам» когеновского путешествия по России он опубликовал книгу, посвященную разбору философских взглядов Когена на еврейство⁹⁸⁰.

А.Д. Коральник был безусловно лично знаком с Когеном⁹⁸¹, но это знакомство состоялось, видимо, уже не в Марбурге, а в Берлине, куда Коген уехал после выхода на пенсию. В неокантианской литературе Коральник известен только двумя небольшими заметками: рецензией на книгу о философии фикционализма Ханса Файхингера в «Логосе», присланной автором в журнал из Вены⁹⁸², и очерком о Германе Когене, приуроченным к его приезду в Россию⁹⁸³.

У Н.Н. Алексеева есть упоминание еще об одном приверженце марбургского неокантианства — о *И.А. Карабегове*, «старом члене Новгородцевского кружка и серьезном философе Марбургской школы», происходившем «из достаточной армянской семьи», который в 1915–1916 гг. жил в Тифлисе как «свободный ученый» и работал «над какой-то философской книгой»⁹⁸⁴.

Марбургский университет притягивал к себе молодых ученых со всей Европы. В то время, когда в Марбург поехали российские студенты, там учились европейцы, впоследствии составившие гордость философии своих стран. Кроме уже упомянутых Касси-

⁹⁷⁷ *Koigen D. Hermann Cohen als rationalistischer Kulturbegründer // Dokumente des Sozialismus: Hefte für Geschichte, Urkunden und Bibliographien des Sozialismus / Hrsg. von E. Bernstein. Bd. V. Berlin, 1905. S. 172–177.*

⁹⁷⁸ *Койген Д.М. Платоно-кантовский юдаизм: (К характеристике религиозно-философского учения Германа Когена) // Еврейский мир. Трехмесячный ж.-л. 1910. Кн. 2–3. С. 19–41.*

⁹⁷⁹ *Universitätsarchiv Bern. Studierende 1834 – 1914. Gurland Aron. Nr. 9155, 11857, 13343.*

⁹⁸⁰ *Гурлянд А.С. Герман Коген и его философское обоснование еврейства: Критический очерк. Петроград, 1915.*

⁹⁸¹ *Коральник А.Д. Пафос разума. О Германе Когене // Русская мысль. 1914. Кн. VI. С. 30.*

⁹⁸² *Коральник А.Д. [Рец.:] Vaihinger H. Die Philosophie des Als-Ob. Berlin, 1911 // Логос. 1911–1912. Кн. 2–3. С. 295–296.*

⁹⁸³ *Коральник, Пафос разума, 30–33.*

⁹⁸⁴ *Алексеев, В бурные годы LVII, 195.*

рера, Хаймзюта, Татаркевича, де лос Риоса, в течение з.с. 1906/07 г. и л.с. 1907 г. в Марбургском университете слушал лекции Когена Хосе Ортега-и-Гассет. В следующий раз он приехал в Марбург в 1909 г. и впоследствии возвращался сюда не раз на время отпуска, тесно общался с Когеном, Наторпом и его учениками, принимал деятельное участие в появлении когеновской «Эстетики чистого чувства»⁹⁸⁵.

В Марбурге российские неофиты окунались в живую научную работу, атмосферу творчества философской мысли. Можно сказать без преувеличения, что Марбургский университет был философской «Меккой» российского студенчества первых предвоенных лет XX в.

«Марбургское направление покоряло <...> двумя особенностями. Во-первых, оно было самобытно, перерывало все основания и строило на чистом месте. Оно не разделяло ленивой рутины всевозможных “измов” <...>. Не подчиненная терминологической инерции Марбургская школа обращалась к первоисточникам, т. е. к подлинным распискам мысли, оставленным ею в истории науки. <...> Марбургскую школу интересовало, как думает наука в ее двадцатипятивековом непрекращающемся авторстве, у горячих начал и исходов мировых открытий. В таком, как бы авторизованном самой историей, расположении философия вновь молодела и умнела до неузнаваемости, превращаясь из проблематической дисциплины в исконную дисциплину о проблемах, каковой ей надлежит быть.

Вторая особенность Марбургской школы прямо вытекала из первой и заключалась в ее разборчивом и взыскательном отношении к историческому наследию. <...> Однородность научной структуры была для школы таким же правилом, как анатомическое тождество исторического человека. <...> На историю в Марбурге смотрели в оба гегельянских глаза, т. е. гениально обобщенно, но в то же время и в точных границах здравого правдоподобья. <...>

Обе эти черты самостоятельности и историзма ничего не говорят о содержании Когеновской системы. <...> Однако обе они объясняют ее притягательность. Они говорят о ее оригинальности, т. е. о живом месте, занятом ею в живой традиции для одной из частей современного сознания»⁹⁸⁶.

Подчеркивая особую ценность Марбургской школы в ее историчности и систематичности⁹⁸⁷, Яковенко признавал «за системой

---

⁹⁸⁵ Sieg 1994, 222.

⁹⁸⁶ Охранная грамота, 156–157.

⁹⁸⁷ Яковенко Б. В. О современном состоянии немецкой философии. Обзор // Логос. 1910. Кн. 1. С. 258.

Когена» будущее: «Как система чистого и абсолютного бытия, она хранит вековую философскую традицию, зачатую Платоном, через Декарта, Лейбница переданную Канту и воплощенную позднее в онтологической системе Гегеля. Как система чистого и абсолютного познания, она ориентируется на науку, этом главном и наиболее чистом от всяких психологических примесей предмете философии, что гарантирует ее от посторонних философии влияний»⁹⁸⁸. — То есть в Марбургской школе было все то, что не могли найти в учениях русских философов молодые российские интеллектуалы.

Савальский настаивал, что притягательность неокантианства объясняется не только причинами российского масштаба, но проблемами всей современной философии, с которыми столкнулась мысль на рубеже веков:

«Научно-философское сознание в течение последнего полувека разрабатывало свои понятия под преимущественным влиянием англо-французского позитивизма, или делало построения в духе метафизики послекантовского идеализма. И то, и другое направление оказалось, однако, бессильным удовлетворительно разрешить очередные задачи своего времени. Этими задачами были не столько вопросы чистого знания, вопросы чистого естествознания, значение которых не всегда ясно для ближайших интересов людей, и к которым, поэтому, различные круги и группы общества остаются довольно равнодушными, сколько вопросы культуры, вопросы, около которых затрагиваются интересы власти, собственности, социального значения, влияния и проч., вопросы, около которых подымаются все страсти человеческой природы и объективное, научное решение которых представляет совершенно особые трудности. Научное решение этих вопросов, составляющих пламенеющий пункт европейской культуры, является проблемой общественных наук, проблемой социальной философии, проблемой науки права и государства. <...>

Перед научной философией стояла таким образом труднейшая задача — дать такое философское построение, в котором были бы устранены недостатки позитивизма и метафизического идеализма и, тем не менее, разрешены очередные задачи времени. <...>

Таким образом, возвращение к Канту с самого начала определялось не как ссылка на непреерекаемый авторитет, а как задача преобразования Канта согласно духу новейшего времени. Один из видных вождей неокантианского движения, известный гейдельбергский профессор Виндельбанд очень удачно формулировал эту задачу философии, сказав, что «понять Канта — значит выйти за

⁹⁸⁸ Яковенко, О современном состоянии..., 266–267.

Канта”, <...> то есть Кант постулировался как школа философского мышления, которая должна дать лишь основы и общее направление, то есть методы, точки зрения, которые и должны быть затем приложены к разработке проблем, выдвинутых нашим веком и нашим временем»⁹⁸⁹.

Из этих свидетельств русских марбургцев со всей очевидностью следует, что российские студенты ехали к Когену и Наторпу не в поисках «мудрости» и не с «психологией паломников», ими руководил не «религиозный пафос» «философского исповедания», как это пытались представить их старшие и младшие современники — религиозные мыслители⁹⁹⁰. Русские неокантианцы видели в Марбургской школе *научную школу*⁹⁹¹, фундированную богатой интеллектуальной традицией, то есть такую школу, в которой нуждается любой ученый для последующей успешной научной деятельности независимо от сферы приложения своих творческих усилий — будь то физика, филология или философия.

2. Русская «университетская философия», «религиозная философия» и неокантианство во взаимовлияниях и контroversах

Молодые интеллектуалы Серебряного века, русские неокантианцы, возвращались в Россию, полные надежд и высоких устремлений. Учеба у марбургских схолархов дала им не только искомую систему философского знания, мощный и вместе с тем гибкий научный инструментарий и необходимое для самостоятельных научных занятий знание новейшей философской проблематики. Они ехали домой, воодушевленные просветительской идеей распространения в России начал современной *интернациональной научной философии*, то есть философии как *науки*, и «воспитания прочной философской традиции»⁹⁹² методологического скептицизма.

Для решения этих непростых задач нужны были самые активные действия по нескольким направлениям: *во-первых*, реализация собственного научного потенциала — в рамках академической карьеры или вне стен университета — через «изучение тех источников фило-

---

⁹⁸⁹ Савальский 1908, 6–7.

⁹⁹⁰ См.: Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Репринт. переизд. 1983 г. Париж — Киев, 1991. С. 484–485.

⁹⁹¹ См. подробнее: «Очерк второй. 3».

⁹⁹² Яковенко Б.В. О задачах философии в России (1910) // Яковенко 2000, 655.

софии, которые знаменуют собою ее самостоятельное развитие»⁹⁹³, и написание собственных работ, посвященных «отдельным учениям как классиков, так и современных течений»⁹⁹⁴; во-вторых, повышение общего уровня философствования через «журнал, создающий систематически тесную связь между русской философствующей публикой и современной философией Запада»⁹⁹⁵, и через преподавание основ философии как «независимой и научной философской дисциплины»⁹⁹⁶ для молодежи — гимназистов и студентов; в-третьих, «систематический выпуск произведений классиков и главнейших представителей современности в хорошем переводе»⁹⁹⁷, а также — переводов комментирующих и разъясняющих изложений к важнейшим философским трудам.

Что касается *первого* направления в деятельности русских неокантианцев, то ситуация, сложившаяся как в академической среде, так и в среде так называемой философствующей общественности, ни в коей мере не способствовала быстрому и органичному раскрытию их философского таланта. Увлечение неокантианскими идеями воспринималось и старшим поколением профессоров, и религиозными мыслителями как странная и сомнительная причуда, как опасно-подозрительная «ересь» западнически настроенной молодежи.

«В академической философии Московского университета был прежде кодекс приличий: преследовался всякий привкус неокантианства; философы, интересующиеся Когеном и Риккертом, рисковали: не быть оставленными Трубецким и Лопатиным»⁹⁹⁸.

Действительно, если сравнить два университета — Московский и Петербургский, то становится очевидным, что отношение к неокантианцам в Московском университете было гораздо более враждебное. В Петербурге возглавлял Петербургское философское общество и занимал кафедру философии симпатизирующий неокантианству А.И. Введенский, его преемником на кафедре стал неокантианец И.И. Лапшин, там же на историко-филологическом факультете работал А.С. Лаппо-Данилевский... Но и в Петербурге у студентов, вернувшихся из Марбурга и других неокантианских центров, было много оснований для беспокойства за свою научную судьбу. Так, в 1910 г. Риккерт делился с Зибекем полученными от «профессора Кистяковского из Москвы» сведениями о его ученике Сергее Гессене: журналом «Логос» Гессен «озлобил и сде-

---

⁹⁹³ Яковенко 2000, 658.

⁹⁹⁴ Яковенко 2000, 659.

⁹⁹⁵ Там же.

⁹⁹⁶ Яковенко 2000, 660.

⁹⁹⁷ Яковенко 2000, 659.

⁹⁹⁸ Белый А. Собрание сочинений: Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 313.

лали своими врагами множество пожилых профессоров <...>. И теперь, именно потому, что он мой ученик, у него будут трудности с докторской защитой в Петербурге»⁹⁹⁹. И все же можно сказать, что у *петербургских* марбуржцев и баденцев академическая жизнь шла обычным порядком: Сеземан, Гессен, Болдырев, Саккетти, Вейдеман (?), Сырцов, — все они по возвращении из Германии получили приват-доцентуру в Петербургском университете.

К 1905—07 гг. — времени, когда начинается свой отсчет история русского неокантианства, расстановка философских сил на историко-филологическом факультете *Московского* университета (именно об этом университете пойдет далее речь) оказалась следующей. Безусловно выдающимся ученым и талантливейшим педагогом был Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905) — первый выборный ректор *Московского* университета, блестящий специалист по истории древней философии, литературы и религии. Вплоть до своей внезапной кончины 29 сентября (ст. ст.) 1905 г. Трубецкой читал в университете курсы лекций и вел у себя на дому философский семинар, из которого вышел ряд будущих неокантианцев: Фохт, Кубицкий, Поливанов¹⁰⁰⁰ и, по-видимому, Гордон¹⁰⁰¹. И это несмотря на то, что сам Трубецкой неокантианство не жаловал. Интерес к древнегреческой философии, инспирированный Трубецким и подкрепленный занятиями у Когена и Наторпа в *Марбургском* университете, Фохт пронесет через всю жизнь и реализует в своих поздних работах, посвященных Аристотелю¹⁰⁰². Кубицкий в 1910-х годах как приват-доцент будет вести в *Московском* университете семинар по древней философии¹⁰⁰³ и прославится как переводчик Аристотеля. В первые годы Советской власти Поливанов также выступит с исследованием об Аристотеле¹⁰⁰⁴. Гордон хотя и не сможет реализовать свой философский талант, но будет всемерно способствовать переводческой работе Фохта¹⁰⁰⁵ и делу философского просвещения¹⁰⁰⁶.

---

⁹⁹⁹ См.: *Крамме Р.* «Творить новую культуру» — «Логос» 1910 — 1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 124.

¹⁰⁰⁰ *Давыдов*, Из прошлого, 17.

¹⁰⁰¹ В уцелевшем фрагменте мемуаров Гордон упоминает С.Н. Трубецкого среди своих университетских преподавателей. Блестящее знание Гордоном античной философии и древнегреческого языка наводит на мысль о дополнительных занятиях у Трубецкого. См.: *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 85.

¹⁰⁰² См.: «Очерк третий. 2».

¹⁰⁰³ *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 16.

¹⁰⁰⁴ *Поливанов М.П.* Основные задачи логики Аристотеля // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. II. Ярославль. 1923. С. 1—10. К сожалению, о других философских работах Поливанова ничего не известно.

¹⁰⁰⁵ См.: «Приложение».

¹⁰⁰⁶ См.: «Очерк третий. 3».

После кончины С.Н. Трубецкого философия в Московском университете осталась всецело на попечении Льва Михайловича Лопатина, председателя Московского психологического общества и редактора журнала «Вопросы философии и психологии», и приехавшего в 1907 г. из Киева возглавить в университете кафедру философии Георгия Ивановича Челпанова, впоследствии основателя в Москве Психологического института (1912).

О том, что в научном смысле представляли собой эти два весьма уважаемых в обществе профессора, сохранилось немало отзывов современников. Одно из самых остроумных принадлежит Гордону: «Трагедия московской философии в том, что она представлена огромным талантом, но в то же время и потрясающей ленью, с одной стороны¹⁰⁰⁷, и огромной бездарностью, но потрясающей деловитостью — с другой»¹⁰⁰⁸.

Андрей Белый в своих воспоминаниях о трех годах (1904—1907), проведенных им на историко-филологическом факультете, подтверждает эту характеристику: Лопатин «Когена и Риккерта знал <...> лишь в пересказе профессора права, Хвостова; <...> Хвостов, дилетант в философии, старому, опытному, философскому “козлищу” свой итог чтения передавал на прогулках, а “козлице”, чтящее Лейбница, Лотце, Владимира Соловьева, остервенялось, ознакомляясь с ходом мысли философов: Когена, Риккерта, Наторпа»¹⁰⁰⁹. — Лопатин сам летом 1908 г. рассказывал М.К. Морозовой об этих беседах с В.М. Хвостовым: «Когда речь заходит о Когене, в мирном единомыслии стараемся общими силами прорвать злокозненную паутину его диалектики»¹⁰¹⁰...

«Искушенность» Челпанова в вопросах неокантианской (и не только неокантианской) философии была не менее поразительной, чем лопатинская. Гордон припоминал, как однажды Челпанов посетовал: «Пробовал я его [Когена], знаете ли, читать, да вижу, что ничего не понимаю. Я и отложил его до поры, до времени: подожду, пока появятся сочинения о нем, да тогда и сам, пожалуй, напишу. Ведь я так сделал и с эмпириокритицизмом, — добавил он с великолепной откровенностью, — когда вышла “Критика чистого опыта” Авенариуса. Ровно ничего я в ней не понял. А потом, гляжу, появились о нем книги Петцольда, Карстаньена и других. Тут я и сам написал свою статью о нем»¹⁰¹¹.

¹⁰⁰⁷ То есть, Л.М. Лопатиным.

¹⁰⁰⁸ То есть, Г.И. Челпановым. См.: Гордон, Из воспоминаний о Челпанове, 85.

¹⁰⁰⁹ Белый, Начало века, 382.

¹⁰¹⁰ «Наша любовь нужна России...». Переписка Е.Н. Трубецкого и М.К. Морозовой. Вступ. ст., сост., публик. и комм. А. Носова // Новый мир. 1993. № 9. С. 228. (Прим. № 50).

¹⁰¹¹ Гордон, Из воспоминаний о Челпанове, 87. У Челпанова вышли две работы, посвященные Авенариусу: Челпанов Г.И. Обзор новейшей литературы по теории по

Степун только подтверждает правдивость этого признания, переданного Гордоном: «Несчастьем были иные выступления популярного Челпанова, дельного профессора, но малоталантливого мыслителя. Относительно хорошо владея своими старыми мыслями, он решительно не понимал чужих и новых»¹⁰¹²...

Лопатин и Челпанов — это были лучшие в те годы философские силы Московского университета! Поэтому для студентов, всерьез увлеченных философией, поездки в европейские университеты были отнюдь не роскошью, а насущной необходимостью.

И хотя после 1906—1907 гг. «позицию нетерпимости сдали»¹⁰¹³, радикально ситуация не изменилась. Степун, вернувшийся из-за границы тремя годами позже, никакого движения в Московском университете навстречу новейшим научным идеям и теориям в области философии, как ни старался, не обнаружил:

«Несмотря на то, что его [Лопатина] представление о неокантианских течениях в немецкой философии было весьма приблизительным, его отрицание этих течений было весьма определенным. Я ушел от него с чувством, что Историко-филологический факультет, “Психологическое общество” и редакция “Вопросов философии и психологии” были в глазах Лопатина некою вотчиною, в которой им искони заведены определенные порядки, не нуждающиеся ни в каких заморских новшествах. <...> После ряда дальнейших встреч с ним и его коллегами по факультету, Г.И. Челпановым, юристом В.М. Хвостовым и другими “стариками”, я невольно стал задумываться над мыслью, что в России, быть может, правильнее заниматься философией вне университетских стен»¹⁰¹⁴.

Поэтому неудивительно, что академическая карьера у многих *московских* неокантианцев не сложилась: Фохт и Топорков из-за конфликта с Лопатиным были «отлучены» от Университета¹⁰¹⁵; отношения Гордона и Челпанова тоже складывались непросто и совершенно испортились к моменту окончания Гордоном курса на историко-филологическом факультете. Как вспоминал Гордон, «особых симпатий он [Челпанов] ко мне не питал с самого начала уже потому, что я был учеником несимпатичной ему Марбургской школы, философии которой он совершенно не пони-

знания (1890—1898): Авенариус и его школа. Киев, 1898. <<Оттиск из «Известий Киевского университета». 1898. № 10. С. 115—158>>; он же. Авенариус и его школа (Обзор литературы) // Труды Психологической семинарии при университете Св. Владимира. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1904. С. 1—42.

¹⁰¹² Степун, Бывшее и несбывшееся, 207.

¹⁰¹³ Белый, Воспоминания о Блоке, 314.

¹⁰¹⁴ Степун, Бывшее и несбывшееся, 151.

¹⁰¹⁵ Белый, Начало века, 384; он же, Между двух революций, 271—272. О Фохте см. подробнее: «Очерк третий. 2».

мал»¹⁰¹⁶. Челпанов отказался «оставить» Гордона для подготовки и сдачи магистерских экзаменов, несмотря на диплом первой степени и серебряную медаль за курсовое сочинение. Так закончилась, едва начавшись, академическая карьера Гордона. Степун сам предпочел деятельность «свободного художника».

Больше повезло Кубицкому, Савальскому, Алексееву и Вышеславцеву. Наверное, потому что специализацией Кубицкого была не теоретическая философия, а древняя филология; Савальский же, Вышеславцев и Алексеев не имели отношения к «вотчине» Лопатина, — они были выпускниками юридического факультета и защищали диссертации по кафедре энциклопедии и истории философии права, где работал кн. Е.Н. Трубецкой, отличавшийся от своих коллег, Лопатина и Челпанова, тем, что «вечно» стремился «честно понять, осознать, подойти к противоположным и далеким воззрениям, разобрать их, осмыслить» без «той глупой усмешечки», которой встречали молодых неокантианцев другие московские профессора¹⁰¹⁷.

Первая же «неокантианская» диссертация, защищенная в Московском университете, и вообще *первое русскоязычное монографическое* исследование о Когене и Марбургской школе принадлежало перу Савальского. Савальский поставил себе задачей «ввести этику Когена в оборот русской научной мысли» и выяснить, с одной стороны, «отношение этой системы к позитивной и эмпирической социальной философии, к солидаризму Конта и психологизму Петражицкого», а также — к мистицизму, «а с другой стороны, ее отношение к другому течению в неокантианстве, идущему от Виндельбанда и Риккерта»¹⁰¹⁸. Исследование этих отношений привело Савальского к выводу, что «только критицизм неокантианства свободен от грехов», имеющих в «психологизме и мистицизме»: «*догматизма, реализма и удвоения действительности* (дурной метафизики), вообще же от допущения принятых на веру предпосылок. Спор в пределах неокантианства решается в пользу научного идеализма против неохихтеанства (система выдуманного познания, смешение проблем логики и этики)»¹⁰¹⁹.

Публикация этого сочинения (1908) вызвала огромное число рецензий и отзывов, что как минимум на десятилетие определило тематику многих философских дискуссий¹⁰²⁰. Савальский пред-

¹⁰¹⁶ Гордон, Из воспоминаний о Челпанове, 86.

¹⁰¹⁷ Белый, Воспоминания о Блоке, 314—315.

¹⁰¹⁸ Вышеславцев, Василий Александрович Савальский, 3.

¹⁰¹⁹ Саккетти, [Рец.:] В.А. Савальский, 179.

¹⁰²⁰ Ср.: «С момента появления его книги споры о марбургской философии и о кантианстве составляли постоянную тему наших философских и религиозно-философских кружков». См.: Вышеславцев, Василий Александрович Савальский, 3.

чувствовал «неравнодушный» прием своей работы: «Основная мысль, которую защищает здесь автор, далеко не может похвалиться широкой популярностью ни на своей родине, ни у нас в России, где она стоит в противоречии с настроениями, господствующими в наших философских кружках. <...> Защищая философию научного идеализма, сам автор против всех своих сомнений и колебаний находил всегда поддержку в следующей мысли, на которую он опирался как на *ultima ratio*: требование философствовать не вопреки научному знанию, а в теснейшем соприкосновении с ним»¹⁰²¹.

С положительными и нейтрально-положительными рецензиями и отзывами выступили русские марбургцы (Фохт, Саккетти, Вышеславцев) и философы, симпатизирующие Марбургской школе (Яковенко). Резко отрицательные отзывы последовали от Новгородцева и Трубецкого — критика первого была направлена в основном на исследование Савальского, выступление второго адресовалось прежде всего самому Когену.

Фохт обращает внимание читателей на то, что книга Савальского хотя и не свободна от «довольно многочисленных и важных недостатков», «является первой попыткой подвергнуть обстоятельному исследованию целый ряд важнейших философских проблем в той их форме, как они ставятся и разрешаются в произведениях представителей различных направлений неокантианского движения»¹⁰²². Поэтому Фохт дает в этой статье короткий проблемный очерк когеновской этики, тем самым явно и неявно обнаруживая промахи изложения Савальского как содержательного, так и методологического, структурного и стилистического характера¹⁰²³.

Саккетти, соглашаясь с Фохтом в оценке значения этой работы, делает акцент на тех моментах, где Савальский полемизирует, развивает или дополняет учение Когена, подчеркивая, тем самым, самостоятельность автора и критический (не догматический) подход к исследованию. Это касается, например, «вопроса о понятии Божества (полемика против деизма Когена <...>»¹⁰²⁴; тезиса «естественно-научного рассмотрения общества (социология)», который «не получил надлежащего развития у Когена»¹⁰²⁵; вопроса о «месте истории в системе наук и проблеме метода исторического познания», который «остался не выясненным в “Этике” Когена».

¹⁰²¹ Савальский 1908, III–IV.

¹⁰²² Фохт Б.А. [Рец.:] В.А. Савальский. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. // Критическое обозрение. 1909. Вып. II, февраль. С. 74.

¹⁰²³ Фохт, [Рец.:] В.А. Савальский, 72–73.

¹⁰²⁴ Саккетти, [Рец.:] В.А. Савальский, 180.

¹⁰²⁵ Саккетти, [Рец.:] В.А. Савальский, 182.

на, этой, по замыслу, логике наук о культуре»¹⁰²⁶. К очевидным недостаткам работы Саккетти относит то обстоятельство, что «автора нередко покидает тенденция давать критическое изложение предмета», сменяясь «простым словесным переложением»¹⁰²⁷.

«Славословия и величания» Савальского «в честь Когена»¹⁰²⁸ вынудили Е.Н. Трубецкого углубиться в изучение книги самого Когена — «Этики чистой воли»¹⁰²⁹ — и дать ее довольно подробный разбор.

Трубецкой признается, что при чтении этой книги он столкнулся «с рядом недоумений»¹⁰³⁰: «неясен ее предмет и ее субъект, <...> столь же неясной остается ее задача и цель»¹⁰³¹, потому что, оказывается, «истинный индивид есть только идея», а «личность — только абстракция, своего рода маска»; «вопрос о “вечности” не имеет ничего общего с индивидуальным бессмертием», а «всякое учение о загробной жизни» Коген относит «к области мифологии»¹⁰³². Даже «живой человек не находит себе места в “Этике чистой воли”», поскольку, по Когену, «если бы субъект представлял собою нечто данное, рожденное и воспитанное в определенной среде, этика не имела бы смысла и не была бы возможна: она была бы целиком поглощена антропологией и социологией»¹⁰³³. Поэтому, чтобы «освободить этику, во-первых, от религии, а во-вторых, от всякого эмпирического элемента», «Коген ищет опоры для этики <...> в юриспруденции»¹⁰³⁴.

Вслед за Спекторским¹⁰³⁵, Трубецкой видит один из главных недостатков концепции в том, что Коген ориентирует этику «во всем многообразии юридического и государственного опыта»¹⁰³⁶, то есть в опыте историческом и изменчивом, или, если речь идет о теории права, то во «многих спорных учениях», поскольку «юриспруденция как наука не существует вне противоречащих друг другу теорий, а <...> самый “факт” права и государства представляет собой пеструю смесь доброго и злого»¹⁰³⁷.

¹⁰²⁶ Саккетти, [Рец.:] В.А. Савальский, 183.

¹⁰²⁷ Саккетти, [Рец.:] В.А. Савальский, 184–185.

¹⁰²⁸ Новгородцев П.И. Русский последователь Германа Когена // Вопросы философии и психологии. М. 1909. Кн. 99. С. 637.

¹⁰²⁹ Трубецкой Е.Н. Панметодизм в этике. (К характеристике учения Когена) // Вопросы философии и психологии. 1909. кн. 97. С. 121–165.

¹⁰³⁰ Трубецкой, Панметодизм в этике, 121.

¹⁰³¹ Трубецкой, Панметодизм в этике, 123.

¹⁰³² Трубецкой, Панметодизм в этике, 122–123.

¹⁰³³ Трубецкой, Панметодизм в этике, 125.

¹⁰³⁴ Трубецкой, Панметодизм в этике, 131.

¹⁰³⁵ См.: Спекторский 1905, 401, 407–408; «Очерк первый. 5.2».

¹⁰³⁶ Трубецкой, Панметодизм в этике, 142.

¹⁰³⁷ Трубецкой, Панметодизм в этике, 141.

Объяснение Савальского, адресованное Спекторскому, что «ориентирование [этики в юриспруденции] касается не теорий о праве и государстве, которых <...> существует великое множество и среди которых одна противоречит другой, а факта права и государства и юриспруденции как науки, поскольку она в своих учениях констатирует этот факт». Савальский настаивает, что «различные теории, стремящиеся объяснить этот факт, и различное конкретно-историческое содержание самого факта <...>, — все это важно лишь постольку, поскольку удостоверяет наличие факта, факта юридического опыта», что «ориентирование происходит <...> в самом факте, в тех его условиях, которые делают его логически возможным»¹⁰³⁸. Это объяснение не удовлетворяет Трубецкой. Более того, Трубецкой считает, что Савальский тем самым «видоизменяет защищаемое им учение»¹⁰³⁹.

Трубецкой находит также совершенно неудовлетворительным решение Когеном вопроса об «объединении людей». Трубецкой полагает, что «сущность нравственного общения» Коген сводит «к юридической сделке между различными субъектами», что когеновская «попытка разрешения нравственной проблемы есть на самом деле замена объединения нравственного объединением логическим»¹⁰⁴⁰: если «для христианской этики другой человек есть “ближний”», то «для Когена же он только — необходимое дополнение к моему “я” <...>; нет “я” без “ты”, нет возможного договора, когда нет другого человека»¹⁰⁴¹. Здесь обращает на себя внимание употребленный Трубецким термин «сделка» — именно так, случайно или специально искажая его смысл, Трубецкой переводит с немецкого слово «Handlung» — поступок, действие (В.А. Савальский), деяние (Е.В. Спекторский, С.Л. Рубинштейн), — тем самым привносит в него оценочный оттенок, так сказать, идеологизирует его и приходит к соответствующему выводу: «Внутренней связи между людьми тут нет никакой, но для договорных отношений ее и не требуется: один контрагент всегда принимает во внимание другого, несмотря на то, что каждый из двух думает только о своей выгоде»¹⁰⁴². И лежит в основе таких отношений, считает Трубецкой, «сама чистая мысль»...

Трубецкой абсолютно верно понимает, что в системе Когена «речь идет не об эмпирических людях», что «все построения “Этики чистой воли” были бы несостоятельны, если бы “другой чело-

¹⁰³⁸ Савальский 1908, 198–199.

¹⁰³⁹ Трубецкой, Панметодизм в этике, 141.

¹⁰⁴⁰ Трубецкой, Панметодизм в этике, 135.

¹⁰⁴¹ Трубецкой, Панметодизм в этике, 135–136.

¹⁰⁴² Трубецкой, Панметодизм в этике, 136.

век” был только предметом опыта», и что поэтому Коген «пытается конструировать “другого человека” а priori: “я и другое я” (alter ego) — соотносительные понятия: одно не может осознать себя без другого, и, следовательно, одно а priori обусловлено другим»¹⁰⁴³. Но оценивает это построение Трубецкой негативно, поскольку видит в нем желание Когена избавить этику от религиозного и психологического и, значит, по Трубецкому, вообще от *любого* содержания: «Религиозная этика не удовлетворяет Когена прежде всего потому, что для нее единство людей в Боге есть реальное, живое целое. Для “Этики чистой воли”, наоборот, объединенное человечество есть целое только абстрактное, методическое. Объединяющим началом тут является не живой Бог, а категория “всего” (Allheit)»¹⁰⁴⁴. Бог у Когена превращается в «идею», которая имеет «методический характер» и «выражает собою “необходимую связь между вечностью и природой, следовательно, между этикой и логикой”»¹⁰⁴⁵; «трансцендентность Бога — чисто логического, а не реального свойства»¹⁰⁴⁶.

На это замечание, не называя Трубецкого, в своей диссертации ответит впоследствии Вышеславцев. Он, напротив, высоко оценивает когеновскую концепцию «другого». По Вышеславцеву, Коген является «единственным философом, который понял значение *системы я — ты* как фундаментальной категории этики, который признал, что “der Andere” есть особое а priori. <...> он взял все лучшее из “дедукции общества” у Фихте и ввел в свою систему этики»¹⁰⁴⁷. Но Коген, в отличие от Фихте, «отрицательно относится ко всему мистическому, таинственному, он продолжатель рационализма эпохи Просвещения; отсюда иное понимание идеи Бога», акцент на проблеме права и государства, «что сближает его скорее с Гегелем, чем с Фихте», и отсутствие «той оценки *индивидуальности*, какую мы встречаем у Фихте в последний период»¹⁰⁴⁸.

В действительности именно когеновская концепция секуляризованного человека вызывает больше всего возражений у Трубецкого. Он считает, что Коген постоянно впадает в противоречия, как только меняет ракурс рассмотрения проблемы человека: «Пока Коген остается верен своим принципам, он рассуждает только о человеке искусственном, “методическом”, о человеке-“понятии”, об “идее”, которая никогда осуществиться не может. Напротив, как только заходит речь о человеке живом, действитель-

¹⁰⁴³ Трубецкой, Панметодизм в этике, 137.

¹⁰⁴⁴ Трубецкой, Панметодизм в этике, 136.

¹⁰⁴⁵ Трубецкой, Панметодизм в этике, 146.

¹⁰⁴⁶ Трубецкой, Панметодизм в этике, 148.

¹⁰⁴⁷ Вышеславцев ссылается здесь на Cohen, Ethik, 208–214, 248.

¹⁰⁴⁸ Вышеславцев 1914, 381 сн..

ном, этика чистой воли испаряется в ничто»¹⁰⁴⁹: в этой «борьбе на два фронта: против эмпиризма и против всякой метафизики, в особенности против метафизики религиозной», «он терпит полное поражение»¹⁰⁵⁰. Трубецкой недоумевает: как можно признавать за «необходимое предположение этики» «уверенность в сохранении человеческого рода», если «смертен каждый отдельный индивид, входящий в его состав? Возможна ли вера в человечество там, где нет веры в человека? <...> Смысл жизни и нравственности предполагает то самое “запредельное”, горнее, которое отрицается учением Когена. <...> Мировоззрение, которое отвергает *необходимые гипотезы* духовной и душевной жизни, тем самым становится бездушным»¹⁰⁵¹...

Между тем, все эти и другие «недостатки», на который указывает Трубецкой, происходят не из действительной противоречивости когеновской этической концепции (хотя некоторые замечания имеют в виду действительно «смутные» моменты когеновской аргументации¹⁰⁵², как, например, в вопросе об ориентировании этики в юриспруденции), а из собственной позиции Трубецкого, с которой он подходит к ее анализу. Критикуя когеновского «человека», Трубецкой видит лишь два возможных смысла этого понятия: человек как эмпирический, психологический субъект из плоти и крови, или человек «метафизический», каким он предстает в христианском учении, — «живой индивидуальный человек <...> в непосредственном отношении к иному, нечеловеческому миру»¹⁰⁵³. Но и то, и другое толкование не соответствует значению «человека» у Когена и потому ничего не дает для понимания когеновской этики.

Сергей Рубинштейн впоследствии покажет, что в этике Когена речь не идет о «человеке, который для наивного сознания весь на поверхности какой-либо непосредственной данности» — эмпирической или мистической. Коген работает с *трансцендентальными* понятиями, то есть «человек» — это «тот мир идей, то идейное содержание», которое его же и «конституирует <...> или, в терминологическом выражении Когена, “*порождает*”»¹⁰⁵⁴. «Человек»

¹⁰⁴⁹ Трубецкой, Панметодизм в этике, 158.

¹⁰⁵⁰ Трубецкой, Панметодизм в этике, 159.

¹⁰⁵¹ Трубецкой, Панметодизм в этике, 164.

¹⁰⁵² Ср.: «Статья проф. кн. Е. Трубецкого <...>, написанная с явно политической целью, интересна постольку, поскольку затрагивает вопросы, которые <...> касаются действительных пробелов когеновской системы. К сожалению, однако, критика проф. Трубецкого не настолько обоснована, чтобы у Когена не нашлось в запасе достаточных оправдательных аргументов». См.: Яковенко 2000, 424.

¹⁰⁵³ Трубецкой, Панметодизм в этике, 131.

¹⁰⁵⁴ Рубинштейн 2003, 442.

в этике Когена — это безусловно «абстракция», но не пустая абстракция¹⁰⁵⁵, как думает Трубецкой, а абстракция, аккумулирующая в себе сущностную характеристику человека и сравнимая с «идеей человека» в учении Платона об идеях. Причем содержание «идеи человека» в этике Когена понимается как постоянно развивающееся, поскольку только в *бесконечном* нравственном совершенствовании через нравственные поступки и осуществляется «идея» человека. Такое понимание человека Коген выстраивает для того, чтобы решить главную задачу этики — дать «наиболее точную, объективно содержательную формулировку» проблемы человека¹⁰⁵⁶, чтобы обосновать эту проблему с точки зрения «общеобязательной значимости»¹⁰⁵⁷. Вынося за скобки все возможные индивидуальные особенности конкретного человека — его психические и религиозные переживания, то есть все *субъективное*, обусловленное, Коген получает возможность обосновать этику как научную дисциплину, как объективное знание.

В последнем абзаце статьи Трубецкого выясняется еще одно важное «недоумение», лежащее, на самом деле, в основе принципиального непонимания религиозными мыслителями смысла когеновского и вообще неокантианского учения. Для Трубецкого философия в первую очередь и по преимуществу есть «*мировоззрение*»! Это как раз то, против чего будет в своих статьях активно протестовать Яковенко: «Не позитивистское течение, не религиозно-метафизический мотив должны мы развивать: как философы мы должны вычеркнуть мировоззрение из числа основных философских вопросов, предоставляя его нациям, эпохам, индивидуальностям. Как философы мы должны “делать” науку»¹⁰⁵⁸. — Такой принципиально разный подход «научных идеалистов» и религиозных мыслителей к философскому творчеству с неизбежностью должен был породить глубокое взаимное непонимание.

Трубецкой станет, по-видимому, первым, кто запустит в обиход философской полемики метафору «кабинетный ученый» как негативную характеристику Когена и вообще неокантианцев¹⁰⁵⁹. Ею тут же воспользуется Новгородцев в своей критике диссертации Савальского. Рецензию Новгородцев начал писал, по-видимому, еще *до* появления статьи Трубецкого — в самом начале своего текста он удостоил «заслуги философов Марбургской школы» весьма лестной оценки: «Едва ли возможно сомневаться в том, что

¹⁰⁵⁵ См.: Трубецкой, Панметодизм в этике, 123.

¹⁰⁵⁶ Рубинштейн 2003, 443.

¹⁰⁵⁷ Рубинштейн 2003, 442.

¹⁰⁵⁸ Яковенко 2000, 658.

¹⁰⁵⁹ Трубецкой, Панметодизм в этике, 160.

их опыты по этике и философии права занимают выдающееся и первостепенное место в современной философской литературе. С этими опытами нельзя не считаться, их надо оценить в их значении, в добытых ими результатах»¹⁰⁶⁰. И по мере рассмотрения работы *Савальского*, в которой Новгородцев находит и «благоговейное обожание» системы Когена вместо «научного беспристрастия»¹⁰⁶¹, что, считает Новгородцев, приводит Савальского к ее догматизации¹⁰⁶²; и множество ошибок (что, надо сказать, не всегда справедливо¹⁰⁶³); и «второстепенные упущения», «характеризующие его дилетантскую манеру» «легкого обращения с именами и фактами»¹⁰⁶⁴; и противоречивость выдвигаемых Савальским положений, что часто приводит, по мнению Новгородцева, к «искажению» «чужих взглядов»¹⁰⁶⁵, ... — итак, в результате такого анализа Новгородцев приходит к выводу, что «скудные у нас научные силы вступают на ложный путь суеверного догматизма, вместо того, чтобы укреплять в себе дух анализа и критики», и «ищут руководства в мертвящей схоластике Германа Когена», которая перед «совокупностью современных исканий» «предстает во всей скудости и беспомощности неудачного кабинетного измышления»¹⁰⁶⁶...

Настороженно-подозрительное, а временами враждебное отношение к неокантианцам, которое царило в академической среде, не могло не выйти за пределы университетов — университетские профессора были организаторами и активными участниками таких общественных объединений, как Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева (1905–1918) и Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917), игравших в обществе все более заметную роль¹⁰⁶⁷.

Поэтому русские неокантианцы и в общественной жизни оказались «между молотом и наковальней» все усиливающейся критики «слева», со стороны марксистов, что в результате привело

¹⁰⁶⁰ *Новгородцев*, Русский последователь Германа Когена, 636.

¹⁰⁶¹ Ср.: «Объемистая работа Савальского о Когене <...> проникнута каким-то наивным духом и в этом отношении вполне заслуженно вызвала о себе такой отзыв, какой ей дан проф. Новгородцевым». См.: *Яковенко* 2000, 424.

¹⁰⁶² См., напр.: *Новгородцев*, Русский последователь Германа Когена, 648.

¹⁰⁶³ См., напр.: *Новгородцев*, Русский последователь Германа Когена, 643. Ср.: *Савальский* В.А. [Полемика.] Ответ проф. Новгородцеву // Вопросы философии и психологии. 1910. № 105. С. 345.

¹⁰⁶⁴ *Новгородцев*, Русский последователь Германа Когена, 646.

¹⁰⁶⁵ *Новгородцев*, Русский последователь Германа Когена, 652–655.

¹⁰⁶⁶ *Новгородцев*, Русский последователь Германа Когена, 661.

¹⁰⁶⁷ См.: *Иванова И.И.* Роль общественных организаций философов в обеспечении их влияния на общество // Вызовы современности и ответственность философа: Материалы «Круглого стола»... Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский ун-т, 2003. С. 34–37.

к полному отмежеванию русского ортодоксального марксизма от неокантианских теорий, и все возрастающего неприятия — вплоть до полного отрицания и прямых обвинений в идейной несостоятельности — «справа», со стороны религиозных мыслителей.

Негативное отношение к русскому неокантианству «слева» было, разумеется, результатом ревизии марксизма, проведенной Бернштейном и Каутским на неокантианской основе. А русские «легальные марксисты», как известно, принимали в этой ревизии самое активное участие... Над «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленин работал именно в те дни (1908, опубл. 1909), когда РСДРП(б) грозила смертельная опасность, когда лозунг «кто не с нами, тот против нас» действовал как закон. Поэтому Ленин склонен был видеть врагов везде, даже среди бывших товарищей и союзников: от имени его партии выступали люди с позиций, этой партии чуждых, — эмпириомонизма, эмпириокритицизма, неокантианства... Когда Ленин писал о том, что реакционная, то есть махистская и неокантианская, критика в адрес Канта состоит в уничтожении у него начатков материализма, а именно, в уничтожении «вещи в себе», что, по его мнению, приводит к поповщине¹⁰⁶⁸, он был прав по сути, но не исторически, так как, уничтожая «вещь в себе», неокантианцы, оставаясь методологически приверженцами Кантовой доктрины, уничтожали именно мистическую сторону учения Канта, уничтожали всякие метафизические надежды на бога. Это в свое время отметил Энгельс, назвав попытки неокантианцев воскресить взгляды Канта «стыдливой манерой тайком протаскивать материализм, публично отрекаясь от него»¹⁰⁶⁹. Уже после революции идеологизация и догматизация марксистского учения привели к тому, что ленинская работа «Материализм и эмпириокритицизм» в новой исторической ситуации приобрела инквизиторский пафос и стала основой для оценки неокантианства как не только оппозиционного, но и вражеского учения...

На другом идейном полюсе по отношению к неокантианцам обосновались мыслители мистико-религиозного направления — С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк. И хотя идейное становление многих из них начиналось с «легального марксизма», последующее развитие взгля-

¹⁰⁶⁸ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Сочинения. Т. 14. Изд. 4-е. М., 1947. С. 326. См. также: С. 269—270, 294, 324—325 и др., где речь идет о неокантианцах и, в том числе, о Когене, которого Ленин, в отличие, например, от Бердяева, ни в коем случае не отождествляет с позитивистами (См.: Бердяев, О новом русском идеализме, 685).

¹⁰⁶⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. М., 1961. С. 284.

дов этих мыслителей шло в далекой от неокантианства парадигме. «Одно время я боролся с хлынувшим в русскую интеллектуальную жизнь неокантианским течением. Наибольшее отталкивание во мне вызывало когенианство, которым у нас увлекалась философская молодежь»¹⁰⁷⁰, — сознавался много лет спустя Бердяев.

Бердяев оказался одним из первых, кто начал атаку на неокантианство. Еще в 1904 г. он напечатал в «Вопросах философии и психологии» статью «О новом русском идеализме», в которой противопоставил исконный *онтологизм русской философии трансцендентализму философии немецкой*¹⁰⁷¹. Оценка Бердяевым неокантианства, как ни парадоксально, в тенденции совпадала с замечанием Энгельса о последствиях «возврата в Канту». Бердяева возмущало, что неокантианская «идеалистическая теория познания, в сущности, все сводит к идеям и категориям, за которыми пустота, которые не имеют носителя», что эта теория «не может выйти из заколдованного круга понятий и не находит путей к реальности, в глубь бытия», что даже из Платона неокантианцы пытаются «вытравить <...> все онтологические элементы» и тем самым превратить его «чуть не в последователя Когена»¹⁰⁷². Пренебрегая анализом неокантианских учений, Бердяев только на основании, как ему кажется, отсутствия в этих учениях выхода «в глубь бытия» отказывает неокантианцам в продуктивности их идей: «У Виндельбанда и Риккерта, Когена и Наторпа, Шуппе и Авенариуса можно найти много остроумных и тонких мыслей, можно многому научиться; но и у этих лучших, как понизилось качество философских исканий, какое чувствуется бессилие творить, созидать философскую мысль будущего»¹⁰⁷³. Это «бессилие» «позитивизма всех видов и оттенков» заключается еще и в том, что эти учения «не могут построить ни теории личности, ни теории прогресса» — перед «тайной индивидуального» «позитивная наука останавливается в недоумении»¹⁰⁷⁴.

Плодотворной альтернативой концепциям «позитивистов», среди которых Бердяев числит и неокантианство¹⁰⁷⁵, должно стать учение «трансцендентного реализма», «религии трансцендентного»¹⁰⁷⁶, — та «гносеологическая точка зрения, к которой тяготеет метафизическая фракция» «самобытной русской философской мысли», признающая «примат бытия над мышлением»¹⁰⁷⁷. Чтобы

¹⁰⁷⁰ Бердяев, Самопознание 1999, 342.

¹⁰⁷¹ См. особенно: Бердяев, О новом русском идеализме, 687–688.

¹⁰⁷² Бердяев, О новом русском идеализме, 685.

¹⁰⁷³ Бердяев, О новом русском идеализме, 694.

¹⁰⁷⁴ Бердяев, О новом русском идеализме, 700–701.

¹⁰⁷⁵ См.: Бердяев, О новом русском идеализме, 694.

¹⁰⁷⁶ Бердяев, О новом русском идеализме, 686.

¹⁰⁷⁷ Бердяев, О новом русском идеализме, 687–688.

читатель ни в коем случае не спутал эту точку зрения с позицией «эмпириков и материалистов»¹⁰⁷⁸, Бердяев поясняет, что под «бытием» он понимает «*трансцендентное*»¹⁰⁷⁹ «*метафизическое*»¹⁰⁸⁰ бытие: «Всякое бытие есть сознание, всякое бытие живое и индивидуальное, то есть всякое бытие есть конкретный дух, живая и индивидуальная субстанция»¹⁰⁸¹, а именно — бог¹⁰⁸².

Эти мысли Бердяев развивает в следующей статье (1908), написанной по поводу книги Лосского «Обоснование интуитивизма», где уточняет, что «полна творческими задатками» только та философия, которая «защищает права метафизики», а именно — «русская философская школа с оригинальной национальной физиономией»¹⁰⁸³. Поэтому именно «у русских мыслителей» — «Хомякова, Чичерина, Вл. Соловьева, Козлова, Лопатина, кн. С. Трубецкого и Н. Лосского» — «молодое поколение, философски ищущее и мыслящее, могло бы найти <...> большие богатства, чем у Авенариусов, Риккертов, Шуппе, Когенов и др. представителей философии европейской», в учениях которых «гибнут великие философские стремления и традиции прошлого»¹⁰⁸⁴.

В чем же, по Бердяеву, заключается «болезнь» современных европейских учений, приводящая «традиции прошлого» к «гибели», и какие «богатства» предлагает искать Бердяев у русских философов?

Во-первых, это «болезнь анти-реализма, разобщенности с бытием»¹⁰⁸⁵, причем под «реализмом», который отрицают неокантианцы, Бердяев понимает «средневековый реализм»¹⁰⁸⁶; «объективный и абсолютный идеализм» Фихте, Гегеля и Шеллинга, «который становится окончательно реализмом»¹⁰⁸⁷; «гносеологический реализм», который «одинаково противоположен трем основным направлениям гносеологии — рационализму, эмпиризму и критицизму» и который, признавая «частную истинность всех трех направлений», «сам становится сознательно мистическим»¹⁰⁸⁸. «Восстановление» такого реализма — «большая заслуга» Лосского¹⁰⁸⁹.

¹⁰⁷⁸ Там же.

¹⁰⁷⁹ Бердяев, О новом русском идеализме, 684.

¹⁰⁸⁰ Бердяев, О новом русском идеализме, 688.

¹⁰⁸¹ Бердяев, О новом русском идеализме, 703.

¹⁰⁸² См. особенно: Бердяев, О новом русском идеализме, 710–713, 718, 723.

¹⁰⁸³ Бердяев Н.А. Об онтологической гносеологии // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93. С. 413.

¹⁰⁸⁴ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 414.

¹⁰⁸⁵ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 415.

¹⁰⁸⁶ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 425–426.

¹⁰⁸⁷ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 417.

¹⁰⁸⁸ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 420.

¹⁰⁸⁹ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 426.

Результатом «болезненной разобщенности с живым бытием» оказывается, во-вторых, «гносеологическая проблема», сформулированная как «*отношение мышления к бытию*, познающего субъекта к познаваемому объекту», и «в этой постановке проблемы, — считает Бердяев, — субъект уже оторван от объекта, мышление берется отвлеченно от жизни бытия». Тем самым Бердяев игнорирует понятие *отношения*, центральное в этом определении и одно из важнейших в учении неокантианцев, и предлагает изменить как формулировку проблемы, так и ее постановку: речь должна идти об «онтологической гносеологии» как проблеме «*отношения бытия к бытию*, одной функции жизни к другим функциям жизни»¹⁰⁹⁰.

Одной из таких «функций жизни» следует считать «*органическое мышление*» в отличие, — и это в-третьих, — от «безжизненно формального и пустого» мышления в учении «отвлеченного философа». Философия должна начинаться «с непосредственных, первичных данных нерационализованного» трансцендентного сознания, а не с «вторичного, рационализованного сознания», как это ошибочно полагают те же «отвлеченные философы»¹⁰⁹¹. Эта ошибка, считает Бердяев, возникла, по-видимому, «из той неосознанной истины, что в основе бытия лежит Логос, разумное начало». «Но в Логосе субъект и объект тождественны; в мировой жизни Логоса акт познания есть акт самой жизни, знание есть бытие (<...> но бытие не есть непременно знание, как думал Гегель)»¹⁰⁹².

«Онтологическая гносеология», в которой Бердяев видит панацею от всех «болезней» философии, исходит из «первоначально-данного универсального бытия»¹⁰⁹³. Он не раскрывает механизма познания, осуществляемого в рамках такой гносеологии, но утверждает, что все несовершенство нашего познания «есть дефект самого бытия, результат греховности, отпадения от Бога. <...> Грех есть источник всех категорий, над которыми рефлектирует [неонтологическая] гносеология, непонимая первоисточника всего того, с чем имеет дело, так как начинает со вторичного»¹⁰⁹⁴. — Введение оценочного понятия *греха* применительно к бытию есть тот «перерыв» в бердяевской аргументации, который фактически сводит на «нет» все его усилия по опровержению неокантианских теорий. Дальнейшее постулирование Бердяевым наличия у человека «*интеллектуальной интуиции*», «непосредственного видения Бога», что есть «удел святых», истины как «обладания реальным

¹⁰⁹⁰ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 421.

¹⁰⁹¹ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 416–417.

¹⁰⁹² Бердяев, Об онтологической гносеологии, 421.

¹⁰⁹³ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 432.

¹⁰⁹⁴ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 433.

предметом»¹⁰⁹⁵ могло иметь значение для верующего, но не для философа-критициста или научного идеалиста, требующего обоснования любого подобного постулата. Таким образом, под «мыслью будущего» Бердяев разумел достижения философской мысли Средневековья и европейской мистики.

Подтверждением этому стала статья, специально посвященная «критике критицизма» (1910)¹⁰⁹⁶ и вошедшая в книгу «Философия свободы» (1911). Здесь неокантианство, или «гносеологический критицизм», назван «гамлетизмом в области философии», — так Бердяев обозначил «рефлектирующую нерешительность действовать в области познания вследствие нарушения жизненной цельности». Чтобы преодолеть «болезненный гамлетизм» — рационализм и критицизм, Бердяев вновь бросается в бой, воодушевленный идеей «здорового» «гносеологического донкихотизма»¹⁰⁹⁷.

Прежние претензии к неокантианству Бердяев дополняет новыми, несколько более конкретными, адресуемыми на этот раз не только к некой массе «отвлеченных философов» или «критических гносеологов», а непосредственно к тому или иному неокантианскому схоластику — к Когену или Риккерт (преимущественно)¹⁰⁹⁸. Так, из требования Когена ориентировать гносеологию «на факте положительной науки» и признания им того, что «гносеологические категории могут меняться в зависимости от состояния положительных наук»¹⁰⁹⁹, Бердяев делает вывод, что «к познанию бытия гносеология отношения не имеет, твердости науки не обосновывает, скептицизма и релятивизма не побеждает», «на общеобязательность и научность» претендовать не может¹¹⁰⁰ и вообще — «критическая гносеология есть лишь паразит науки, болезненная рефлексия от худосочия»¹¹⁰¹.

Почему, вопрошает Бердяев, если «можно ориентировать гносеологию на *факте* естественных наук, <...> на *факте* исторических наук», нельзя «ориентировать гносеологию на *факте* религиозного откровения?»¹¹⁰² — Потому, готов ответить Бердяеву любой критический идеалист, что, настаивая на возможности обосновать гносеологию «религиозным откровением», г-н Бердяев «сме-

¹⁰⁹⁵ Бердяев, Об онтологической гносеологии, 436.

¹⁰⁹⁶ Бердяев Н.А. Гносеологическая проблема (к критике критицизма) // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн.105. С. 281–308.

¹⁰⁹⁷ Бердяев, Гносеологическая проблема, 281.

¹⁰⁹⁸ Далее речь пойдет о критике Бердяевым только когеновской и общей для Когена и Риккерта неокантианской позиции.

¹⁰⁹⁹ Бердяев, Гносеологическая проблема, 287.

¹¹⁰⁰ Бердяев, Гносеологическая проблема, 288.

¹¹⁰¹ Бердяев, Гносеологическая проблема, 304–305.

¹¹⁰² Бердяев, Гносеологическая проблема, 288.

шивает два различных смысла»¹¹⁰³: *религиозный*, в котором как «факт», нагруженный истинностным значением, подается догмат «религиозного откровения», действительно имеющий для верующего силу истины; и *научный*, согласно которому «факт» можно в общих чертах определить как знание о данных, полученных в ходе эксперимента или наблюдения, что для марбуржца принимает еще более строгую форму *знания, сконструированного* в ходе познания. Бердяев, однако, настаивает, что «наука и религия должны были бы быть признаны по меньшей мере равноценными как пища для философии», поскольку и «в факт религиозного откровения», и «в факт положительной науки» «надо поверить, чтобы что-нибудь на них ориентировать», именно «факт веры, открывающей сущее, факт откровения сущего в вере и есть изначальный факт, из которого должна исходить гносеология и философия»¹¹⁰⁴. Здесь налицо уже указанное «смешение смыслов» — на этот раз в отношении понятия «веры» как 1) «религиозной веры» в сверхъестественное откровение, не допускающей никакого сомнения, и 2) «уверенности ученого», возникающей в результате проведенного теоретического доказательства и многовариантных экспериментальных проверок и всегда с необходимостью включающей в себя момент сомнения¹¹⁰⁵. Кроме того, как показывает Яковенко, Бердяев, вроде бы ратующий за освобождение гносеологии «от психологизма и антропологизма»¹¹⁰⁶, «без всяких доказательств делает основным и существенным элементом познавательного процесса второстепенный момент веры, служащий только эмоционально-волевым обертоном этого процесса», «вопреки фактическому положению дел он сообщает этому моменту веры религиозно-мистический характер, которого тот не имеет в сфере познавательного акта», и «рассматривает мышление как аналитический, дискурсивный процесс, тогда как на деле оно является синтетическим, творческим актом»¹¹⁰⁷.

Объяснение идейного виража, поворота от марксизма к мистицизму, который произошел у некоторых русских мыслителей, и в том числе у Бердяева, и привел их к «совершенно неверным

¹¹⁰³ Яковенко Б. В. Философское донкихотство (1913) // Яковенко 2000, 666.

¹¹⁰⁴ Бердяев, Гносеологическая проблема, 288–289.

¹¹⁰⁵ Ср.: «Религия может допускать момент сомнения только как некоторое психологическое состояние, которое истинная религиозность должна считать принципиально преодоленной <...>. Философия, напротив того, включает в себя этот момент сомнения как свой внутренний логический момент, как органический член своей диалектической сущности, как законную антитезу, которая должна быть поставлена и диалектически преодолена». См.: Алексеев, Об идее философии, 387.

¹¹⁰⁶ Бердяев, Гносеологическая проблема, 285.

¹¹⁰⁷ Яковенко 2000, 664.

выводам» в отношении веры и знания, Б.А. Кистяковский видит в «разочаровании в знаниях, доставляемых социальной наукой и социальной философией»¹¹⁰⁸. «Но если личное дело каждого, согласно своим склонностям, сосредоточивать свою душевную деятельность на тех или других духовных благах, то все должны признать, что нельзя искать исхода из неудовлетворительного состояния науки <...> в вере. Это две совершенно различные области душевной жизни человека, которые могут существовать рядом, но которые не должны влиять друг на друга. <...> Иначе если мы с точки зрения одной из них будем спорить о другой, то получим неправильные и даже нелепые выводы»¹¹⁰⁹.

Еще одним подтверждением «нелепостей», возникающих в результате вмешательства религиозной «логики» в логику научную и, в частности, в философскую, можно считать кандидатское сочинение Сергея Рубинского «Логика чистого познания и религиозная истина (Панметодизм и его критика)» (1910), написанное и представленное к защите в Московской Духовной академии. Задача этого сочинения была сформулирована следующим образом: «взять систему принципов знания в том ее виде, как она устанавливается Германом Когеном в его *Logik der reinen Erkenntnis*, образующей законченное в себе и достаточно ярко выраженное целое и имеющей глубокие историко-философские корни, следовательно — не фантастичной <...>; изучить эту систему и затем рассмотреть соотношение ее с идеей догмата»¹¹¹⁰, то есть, как это следует уже из названия работы, — с «религиозной истиной».

П.А. Флоренский, автор отзыва на это сочинение, поясняет, что под «вопросом о *догмате*» в случае неокантианства следует понимать вопрос «о последнем регулятивном принципе», или о «разуме разумности», об «идеале». «Идея догмата», считает Флоренский, — это «главный» из «основных вопросов знания», которые «необходимо самостоятельно уяснить себе» каждому философскому направлению «с точки зрения *своего* принципа»¹¹¹¹. Что имеет в виду Флоренский? Почему регулятивную идею бога, выполняющую у Когена исключительно методологическую функцию, он называет «догматом» и «религиозной истиной», то есть неким метафизическим трансцендентным основанием всей коге-

¹¹⁰⁸ Кистяковский Б.А. Проблема и задача социально-научного познания // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 112. С. 111.

¹¹⁰⁹ Кистяковский, Проблема и задача социально-научного познания, 112.

¹¹¹⁰ Флоренский П.А. Отзыв о кандидатском сочинении... Рубинского Сергея на тему: «Логика чистого познания и религиозная истина (Панметодизм Когена и его критика)» // Богословский вестник. Сергиев-Посад. 1911. (Год 20-й). Март. Т. 1. С. 374.

¹¹¹¹ Флоренский, Отзыв о кандидатском сочинении..., 373.

новской системы? Оказывается, основание неявно подменить методическую идею бога у Когена трансцендентным разумом или «религиозной истиной» дают обнаруженные в когеновской системе остатки «психологизма», то есть *интуиции*. С религиозной точки зрения, эта интуиция может быть только *интеллектуальной*. Это-то и дает, считает Флоренский, Рубинскому возможность «продумать», исходя из системы Когена, «гносеологическую структуру догмата», что «конечно, требует не только нарочитой вдумчивости, но даже и некоторого самостоятельного творчества»...¹¹¹² «После того, как обнаружилось, что и Коген не свободен от интуитивизма», Рубинский «позволяет себе» объявить этот «интуитивизм» «фактом мистической данности» и «ориентировать на» него «постановку вопроса о догмате»¹¹¹³. И Флоренский, и Рубинский отдают себе отчет, что с такой «аргументацией» вряд ли бы «согласился <...> истый марбуржец». Но «поскольку г. Рубинский сознает, что он, быть может, и не совсем удовлетворил бы правоверного когенианца, но имеет право высказать *свое* мнение, так как и Марбургский кумир тоже не совсем удовлетворяет самого г. Рубинского, — постольку *пятая* глава», — глава, в которой идет речь о «догмате» и «мистической данности», — «является в сочинении и законной, и уместной»¹¹¹⁴, — считает Флоренский...

Вернемся, однако, к Бердяеву. Остальные пункты бердяевской критики в адрес неокантианства можно выразить тезисом: «современная философия (именуемая <...> en masse рационализмом) ограничена, отвлеченно-безжизненна и субъективна»¹¹¹⁵. Анализируя эти обвинения, Яковенко последовательно их опровергает:

— современная рационалистическая философия (прежде всего — неокантианство) «*свободна*», потому что предпринимает «критическое рассмотрение всех возможных утверждений и строгую проверку их перед лицом разума», потому что «не ограничивает себя сферой бытия, но спокойно идет далее к другим областям сущего <...>, стремясь взять эти новые сферы так, как они суть сами по себе» (Коген), и отвергая при этом «все познавательные суррогаты <...> (например, интеллектуальную интуицию)»¹¹¹⁶;

— «она *вещна* и *непосредственна*», потому что, «не обманывая себя мнимой непосредственностью восприятия и переживания, она ищет подлинной непосредственности в сознательных, разум-

¹¹¹² Флоренский, Отзыв о кандидатском сочинении..., 375.

¹¹¹³ Флоренский, Отзыв о кандидатском сочинении..., 378.

¹¹¹⁴ Там же.

¹¹¹⁵ Яковенко 2000, 668.

¹¹¹⁶ Яковенко 2000, 669.

но признанных принципах сущего», потому что «сознательно и критически решает проблему иррационального» и потому что стремится «охватить все области культуры во всей их полноте и <...> самостоятельности»¹¹¹⁷;

— «она *объективна*, вещна, ибо направляется всеми помышлениями своими на бытие. <...> Кто, читавший действительно систему Когена, может усомниться в этом?» Она стремится «освободиться от антропоморфных схем и психологических представлений» и «установить самостоятельные и общезначимые основания для других сфер сущего»: нравственности, прекрасного, святого, общественного и индивидуального... «Она освобождает религиозно-мистическое переживание от того познавательного привкуса, который сообщается ему г-ном Бердяевым, и тем впервые философски придает ему подлинно объективный смысл»¹¹¹⁸.

Поэтому вся бердяевская критика в адрес «чужих философских концепций» не что иное, как «самообман»: «г-н Бердяев бьется с ветряными мельницами»¹¹¹⁹.

Но Бердяев, в отличие от Дон-Кихота, участвовал в этой борьбе не в одиночку¹¹²⁰. С тех же позиций критиковал неокантианство В.Ф. Эрн. Сразу несколько публикаций Эрна, появившихся в 1910–1910 гг., были посвящены полемике с неокантианцами и в основном связаны с началом нового русского издания — международного ежегодника по философии культуры «Логос»¹¹²¹, организованного русскими неокантианцами. В тенденции критика Эрна в целом совпадала с бердяевской и была фундирована восточно-христианским учением о «божественном Логосе». За «непонимание», а фактически — за секуляризацию смысла Логоса «логосовцами», а также за «презрительно-пренебрежительное» отношение к прошлому русской философии, которая в действительности призвана «раскрыть Западу безмерные сокровища восточного умозрения»¹¹²², Эрн обрушился на русских неокантианцев статьей «Нечто о Логосе, русской философии и научности»

¹¹¹⁷ Там же.

¹¹¹⁸ Яковенко 2000, 669–670.

¹¹¹⁹ Яковенко 2000, 670.

¹¹²⁰ О противостоянии рационалистов и мистиков, журнала «Логоса» и книгоиздательства «Путь» см. подробнее: Голлербах Е.А. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 346–356.

¹¹²¹ См. о «Логосе» исследование и материалы: «Логос» в истории европейской философии философии: Проект и памятник. Сб. материалов под ред. Н.С. Плотникова. М., 2006.

¹¹²² Эрн В.Ф. Сочинения / Сост. Н.В. Котрелева и Е.В. Антоновой; вступ. ст. Ю. Шеррер; прим. В.И. Кейдана и Е.В. Антоновой. М., 1991. С. 82. Далее цитируется как Эрн 1991 с указанием страниц.

(1910), вошедшей затем в книгу «Борьба за Логос» (1911)¹¹²³. Обе эти публикации вызвали к жизни ожесточенную полемику¹¹²⁴. Нет нужды подробно приводить здесь аргументацию Эрна, — ничего нового, по сравнению с Бердяевым, она не утверждает и не предлагает и может быть сведена к нескольким тезисам:

— секуляризация «священного имени Логоса», произведенная неокантианцами (а по сути — лишь возвращение неокантианцев к понятию Логоса в античной классике), назвавшими свой журнал о «научной философии» этим именем в стране, которая живет «*религией Слова, религией Логоса*», оскорбляет чувство каждого православного христианина: как будто «насыпали между зубов целую горсть песка и заставили его жевать»;¹¹²⁵

— рационализм несостоятелен, поскольку «ratio есть попытка неверного и не всецелого самоопределения мысли», он превращает «живую стихию мысли» «в мертвую схему мысли, лишенную всякой активности, всякого внутреннего “начала движения”»;¹¹²⁶

— рационалистическая философия — это философия «*меонизма*» (термин Н.М. Минского), или «несуществования», которая всецело выражается в «каком-то призрачном *соответствии* чего-то с чем-то»¹¹²⁷, поклоняется «*мифу о научности*»¹¹²⁸ и, пропагандируя «свободу мысли» от всякого рода метафизики, по сути «освобождает мысль от всякого содержания»¹¹²⁹;

— лишенный творческого начала «*меонический рационализм*» «связан с механической точкой зрения» и потому представляет собой «начало *антикультурное*»;¹¹³⁰

— в «создании в России прочной “философской традиции”», о чем радеют издатели «Логоса», Россия не нуждается, поскольку

¹¹²³ Опублик.: Эрн 1991.

¹¹²⁴ См.: Франк С.Л. Философские отклики. О национализме в философии // Русская мысль. 1910. № 9. С. 162—171; Франк С.Л. Еще о национализме в философии // Русская мысль. 1910. № 11. С. 130—137; Белый А. Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // Утро России. 15 октября 1910 г., № 274. С. 2; Гессен С.И. (Sergius). Нео-славянофильство в философии: (В. Эрн. Борьба за Логос) // Речь. СПб. 1911. 5 (18) сентября. № 243 (1839). С. 3 (перепеч.: Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1999. С. 71—77); Яковенко Б.В. [Рец.:] Владимир Эрн. Борьба за Логос. Опыт философии и критические. К-во «Путь». Москва 1911 // Логос. 1911/12. № 2—3. 296—299.

¹¹²⁵ Эрн 1991, 74.

¹¹²⁶ Эрн 1991, 77. Ср.: «При том разрыве между формой и содержанием, который заложен в самом существе ratio и который в неокантианстве как завершителе рационализма получает абсолютную формулировку, — творчество является делом вздорным и прежде всего *невозможным*» (Эрн 1991, 281—282).

¹¹²⁷ Эрн 1991, 77, 79.

¹¹²⁸ Эрн 1991, 99.

¹¹²⁹ Эрн 1991, 92—95.

¹¹³⁰ Эрн 1991, 80 сн., а также 280—286.

в ней уже есть «свободная традиция» как «внутреннее метафизическое единство человечества», гарантом чего выступает «Церковь» и что воплощается во «внутреннем единстве русской философской мысли»: «русские мыслители, очень часто разделенные большими промежутками времени и незнанием друг друга, *перекликаются* между собой и, не сговариваясь, в поразительном согласии *подхватывают один другого*»¹¹³¹.

Как комментировали это выступление Эрна его оппоненты и рецензенты, легко догадаться. Франк, который признавался, что разделяет «нелюбовь Эрна к господствующим формам современной немецкой философии» и, в особенности, к «вырождающемуся в совершенно бесплодную и бессодержательную схоластику» неокантианству Марбургской школы¹¹³², был в то же время как рационалист и «ближайший сотрудник» «Логоса» (до 1913 г.¹¹³³) возмущен проводимой Эрном «национализацией»¹¹³⁴ лучших достижений мировой философской мысли в пользу «самобытной русской философии». Франк постарался объяснить, что это или результат «национальной ослепленности» Эрна, или его «недостаточной осведомленности»¹¹³⁵. По сути, ту же точку зрения, преломленную в призме вновь обострившегося противостояния «славянофильства» и «западничества» с приставкой «нео-», высказал Андрей Белый¹¹³⁶.

В целом во всех откликах, принадлежавших перу философов-критицистов, речь шла о философском невежестве, об обскурантизме и недопустимом стиле философской полемики, предлагаемой Эрном. Яковенко, разбирая книгу «Борьба за Логос», нашел и привел в своей рецензии целый список философских ошибок, допущенных Эрном в характеристике учений современной философии: прагматизма Джемса, имманентной школы Шуппе, учения Риккерта и Когена¹¹³⁷. «Большинство суждений его

¹¹³¹ Эрн 1991, 97–98.

¹¹³² Франк С.Л. О национализме в философии (1910) // Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. СПб., 1996. С. 104. Далее издание цитируется как Франк 1996 с указанием страниц.

¹¹³³ См.: Взыскующие града, 511.

¹¹³⁴ О «национальном» в философии см.: «Очерк второй. 3».

¹¹³⁵ Франк 1996, 112.

¹¹³⁶ См. подробнее: «Очерк четвертый. 2».

¹¹³⁷ Яковенко Б.В. [Рец.:] Владимир Эрн. Борьба за Логос... // Логос. 1911/12. № 2–3. С. 296–297. См. о Когене на с. 297: «Эрн <...> утверждает, что лежащий в основании всех построений Когена и других неокантианцев *ratio* представляет собою “средний разрез” каждого данного ума (78), говорит, что у Риккерта и Когена одинаково форма и содержание разорваны (277, 282) и что они воспринимают “мир в категории вещи” (291). Ни одно из этих утверждений ни самомалейшим образом не соответствует истине». (Страницы в скобках приводятся по изд.: Эрн 1991).

о Канте¹¹³⁸, о немецких идеалистах, о неокантианском движении и пр., — подытоживает Яковенко, — поражает своей произвольной схематичностью, своим полным несоответствием их действительной сущности»¹¹³⁹. — Можно с достаточно высокой вероятностью предположить, что к тому времени, когда Эрн вступил в полемику с неокантианцами, с их идеями он был знаком только по трем работам: когеновскому «Комментарии к “Критике чистого разума”»¹¹⁴⁰, статье Е.Н. Трубецкого «Панметодизм в этике» (1909) в «Вопросах философии и психологии» и статье Яковенко в первой книге «Логоса» «О теоретической философии Германа Когена» (1910)¹¹⁴¹...

Тон и стиль философской полемики, превращенной Эрном в «поле “философской брани”», Яковенко счел недопустимым и в качестве контрпримера опубликовал свою статью «О Логосе», где обстоятельно, систематически и стилистически нейтрально ответил на все «недоумения» Эрна¹¹⁴².

Основным же моментом в полемике как с Бердяевым, так и с Эрном оставалась проблема возможности «религиозной философии». Уже Франк поставил под вопрос правомерность «настолько отождествить непосредственную религиозную жизнь с теоретической философией»¹¹⁴³. По Яковенко же, этот вопрос должен быть решен принципиально, «или — или»: или «достаточно христианской религии и незачем христианской философии»¹¹⁴⁴, ибо теизм, облекаясь «в спекулятивные одежды», теряет «свою связь с религиозным переживанием»¹¹⁴⁵; или «во избежание компромисса и конфликта нужно исходить из чисто философских начал, а не из символов веры». «Христианская философия», избирая «средний путь», «вполне естественно попадает с жесточайший

¹¹³⁸ В другой рецензии Яковенко подробнее останавливается на «критике Канта» у Эрна, о чем шла речь в статье Эрна «Критика кантовского понятия истины», помещенной в лопатинском юбилейном сборнике. См.: Яковенко Б.В. [Рец.] Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину. К тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского Психологического общества. 1881—1911. VII+334. Москва. 1912 // Логос. 1911/12. № 2—3. С. 287—288.

¹¹³⁹ Яковенко Б.В. [Рец.] Владимир Эрн. Борьба за Логос..., 297.

¹¹⁴⁰ Cohen H. Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1907. — (Philosophische Bibliothek. B. 113).

¹¹⁴¹ См. единственную ссылку на источники Когена и о Когене в книге «Борьба за Логос»: Эрн 1991, 143. — Ссылку Эрна на «Этику чистой воли» Когена вряд ли можно считать «действительной»: точно такое же указание на страницу в работе Когена дает Е.Н. Трубецкой в цитируемом Эрном фрагменте.

¹¹⁴² См.: Яковенко Б.В. О Логосе (1911) // Яковенко 2000, 56—90.

¹¹⁴³ Франк 1996, 111—112.

¹¹⁴⁴ Яковенко 2000, 77.

¹¹⁴⁵ Яковенко 2000, 78.

конфликт веры и разума»¹¹⁴⁶. В другой статье, посвященной выяснению собственного статуса философии по отношению к другим сферам человеческого духа, Яковенко еще раз подчеркивает, что «там, где начинается философия, религиозное творчество уже кончилось; там есть только исторический факт религии, с которым философия связана не систематически, а историко-психологически»¹¹⁴⁷. В статье, которая непосредственно была адресована Бердяеву, но критика, в ней изложенная, подразумевала всех русских религиозных мыслителей, он напоминает, что именно «в “религиозной философии” нашли могилу и свободный философский дух греков, и свободный религиозный энтузиазм первохристиан. Сочетавшись неравным браком, они разрушили взаимно свой здоровый жизненный смысл и оставили миру по себе детище, равно уродливое и вредоносное. <...> “Религиозная философия” есть концепция, принесшая с собой человечеству и его культуре слишком много зла и несчастья, чтобы не сказать ей открыто в лицо: “Довольно! Не пора ли кончить?! Не будет ли донкихотствовать?!”»¹¹⁴⁸.

Даже издатель «Логоса» Метнер, с подозрением относившийся к «ориентализации германской философии» Когеном¹¹⁴⁹, занял в этом противостоянии неокантианско-когенианскую сторону. В письме к Белому от 19 февраля 1911 г. он, рассказывая о реферате Яковенко, прочитанном в философском кружке при издательстве «Мусaget», признавался: «<...> были ожесточенные прения, и наши обскуранты (Бердяев, Эрн) договорились до *credo quia absurdum est*, до мыслей типично инквизиционно-иезуитски-католических; нет, уж, знаете, тогда я лучше на стороне Когена, ибо в этом возмутительном рабском догматизме больше жидовства, чем в сдвинутом со своих арийских скреп кантианстве Когена»¹¹⁵⁰.

Дискуссий, посвященных Логосу (понятию) и «Логосу» (журналу), состоялось немало. Об одной из готовящихся встреч сообщал, например, Белый в письме к Метнеру от 1–2 октября 1910 г.: «Предполагается беседа в “*Musagete*” о Логосе: будут Гессен, Гордон, Фохт, Кубицкий, Рубинштейн (партия “*Логоса*”), Эрн, Шпетт, Булгаков (противники); будет Гершензон (он настаивает

¹¹⁴⁶ Яковенко 2000, 77.

¹¹⁴⁷ Яковенко Б.В. Что такое философия? (Введение в трансцендентализм) // Яковенко 2000, 114.

¹¹⁴⁸ Яковенко 2000, 662.

¹¹⁴⁹ См.: Безродный М.В. Из истории русского германофильства: издательство «Мусaget» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. Под ред. М.А. Колерова. М., 1999. С. 192.

¹¹⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 7. Л. 4–5. Фрагмент опубли.: Сапов В.В. Рыцарь философии. Штрихи к портрету Б.В. Яковенко // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 8. С. 754.

на беседе), Лурье; будут позваны Лопатин, Трубецкой, Новгородцев, Воден и др<угие> философы»¹¹⁵¹.

Одним из мест, где для дискуссий встречались неокантианцы с мистико-религиозными мыслителями, стал салон Маргариты Кирилловны Морозовой: в 1905 г. этот салон открыл, по выражению Белого, «новую эру “высококультурного” будущего»¹¹⁵². Морозова собирала на своих вечерах «несоединимые, вне ее дома не встречавшиеся элементы»¹¹⁵³: здесь бывали Скрябин, Лопатин, Е.Н. Трубецкой, Хвостов, Мережковский, Белый, Кубицкий, Фохт с супругой — пианисткой Фохт-Сударской. Салон Морозовой просуществовал до 1912 г. и сыграл «видную роль в <...> смещении недавних границ между замкнутыми недавно кружками»¹¹⁵⁴.

В доме Морозовой собирался также Философско-юридический кружок (1907–1909), где свои рефераты читали Савальский («Неокантианская философия и Марбургская школа»), Выше-славцев («Философское обоснование прав большинства»), Топорков («Индивидуализм и соборность»), Гессен («Понятие реальности и ценности в философии Риккерта») и др.¹¹⁵⁵.

О некоторых собраниях издательства «Путь» с участием неокантианцев Морозова рассказала в письмах к отсутствовавшему Е.Н. Трубецкому: «Собрание с Гессеном было интересно, была борьба “меонизма” с идеализмом (не знаю как назвать). Причем за отсутствием профессоров (было экстренное заседание совета) разверзлись уста Огнева, Шпета, Степуна, Фохта. Они разболтались и разострились — но не к своей выгоде» (26.11.1911)¹¹⁵⁶; «я тебе не сообщала о двух докладах Яковенко и Степуна. На обоих очень резко вспыхивали столкновения между христианами и неокантианцами (или как их назвать?). Видно, что спор разгорается по всякому поводу и встают ребром все вопросы по существу» (16.02.1911)¹¹⁵⁷.

В подобных философских собраниях, кружках и дискуссиях бывшие (и будущие!) марбургские студенты участвовали постоянно. Они являлись туда «когортами» (одну из таких групп составили Фохт, Гордон, Кубицкий, Савальский, М. Поливанов и Тростянский¹¹⁵⁸) и «с сатанинской яростью» «зарезывали “чистым

¹¹⁵¹ ОР РГБ. Ф. 167. Карт. № 2. Ед. хр. 18. Л. 6.

¹¹⁵² Белый, Начало века, 506.

¹¹⁵³ Белый, Начало века, 505.

¹¹⁵⁴ Белый, Воспоминания о Блоке, 314.

¹¹⁵⁵ Взыскующие града, Приложение 3. Здесь указанную фамилию «Савицкий <?>» следует, по-видимому, читать как «Савальский».

¹¹⁵⁶ Взыскующие града, 327.

¹¹⁵⁷ Взыскующие града, 346.

¹¹⁵⁸ Лев Николаевич Тростянский — двоюродный брат Б.А. Фохта, юрист. Его мать Аделаида Богдановна Тростянская (урожденная Фохт) — родная сестра Александра

понятием» нечистоту символизма»¹¹⁵⁹ и прочую «белибердяевщину»¹¹⁶⁰.

Между тем и сам Трубецкой был чрезвычайно недоволен философствованием Бердяева и Булгакова. Если неокантианцы критиковали их в первую очередь за то, что они подмешивают в «чистую философию» религиозное переживание, то Трубецкому претила мешанина, которую «булдяи»¹¹⁶¹ устраивали из мистики и науки: «Ни Гессен, ни Яковенко, ни Фохт никогда мистики не скомпрометируют и не смешают ее со всяким сором, потому что вовсе ею не интересуются. Булгаков, наоборот, в той статье этим занимается специально, смешивает в одну кучу хозяйство, науку и Софию, и превращает все это в ужасного вкуса окрошку. Они с Бердяевым еще могут быть полезны в темах религиозных и культурных; но в философии такая статья или бердяевская “Свобода от философии”¹¹⁶² — вредны» (25.12.1911)¹¹⁶³.

Статья С.Н. Булгакова, о которой идет речь в письме Трубецкого, — это работа «Природа науки», опубликованная в лопатинском юбилейном сборнике¹¹⁶⁴ и вошедшая в книгу «Философия хозяйства» (1912). Яковенко в своей рецензии сделал пять замечаний по поводу этой статьи:

«Во-первых, статья эта и привлекает и полезна той догматической крайностью, в которую ударяется автор ее, ибо это свойство одинаково позволяет и отчетливо воспринять основные идеи автора и легко освободить себя от их внешнего обаяния. Во-вторых, приводя науку и научную мысль к хозяйственной функции, она явно грешит против подлинного существа науки <...>. В-третьих, возводит схематизацию в принцип и насаждает метафизику самого дурного типа. Чем лучше утверждение С. Булгакова о том, что наука есть ветвь хозяйства, утверждения материалистов о том, что душа есть продукт мозговой деятельности <...>? В-четвертых, совершенно недопустимо отнесение неокантианства, особенно Когена, к прагматизму. Ведь Коген видит в науке основной базис философствования лишь постольку, поскольку он берет ее в ее нехозяй-

---

Богдановича Фохта, отец — Николай Семенович Тростянский, юрист, крестный Б.А. Фохта.

¹¹⁵⁹ *Белый*, Начало века, 384.

¹¹⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 22. Письмо Э.К. Метнера к Б.Н. Бугаеву. 21.03.1911 г., Аксиньино. Л. 1.

¹¹⁶¹ Там же.

¹¹⁶² Имеется в виду книга Н.А. Бердяева «Философия свободы» (М., 1911).

¹¹⁶³ Взыскующие града, 429.

¹¹⁶⁴ *Булгаков С.Н. Природа науки // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину. К тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского Психологического Общества. 1881—1911. М., 1912. С. 10—48.*

stownom, неизменчивом, непреходящем составе. <...> никто не стоит дальше от механического истолкования мира, чем Коген. <...> Наконец, в-пятых, не немецкая философия есть порождение капитализма, а философские взгляды С. Булгакова. Ибо не неокантианцы и не всякие немецкие идеалисты <...> хотели и хотят рассматривать мир <...> как сам Булгаков», то есть «материалистически экономизируя все Сущее»¹¹⁶⁵.

Не менее критично встретили Трубецкой и оппоненты-неокантианцы и саму булгаковскую книгу «Философия хозяйства». Главным недостатком, повлекшим за собой остальные, был признан *эkleктизм* ее автора. «Булгакову было тесно в низенькой и маленькой избушке марковского экономического материализма, и вот он приладил к ней религиозно-спиритуалистическую вышку, приправил Маркса Соловьевым (как совершенно правильно заметил как-то в дебатах кн. Е. Трубецкой)»¹¹⁶⁶. Вместе с тем рецензенты признавали, что книга эта — «живой образец русской мысли, <...> новый этап ее национального пути»¹¹⁶⁷: хотя «изложение вращается в надуманных схемах, а проникновение в мысль представителей немецкого идеализма и современной гносеологии оставляет интенсивно желать лучшего», все же с точки зрения продуманности, «научности и доказанности» это сочинение «превосходит совершенно уже ненаучные и бездоказательные книги Бердяева и Эрна» (правда, «только с чисто внешней стороны», «внутренне оставаясь в одной с ними плоскости теоретического произвола»¹¹⁶⁸), «освобождает от недобросовестного обращения с неизученными противниками и публицистически-полемиического сквернословия»¹¹⁶⁹. «Нельзя не приветствовать начин С. Булгакова в деле текстуального изучения своих врагов, чего так недоставало представителям нашего религиозно-философского движения, и наличность чего так важна хотя бы для того, чтобы возбудить к себе действительный интерес другой стороны»¹¹⁷⁰.

¹¹⁶⁵ Яковенко Б.В. [Рец.:] Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину. К тридцатилетию научно-педагогической деятельности... // Логос. 1911/12. Кн. 2—3. С. 285—286.

¹¹⁶⁶ Яковенко Б.В. [Рец.:] Сергей Булгаков. Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. Москва. К-во «Путь». IV+321+V. 1912 // Логос. 1912/13. Кн. 1—2. С. 399.

¹¹⁶⁷ Алексеев Н.Н. Опыт построения философской системы на понятии хозяйства // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 115. С. 704; Яковенко Б.В. [Рец.:] Сергей Булгаков. Философия хозяйства, 397.

¹¹⁶⁸ Ср.: «философия приравнивается здесь к акту простого произвола, даже каприза». См.: Алексеев, Опыт построения философской системы, 710.

¹¹⁶⁹ Яковенко Б.В. [Рец.:] Сергей Булгаков. Философия хозяйства, 397.

¹¹⁷⁰ Яковенко Б.В. [Рец.:] Сергей Булгаков. Философия хозяйства, 397—398.

Со стороны Булгакова, это был не случайно выбранный *тон*, а заново определенная позиция в отношении к неокантианцам, или, как он их называл, к «современным мерзавцам в философии»: «Я в конце концов и по существу склоняюсь к тому выводу, что на детальную полемику у нас не хватит сил, времени, возможности, ведь ихняя машина работает всеми шестернями <...>. И то доброе, что есть у них, тоже легче принимать в положительном изложении»¹¹⁷¹. — Это можно расценивать безусловно как одну из важных побед русского неокантианства! Кистяковский указывал к тому же на «решительный поворот», который в этой книге делает Булгаков, «в сторону признания автономии философии по отношению к религии»¹¹⁷².

И Б.В. Яковенко, и Н.Н. Алексеев отметили *относительную* «новизну замысла» Булгакова, который состоял в том, чтобы, во-первых, «понять мир как объект трудового хозяйственного воздействия» (что, однако, уже исследовалось в трудах «Зиммеля, Мюнстерберга и, главным образом, Кроче») и, во-вторых, понять «мир как хозяйственный процесс» («что покоится на представлениях христианской философии, на учениях Бёме, Шеллинга, Баадера и на философских размышлениях наших славянофилов») ¹¹⁷³.

Подробно проанализировав булгаковскую аргументацию, Алексеев пришел к выводу, что вторую проблему о возможности «философии о мире как о хозяйственном процессе» Булгаков решает положительно за счет «едва ли допустимого в философии неразличения проблем и понятий»¹¹⁷⁴. При решении первой проблемы Булгаков постоянно сам себе противоречит, многие его суждения «взаимно отрицают друг друга»¹¹⁷⁵: «Истины нет в науке» — «на науке лежит печать Истины», можно ли со спокойной научной совестью защищать одновременно эти два положения? — Чтобы избавиться от этих противоречий, Булгаков «начинает делать оговорки», но фактически признает, что «истина — и там, и здесь», то есть и в учениях «чистой логики», и в учениях «прагматистов», «причем не в синтезе, а в механическом сочетании обоих противоположных суждений». «В истории философии, — делает вывод Алексеев, — такой путь решения проблем называется *эkleктизмом*»¹¹⁷⁶. В итоге, «С.Н. Булгаков в своей

¹¹⁷¹ Письмо С.Н. Булгакова к В.Ф. Эрну от 12.08.1912 г. // Взыскующие града, 479—480.

¹¹⁷² Кистяковский, Проблема и задача социально-научного познания, 117.

¹¹⁷³ Алексеев, Опыт построения философской системы, 707, 715—720; Яковенко, [Рец.:] Сергей Булгаков. Философия хозяйства, 397.

¹¹⁷⁴ Алексеев, Опыт построения философской системы, 725.

¹¹⁷⁵ Алексеев, Опыт построения философской системы, 726.

¹¹⁷⁶ Алексеев, Опыт построения философской системы, 728—729.

“Философии истории” не только не обосновал социальной науки, но разрушил ее. Тот, растерзанный противоречиями эклектизм, на котором стоит автор, не может быть сколько-нибудь твердым фундаментом и для философии, и для науки вообще, и для социально-экономической науки в частности»¹¹⁷⁷. По отношению «к большинству западнофилософских систем» Булгаков повел себя также «эклектично»: «решив, что истина лежит за их пределами», он все же «принужден был воспринять их же основные понятия», но «усвоение этих понятий <...> необходимо оказалось чрезвычайно внешним». «Булгаков слеп к восприятию имманентной диалектики философских систем Запада, поэтому так легко соединяет он учение о Софии с трансцендентальным методом, а этот последний с прагматизмом, с интуитивизмом, с мистицизмом и т. д. <...> главной причиной тому был философский национализм С.Н. Булгакова, под влиянием которого логика западной философии была сведена им к нулю»¹¹⁷⁸.

«Так нельзя философствовать, как хочет философствовать направление, воплотившееся в книге С.Н. Булгакова»¹¹⁷⁹, — категорически резюмирует Алексеев.

«Такой мистицизм опаснее всякого рационализма и против него нужно бороться», — с сожалением констатирует Трубецкой¹¹⁸⁰.

Но все же в первую очередь религиозные мыслители считали нужным бороться с неокантианством. И Морозова в письме к Трубецкому воодушевляла его на такую борьбу: «Что ты делаешь с Когеном? По-моему теперь как раз момент, чтоб разоблачить всю эту безнадежную и бесплодную немецкую философию последнего времени! Как тебе ни тяжело, но ты уж не поленись и основательно всех их разоблачи и растолкуй всем. Нужно это иго сбросить с русской молодежи. Делай это с вдохновением, а не со скукой, т. к. смысл твоей работы (их разоблачить и ниспровергнуть) очень увлекательный»¹¹⁸¹.

Так в 1917 г. появилась книга Трубецкого с разбором учения Канта и трех наиболее ярких «писателей, которые <...> доводят чистый, антиметафизический гносеологизм до конца»¹¹⁸², — Когена, Риккерта и Ласка. Задачу книги Трубецкой видел в оконча-

¹¹⁷⁷ Алексеев, Опыт построения философской системы, 733.

¹¹⁷⁸ Алексеев, Опыт построения философской системы, 734.

¹¹⁷⁹ Алексеев, Опыт построения философской системы, 706.

¹¹⁸⁰ Взыскующие града, 429.

¹¹⁸¹ Взыскующие града, 655–656. Дата письма неизвестна. Публикатор В.И. Кейдан указывает предположительно 1915 г.

¹¹⁸² Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917. С. 209. Далее цитируется как Трубецкой 1917 с указанием страниц.

тельном решении «вопроса о возможности “чистой гносеологии” без метафизики»¹¹⁸³.

На этот раз анализу подверглась первая часть когеновской «Системы философии» — «Логика чистого опыта». В первой половине той главы, что посвящена Когену, Трубецкой подробно и философски корректно — без «публицистически-полемического сквернословия», от которого несвободна его статья об этике Когена, — изложил основы когеновской теоретической философии. Но и в этом тексте ясно обнаруживается непонимание Трубецким кантовско-когеновской идеи трансцендентального.

Трубецкой совершенно точно отметил, что задача, которую пытается решить Коген, состоит в том, чтобы найти «выход из психологизма или антропологизма» Канта. И этот выход Коген находит «в доведенном до конца *рационализме*, в *утверждении чистой мысли*, которая ничего не черпает извне, а сама из себя производит познание во всей его полноте, служит единственным его источником как по форме, так и по содержанию»¹¹⁸⁴. Трубецкой отводит от теоретической концепции Когена все возможные подозрения в метафизичности, но сам сомневается в том, что Коген тем самым действительно нашел выход из кантовского антропологизма: «Логика Когена <...> от начала до конца представляет собой попытку обосновать достоверность научного познания в антропологических его условиях. <...> Раз никакой высшей истины *над* человеческой мыслью нет, раз истина — не более как *наш* метод, — очевидно, что наша мысль сама себе служит и безусловным критерием. <...> это — *наша*, человеческая точка зрения, не обладающая никакой онтологической значимостью — *наш метод* и более ничего»¹¹⁸⁵. Если «“Истина состоит единственно в искании истины”», то «не очевидно ли, что этот ответ разом делает все наше искание беспредметным?»¹¹⁸⁶ «Наука предполагает (постулирует) возможность *transcensus*'а — выхода от шатких и колеблющихся человеческих мыслей к *безусловной* истине; но именно возможность такого выхода Коген отрицает: он *не признает никакой другой истины, кроме человечески обусловленной*: в этом и есть суть его сведения истины к нашему, человеческому методу. В этом и заключается антропологизм его теории познания!» — «его априоризм <...> подчиняется эмпирическому условию: его “чистая” мысль есть в конечном счете *человечески обусловленная*, факт данной, *нашей* человеческой природы. <...>

¹¹⁸³ Трубецкой 1917, 210.

¹¹⁸⁴ Трубецкой 1917, 211.

¹¹⁸⁵ Трубецкой 1917, 226.

¹¹⁸⁶ Трубецкой 1917, 227.

Отсюда — безысходное противоречие, которое красной нитью проходит через все построения Когена»¹¹⁸⁷.

Преодолеть это противоречие можно, считает Трубецкой, только если мысль «возвысится над всякой данностью вообще, в том числе и над “данною наукою”; но для этого она должна признать *некоторое безусловное prius* надо всем, что дано, над всякой эмпирической действительностью»¹¹⁸⁸. Но «Коген этого не делает», и потому «все трансцендентальное исследование у него останавливается на полдороге и <...>, конечно, не достигает цели»¹¹⁸⁹.

«Коген безусловно прав в том, что все человеческое знание покоится на предположении *мысленного первоначала всего познаваемого*. <...> мы не могли бы в частности познавать какое-либо бытие, то есть выражать истину бытия в терминах мысли, если бы мы не предполагали, что мысль есть *первоначало бытия*, что мысленные определения лежат в самой основе сущего. <...> Но спрашивается, о какой мысли здесь идет речь? Коген, очевидно, не заметил, что *первоначалом* всего действительного и возможного может быть только *мысль безусловная*, только такая мысль, которая *сама в себе имеет свое безусловное начало и ни в чем другом не начинается, ни от какого другого начала не зависит*. <...> Первоначалом всего действительного и возможного может быть только мысль *актуально всеединая*, то есть такая мысль, которая все в себя объемлет не в возможности только, а в действительности <...> Действительное prius всякого бытия может заключаться только в той мысли, в которой от века все осмыслено и осознано, — в той мысли, которая составляет не гипотетическое только, а *реальное метафизическое начало всего, что есть*»¹¹⁹⁰.

Критикуя таким образом Когена, Трубецкой почему-то не замечает, что если бы Коген принял его критику, то тут же превратился бы в Гегеля... А ведь в то же время сам Трубецкой дважды — в статье 1909 г. и в новой книге 1917 г. — обращал внимание читателя на существенное отличие когеновского «панметодизма» от гегелевского «панлогизма»¹¹⁹¹! Тем не менее Трубецкой настаивает, что, «отвергая саму основу объективной реальности — ту абсолютную мысль, которая есть действительное, метафизическое первоначало сущего», Коген превращает «все познаваемое» в «мир призраков»¹¹⁹². Ведь «моя человеческая мысль — по суще-

¹¹⁸⁷ Трубецкой 1917, 228.

¹¹⁸⁸ Трубецкой 1917, 231–232.

¹¹⁸⁹ Трубецкой 1917, 232.

¹¹⁹⁰ Трубецкой 1917, 241.

¹¹⁹¹ Трубецкой, Панметодизм в этике, 127; Трубецкой 1917, 225.

¹¹⁹² Трубецкой 1917, 242–243.

ству отвлеченна и <...> *не всеедино*: чтобы мыслить *общее*, я должен отвлекаться от индивидуальных свойств предмета». «Отвлекаться от полноты» предмета — это результат «моего человеческого несовершенства», — считает Трубецкой. «Представление “всего” для меня остается поневоле отвлеченным. Но отвлеченность эта есть свойство *моей* мысли, а не самого Всеединого. *Всеединая мысль по самому существу своему конкретна, а не отвлеченна*»¹¹⁹³. «Всеединство есть подлинное первоначало всякого познания»¹¹⁹⁴. Таким образом Трубецкой пытается вернуть Когена к метафизическим основаниям познания, близким к гегелевским. Но для неокантианца невозможно то, что «очевидно» для религиозного мыслителя. Коген должен требовать у Трубецкого *доказательств* того, что Трубецкой может только *постулировать*, ссылаясь на «интеллектуальную интуицию»¹¹⁹⁵, обнаружить которую среди познавательных возможностей человека ни Канту, ни неокантианцам не удалось. Между прочим, именно этот вопрос: «*как он может знать, каким образом Божественный разум созерцает вещи?*» [курсив мой. — Н.Д.] — адресует Трубецкому и Л.М. Лопатин¹¹⁹⁶.

Трубецкой сводит когеновского познающего субъекта, субъекта *трансцендентального*, — к эмпирическому субъекту. Это дает ему основание для обвинения когеновской теории истины в непреодолимом релятивизме¹¹⁹⁷. Но предложение Трубецкого «абсолютизировать» ее, признав сверхъестественное метафизическое основание, некритично и потому для Когена невозможно. Рецензент книги Трубецкого Вл. Иоф вообще считает, что «обвинение Когена в релятивизме» «вряд ли основательно», так как «для Когена всякий новый шаг в познании не есть уничтожение результатов познания, а есть лишь обнаружение высшей систематической точки зрения, высшего синтетического единства»¹¹⁹⁸.

Напрасно упрекает Трубецкой когеновскую систему в противоречивости ее целей и принципов. Коген последовательно проводит *трансцендентальную* точку зрения, которую Трубецкой представляет как эмпирически (*субъективно человечески*) обусловленную и постольку несостоятельную. Действительная про-

¹¹⁹³ Трубецкой 1917, 244.

¹¹⁹⁴ Трубецкой 1917, 246.

¹¹⁹⁵ Трубецкой 1917, 239.

¹¹⁹⁶ Иоф Вл. [Рец.:] Кн. Евгений Трубецкой. Метафизические предположения знания. (Опыт преодоления Канта и кантианства). Москва, 1917 г. // Мысль. Пб. 1922. Кн. 1. С. 168.

¹¹⁹⁷ Трубецкой 1917, 228.

¹¹⁹⁸ Иоф, [Рец.:] Кн. Евгений Трубецкой. Метафизические предположения знания, 171.

блема состоит в том, что Трубецкой не видит *интерсубъективно* обоснованной объективности этой точки зрения.

Похожую ошибку, по мнению И.И. Лапшина, совершает и С.Л. Франк в своей книге «Предмет знания» (1915). Правда, Франк смешивает «транссубъективное с трансцендентным»¹¹⁹⁹, а не с эмпирическим, как Трубецкой. Поэтому вся книга оказывается «развитием одной мысли: *без признания трансцендентной реальности Абсолюта, которая постигается сверхрассудочным интуитивным путем, невозможно и феноменальное рассудочное познание как физического, так и духовного мира*». Для того же, «кто не верит заранее в реальность Абсолюта и постижимость его путем мистической интуиции», «все диалектические ухищрения автора не представляются достаточно убедительными. Онтологический аргумент даже в его утонченно модернизированной форме не ассимилируется сознанием современного скептически настроенного читателя»¹²⁰⁰.

Как предполагают некоторые исследователи, Франк отправился в Германию в научную командировку (1913–1914) «если не с завершенной работой», то с уже оформившимися идеями¹²⁰¹. Повидимому, безусловно оформившейся еще в России следует признать позицию Франка в отношении Абсолюта и мистической интуиции, фундирующих всю его концепцию. Сам Франк определял свою позицию из принадлежности «к старой, но еще не устаревшей секте *платоников*», причем подчеркивал, что «вся “трансцендентальная философия” есть лишь этап в истории платонизма»¹²⁰², тем самым признавая за своими идеями новый этап в развитии платонизма, который возвращает Платона к «еще не устаревшему» онтологизму или, что в случае Франка точнее, к *неоплатонизму*. Между тем, как показывает Лапшин, такое возвращение чревато «невозможностью теории познания»¹²⁰³...

В действительности Франк видит оправдание своей «интерпретации» «транссубъективного» как «трансцендентного» в «смелых, но странных признаниях» самого Когена, «одного из самых выдающихся современных гносеологов». Так, «говоря о мышлении, он имеет в виду совсем не человеческое мышление»¹²⁰⁴, считает

¹¹⁹⁹ Лапшин И.И. Мистический рационализм профессора С.Л. Франка // Мысль. 1922. № 3. С. 146.

¹²⁰⁰ Лапшин, Мистический рационализм Франка, 140.

¹²⁰¹ См.: Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М., 2006. С. 323.

¹²⁰² Франк С.Л. Предмет знания: Об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / Сост., вступ. ст., комм. И.И. Евлампиева. СПб., 1995. С. 40.

¹²⁰³ См.: Лапшин, Мистический рационализм Франка, 142–143.

¹²⁰⁴ Франк С.Л. Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 34–35.

Франк. Будучи «не в силах освободиться от психологизма», «Коген заявляет, что “теория познания есть смутное обозначение”, и заменяет ее “логикой чистого знания”¹²⁰⁵», а некоторые его ученики¹²⁰⁶ уже говорят о “логике бытия”»¹²⁰⁷. Более того, Франк полагает, что после Фихте, Шеллинга и Гегеля критицизм «уже во второй раз» совершает свое превращение «в онтологический идеализм»¹²⁰⁸: дело в том, что «философия — говоря словами Платона — раскрывает “внутренние глаза души” и заставляет видеть идеальное всеединство как первооснову всего сущего. “Идеализм” в этом платоновском смысле и философия, осознавшая себя самое, есть именно *одно и то же*. В силу этого и критическая гносеология, осознавшая сама себя, есть платонизм. Этот вывод <...> сделан — по крайней мере провозглашен, если еще не до конца осуществлен — такими вождями современной гносеологии, как Коген и Гуссерль»¹²⁰⁹.

Такая нарочитая онтологизация безусловно искажает настоящие взгляды Когена и неокантианцев, но в то же время — превращает их в глазах самого Франка из «философских мерзавцев» в полноправных собеседников, иногда даже союзников, по большей же части — уважаемых оппонентов. Не последнюю роль в этой научной полемике играют для Франка русские кантианцы и неокантианцы: Генрих Ланц¹²¹⁰, Леонид Габрилович¹²¹¹, Борис Вышеславцев¹²¹², для оценки работ которых он не скупится на похвалы: «справедливые замечания» (Ланц), «прекрасные соображения», «превосходная

¹²⁰⁵ Франк не проводит строго различия между понятиями «знание» (Wissen) и «познание» (Erkenntnis). У Когена речь идет именно о «логике чистого *познания*».

¹²⁰⁶ Речь идет о Н.А. Гартмане.

¹²⁰⁷ Франк, Кризис современной философии, 35.

¹²⁰⁸ В перечислении этих аргументов Франк повторяет в общих чертах критику неокантианства, данную С. Аскольдовым. См.: Аскольдов С. (Алексеев С.А.) Внутренний кризис трансцендентального идеализма // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125. С. 781–796. Аскольдов констатировал, что «собирательный субъект», «сознание вообще» и т. п. понятия, обозначающие познающего субъекта или познающую функцию, постепенно с эволюцией неокантианства превращаются в «какую-то вне человека стоящую потенцию» (791); что, как признался Коген, «творческое мышление, созидающее знание, не есть, конечно, человеческое мышление» (792); что «трансцендентальный идеализм» собирается повторить уже однажды произошедшее с ним превращение «в лице Фихте, Шеллинга и Гегеля» в «объективный, а при строгом проведении начал априоризма и в абсолютный идеализм» (791). Аскольдов предлагает не дожидаться окончания этого превращения и вернуться «назад» к «полноте познавательного опыта, данного человеку в самосознании личного “я”, этого образа и подобия *Бога Живого*» (795), к «докантовской философской свободе мысли, имевшей перед собой все способы и пути для союза философии и религии» (796).

¹²⁰⁹ Франк, Кризис современной философии, 37.

¹²¹⁰ Франк, Предмет знания, 101 сн., 103 сн.

¹²¹¹ Франк, Предмет знания, 144 сн., 231 сн., 297 сн.

¹²¹² Франк, Предмет знания, 205 сн., 316 сн., 407 сн.

книга» (Вышеславцев), «проницательное исследование» (Габрилович). В отношении «общего учения о законах мышления и об ограниченности их применения, развитого в сходных формах А.И. Введенским и И.И. Лапшиным», Франк признается, что именно оно, это учение, послужило для него «толчком к развитию» собственной теории, «в которой мы также приходим к выводу об ограниченности применения “логических законов”». Но существо нашей позиции настолько далеко уклоняется от указанных мнений, что особое обсуждение их не может быть дано в краткой форме»¹²¹³.

В ходе ознакомления с философскими идеями неокантианцев, Гуссерля и некоторых других современных ему западных философов Франк выстраивает собственную концепцию, и это дает ему основание полагать, что к мистико-религиозному направлению «русской философской мысли» он пришел «чисто теоретическим, непредвзятым ходом научного развития»¹²¹⁴. Справедливость последнего утверждения Франка в отношении его сочинения «Предмет знания», однако, вызывает сомнения. Характер цитации западной и русской неокантианской литературы в этой работе создает впечатление, что все эти авторы нужны были Франку лишь для отработки и корректировки ранее выбранной и определенной позиции. Это, правда, только впечатление, которое может быть опровергнуто специальным исследованием. Оно, тем не менее, находит подкрепление в другом произведении Франка — «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» (1917), где необходимость философской психологии как «своеобразной науки с своим особым методом и характером», выполняющей роль «посредницы между сверхнаучной областью религии, искусства, нравственности и областью логического знания»¹²¹⁵, выводится Франком напрямую из наличия у человека «религиозного сознания»: из «самосознания» или «самонаблюдения», которое «способен иметь» «лишь религиозный человек»¹²¹⁶. Попытки же подойти к решению проблемы философской психологии не со стороны религии, а со стороны науки или секуляризованной философии объявляются Франком «судорожными и бесплодными усилиями современной гносеологии спасти сферу субъективности, как бы оживить убитого», — примером таких усилий Франк считает «противоестественные, вычурные построения <...> Мюнстерберга или Наторпа»¹²¹⁷.

¹²¹³ Франк, Предмет знания, 197 сн.

¹²¹⁴ Франк, Кризис современной философии, 40.

¹²¹⁵ Франк, Предмет знания, 428. Цитируемое введение в работу «Душа человека» было опубликовано до выхода книги отдельно. См.: Франк С.Л. Задачи философской психологии // Русская мысль. 1916. Кн. X. С. 23—49.

¹²¹⁶ Франк, Предмет знания, 424.

¹²¹⁷ Франк, Предмет знания, 440.

С тех же позиций Франк подошел к оценке когеновской философии религии. Приветствуя в лице Когена создателя «современной немецкой религиозной философии», «непосредственно связующего философию с богословием»¹²¹⁸, он сетовал, что предпринятое Когеном «очищение идеи Божества от мифологических представлений», «обоснование чисто этического понимания Бога как абсолютной Идеи, как путеводной звезды человеческого нравственно-общественного развития»¹²¹⁹ «исторически противоречит духу ветхозаветной религии и систематически есть отрицание самой религии как таковой»¹²²⁰...

По-видимому, именно подобное обращение Франка с философами и философскими идеями имел в виду Гессен, когда писал Вяч. Иванову, что «Франк по личным свойствам своего ума и характера обречен на безнадежное смешение определенности философской позиции с узостью и философской расплывчатости и мягкотелости с широтой»¹²²¹.

Вместе с тем, публичные и печатные выступления Франка, а также Аскольдова и Трубецкого стали безусловно новым этапом в развитии взглядов русских религиозных мыслителей на неокантианство: от «поверхностного и крикливого» они перешли к «вдумчивому» и взвешенному «отношению к своим идейным противникам»¹²²². Первыми прецедентами такого «идеального отношения» следует, однако, считать два более ранних печатных выступления: В.В. Зеньковского (1908) о работе Наторпа «Учение Платона об идеях»¹²²³ и уже упомянутый отзыв П.А. Флоренского о кандидатском сочинении Рубинского (1911)¹²²⁴.

Все мыслители религиозно-мистического направления, критикуя неокантианцев, указывали на общий «кризис трансцендентального идеализма», который, по их мнению, состоял в невозможности последовательно и до конца провести три некогда определенных основных тезиса — «имманентности», «автономности мышления» и «антипсихологизма»¹²²⁵.

¹²¹⁸ Франк С.Л. Религиозная философия Когена // Русская мысль. 1915. Кн. XII. С. 29 (Отдел: «В России и за границей»).

¹²¹⁹ Франк, Религиозная философия Когена, 30.

¹²²⁰ Франк, Религиозная философия Когена, 31.

¹²²¹ Письмо С.И. Гессена к Вяч. Иванову. 27.02.1913 // Взыскующие града, 511.

¹²²² Яковенко Б.В. Русские журналы // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 412.

¹²²³ Зеньковский В.В. Платон в истолковании П. Наторпа // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 95. С. 588–619.

¹²²⁴ Флоренский П.А. Отзыв о кандидатском сочинении... // Богословский вестник. 1911. Март. Т. 1. С. 370–379.

¹²²⁵ Аскольдов С. Внутренний кризис трансцендентального идеализма // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125. С. 787–788.

Невозможность *первого* требования — «освободиться от всякой внешней мышлению данности» (тезис «имманентность») — обнаруживается, полагает С. Аскольдов, «в тех категориях или суждениях, в которых мысль по самому понятию своему направлена на содержание, а не на форму» (категория *действительности*)¹²²⁶.

Второе требование или тезис «автономность мышления», что основывается на «коперниковском деянии» Канта, также несостоятельно, считает Аскольдов, поскольку мыслящий субъект, «познающий и в то же время созидаящий свое познание», а вместе с познанием — и «всю действительность, и весь мир», не может быть «только человеком, хотя бы собирательным», иначе «весь мир превратится в чистую иллюзию»¹²²⁷.

Третье требование — тезис «антипсихологизм» — следует, по Аскольдову, рассматривать лишь как «верное ощущение тех подводных камней, о которые должен разбиться критический корабль». Таким «камнем» должно стать *представление*, поскольку оно есть та «познавательная форма», тот «жизненный источник», к которому «тяготеет» «познание, понятое в самом широком общечеловеческом смысле», то есть познание «донаучное»¹²²⁸.

Выхода из идейного кризиса, разразившегося в неокантианстве, русские религиозные мыслители видели два: один — повторение пути, уже однажды пройденного немецкими идеалистами — Фихте, Шеллингом и Гегелем — и приведшего философию к новому кризису; другой — возврат к признанию трансцендентной реальности, к Абсолюту, постигаемому мистической интуицией, то есть к религиозной онтологии. Первый вариант, будучи уже хоженным, казался им непродуктивным, и потому предлагался второй: «неудачу» трансцендентально-идеалистических систем они «хотели возместить» «построениями спиритуалистического и теистического характера», восстановлением «приоритета религиозной веры» и введением ее «как фактора в научное объяснение мира и существования»¹²²⁹. Такое решение проблемы представлялось, в свою очередь, совершенно неприемлемым для неокантианцев: «Освобождение научной мысли, а равно и философии, от влияния и господства религиозной веры осуществлено в *принципиальном*, внутренне-существенном смысле <...> установлении-

¹²²⁶ Алексеев С.А. (Аскольдов). Мысль и действительность. М., 1914. С. 82.

¹²²⁷ Аскольдов, Внутренний кризис трансцендентального идеализма, 789–791.

¹²²⁸ Алексеев (Аскольдов), Мысль и действительность, 79.

¹²²⁹ Этот разбор, данный Яковенко применительно к критике религиозными мыслителями «механистически-материалистического мировоззрения», в целом совпадает с выводами тех же мыслителей, полученных в результате их критики трансцендентального идеализма. См.: Яковенко Б.В. Русские журналы // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 408–409.

ем *критически-гносеологического исхода* при обсуждении всех и всяческих философских проблем. <...> наличие религиозной веры у представителей научного знания и философов представляется, с гносеологической точки зрения, совершенно безразличной, экстрапознавательной, не могущей оказать никакой помощи при интрапознавательных переворотах и кризисах»¹²³⁰.

Между тем, кризис в неокантианстве, который констатировали представители религиозно-мистического направления, к 1912–1914 гг. обрел совершенно определенные формы и проявился в работах Наторпа, Гартмана и Кассирера — у каждого на свой лад и в своих пределах, но все же — пока в рамках единой методологии. Русские неокантианцы сознавали этот кризис тем острее, чем отчетливее религиозные мыслители пытались формулировать его суть и свое желание его идейно преодолеть.

В этих дебатах не только оттачивалось полемическое мастерство обеих сторон, но постепенно повышался и *общий уровень философствования*: противникам приходилось детально, по первоисточникам изучать противоположную позицию. Так постепенно решалась *вторая* задача, поставленная перед собой русскими неокантианцами.

Именно в ходе этой полемики выкристаллизовалась общая проблема, занимавшая как ту, так и другую сторону: «проблема *рационального и иррационального и их взаимоотношения*»¹²³¹. Причем русские марбуржцы прекрасно понимали, что «то решение проблемы о рациональном и иррациональном, которое дается современными сторонниками “чистой логики”, справедливо может не удовлетворять, так как в нем “иррациональному” отводится слишком небольшая роль. Может возбуждать протест и то, что основанием для решения этой проблемы служат образцы наук рациональных, — математики и чистой физики»¹²³².

У русских неокантианцев эта проблема наиболее отчетливо была поставлена в статье В.Э. Сеземана «Рациональное и иррациональное в системе философии»¹²³³. В той или иной степени проблему иррационального затрагивали в своих теоретических статьях С.И. Гессен¹²³⁴ и Б.В. Яковенко¹²³⁵, уже после революции

¹²³⁰ Яковенко, Русские журналы, 409.

¹²³¹ Алексеев, Опыт построения философской системы, 706.

¹²³² Алексеев, Опыт построения философской системы, 728.

¹²³³ Сеземан В.Э. Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. М. 1911. Кн. 1. С. 93–122. См. также: «Очерк второй. 1.2».

¹²³⁴ Гессен С.И. Мистика и метафизика // Логос. 1910. Кн. 1. С. 118–156 (перепеч.: Гессен С.И. Избранные сочинения. С. 31–70).

¹²³⁵ Яковенко Б.В. Путь философского познания // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 24–44. См. особенно: С. 36–40.

по-английски была опубликована статья Г.Э. Ланца «Иррациональность рассуждения»¹²³⁶.

Но наиболее подробное выражение эта проблема получила в историко-философских исследованиях, проведенных русскими марбургцами в дореволюционные годы: это прежде всего работы о Плотине Кубицкого и Ланца и целый корпус работ, посвященных философии Фихте.

Русские исследования о Плотине продолжили в целом одно из направлений Марбургской школы: две более ранние работы о Плотине принадлежали Карлу Хорсту, «Предварительный эскиз к новому исследованию эстетики Плотина» (1905)¹²³⁷, и Густаву Фальтеру — в его сочинении речь шла о развитии понятия «идеи» в трудах Филона и Плотина¹²³⁸. А.В. Кубицкий в своей статье¹²³⁹, подготовленной и прочитанной как пробная лекция в Московском университете в 1909 г., поставил проблему «реального существования» в философии Плотина. По мнению Кубицкого, трансцендентный и имманентный смыслы Единого находятся в учении Плотина в «непримиримом противоречии»¹²⁴⁰; познание, «стиснутое в пределах интеллигибельного мира», «вырождается в интеллектуальную интуицию», где «стираются все логические различия»; а «Единое верховное первоначало» «поглощается разумом» и оказывается «излишним»¹²⁴¹. Решить эту проблему Плотин мог бы в том случае, если бы ввел бога, или Единое, «в пределы системы» принципов разума, «отождествленного с бытием», то есть решение проблемы, считает Кубицкий, может быть получено «ценою отказа от пантеизма и замены его панлогизмом»¹²⁴².

Неявно возражает против такой «односторонней и субъективно пристрастной» логицизации Плотина Г.Э. Ланц. Он считает, что не следует искать в философии Плотина «чистого трансцендентализма в узком смысле, который имеет слишком тесную связь с наукой и базируется на понятии платоновского гипотезиса», поскольку «спекулятивный трансцендентализм» Плотина идет «не в ширь научных понятий, а в глубь самих философских категорий», в нем раскрывается «не логика науки, а логика самой фи-

¹²³⁶ Lantz H. The Irrationality of Reasoning // The Philosophical Review. Vol. XXXV. No. 4 (208). New York, 1926, July. P. 340–359.

¹²³⁷ Holzhey 1986/II, 327.

¹²³⁸ Falter G. Beiträge zur Geschichte der Idee. Teil I. Philon und Plotin. Gießen, 1906. — (Philosophische Arbeiten. Bd. I. H. 2).

¹²³⁹ Кубицкий А.В. Учение Плотина о мысли и бытии // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98. С. 477–493.

¹²⁴⁰ Кубицкий, Учение Плотина, 483–484.

¹²⁴¹ Кубицкий, Учение Плотина, 493.

¹²⁴² Там же.

лософии» и выражается «требованием тождества между бытием и мышлением»¹²⁴³. В ходе «исторического анализа трансцендентально-спекулятивного момента в системе Плотина»¹²⁴⁴ Ланц находит, что «момент иррационального» «скрыт в недрах» души, поскольку именно «душа объединяет в себе как функцию понятия, так и функцию материи, то есть является гносеологическим субъектом во всей его полноте». И хотя, по Плотину, «момент иррационального <...> и есть то, что отличает объективный и действительный предмет от самой логической предметности», Ланц считает, что «такой способ решения проблемы объективности» приводит в истории философии к неразрешимым противоречиям. Гораздо более продуктивным, по мнению Ланца, должен быть метод, базирующийся в решении этой проблемы на платоновском понятии «рефлексии» и «Единого»¹²⁴⁵.

В том же направлении, что и Ланц, в те же годы двигался Наторп, фактически платинизируя Платона, что отчетливо прозвучало в «Метакритическом приложении “Logos – Psyche – Eros”» (1920) к новому изданию «Учения Платона об идеях» (1921)¹²⁴⁶.

Что касается работ о Фихте, эта тема, как собственно и вся идейная проблематика русского неокантианства, требует специального подробного изучения¹²⁴⁷. Исследователями, однако, уже было отмечено, что обращение русских неокантианцев к философии Фихте шло в русле «скрытой или явной полемики с ортодоксальной русской религиозно-православной философией» и «вполне определенной ориентации на некоторые идеи современной им западной философии»¹²⁴⁸. Одним из первых, кто наметил это исследовательское направление в русской «неокантиане», был Б.П. Вышеславцев, выступивший еще в 1908 г. в Московском университете с пробной лекцией об обосновании «социалистических принципов в философской системе Фихте»¹²⁴⁹. Вслед за Когеном Вышеславцев признает актуальной «точку зрения Фихте на

¹²⁴³ Ланц Г.Э. Момент спекулятивного трансцендентализма у Плотина // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Ч. 49. Январь. С. 87–88.

¹²⁴⁴ Ланц, Момент спекулятивного трансцендентализма, 138.

¹²⁴⁵ Ланц, Момент спекулятивного трансцендентализма, 132–133.

¹²⁴⁶ См.: «Очерк первый. 4.2.».

¹²⁴⁷ Русская «Фихтеана», ядро которой составляют работы русских неокантианцев, довольно подробно исследована с точки зрения историко-философского анализа идей самого Фихте. См.: Философия Фихте в России. СПб., 2000. Однако еще подлежат исследованию те моменты этого анализа, в которых сказывается неокантианская традиция и намерение использовать те или иные идейные и методические находки для систематического развития собственных взглядов.

¹²⁴⁸ Философия Фихте в России, 224.

¹²⁴⁹ Вышеславцев Б.П. Обоснование социализма у Фихте // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 95. С. 571–587.

социальный вопрос как на вопрос этический»¹²⁵⁰ и свое диссертационное исследование посвящает именно этике Фихте¹²⁵¹. Эта работа до сих пор считается одним из лучших в России исследований по философии Фихте¹²⁵². Кроме Вышеславцева к исследованию учения Фихте обратились Яковенко, Ланц, Кубицкий, Лапшин, Ильин и Топорков. Их статьи вошли в юбилейный номер «Вопросов философии и психологии» (1914. Кн. 122), целиком посвященный Фихте¹²⁵³. И по количеству статей, и по их оригинальности и обстоятельности приоритет в русской «фихтеане» принадлежал безусловно Яковенко¹²⁵⁴ и Ланцу¹²⁵⁵.

Таким образом именно в «*Фихтеане*» реализовалась первая задача русского неокантианства, сформулированная Яковенко, — задача по изучению источников философской мысли и написанию собственных трудов о мыслителях-классиках. Научная деятельность русских неокантианцев не ограничилась, однако, исследованиями о Фихте и Плотине. Из-под их пера вышло множество критических работ, посвященных современным западным философам: Когену, Наторпу, Штаммлеру, Форлендеру, Шуппе, Гуссерлю, Ренувье, Марксу и другим¹²⁵⁶. Ими было написано огромное количество рецензий на философские новинки как западных, так и российских авторов в журналы «Логос», «Вопросы философии и психологии», «Труды и дни», «Русская мысль», «Критическое обозрение». «Логос» также постоянно печатал собственные систематические работы русских неокантианцев¹²⁵⁷.

Здесь нужно сказать несколько слов об одном совершенно *самобытном* русском «неокантианце», который, по-видимому, никогда не был в Германии, но всем своим творчеством воплотил

¹²⁵⁰ Вышеславцев, Обоснование социализма у Фихте, 587.

¹²⁵¹ См.: Вышеславцев 1914.

¹²⁵² См. подробнее: Философия Фихте в России, 228–230, 265, 276–283, 288–295, 301–310, 313, 315–320, 322–328.

¹²⁵³ См.: Ланц Г.Э. Иоганн Готлиб Фихте. С. 65–119; Яковенко Б.В. Основная идея теоретической философии И.Г. Фихте. С. 143–164; Ильин И.А. Философия Фихте как религия совести. С. 165–185; Кубицкий А.В. Фихте и иенский период. С. 186–226; Ланц Г.Э. Бытие и знание в философии Фихте. С. 227–282; Яковенко Б.В. Наукоучение (Опыт историко-систематического исследования). С. 283–411. Кроме русских неокантианцев статью о Фихте для этого номера представил только Лопатин. См.: Лопатин Л.М. Общее мировоззрение Фихте. С. 120–142.

¹²⁵⁴ Работы Яковенко о Фихте объединены в книге: Яковенко Б.В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте / Сост., вступ. ст. А.А. Ермичева. СПб., 2004. См. об этих работах: Философия Фихте в России, 225–227, 267–268, 270, 272–273 и др.

¹²⁵⁵ См.: «Литература». См. об этих работах: Философия Фихте в России, 227–228, 259, 270–272 и др.

¹²⁵⁶ См.: «Литература».

¹²⁵⁷ См. роспись содержания журнала «Логос»: «Логос» в истории европейской философии. С. 79–102.

тенденции, берущие свое начало в неокантианских школах, прежде всего в Марбургской, чем доказал актуальность и популярность их идей в России. Речь идет о *Каллистрате Фалалеевиче Жакове* (1866—1926). Он перепробовал самые разные профессии и занятия (вплоть до монашества, но был изгнан из монастыря за вольнодумство), прежде чем поступил в Петербургский университет. Свою научную деятельность он начал как этнограф и стал первым из зырян (коми), кто получил звание профессора. В историю философии Жаков вошел как создатель оригинальной философской концепции — лимитизма или «философии предела»¹²⁵⁸. Уже в 1904 г. Жаков пишет работу «Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания», в которой он чуть ли не предвосхищает кассирировскую идею о функциональности познания, правда, приходит к этой идее не от Канта и Когена, а со стороны Гегеля и Спенсера. Жаков формулирует учение лимитизма, согласно которому необходимо синтезировать по образцу философии Аристотеля гегелевский панлогизм и спенсеровский эволюционизм, используя математическое понятие предела в философском аспекте¹²⁵⁹. Наше познание — всегда величина переменная, стремящаяся с помощью гипотез к пределу, то есть к бытию¹²⁶⁰, а сущность вещей — не что иное, как свободно-энергетический потенциал с тенденциями к пространственности, временности, материальности, логичности, эстетичности и нравственности. Жаков полагает, что его теория устраняет всякий дуализм и тем более плюрализм¹²⁶¹, и считает ее неокантианством, нашедшим выход к бытию, к сущности вещей¹²⁶².

Может возникнуть вопрос, что же тут от неокантианцев? Ответ должен быть, видимо, скандальным: ничего и все. «Ничего» — в том смысле, что Жаков изобретает свою терминологию, свою методологию, чуть не целую систему. «Все» — имеется в виду характер постановки проблем, обращение к математике, к средствам математического языка, к той же математической теории, что была значима для марбургских неокантианцев. Следует провести настоящее подробное исследование, чтобы разобраться, что представляла собой система Жакова — самобытное построение, переоткрывшее и предвосхитившее целый ряд идей в марбург-

¹²⁵⁸ См.: «Литература».

¹²⁵⁹ Жаков К. Ф. Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб., 1912. С. 25.

¹²⁶⁰ См.: Жаков К. Ф. Гипотеза, ее природа и роль в науке и в философии. Пг., 1915.

¹²⁶¹ См.: Бачинский А. [Ред.:] К. Жаков. Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. СПб. 164 с. Изд. Пирожкова // Весы. 1905. № 2. С. 63—64.

¹²⁶² Жаков, Основы эволюционной теории познания, 109.

ском неокантианстве, или дилетантское эклектичное учение изобретателя философского велосипеда...

Кроме чисто исследовательской деятельности многие русские неокантианцы большое внимание уделяли *преподаванию* философской пропедевтики в гимназиях и философских дисциплин на Высших женских курсах и в университетах.

Постановка преподавания философских предметов на Историко-филологическом факультете Московского университета неоднократно удостаивалась крайне пренебрежительного отзыва современников: «Круг предметов, читавшихся по нашей группе, был также далек от идеала, как и способ его преподавания. Это была странная мешанина из отжившей метафизики и неоперившегося просвещенства <...> История философии превращалась в беллетристическую догматику, психология вырождалась в ветреную пустяковину брошюрного пошиба. Молодые доценты, как Шпет, Самсонов и Кубицкий, порядка этого изменить не могли. Однако и старшие профессора были не так уж в нем виноваты. Их связывала необходимость читать популярно до азбучности»¹²⁶³. Обратной стороной и одной из главных причин низкого уровня *преподавания* философии в университете был «очень низкий уровень *понимания*» студентами этого предмета, что вынуждало преподавателя «приспособляться к наивному и грубому взгляду на вещи»¹²⁶⁴. По воспоминаниям М.П. Поливанова, Лопатин «хорошо знал, что в массе студентов немногие интересуются философией. Приходилось даже слышать мнение, что философия является совершенно излишним предметом в нашем учебном плане»¹²⁶⁵. Именно поэтому молодые русские марбуржцы и баденцы много сил и времени отдавали преподаванию — преимущественно в университетах, но некоторые отправлялись и на Высшие женские курсы, и в гимназии.

В Петербургском университете Лапшин читал курсы «Судьбы критической философии», «Философия XIX века (история проблем)», «Введение в эстетику», «Философия Канта», «Гегель и новейшая немецкая философия», «Общий курс логики», «Психология» и вел семинары по первым двум «Критикам» Канта, по истории скептицизма, по теории познания и психологии мышления (Риккерт, Кассирер, Гуссерль), по неокантианству (Марбургская школа)¹²⁶⁶. Габрилович, последователь Шуппе, симпатизирующий мар-

¹²⁶³ Охранная грамота, 152.

¹²⁶⁴ Огнев А.И. Лев Михайлович Лопатин. Пг., 1922. С. 18.

¹²⁶⁵ Поливанов М.П. Историко-филологический факультет Университета // Двухсотлетие Московского университета. 1755–1955. Празднование в Америке. New-York, 1956. С. 97.

¹²⁶⁶ Пустарнаков 2003, 213–214.

буржцам, читал «Имманентную философию», «Введение в философию естествознания», «Введение в философию точных наук», «Введение в философию математики» и др.¹²⁶⁷. Сеземан читал «Этические учения древности (от Сократа до Платона)» и вел семинары «Этические сочинения Платона, Аристотеля и Платина», «Критика способности суждения в связи с новейшими эстетическими теориями»¹²⁶⁸. С осени 1912 г. в течение двух лет Сеземан преподавал также психологию, логику и педагогику в немецких училищах Св. Анны и Св. Екатерины¹²⁶⁹. В Петербургском университете Гессен читал лекции по «Канту» и «Истории педагогических систем в связи с общей историей философии», вел семинары по философии Бергсона, «Проблема иррационального в современной философии», «Этика Канта (в связи с философией религии)»¹²⁷⁰ и по философии Фихте¹²⁷¹. Там же читал лекции Лосский, — среди прочих тем, по современным теориям познания и по «Марбургской школе трансцендентального идеализма (Коген, Наторп, Кассирер)»¹²⁷².

В Московском университете специально «неокантианских» и общих теоретико-познавательных курсов читалось гораздо меньше. До отъезда в Варшаву некоторое время Савальский вел там курс «История философии права. Проблема социализма и анархизма в критической философии Марбургской школы»¹²⁷³. Вышеславцев читал тот же курс, но без особого акцента на неокантианских учениях. Он вел, кроме того, историю этики, начиная с Канта (в немецком классическом идеализме)¹²⁷⁴. В 1905 г. Д.В. Викторов прочитал курс «Очерк современных учений о познании», где, правда, преимущественное внимание уделялось эмпириокритицизму и имманентной школе Шуппе¹²⁷⁵. В 1914—1917 гг. В.Н. Ивановский вел семинар по методологии наук с использованием сочинений Кассирера, Милля и Риккерта¹²⁷⁶.

По-видимому, большим разнообразием отличались занятия на МВЖК. Еще до своего отъезда в научную командировку там вел практические занятия по философии Савальский, в то же время он читал лекции по философии на Педагогических и на Высших коммерческих курсах¹²⁷⁷.

¹²⁶⁷ Пустарнаков 2003, 215.

¹²⁶⁸ Пустарнаков 2003, 217.

¹²⁶⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Ед. хр. 1087. Л. 13.

¹²⁷⁰ Пустарнаков 2003, 217.

¹²⁷¹ Гессен, Избранные сочинения, 735.

¹²⁷² Пустарнаков 2003, 214.

¹²⁷³ Пустарнаков 2003, 220.

¹²⁷⁴ Пустарнаков 2003, 221.

¹²⁷⁵ Пустарнаков 2003, 219—220.

¹²⁷⁶ Пустарнаков 2003, 223.

¹²⁷⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Ед. хр. 19. Л. 312.

Отлученный от университетской кафедры Фохт с 1904 г. с некоторыми перерывами на заграничные командировки начинает преподавать на МВЖК курс философии и вести семинар по Канту. В 1913–1916 гг. он вел там же семинар по философии Платона (логика и теория познания Платона по важнейшим его диалогам) с опорой, в числе прочих, на работы марбургских неокантианцев — Николая Гартмана, Мартина Альтенбурга и Пауля Наторпа; семинары по «Критике чистого разума» и «Прологоменам» Канта с использованием работ Кассирера, Когена, Бёрингера и Шульца; по истории эстетических учений и по истории основных метафизических проблем в древней и новой философии (до Канта)¹²⁷⁸.

Фохт работал также на курсах Тихомирова и Московского Общества народных университетов, а также вел философскую пропедевтику в московских гимназиях¹²⁷⁹. К тому же он преподавал в гимназиях немецкий язык, историю и педагогику. В соответствии с «личной традицией, шедшей еще от С.Н. Трубецкого»¹²⁸⁰, Фохт организовал семинар по философии Канта и Когена у себя на дому. Такая интенсивная преподавательская работа вскоре принесла первые плоды: у Фохта появился круг учеников, увлеченных идеями марбургского неокантианства¹²⁸¹.

Кроме своего курса по Платону в Московском университете Кубицкий читал в 1913–1915 гг. на МВЖК курсы истории древней и новой философии и вел семинары по теоретической философии Канта, по европейскому рационализму (Декарт, Спиноза, Мальбранш), по философии Канта и Фихте и по немецкому идеализму начала XIX в. (Шеллинг и Гегель)¹²⁸². В те же годы Кубицкий преподавал в Городском народном университете им. А.Л. Шанявского¹²⁸³.

Однако любая педагогическая активность русских неокантианцев неизбежно наталкивалась на серьезное препятствие: нехватку пособий и учебных материалов. Поэтому — и это стало *третьим* направлением в просветительской работе Фохта и его коллег — требовался быстрый и качественный перевод на русский язык наиболее важных работ европейских философов — не только классических трудов, но и текстов, доступных для чтения в курсах философской пропедевтики и для самостоятельного изучения¹²⁸⁴.

¹²⁷⁸ Пустарнаков 2003, 221–222.

¹²⁷⁹ Гарева А.А. Предисловие к публикации // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 106.

¹²⁸⁰ Охранная грамота, 152.

¹²⁸¹ См.: «Приложение». Письмо № 12.

¹²⁸² Пустарнаков 2003, 222.

¹²⁸³ Пустарнаков 2003, 447.

¹²⁸⁴ Далее речь пойдет о переводах работ марбургских неокантианцев и переводах, выполненных русскими марбуржцами.

Нужда в таких переводах ощущалась даже тогда — во времена высокой лингвистической образованности. Требовался в то же время особый отбор текстов, подлежащих переводу, потому что можно было столкнуться с тем, что в современном западном обзоре «современной философии» не находилось «подобающего места» ни для одной из школ неокантианства¹²⁸⁵. «Поэтому пополнить, по крайней мере отчасти, указанный пробел и снова напомнить русским читателям о некоторых весьма важных явлениях в современной борьбе за обладание философской истиной», представлялось русским неокантианцам весьма уместным¹²⁸⁶.

С этой целью Фохтом была создана научная серия «*Kantiana*». Она задумывалась именно как «руководство к изучению философии Канта». Первый выпуск серии и первый переводческий опыт Фохта и Бердникова относится к 1906 г. Им стала книжка К. Штанге «Ход мыслей в “Критике чистого разума”»¹²⁸⁷. По совету Лопатина, о чем упоминает Фохт в предисловии ко второму выпуску этой серии, Фохтом, Гордоном, Боричевским и Топорковым был выполнен перевод работы Иоганна Шульца, считавшегося самим Кантом знатоком его первой «Критики»¹²⁸⁸. Эти переводы, по мнению Фохта, должны были «служить, прежде всего, к облегчению усвоения подлинного содержания Критики Чистого Разума в отличие и в противодействие тем весьма различным освещениям и перетолкованиям, которые в наше время так часто выдаются за изложение мыслей и учения самого Канта. На переводе именно этого старинного сочинения мы остановились потому, что, благодаря непосредственной редакции его самим Кантом, оно до сих пор не устарело <...>. Классические произведения философии вообще должны изучаться, прежде всего, в них самих, с благоговением к их действительному содержанию и с воздержанием до поры до времени от их критики. “Канта недостаточно читать, а нужно в него углубляться” <...>. Относительно Канта это справедливее, чем относительно какого-либо другого из великих философских писателей, за исключением разве одного Платона.

¹²⁸⁵ См. два издания на рус. яз.: Гёффдинг Г. Современная философия / Пер. А.П. Поливановой, под ред. Д.В. Викторова. М., 1907; Пер. под ред. проф. А.Л. Погодина. СПб., 1907.

¹²⁸⁶ Фохт Б.А. Предисловие к русскому переводу // Христиансен Б. Психология и теория познания. Пер. с нем. Е.И. Боричевского. Под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М., 1907. С. 1.

¹²⁸⁷ Штанге К. Ход мыслей в «Критике чистого разума»: Руководство для чтения. Пер. с нем. Б.А. Фохта и А.И. Бердникова. М., 1906. — (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта; Вып. 1).

¹²⁸⁸ Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»: Руководство для чтения. Пер. со 2-го нем. изд. 1897 г. Под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М., 1910. — (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта; Вып. 2).

Облегчить прочесть и перечитывать Критику и должно способствовать сочинение Шульца»¹²⁸⁹. Удивительно, что в составлении содержания серии принял участие Лопатин, — в общем-то, антагонист московских когенианцев.

В промежутке между двумя выпусками «Кантианы» был издан перевод Боричевского под редакцией Фохта работы Бродера Христиансена¹²⁹⁰, философа, близкого по своим взглядам Баденской школе.

По неясным причинам дальнейшая судьба этого проекта не сложилась. Андрей Белый писал, что Фохт надеялся на финансовую поддержку Морозовой в издании русскоязычного неокантианского журнала. Может быть, речь шла о «Кантиане»? Но «благоволение ее [Морозовой] к Канту, кажется, ограничилось рефератом Фохта под заглавием “Кант”. Старик Лопатин победил в тот период всех философов другого толка»¹²⁹¹, издание захлебнулось. В первом выпуске было объявлено о планирующейся публикации еще двух работ: для 3-го выпуска — перевода Фохта и Бердникова работы Альфреда Гельдера «Изложение теории познания Канта»¹²⁹², а для 4-го — перевода сочинения Роберта Адамсона «Четыре лекции о философии Канта»¹²⁹³. Затем, по-видимому, планы изменились, и было объявлено, что четвертым выпуском выйдет перевод Фохта когеновского «Комментария к “Критике чистого разума”»¹²⁹⁴. Судьба этой работы до сих пор неизвестна, — она исчезла. О том, что перевод в действительности существовал, есть свидетельство самого Фохта в предисловии к переводу Гельдера (1929): «Перевод на русский язык этого Комментария сделан мною много лет тому назад <...>»¹²⁹⁵, и воспоминание Анны Арка-

¹²⁸⁹ Фохт Б.А. Предисловие (Москва, 13 мая 1909 г.) // Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»: Руководство для чтения. Пер. со 2-го нем. изд. 1897 г. М., 1910. — (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта; Вып. 2).

¹²⁹⁰ Христиансен Б. Психология и теория познания / Пер. с нем. Е.И. Боричевского, под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М., 1907. Одновременно с этим переводом был издан другой, имена переводчиков не указаны: Христиансен Б. Теория познания и психология познания // Вестник знания. СПб. 1907. № 3. С. 65–81.

¹²⁹¹ Белый А. Начало века. С. 505–506.

¹²⁹² Гельдер А. Изложение теории познания Канта с обращением особого внимания на различные формы, которые получила у Канта трансцендентальная дедукция категорий. См.: Личный архив А.А. Гаревой (1929); ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 1. Ед. хр. 107. На титульном листе и на первой странице — штамп: «Библиотека И<нститут> К<расной> П<рофессуры> Философии» (1933).

¹²⁹³ Adamson R. Über Kants Philosophie. Leipzig, 1880. О том, был ли сделан перевод этой работы на русский язык, ничего не известно.

¹²⁹⁴ Cohen H. Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1907.

¹²⁹⁵ Гельдер А. Изложение теории познания Канта... (1929). Л. 4.

дьежны Гаревои, в 40-х годах ученицы Бориса Александровича, которая видела эту рукопись в архиве Фохта.

Среди нереализованных переводческих проектов были еще две работы: «Сборник речей о Канте, произнесенных профессорами германских университетов в день столетней годовщины со дня смерти Канта»¹²⁹⁶, объявление о котором было также помещено в первом выпуске «Кантианы», и перевод с французского, выполненный Гордоном, четырех глав из книги Теодора Рюиссена «Кант»¹²⁹⁷. Обе работы не сохранились.

В 1909 г. был издан перевод «Логики» Наторпа, в предисловии к которому Лапшин настаивал на необходимости интенсифицировать переводческую деятельность, поскольку в русской философской «переводной литературе» «еще имеются большие пробелы» как области эстетики, так и в области логики и теории познания. Их необходимо «пополнять переводами хороших иностранных сочинений» «ввиду бедности самостоятельного творчества русских в этой области до сих пор и слабому знанию учащимися иностранных языков»¹²⁹⁸. Поэтому Лапшин также говорит о необходимости перевода таких капитальных трудов, как «Логика чистого познания» Когена, «Теоретикопознавательная логика» Шуппе и «Основания теории познания» Шуберта-Зольдерна, и сообщает об уже ведущейся работе над переводом наторповского «Введения в психологию в соответствии с критическим методом» (1888)¹²⁹⁹. К сожалению, ни одна из четырех перечисленных Лапшиным работ не появилась в печати.

В 1910 г. был опубликован перевод Г.Г. Шпета наторповской «Философии как основы педагогики»¹³⁰⁰.

В 1910 и 1911 гг. в издательстве Н.Н. Ключкова вышли (должны были выйти) три перевода Фохта, не включенные им в серию «Kantiana»: «Основы для метафизики нравов» И. Канта, «Общая педагогика» П. Наторпа и его же «Философская пропедевтика»¹³⁰¹. Перевод «Философской пропедевтики» был сделан с третьего немецкого издания 1909 г. Первые две главы этого сочи-

¹²⁹⁶ См.: «Приложение». Письмо № 13, прим. 10.

¹²⁹⁷ *Ruyssen T. Kant. Paris, 1900. — (Les Grands Philosophes)*. См.: «Приложение». Письмо № 2, 3.

¹²⁹⁸ *Лапшин И.И. Предисловие // Наторп, Логика: Обоснование и логическое построение..., V.*

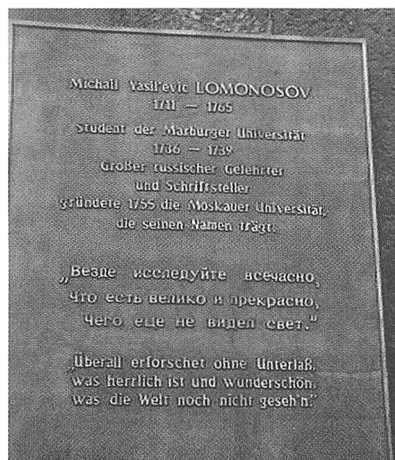
¹²⁹⁹ *Лапшин, Предисловие, VII.*

¹³⁰⁰ *Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 297–383.*

¹³⁰¹ *Наторп П. Философская пропедевтика: (Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии)*. Пер. с 3-го нем. изд. под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М., 1911. Первые два издания были анонсированы издательством как вышедшие, но их судьба неизвестна.

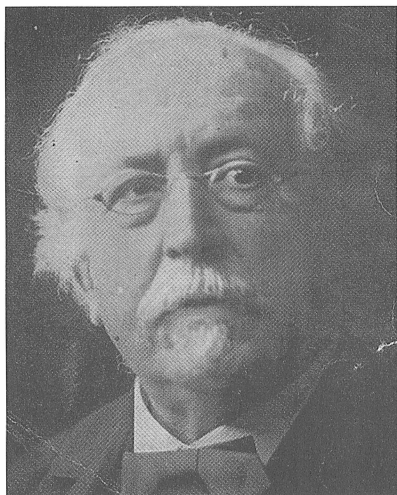

Марбург. «Старый университет» (1879). Фотография автора.

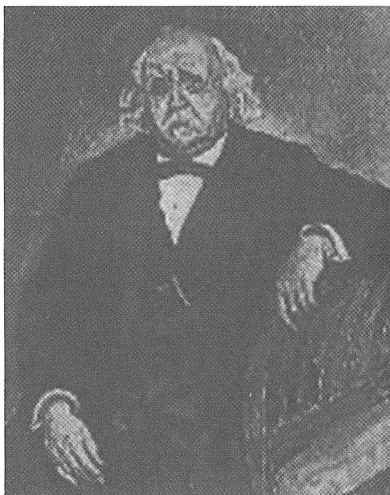

Памятный знак в честь М.В. Ломоносова, студента Марбургского университета в 1736—1739 гг.

Памятный знак в честь Г. Когена, профессора Марбургского университета в 1876—1912 гг.

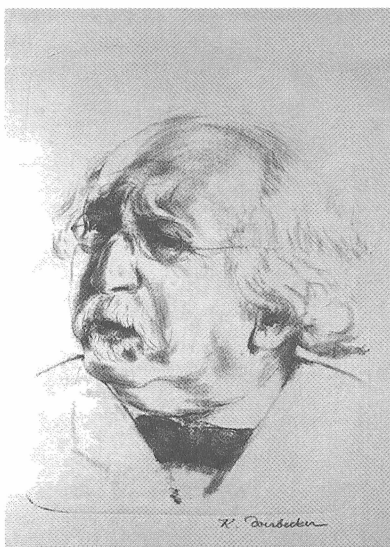
Герман Коген. Берлин, 1912.
Фотография К.Й. фон Дюрена.

Герман Коген. 1912. С картины
Макса Либермана.

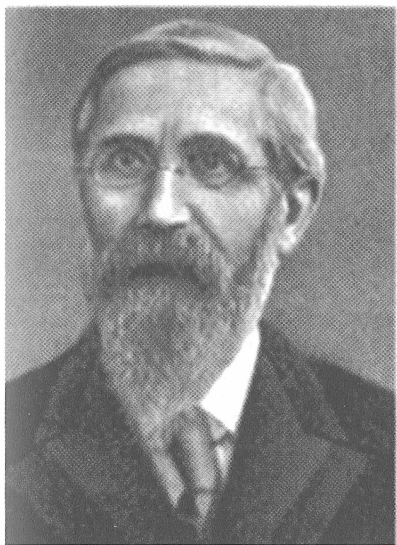
Герман Коген за кафедрой. С рисунка
Карла Дёрбеккера.

Герман Коген. С рисунка Карла
Дёрбеккера.

Пауль Наторп. 1900-е гг.

Пауль Наторп. Ок. 1920.

Пауль Наторп. Июль 1914. Марбург.
Шарж Т.С. Элиота.

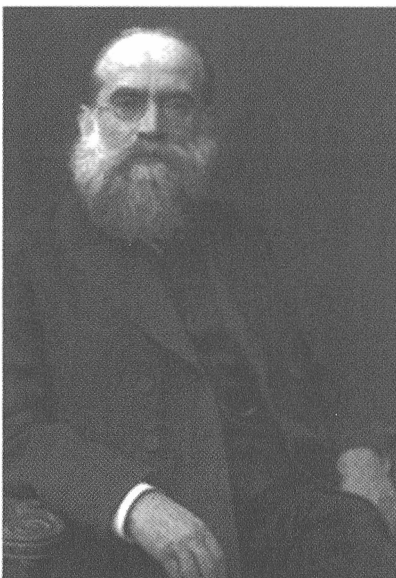
А.И. Введенский

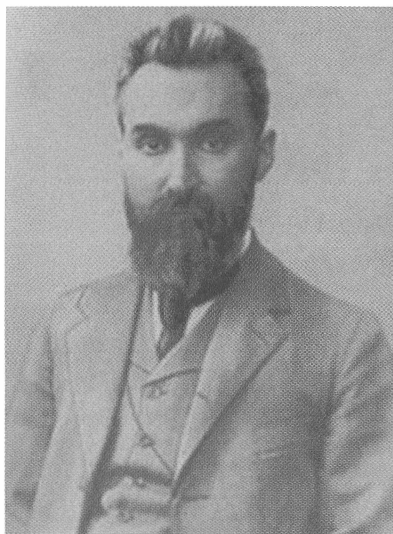
С.Н. Трубецкой

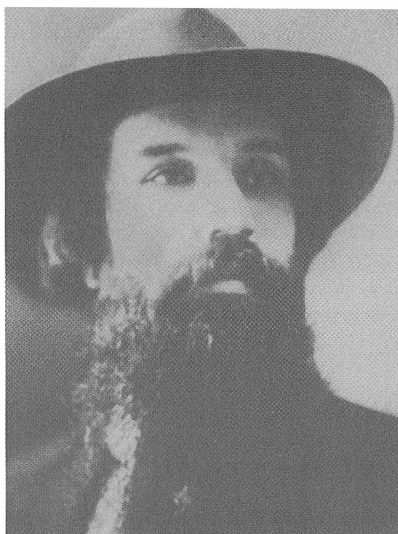
Г.И. Челпанов

Л.М. Лопатин

П.И. Новгородцев

Б.В. Яковенко

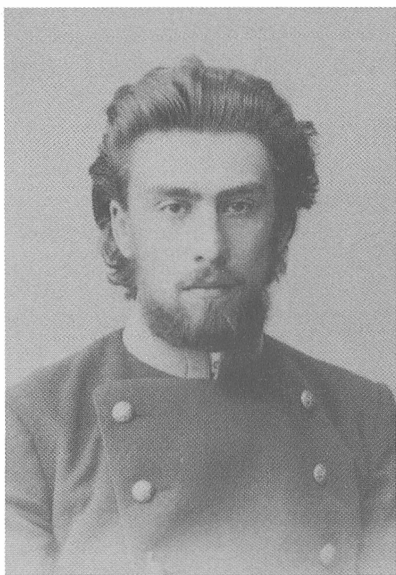

Ф.А. Степун

С.И. Гессен

Б.А. Фохт. 1900-е гг. Фотография из архива А.А. Гаревой.

А.В. Кубицкий. 1900-е гг. Фотография из архива А.А. Гаревой.

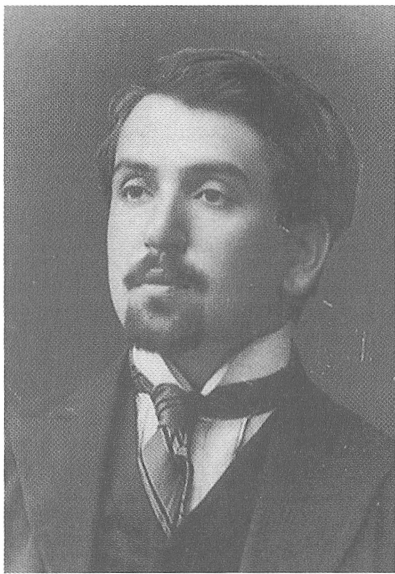
Н.А. Гартман.

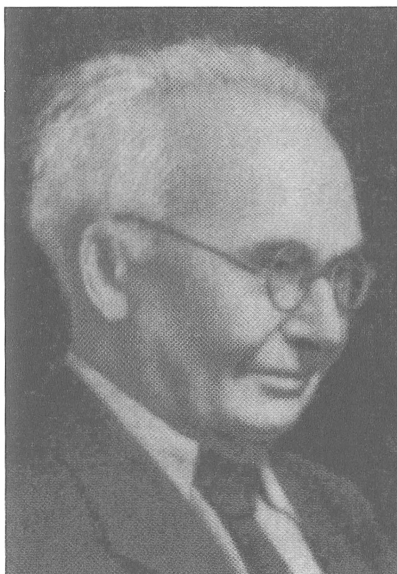
В.Э. Сеземан.

С.Л. Рубинштейн.

Г.О. Гордон. 1900-е гг. Фотография из архива И.Г. Гуровой.

П.Х. Кананов

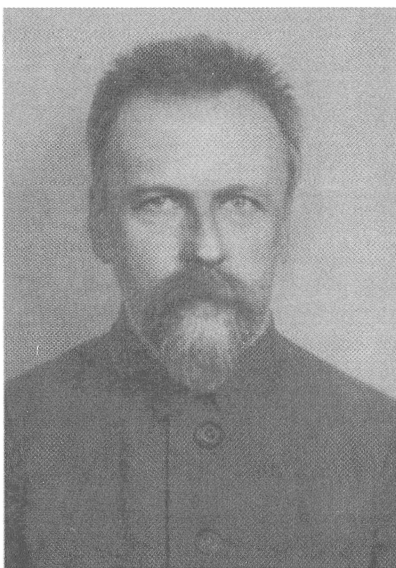

Б.Л. Пастернак

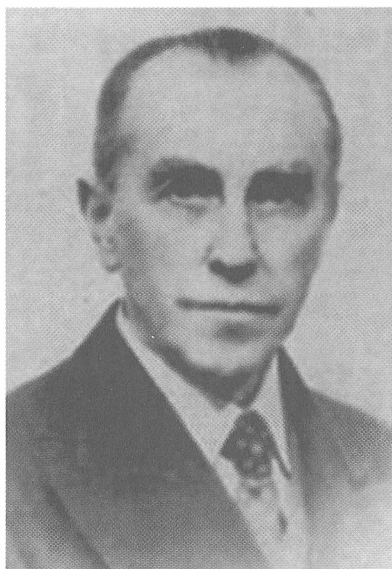

А.И. Сырцов

И.И. Лапшин

Б.П. Вышеславцев

Г. Коген с учениками. Марбург, 1912.
С литографии Л.О. Пастернака.

Namen Gebore.	1770 bis 1800 geb.	geborene Mutter	geborene Vater
Hausmann	1784	178	
Kaufmann	1785	179	
Winkel	1786	180	
Kaufmann	1787	181	
Kaufmann	1788	182	
Kaufmann	1789	183	
Kaufmann	1790	184	
Kaufmann	1791	185	
Kaufmann	1792	186	
Kaufmann	1793	187	
Kaufmann	1794	188	
Kaufmann	1795	189	
Kaufmann	1796	190	
Kaufmann	1797	191	
Kaufmann	1798	192	
Kaufmann	1799	193	
Kaufmann	1800	194	
Kaufmann	1801	195	
Kaufmann	1802	196	
Kaufmann	1803	197	
Kaufmann	1804	198	
Kaufmann	1805	199	
Kaufmann	1806	200	
Kaufmann	1807	201	
Kaufmann	1808	202	
Kaufmann	1809	203	
Kaufmann	1810	204	
Kaufmann	1811	205	
Kaufmann	1812	206	
Kaufmann	1813	207	
Kaufmann	1814	208	
Kaufmann	1815	209	
Kaufmann	1816	210	
Kaufmann	1817	211	
Kaufmann	1818	212	
Kaufmann	1819	213	
Kaufmann	1820	214	
Kaufmann	1821	215	
Kaufmann	1822	216	
Kaufmann	1823	217	
Kaufmann	1824	218	
Kaufmann	1825	219	
Kaufmann	1826	220	
Kaufmann	1827	221	
Kaufmann	1828	222	
Kaufmann	1829	223	
Kaufmann	1830	224	
Kaufmann	1831	225	
Kaufmann	1832	226	
Kaufmann	1833	227	
Kaufmann	1834	228	
Kaufmann	1835	229	
Kaufmann	1836	230	
Kaufmann	1837	231	
Kaufmann	1838	232	
Kaufmann	1839	233	
Kaufmann	1840	234	
Kaufmann	1841	235	
Kaufmann	1842	236	
Kaufmann	1843	237	
Kaufmann	1844	238	
Kaufmann	1845	239	
Kaufmann	1846	240	
Kaufmann	1847	241	
Kaufmann	1848	242	
Kaufmann	1849	243	
Kaufmann	1850	244	
Kaufmann	1851	245	
Kaufmann	1852	246	
Kaufmann	1853	247	
Kaufmann	1854	248	
Kaufmann	1855	249	
Kaufmann	1856	250	
Kaufmann	1857	251	
Kaufmann	1858	252	
Kaufmann	1859	253	
Kaufmann	1860	254	
Kaufmann	1861	255	
Kaufmann	1862	256	
Kaufmann	1863	257	
Kaufmann	1864	258	
Kaufmann	1865	259	
Kaufmann	1866	260	
Kaufmann	1867	261	
Kaufmann	1868	262	
Kaufmann	1869	263	
Kaufmann	1870	264	
Kaufmann	1871	265	
Kaufmann	1872	266	
K			

Список слушателей. Фрагмент. Среди записавшихся к Когену на летний семестр 1907 г. Н. Гартман, Х. Хаймзют, Н. Болдырев, Г. Слонимский, В. Татаркевич, А. Топорков, Б. Фохт, А. Кубицкий. Hessisches Staatsarchiv Marburg.

[illegible]

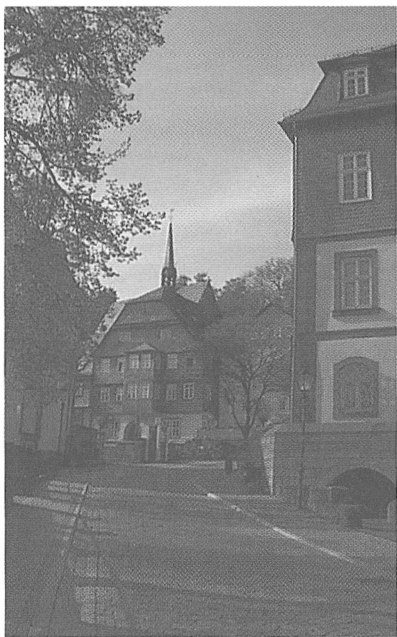
Список слушателей. Фрагмент. Среди записавшихся к Наторпу на летний семестр 1906 г. Н. Гартман, Б. Фохт, Г. Гордон, И. Шукин. Hessisches Staatsarchiv Marburg.

Вид на реку Лан и старый Марбург с тропы, названной в честь Германа Когена. Фотография автора.

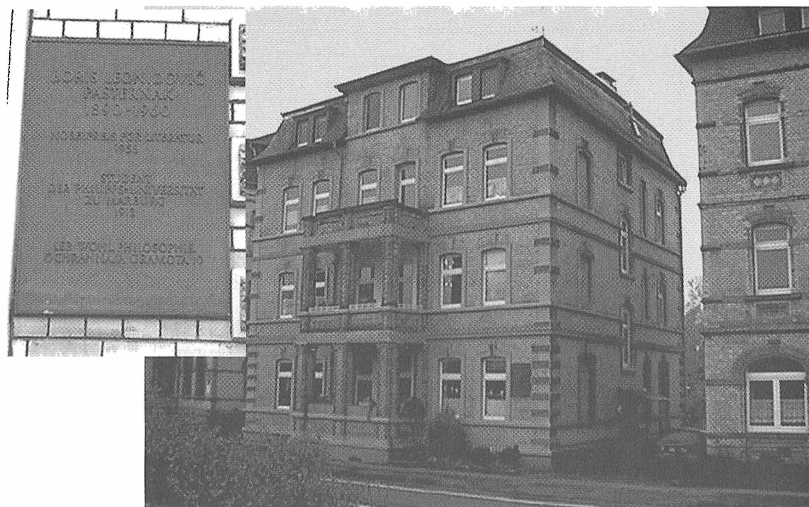
Кафедра в актовом зале «Старого университета». Фотография автора.

В Старом городе. На заднем плане дом Ф.А. Ланге. Фотография автора.

Дом по Франкфуртерштрассе 60 (вверху), где осенью 1907 г. жил Б.А. Фохт, и открытка Г.О. Гордона к Фохту от 28.11.1907 г.
 Дом по Вердерштрассе 3, где летом 1907 г. жил Б.А. Фохт, и открытка Г.О. Гордона к Фохту от 4.07.1907 г.

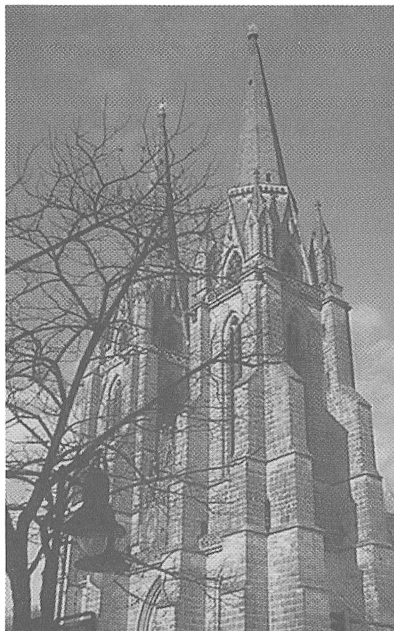
Дом по Гиссельбергерштрассе 15, где останавливался Х. Ортега-и-Гассет и летом 1912 г. жил Б.Л. Пастернак. На доме — памятный знак в честь Пастернака.

Учебное здание университета в Старом городе. Фотография автора.

Кафе «Vetter» — место встреч марбургских студентов начала XX в. Фотография автора.

Собор св. Елизаветы, XIII в. Фотография автора.

Неокантианская «когорта» (слева направо): А.В. Кубицкий (в центре за столом), Б.А. Фохт, Л.Н. Тростянский (в кресле). Москва, 1910-е гг. Фотография из архива А.А. Гаревой.

8 Juli 1924. München

Hochgeachteter Herr Professor und ~~meiner~~ Lehrer!

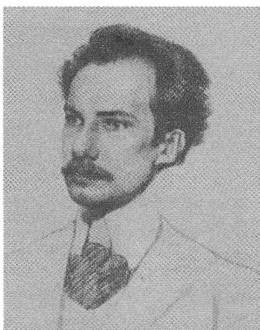
Hiermit übersende ich Ihnen die Übersetzung des Textes meiner Rede, die ich in der Sitzung der philosophischen Sektion der „Russischen Akademie für Kunstwissenschaften“ in Moskau, am 1 April dieses Jahres, gehalten habe, vor dem Vorlesen des Vortrags, der ebenfalls Ihnen zugeeignet wurde (der Titel des Vortrags ist vor dem Text des ~~Rede~~ angegeben). Ich übermittele Ihnen auch den von mir, im Auftrag der Unterscribenten, verfassten Brief an Sie, als unseren heißgeliebten Lehrer, den wir auch für unseren Freund zu halten uns erkläre wollten. Durch viele von uns unabhängige Umstände war das zeitliche Absenden an Sie dieses unseren Briefes verhindert. Davon und von manchem wichtigen

Письмо Б.А. Фохта к П. Наторпу от 8.07.1924 г. Фрагмент. Из архива Маргареты и Гертруды Трост.

А.Н. Скрябин

**А. Белый. 1906.
С рис. Л.С. Бакста.**

В.Я. Брюсов

М.Б. Туровский

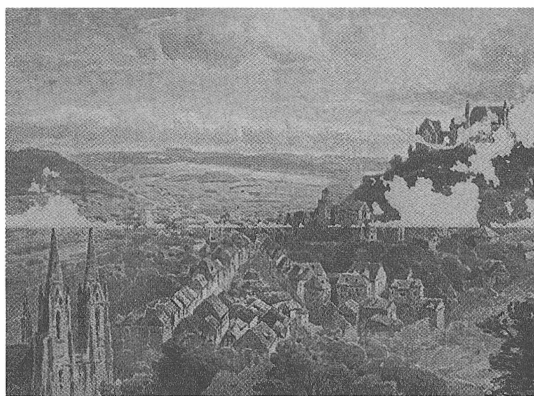
Н.Н. Вильям-Вильмонт

П.В. Копнин

А.А. Гарева с дочерью Наташей. Москва, ок. 1944. Фотография из архива Гаревых—Морозовых.

Открытка Г.О. Гордона к сыну Юрию (Георгию) от 23.05.1927 г. Марбург. Из архива И.Г. Гуровой.

нения переведены Фохтом, главы третья (с приложением) и четвертая — совместно со слушательницей МВЖК Л.А. Даниловой. В предисловии Фохт замечает, что «предлагаемое краткое руководство может быть весьма полезным, прежде всего, для тех русских читателей, которые бы пожелали иметь сжатое и ясное изложение решения основных философских проблем с точки зрения критицизма Канта. Значительную помощь может оказать это сочинение также и всем тем, кто ищет внутреннего объединения и связи отдельных философских дисциплин в единой философской системе, понятой, однако, не в смысле единого мировоззрения, а в смысле системы принципов разных родов философского познания»¹³⁰². Эта небольшая книжка с дарственной надписью переводчика была отослана Наторпу и сохранилась в его архиве:

«Dem hochgeehrten Verfasser der dankbare Übersetzer. B. Vogt. 13. März 1911. Moskau»¹³⁰³.

В 1911 г. и в последующие три года по-русски появилось еще несколько важных сочинений Наторпа. Был переведен и опубликован фрагмент из книги Наторпа «Логические основы точных наук», посвященный выяснению теоретико-познавательной состоятельности теории относительности¹³⁰⁴.

Особенно активно переводились *социально-педагогические* работы Наторпа. Интерес к ним был, по-видимому, заново (после спада увлечения «легальным марксизмом») инспирирован Л.Е. Габриловичем как одним из активных деятелей Педагогической академии и «подогрет» статьей Лапшина о социальной педагогике Наторпа, написанной специально для сборника той же Педагогической академии¹³⁰⁵. По инициативе Габриловича¹³⁰⁶ Владимиром Федоровичем Динзе был организован перевод одного из важнейших социально-этических произведений Наторпа «Социальная педагогика», который вышел в переводе А.А. Громбаха в 1911 г. Наторп придавал этой работе большое значение, в предисловии к русскому изданию он писал, что «социальные

¹³⁰² Фохт Б.А. Предисловие к русскому переводу (Москва, 15 ноября 1910 г.) // Наторп П. Философская пропедевтика. С. 3—4.

¹³⁰³ «Многоуважаемому автору — благодарный переводчик. Б. Фохт. 13 марта 1911. Москва» (нем.). UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms. 831: Druckschriften (auch Hektogramme).

¹³⁰⁴ Наторп П. Принцип относительности // Минковский Г. Пространство и время. Пер. И.В. Яшунского. СПб., 1911. С. 75—93. См.: Наторп P. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig — Berlin, 1910. S. 392—404.

¹³⁰⁵ Лапшин И.И. Социальная педагогика Наторпа // Очерки по истории педагогических учений. М., 1911. С. 209—229. — (Педагогическая академия в очерках и монографиях. Воспитание в семье и школе).

¹³⁰⁶ UB Marburg, Natorp-Nachlaß. Ms. 831. Nr. 1148. Письмо В.Ф. Динзе к П. Наторпу. С.-Петербург [Январь 1909].

и педагогические вопросы во всем мире наиболее жгучи <...>; и весь же мир вновь начинает, по-видимому, проникаться старым платоновским убеждением, которое настоящая книга хочет поставить на надлежащую высоту, а именно, что в конечном итоге социальный вопрос является вместе с тем и педагогическим, выделенным лишь “более крупным шрифтом”, а педагогический вопрос является, в свою очередь, и социальным»¹³⁰⁷. Точность перевода контролировал по просьбе Наторпа Николай Гартман — Динзе отсылал в Марбург или самому Наторпу, или непосредственно Гартману завершенные Громбахом листы рукописи¹³⁰⁸.

Тот же Динзе собирался сделать перевод 2-го немецкого издания «Религии в пределах человечности»¹³⁰⁹.

В дальнейшем планировалось сотрудничество Наторпа в журнале «Русская школа». В первом номере за 1914 г. был опубликован анонс о том, что в журнале открывается новый отдел, который будет освещать «новейшие течения в теории и практике интернациональной педагогики»¹³¹⁰ и в формировании которого будут принимать участие видные западные педагоги, в том числе Наторп. Неизвестно, к сожалению, кто брался организовать это сотрудничество. Не состоялось оно, скорее всего, из-за начавшейся войны.

В 1912 г. вышло сразу два разных перевода одной и той же работы Наторпа «Культура народа и культура личности» — А. Пальчика и баденца М.М. Рубинштейна, а также перевод наторповской книги «Песталоцци», выполненный М.А. Энгельгардтом. В 1913 и 1914 гг. были изданы по-русски еще два важных для понимания специфики марбургского неокантианства сочинения Наторпа: программная статья «Кант и Марбургская школа» и «Философия и психология»¹³¹¹.

В те же годы появилось сразу несколько переводов работ Карла Форлендера, в основном посвященных обоснованию идеи этического социализма. В 1911 г. вышел авторизованный перевод первого тома его «Истории философии»¹³¹², выполненный кол-

¹³⁰⁷ *Natorp P.* Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности. Пер. А.А. Громбаха с 3-го доп. нем. изд-я. СПб., 1911. С. VII.

¹³⁰⁸ UB Marburg, Natorp-Nachlaß. Ms. 831. Nr. 1140 – 1142, 1145. Письма В.Ф. Динзе к П. Наторпу. С.-Петербург. 1909; № 1143. Открытка А.А. Громбаха к П. Наторпу. Звенигород. 8/21.08.1909.

¹³⁰⁹ UB Marburg, Natorp-Nachlaß. Ms. 831. Nr. 1148. Письмо В.Ф. Динзе к П. Наторпу. С.-Петербург [Январь 1909].

¹³¹⁰ См.: Русская школа. Общепедагогический журнал. 1914. № 1. С.127–128.

¹³¹¹ См.: «Литература».

¹³¹² *Форлендер К.* История философии (в 3-х томах). Т. 1 / Авториз. пер. со 2-го нем. изд. под ред. проф. В.А. Савальского. СПб., 1911.

лективно под редакцией проф. Савальского. Савальский в своем предисловии не назвал имена тех, кто работал над переводом, и теперь это установить фактически невозможно. Этот проект, однако, оказался не особенно успешным: публикация двух других томов «Истории...» не состоялась.

Из сочинений марбургских неокантианцев, переведенных в дореволюционный и пореволюционный период на русский язык, необходимо указать на одну из основных работ по философии права начала XX в. — «Хозяйство и право» Рудольфа Штаммлера, перевод которой был выполнен в 1907 г. под редакцией И.А. Давыдова, некогда «легального марксиста»; на две работы Эрнста Кассирера (1912, 1922), одна из которых, названная в русском переводе «Познание и действительность», оказала на все поколение молодых философов 1910-х гг., так сказать, *основополагающее* влияние; и на одну единственную статью — в действительности, речь (!) — главы Марбургской школы Германа Когена, посвященную отнюдь не центральной проблеме его философской системы — «значению еврейства в религиозном прогрессе человечества» (1910)...

К переводам, выполненным непосредственно русскими марбуржцами, следует добавить речь Бруно Бауха, переведенную Г.О. Гордоном, и обзорную работу Мюллера-Фрейенфельса о главнейших течениях в философии в XX в., перевод которой редактировал В.Э. Сеземан¹³¹³.

На первый взгляд может показаться, что русскими неокантианцами было сделано не так уж много. Но это только на первый взгляд. Если сложить вместе результаты деятельности этой сравнительно небольшой группы интеллектуалов по всем направлениям за сравнительно небольшой период — каких-то 10–15 лет, то получится впечатляющая картина, все детали которой до сих пор еще не ясны и подлежат скрупулезному исследованию. В самом деле, их деятельность в России пришлось приблизительно на 1906–1922 гг., причем ее расцвет — именно на те несколько лет, что выходил международный журнал по философии культуры «Логос» — с 1910 по 1914 г. Он был создан как печатный орган пропаганды и развития «чистой философии», и действительно добился того, что позиции научной, то есть секуляризованной и критической, философии в России стали постепенно укрепляться.

Показателем укрепления этих позиций можно считать возникшие в 1909–1914 гг. новые философские (в отличие от религиозно-философских) общества. Их основателями были выходцы из неокантианских школ. При участии Гессена в Петербурге в 1909 г.

¹³¹³ См.: «Литература».

было создано «общество друзей философии, которое собрало все молодые философские силы (Н.В. и Д. Болдыревы, А. Вейдеман и другие [В.Э. Сеземан], в среде которых была весьма популярна так называемая Марбургская школа)»¹³¹⁴. В 1911(?) г. было учреждено Санкт-Петербургское Философское собрание, председателем которого стал А.В. Вейдеман, а с 1914 г. — В.Э. Сеземан¹³¹⁵; в 1912 г. было организовано, а в 1914 г. возобновило свою деятельность в Москве «Научно-философское общество»; «Московское общество по изучению научно-философских вопросов» было основано в январе 1914 г., его возглавил Н.Н. Алексеев¹³¹⁶.

Под натиском великоросского шовинизма в период войны эти объединения вынуждены были значительно сократить, а некоторые — и вовсе прекратить свою деятельность. Культурные ориентиры в одночасье поменялись: то, что недавно в глазах общественности считалось высшим достижением великого германского гения — поэзия Гёте, музыка Вагнера, философия Канта, — стало символом тевтонского милитаризма и агрессии. Реальные погромы предприятий, магазинов и квартир живущих в России немцев отозвались в просвещенных слоях общества погромами идеологическими. Бердяев поспешил свести счеты со своим старым врагом: «Неокантианство — небольшое явление, и не следует быть так замороженным им. Неокантианство есть эпигонство и упадок. Величие германского духа и его миссию нужно искать в германской мистике, явлении, исключительном по своей силе»¹³¹⁷. Торжествующие «неославянофилы» провозглашали: «Внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Круппа»¹³¹⁸. Повод к проведению такой сомнительной параллели подали, впрочем, сами вчерашние властители дум. Под воззванием немецких интеллектуалов «К культурному миру», смысл которого состоял в попытке оправдать способы ведения войны Германией, — в частности, такие возмутившие просвещенную Европу факты, как разрушение старинных городов Лувена и Реймса, стояли 93 подписи, в числе

¹³¹⁴ Гессен, Избранные сочинения, 731.

¹³¹⁵ Возможно, общество, о котором сообщает Гессен, и Философское собрание — одна и та же организация.

¹³¹⁶ См.: Яковенко Б.В. Мошь философии. С. 722, 950 (комм.).

¹³¹⁷ Бердяев Н.А. К спорам о германской философии // Русская мысль. 1915. Кн. 5. С. 118.

¹³¹⁸ Эрн В. От Канта к Круппу (Речь, произнесенная в публичном заседании религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, 6 октября 1914 г.) // Русская мысль. М.; СПб., 1914. Кн. XII. С. 116.

которых были имена Вундта, Освальда, Виндельбанда, Рилья... и отсутствовали имена Риккерта, Гуссерля и Когена¹³¹⁹. Российские мыслители, апеллировавшие к разуму и к фактам реальной интеллектуальной истории Германии, были, к сожалению, услышаны немногими¹³²⁰. Время «славянофильствовало» и, походя, глушило еще не окрепшие ростки научной философской традиции на русской почве.

И тем не менее было бы неверно утверждать, что стремление русских неокантианцев привить на российскую почву философскую традицию европейского рационализма и критицизма осталось лишь фактом их биографии. Да, каждый из них, вслед за Н.Н. Алексеевым, мог бы признать, что «в стремлении этом было много молодой самонадеянности, и в то же время против меня работало бурное время, в которое я жил. Философия требует спокойного уединенного размышления, а не работы урывками, в промежутках между школьными и административными обязанностями и между громом пушек, разрывами летящих сверху бомб и гулом революционных народных масс»¹³²¹.

Но, постоянно сталкиваясь в спорах с представителями религиозно-мистического или так называемого неославянофильского направления русские неокантианцы напоминали им о существовании другой, прочно фундированной точки зрения, не позволяли легко отмахнуться от нее. Неокантианцы, демонстрируя теоретическую слабость своих оппонентов, заставляли их штудировать современную философскую литературу чуждых им идейных направлений и в этих штудиях пересматривать и выстраивать собственные идеи¹³²² на языке и в соответствии с нормами, приближенными к общенаучным, то есть в целом способствовали делу «философского Просвещения» в России. В общем-то русские неокантианцы играли в российском обществе ту же роль, что не-

¹³¹⁹ См.: Шпет в Геттингене, 251.

¹³²⁰ См.: *Рубинштейн М.М.* Виноват ли Кант? // Русские ведомости. 1915. 11 февраля. № 33. С. 5; *Слонимский Л.* Воинственная Германия и возврат к Канту // Вестник Европы. 1915. Март. С. 317–322. Оба автора напоминали, что именно Канту принадлежит идея «вечного мира» и концепция «человека как абсолютной цели». «Если упрекать немцев справедливо, то для этого есть один путь: это — не грязнить Канта и того, что они дали миру вообще, а поставить им в вину забвение заветов своих лучших людей и прежде всего заветов великого Канта». (Рубинштейн).

¹³²¹ *Алексеев*, Два года за границей, 146.

¹³²² Идея о позитивной роли русского неокантианства и позитивизма в развитии религиозными мыслителями своих концепций была высказана впервые В.Н. Беловым в докладе «Вера и знание в философских спорах в России в конце XIX — начале XX века» на симпозиуме «Александр Богданов и русский философский дискурс в контексте модерна» (29–31 марта 2006 г., Марбург, Германия).

когда играл Сократ в своих родных Афинах, будучи «приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли»¹³²³.

Даже одного только присутствия неокантианства в российском философском пространстве начала XX в. было бы уже достаточно, чтобы считать это событием огромной важности и значимости для формирующейся философской традиции в России: молодое поколение интеллектуалов получило возможность выбора между околофилософскими исканиями, что предлагали им религиозные мыслители, и неокантианской философской «научной программатикой». Критика русских неокантианцев в адрес религиозных мыслителей всякий раз отчетливо показывала, где и почему, по их мнению, в тех или иных печатных или устных выступлениях их оппонентов заканчивается философия и начинается «отсебятина, гниль»¹³²⁴.

Русские неокантианцы заново поставили и предельно заострили вопрос о том, «что такое философия?», «быть ли ей метафизической, то есть теорией трансцендентной реальности, или отрицание этой реальности <...> правильно»¹³²⁵. И как бы ни отвечал их современник на этот вопрос, они заставили его считаться с их собственным ответом, фундированным всей двухтысячелетней историей развития философской мысли:

«Философия есть прежде всего отдельная, независимая наука. <...> Философия есть наука о науке, о нравственности, о красоте и о святости, что в своей совокупности образует сферу трансцендентального. <...> Философия свободна и от религиозной веры, и от влияния специальных наук¹³²⁶ <...>. Она стала самостоятельной наукой»¹³²⁷.

¹³²³ Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. М., 1994. С. 85.

¹³²⁴ Белый, Начало века, 385.

¹³²⁵ Грузенберг С. О. Очерки современной русской философии: опыт характеристики современной тенденции русской философии. СПб., 1911. С. 27.

¹³²⁶ Ср.: «[Наторп опровергает] своим примером ложное представление о марбургской школе как о покорной служанке и истолковательнице специальных наук. Философия Наторпа, а с нею и марбургская философия вообще, есть философия естествознания на математической основе, заимствующая у положительного исследования лишь вопросы, а ответы вырабатывающая самостоятельно. Цель <...> — не услужливое “оправдание” новейших успехов науки, но размежевание с нею на основе “тех последних философских оснований”, которых не должны поколебать никакие научные революции как уже минувшие, так и еще находящиеся на пути к осуществлению». См.: Гордон Г. О. [Рец.:] Paul Natorp. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig u Berlin: B.G. Teubner, 1910 // Русская мысль. 1910. Кн. XII. С. 405.

¹³²⁷ Яковенко 2000, 654—655.

3. На русской почве: к вопросу о программной и функциональной идентичности неокантианских школ в России

История философии знает много случаев совместной интеллектуальной работы, но только некоторые из них получают наименования «школ». *Как возможны философские школы?* Может ли идти речь о *национальных* философских школах? Какой была судьба неокантианских школ в *иной* социокультурной ситуации — на *русской* почве? Есть ли основания говорить о сохранении их программной и функциональной идентичности? Такие вопросы возникают при анализе генетических связей и филиации неокантианских идей в Германии и России на рубеже XIX–XX вв. Ответ на них кроется в богатом историко-философском материале, оставленном в наследство современному исследователю.

Характеризуя установившееся внутри Марбургской школы отношение к авторитету учения Канта и Когена, Наторп подчеркивал, что, если бы не было «совершенно свободного по существу отношения к букве учения Канта, как и к чтению этой буквы Когеном, ни я, ни весь ряд более молодых исследователей, причисляющих себя к нашей школе, не могли бы вступить в то рабочее общение с уважаемым вождем нашей школы, которое вообще позволяет говорить о школе». Тот, кто считает себя *учеником* Когена — безразлично, в узком или в широком значении этого слова, — должен «усваивать и пропагандировать не определенную философию, а только метод философствования. Что мы научились у него методу, это мы все признаем; но именно этот факт служит ручательством того, что работа всех нас — при всей ее свободе и даже именно благодаря ей — всегда будет действовать благотворно на всех нас и носить один общий характер, какой далеко не часто встречается в истории философии»¹³²⁸.

Именно строго соблюдаемое «методическое единство» при замечательном разнообразии направлений философской работы¹³²⁹ стало тем прочным фундаментом Марбургской школы, который позволил как современникам, так и историкам считать ее, в отличие от Баденской школы, «школой» в узком смысле слова¹³³⁰.

Между тем понятие «школа» традиционно используют применительно ко всем научным объединениям, представленным в не-

¹³²⁸ Наторп, КМиШ, 123.

¹³²⁹ См. письмо Наторпа к Гёрланду от 5.02.1911 г.: *Holzhey* 1986/II, 392.

¹³³⁰ *Holzhey* 2004, 37.

окантианском движении конца XIX — начала XX в. Идейное и методическое своеобразие вкупе с институциональным оформлением благодаря собственным печатным изданиям, научным журналам или научным сериям, — вот то, что делает такое словопотребление обоснованным.

Можно выделить несколько специфических черт, которыми обладали неокантианские школы¹³³¹ и которые отличали их от тех или других научных объединений, институционально или внеинституционально оформленных и постоянно возникающих в процессе научного поиска.

Во-первых, — и это общее и непереносимое условие для складывания любой исследовательской общности — в неокантианские центры съезжались молодые ученые, влекомые поисками продуктивной философской системы и метода. Неокантианские школы предлагали своим ученикам «солидный профессионально-технический фундамент»¹³³² и *научную программу*, строгостью и одновременно широтой которой отличалась Марбургская школа. Объясняя причины, позволяющие «применить к совокупности <...> лиц наименование “школа”», А.Л. Саккетти указывал, что «всех их объединяет признание общего принципа, именно — принципа трансцендентального метода; при этом внутри школы можно установить наличность разделения работы и специализации на отдельных отраслях философского познания»¹³³³. По оценкам современников, именно эта школа обладала «единством тенденции, выдержанностью аргументов, ясностью принципов, определенностью защищаемого учения, большою школьною дисциплиною»¹³³⁴. Лидеры этой школы Герман Коген и Пауль Натторп были признанными «специалистами, как в древней, так и в новой и, особенно, в новейшей философии»¹³³⁵. В неокантианских школах в рамках определенной научной программы воспроизводилась и развивалась *многовековая философская традиция*.

Во-вторых, в «школах» учились мыслить в соответствии с разработанным основателем философской школы методом, что позволяло органично усваивать саму философскую систему. Эту особенность, отличающую философскую школу от любого другого

¹³³¹ Дальнейшие рассуждения имеют в виду прежде всего Марбургскую школу, которую в связи с вышесказанным можно рассматривать как *парадигмальный пример* неокантианских школ.

¹³³² *Степун*, Бывшее и несбывшееся, 219.

¹³³³ *Саккетти*, [Рец.:] В.А. Савальский, 179.

¹³³⁴ *Яковенко Б.В.* О современном состоянии немецкой философии. Обзор // *Логос*. 1910. Кн. 1. С. 258.

¹³³⁵ ЦИАМ. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 29.

научного сообщества, можно назвать «*воспитывающей*» в том специфическом значении, которое ведет свое происхождение от немецкого слова «*bilden*» — «образовывать, формировать, просвещать». Это не означало жесткого навязывания каждому «ученику» тех или иных принципов исследования, но было воспитанием ума, привитием мыслительной культуры для дальнейшего самостоятельного философствования, что выражалось знаменитым кантовским девизом: «*Sapere aude!*». Не случайно Яковенко писал об основателях неокантианских школ как о «философски воспитавших народившийся XX век» мыслителях¹³³⁶.

В интенции этот подход к философствованию пропагандировал С.Н. Трубецкой, когда призывал к внимательному изучению истории философии: «Если же мы, не пройдя всей школы человеческой мысли, не усвоив их [мыслителей] результатов, обратимся к непосредственному исследованию природы вещей, то мы рискуем навсегда ограничиться грубыми попытками, неизбежными ошибками, пережитыми нашими предшественниками», потому что ведь «никто не ищет своим умом правил грамматики или арифметики, никто не изучает географии путем личного опыта, и всякий ученый, желающий продвинуть вперед свою науку или хотя бы следить за нею, должен знать все, что сделано, что достигнуто до него. <...> У нас <...>, никогда не знавших умственной школы, случайное произвольное философствование составляет обычное явление. Случайные чтения и споры, случайности характера и воспитания — при отсутствии правильной дисциплины ума — часто определяют собой всю нашу философию»¹³³⁷. Вот за такой «дисциплиной ума» и ехали молодые исследователи со всех концов Европы в неокантианские школы.

Но этим не ограничивалось значение и смысл философских школ. Здесь «ученики», — это *в-третьих*, — получали уникальную возможность свободно и плодотворно полемизировать с авторитетными схолахрами. Это высоко ценили все выходцы из неокантианских школ. В результате формировался и успешно функционировал «незримый колледж»¹³³⁸, в котором традиция и принципы философствования не были закованы в жесткие рамки печатного текста, а озвучивались и развивались в живом общении, диалоге, оформляясь в принципиальном консенсусе или диссенсусе. Именно эту особенность Марбургской школы имел в виду Фохт,

¹³³⁶ Яковенко Б.В. Вильгельм Виндельбанд // Яковенко 2000, 473.

¹³³⁷ Трубецкой 1994, 484.

¹³³⁸ См.: Гасилов В.Б. Научная школа — феномен и исследовательская программа науковедения // Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Крёбера, Г. Штейнера. М., 1977. С. 122—125.

когда от лица русских учеников писал Наторпу, поздравляя с семидесятилетием:

«Для нас, Ваших учеников, руководящихся Вашими философскими убеждениями и продолжающих находиться под неослабным влиянием Ваших воззрений и исследований, всегда было и всегда будет особенно дорого следить с захватывающим вниманием за успехами Вашей работы и ее несравненными достижениями: ведь каждый Ваш шаг в этом направлении и нас продвигает вперед, делая нас и более уверенными и более свободными. Наша благодарность Вам поэтому безгранична и наша связь с Вами неразрывна. Зная, что *Ваша научная работа была всегда для Вас живым совместным творчеством с Вашими более молодыми друзьями и учениками*, среди которых Вы всегда умели остаться самым молодым и вдохновенным, зная это, мы уверены, что и наш слабый голос благодарности и признания найдет доступ к Вашему сердцу и вызовет в нем чистое, истинно платоновское чувство любви и дружбы, которое своим принципом имеет “рождение детей красоты душевной” и составляет лучшее и кратчайшее звено связи между Вами и нами – тот “святой залог”, на котором зиждется единство нашей школы, во главе которой, после кончины Германа Когена, Вы теперь стоите не только как ее новый, всеми безгранично любимый и чтимый, схолярх, но и как его верный друг, которому в известных словах он сам передал руководство школой и на которого, как на ее руководителя и главу, прежде всего возлагал надежды и уверенность в ее процветании и плодотворности ее влияния на развитие научной и философской мысли и современного человечества и всех будущих его поколений, на “биллионы лет”, как Вы и сами выразились, заканчивая в известной статье краткий обзор деятельности Вашей жизни¹³³⁹.

Для нас нет более отрадной надежды и более светлой мечты, как снова увидеть Вас и, хоть на несколько часов, стать опять участниками Вами все еще ведь руководимого, как в счастливые былые годы, философского семинария. Но исполнится ли или нет эта мечта – мысленно мы всегда с Вами и продолжаем, по мере сил и умения, делать Ваше, вернее наше общее дело. Пройдут годы, пройдут десятилетия, и в Ваших и наших учениках все будет жить *дух свободного исследования философской школы*, Германом Когеном и Вами основанной в маленьком и дорогом Марбурге, но успевшей уже стать с тех пор фактором мировой культуры, которому суждено со всей силой участвовать в той великой организации человечества, на торжествующе развевающемся знамени которого будут красоваться знаменательные слова “об уверенности в торжестве истины

¹³³⁹ См.: *Natorp, Selbstdarstellung*, 186.

и свободы», из светлой мечты и надежды успевшей стать свершившимся фактом»¹³⁴⁰ [курсив мой. — Н.Д.].

Мыслитель, лишенный такого общения, неизбежно «капсулировался», оказываясь в «безвоздушном» пространстве очерствевших формул. Свободное научное общение и «мужество пользоваться *собственным* умом» обеспечили дальнейшее развитие тех идей, которые лежали в основе неокантианских школ. Повторю известный факт: Эрнст Кассирер в своем выступлении на Давосском семинаре на вопрос «является ли он неокантианцем?» ответил, что, безусловно, принадлежит к кантианской традиции, но не субстанциально, а *функционально*, по духу, по характеру постановки философских вопросов¹³⁴¹. То же «функциональное» значение неокантианства в своем философском становлении, видимо, имел в виду Н.Н. Алексеев, философ права и евразиец, а в прошлом — ученик Марбургской школы, когда писал, что «многому научился в Марбурге, но не вошел в “Марбургскую школу” <...>; не вошел и в школу Гейдельбергскую <...>»¹³⁴². Николай Гартман, философски сформировавшийся в «недрах» Марбургской школы, уже в 1911 г. понимал, что рано или поздно «огромная потенциальная энергия» молодого поколения школы выплеснется за ее пределы. Но пока «молодежь не в состоянии “изобрести” новый метод», она «должна дать ему в себе созреть», оставаясь на позициях воспитавшей ее школы¹³⁴³.

Принципиальная «открытость» философской концепции и общий взгляд на философию как *интернациональную науку* обеспечили популярность неокантианских школ далеко за пределами Германии.

Особый смысл неокантианские школы приобрели в российских условиях, поскольку подобного опыта отечественные интеллектуалы были, в сущности, лишены: ни западничество, ни славянофильство, никогда не представляли собой — да и не претендовали на это — философских школ.

Выходцами из неокантианских школ по возвращении в Россию были созданы различные по статусу и по значению философские объединения — от кружков на дому до философских обществ. Как бы то ни было, но некоторые из них явились попыткой создать

¹³⁴⁰ Письмо Б.А. Фохта к П. Наторпу, подписанное также Кубицким, Гордоном, Каганом и Горбунковым. Май, 1924 г. Личный архив А.А. Гаревой. По-нем. опубликовано полностью в: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/II, 388–391.

¹³⁴¹ Кассирер Э. и Хайдеггер М. Семинар, 1929 г. // Ступени. Л. 1992. № 3. С. 154, 163.

¹³⁴² Алексеев, Два года за границей, 146.

¹³⁴³ Hartmann, Heimsoeth 1978, 58.

философскую школу по примеру и в продолжение немецкого опыта, то есть с теми же чертами и принципами: «воспитанием ума», или «просвещением» в кантовском смысле, для дальнейшего самостоятельного философствования («Sapere aude!»); проведением определенной научной программы, которая бы поддерживала и развивала европейскую философскую традицию; постоянным и свободным научным общением; научным интернационализмом и принципиальной идейной открытостью как необходимым условием развития философской школы и появления из нее новых научных направлений.

Одна из первых философских школ в России была создана под руководством П.И. Новгородцева и функционировала *официально* в стенах Московского университета. Новгородцев «был настоящим учителем — благодаря своей широкой образованности и вследствие своего умения научить, как нужно научно работать, и в силу своего морального влияния на учеников. Философски он был в то время кантианцем, ближе всего примыкавшим к Гейдельбергской школе Виндельбанда. Но “школа” самого Новгородцева отличалась широкой терпимостью: он умел собирать вокруг себя и материалистов, и скептиков, и эмпириокритицистов, и гегельянцев — лишь бы они были философами»¹³⁴⁴. Благодаря столь широкой научной платформе из школы Новгородцева вышли такие разные мыслители, как В.А. Савальский, И.А. Ильин, Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, из которых на позициях «ортодоксального» марбургского неокантианства остался только Савальский. Впрочем, и сам Новгородцев постепенно отказался от неокантианства в пользу православного мистицизма евразийского толка.

Статус официально признанной научной школы получил постоянно действовавший в 1887–1919 гг. семинар по методологии истории и по философии Канта и Гегеля, который вел в Петербургском университете А.С. Лаппо-Данилевский.

Другим известным философским объединением стала группа мыслителей, сформировавшаяся при издательстве «Мусагет» и затеявшая выпуск международного ежегодника по философии культуры «Логос». В редакцию русскоязычного издания вошли баденцы Степун, Гессен и Яковенко, близкий в то время марбургскому неокантианству. С ними сотрудничали многие русские неокантианцы: Кистяковский, Сеземан, Гордон, Н. Болдырев, Габрилович, Гартман, Ильин, М. Рубинштейн и др. В глазах их непримиримых оппонентов они выглядели единой успешной командой. В августе 1912 г. Булгаков писал Эрну: «Мы, как коллек-

¹³⁴⁴ Алексеев, В бурные годы LIV, 149.

тив, терпим удар за ударом, а гессенята процветают»¹³⁴⁵. К сожалению, эта группа так и не сложилась в «философскую школу» в узком смысле слова, хотя получила уникальную возможность институционального оформления благодаря собственному научному изданию — журналу «Логос». Основной причиной тому можно назвать отсутствие у редакции журнала четко определенной научной платформы и, как следствие, некоторая его «всеядность». Например, не желая ссориться со своим «ближайшим сотрудником» Франком, редакторы пошли на публикацию его «довольно слабой», по их же признанию, статьи «Природа и культура»¹³⁴⁶. В то же время «логосовцы», оставаясь в ходе издания журнала в постоянном контакте со своими западными коллегами, фактически не прерывали связей с «родными» неокантианскими центрами и потому, по-видимому, не чувствовали никакой необходимости для организации собственной школы на русской почве.

Между тем в глазах философствующего читателя журнал выглядел «органом неокантианцев», а редакция, страшась того приема, который оказывал неокантианству российский философский «бомонд», всячески от неокантианства открещивалась и, если и сознавалась в «партийности», то «постольку, поскольку <журнал> неуклонно стоит на стороне чистой философии»¹³⁴⁷. Однако даже это признание значило немало: под «чистой философией» «логосовцы» понимали *нерелигиозную и интернациональную* философию. Если о первом определении выше было уже сказано самими русскими неокантианцами¹³⁴⁸, то второе требует некоторого прояснения.

С понятием «национального», применяемого по отношению к философии, связано много нерешенных вопросов, ведущих в России своих историю от споров между славянофилами и западниками, «неославянофилами» и «неозападниками». Чтобы на них ответить, нужно, в первую очередь, разобраться в понятиях.

Национальное (в отличие от этнического¹³⁴⁹) имеет в своем определении политический смысл. Это означает, что нация всегда выступает в рамках того или иного государства как некая общественно-политическая сила, противостоящая, например, правящей элите и осознающая объективные интересы, например, государства как свои собственные. Если же речь идет об *интересах* — как

¹³⁴⁵ Взыскующие града, 479.

¹³⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 2. Л. 5. Письмо Ф.А. Степуна к Э.К. Метнеру от 21.08.1910 г.

¹³⁴⁷ Письмо С.И. Гессена к Вяч. Иванову от 27.02.1913 // Взыскующие града, 511.

¹³⁴⁸ См.: «Очерк второй. 2».

¹³⁴⁹ Подробный анализ понятий нация, народ, страна, этнос см.: Семенов Ю.И. Философия истории. М., 1999. С. 27–56.

классовых, так и национальных, — то выражением этих социальных интересов является *идеология* как система взглядов, обладающая репрезентирующей и объединяющей массы силой. Понятно, что такие системы взглядов принципиально ничего общего с наукой, целью которой всегда было и остается постижение истины как таковой, не имеют. Между тем, *философия* — какие бы функции ее (например, мировоззренческая) ни выдвигались на первый план — со времен Древней Греции отстаивала и в конце концов приобрела право называться *наукой*, — и это тот смысл, который русские неокантианцы (вслед за немецкими) закрепили за понятием «философского», освободив его от всех утилитарных значений: прежде всего, религиозного¹³⁵⁰ и в целом мировоззренческого¹³⁵¹.

Получается, таким образом, что «философское» и «национальное» (поскольку идеологическое, мировоззренческое) — понятия несовместимые? Не следует, однако, торопиться с выводами.

Философ в силу своей профессиональной деятельности и общественного значения принадлежит к интеллигенции. Уникальность и загадочность этого социального слоя заключается в том, что в его основании лежат лучшие достижения *мировой* культуры: в формировании художника ли, ученого участвуют все эпохи всего человечества, а не одной только нации, возраст которой в сравнении с возрастом культуры представляется младенческим. Таким образом, интеллигенция по своей сути интернациональна. Вместе с тем, интеллигенция — это та часть общества, из которой на свет появляются гении, или идеологи. Гении первыми улавливают глубинные, скрытые до времени интенции и ожидания общества, класса, нации. И в их творчестве в символической форме впервые выкристаллизовывается идеал, «реальный контур грядущего», который овладевает сначала воображением близких к гению единомышленников (интеллигентов), а затем проникает в сознание той прогрессивной социальной силы, собственные интересы которой в наиболее оптимальной форме выражены этим новым идеалом, что приводит к появлению новой идеологии¹³⁵². Так, на этом этапе могут частично совпасть наука (философия) и идеология. Кроме того, гений, идеолог — плоть от плоти того общества, в котором он формируется, — не может не выражать в сознательно творимом образе будущего коренные интересы своей нации (если только

¹³⁵⁰ Яковенко 2000, 655.

¹³⁵¹ Как правило, в рассматриваемый дореволюционный период, говоря о философском «миропонимании» или «миросозерцании», русские неокантианцы имели в виду задачу построения философской концепции, «принимающей во внимание особую природу наук культурно-исторических». См.: Алексеев, Опыт построения философской системы, 706.

¹³⁵² См.: Муравьев Ю.А. Истина. Культура. Идеал. М., 1995. С. 122–131.

в этот момент именно нация выступает как прогрессивная общественная сила).

За исключением этого короткого фрагмента социальной динамики, говорить о *национальном* философствовании нелепо. Наука и в том числе философия — продукт интернационального творческого поиска. Наука, согласно Роману Якобсону, — «это явление, не замыкающееся в рамках одной страны или одного языка, явление, по своей природе не знающее границ, она всегда интернациональна. И при серьезном отношении к науке она никогда не будет разделять, а, наоборот, будет объединять»¹³⁵³. Проблемы же и методы науки и философии как науки имеют общечеловеческий характер и значение.

Некоторым оправданием в применении понятия «национального» по отношению к философии может служить устоявшаяся историко-философская традиция комплексно рассматривать концепции мыслителей, принадлежащих к единому территориальному и конкретному культурному пространству, а часто и к одной эпохе, выявляя тем самым как взаимовлияние их идей друг на друга, так и сосуществование в одной культурной и языковой среде разных научных направлений. Отсюда такие названия, как «Философия Древней Греции», «Современная французская философия», «Русская философия Серебряного века» и т. д. В этом контексте «национальное» употребляется как синоним территориального, этнического или культурного единства.

Среди философов бытует и другое мнение. Считается, что под влиянием той или иной национальной традиции мыслители-соотечественники разных поколений отдают предпочтение определенному набору философских проблем и методов, между тем как другие аспекты философии либо остаются без внимания, либо занимают периферийную позицию. Такого мнения придерживается Г.Г. Шпет: «Национальная философия <...> не зависит от лиц, а от *проблем* в их целом и в их координациях»¹³⁵⁴. Однако, следуя гегелевскому диалектическому принципу, Шпет призывал не останавливаться на простой констатации национального своеобразия в философствовании, но на каждом этапе историко-философского исследования подниматься до всеобщего, используя в анализе общечеловеческие критерии. Таким образом, «постановка и решение вопросов все больше выступает в свете

---

¹³⁵³ Гловински М. Роман Якобсон в Польше // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 258.

¹³⁵⁴ ОР РГБ Ф. 718. Карт. 4. Ед. хр. 15. Л. 10. Шпет Г.Г. Материалы к работе над книгой «Очерк по истории русской философии». Я благодарю д-ра Татьяну Геннадьевну Щедрина за предоставленный материал из архива Г.Г. Шпета.

психологии не национальной, а типичных форм, какие знает внутри себя это общее. Психология положительной философии выступает везде в связи с единым осознанием идеи философии. И от национального тогда, действительно, остается лишь свой оригинальный круг вопросов»¹³⁵⁵, составляющих национально-специфический компонент философии.

Еще определеннее спустя годы выразил эту мысль русский неокантианец Б.П. Вышеславцев: «Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения. Разные нации замечают и ценят различные мысли и чувства в том богатстве содержания, которое дается каждым великим философом. В этом смысле существует русский Платон, русский Плотин, русский Декарт, русский Паскаль и, конечно, русский Кант. Национализм в философии невозможен, как и в науке; но возможен преимущественный интерес к различным мировым проблемам и различным традициям мысли у различных наций»¹³⁵⁶. Именно в таком контексте можно вести речь, например, о *русском* неокантианстве...

Возвращаясь в дореволюционную Россию¹³⁵⁷, следует отметить, что вопрос о «национальности» философии связывался тогда напрямую с религиозно-православными исканиями, которые многими мыслителями религиозно-мистического направления выдавались за исконно-русскую, самостоятельную философскую традицию¹³⁵⁸.

Русские неокантианцы реагировали на подобную пропаганду так же безапелляционно-отрицательно, как безапелляционно-положительно решался «национальный вопрос» в философии религиозными мыслителями. Яковенко в своей программной статье категорически настаивал, что

«национальная философия есть уклонение от философии, есть уклонение от исторического пути философского развития и от научных задач философской мысли. Философия, сознающая свои за-

¹³⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 718. Карт. 5. Ед. хр. 1. Л. 87 — 88. Шпет Г.Г. Черновые заметки к работе «Очерк развития русской философии». Ср.: *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии // *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.*: Очерки истории..., 218—219.

¹³⁵⁶ *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев*, Кризис индустриальной культуры, 617.

¹³⁵⁷ См. одно из первых в начале XX в. выступлений с пропагандой религиозной онтологии в качестве русской национальной философии: *Бердяев*, О новом русском идеализме, 683—724.

¹³⁵⁸ См.: «Очерк второй. 2».

дачи, может видеть в ней только врага, только пережиток старых реликтовых мотивов, уже побежденных ею и изгнанных из ее области окончательно. Философия всей силой своего развития стремится достичь и достигла самостоятельного положения науки. И говорить теперь о национальной принадлежности философии становится также трудно, как говорить о национальной принадлежности любой другой науки. Что сказал бы ученый-математик, если бы ему сообщили о том, что тригонометрия имеет национальное лицо французов, а учение о комплексах является национальным немецким учением? <...> Как нет и не было никогда национальной математики, так нет и было никогда национальной философии, хотя были когда-то давно национальные математические мировоззрения, а ныне существует еще бесконечное множество философских мировоззрений»¹³⁵⁹.

Между тем, царившая в России в 1910-х годах «национализация» философии, достигшая своего апогея в период войны, привела к тому, что русские неокантианцы «так или иначе должны [были] чувствовать себя германизованными»¹³⁶⁰.

В то же время уже современники отмечали, что «русское кантианство совершенно особого рода»¹³⁶¹. А.К. Топорков, побывавший в Марбурге, но по возвращению в Россию занимавшийся не столько философией, сколько проблемами символизма и художественного творчества вообще, увидел особенности неокантианства вообще и русского неокантианства в частности в следующем:

«При известном понимании и истолковании кантианство вовсе не определяет собой мировоззрения. <...> Кантианец может быть и революционером, и реакционером, атеистом и теистом. Русскому человеку, находящемуся почти всегда в несколько хаотическом состоянии по части философии, кантианство как нельзя лучше помогает разобраться в противоречиях многообразного опыта, оно наводит порядок в сознании и тем облегчает творчество и проповедь. <...> Поэтому, может быть, русское кантианство даже более правильно, чем кантианство германское. Последнее, желая давать по существу лишь метод и формальные предпосылки умозрения, становится незаметно мировоззрением и доктриной. Первое, приемля только методологию и критику, принципиально допускает многообразные “убеждения”, вне критики и вне науки лежащие. В извест-

¹³⁵⁹ Яковенко 2000, 656–657.

¹³⁶⁰ Топорков А.К. Очерки современной философии. Нео-кантианцы // Новая жизнь. 1915. Июль – август. С. 174.

¹³⁶¹ Топорков, Нео-кантианцы, 172. Хотя Топорков везде употребляет словосочетание «русские кантианцы», речь в его статье идет именно о русском неокантианстве.

ном смысле кантианство западное — предел и конец, а кантианство русское — начало и устремления»¹³⁶².

Ориентация на философию как науку и поиск чистого знания вне религиозных канонов и ограничений — вот это обновленное просветительство и составляло, по-видимому, своеобразие русского неокантианства. Среди вчерашних учеников баденских и марбургских неокантианцев были, однако, те, кто, столкнувшись с настороженным и откровенно враждебным отношением к своей философской позиции, отказался от ее защиты. Но были и другие — немногие, кто попытался сохранить и утвердить свою идентичность с научной *alma mater*.

По принципу сохранения программной идентичности и жесткого отделения философии от мировоззрений сложилась история «школы», оформившаяся в рамках домашнего семинара, который вел «несправедливо оттесненный от кафедры» русский марбуржец Б.А. Фохт. Каждый «у него находил именно то, чего искал: как пианист ставит пальцы, так ставил он аппаратуру логическую, не касаясь мировоззрительного содержания, но требуя четкости в методологии»¹³⁶³. В своем семинаре по Канту и Когену он воплотил принципы философствования, воспринятые у своих марбургских учителей. Эта школа плодотворно просуществовала до самой смерти Фохта в 1946 г., то есть выжила даже в Советской России, правда, в условиях глубокого интеллектуального «подполья». Из этой внеинституциональной школы вышли, кроме Андрея Белого, такие, ставшие известными в различных сферах гуманитаристики ученые, как П.В. Копнин, М.Б. Туровский, И.Д. Левин, А.В. Чичерин, Б.В. Горнунг.

Видимо, этот последний факт — самое яркое доказательство положительного ответа на вопрос о возможности школ в философии и о значении неокантианских школ в европейской и российской культуре рубежа веков. Между тем, было бы несправедливо не упомянуть об отрицательном решении этого вопроса Н.А. Бердяевым.

В 1930-х годах состоялась полемика между Н.Н. Алексеевым и Н.А. Бердяевым по вопросу об общественной миссии философии. Бердяев отстаивал пессимистическую позицию, указывая на принципиальное одиночество философа в социуме:

«За философией же не стоят никакие коллективы, и потому философа никто защищать не станет. Все это горькая правда, сознание которой не может не внушать философу некоторого презрения к окружающей его общественной среде. Этим и объясняется личный

¹³⁶² Топорков, Нео-кантианцы, 172–173.

¹³⁶³ Белый, Начало века, 384–385.

субъективный, персональный характер философии <...>. Философу как будто ничего не остается другого, как замкнуться в самом себе. Одиночество должно быть не только его стихией, но и его практической нормой. Бесплодно философу искать общество, искать школы, учеников, адептов»¹³⁶⁴.

Позднее, в работе «Самопознание» Бердяев объяснял свою позицию тем, что он «принадлежит к тому типу людей и к той небольшой части поколения конца XIX и начала XX века, в которой достиг необычайной остроты и напряженности конфликт личности, неповторимой индивидуальности с общим и родовым», что он «принужден жить в эпоху, в которой торжествует сила, враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти общего, коллективной реальности»¹³⁶⁵. Корни бердяевской неправоты — а он не прав и в историко-философском, и в прогностическом отношении — произрастают из рефлексии по поводу «искусственных условий той общественной атмосферы, в которой принужден жить философ эмигрантский»¹³⁶⁶.

В качестве контраргумента Алексеев приводит пример своей «родной» интеллектуальной школы: «Вспоминаются времена, когда, несмотря на нелюбовь к философии широкой публики, существовало самое живое философское общение, соединявшее философов в тесное содружество. И может быть, воспоминания об этом общении составляют лучшие страницы нашей прошлой философской жизни»¹³⁶⁷. Алексеев далее ссылается на слова Ясперса, «философского союзника Бердяева», о том, что «истинная философия может родиться только в сообществе», что «существенная, схватывающая бытие истина рождается только из общения, с которым она неразрывно связана», что «философская дискуссия есть удерживание себя от соблазна соскользнуть в стихию публичности». «Поэтому-то, — резюмирует Алексеев, — философский диалог и философская дискуссия являются необходимыми моментами всякого философского развития», предполагая, однако, «не только вчувствование “Я” в “Ты”, но и общий объективный предмет, который одинаково понимается и одинаково истолковывается»¹³⁶⁸.

¹³⁶⁴ Алексеев, Об идее философии, 390. Здесь Алексеев излагает одну из основных идей работы Бердяева «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934).

¹³⁶⁵ Бердяев, Самопознание, 572–573.

¹³⁶⁶ Алексеев, Об идее философии, 390.

¹³⁶⁷ Там же.

¹³⁶⁸ Алексеев, Об идее философии, 390–391.

В России не сложилось неокантианской школы в ее традиционном понимании: с авторитетным схолархом, с неким институциональным центром (университетом, собственным печатным органом), с определенной научной программой. И не потому что русские неокантианцы чувствовали свою зависимость от немецких *alma mater*. Причина в другом. Отсутствие в России развитой университетской философской традиции и специфическое отношение к философии разных слоев общества — то ли как опасному вольнодумию (с точки зрения чиновника любого ранга), то ли как квази- или даже псевдонаучным построениям интеллигента (с точки зрения ученого-естествоиспытателя), то ли, наконец, как изобретательству приспособленных к нуждам меняющегося мира мировоззрений (с точки зрения образованного обывателя) — обусловило «размывание» неокантианской научной программы и трансформацию форм развития и трансляции неокантианских идей. Наиболее «резистентным» на русской почве оказался «проект» Марбургской неокантианской школы с его установкой на *«просветительство»* («воспитание ума») и *определенность научной программы*. Эти принципы «Марбурга» были подкреплены *личной традицией*, воспринятой русскими марбуржцами от своих учителей — как русских (напр., С.Н. Трубецкого), так и немецких (Г. Когена, П. Наторпа), — и *протестной традицией российской интеллигенции*, звучавшей для русских неокантианцев в унисон «этическому социализму» марбургского неокантианства. В силу этих особенностей институализация неокантианцев в России получила неформальное выражение в деятельности философских кружков и обществ, среди которых важнейшую роль в поддержании программной и функциональной идентичности играли так называемые *домашние семинары*. Из них явление несомненно исторического значения — домашний семинар *Б.А. Фохта*, просуществовавший с незначительными перерывами более 40 лет — с 1904 по 1946 г. — и завершившийся только со смертью своего руководителя.

Очерк третий

Русские неокантианцы

**Начала русской неокантианской
библиографии**

Проблема источников в историко-философском исследовании с наибольшей остротой возникает при попытке проследить истоки того или иного философского течения, объяснить происхождение тех или иных идей, найти поворотный пункт в развитии философской мысли и, возможно, причины, повлекшие за собой смену научной парадигмы. Подчас самые неожиданные материалы исторического, литературоведческого или биографического характера становятся значимыми для историко-философского анализа. Здесь история философии в выборе методов и оснований исследования сближается с исторической наукой и так называемыми *case studies*, применяемыми в истории науки для обнаружения «контекста открытия». Материалом для этого очерка послужили, прежде всего, архивы мыслителей, носителей идей и основателей интеллектуальных течений: эпистолярное наследие, мемуары, документы социометрического характера и собственно философские тексты, в которых подчас обнаруживаются мысли, диаметрально меняющие устоявшееся представление об их авторе и о его значении в истории идей.

1. Отто Петрович Бук

Это имя ничего не скажет ни современному историку, ни современному философу. Один из первых русских неокантианцев долгие десятилетия был *совершенно* забыт на своей родине, в России, и *почти* забыт на своей второй, этнической родине, в Германии. Между тем он, полноправный представитель двух великих культур, всей своей жизнью воплотил удивительную миссию «культурного посредника», связывая идеи, традиции и времена...

Отто Вильгельм Бук родился 18 ноября 1873 г. в Петербурге в семье немецкого коммерсанта Петра Бука и Марии Бук, урожденной Вестфален. В Петербурге он окончил гимназическое отделение немецкой школы Св. Петра и в 1891 г. поступил в Петер-

бургский университет¹³⁶⁹. В студенческие годы Бук увлекался марксизмом, штудировал «Капитал» и с большим интересом следил за спором народников с марксистами, — и в большинстве случаев его симпатии были на стороне народников¹³⁷⁰.

Он закончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (специализация — химия) с дипломом первой степени в 1896 г. и сразу уехал продолжать образование в Гейдельберг и Марбург¹³⁷¹. В юношеские годы, правда, неизвестно, где именно — в России или в Германии, — он познакомился и подружился с Лу Андреас-Саломе, знаменитой «русской музой» Ницше и ученицей Фрейда.

Уже в марбургские годы Бук посвящает много времени политической деятельности. В Марбурге сложилась кантианско-социалистическая группа, в которую входили кроме самого Отто Бука Курт Эйсер, Роберт Михельс¹³⁷² и, по-видимому, Макс Тоблер. По своей идеологической направленности она отличалась от основного политического течения марбургско-неокантианского происхождения — этического социализма — тем, что идейно была ближе к анархо-синдикализму и даже, скорее, к толстовству, или, как называл учение Льва Толстого Михельс, к «до конца продуманному синдикализму»¹³⁷³. Около 1904 г. Бук принял участие в агитационной поездке д-ра Михельса, кандидата от левого крыла социал-демократической партии на выборах в Рейхстаг. Роберт(о) Михельс — немецко-итальянский социолог, знаменитый своим «железным законом олигархии», сформулированным в отношении внутрипартийной демократии и руководящей партийной группы (1911), а также своим идеологическим дрейфом от социал-демократических взглядов в 1900-х — через анархо-синдикализм с 1907 г. — к членству с 1923 г. в национальной фашистской партии Муссолини и превращению в одного из видных идеологов итальянского фашизма...

После отъезда из Марбурга Бук обосновался в Берлине, где, совершенно разочаровавшись в «обуржуазившейся социал-демократии», примкнул к анархистам и начал пропагандировать среди

¹³⁶⁹ Staatsarchiv Marburg. Best. 307d, № 175. Promotionen WS 1904/05. Lebenslauf.

¹³⁷⁰ Здесь и далее факты из общественно-политической биографии Отто Бука приводятся прежде всего по: Deutschen Literaturarchiv Marbach. Nachlaß E. Szitty. 80.1325/14: *Buek O. Tableau chronologique sur ma vie*. Manuskript. Я благодарю г-на Германна Мюллера (Müller), руководителя «Deutsche Monte Verita — Archiv Freudenstein mit Gräser Archiv» (г. Фрайберг), за предоставление этого и других материалов из фонда Эмиля Ситтля, а также из швейцарских архивов и архива Монте Верита.

¹³⁷¹ См. «Очерк второй. 1.2».

¹³⁷² *Hanke E. Prophet des Unmodernen Leo N. Tolstoi als Kulturkritiker in der deutschen Diskussion der Jahrhundertwende*. Tübingen, 1993. S. 130. Далее цитируется как *Hanke* 1993 с указанием страниц.

¹³⁷³ *Hanke* 1993, 186.

рабочих программу гражданского неповиновения. Летом 1905 г. он едет в Швейцарию — в Цюрих к врачу, писателю и анархисту Фрицу Брупбахеру, где встречается с Максом Тоблером, знакомым еще по Марбургу, и Рафаэлем Фридебергом, тоже анархистом, и начинает издавать анархистскую газету¹³⁷⁴.

Осенью 1905 г. — снова Берлин, потом Кёнигсберг, затем юг Германии, наконец снова Швейцария — Цюрих и Аскона. На этот раз по Швейцарии с ним путешествует Йоганнес Хольцманн (псевдоним «Сенна Гой» — наоборот прочитанное имя Йоганнес), редактор журнала «Борьба»¹³⁷⁵, анархист и революционер, уже однажды высланный из Швейцарии за неблагонадежность. В 1907 г. Сенна Гой уедет в Россию, будет там арестован и в 1914 г. умрет в одной из тюрем под Москвой... А пока он вместе с Буком в Цюрихе и в Асконе¹³⁷⁶.

В Аскону, на знаменитую «Гору Истины» (Monte Verita), в свободную коммуну, организованную братьями Густавом и Карлом Грэзерами (Gräser), в первые десятилетия XX в. съезжалась интеллектуальная и художественная элита со всего мира — Герман Гессе, Эрнст Блох, Карл Густав Юнг, Айседора Дункан, Джеймс Джойс, Райнер Мария Рильке, Пауль Клее, Алексей Явленский, Марианна Веревкина и многие другие писатели, поэты, революционеры, философы, художники. По некоторым свидетельствам, осенью 1904 здесь побывал Ленин — братья Грэзеры помогли ему в крайне сложной финансовой ситуации¹³⁷⁷. Сюда Отто Бук, судя по письмам к Брупбахеру¹³⁷⁸, в 1906 г. приезжал как минимум дважды: в апреле на пару недель, и в конце мая — начале июня на два месяца. В это время в Асконе собралось «большое число анархистов из разных стран» с намерением «основать там международную анархистскую колонию и школу»¹³⁷⁹. Группу, к которой при-

¹³⁷⁴ Название неизвестно.

¹³⁷⁵ «Борьба. Журнал здравого смысла» под редакцией Санны Гой выходил с 6 февраля 1904 г. по 14 апреля 1905 г. и аккумулировал анархистские и раннеэкспрессионистские взгляды и позиции. Издание финансировали Отто Бук и Бенедикт Фриденлендер. См.: Hanke 1993, 154 Anm.

¹³⁷⁶ В Государственном архиве Цюриха сохранились полицейские сводки по результатам слежки за Отто Буком и Йоганнесом Хольцманом. См.: Staatsarchiv des Kantons Zürich. P 239. 8 (75), 9 (24).

¹³⁷⁷ См.: Müller H. Lenin auf dem Berg der Wahrheit (1990). Typoskript. Deutschen Monte Verita Archiv Freudenstein. См. также: Nagy L. Th. Die Gräser: Sammlung — Erinnerungen — Familiengeschichte. Übersetzt von Nora Kotlán. Budapest, 1963. S. 8. Typoskript. Deutschen Monte Verità Archiv Freudenstein.

¹³⁷⁸ См.: Briefe Otto Bueks an Fritz Brupbacher: 10.04.1906 (Ascona), 18.07.1906 (Ascona). IIGG Amsterdam. Nachlaß Brupbacher. Фильмокопии см.: Schweizerischen Sozialarchiv Zürich.

¹³⁷⁹ Staatsarchiv des Kantons Zürich. P 239. 8 (75). 09. Juni 1906.

соединился Бук, составляли психотерапевт и психоаналитик Отто Гросс, писатель Эрих Мюсам (Mühsam), психоаналитик Йоганнес Нол (Nohl) и писатель Леонард Франк (Frank), в будущем — видные деятели анархизма, которые в эту встречу на Горе Истины обсуждали возможность создания здесь «высшей школы к освобождению человечества».

Несмотря на всю очевидность своей идейной близости к кругам анархистов и социал-демократов, Отто Бук в одной из статей в цюрихской газете «Сигнал» («Weckruf») писал, что «его деятельность не политической природы и ограничивалась до сих пор чисто научными и философскими исследованиями, а также переводами произведений Толстого и представительство его идей»¹³⁸⁰. В это время он действительно был занят переводом педагогических сочинений Л.Н. Толстого для издания в Лейпциге у Е. Дидерикса¹³⁸¹, а годом раньше, в 1905 г., в журнале «Борьба» вышла его статья о Льве Толстом¹³⁸² и отдельным изданием — перевод статей Толстого¹³⁸³. Известно, однако, что приблизительно в то же время он был занят переводом книги французского социалиста Густава Эрве, которая вышла в Цюрихе спустя год, снабженная предисловием Рафаэля Фридеберга¹³⁸⁴.

К социалистическим и анархическим позициям приблизило Отто Бука, по-видимому, его изначально *особенное* отношение к учению Толстого. Бук никогда не был толстовцем в «классическом» смысле слова. К идеям Толстого он относился критически, осуждал его за приверженность «к двойственному, полному противоречий христианскому учению». По мнению Бука, то, что Толстой извлек из всего «содержания этого кадастра нашей суеверной отсталости», было «едва ли больше пяти коротких предложений», но в них он «открыл основные революционные законы человечества», «вечно революционное», «чистый анархизм». «Можно почувствовать» в толстовском учении о непротавлении «реакционную тенденцию. <...> Можно сожалеть об отсутствии в этом учении о непротавлении остроты, опасной агрессивности,

¹³⁸⁰ Hanke 1993, 45.

¹³⁸¹ Tolsoj L.N. Pädagogische Schriften: Bd. 1 // Tolsoj L.N. Sämtliche Werke / Von dem Verf. genehmigte Ausgabe von R. Löwenfeld; Serie 1: Sozial-ethische Schriften; Bd. 8. Leipzig, 1907; Tolsoj L.N. Pädagogische Schriften: Bd. 2 // Tolsoj L.N. Sämtliche Werke... Bd. 8. Leipzig, 1907.

¹³⁸² Buek O. Leo Tolstoi // Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand. Berlin. Jg. 2. Nr. 19, 24. Februar 1905. S. 539—543; Nr. 20, 3. März 1905. S. 575—579.

¹³⁸³ Tolstoi L. An die Soldaten und jungen Leute / Übersetzt von Otto Buek. Mit einem Nachwort von Senna Hoy. Berlin-Charlottenburg, 1905.

¹³⁸⁴ Hervé G. Das Vaterland der Reichen / Übersetzt von Otto Buek. Vorwort von Raphael Friedeberg. Zürich, 1907.

революционной энергии и избегать его из-за его политической слабости». Но, интерпретируя толстовство по-неокантиански, то есть методологически, Бук находит, что «идейная конструкция Толстого <...> это революционный принцип как таковой, без каких-либо отступлений и уступок», это, «разумеется, не романтический путчизм и не кокетничанье с кровавыми фантазиями заговорщиков, а *непрерывно продолжающаяся революция как сущность* самого человека, *революция как метод*. Поэтому это не слабая женственность мысли о непротивлении, но огромное напряжение героического проявления силы, живейшая *активность*. <...> это единственно достаточное определение для подлинного, настоящего действия, это форма активности, которая требует энергии и концентрации воли, изначальной спонтанности, для чего у нашего поколения пока нет ни средств, ни способности»¹³⁸⁵...

Около 1907 г. Бук, наверное, в последний раз посетил Петербург. Как он рассказывал своему другу по мюнхенской группе «Tat» («Дело») Карлу Оттену, писателю-экспрессионисту и психиатру, в Петербурге он для того, чтобы узнать «изнутри» жизнь низов, «спускался» на самое дно городских трущоб, его провожаемым туда был грязный оборванный попрошайка¹³⁸⁶.

Приблизительно в 1908 г. Бук вернулся в Берлин. В конце этого года, встретившись там с Германом Когеном, он поделился с ним своим намерением начать работу над реабилитационным сочинением, что Коген воспринял с энтузиазмом и думал пригласить Бука для реабилитации в Марбург¹³⁸⁷. Но работа не состоялась. Возможно, Бук просто оставил эту мысль, так как знал о двухкратном отказе сначала Марбургского университета, потом Йенского принять к защите реабилитационную работу Роберта Михельса, — даже несмотря на заступничество Макса Вебера. Причиной отказа было участие Михельса в социалистической агитации.

О встрече с Отто Буком в этот период вспоминал Н.Н. Алексеев: «В Берлине, в тот летний семестр [1909 г.], когда я в него приехал, собралось большое количество русских ученых, преимущественно молодых. Собирались мы на углу Курфюрстендамма и Йоахимсталерштрассе, в известном в то время “Кафе дес Вестенс” <...> Здесь я познакомился с доктором Буком, русским шведом, давно покинувшим Россию и ставшим философом Марбургской школы, написавшим у Когена диссертацию о Фарадее»¹³⁸⁸.

¹³⁸⁵ Buek O. Leo Tolstoi // Kampf. 1905. Nr. 19. S. 540.

¹³⁸⁶ Otten K. Wurzeln. Roman. Neuwied a. Rh., 1963. S. 42–46.

¹³⁸⁷ Holzhey 1986/II, 370.

¹³⁸⁸ Алексеев, Два года за границей, 143.

О философских работах Бука после марбургского периода известно немного. О статье про Толстого и в юбилейный сборник Когена уже говорилось. В 1911 г. в левом экспрессионистском журнале Франца Пфемферта «Действие» была опубликована работа «К критике марксизма»¹³⁸⁹.

1 октября 1913 г. под редакцией д-ра Отто Бука и проф. д-ра Пауля Герре (Herre) вышел первый номер еженедельного журнала «Науки о духе». Области знания, включенные редакторами в понятие «наук о духе», были перечислены в подзаголовке журнала: философия, психология, математика (sic!), религиоведение, историческая наука, языкознание и литературоведение, искусствоведение, наука о государстве и праве, обществоведение, политическая экономия и статистика, военная наука, строно- и народоведение, педагогика. В редакционной статье Бук и Герре объясняли, что журнал в пику многочисленным специализированным и часто полемически направленным течениям в гуманитарных науках будет подчеркивать единство и связь отдельных дисциплин, чтобы стать центром возможно более широкой исследовательской деятельности. Хотя само «понятие “духа” спорно и не имеет четких границ», журнал не может ставить перед собой цель дать его жесткое определение и с точки зрения этого определения подходить к рассмотрению отдельных дисциплин. Наоборот, следует «выявить различные точки соприкосновения “наук о духе” с естественно-научными областями», поскольку последние «часто вмешиваются в гуманитарное исследование в качестве его материальных предпосылок, в то время как оно со своей стороны в силу условий своего развития многочисленными нитями связано с духовной культурой». Журнал ставит себе поэтому особенную цель: «через планомерное освещение движений и направлений в разветвленных и все же внутренне тесно друг с другом связанных научных областях дать исчерпывающе осведомляющий обзор всех научных устремлений, стоящих на службе духовной культуры»¹³⁹⁰.

Первый номер открылся статьей Германа Когена «Науки о духе и философия», в которой Коген прояснил то значение, которое вкладывается или должно вкладываться в понятие «духа»: «Сущность духа проявляет себя в *познании*, которое формирует основоположение и путеводную нить всех наук. Дух потому означает человеческий дух, что он дух методического познания, познавательных методов науки. *Дух научного познания* — отличительный признак человеческого разума, который развивается в научном

¹³⁸⁹ Buek O. Zur Kritik des Marxismus // Die Aktion. Berlin. 1911. S. 1029–1033.

¹³⁹⁰ Die Herausgeber [Buek O., Herre P.]. Zur Einführung // Die Geisteswissenschaften. Leipzig. 1913. 1. Oktober. Jg. 1. H. 1. S. 1.

разуме. Науки о духе, следовательно, объединены в проблеме научного разума как области, где коренится все научное познание». Философия по отношению к наукам о духе выступает как «основание их единства»: науки о природе и науки о духе растут из одного корня. «Различие формируется *объектом* как проблемой: там природой, здесь духом. Но дух есть познание, и на нем же основывается проблема природы»¹³⁹¹.

Журнал просуществовал недолго — последний, 39-й, номер вышел 25 июня 1914 г., — но получился ярким и цельным. В нем печатались ведущие ученые, такие как Георг Зиммель, Пауль Наторп, Нарцисс Ах, Юлиус Эббингхаус, Карл Ясперс, Курт Коффка, Эрнст Кассирер, Бронислав Малиновский, Николай Гартман и др. Издание прекратилось, по-видимому, по финансовым причинам. Коген в письме к Наторпу от 30 июня 1914 г. сообщал о том, что намеревается «обработать» знакомого издателя в Лейпциге, чтобы «он в той или иной форме взял на себя это дело», поскольку «было бы важно, если бы мы получили в руки орган печати свободного научного рационализма», когда «все более отчетливо обнаруживается внутренняя связь настоящей философии и живой творческой политики»¹³⁹². Но следующий номер «Наук о духе» так и не появился.

Помимо издательской деятельности Бук в предвоенные годы много работал над переводами русских классиков на немецкий язык. Кроме Л.Н. Толстого он переводил А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Л.Н. Андреева, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, позднее — испанского писателя Мигеля де Унамуно. Одновременно вместе с Когеном, Бухенау, Гёрландом, Келлерманном и Шёндёрфером в 1911–1922 гг. принимал участие в знаменитом издании сочинений Канта под редакцией Эрнста Кассирера. Уже после войны издавал собрание сочинений Канта в серии «Философская библиотека» (Leipzig, 1920) и вместе с Вильдхагеном — сочинения Тургенева.

В начале Первой мировой войны, в октябре 1914 г., Бук стал одним из тех четырех (!), кто подписал антивоенное «Воззвание к европейцам» в ответ на шовинистское «Воззвание к культурному миру», составленное и подписанное девятью (!) германскими интеллектуалами, среди которых были знаменитые на весь мир ученые — Планк, Рентген, Гауптманн, Вундт, Виндельбанд, Освальд, Риль...¹³⁹³ Другими пацифистами, подписавшими

¹³⁹¹ Cohen H. Die Geisteswissenschaften und die Philosophie // Die Geisteswissenschaften. 1913. H. 1. S. 2.

¹³⁹² Holzhey 1986/II, 427.

¹³⁹³ О реакции на это воззвание в России см.: «Очерк второй. 2».

вместе с Буком антивоенный манифест, были профессор Берлинского университета, физиолог Георг Фридрих Николаи¹³⁹⁴, астрофизик и президент Международной палаты мер и весов Вильгельм Фёрстер, чья подпись была поставлена под «Воззванием 93-х» без его согласия, и физик Альберт Эйнштейн¹³⁹⁵. Не найдя во всем Берлинском университете больше ни одного сочувствующего, манифест решили не публиковать, — он будет обнародован только в 1917 г. в Швейцарии.

Бук познакомился с Альбертом Эйнштейном и его теорией еще до войны. 16 мая 1911 г. Кассирер писал Наторпу, что «Бук <...> собирается, пожалуй, работать над принципом относительности, к чему я его всячески побуждаю»¹³⁹⁶. Осенью 1914 г. Бук продолжил свои занятия у Эйнштейна. В письме от 28 ноября Коген сообщал Наторпу, что «Бук слушает лекции Эйнштейна, все чаще встречается с ним и ведет основательные беседы. Он находит его [Эйнштейна] в философском [смысле] неясным, и у него [Бука] все еще нет настоящего суждения обо всем предмете, в котором только сложная математика находится вне сомнения»¹³⁹⁷.

В военные годы Бук сблизился с кругом поэта-социалиста Йоганнеса Роберта Бехера¹³⁹⁸. В письме к своей издательнице поэт назвал Бука среди «семи человек, которых он любит»¹³⁹⁹, считал «настоящим великолепным другом» и посвятил ему стихотворение «Молитва зимой 1915/16»¹⁴⁰⁰.

В эти же годы Бук познакомился с Карлом Либкнехтом, Эдуардом Бернштейном и Хуго Хаазе (Haase)¹⁴⁰¹.

¹³⁹⁴ Г.Ф. Николаи, студенческий товарищ Отто Бука, был автором не только этого манифеста, но и знаменитого пацифистского сочинения, написанного во время Первой мировой войны и опубликованного впервые в Цюрихе в 1917 г. См.: *Николаи Г.Ф. Биология войны*. СПб., 1995 (Репринт 1926 г.).

¹³⁹⁵ Hermann A. Einstein. Der Weltweise und sein Jahrhundert. Eine Biographie. München — Zürich, 1994. S. 29.

¹³⁹⁶ UB Marburg. Natorp-Nachlaß. Ms. 831. Nr. 643. Brief E. Cassirers an P. Natorp 16. Mai 1911.

¹³⁹⁷ Holzhey 1986/II, 436.

¹³⁹⁸ Й.Р. Бехер (1891—1958) — поэт, коммунист, автор стихотворения «Восставшая из руин», положенного на музыку и ставшего гимном ГДР, министр культуры ГДР в 1954—1958 гг.

¹³⁹⁹ Becher J.R. Becher und die Insel. Briefe und Dichtungen 1916—1954. Hrsg. von R. Harder und I. Siebert. Leipzig, 1981. S. 36.

¹⁴⁰⁰ Becher, Becher und die Insel, 403.

¹⁴⁰¹ Хуго Хаазе (Гуго Гаазе) (1863—1919) — с 1912 г. преемник А. Бебеля на посту председателя Социал-демократической партии Германии. С 1913 г. возглавлял социал-демократическую фракцию в Рейхстаге. Стал инициатором раскола партии на основе своих пацифистских убеждений, во главе группы из 18 человек, в которой были также Бернштейн и Каутский, вышел из партии и в апреле 1917 г. был избран лидером Независимой социал-демократической партии. Выступал за подпи-

В 1918 г. он едет на некоторое время в Швейцарию, но с началом немецкой революции спешит в Берлин, где знакомится с аргентинским журналистом Альваресом дель Вайо, будущим министром внутренних дел Испанской республики, и в 1919–1923 гг. работает на его месте корреспондентом аргентинского журнала «La Nación»¹⁴⁰². Приблизительно к этому же времени относится описанная им самим в «Хронологической таблице к моей жизни» встреча с Эйнштейном в берлинском метро. Эйнштейн шел со скрипкой к Макс Планку домой, чтобы вместе поиграть, — Планк аккомпанировал ему на фортепиано¹⁴⁰³.

В 1922 г. Бук вместе с Николаи и еще двумя учеными участвовал в создании фильма об Эйнштейне и его теории относительности. Про эту затею много писали в газетах, но неизвестно, был ли фильм снят и продемонстрирован публике¹⁴⁰⁴. По замыслу его создателей, показ фильма должен был сопровождаться докладами Отто Бука¹⁴⁰⁵.

С 1925 г. после возвращения Эйнштейна из путешествия в Аргентину физик и философ еще несколько раз встречались: Эйнштейн делился с Буком своими впечатлениями от поездки. В дальнейшем они коротко виделись на дискуссиях в различных научных обществах по поводу возможных интерпретаций квантовой механики.

В 1933 г. оба вынуждены были покинуть Германию: Эйнштейн поехал в Америку, Бук — во Францию. Больше они никогда не встречались.

В эмиграции Бук бедствовал. Его старинный друг со времен Монте Вериты, художник и писатель Эмиль Ситтья¹⁴⁰⁶ уже после войны, узнав об этом, обратился за помощью к Эйнштейну. Тот сразу же откликнулся. В архиве Ситтья сохранилась копия эйнштейновского письма от 18 июля 1953 г. с его отзывом о Буке: «превосходный характер и надежный человек с социальной совестью»¹⁴⁰⁷.

сание Германией Версальского мирного договора. Скончался 7 ноября 1919 г. от раны, полученной в результате совершенного на него покушения.

¹⁴⁰² Buek O. Tableau chronologique sur ma vie. P. 2.

¹⁴⁰³ Ibid.

¹⁴⁰⁴ Wazeck M. Einstein in the Daily Press: A Glimpse into the Gehrcke Papers // Renn J.; Schemmel M.; Wazeck M. On the Shadow of the Relativity Revolution. Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte. P. 70. (Preprint 271).

¹⁴⁰⁵ Einstein in Ascona. Mit Otto Buek gegen den Krieg. Mitteilungen aus dem Monte Verita Archiv Freudenstein. Hrsg. von H. Müller. Jg. XII. 1997. Folge 25. S. 11.

¹⁴⁰⁶ Эмиль Ситтья (1886–1964) — псевдоним Адольфа Шенка. В его фонде в Марбахе сохранились письма Отто Бука за 1954–1962 гг. Ситтья был, по-видимому, единственным, кто навещал Бука в последние годы жизни.

¹⁴⁰⁷ Einstein in Ascona, 11.

Отто Бук умер в полном одиночестве под Парижем в доме престарелых в 1966 г.

2. Борис Александрович Фохт

«Лидером и пионером»¹⁴⁰⁸, открывшим для России научную традицию марбургского неокантианства, был Борис Александрович Фохт.

Борис Фохт родился в Москве 10 (23) марта 1875 г. в семье действительного статского советника профессора медицины Императорского Московского университета (с 1880 г.) Александра Богдановича Фохта и Марии Николаевны, урожденной Дубенской.

Несмотря на немецкую фамилию, это была старая московская семья. Предки Фохтов служили еще у Ивана Грозного, участвовали в Ливонской войне 1558–1583 гг., столетие спустя уже их потомки в войсках Петра Первого воевали против шведов и двое погибли в боях.

По воспоминаниям А.А. Вульфберта, племянника Фохта, прапрадед Бориса Александровича был лютеранским пастором в Миттаве. Его внук — Готлиб Фохт — окончил Дерптский университет, очевидно, по филологии и в течение 40 лет преподавал немецкий язык и, по некоторым сведениям, географию в Коммерческом училище и на Высших женских курсах в Москве, был женат на виконтессе Шарлотте де Базанкур — французской эмигрантке, красавице, в силу обстоятельств работавшей белошвейкой (она шила из полотна заказчика белье носильное и постельное). Здесь же, в Москве, он перешел в православие (с именем Богдан), возможно, для получения очередного чина — чина коллежского асессора, что давало право на персональное дворянство (до этого Фохты были приписаны к мещанскому сословию как дети и внуки пастора). Его двоюродный брат штабс-капитан Фохт был декабристом и подвергся ссылке¹⁴⁰⁹.

Александр Богданович Фохт (1848–1930), отец Бориса Александровича, — один из основоположников современной патологической физиологии. Он организовал и возглавил научную школу, из которой вышли такие замечательные ученые, как Г.П. Сахаров, Ф.А. Андреев, Г.И. Россолимо, Д.И. Российский. Сохранились воспоминания одного из учеников А.Б. Фохта С. Абрамова: «Рядом [с главным зданием] стоял институт Александра Богдановича

¹⁴⁰⁸ См.: «Приложение». Письмо № 11.

¹⁴⁰⁹ Из письма Б.А. Фохта П.С. Бенюху. Москва, 5.11.1942. Личный архив А.А. Гаревай.

Фохта¹⁴¹⁰, основателя русской школы общих патологов-экспериментаторов. Высокий, худощавый, с глубоко сидящими, горящими глазами, он славился в Москве, как необыкновенный оратор, напоминая по манере речи лучших французских мастеров адвокатского искусства»¹⁴¹¹.

А.Б. Фохт прославился не только своей научной деятельностью. Он был активнейшим участником акций протеста университетской профессуры и студенчества против правительства.

Поводом для таких выступлений явился новый университетский устав 1884 г., который нанес сокрушительный удар по автономии высшей школы, корпорациям студентов и поставил жизнь университетов в полную зависимость от института попечителей.

Одно из упоминаний об участии А.Б. Фохта в политической жизни университета сохранилось в «Докладе комиссии, избранной Советом Московского университета 28 февраля 1901 г. для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни»¹⁴¹², предложенного в качестве записки министру народного просвещения П.С. Ванновскому об автономии университетов и студенческих движениях. Студенческие выступления в ней рассматривались как «явление <...> связанное со всем бытом страны». Указывалось также на «особенности исторического момента, переживаемого Россией» и на «чрезвычайную возбудимость молодежи», ее разобщенность. Председателем комиссии, подготовившей этот документ, был избран заслуженный профессор Д.Н. Зернов, а ее членами — К.А. Андреев, А.А. Бобров, П.Г. Виноградов, В.И. Герье, М.В. Духовский, В.О. Ключевский, гр. Л.А. Колеровский, И.Т. Тарасов, Н.А. Умов, А.Б. Фохт и В.К. Цераский¹⁴¹³.

Еще одно упоминание об общественной деятельности А.Б. Фохта содержится в речи С.Н. Трубецкого, произнесенной 9 октября 1903 г. на закрытом заседании Историко-филологического общества Московского университета по поводу его отъезда за границу и необходимости избрания на его место двух профессоров в звании товарищей председателя. В своей речи Трубецкой упомянул о создании «автономной университетской комиссии с выборным составом для заведования студенческими учреждениями» вместо

¹⁴¹⁰ В 1891 г. А.Б. Фохт организовал Институт общей и экспериментальной патологии при клиниках университета.

¹⁴¹¹ Абрамов С. Медицинский факультет Московского университета 90-х годов // Московский университет 1755 — 1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 402.

¹⁴¹² Доклад датирован 16 мая 1901 г. См.: Материалы по истории студенческого движения в России. Лондон — СПб., 1906. Вып. II: Доклад комиссии Московского университета 1901 года о причинах студенческих волнений.

¹⁴¹³ См.: Щетинина Г.И. Идеиная жизнь русской интеллигенции: конец XIX — начало XX века. М., 1995. С. 151.

уничтоженного кураторства¹⁴¹⁴. В задачи этой комиссии, как и всего Общества, входило добиваться преобразования университета на началах автономии, заботиться об уничтожении курсовых делений и развитии свободного преподавания. В ее состав вошли Р.Ю. Виппер, М.К. Любавский, А.А. Мануйлов, В.М. Хвостов, В.И. Вернадский, В.К. Цераский, М.А. Дьяконов и в качестве председателя А.Б. Фохт¹⁴¹⁵.

А.Б. Фохт был душой неофициального профессорского кружка¹⁴¹⁶. Часто именно у него дома собирались его друзья и коллеги для обсуждения проблем университетской жизни. Так было, например, в начале декабря 1904 г., когда профессора Московского университета решили заступиться перед студентами за проф. В.И. Герье и для обсуждения этого вопроса 8-го декабря собирались у проф. Фохта¹⁴¹⁷. Присутствовал он и на неформальном совещании на дому у приват-доцента Н.В. Давыдова 1 сентября 1905 г. накануне заседания Совета университета, на котором должны были избрать ректора. «В Фохтовском кружке, да и между другими профессорами, — вспоминает Н.В. Давыдов, — с полной определенностью выяснилось к тому времени, что ректорство на новых началах будет предложено [С.Н.] Трубецкому. Такой выбор был неизбежен: борцом за автономию университета, по молчаливому согласию всех, выступил Трубецкой, и в этой борьбе именно он, благодаря своей убежденности, вере в университетское дело и присущим ему способностям, победил»¹⁴¹⁸.

В 1911 г. А.Б. Фохт вместе с группой известнейших профессоров ушел из Московского университета в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо¹⁴¹⁹. Одновременно подали в отставку такие видные деятели науки, как К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, В.И. Вернадский, С.А. Чаплыгин, Н.Д. Зелинский, М.А. Мензбир, Е.Н. Трубецкой и др. «Они служили науке преданно и влюбленно, но и для

¹⁴¹⁴ *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 249.

¹⁴¹⁵ *Щетинина*, Идейная жизнь русской интеллигенции, 137.

¹⁴¹⁶ См.: *Давыдов*, Из прошлого, 26–27. (Отдельный оттиск из этого журнала с дарственной надписью А.Б. Фохту от автора хранился у Александра Анатольевича Вульфберта).

¹⁴¹⁷ *Трубецкая*, Князь С.Н. Трубецкой, 92.

¹⁴¹⁸ *Давыдов*, Из прошлого, 27–28.

¹⁴¹⁹ Лев Аристидович Кассо (1865–1914) — министр народного просвещения (1910–1914). В период с 11 февраля по 21 марта 1911 г. исключил из Московского университета несколько тысяч студентов. 131 человек из числа профессуры, доцентов, ассистентов и лаборантов, то есть 1/3 всего преподавательского состава, были уволены. См.: *Гарева А.А.* Фигнер философской Москвы // Дидакт. М., № 3–4 (17–18). С. 27–31.

них многое оставалось превыше науки, например, правила чести и порядочности»¹⁴²⁰.

Вернулся в Московский университет он только после Октябрьской революции 1917 г. и сразу был назначен деканом медицинского факультета. Впоследствии А.Б. Фохт был избран членом Моссовета в 1925–1928 гг., а в 1926 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР¹⁴²¹.

Слава Александра Богдановича как ученого и честного, преданного делу науки и образования человека была настолько велика, что в 1896 г. его ученики, «собрав между собою капитал в 2000 руб., возбудили чрез попечителя Московского учебного округа ходатайство об учреждении при названном [Московском] университете, из процентов с упомянутого капитала, единовременной денежной премии [имени проф. Фохта] на медицинском факультете за лучшие научные труды по предмету общей патологии, представленные врачами из числа бывших воспитанников Московского университета или из числа работавших в одном из учебно-вспомогательных учреждений сего университета», что и было «Высочайше разрешено» 18 ноября 1896 г.¹⁴²².

В том же 1896 г. к 25-летию научной и педагогической деятельности указом императора А.Б. Фохт получил чин действительного статского советника и, как следствие, он и его дети были причислены к дворянскому сословию.

Александр Богданович Фохт обладал, кроме научного таланта профессора медицины, практикующего врача и общественного деятеля, значительным актерским даром. Даже спустя много лет А. Кизеветтер вспоминал, как в доме Н.В. Давыдова на его пятничных журфиксах А.Б. Фохт прекрасно пародировал игру в каком-то водевиле Живокини-Старшего¹⁴²³ при полном восторге зрителей¹⁴²⁴. Славился он и как замечательный чтец. «Писал ли я Вам, — спрашивал А.П. Чехов А.М. Пешкова (М. Горького) 2 января 1900 г., — что Ваш рассказ “Сирота” мне очень понравился и что я послал его в Москву превосходным чтецам? На медицинском фа-

¹⁴²⁰ Гранин Д. Собрание сочинений в 5-ти тт. Т. 3. Л., 1989. С. 291.

¹⁴²¹ Гарева А.А. Предисловие к публикации: Фохт Б.А. Философское значение лирики Пушкина // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 105.

¹⁴²² РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Ед. хр. 142. Об учреждении при Императорском Московском университете денежной премии имени профессора Фохта.

¹⁴²³ Живокини Василий Игнатьевич (1808–1874) — замечательный русский комедийный актер. Лучшие роли в водевилях: «Хороша и дурна, глупа и умна», «В тихом омуте черти водятся», «Лев Гурыч Синичкин» и в комедиях: Репетилов в «Горе от ума», Кочкарев и Подколесин в «Женитьбе», Ризположенский в «Свои люди — сочтемся».

¹⁴²⁴ Кизеветтер А. На московском журфиксе // Руль. 1930. 7 сентября.

культете в Москве есть профессор А.Б. Фохт, который превосходно читает Слепцова¹⁴²⁵. Лучшего чтеца я не знаю. Так вот я ему послал Вашего “Сироту”»¹⁴²⁶.

Поклонник Малого театра, А.Б. Фохт был дружен со многими его актерами, в том числе и с артистом, драматургом, а позднее (с 1909 г.) — директором этого театра кн. Александром Ивановичем Сумбатовым¹⁴²⁷ (Южиным). В его дом были вхожи многие писатели, поэты и общественные деятели.

Мария Николаевна Дубенская, мать Бориса Александровича, происходила из русской дворянской семьи, владевшей поместьем Жолчино Рязанской губернии.

В этой открытой и интеллигентной семье прошло все детство и юность Бориса Фохта.

Мальчик был крещен по православному обряду¹⁴²⁸.

В 1885 г. Борис Фохт поступил и в 1894 г. окончил 1-ю Московскую классическую гимназию¹⁴²⁹, которая была знаменита углубленным изучением древних языков. Нельзя сказать, что в гимназии он отличался блестящей успеваемостью, но уже здесь он отлично изучил немецкий язык¹⁴³⁰. Из впечатлений гимназического периода сохранилось воспоминание Фохта о первой юношеской влюбленности:

«Мы оба были еще юношами и учениками, я — классической гимназии, а он [А.Н. Скрябин] — кадетского корпуса в Москве. Мы встречались на катке Патриарших прудов как “недруги”, ибо оба мы (и еще один, теперь уже покойный, товарищ мой, А.А.С.¹⁴³¹) были увлечены и влюблены в одну милую девочку, Н.С., впоследствии светскую даму Н.В.М.¹⁴³² Полный успех в этой “жизненной встрече” был на стороне Александра Николаевича, так что нам с Сашей С. приходилось уже в этой первой нашей любви страдать от ревности. Кажется, особенно

¹⁴²⁵ Имеются в виду рассказы писателя Василия Алексеевича Слепцова (1836—1878).

¹⁴²⁶ *Чехов А.П.* Собрание сочинений в 12-ти тт. Т. 12: Письма 1893 — 1904. М., 1957. С. 381.

¹⁴²⁷ *Гарева А.А.* Предисловие к публикации, 105; *Чехов А.П.* Собр. соч. Т. 12, 832.

¹⁴²⁸ В личном архиве А.А. Гаревой сохранилась копия метрического свидетельства Б.А. Фохта.

¹⁴²⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Дело Историко-Филологической Испытательной Комиссии о Борисе Фохте. Л. 6.

¹⁴³⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Ед. хр. 754. Л. 43. Аттестат зрелости.

¹⁴³¹ Вероятно, речь идет об Александре Александровиче Сабурове (1874—1934), юристе.

¹⁴³² Речь идет о Наталье Валерьяновне Секериной (1877—1962), в первом браке Марковой, во втором Гурлянд, в третьем Усачевой, пианистке-любительнице. Историю их отношений со Скрябиным см.: *Томпакова О.М.* А.Н. Скрябин в зеркале своих писем к Наталии Секериной // Ученые записки. Государственный мемориальный музей А.Н. Скрябина. Вып. 1. С. 93—107.

больно чувствовал свою неудачу Саша С. Мною, раньше успевшим примириться с “горем”, и еще одним моим товарищем по гимназии, впоследствии профессором философии Д.В.В.¹⁴³³, тоже уже давно покойным, были тогда “сообща” написаны плохонькие, но довольно длинные стихи, посвященные добродушному описанию неудачи и ревности Саши С. Стихи эти и до сих пор хранятся у Ольги Валерьяновны Секериной¹⁴³⁴»¹⁴³⁵.

По окончании гимназии Б.А. Фохт поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета, которое окончил в 1899 г. с дипломом первой степени. На первых двух курсах он «занимался преимущественно неорганической химией в лабораториях проф. А.П. Сабатьева и проф. Н.Д. Зелинского»¹⁴³⁶. Собственно, уже с первых курсов проявился у студента-естественника Б. Фохта интерес к философии: в продолжение этих двух лет он слушал лекции также и на историко-филологическом факультете по истории философии и психологии и принимал участие в практических занятиях по этим предметам под руководством проф. Н.Я. Грота и проф. Л.М. Лопатина. К этому же времени (1896) относится и написанный «для семинария по психологии» у проф. Грота реферат «Об экспериментальных методах в психологии»¹⁴³⁷. Весной 1896 г. Борис Фохт испрашивал через ректора университета разрешение на получение заграничного паспорта, чтобы «вследствие расстроенного здоровья уехать для лечения за границу, в Швейцарию и Германию, на время от 20-го Апреля по 15-ое Августа»¹⁴³⁸. К прошению прилагалось свидетельство о состоянии здоровья, выданное приват-доцентом Московского университета, доктором медицины Г. Россолимо, в котором говорилось, что «в виду развившихся у него [Фохта] за последние месяцы тяжких(?) явлений общей слабости нервной системы, <...> для него важен и крайне необходим полный отдых от умственных занятий при перемене обстановки, причем весьма желательно заграничное путешествие и пребывание в течение весенних и летних месяцев в горах Швейцарии»¹⁴³⁹. Как уже знает читатель, летние месяцы 1896 г. Фохт провел в Гейдельберге, изучая немецкий язык и слушая лекции по истории философии у Куно Фишера¹⁴⁴⁰...

¹⁴³³ Речь идет о Давиде Викторовиче Викторове (1874–1918).

¹⁴³⁴ Ольга Валерьяновна Секерина, старшая сестра Н.В. Секериной.

¹⁴³⁵ См.: *Фохт Б.А. Философия музыки* А.Н. Скрябина (1941) // А.Н. Скрябин. Человек. Художник. Мыслитель. М., 1994. С. 201–225.

¹⁴³⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Л. 6.

¹⁴³⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Л. 6.

¹⁴³⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Ед. хр. 754. Л. 35.

¹⁴³⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Ед. хр. 754. Л. 36.

¹⁴⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Л. 6.

«Вернувшись осенью из-за границы, я, — писал в своей автобиографии в апреле 1904 г. Борис Фохт, — продолжая свои занятия по химии на естественном отделении физико-математического факультета, обратился теперь, главным образом, к изучению зоологии и сравнительной анатомии. По этому последнему предмету мною и было написано курсовое сочинение (для зачета 6-ти семестров) под заглавием: “Сравнительно-анатомический очерк сердца и главных стволов артериальной и венозной системы у позвоночных животных”, поданное в декабре 1898 г. проф. Мензбиру. В 1899 г. я окончил курс по естественному отделению физико-математического факультета с дипломом первой степени»¹⁴⁴¹.

В том же 1899 г. Фохт поступает на историко-филологический факультет Московского университета. В этот период укрепляется и углубляется его увлечение философией, ставшее впоследствии делом всей его жизни.

Студенческие годы были важным этапом в жизни юноши для формирования его мировоззрения и общественной позиции. Сам университет играл значительную роль в жизни российского общества. Н.Н. Алексеев вспоминал, что «быть студентом Московского университета переживалось, как нечто значительное и почтенное. Ни в одном русском городе университет не стоял так высоко, как стоял он в Москве. Петербургский университет заслонялся императорским двором, гвардией, министерствами с их огромным бюрократическим аппаратом. А в Москве не существовало тех общественно-политических сил, которые по своему всероссийскому значению могли бы конкурировать с университетом. В Москве университет был центром всероссийской интеллигенции, праздновавшей день его основания во всей российской империи. Быть студентом Московского университета — это значило принадлежать к “ордену русской интеллигенции”»¹⁴⁴².

О перипетиях студенческих лет 1899—1903 гг. и участии в этих событиях Фохта сохранилось воспоминание Ивана Хераскова¹⁴⁴³, в те же годы студента историко-филологического факультета¹⁴⁴⁴.

¹⁴⁴¹ Там же.

¹⁴⁴² Алексеев, В бурные годы ЛIII, 173.

¹⁴⁴³ Иван Михайлович Херасков (1878—?) поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета в 1897 г., через месяц перевелся на историко-филологический факультет, который закончил в 1903 г. с дипломом первой степени и был оставлен на кафедре всеобщей истории для приготовления в профессорскому званию. Принимал участие в семинарских занятиях проф. Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина и кн. С.Н. Трубецкого. (См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 649. Дело историко-филологической испытательной комиссии о Хераскове Иване).

¹⁴⁴⁴ Херасков И.М. Из истории студенческого движения в Московском университете. (Воспоминания участника. 1897—1903) // Московский университет, 431—449.

Студенчество Фохта и Хераскова совпало с тем периодом российского студенческого движения, когда, переросши свою «земляческую» стадию, оно стало вливаться в широкое русло массовых выступлений, по мере приближения к 1905 году принимавших определенно политическую окраску.

В феврале 1899-го вспыхнули студенческие беспорядки, принявшие впервые всероссийский масштаб. Однако студенческое движение было еще стихийным: ни прочной организации, ни ясных программ. В 1901-м появилось и то, и другое.

«Общественно-активное» студенчество разделилось на два течения — «политиков» и «академистов»¹⁴⁴⁵. Первое — радикальное — теорию антагонистического общественного устройства преломляло на взаимоотношения студентов с преподавателями, «ценило студенчество как передовой отряд в народной борьбе с самодержавием, а внутри университета видело в нем угнетенный (начальством и профессурой) класс, всего могущий добиться “своей лишь собственной рукой” Второе ощущало себя органической частью академической корпорации, и в лучших профессорах видело союзников в борьбе за права и свободу университета, как против реакционной правительственной политики, так и против уличной демагогии»¹⁴⁴⁶.

Грандиозность студенческих беспорядков в 1899 г. побудила правительство создать под председательством генерал-адъютанта П.С. Ванновского особую комиссию, которой было поручено произвести всестороннее исследование причин и обстоятельств беспорядков. Тем самым был решительно поставлен вопрос об университетской реформе.

«Университет вдруг стал другим. Педеля и инспекция стушевались. Студенты свободно толпились в аудиториях, обсуждая события. Открылись курсовые собрания, совещания с профессорами об общих нуждах университета. В этой обстановке обнаружилось впервые <...> расслоение студенчества на два течения. В ней же выдвинулись и из среды профессуры борцы за академическую свободу, пожелавшие опереться на академически настроенное студенчество»¹⁴⁴⁷.

«Академисты» сплотились в союз «сторонников университетской свободы», поставивший своей задачей объединение студен-

¹⁴⁴⁵ Принятое в студенческой среде тех лет наименование двух течений в студенческом движении начала 1900-х годов. См.: *Алексеев*, В бурные годы ЛIII, 179; *Трубецкая*, Князь С.Н. Трубецкой, 47.

¹⁴⁴⁶ *Херасков*, Из истории студенческого движения, 439.

¹⁴⁴⁷ *Херасков*, Из истории студенческого движения, 440.

чества для борьбы за свободный университет «академическими средствами и на академической почве». «Политики» назвали себя «Исполнительным комитетом».

«Агитация с обеих сторон началась решительная. <...>

Много мы¹⁴⁴⁸ работали над текстом своих прокламаций, но еще больше времени отнимал у нас организационный вопрос: что такое наше объединение – простое общество пропаганды или зародыш общестуденческого союза? <...> Немалое количество наших собраний посвятили мы на разрешение этого спора. Спорили часами – до хрипоты голоса и до пустоты в голове. <...> Во главе наших “правых”, или “централистов”, стояли А.И. Анисимов, Н.А. Гейнике, Б.А. Фохт¹⁴⁴⁹, во главе “левых”, или “демократов”, к которым примыкал и я, – В.С. Протопопов, В.В. Шер, Д.П. Кончаловский и др. Первый бюллетень вышел 15 ноября <...>

30 декабря [1901 г.] вышли “Временные правила” П.С. Ванновского о студенческих организациях, против которых [“Правил”] единодушно высказался и Совет университета, и мы. Наш очередной бюллетень признавал невозможность в дальнейшем легальной борьбы и приглашал студенчество к нелегальной организации. “Политики” подняли голову. Их агитация за сходку и возобновление забастовки получила реальную почву. Сходка состоялась 9 января¹⁴⁵⁰ и явилась концом организованного академизма. <...> Сходка, созванная Исполнительным Комитетом, имела за себя большинство активно настроенного студенчества. Мы решили идти на нее, чтобы там провести наши лозунги и повернуть движение на академический путь»¹⁴⁵¹.

Вот что произошло в этот день (9 февраля) (по воспоминаниям И.М. Хераскова):

«На обоих дворах сборища – в Старом здании – перед актовым залом – сторонники сходки, в Новом – противники и колеблющиеся. Мы, ораторы академистов, вслед за другими проникли в актовЫЙ зал. <...> Нам не дают говорить и свищут. Убедившись в своем “провале”, мы решили уйти.

“Уйти” совсем нам, однако, не удалось: всех выходящих со сходки при выходе арестовывали и направляли в Манеж»¹⁴⁵².

¹⁴⁴⁸ К «академистам» принадлежал сам И.М. Херасков.

¹⁴⁴⁹ В тексте опечатка: «Б.Н. Фохт».

¹⁴⁵⁰ Ошибка. Воспоминания писались к 175-летию Московского университета в эмиграции. Видимо, возникла ассоциация с 9 января 1905 г. На самом деле, сходка состоялась 9 февраля 1902 г. См.: Алексеев Н.Н. В бурные годы. Гл. 7. ИНИОН. Л. 89–96.

¹⁴⁵¹ Херасков, Из истории студенческого движения, 441–442.

¹⁴⁵² Херасков, Из истории студенческого движения, 442–443.

Только поздно ночью из Манежа всех арестованных¹⁴⁵³ отвели в Бутырки.

«В приемной внизу вдруг начали вызывать: “Тейнике Николай, Шер Владимир, Херасков Иван!..” Я не откликнулся <...> Потом очутились в камерах. <...> Осматриваемся с любопытством: длинные нары, лампы-коптилки под потолком, пятна клопов и сами клопы на стенах, тяжелые двери с железными засовами, параша в углу – никакого сомнения, тюрьма настоящая. Принесли кипяток и продукты из лавки – французские булки, селедки, сахар, чай, папиросы <...>

[На утро] вдруг опять: “Тейнике Николай, Шер Владимир, Херасков Иван!..” На этот раз я отозвался: “Херасков?.. В контору!” В конторе объявляют: “Вы свободны!” <...> “Почему? Я – один?” Не один: показывают список академистов. Вернулся в камеру “за калошами и фуражкой”. Выходил, нагруженный письмами и записками, в состоянии, близком к отчаянию...

Объяснилось все в тот же день. Лидеры наших “правых” – Анисимов и Фохт – по собственной инициативе и из добрых, конечно, побуждений – перед сходкой отправились, оказывается, к ректору и, объяснив ему нашу позицию, вручили список идущих на сходку ораторов-академистов. Ректор, тоже по собственной инициативе, и, вероятно, из добрых же побуждений, отправился со списком к градоначальнику. Мы не знали, что делать. Понимали одно, что Союз наш отныне мертв. Больше так и не собирались. Об “инциденте” решили молчать, а, кроме нас, о нем, вероятно, не знал никто...»¹⁴⁵⁴.

Как объяснить этот поступок Фохта? Пожалуй, объяснение можно найти, только попытавшись реконструировать его собственную позицию в этом вопросе. Воспользуемся его же словами. В речи, произнесенной на заседании Московского психологического общества 7-го октября 1905 г. в память кн. С.Н. Трубецкого, Фохт сказал, что «единственный возможный способ выразить ему [Трубецкому] наше благоговение и нашу бесконечную признательность – это продолжать начатую им борьбу за “свободу науки и родины”, за торжество светлых сил над мраком невежества и гнетом произвола. И мы будем поступать так, и в этот страшный час, когда его уже нет посреди нас, тем живее и могущественнее пусть встает в нас стремление непреклонно стоять за его идеалы, за все, чему он так бескорыстно и неустанно служил. Его доблестный пример, его дорогой и незабвенный образ

¹⁴⁵³ По сведениям Н.Н. Алексеева арестовали 912 человек.

¹⁴⁵⁴ *Херасков*, Из истории студенческого движения, 443–444.

будет нам в этом поддержкой, а его проникновенный голос будет звучать нам одобрением, когда придет и наша очередь исполнить свой долг так же, как исполнил его он, не страшась ничего и не думая о себе»¹⁴⁵⁵. Совершенно очевидно, что поступок Бориса Фохта 9 февраля 1902 г. не был поступком мальчика, очарованного революционной романтикой. Не был Фохт и «белоподкладочником», но, по воспоминаниям А.А. Вульфберта, он был убежден, что «студенты должны учиться, а не революцией заниматься, иначе это — переключение на другие темы, и с занятием наукой несовместимо». И не свою шкуру спасал он. Если верить Хераскову, в сходке Фохт не участвовал. Было выбрано несколько представителей от «академистов», чтобы идти на сходку агитировать за отказ от политических лозунгов. В их число Фохт не вошел. Видимо, отсутствие юношеской запальчивости — оказаться в «настоящей» тюрьме, — а также ответственность за судьбу товарищей, «*политические*» взгляды не разделявших, а попавших в Бутырки именно по *политическим* мотивам, заставили Фохта совершить поступок, расцененный его младшими товарищами как «неблаговидный».

Академизм в университете, как направление, однако, не умер — ни в студенческой среде, ни среди профессоров. Собирались совещания студентов с академически настроенными профессорами; возникали новые проекты и планы. Одному из них удалось воплотиться в жизнь и сыграть в истории Московского университета заметную роль. Замысел «Студенческого Историко-филологического Общества» возник в феврале 1902 г. Истинным инициатором и душой его стал преемник П.Г. Виноградова по академизму князь С.Н. Трубецкой, а главными сотрудниками Трубецкого — старые кадры студентов-академистов¹⁴⁵⁶. «Горько скорбя о постоянных нестроениях нашей университетской жизни, серьезно опасаясь за судьбу науки в Московском университете и хорошо понимая, как трудно требовать от студентов правильных знаний при отсутствии элементарных условий академической свободы, он [Трубецкой] решился, наконец, как он сам выразился, “спасти науку в Московском университете от полной гибели”, основать при нем на совершенно свободных товарищеских началах такое

¹⁴⁵⁵ Фохт Б.А. Памяти князя С.Н. Трубецкого: Речь, произнесенная в заседании Моск. психол. о-ва 7 октября 1905 г. // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81. С. 138.

¹⁴⁵⁶ 24 февраля 1902 г. на квартире у С.Н. Трубецкого собралось совещание из представителей академической партии и нескольких профессоров, на котором возникла идея создания Общества. Устав его был учрежден в марте того же года. Председателем был избран С.Н. Трубецкой, а А.И. Анисимов — секретарем Общества. И Иван Херасков, и, по всей видимости, Борис Фохт были членами этого Общества. См.: Трубецкая, Князь С.Н. Трубецкой, 48–60, 66–78, 213–214.

общество из профессоров и студентов, в котором научные знания могли бы развиваться свободно, без всякой правительственной регламентации и несогласных с достоинством науки стеснений и циркуляров»¹⁴⁵⁷.

Общество торжественно открылось 6 октября 1902 г. и полноценно существовало в течение двух учебных семестров до отъезда осенью 1903 г. за границу его руководителя С.Н. Трубецкого.

Как пишет Херасков, «внутри несвободного университета оно явилось маленьким островком свободы, живым символом подлинного академизма. Это был университет в университете — “университет” в первоначальном значении слова, как корпорация или братство учащихся и учащихся: полная свобода мысли и слова, высокий уровень духовной культуры, живая академическая общественность»¹⁴⁵⁸.

Если говорить о *политических* взглядах Бориса Фохта, человека в принципе далекого от политической деятельности, то в какой-то мере эти его взгляды (во всяком случае, периода революции 1905 г.), сформировавшиеся в студенческие годы, нашли выражение в его речи о Трубецком. «Уже в конце осеннего семестра прошлого [1904] академического года все университеты в стране были закрыты, и делу просвещения, для Сергея Николаевича всегда самому дорогому из всех, угрожала величайшая опасность. Можно представить себе поэтому, с какой энергией, с каким напряжением всех чувств и сил должен был отдаться он этой борьбе за лучшие идеалы всей своей жизни и деятельности. А к этому присоединилась еще другая борьба за более общие интересы, за *политическую свободу, за благо и существование всей России* <...> С течением времени становилось все более очевидным, что *в борьбе с темными силами как нашей общественной, так и университетской жизни* победа склоняется на сторону кн. Сергея Николаевича и той партии, которая шла под его *мирным* знаменем <...> После 20-летнего *мрака и унижения*, в которые были повергнуты все университеты страны, Сергей Николаевич стал первым *выборным* ректором старейшего и славнейшего из русских университетов»¹⁴⁵⁹ [курсив мой. — Н.Д.].

Понятно, что революционером Борис Александрович никогда не был и не стал, признавая исключительно бескровную борьбу за «свободу науки и родины»¹⁴⁶⁰.

В 1899 г. Фохт поступает на историко-филологический факультет Московского университета. В своей автобиографии Фохт

¹⁴⁵⁷ Фохт, Памяти князя С.Н. Трубецкого, 135.

¹⁴⁵⁸ Херасков, Из истории студенческого движения, 446.

¹⁴⁵⁹ Фохт, Памяти кн. С.Н. Трубецкого, 136–137.

¹⁴⁶⁰ Фохт, Памяти кн. С.Н. Трубецкого, 138.

писал: «Поступил на историко-филологический факультет со специальной целью изучения философии у профессоров М.М. Троицкого, Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, С.Н. Трубецкого, А.С. Белкина»¹⁴⁶¹.

Многие свои каникулы Фохт проводил в Германии: в Берлине, Лейпциге¹⁴⁶², Гейдельберге, Фрайбурге и Марбурге¹⁴⁶³.

Наряду с занятиями древнегреческой философией, в первую очередь — философией Платона, Аристотеля и стоиков, интерес к которой был инспирирован С.Н. Трубецким¹⁴⁶⁴, студент Фохт уделял преимущественное внимание изучению философии Канта и неокантианцев, а также философским учениям Фихте, Шеллинга и Гегеля. В течение первых двух семестров (1899/1900) им были написаны

«для семинария по истории древней философии у проф. С.Н. Трубецкого следующие работы: 1) “О семи сократических диалогах Платона”; 2) О платоновом диалоге “Теэтет”; 3) О платоновом диалоге “Федр” Затем для семинара по истории новой философии рефераты: 1) О постановке проблемы “Критики чистого разума” Канта; 2) О происхождении и характере критической философии; 3) Учение Канта о пространстве и времени; 4) Обоснование у Канта трансцендентального идеализма и его отличие от идеализма Берклея».

В третьем и четвертом семестре (1900/1901) Фохт написал

«для семинария по истории древней философии рефераты: 1) “Отношение учение Сократа к платоновой теории идей и учению Платона о мировом духе”; 2) “Общий очерк философии Платона” Далее для семинария по истории новой философии: 1) “О переходе от трансцендентальной эстетики Канта к его аналитике”, 2) “О дедукции категорий у Канта” <...> Кроме того, для зачета 6-ти семестров [в 1902 г.] <...> было написано также курсовое сочинение на тему “Об априорных принципах в теории познания Канта”, поданное проф. Л.М. Лопатину»¹⁴⁶⁵.

¹⁴⁶¹ Из личного архива А.А. Гаревой.

¹⁴⁶² РГАЛИ. Ф. 941. ГАХН. Оп. 10. Ед.хр. 654. Л. 6.

¹⁴⁶³ См.: «Очерк второй. 1.1, 1.2».

¹⁴⁶⁴ «<...> при Сергее Николаевиче во все время его преподавательской деятельности в университете составлялся кружок более других интересующихся философией слушателей, его непосредственных учеников, с которыми он занимался раз или два в неделю у себя на дому. Из них помню Поливанова, Фохта, Кубицкого, Эрна и других» См.: *Давыдов*, Из прошлого, 17.

¹⁴⁶⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Л. 6 об. Пятый и шестой семестр Фохт посвятил изучению всемирной истории, а с седьмого по десятый семестр занимался русской историей.

Л.М. Лопатин в представлении факультету ходатайства об оставлении Фохта по кафедре философии упоминает еще и другие работы,

«которые все были составлены с глубоким знанием источников и литературы и отличались ясностью и изяществом изложения: <...> о докритических сочинениях Канта, <...> об идеях разума у Канта, о толковании Г. Когеном учения Канта о свободе, о проблеме этики у Канта, о философии Лотце, об экспериментальной психологии и ее методах, об умопостигаемом характере у Канта и Шопенгауэра»¹⁴⁶⁶.

Фохт окончил курс с дипломом второй степени¹⁴⁶⁷ (дипломная работа: «Учение Канта об априорности пространства и времени»¹⁴⁶⁸) и был оставлен по кафедре философии для «приготовления к профессорскому званию»¹⁴⁶⁹ без содержания¹⁴⁷⁰. Об оставлении Фохта ходатайствовали Л.М. Лопатин и С.Н. Трубецкой¹⁴⁷¹.

В эти же годы у Б.А. Фохта произошли изменения в личной жизни. В 1901 г. он женился на Раисе Марковне Меерсон-Сударской¹⁴⁷², известной в Москве пианистке. Этот брак продлился недолго — в конце 1907 или начале 1908 г.¹⁴⁷³ Фохт-Сударская уехала в эмиграцию, видимо, из-за своей политической деятельности. По воспоминаниям Белого, она «водилась» с эсерами: И.И. Фондаминский (Бунаков), член ЦК партии социалистов-революционеров, часто бывал в гостях у Фохтов¹⁴⁷⁴.

¹⁴⁶⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 10.

¹⁴⁶⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Л. 20.

¹⁴⁶⁸ Личный архив А.А.Гаревой. Сохранилось другое название этой работы: «Об априорных принципах в теории познания Канта». См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Л. 18. Работа в архивах не обнаружена. Сразу после окончания университета Фохт забрал ее для продолжения занятий. И впоследствии, видимо, она была утрачена.

¹⁴⁶⁹ Вопрос об оставлении Фохта при университете был решен положительно отчасти благодаря наличию у него диплома первой степени по естественному отделению физико-математического факультета. См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 2. Соискателю с дипломом второй степени могли в оставлении отказать.

¹⁴⁷⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 2, 7. Срок оставления (обычный — на два года) был продлен до 30 ноября 1908 г. по причине тяжелой болезни. См.: Л. 44, 46.

¹⁴⁷¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 10, 11.

¹⁴⁷² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Ед. хр. 754. Л. 12–16, 18. Раиса Марковна Меерсон (20.12.1869 — ?). Первым браком была замужем за Сударским. По всей видимости, сын Всеволод, родившийся в 1895 г., — приемный сын Б.А. Фохта.

¹⁴⁷³ В «Русских ведомостях», № 53, 4 марта 1908 г., было опубликовано объявление о фортепианном вечере Р.М. Фохт-Сударской. По времени это последние сведения о ней, которые удалось обнаружить.

¹⁴⁷⁴ *Белый*, Начало века, 504.

Хотя политическая деятельность самого Фохта никогда не прельщала, он был человеком своего времени, молодым увлекающимся интеллектуалом, остро чувствующим несправедливость общественного устройства, интеллигентом — и поэтому не мог оставаться в стороне от революционных событий. В 1905 г. Фохт поразил Белого тем, что, «увлеченный революцией, бросил философию, с грустью проповедуя “бомбных дел мастерство” так<, > как недавно проповедовал “трансцендентальную философию”»¹⁴⁷⁵... Среди друзей и коллег Фохта был А.И. Бердников, который упоминается в воспоминаниях Андрея Белого как «“дьявол” от диалектики»: в начале 1900-х Бердников был участником философского кружка, где студенты Московского университета изучали «Критику отвлеченных начал» В.С. Соловьева¹⁴⁷⁶. Судя по письмам Гордона к Фохту, осенью 1906 г. Бердников был арестован. Известно также, что А.И. Бердников в составе фракции эсеров-максималистов принимал участие в работе комиссии по подготовке первой конституции РСФСР (1918). В 1920 г. он вступил в РКП(б), к 1927 г. — возглавлял Всероссийский комитет по делам печати¹⁴⁷⁷. Его судьба после 1927 г. неизвестна.

О революции 1905—1907 гг. у Андрея Белого сохранилось еще одно воспоминание, связанное с Фохтом: «Москва, — или: на лицах — ужас; телеграфные столбы свалены, сожжены; снег окрашен развеянным пеплом; с девяти вечера прохожих хватают патрули; бьют с отнятием кошелька и часов; иных же выводят в расход. Ограбили философа Фохта»¹⁴⁷⁸...

Фохт был истинным представителем своего времени, эпохи Серебряного века — был вхож в символистские кружки, салоны, дружил со Скрябиным, с Валерием Брюсовым, с брюсовской Ренатой — Ниной Петровской¹⁴⁷⁹, с Андреем Белым. Потрясающая своей живостью и яркостью характеристика личности и внешнего облика Фохта тех лет (1904—1907) сохранилась в воспоминаниях Белого:

«Порывистый, бледный, бровастый, он взвил в круг моих жизненных встреч каштановую свою бороду и свои турьерогие кудри; и в мир трансцендентальных априори силился меня унести, с видом пленяющим молодцеватого рыцаря, пленяя курсисток восторжен-

¹⁴⁷⁵ ОР РГБ. Ф. 167. Э.К. Метнер. Карт. № 1. Ед. хр. 43. Л. 1—1 об. Письмо Б.Н. Бугаева к Э.К. Метнеру. 1905, март. (Москва — Нижний Новгород). Приводится с учетом авторской пунктуации.

¹⁴⁷⁶ *Белый*, Начало века, 384.

¹⁴⁷⁷ См.: Большая Советская энциклопедия. Т. 5. М., 1927. С. 583.

¹⁴⁷⁸ *Белый*, Между двух революций, 67.

¹⁴⁷⁹ Жизнь и смерть Нины Петровской. Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 8. М., 1992. С. 36.

ных, Борис Александрович Фохт – “Мефистофель”, склоненный к шестидесятипятилетнему и одноглазому старцу Когену, воздвигшему в Марбурге трон, точно к Гретхен, Молоху сему экспортировал юношей, им соблазненных философией Когена; точно налаживал рейс: “Москва – Марбург” Нервный Фохт откидывал лик, водя бровью, хватаясь за голову; он с сатанинской яростью, перетирая ладони, зарезывал “чистым понятием” нечистоту символизма, трясясь от ненависти к инакомыслящим до... до... ласковости; он импонировал мне благородною злобой своей. <...>

Запевающий Канта Борис Александрович – Фигнер¹⁴⁸⁰ философской Москвы 1904 года: высокий, плечистый, с подергом бровей, с удивительной пластикой жестов, с потряхом каштановых гурьих рогов, он напоминал оператора-медика, может, отца своего – Александра Богданыча Фохта; ни в ком не встречал я такого уменья в лепке абстракций чудовищных: в наших мозгах <...> трогала зоркость Фохта к логическим сальто-мортале в мозгах его паствы; он показывал пальцем на малую полочку томиков и восклицал: “Где ее изучить? И трех жизней не хватит!” Тут стояли: Кант, Файгингер, Наторп, Коген. Он считал: философия, чистая, вся – от Когена до Канта; и – от Канта к Когену; а прочая «нечистота» – отсебятина, гниль <...> Промедитировав десятилетье над “Критиками” Канта, ядовитой слюной обдавал он пробеги по томам истории философии, и это – дилетантизм!

Раз мы встретились с ним у К.П. Христофоровой; он за ужином, выпивая вино, открыл фейерверки афоризмов... в стиле Ницше (??)

“Борис Александрович, – и это вы, кантианец? Как можете вы думать так?” Он в ответ дернул бровью: “Не думать, – а быть...” Щелкнув пальцем по рюмке, моргнул: “Кантианцы, мы думаем днем, а бытийствуем вечером; истина, правда – совсем не жизнь, а – метод”»¹⁴⁸¹.

Кроме интеллектуальных «фейерверков» Фохт славился и своей бурлящей «дионисийской» жизнью. Белый рассказывал в письме к Иванову-Разумнику (21.02.1927 г.), как Фохт предлагал ему «заливать “черствость” <кантианизирующего сознания> вином», как-то даже воскликнув: «“Мы днем бываем кантианцы, а ночью – дионисианцы”», и обещал «за “дионисизм” свою дружбу <...> намекая, что на этом пути» Белый «обретет Канта»¹⁴⁸². В письме к Э.К. Метнеру, написанном, что называется, по горя-

¹⁴⁸⁰ Фигнер Николай Николаевич (1857–1918) – оперный певец (лирико-драматический тенор), брат Веры Фигнер, пользовался огромным успехом у публики.

¹⁴⁸¹ Белый, Начало века, 384–385.

¹⁴⁸² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 463.

чим следам, в марте 1905 г., Белый дословно приводит это же изречение Фохта: «Недавно он заявил мне за одним ужином, что он *“в теории трансценденталист и то до ужина, а на практике и в особенности после ужина дионисианец и философ мгновений”*»¹⁴⁸³.

Дионисийство Фохта воплощалось и в его отношениях с женщинами, о чем с большим неодобрением рассказывал Г.Г. Шпет в письме к своей невесте Н.К. Гучковой (23(9).05.1912 г.)¹⁴⁸⁴.

Вернемся, однако, к научным занятиям Фохта. По зачету прослушанных в разные годы семестров Фохт в 1908 г. окончил Марбургский университет в Германии по философскому отделению философского же факультета¹⁴⁸⁵. Никаких упоминаний о сдаче им докторского экзамена и защите там диссертации не сохранилось. По возвращении из Марбурга Фохт сразу включился в научную и пропагандистско-просветительскую работу, омраченную, однако, рядом обстоятельств официального характера. По неясным причинам был отложен (до 1919 г.) магистерский экзамен, дававший право на преподавание философских курсов по одной из философских кафедр Московского университета. Возможно, это произошло из-за острых идейных расхождений с проф. Лопатиным¹⁴⁸⁶, официальным научным руководителем Фохта. Хотя сам Фохт нигде об этом не упоминает, Андрей Белый несколько проясняет сложившуюся в отношении Фохта ситуацию: «Гонимый Лопатиным, перегрызал он [Фохт] лопатинцам и религиозным философам горло: великолепнейший умница и педагог, несправедливо оттесненный от кафедры, кафедрой сделал свой дом, обучая здесь методологии нас»¹⁴⁸⁷. Отложив поэтому на неопределенное время университетскую карьеру, Фохт посвятил все свое время переводу философских текстов, пропаганде неокантианских идей через устные выступления и преподаванию.

Судьба собственных философских сочинений Фохта, написанных до революции и в пореволюционное время, не менее загадочна, чем история основанной им серии «*Кантиана*»¹⁴⁸⁸. Так, в пер-

¹⁴⁸³ ОР РГБ. Ф. 167. Карт. № 1. Ед. хр. 43. Лл. 1–10б.

¹⁴⁸⁴ Густав Шпет: жизнь в письмах, 48.

¹⁴⁸⁵ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 1.

¹⁴⁸⁶ С Л.М. Лопатиным, по воспоминаниям А.А. Вульфберта, у Б.А. Фохта, так же как и у его отца, Александра Богдановича, были хорошие *личные* отношения. Более того, Фохты и Лопатины были в родстве: брат Льва Михайловича Александр был женат на Елизавете Николаевне Дубенской, тетке Бориса Александровича. Но родственные узы никак не влияли на отношения Фохта и Лопатина в научной сфере.

¹⁴⁸⁷ Белый, Начало века, 384.

¹⁴⁸⁸ См.: «Очерк второй. 2».

вой книге за 1911 г. журнала «Логос» в списке предполагаемых в следующих номерах статей была анонсирована и работа Фохта «О принципе трансцендентального метода в теоретической философии Канта». К сожалению, за все время существования «Логоса» она так и не появилась в печати. Возможно, впоследствии именно эта статья была положена в основу фохтовской диссертации с похожим названием: «Об основной идее, существе и главных моментах трансцендентального метода в теоретической философии Канта» (1921)¹⁴⁸⁹. В 1909 году в «Критическом обозрении» была напечатана рецензия Фохта на диссертацию Савальского¹⁴⁹⁰. В 1910—1914 гг. изданы литографическим способом лекционный курс Фохта «Введение в философию» из четырех частей: введение в логику, введение в этику, введение в эстетику, введение в психологию, и курс древней философии¹⁴⁹¹. В «Curriculum vitae» от 1925 г. Фохт сообщал, что

«в настоящее время печатается в 3-м Сборнике трудов б<ывше-го> Яр<ославского> Госуд<арственного> Унив<ерситета> статья: “Об основных направлениях в изучении философии Канта” Кроме того остаются по сие время ненапечатанными в силу современных условий издательского дела в Москве и в России следующие работы: 1) Перевод Комментария к Кр<итике> Чист<ого> Раз<ума> Канта Герм<ана> Когена; 2) Перевод сочинения А. Гёльдера “Изложение теории познания Канта”, а также мои собственные статьи и работы: 1) О жизни и философской работе Д.В. Викторова; 2) Памяти Л.М. Лопатина; 3) Об основном принципе философии Л.М. Лопатина в связи с его деятельностью как преподавателя истории философии; 4) О комментарии Когена к Кр<итике> Чист<ого> Раз<ума> Канта; 5) О теоретико-познавательном обосновании материализма; 6) Конспективное изложение истории Древней философии до Платона, а также 7) три в 1909 г., 1910 г. и в 1911 г. прочитанные мною в Москве публичные лекции по философии Канта»¹⁴⁹².

Через некоторое время после отъезда Фохт-Сударской в эмиграцию Борис Александрович женился вторично. В 1909 г. у него родился сын Кирилл¹⁴⁹³. Елена Александровна Фохт умерла от ту-

¹⁴⁸⁹ Опубл.: Фохт 2003, 51—128.

¹⁴⁹⁰ Фохт, [Рец.:] В.А. Савальский, 66—74.

¹⁴⁹¹ Гарева, Предисловие к публикации, 106. Однако ни в архивах, ни в библиотеках эти работы не найдены.

¹⁴⁹² РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 654. Л. 4. Ни одна из указанных здесь работ пока не найдена.

¹⁴⁹³ В советское время (в 1935 г.) Фохт в анкете написал, что его сыну Кириллу 26 лет. См.: ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 6.

беркулеза 17 марта 1915 г. в Кисловодске, где проходила курс лечения¹⁴⁹⁴.

В 1918 г. умер близкий друг Фохта — Давид Викторович Виктор (1874—1918). А.К. Соловьева вспоминала, как, прощаясь с покойным, Фохт «с выражением какого-то почти страха смотрел на своего товарища по школе и университету»¹⁴⁹⁵. Они вместе учились в гимназии, участвовали в литературных символистских кружках. В философских спорах двух друзей формировались их научные позиции — неокантианство Фохта и позитивизм Викторова...

В 1919 г. в реорганизованном (Первом) Московском государственном университете Фохт «вследствие отмены к этому времени магистерских экзаменов» успешно выдержал так называемый «особый коллоквиум»¹⁴⁹⁶ и стал там преподавать (по 1921 г.) философию, вел семинар по Канту¹⁴⁹⁷. 28 октября 1921 г. «вследствие представления в ГУС отзыва» о трудах Фохта «профессоров Н.Д. Виноградова в Москве и А.А. Рождественского и М.Н. Поливанова в Ярославле, а также преподавателя б<ывшего> Ярос<лавского> Госуд<арственного> Унив<ерситета> С.А. Голованенко»¹⁴⁹⁸ Государственный Ученый Совет утвердил Б.А. Фохта в звании профессора философии¹⁴⁹⁹ Ярославского государственного университета. В Ярославль, куда ему приходилось ездить из Москвы каждые две недели на 4-5 дней¹⁵⁰⁰, Фохт начал работать в 1920 г. в звании доцента, затем с 1922 по 1925 г. — профессора философии, читал на педагогическом факультете курс «История мировоззрений и эстетики», который собственно представлял собой курс «Истории философии». В 1920-е годы Фохт работал также в Педагогическом институте детской дефективности, где читал социальную педагогику¹⁵⁰¹.

С 1918 г. Фохт преподавал в Институте Слова вплоть до его закрытия в августе 1925-го. Как характеризовал его Фохт, это был институт ораторского искусства «вроде высшей частной шко-

¹⁴⁹⁴ Елена Александровна похоронена там же, в Кисловодске. Ее девичья фамилия не известна.

¹⁴⁹⁵ ОР РГБ. Ф. 709. Карт. 1. Ед. хр. 16. Соловьева А.К. Воспоминания о Д.В. Викторове. 8.10.1922. Л. 44.

¹⁴⁹⁶ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 12.

¹⁴⁹⁷ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 1.

¹⁴⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 654. Л. 3.

¹⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 9, 10, 12.

¹⁵⁰⁰ Brief B. Vogts an P. Natorp (8. Juli 1924, Moskau). S. 4. Privatarchiv von Margarete und Gertrud Trost. — Личный архив Маргареты и Гертруды Трост, внучки и правнучки Пауля Наторпа. Я благодарна д-ру Сергею Дорцвайлеру (Марбург) за предоставленную копию письма.

¹⁵⁰¹ Личный архив А.А. Гаревои. Афиша о начале приема на 1-й курс с перечислением работающих преподавателей. Б. г.

лы»¹⁵⁰². В 1921–1923 гг. состоял «научным сотрудником 1-го разряда Института научной философии в составе ассоциации Научно-исследовательских институтов при факультете общественных наук I Московского государственного университета»¹⁵⁰³.

В университетах Ярославля и Москвы Фохт кроме «Истории философии» читал лекции по эстетике, логике и философии Канта, по двум последним вел семинары. В письме к Наторпу он сообщал и о судьбе своего домашнего семинара: «Семинар о “Логике чистого познания” Когена вместе (im Zusammenhang) с Вашими “Логическими основами и т. д.”, [читаемый], правда, только узкому кругу юных друзей, был и остается (он проводится по сей день приватно в моей квартире) самым любимым и самым успешным, в не меньшей степени, чем семинар о Канте. Поэтому некоторые из этих моих юных друзей, которых Вы еще не знаете, все же попросили разрешения подписать текст моей обращенной к Вам речи. Я не мог им в этом отказать, так как их настоящий учитель Вы, не я, который может играть лишь очень скромную роль посредника»¹⁵⁰⁴. «Юными друзьями», подписавшими речь-письмо, составленное Фохтом по поводу юбилея Наторпа в 1924 г. и отосланное в Марбург, были Николай Николаевич Вильям-[Вильмонт], Иосиф Давидович Левин, Павел Максимович Якобсон, Кавыршин, — выпускники 1922 г. философского отделения историко-филологического факультета, закрытого в 1921 г., «последние философы», которым позволили окончить курс на факультете в его прежнем статусе. Среди них стояло также имя выпускницы МВЖК Апполинии Константиновны Соловьевой¹⁵⁰⁵. К перечисленным именам следует добавить и других учеников Фохта в советское время: В.П. Зубов, А.В. Чичерин, А.А. Сабуров, Б.В. Горнунг, М.Б. Туровский, П.В. Копнин.

Сохранились воспоминания одного из них, А.В. Чичерина, о Фохте тех лет и своем у него ученичестве. В 1918 г. Чичерин поступил в Московский университет и

«выбрал для посещения спецкурсы по Декарту и Канту. Читал эти лекции Борис Александрович Фохт. Могучего роста, с седыми густыми и растрепанными волосами, он с первого слова впадал в азарт, а потом разгорался все больше и больше. Самую крайнюю абстрактность, свойственную его речи, пронизывало горячее и бур-

¹⁵⁰² Ibid.

¹⁵⁰³ Личный архив А.А. Гаревой. Удостоверение от 8.06.1930 г., подписанное «бывшим заместителем Председателя Президиума Ассоциации научно-исследовательских институтов при ФОН профессором Моск. Госуд. университета А. Кубицким».

¹⁵⁰⁴ Brief B. Vogts an P. Natorp (8.07.1924, Moskau). S. 4–5.

¹⁵⁰⁵ См.: Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/II, 393. Ср.: Левин И.Д. «Шестой план» // Историко-философский ежегодник' 91. М., 1991. С. 284–287.

ное чувство. <...> Борис Александрович поразил меня своей клоко-
чущей мыслью. <...> Я был поражен тем, как буквально сбылись
мои деревенские мечты лета 1918 года. Но... “увлекательный и *стро-
гий*”? Борис Александрович был очень милым, очень душевным
и влюбленным в философию человеком. По неосвященной, бес-
трамвайной Москве мы часто с ним возвращались вместе в направ-
лении Девичьего поля и беседовали подолгу»¹⁵⁰⁶.

14 мая 1921 г. на заседании Московского Психологического об-
щества Фохт прочитал два доклада: «Памяти Д.В. Викторова»
и «О трансцендентальном методе у Канта»¹⁵⁰⁷. В тот же день он
был избран его действительным членом¹⁵⁰⁸.

С января 1923 г. Фохт начал активно сотрудничать в ГАХН,
в сентябре 1925 г. был избран действительным членом Академии,
по результатам «перерегистрации», устроенной в Академии вес-
ной 1926 г., был зачислен в нее как член-корреспондент по фило-
софскому отделению, а в 1928 г. — принят в «сверхштатные дейст-
вительные члены: по разряду общего искусствоведения»
ГАХН¹⁵⁰⁹. В ГАХНе им была прочитана серия докладов по пробле-
мам эстетики и художественного творчества¹⁵¹⁰, по философии
символических форм Кассирера (впервые Фохт выступил с этой
темой в 1923 г.)¹⁵¹¹ и доклад о философском значении лирики
Пушкина¹⁵¹². Нереализованными проектами остались планируе-
мые доклады «для подсекции изучения Достоевского: “О пробле-
ме и понятии жизни у Достоевского” по поводу П. Наторпа:
“Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise”¹⁵¹³»
и «для музыкальной или философской секции: “О философском
значении музыки Моцарта и Бетховена” по исследованиям Г. Ко-
гена и П. Наторпа¹⁵¹⁴ об этом предмете»¹⁵¹⁵. Он также принимал

¹⁵⁰⁶ Чичерин А.В. Сила поэтического слова: Статьи, воспоминания. М., 1985. С. 267.

¹⁵⁰⁷ Деятельность Психологического общества при Московском университете за последние 4 года (1918—1922) // Мысль. Пб. 1922. № 3, май — июнь. С. 187.

¹⁵⁰⁸ Личный архив А.А. Гаревой. Извещение об избрании действительным членом Московского Психологического общества № 191 от 14 мая 1921 г.

¹⁵⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. № 654. Л. 1, 2, 6—8.

¹⁵¹⁰ Публ.: Фохт 2003, 129—414.

¹⁵¹¹ Фохт Б.А. Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера. Подгот. текста и публ. А.А. Гаревой // Вопросы философии. М. 1998. № 9. С. 150—174.

¹⁵¹² Фохт Б.А. О философском значении лирики Пушкина. Публ. и предисл. А.А. Гаревой // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 105—144.

¹⁵¹³ См.: Natorp P. Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise: Mit einem Anhang zur geistigen Krisis der Gegenwart. Jena, 1923. — 41 S.

¹⁵¹⁴ См.: Cohen H. Die dramatische Idee in Mozarts Operntexten. Berlin, 1915; Natorp P. Beethoven und wir: Rede. Marburg, 1921.

¹⁵¹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 654. Л. 5.

активное участие в составлении «Словаря художественных терминов», для которого им были написаны статьи «Акмеизм», «Априоризм», «Имманентное», «Конкретное», «Конструктивизм», готовились статьи «Прогресс в искусстве», «Футуризм»¹⁵¹⁶.

Всю свою жизнь Фохт оставался необыкновенно принципиальным, честным человеком. Тому подтверждением могут служить факты его биографии, рассказанные А.А. Гаревой и А.А. Тахо-Годи. Однажды, видимо, сразу после войны, Московскому городскому педагогическому институту имени Потемкина предложили выставить в академики кандидатуру Г.Ф. Александрова¹⁵¹⁷, который в то время возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). При голосовании Фохт, единственный из членов Ученого совета, воздержался. На вопрос встревоженного директора пединститута П.С. Бенюха, почему он воздержался, Борис Александрович ответил: «Я знаю его как политического деятеля, но не знаю его *научных трудов*»¹⁵¹⁸.

Прекрасной характеристикой Фохта как человека большого мужества и чести является данное им 6 мая 1930 г. «объяснение» в защиту А.Ф. Лосева. В 1995 г. А.А.Тахо-Годи знакомилась на Лубянке с некоторыми архивными документами по делу Лосева (1930). Среди показаний вызванных по этому делу свидетелей были и опросные листки Фохта.

Борис Александрович «не скрывал от следователя своих встреч с Лосевым на философских собраниях, прямо признал, что Лосев “в настоящие годы стал наиболее ярким представителем диалектической логики”, изучая труды Платона, Плотина, Прокла и Гегеля. Профессор Фохт деликатно сказал, что “затрудняется перевести на политический язык” произведения Лосева и что сочинения Лосева (даже рукописные), касающиеся вопроса “социально-политического характера”, ему не известны. Так же как он не знает и политических взглядов арестованного. “Считаю его просто лояльным человеком”, – заключил Фохт, а религиозность Лосева “не вытекает из его философских взглядов” Книги же арестованного, “независимо от взглядов автора, приобретают большую ценность”, основаны на текстах “непереведенных произведений древнегреческих философов»»¹⁵¹⁹...

¹⁵¹⁶ См.: Чубаров И.М. История подготовки Словаря художественной терминологии Государственной академии художественных наук (1923 – 1929 гг.) // Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг. / Под ред. и с послесл. И.М. Чубарова. М., 2005. С. 490–492.

¹⁵¹⁷ Г.Ф. Александров стал академиком в 1946 г. – в год смерти Фохта.

¹⁵¹⁸ Гарева, Предисловие к публикации, 109.

¹⁵¹⁹ Тахо-Годи А.А. Лосев. М., 1997. С. 137.

В те годы дать такой отзыв об арестованном ОГПУ человеку значило совершить немисливо смелый и кристально честный поступок!

В атмосфере тех лет мог выжить только тот, кто уходил из официальной философии. Выбор работы в гуманитарной области был довольно ограничен: преподавание иностранных языков и переводческая деятельность. Борис Александрович успешно занимался и тем, и другим. Обосновавшись в Институте красной профессуры (философии), где он преподавал новые и древние языки (так, в одной из многочисленных анкет советского времени в ответе на вопрос «какие языки знаете, кроме русского, и в какой степени ими владеете» он написал: «немецкий, французский, английский, латинский, [древне]греческий и испанский — на всех могу читать научные книги, а на немецком свободно говорю»¹⁵²⁰), Фохт попытался продолжить издание серии «*Kantiana*». Он планировал издать «два Комментария (Мессера¹⁵²¹ и Корнелиуса¹⁵²²) <...> и некоторые еще другие, тоже важные сочинения современной философской литературы о Канте (особенно: Max Apel, *Kommentar zu Kants Prolegomena. <Eine Einführung in die kritische Philosophie. 2. vervollst. Aufl.>*, Leipzig, 1923; A. Buchenau, *Grundprobleme d<er> Kritik der reinen Vernunft < Leipzig, 1914>*; K. Vorländer, Предисловие к его изданию Кр<итики> ч<истого> р<азума>¹⁵²³)», о чем писал в предисловии к 3-му (считая с первого, дореволюционного) выпуску «Кантианы»¹⁵²⁴. Этот факт представляется чрезвычайно важным, особенно если учесть то обстоятельство, что не только Фохт, но и все его современники — профессионалы-философы немарксистской ориентации — были лишены философской трибуны.

Фохт мечтал о развитии этого проекта и говорил о необходимости «издания серии руководств для соответствующего изучения философии Гегеля. Тогда наряду с “*Kantiana*” возникла бы еще более важная, с точки зрения современного прогресса в философии, “*Hegelian*”. Всем этим было бы положено тогда начало правильному, строго методическому изучению у нас величайших философов древности и новейшего времени»¹⁵²⁵. В этом же пре-

¹⁵²⁰ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 3.

¹⁵²¹ Messer A. *Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft*. Stuttgart, 1925.

¹⁵²² Cornelius H. *Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft*. Erlangen, 1926.

¹⁵²³ Vorländer K. *Einleitung // Kant I. Kritik der reinen Vernunft*. Hrsg. von K. Vorländer. Halle, 1899. S. I–XLIII.

¹⁵²⁴ Личный архив А.А. Гарево; ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 1. Ед. хр. 107. *Kantiana*. Выпуск 3-й. Альфред Гельдер. Изложение теории познания Канта.

¹⁵²⁵ Там же.

дисловии Фохт пытается пропагандировать также идеи Когена, обосновывая необходимость издания его «Комментария к “Критике чистого разума”»:

«При возобновлении у нас в последнее время изучения философии Гегеля и, косвенно, через посредство Гегеля, также и философии Канта, — издание его, как кажется, именно теперь было бы особенно своевременно: оно помогло бы начинающим проследить ход развития не только в понимании и истолковании философии Канта, но также и ход развития всей современной философии в ее целом. — Не следует ведь забывать, что сознательно, методологически строго и планомерно проводимое Когеном соединение и внутренняя диалектическая связь *исторического* метода изучения философии с систематическим, что эти черты общи у него с Гегелем, который и был, как известно, первым и самым глубоким выразителем этой плодотворной тенденции»¹⁵²⁶.

Ни одно из этих изданий так и не было осуществлено. Между тем, машинопись подготовленного Фохтом 3-го выпуска «Кантианы» — перевода сочинения Гёльдера «Изложение теории познания Канта», была, по-видимому, доступна студентам — на экземпляре, сохранившемся в фонде Института красной профессуры в ГАРФ, стоит библиотечный штамп. Это обстоятельство представляется чрезвычайно важным, поскольку даже в таком солидном учебном заведении положение философии было плачевным. В разговоре с В.И. Вернадским Фохт с горечью констатировал: «Мысли нет — все в рамках — все бездарное и мертвое <...>»¹⁵²⁷; «логика и история философии выброшены из преподавания <...> учение Платона, Канта не изучается. Кое-что познается при изучении иностранных языков — чтение отрывков, причем сами “студенты” следят за лектором <...>»¹⁵²⁸. Такая обстановка требовала не только осторожности, но особого отношения ко всякой высказанной мысли, умения провести ее «через все препоны и рогатки» постоянной «цензуры».

30-е годы в интеллектуальной биографии Бориса Александровича были отмечены огромным количеством переводов: «со времени революции [он] написал и перевел (с немецкого, латинского и греческого языков) около 100 философских работ»¹⁵²⁹, из которых опубликована была лишь малая часть: докритические сочинения Канта 1759—1777 гг. в 2-х тт., в основном переведенные Фох-

¹⁵²⁶ Там же.

¹⁵²⁷ Вернадский В.И. Дневники: 1926 — 1934. М., 2001. С. 63. (7.VIII. 1928.)

¹⁵²⁸ Вернадский, Дневники, 59 — 60. (6.VIII. 1928.)

¹⁵²⁹ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 12. Автобиография.

том впервые¹⁵³⁰, «Философия духа» Гегеля с немецкого издания Глокнера¹⁵³¹, Первая и вторая аналитики Аристотеля¹⁵³².

Остались неопубликованными: перевод Тренделенбурга «Элементы логики Аристотеля» (1937), курс лекций по Истории древней философии в 2-х томах, курс лекций по логике на немецком языке в одном томе¹⁵³³, «Краткий очерк логики Аристотеля (по подлинным текстам)» (1930/33 уч. год), который сохранился в архиве Института красной профессуры и также, по-видимому, был доступен студентам этого института¹⁵³⁴; уникальный «Немецко-русский словарь философских терминов» (1937), «Краткий лексикон важнейших философских терминов, встречающихся в произведениях Аристотеля» (1936–1942)¹⁵³⁵. Судьбу последней работы определил отзыв профессора В.Ф. Асмуса:

«<...> лексикон проф. Б.А. Фохта есть не столько словарь философских терминов, встречающихся во всех главнейших сочинениях Аристотеля, сколько словарь *гносеологических и логических терминов* философа. <...> Но и в терминах, которые вошли в лексикон проф. Б.А. Фохта, гносеологические и логические значения вытесняют все прочие. <...> Эта *односторонность* и сразу бросающаяся *неполнота* выбора не может быть, на мой взгляд, объяснена лишь *практической* установкой автора, подчеркнутой им самим в подзаголовке его труда. В односторонности этой сказываются особенности *принципиальных* взглядов автора – характерное для него, как *кантианца*, выпячивание логико-гносеологической проблемы в качестве всеопределяющей и всепоглощающей проблемы философии. <...> В разработке терминов, вошедших в лексикон, автор постоянно обнаруживает свою приверженность к *идеализму*, обычно в его кантианской постановке. <...> Что касается изложения и формы работы проф. Б.А. Фохта, то следует отметить <...> *тяжеловесность* языка и русской стилистики проф. Б.А. Фохта. Простые термины Аристотеля зачастую звучат по-кантиански в передаче проф. Б.А. Фохта. Так как все перечисленные недостатки лексикона проф. Б.А. Фохта вряд ли являются случайными и легко исправи-

¹⁵³⁰ Кант И. Сочинения 1747–1777: В 2-х томах / Под общ. ред. Б.Ю. Сливкера, пер. Б.А. Фохта. Т. 2. М., 1940; Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 1, 2. М., 1964.

¹⁵³¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть 3 (т. 3). Философия духа / Пер. Б.А. Фохта. М., 1956.

¹⁵³² Аристотель. Аналитики первая и вторая. Пер. с греч. Л., 1952.

¹⁵³³ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 2. Ед. хр. 108. Л. 12. Автобиография.

¹⁵³⁴ ГАРФ. Ф. 5205. Оп. 1. Ед. хр. 15.

¹⁵³⁵ Фрагменты опубли.: Фохт Б.А. Lexicon Aristotelicum. (Пособие для изучения Аристотеля как в подлиннике, так и в русском переводе). Краткий лексикон важнейших философских терминов, встречающихся в произведениях Аристотеля. Публ. и предисл. М.А. Солоповой // Историко-философский ежегодник' 97. М., 1999. С. 39–74.

мыми, но отражают характерные черты его философского мировоззрения, очевидно глубоко укоренившиеся в его мышлении, то я считаю редакционную работу над исправлением его – с полным знанием дела составленного лексикона *нецелесообразным* <...>»¹⁵³⁶.

В 1939 г. Фохт начал работу над фундаментальным исследованием «Об общем характере философии Аристотеля и его метода», которая продлилась до последних дней его жизни, но не была завершена и также, как многие другие сочинения Фохта, осталась неопубликованной¹⁵³⁷.

В архиве Фохта сохранился «Курс логики», подготовленный к печати и даже с резолюцией: «В набор» (от 15. 08. 1947)! Однако работа так и не увидела свет. В письме, направленном вдове Фохта из Института философии в Киеве, говорилось, что «согласно разъяснения Министерства высшего образования СССР книга проф. Фохта не соответствует требованиям учебного пособия и рекомендована к изданию не будет», — Институту было предложено обратиться в Госполитиздат УССР...¹⁵³⁸

Лагеря, тюрьмы, ссылки сталинского режима миновали Фохта. Но не обошли они трагедией его семью — в сталинских лагерях Борис Александрович потерял сына Кирилла. Это был очень одаренный мальчик, «собственно поэт», как писал о нем Наторпу Б.А. Фохт, «но старательно и с успехом» изучавший философию. «Моей искреннейшей и лучшей надеждой было бы, чтобы мой сын, который только что окончил школу¹⁵³⁹, мог бы поехать в Марбург и у Вас и от Вас, как когда-то его отец, изучать философию и учиться философствовать — светлая, хотя, к сожалению, [1 сл. нрзбр] неисполнимая мечта!»¹⁵⁴⁰. По окончании школы Кирилл сразу же, видимо, поступил в Московский университет предположительно на филологический факультет. По воспоминаниям А.А. Вульфберта, Кирилл стал талантливым исследователем-лингвистом, и «совершенно неожиданно для отца оказался втянутым в какую-то анархистствующую или эсеровскую группу, участвовал в эксе, был арестован, но прошел не по политической, а по уголовной статье и, отсидев несколько лет, вышел на свободу. Все это случилось в 1926—27 гг. Ему дали возможность учиться — он уехал

¹⁵³⁶ Личный архив А.А. Гаревой. Отзыв о работе проф. Б.А. Фохта проф. В.Ф. Асмуса. Б. г. С. 1—2. Сохранена грамматика источника.

¹⁵³⁷ Личный архив А.А. Гаревой.

¹⁵³⁸ Личный архив А.А. Гаревой. Письмо ученого секретаря Института философии, к. филос. н. С. Шилов к Е.Я. Фохт от 31 мая 1949 г.

¹⁵³⁹ В 1924 г. в возрасте 15 лет.

¹⁵⁴⁰ Brief B. Vogts an P. Natorp. 8. Juli 1924, Moskau. S. 2.

в Самаркандский университет, где закончил аспирантуру по кафедре французского, испанского и итальянского языков. В начале войны там опять начались аресты, спасительное уголовное прошлое не помогло, и он, по-видимому, погиб в лагере <...>¹⁵⁴¹.

В 1931 г. Фохт женился на Елене Яковлевне Аронсон (25.05.1896 — 5.06.1965). Она помогала ему в переводах с латинского и немецкого языков, которыми прекрасно владела «в гимназических пределах». Чтобы быть максимально полезной мужу, она самостоятельно выучила древнегреческий.

В военные годы Фохт работал в МГУ, где читал логику, в Московском городском педагогическом институте им. Потемкина, в Литературном институте, в Московском государственном педагогическом институте им. Ленина.

Глубокая символика усматривается в заключительном эпизоде богатейшей судьбы Фохта. Научная стезя свела вместе две знаковые для российской философии фигуры: профессора Фохта и будущего член-корреспондента Академии наук СССР Копнина. Закончив в 1944 г. философский факультет МГУ и получив диплом с отличием, Копнин поступил в аспирантуру при кафедре философии Московского педагогического института имени Потемкина, где в то время преподавал Фохт. Профессор Фохт стал научным руководителем кандидатского диссертационного исследования Копнина по теме: «Борьба материализма и идеализма в развитии учения о сущности суждения»¹⁵⁴², которое Копнин блестяще защитил в январе 1947 года, уже после смерти Бориса Александровича. Копнин оказался идейным преемником Фохта и продолжателем «интернациональной» философской традиции, впитав ее методологическую строгость, принципы и этический пафос служения истине.

Борис Александрович Фохт умер 3 апреля 1946 г.

«На его памятнике высечены слова Аристотеля, которые он любил повторять:

“Все науки более необходимы, чем философия, но прекраснее нет ни одной”»¹⁵⁴³.

3. Гавриил Осипович Гордон

Гавриил Осипович (Иосифович) Гордон (1885—1942) до сих пор остается фигурой во многом загадочной. Читающей публике

¹⁵⁴¹ Записано автором со слов А.А. Вульфберта.

¹⁵⁴² Павел Васильевич Копнин / АН УССР; Сост. Л.Т. Иваненко; Авт. вступ. ст. П.Ф. Йолон, Б.А. Парахонский, М.В. Попович. Киев, 1988. С. 5.

¹⁵⁴³ *Гарева*, Предисловие к публикации, 110.

он известен как один из персонажей «Охранной грамоты», именем которого Пастернак назвал впоследствии одного из героев «Доктора Живаго», и как товарищ по соловецкому заключению Д.С. Лихачева...¹⁵⁴⁴

Согласно «Биографической справке», составленной сыном Г.О. Гордона Георгием Гавриловичем Гордоном и сохранившейся в архиве дочери Ирины Гавриловны Гуровой¹⁵⁴⁵, Гавриил Гордон родился 8 мая (26 апреля) 1885 г. в г. Спасске тогда Тамбовской губернии¹⁵⁴⁶, где его отец, провизор Осип Александрович Гордон, заведовал земской аптекой. В 1890 г. семья переехала в Москву. В 1895 г. Гордон поступил в 6-ю Московскую мужскую гимназию, которую окончил в 1903 г. с серебряной медалью. О гимназических годах осталось одно воспоминание Гордона, связанное с поздно пришедшим (годам к 16–17), но всецело захватившим увлечением музыкой:

«Весною 1902 года, прочитав в газете об абонементе в консерваторию, я решил купить его, но было уже поздно, все дешевые билеты (5 р < y > б. за 10 концертов на галерке) были уже проданы, и, придя в кассу консерватории, я с печалью узнал, что дешевле 15, кажется, рублей билетов нет. Отойдя от кассы, я почему-то не ушел сразу, я стоял, опустив руки, в вестибюле и имел, вероятно, весьма грустный вид. Вдруг отворилась входная дверь, и прямо на меня пошел В.И. Сафонов. Потому ли, что я был печален или так, вообще, но страшный директор (я слышал от знакомых консерваторов и консерваторок, что Сафонов строг и даже свиреп) подошел и спросил меня: “Что ты тут делаешь?” (Он всем молодым людям говорил ты по казачьей своей привычке – он был сыном донского казачьего генерала). Хотя в голосе его не было ничего угрожающего худому и робкому от застенчивости (был я тогда таким телесно и духовно) гимназисту, но я струхнул и ответил прерывающимся голосом: “Я хотел купить абонемент, Василий Ильич, да нет дешевых, а у меня нет денег на дорогой” – “Постой, постой, – сказал он с удивлением, – откуда ты знаешь, как меня зовут?!” – Вовсе не желая подольститься к нему, а совершенно искренне я воскликнул: “Да кто же Вас не знает, Василий Ильич!” Он от души захохотал, очень любовно взял меня за плечо, куда-то повернул и повел, шутиливо подталкивая и говоря: “Пойдем-ка, пойдем, что-нибудь устроим” Он привел меня в канцелярию и спросил у почтительно поднявшегося чиновника: “Не осталось ли какого-либо дешевого

¹⁵⁴⁴ См.: Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 235–237.

¹⁵⁴⁵ В сокр. опублик.: Краткая биографическая справка // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 84–85.

¹⁵⁴⁶ Ныне г. Беднодемьяновск Пензенской области.

билета в абонемент? Надо бы устроить этому мальцу” – “Можно в ложу, во второй ряд: один не взят” – “А сколько стоит?” – спросил я. “Десять рублей”. Это был весь мой капитал: не оставалось даже на трамвай, недавно начавший курсировать от Серпуховской площади по Полянке, Всехсвятской, Ленивке и Неглинной мимо Б. Никитской, но я, ни секунды не задумавшись, воскликнул: “Пожалуйста, дайте” Мне дали билет, и я (Сафонов уже вышел, и я не успел его поблагодарить) не без смущения пошел домой: я боялся неудовольствия мамы за мое транжирство, но она, не желая, наверное, испортить мне удовольствие, ничего не сказала, чему я был очень рад, так как был в детстве и юности очень чувствителен ко всяким замечаниям, нарушавшим мою радость по тому или иному поводу»¹⁵⁴⁷.

В том же 1902 г., «будучи учеником 7-го класса гимназии», Гордон участвовал «в нелегальном кружке, занимавшемся политическим самообразованием и выпустившем три номера нелегального журнала, для одного из которых он написал статью»¹⁵⁴⁸.

Сразу после окончания гимназии Гордон поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где слушал лекции профессоров В.И. Герье, Р.Ю. Виппера, М.К. Любавского по истории, В.К. Поржезинского по сравнительному языковедению, А.А. Грушка, М.М. Покровского, С.И. Соболевского и А.В. Никитского по древним языкам, А.К. Власова по энциклопедии математики, П.Н. Лебедева по физике, кн. С.Н. Трубецкого, Л.М. Лопатина, Г.И. Челпанова, В.Н. Ивановского по философии и психологии. Занимался в семинарах: у профессоров Герье, Виппера и Кизеветтера по истории, Покровского по Титу Ливию, Соболевского по Лукиану, кн. Трубецкого по Платону, Лопатина по Канту, Челпанова по психофизической проблеме и проблеме реальности, Ивановского по Локку¹⁵⁴⁹.

Гордон дважды посещал Марбург – в 1906–1907 гг. и 1909 г.¹⁵⁵⁰.

10 марта 1908 г., в годовщину казни (1905) эсера И.П. Каляева, убившего бомбой великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора, Гордон со своей невестой Е.Г. Воскресенской, последовательницей взглядов Толстого, принесли к месту убийства великого князя, где был поставлен крест (близ Никольской башни Кремля), «большой, дорогой венок,

¹⁵⁴⁷ ОР ГМИИ им. А.С. Пушкина. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 7. Гордон. Г.О. Музыка в моей жизни. С. 27.

¹⁵⁴⁸ Личный архив И.Г. Гуровой. *Гордон Г.Г.* Гавриил Осипович Гордон. Биографическая справка. Л. 2.

¹⁵⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 154. Л. 2. Личное дело Г.О. Гордона.

¹⁵⁵⁰ См.: «Очерк второй. 1.2».

с белыми лентами; веночек лежал до вечера; прохожие читали надпись на лентах, сделанную красными, несколько расплывчатыми буквами; она гласила: «Поборнику правды Ивану Каляеву, он умер, он живет». Поразительна смелость демонстрантов и невнимание полиции; ленты потом сняли, но веночек оставили»¹⁵⁵¹.

Гордон окончил Московский университет в 1909 г. по кафедре психологии, получив серебряную медаль за конкурсное сочинение на тему: «Психофизический параллелизм у Спинозы и в современной философии». Эта медаль вместе с оценкой «весьма удовлетворительно» на государственных экзаменах «по группе философских наук» давала ему диплом первой степени и право на оставление при университете¹⁵⁵², однако из-за конфликта с проф. Челпановым он при университете не остался. В соответствии с действующим законом о воинской повинности в том же 1909 г. Гордон был зачислен вольноопределяющимся в 5-й Гренадерский Киевский полк, откуда через год уволен в запас с чином прапорщика.

Гордон вернулся в Москву, стал преподавать древнюю историю в гимназии Флерова (1910–1913) и готовиться к магистерскому экзамену, приступить к которому, по договоренности с Лопатиным, должен был осенью 1914 г. Призыв в армию по мобилизации 18 июля (31 июля н. ст.) 1914 г. и последующая служба в тыловых частях и на фронте, продолжавшаяся до конца декабря 1917 г., лишили его возможности держать экзамен¹⁵⁵³.

В этот период в журнале «Логос» Гордон опубликовал огромное количество рецензий на философские новинки Запада и России¹⁵⁵⁴. Участвовал в дискуссиях философского кружка при «Музагете». Гордона как прекрасного специалиста с широчайшей эрудицией высоко ценил Э.К. Метнер — в Моршанск, где в тот момент находился Гордон, Метнер послал ему в подарок свою книгу о современной музыке¹⁵⁵⁵.

Гордон косвенно способствовал организации в Москве Психологического института. За деньгами Челпанов, организатор института, обратился через «Густава Густавовича Шпета, Елену Михайловну Метнер, Надежду Афанасьевну Конюс» к Сергею

¹⁵⁵¹ Обнинский В.П. Девяносто дней в одиночном заключении. Тюремные заметки. М., 1917. С. 112.

¹⁵⁵² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 959. Л. 2.

¹⁵⁵³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 154. Л. 2.

¹⁵⁵⁴ Философское содержание русских журналов начала XX в. Статьи, заметки и рецензии в литературно-общественных и философских изданиях 1901–1922 гг. Библиографический указатель / Отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 2001. С. 115–116.

¹⁵⁵⁵ Метнер Э.К. (Вольфинг). Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические (1907 – 1910). М., 1912. См.: ОР РГБ. Ф. 167. Карт. № 14. Ед. хр. 3. Письмо Г.О. Гордона к Э.К. Метнеру. Моршанск, 14.06.1912.

Ивановичу Шукину, коллекционеру и меценату. В то время Гордон был очень дружен с сыном Шукина, Иваном, часто бывал у них в гостях. Как рассказывает Гордон, в конце концов Сергей Иванович

«решил отвалить Челпанову 100000 руб. (Впоследствии он добавил к этой сумме еще 20000). Когда об этом стало известно, в “Русских Ведомостях” появилась статья за подписью профессора Д. Анучина, известного ученого-географа и долголетнего члена редакции этой газеты. В этой статье, рассказывая о пожертвовании С.И. Шукина, он писал, что убедили его сделать это его сын, студент университета, и, особенно, друг этого сына, вхожий в дом и постоянно там бывающий. Фамилии этого друга Анучин не указал, но те, кто знал обстановку, поняли, что это я. Утром в день появления номера газеты с этой статьей М.А. Шпет, прочитав ее, бросилась к спавшему еще мужу и разбудила его, восклицая: “Густав! Густав! Знаешь кто, оказывается, уговорил Шукина дать деньги на Институт? Это Гордон!” Живо представляю себе трагическую позу и голос в этот момент экспансивной и как-то навсегда театрализованной Марьи Александровны. Очухавшись от сна, Шпет и Марья Александровна принялись ругать меня взапуски. Но суть в том, что я ни телом, ни духом не виноват был в появлении статьи Анучина. И до сих пор мне остается непонятным ее происхождение. По крайней мере С.И. Шукин на мои вопросы, говорил ли он обо мне Анучину, разводил руками и отвечал, что никогда не говорил. Но кто же мог еще рассказать обо мне Анучину? Думаю, что все-таки в конце концов Сергей Иванович. Однажды вечером за несколько дней до пожертвования 100000 рублей Сергей Иванович поднялся во второй этаж пристройки к большому дому, в котором жил Иван Сергеевич. Мы с ним сидели за столом в его кабинете – библиотеке и о чем-то болтали. “Г<авриил> О<сипович> и Ваня! – обратился к нам С<ергей> И<ванович>. – Я хочу посоветоваться с вами обоими об одном деле” И он рассказал, что его уговаривают пожертвовать Челпанову деньги на институт и что он хочет знать наше мнение. “У меня нет никакого мнения, – сказал И<ван> С<ергеевич>, – пусть скажет Г<авриил> О<сипович>!” Я сказал тогда буквально следующее: “С<ергей> И<ванович>! Челпанов сам не является сколько-нибудь крупной фигурой в психологии, но он любит свою науку и, кроме того, отличный хозяин и организатор. Его непосредственные ученики – Корнилов и Рыбников – тоже звезд с неба не хватают, но со временем появятся новые люди, и они сумеют поставить русскую психологию на большую высоту. Челпанов, получив достаточные средства, выстроит первоклассный институт, – вероятно, лучший в мире. Дайте ему деньги: Вы сделаете хорошее дело и сами прославитесь” Я думаю, что об этом совете

С<ергей> И<ванович> и рассказал все-таки Анучину, т. к. сам я ровно никому об этом не говорил, а Ив<ан> Сергеевич тоже удивлялся статье и утверждал, что он-то уж даже и в такой степени, как я, не при чем: “Это все штуки Метнерши и Конюсихи”¹⁵⁵⁶, — заявил он презрительно, — “а их Шпет натравил на С<ергея> И<вановича>” Много лет спустя, я, помирившись со Шпетом <...>, убедил его, что он совершенно зря тогда думал на меня, что я отбивал у него славу»¹⁵⁵⁷.

В 1911 г. Гордон женился на Елизавете Григорьевне Воскресенской, дочери Григория Лукича Воскресенского, контролера Государственного банка в Моршанске, с которой он познакомился при своей поездке в Моршанск на рождественские каникулы в 1907 г. У них родился сын Георгий (1911–1978) и три дочери — Елизавета (1912–1918), Елизавета (1920–1940) и Ирина (1924 г. рожд.).

В 1914 г. Гордон направился в поездку по историческим местам Турции и Греции, прерванную началом Мировой войны. В 1914–1916 гг. Гордон служил командиром роты в 55-ом запасном полку, стоявшем в Даниловских казармах в Москве и готовившем маршевые роты из призываемых запасных. В апреле 1917 г. был направлен в действующую армию командиром роты 3-го гренадерского Перновского полка, стоявшего на фронте под Барановичами, а августе того же года переведен в разведывательное отделение штаба Гренадерского корпуса. В 1918 г. был избран солдатами членом делегации по переговорам о перемирии с немцами на участке фронта под Барановичами.

«Та страшная война, в которой я как офицер запаса также должен был, к сожалению, участвовать, была особенно тяжела именно тем, что я всегда боялся встретить на поле боя Гартмана или Хаймзюта или молодого Кассирера. Мысль, что мы, марбуржцы, находимся в двух враждующих лагерях, была для меня невыносима»¹⁵⁵⁸, — писал Гордон Наторпу из Москвы 11 августа 1920 г. Это письмо было передано в Германию с Эрнстом Доймигом (1866–1922), депутатом Рейхстага и делегатом 2-го Конгресса III (Коммунистического) Интернационала (19 июля 1920 г., Петроград, 23 июля – 17 августа 1920 г., Москва) от Независимой социал-демократической партии Германии. Из содержания письма следует, что Доймиг был знаком

¹⁵⁵⁶ Елена Михайловна Метнер (урожд. Братенши), Надежда Афанасьевна Конюс (вторым браком Щукина).

¹⁵⁵⁷ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 2. Гордон Г.О. О пожертвовании С.И. Щукиным денег на строительство института психологии. Л. 2–3.

¹⁵⁵⁸ UB Marburg. Natorp-Nachlaß Ms 831. № 1254. Brief G. Gordon an P. Natorp (11.08.1920, Moskau). S. 1.

с Наторпом: Наторп, судя по отзыву Доймига, занимал в эти годы «социально-активную» позицию и по своим взглядам стоял «очень близко к Независимой Партии и союзу Спартак»¹⁵⁵⁹.

После Октябрьской революции и заключения мира Гордон возвратился в Моршанск, где находилась его семья. Здесь он заведовал Отделом народного образования и был членом Уисполкома. Весной 1918 г. в Моршанском Народном университете Гордон читал курс политической экономии. Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве И.Г. Гуровой машинописная копия, сделанная Георгием Гордоном, почасовой росписи прочитанных лекций. Во время рейда Мамонтова в августе—сентябре 1919 г. вступил в РКП(б)¹⁵⁶⁰, был мобилизован в Красную армию, стал членом Моршанского ревкома. После разгрома Мамонтова (ноябрь 1919 г.) он был переброшен в Тамбов, где сначала работал в штабе войск, действовавших против Антонова, а затем был назначен Ректором Тамбовского Коммунистического университета с утверждением в звании профессора. В 1920 г. основал в Тамбове Научно-философское общество, на заседаниях которого прочел несколько докладов.

В июле — августе 1920 г. Гордон принимал участие в работе 2-го Конгресса III Интернационала¹⁵⁶¹. В том же 1920 г. он был назначен членом Коллегии Наркомпроса РСФСР и заместителем председателя Совета по делам вузов, а затем членом научно-педагогической секции Государственного Ученого Совета, в котором работал непосредственно с Н.К. Крупской. По воспоминаниям А. Штейнберга, осенью 1920 г. они случайно встретились с Гордоном в ГУСе при обсуждении вопроса о проведении в Советской России философского съезда. Гордон высказался в поддержку этой инициативы¹⁵⁶².

В 20-х годах Гордон читал курсы по логике и методологии наук, по методологии истории, вел семинары по методологии и философии истории, по философии Канта¹⁵⁶³ на факультете общественных наук 1-го МГУ¹⁵⁶⁴. Вел курс педагогики на педагогическом

¹⁵⁵⁹ Ibid.

¹⁵⁶⁰ У И.Г. Гуровой сохранилось впечатление, что, «когда отца арестовывали, он не был членом партии. Но, возможно, если он все же вступил в РКП(б) во время рейда Мамонтова, то это была его принципиальная позиция» (Записано со слов И.Г. Гуровой).

¹⁵⁶¹ Brief G. Gordons an P. Natorp (21.07.1924, Moskau). S. 2. Privatarchiv von Margarete und Gertrud Trost. Я благодарна д-ру Сергею Дорцвайлеру (Марбург) за предоставленную копию письма.

¹⁵⁶² Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911—1928) / Подгот. текста, послесл. и прим. Ж. Нива. Париж, 1991. С. 70—71.

¹⁵⁶³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 154. Л. 2.

¹⁵⁶⁴ Осенью 1922 г. Гордон возглавлял испытательную (то есть, приемную) комиссию Московского университета (ОР РГБ. Ф. 18. Карт. № 39. Ед. хр. 38. Письмо А.В. Луначарского к Г.О. Гордону от 11.10.1922 г.)

факультете 2-го МГУ и Академии коммунистического воспитания, историю революционных движений на Западе в университете им. Свердлова, на Высших научно-педагогических курсах, в 1928 г. был проректором по учебной части Московского промышленно-экономического института. С октября 1925 по октябрь 1926 г. Гордон был действительным членом, а с ноября 1926 г. по ноябрь 1929 г. — членом-корреспондентом Государственной академии художественных наук¹⁵⁶⁵. К 1925 г. Гордоном были написаны, но не опубликованы две работы по-немецки: «История принципа бесконечного в греческой философии до Платона» и «Значение понятия вещи в себе в систематическом построении “Критики чистого разума” Канта», — и читанный в течение четырех лет курс логики¹⁵⁶⁶.

Гордон напечатал много работ по проблемам педагогики в журналах «Педагогическое образование», «На путях к новой школе», «Вестник просвещения», составил четвертый том руководства для учителей по обществоведению (вышло по меньшей мере три издания) и пятый том совместно с Н.Г. Тарасовым. Для «Малой Советской энциклопедии» им были написаны все слова по логике, в энциклопедии Граната — статьи по истории философии¹⁵⁶⁷.

В 1924 г. организовал в издательстве «Работник просвещения», одним из создателей которого он был, выпуск серии «Педагогические курсы на дому», явившиеся первой формой заочного педагогического образования в СССР. Он был редактором этого периодического издания, выходившего три раза в месяц при непосредственном участии Н.К. Крупской и П.П. Блонского. По завершении этой серии под его редакцией выходила новая, носившая название «Педагогический университет на дому».

В этот период им были написаны и изданы учебные пособия «Чартистское движение»¹⁵⁶⁸ и «Революция 1848 года», учебник «История классовой борьбы на Западе»¹⁵⁶⁹ и несколько брошюр на педагогические темы¹⁵⁷⁰.

¹⁵⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 154. Л. 1, 3—4.

¹⁵⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 154. Л. 2.

¹⁵⁶⁷ Там же.

¹⁵⁶⁸ Гордон Г.О. Чартизм. М., 1923.

¹⁵⁶⁹ Гордон Г.О. История классовой борьбы на Западе. Рабочая книга для подготовки в вуз. М., 1928. — (Готовься в вуз. Пособие по подготовке в высшее учебное заведение. Под ред. А.И. Абиндера и К.И. Львова. 3.); изд-е 2-е, испр. М., 1929; изд-е 3-е, испр. М., 1930.

¹⁵⁷⁰ См.: Гордон Г.О. Гигиена умственного труда. Популярный очерк. М., 1925; Гордон Г.О. Охрана детства и материнства в России. Очерк. Б. м. и г.; Гордон Г.О. Что такое коммунистическое воспитание. М., 1929. — (Библиотека копеейка. Вопросы воспитания. № 1—5).

С детских лет интересуясь музыкой, он прочел всю основную музыкально-историческую литературу на русском, немецком и французском языках, что дало ему возможность в 1924–1926 гг. преподавать историю музыки в Музыкальном училище Гнесиных.

О Марбурге — своих учителях и друзьях (прежде всего, о Гартмане) — Гордон всю свою жизнь сохранял самые теплые воспоминания: «Всему, что вообще я знаю и умею, я научился в Марбурге <...>. Марбургские идеалы и марбургские учителя в идеале всегда были и остаются моими руководителями в тяжелой ежедневной работе!»¹⁵⁷¹, — писал Гордон Наторпу летом 1924 г. Свое «горячее желание» увидеть Наторпа и «старую Alma Mater»¹⁵⁷² отчасти удалось реализовать в 1927 г.: Гордон, к тому времени главный редактор «Учебно-педагогического государственного издательства» (Учпедгиз), смог выехать за границу, видимо, по делам издательства и посетить Марбург¹⁵⁷³. Он не смог увидеться с Наторпом — Наторп умер...

Тогда же Гордон побывал в Берлине — в архиве сохранилась его фотография, сделанная на ступенях Рейхстага¹⁵⁷⁴. Из Германии поехал во Францию, где в Сен-Клере навестил дочь С.И. Щукина — Екатерину Сергеевну Келлер, жившую там в эмиграции с мужем и детьми¹⁵⁷⁵.

Осенью 1929 г. Гордон был арестован и в 1930 г. постановлением коллегии ОГПУ сослан по ст. 58.6 УК в Соловецкий исправительно-трудовой лагерь сроком на десять лет — по статье, карающей за шпионаж. По воспоминаниям его сына, «ему инкриминировалось, что он “осведомлял Шеффера о настроениях в кругах троцкистской и других оппозиций” <...> Фактически было наоборот: Шеффер, имевший куда более непосредственные источники информации, иногда кое-что рассказывал папе. Помню, какое удовольствие доставил мне пришедший от него и приписываемый К. Радеку Witz¹⁵⁷⁶ по поводу существовавшего тогда в Москве Университета трудящихся Востока им. Сун Ят-сена: “Вот заведение, где евреи на английском языке учат китайцев делать революцию по-русски!”»¹⁵⁷⁷. С Паулем Шеффером (1883—

¹⁵⁷¹ Brief G. Gordons an P. Natorp (21.07.1924, Moskau). S. 2.

¹⁵⁷² Brief G. Gordons an P. Natorp (21.07.1924, Moskau). S. 1.

¹⁵⁷³ В архиве И.Г. Гуровой сохранилось несколько открыток отца из Марбурга в Москву, адресованные ей, четырехлетней дочери, и поэтому не содержащие никаких служебных подробностей.

¹⁵⁷⁴ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 9. Фотографии проф. Г.О. Гордон. 1927 г.

¹⁵⁷⁵ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 11. Письмо Г.О. Гордона — жене Е.Г. Гордон (13.06.1927 г., Сен-Клер).

¹⁵⁷⁶ «шутка» (нем.).

¹⁵⁷⁷ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 13. Гордон Г.Г. Поездка на Соловки в 1931 г. Воспоминания. Л. 1.

1963), собственным корреспондентом газеты «Berliner Tageblatt» в Москве, Гордон познакомился еще в 1906 г. в Марбурге. В Москве Шеффер появился около середины 20-х годов и с удовольствием возобновил знакомство.

Первое время после ареста отца, — а Гордон, пока шло следствие, больше года просидел в Бутырках, — его младшая дочь Ирина жила на даче у Молотовых: его жене Полине Семеновне Жемчужиной сестра Гордона — Мария Иосифовна Цирес, первая жена известного в 20-40-е годы искусствоведа Алексея Германовича Циреса, преподавала русский язык на рабфаке (ок. 1923—1925 гг.)¹⁵⁷⁸.

О времени, проведенном Гордоном в тюрьме, сохранилось свидетельство его сына:

«<...> некоторые эпизоды следствия он рассказал нам просто к слову, в разговоре на совсем другую тему. Так, он припомнил способ воздействия, применявшийся следователем в попытках заставить его “признаться”: тогда было правило, что, куда бы заключенного ни везли из Бутырок, где сидел папа, в том числе и на допрос на Лубянку, он должен был брать с собой все свои вещи (в двери камеры открывалась форточка, надзиратель стучал связкой ключей по двери и кричал: “Гордон, с вещами, быстро!”). Не следует думать, что этим вещи оберегались от соседей по камере — это правило применялось и к сидевшим в одиночках. Дело было летом, а у папы комплект зимней одежды, в свое время с большим трудом переданный ему мамой через посредство П.С. Жемчужины, <...> которая попросила об этом Вышинского; эта передача вызвала озлобление следователя, т. к. опровергала его неоднократные утверждения папе, что его семья выслана из Москвы, но ей будет позволено вернуться, если папа “будет умнее”; и у шубы, и у шапки половина швов была распорота при осмотре, зашить было нечем, папа так и ходил, щеголяя ватином. Тюк с вещами был тяжел, а папа, хоть и сидел уже около года (всего его предварительное заключение продолжалось 15 месяцев) был довольно тучен, кабинет следователя помещался на 6-м этаже. Так вот, когда папа в очередной раз отказывался подписать нужный следователю протокол, тот вызывал из-за двери часового и приказывал: “С вещами, на первый этаж и обратно, бегом!” Бегом не бегом, но двигаться приходилось быстро, т. к. часовой мог и прикладом подбодрить. По возвращении в кабинет слышалось: “Ну, как?” и цикл повторялся. Прекратить это папе удалось тем, что, войдя очередной раз в кабинет, он упал навзничь и симулировал глубокий обморок. В другой раз следователь положил на стол два пистолета, встал и стал ходить по комнате. Папа сказал: “Вот это Со-

¹⁵⁷⁸ Записано со слов И.Г. Гуровой.

важ, а это – браунинг бельгийского производства. Вы что, думаете, что я их схвачу, а Вы сможете обвинить меня в покушении на вас? Неужели вы полагаете, что я так глуп и могу подумать, что вы положили на стол заряженные пистолеты?” Следователь грязно выругался и убрал их.

Однажды, возвращаясь с допроса, папа повстречал в коридоре бывшего председателя Моршанской ЧК, дослужившегося, как оказалось, до поста члена коллегии ОГПУ (его фамилию я забыл). Он приветствовал папу словами: “Как, Гавриил Осипович, и Вы у нас? По какому делу?” Папа объяснил и спросил: “Ну как, меня расстреляют?” – “Навряд ли, у ребят нет сейчас такого настроения”, гласил ответ»¹⁵⁷⁹.

Летом 1931 г. жена и сын поехали на Соловки навестить отца. Всю поездку и сопутствующую ей процедуру получения разрешений на проезд до острова Георгий Гаврилович подробно описал в своих воспоминаниях. На Соловках им повезло: кроме двух общих свиданий они получили две недели (!) «личных»:

«Уже на первом [общем свидании папа] сказал, что “завтра из Москвы возвращается Никитин, я буду просить его об личном свидании и, думаю, он мне не откажет” Никитин был тогда начальником УСЛОН’а с резиденцией на Соловках, в последующем он был на строительстве канала Москва – Волга начальником, не помню уже, не то всего строительства, не то участка канала, прилегающего к Москве, а по окончании строительства стал начальником Главного управления геодезии и картографии, входившего тогда в состав МВД, в системе которого я проработал почти всю жизнь (точнее – 33 года). Так по иронии судьбы Никитин некоторое время был и моим верховным начальством... Папа тогда состоял в штате историко-архивного отдела Соловецкого музея (был и такой в составе СЛОН’а!) и занимался разборкой и описанием сохранившейся части монастырского архива, состоявшей в основном из дарственных записей богатых купцов, вносивших монастырю вклады за право быть погребенными на его кладбище. Не знаю почему, но папе было поручено написать доклад о возможности добычи йода из водорослей Белого моря (тогда йод еще ввозили из-за границы, а современный способ его добычи из буровых вод еще не применялся), с которым Никитин выступил на коллегии ОГПУ. Доклад прошел успешно, помимо прочего была отмечена его краткость и точность, почему довольный Никитин так сказать “премировал” папу 14-тью днями “личного свидания” Вот таким образом на четвертый день нашего пребывания на острове мы покинули “Дом свиданий” и пе-

¹⁵⁷⁹ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 13. Л. 14–16.

ребрались в крохотный, но отдельный домик начальника Соловецкой ж<елезной> д<ороги> Татархана Мисостовича Дударова, главы одной из тех двенадцати княжеских семей, которым тогда принадлежал весь Кавказ <...>¹⁵⁸⁰.

В том же 1931 г. ссылка на Соловки была заменена высылкой в г. Свердловск сроком на пять лет. В Свердловске Гордон работал консультантом-методистом Областного отдела народного образования. Пробыл там года полтора, занимаясь, главным образом, организацией школ в поселках так называемых «спецпереселенцев», то есть высланных на Северный Урал раскулаченных во время коллективизации крестьян¹⁵⁸¹. Там же написал и издал учебник географии для средней школы. В 1933 г. по постановлению Прокурора СССР он был освобожден с разрешением проживания в Москве.

С 1933 по август 1936 г. он работал в издательстве «Академия» и нескольких других издательствах, где им было переведено, отредактировано или снабжено предисловиями или примечаниями около двадцати пяти книг¹⁵⁸²; кроме того, он преподавал историю в средней школе и был консультантом при Дзержинском отделе народного образования.

Гордон собрал уникальную многоязыкую (поскольку сам читал на 14 языках, включая древние) коллекцию в 8 тыс. томов. После его ареста в 1929 г. почти все книги поступили в библиотеку Института Маркса и Энгельса.

В августе 1936 г. по оговору сотрудниц издательства «Academia» Виноградской и Якобсон он был вновь арестован. Содержание доноса касалось, во-первых, якобы сказанной Гордоном фразы о том, что Франко разобьет республиканцев (шла война в Испании) и, во-вторых, якобы выключенного Гордоном радиоприемника в тот момент, когда передавали сведения о папанинцах...¹⁵⁸³ В октябре того же года Особым совещанием НКВД Гордон был приговорен по ст. 58.10 УК к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет, которое отбывал на строительстве Угличского гидроузла. Там он работал в качестве то экономиста в управлении строительством, то дежурного на пилорамной установке. В 1939–1940 гг. в лагере Гордоном были написаны воспо-

¹⁵⁸⁰ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 13. Л. 12–13.

¹⁵⁸¹ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 13. Л. 29.

¹⁵⁸² Видимо, одним из последних таких изданий стала книга: Джованьоли Р. Спартак. Историческая повесть из VII в. римской эры / Ст. П.Ф. Преображенский, пер. с ит. Л.Я. Френкель, комм. Г.О. Гордон. М.—Л.: Academia, 1936.

¹⁵⁸³ Записано со слов И.Г. Гуровой.

минания, названные «Повестью о моей жизни». В 21 школьной тетради описаны годы от рождения до окончания университета, кроме того, четыре тетради содержали главу «Музыка в моей жизни». Все упомянутые тетради воспоминаний утрачены после смерти сына, Георгия Гавриловича Гордона. В архиве И.Г. Гуровой сохранились лишь некоторые расшифрованные им и отпечатанные на машинке фрагменты (около 40 страниц). Некоторые выписки из воспоминаний, а также машинопись работы о музыке сохранились в коллекции Щукиных в Отделе рукописей Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. По подсчетам Г.Г. Гордона, рукопись насчитывала 25 учетно-авторских листов, или миллион знаков. В угличском лагере были написаны еще две работы, судьба которых оказалась счастливее: «Маленькое введение в большую философию» (1937, 41 с.), посвященное старшей дочери Елизавете, и «Клио. Краткое введение в изучение истории для милой дочери моей Ирины» (1939, 34 с.)¹⁵⁸⁴, — оба текста сохранились у Ирины Гавриловны Гуровой.

В августе 1941 г. истек срок заключения Гордона, но в связи с началом Отечественной войны он не был освобожден. Гавриил Осипович умер в лагере 26 января 1942 г. от «авитаминоза», что по тем временам означало истощение...

В 1957 г. Военным трибуналом Московского военного округа были пересмотрены оба его дела — от 1929 и 1936 гг., все постановления коллегии ОГПУ и Особого совещания по этим делам отменены за отсутствием состава преступления, и он был посмертно реабилитирован¹⁵⁸⁵.

¹⁵⁸⁴ Архив И.Г. Гуровой. Машинопись; Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (СГИАПМЗ). Отдел фондов. КП-1762; КП-1764.

¹⁵⁸⁵ ОР ГМИИ. Колл. XI. Разд. V. Ед. хр. 12. Справки о реабилитации Г.О. Гордона (копии). (1957 г.).

Очерк четвертый

Символисты и неокантианцы

Кантианские идеи
в русском художественном символизме

В интеллектуальной истории Серебряного века всегда поражает разнообразие и разнонаправленность его идейных течений. Сложное сплетение и отчасти синкретизм существовавших социокультурных интенций приводят к тому, что каждая вновь предпринятая попытка дескрипции этого культурного феномена предлагает не просто другой исторический ракурс, но чревата открытиями новых пространств и перспектив, способных модифицировать привычный образ эпохи.

Парадоксальность культурного подъема, «культурного взрыва»¹⁵⁸⁶ *fin de siècle* заключалась в том, что в России взлет новой культуры был ярче, богаче, многограннее тех же культурных процессов, совершавшихся в более прогрессивной, благополучной, экономически развитой, «блистательно стареющей» Европе. «И случилось неизбежное: Европа конца века, о художестве которой, литературе, поэзии, музыке мы знали до тех пор совсем мало, Европа, предававшаяся всем изысканностям и излишествам воображения и мысли, захватила наших культуртрегеров умственным богатством, дерзновением, всеискусенностью. <...> Ницше, Ибсен, Метерлинк, Бодлер, Рескин, Уайльд... Они стали символами для новой эпохи <...> От этой прививки Запада *fin de siècle* — наше внезапное “декадентство” вместе с углублением внимания и к своим, большею частью плохо понятым гениям <...> Началась “переоценка ценностей”»¹⁵⁸⁷, которая привела русскую культуру к мировому лидерству почти во всех областях искусства: в балете, живописи, театре и даже в новой музыке, что было связано с именами Станиславского и Дягилева, Шагала и Кандинского, Стравинского и Скрябина..., — и которая одновременно породила ощущение неминуемого потрясения и разрушения всего существующего культурного «универсума».

¹⁵⁸⁶ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 105.

¹⁵⁸⁷ Маковский С.К. Портреты современников: Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи / Сост. и комм. Е.Г. Домогацкой, Ю.Н. Симоненко. М., 2000. С. 260–261.

Ощущением культурного и социального кризиса рубежа веков была пронизана вся эпоха Серебряного века, о чем впоследствии свидетельствовал Андрей Белый: «<...> в последних днях улетающего столетия я написал последнюю фразу “Северной симфонии”, повернутую к новому веку: “Ударил серебряный колокол”¹⁵⁸⁸. Для одних шелкала пробка шампанского, как и в прошлом году; другие слышали удар колокола; и гадали, о чем удар; это могли быть и звуки пожарного набата, и звуки марша; о содержаниях звуков гадали мы; наше “да” ведь не имело эмпирики; мы сходились в одном, что кризис — небывалый; и небывалость его протекает в совершенной тишине; в чем кризис? Социал-демократ мог ответить: “Скоро обнаружится социальная действительность, и сорвется фиговый листик с режима благополучия” Философ культуры мог ответить: “Гибель европейской буржуазной культуры” Философ мог сказать так: “Кризис теорий об однолинейном, прямолинейном прогрессе” Кто иной мог неопределенно сказать: “Конец эпохи”; а мистик мог заострить этот конец в конец мира вообще. Гадание о форме кризиса надо отличать от вопроса о наличии кризиса; это наличие для нас, детей рубежа, было эмпирикой переживаемого опыта; а вопрос о формах выявления его в начале века был загадан <...>»¹⁵⁸⁹.

Удивительная закономерность: то «универсальное чувство неудовлетворенности универсумом», которое рождается в преддверии кризиса, перелома, сдвига, разрушения старого жизненного уклада, становится катализатором невиданного до тех пор духовного творчества¹⁵⁹⁰. И чем глобальнее готовящийся социокультурный взрыв, тем сложнее, богаче и мощнее оказывается предшествующий ему культурный подъем.

Осознание кризисности проживаемой эпохи провоцировало и интенсифицировало поиск новых форм искусства и (нового) смысла искусства, свободного и от академической «узости», и от «социального заказа»¹⁵⁹¹, — искусства, *освобожденного* нарождающимися новыми социальными силами и новыми социальными отношениями. Этот поиск — не только собственно художественный, но и художественно-критический, теоретический — не мог не привести к появлению нового художественного стиля, полагавав-

¹⁵⁸⁸ Заключительная фраза «Северной симфонии (1-й, героической)» (1900), многократно повторяющаяся в финале. См.: Белый А. Кубок метелей: Роман и повести-симфонии. М., 1997. С. 84.

¹⁵⁸⁹ Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 1. М., 1989. С. 42.

¹⁵⁹⁰ Муравьев Ю.А. Истина. Культура. Идеал. М., 1995. С. 130. См. подробнее о теории культуры и социокультурной динамики там же: С. 83–141.

¹⁵⁹¹ См.: Deppermann 1984, 68.

шего для различных сфер культуры относительную самостоятельность, «культурную автономию», основанную на специфичности собственного языка и законов. Эстетическим направлением, воплотившим в себе культурные чаяния эпохи, стал *символизм*, который, проникнув в Россию, обрел совершенно особые черты, что позволяет говорить о *русском символизме* как об уникальном культурном явлении.

Можно указать на три специфически «русских» вопроса, в поиске «ответов» на которые определился облик русского символизма:

- вопрос о *собственном значении и связи искусств друг с другом*, а также о возможности создания «*синтетического произведения искусства*» (*Gesamtkunstwerk*), проблема которого была поставлена Вагнером, понятого в России, в отличие от Франции (меланхолия декаданта) и Германии («музыка будущего» в негативно-подозрительном аспекте), позитивно-программно (Блок, Вяч. Иванов, Луначарский и др.);

- о соотношении *искусства и социальной действительности*, при решении которого возникло два основных варианта ответа — *неореалистский* (Горького) в рамках реалистического понимания искусства и *символистский* в формах «поэзии сознания»¹⁵⁹² с ее решительным требованием критики культуры, идущим от Ницше¹⁵⁹³;

- об отношении искусства и религии в контексте внецерковного «нового религиозного сознания», нашедшего выражение, с одной стороны, в христиански ориентированном «богоискательстве», с другой, — в «богостроительстве», в «религии без бога», стремившейся заполнить опустевшее «святое место» (Горький)¹⁵⁹⁴.

Поиск русскими символистами национальных особенностей в искусстве и культуре сопровождался их «деятельной открытостью» европейской культуре модерна, постоянным с ней диалогом, который осуществлялся не только индивидуально — в письмах и в непосредственном общении культуртрегеров, но и прежде всего — в рамках многочисленных кружков и объединений — от «Мира искусства» и «Вечеров современной музыки» до Московского Художественного театра, дягилевских «Русских сезонов» и Румянцевского музея, а также самых разных литературных, фи-

¹⁵⁹² О стирании различий между реализмом и символизмом как между двумя художественными школами, между реалистическими («несимволическими») и символическими произведениями искусства благодаря «расширению значения термина «символизм» до объема понятия художественного творчества вообще» см.: *Эллис (Кобылинский Л.Л.). Русские символисты*. Томск, 1996. С. 8. Далее цитируется как *Эллис* с указанием страниц.

¹⁵⁹³ «Собственно как Ницше, так и Вагнер были открыты *прежде всего в русском символизме*». (*Deppermann* 1984, 91).

¹⁵⁹⁴ *Deppermann* 1984, 69.

лософских, религиозных собраний, издательств, журналов и художественных выставок.

Важно помнить, что символизм в России никогда не был однородным течением. В истории русского символизма указывают четыре периода:

первый (1894–1903) — период «бури и натиска» — время, когда в символизме уживались предавангардистское и неоклассическое начала;

второй (1904–1909) — период эволюции и дифференциации внутри самого символизма («старшие» и «младшие» символисты, «мистико-анархисты», «декаденты», «соборники» и др.);

третий (1910–1917) — период стагнации символизма и превращения его в господствующее литературное направление (особенно в поэзии), которое становится тождественным «стилю эпохи»;

четвертый (1917–1934) — «латентный», когда символизм в условиях изменившегося политического режима не только и не столько бытовал в рамках своей литературно-эстетической (Брюсов) и мировоззренческой (А. Блок, Андрей Белый, Вяч. Иванов) парадигм, сколько трансформировался в сознании политической и литературной партийной «элиты» в некое «правое», консервативное литературное течение¹⁵⁹⁵.

Первые же попытки идейного осмысления новых для России эстетических тенденций были связаны с поиском философского обоснования нарождающегося художественного направления и характерны, прежде всего, для первых двух этапов развития символизма и в некотором отношении — для четвертого, последнего. Символ, творчество, язык — исследование этих ставших центральными для русского символизма проблем с необходимостью предполагало как минимум *указание* философских оснований для их решения, поскольку сам символизм понимался его идеологами не только и не столько как художественный стиль, но как целостное мировоззрение, «миропонимание»: «Бесспорным историческим фактом, совершающимся на наших глазах и в душе всех первых между нами, является процесс превращения современного символизма из новой эстетической школы, почти из проблемы стиля — в новую, невыразимо-напряженную и насыщенную художественную форму, служащую все более и более оболочкой всего современного мирозерцания, всего небывалого перелома культуры нашей эпохи»¹⁵⁹⁶. «Принципы символизма должны нарисовать нам прочную философскую систему; симво-

¹⁵⁹⁵ Клинг О.А. Эволюция и «латентное» существование символизма после Октября // Вопросы литературы. 1999. № 4. С. 37–38.

¹⁵⁹⁶ Эллис, 34.

лизм как мирозозерцание возможен»¹⁵⁹⁷. Безусловный приоритет в вопросе построения такого мирозозерцания принадлежал, разумеется, литераторам — Валерию Брюсову, Андрею Белому и Вячеславу Иванову.

Музыка или, точнее, «дух музыки», также был возведен русским символизмом в ранг философской категории — в *метафору* философско-исторической и онтологической категории, идущую от Ницше («Рождение трагедии из духа музыки») и Шопенгауэра в его учении о воле как основе бытия, наиболее полное и совершенное выражение которой он усматривал в симфонической музыке — в горациевском *rerum concordia discors*¹⁵⁹⁸ как симфоническом принципе формы¹⁵⁹⁹. «Музыка» как категория и образ стали активно использоваться многими символистами, в особенности Белым, Блоком и Вяч. Ивановым, для поэтического выражения культурфилософской идеи.

Среди музыкантов и музыкальных критиков, которые в той или иной степени размышляли об основах нового искусства, следует назвать прежде всего Александра Скрябина, автора интереснейшей идеи художественно-философского построения и осмысления мира.

Философские основания творчества того или иного художника не всегда поддаются реконструкции, еще сложнее доказать их значимость для рождения чистой художественной эмоции и фантазии. Но включенность художника в общее бытие культуры, его взаимосотнесенность со всеми происходящими культурными процессами как в научной, так и в общественной жизни раскрывает и повышает значимость такой реконструкции для понимания процесса развития искусства, позволяет думать, что она способна дать ключ к творчеству мастера.

Из всей богатейшей палитры философских течений рубежа веков философия Канта и неокантианцев в создании философских основ русского символизма не принимала, на первый взгляд, такого деятельного и значимого участия, как, например, ницшеанская философия жизни и религиозно-философские искания, инспирированные Вл. Соловьевым. Но это впечатление обманчиво. Неокантианство, проникнув в Россию, подогрело общественный интерес к Канту, а через него — к Фихте, к Шопенгауэру, к тому же Владимиру Соловьеву как противоядию от (нео)кантианства, а вследствие этого — и к самому себе.

¹⁵⁹⁷ Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2-х тт. Т. 1. М., 1994. С. 55. Далее цитируется как *Белый*, Теория символизма с указанием тома и страниц.

¹⁵⁹⁸ «Противоречивое согласие вещей» (лат.).

¹⁵⁹⁹ Deppermann 1984, 93.

В дальнейшем изложении я обойду вниманием символическую систему Вяч. Иванова, *во-первых*, потому что она, вдохновленная древними греками, прежде всего платоно-платиновским идеализмом, аристотелизмом средневековых схоластиков и, по-видимому, Лотце¹⁶⁰⁰, — хотя и получила определенный импульс от философии Канта¹⁶⁰¹, так что даже, по мнению некоторых исследователей, эстетика Вяч. Иванова приобрела известное сходство с кантовской¹⁶⁰², но оставалась глубоко чуждой философии неокантианцев¹⁶⁰³, которых Вяч. Иванов обвинял во внесении хаоса в философию познания¹⁶⁰⁴. Его мысль никогда не изменяла своим религиозным корням¹⁶⁰⁵. Ее скрытые интенции и флуктуации, кроме уже найденных и описанных в научной литературе, нуждаются, — и это *во-вторых*, — в специальном исследовании и обсуждении.

Это не означает, что материал, предлагаемый ниже вниманию читателя, исчерпывающе отвечает на вопрос о неокантианской основе русского символизма. Скорее, наоборот. Это лишь наброски, позволяющие поставить этот вопрос и показать возможность и необходимость его исследования. Таким «материалом» стали литературно-философские «валентности» Брюсова, Белого и Скрябина, центром которых оказалась фигура Фохта, связавшая вместе трех таких разных художников на страницах исследования о марбургском неокантианстве в России.

1. Валерий Брюсов

Обращение Брюсова к философии в 1890-х годах выглядит вполне закономерным: Брюсов считал, что каждый автор должен обладать целостным представлением о мире, что соответствовало требованию Акима Волинского о новой «*философской*» литературной

¹⁶⁰⁰ См., напр., сонет Вяч. Иванова «Разверзнет Ночь горящий Макрокосм...».

¹⁶⁰¹ См.: Калинин 2005, 254–293 (Глава: «Аристотель и Кант в символизме Вячеслава Иванова»).

¹⁶⁰² См.: *West J. Ivanov's Theory of Knowledge: Kant and Neo-Kantianism* // Vyachaslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. Ed. by R.L. Jackson and L. Nelson, jr. New Haven, 1986. P. 313–325.

¹⁶⁰³ Интересен в этой связи проведенный Джеймсом Уэстом сравнительный анализ философии искусства Вяч. Иванова и Э. Кассирера. Этот анализ выявил лишь незначительное расхождение между этими концепциями, сказавшееся в вере Вяч. Иванова в способность поэзии преображать жизнь, что Кассирер принимал, скорее, только метафорически. См.: *West J. Russian Symbolism: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic*. London, 1970. P. 93–106.

¹⁶⁰⁴ *Иванов Вяч.* Борозды и межи. Москва, 1916. С. 109–110. См.: *West J. Ivanov's Theory of Knowledge*, 317, 324.

¹⁶⁰⁵ *Stepun* 1964, 221.

критике. Об этом Волынский писал в статье «Современная русская журналистика» (ок. 1903), где, анализируя идейные искания предшествовавшего десятилетия, констатировал: «Русская умственная культура <...> находится на гораздо низшей ступени развития, чем русское искусство с его идейным содержанием», — и настаивал: «Критика должна быть выведена на совершенно иную дорогу, должна опираться на идеи философского, а не утилитарно-политического характера, ибо только эти идеи в их беспредельности, в их высшей сознательности могут охватить беспредельное художественное творчество»¹⁶⁰⁶. В брюсовском интересе к философии был ярко выражен момент поиска адекватного «новому искусству» мировоззрения, а также принципов конструирования поэтического мира¹⁶⁰⁷.

Для Брюсова философия Канта явилась, на мой взгляд, некой константой, заданным тоном, на фоне которого в постоянном притяжении и отталкивании формировалась его собственная эстетическая концепция.

Одна из самых ранних брюсовских реакций на философию Канта сохранилась в письме Брюсова к Владимиру Константиновичу Станюковичу (1873–1939), искусствоведу и писателю, а в 1886–1887 гг. — ближайшему товарищу Брюсова по гимназии Ф.И. Креймана, от 23 июня 1895 г.: «Скажу тебе, что в сем философе [Канте] я совершенно разочаровался. Во-первых, он вовсе не так глубок, как кажется с первого чтения, а во-вторых, все “открытое” им было уже раньше известно из творений Спинозы и особенно Локка»¹⁶⁰⁸. О том же — дневниковая запись месяцем позже, от 25 июля 1895 г.: «За Канта я взялся, как за откровение, но он более чем разочаровал меня»¹⁶⁰⁹. Такое отношение к Канту как к философу малооригинальному, идущему про проторенному пути, перекликается со взглядами Л.М. Лопатина. Лопатин преподавал на курсе Брюсова, и Брюсов относился к нему «с большой любовью», «посещал много и охотно, в основном его практические занятия. <...> Слушал у него Спинозу, Локка и 2 года Канта»¹⁶¹⁰.

Так, Лопатин в своих лекциях говорил, в частности, о вторичности Канта по отношению к Декарту:

¹⁶⁰⁶ Волынский А.Л. Книга великого гнева: Статьи. Заметки. Полемика. СПб, 1904. С. 145–146.

¹⁶⁰⁷ См.: Кульюс С.К. Формирование эстетических взглядов В. Брюсова и философия Лейбница. Деп. рукопись. ИНИОН. Таллин, 1982. С. 3.

¹⁶⁰⁸ Станюкович В.К. Воспоминания о В.Я. Брюсове. Публик. Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: «Наука», 1976. С. 736.

¹⁶⁰⁹ Брюсов В. Дневники. 1891 — 1910. Пригот. к печати И.М. Брюсова, примеч. Н.С. Ашукина. М., 1927. С. 21. Далее цитируется как *Брюсов*, Дневники с указанием страниц.

¹⁶¹⁰ ОР РГБ. Ф. 386. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 21. Мемуарные заметки.

«Историческая роль Канта, как бы высоко мы ни ценили ее, бледнеет пред делом Декарта. Ведь если беспристрастно определить окончательную задачу Канта, она сводится к следующему: он хотел спасти новое философско-научное мировоззрение от внутренних противоречий и оградить его от всяких посягательств, с одной стороны, отняв у него претензии на проникновение в метафизическую суть вещей, с другой стороны, превратив его основные начала в а priori данные законы разума, не отделимые от самой конструкции мысли. Глубочайший нерв теоретической критики Канта заключается в стремлении установить абсолютный характер естествоведения в той его математически-строгой форме, которая впервые была последовательно развита Декартом. Но кто выше, – тот ли, кто создал известное воззрение, или кто его только охраняет, хотя бы он пользовался при этом очень оригинальными и глубокомысленными аргументами? Нет никакого сомнения, – то, что Кант так гениально хотел защитить от всех возможных нападений, было задумано и создано Декартом»¹⁶¹¹.

Кроме общей моды на Канта и кантианство, которая возникла в России в конце XIX в., что собственно заставляло каждого интеллектуала посвятить некоторое время изучению кантовской системы, в окружении Брюсова 1890-х годов был человек, стимулировавший брюсовский интерес к кантовской философии. Этим человеком был Б.А. Фохт.

Воспоминания Ивана Никаноровича Розанова (1874–1959) относятся к концу 1890-х годов. В эти годы он был участником литературного кружка, куда входили студенты различных факультетов Московского университета. Собрания проводились чаще всего на квартирах, и встречались здесь такие впоследствии известные литераторы и ученые, как В.Я. Брюсов, Ю.И. Айхенвальд, В.А. Кильчевский, Е.Д. Жураковский, В.Д. Викторов, П.С. Коган, В.Ф. Саводник, В.М. Фриче, Б.А. Фохт... В записях И.Н. Розанова значится: «Суббота 15 февраля <1897 г.>. Вечером к Фохту. Реферат о Бальмонте. Разговор с Брюсовым. Мое знакомство с ним <...> Викторов, Айхенвальд, Фохт, Кильчевский и др. Айхенвальд о символизме. <...> Брюсов о символизме (споры его с Айхенвальдом, Кильчевским, Фохтом)»¹⁶¹². – В то время Фохт был студентом

¹⁶¹¹ Лопатин Л.М. История новой философии. Часть I. От эпохи Возрождения до Канта. Лекции, читанные на Историко-филологическом факультете Императорского Московского университета и на Высших женских курсах в 1902, 1903 и 1904 ак. гг. М., 1905. С. 125.

¹⁶¹² Розанов И.Н. <Встречи с Брюсовым>. Предисл. и публ. Е.А. Кречетовой // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 763.

3-го курса (или года, как тогда говорили) отделения естественных наук физико-математического факультета Московского университета. У самого Брюсова в тетради, датированной концом 1897 г., сохранилась запись домашнего адреса Фохта: «Большой Власьевский (бл. Сивцев В.), д. Львовой — Фохт»¹⁶¹³. Интересно, что с этого времени отношение Брюсова к Канту меняется: «Кант, которым мы заняты в университете, меня увлек совсем», — записал Брюсов 23 октября 1897 г. в своем дневнике¹⁶¹⁴. 29 января 1898 г.: «Прочел много книг, прочесть которые “собирался” давно — среди них Дю Преля (Филос. мист.), Прологоменты Канта <...>»¹⁶¹⁵. 2-е февраля 1898 г.: «Окружаю себя книгами и тетрадями. Вновь и вновь вникаю в Лейбница, в Канта, <...>»¹⁶¹⁶.

В архиве Брюсова есть еще один важный текст, связанный с Кантом и адресованный Брюсовым «Молодому философу», из цикла «Писем по поводу “О Искусстве”» (между 25 ноября — 6 декабря 1898 г.). Кант в этом тексте предстает как создатель новой философии, «бессмертное значение» которого «в замечательном анализе мыслительной способности человека»¹⁶¹⁷. Среди возможных адресатов публикатор и комментатор этого письма С.И. Гиндин называет несколько имен из окружения Брюсова: Д.В. Викторов, И.И. Лапшин и Б.А. Фохт, — отдавая предпочтение Викторovu¹⁶¹⁸.

Давид Викторович Викторов (1874—1918) с гимназических лет дружил с Фохтом¹⁶¹⁹, учился вместе с Брюсовым на историко-филологическом факультете Московского университета, все трое занимались у Н.Я. Грота, М.М. Троицкого и Л.М. Лопатина. В студенческие годы Викторов написал две большие работы:

¹⁶¹³ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 3. Ед. хр. 15. Записная тетрадь [Черновая]. 1897 конец года — [1898] январь. Л. 1.

¹⁶¹⁴ Брюсов, Дневники, 45.

¹⁶¹⁵ Брюсов, Дневники, 48.

¹⁶¹⁶ Брюсов, Дневники, 49.

¹⁶¹⁷ Брюсов В.Я. Письма из рабочих тетрадей (1893—1899). Вступ. ст., публик. и комм. С.И. Гиндина. № 92. Брюсов — «Молодому философу». Наука и вера // Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Т. 98. В 2-х кн. Кн. 1. Отв. ред. Н.А. Трифонов. М., 1991. С. 798. Далее цитируется как Брюсов, Письма с указанием страниц.

¹⁶¹⁸ Брюсов, Письма, 800. Между тем Н.А. Трифонов в качестве возможного адресата называет М.В. Самыгина (Марка Криницкого, псевд.) (1874—1952), с которым Брюсов учился на историко-филологическом факультете и вел частые философские беседы и переписку. См.: Трифонов Н.А. Письма к М.В. Самыгину. [Вступ. ст.] // Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Т. 98. Кн. 1. С. 364.

¹⁶¹⁹ Фохт Б.А. Философия музыки А.Н. Скрябина // А.Н. Скрябин. Человек. Художник. Мыслитель. М., 1994. С. 201—202. Далее цитируется как Фохт, Скрябин с указанием страниц.

«О психологии Аристотеля» и кандидатское сочинение о проблеме познания у Локка и Лейбница. Увлекался физиологической психологией В. Вундта, особенно его учением о воле и апперцепции, в разговорах о философии «догматизму» Канта противопоставлял «настоящий критицизм» Юма. После окончания университета и сдачи государственных экзаменов в октябре 1899 г. поехал «доучиваться» за границу¹⁶²⁰, в 1903 г. получил официальную научную командировку в Берлин, Лейпциг и Гёттинген, где продолжил свои занятия по экспериментальной психологии¹⁶²¹. Первым опубликованным философским сочинением (не считая рецензий) стала, правда, лекция о *кантовских* идеях разума (1903)¹⁶²². Известность Викторова получил благодаря работам об эмпириокритицизме: он упоминается в письме А.В. Васильева к Э. Маху (1904) (в этот год вышла статья Викторова о Махе¹⁶²³) среди специалистов, занимающихся в России теорией познания¹⁶²⁴. А с публикацией и защитой диссертации «Эмпириокритицизм, или философия чистого опыта» (1909) к Викторову пришло настоящее академическое признание¹⁶²⁵.

Можно согласиться с С.И. Гиндиным и признать Викторова адресатом брюсовского философского письма, если допустить, что состоявшийся вскоре после его написания «вялый» разговор «о философии» (25 декабря 1898 г.) между Брюсовым, Викторовым, Саводником и Жураковским¹⁶²⁶ действительно был продолжением той темы, о которой шла речь в письме: об «отношении науки и веры», «научных истин», открывающих «законы явлений», и «истин веры», в которых заключена «сама сущность вещей». В разговоре Брюсов «настаивал, что нет критерия, как отличить призрак от действительности», потому что, согласно тексту письма, «истины [веры] иной сферы, не той, где господствует закон причинности. Но отсюда не будет следовать даже того, что для рассудка эти истины имеют меньшую достоверность, чем научные», так как математика основывается на истинах (аксиомах), которые мы принимаем за несомненные, но недоказуемые, и тем не менее считаем математику «наиболее достоверной наукой»¹⁶²⁷.

¹⁶²⁰ Брюсов, Дневники, 93.

¹⁶²¹ Самсонов Н. Д.В. Викторов [Некролог] // Научные известия (Академический центр наркомпроса). Сб. 2. М., 1922. С. 308–309.

¹⁶²² Викторов Д.В. Идеи разума в философии Канта // Научное Слово. М. 1903. Кн. III. С. 98–111.

¹⁶²³ Викторов Д.В. Философские взгляды Эрнста Маха // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 73. С. 229–313.

¹⁶²⁴ Steila, Scienza e rivoluzione, 366.

¹⁶²⁵ Steila, Scienza e rivoluzione, 225.

¹⁶²⁶ Брюсов, Дневники, 75.

¹⁶²⁷ Брюсов, Письма, 800.

Викторов, по-видимому, развивая тезис, «приводил в пример разных сумасшедших, коих он наблюдал»¹⁶²⁸.

На мой взгляд, однако, за этим небольшим текстом стоит фигура Б.А. Фохта в качестве его адресата или, скорее, инспиратора. В брюсовской тетради, датированной концом 1897 — январем 1898 г.¹⁶²⁹, сохранилась запись о различии двух редакций «Критики чистого разума», указанном Шопенгауэром в письме к Розенкранцу. Речь шла о «Трансцендентальной диалектике», а в ней, прежде всего, о фрагментах, посвященных рациональной психологии и антиномиям чистого разума, а также об «Опровержении идеализма»¹⁶³⁰. В других материалах о Канте университетского периода у Брюсова в отношении «Дедукции категорий» записано, что он «не нашел различий по существу между первым и вторым изданием»¹⁶³¹. — Но именно на *существование различия* в «Дедукции категорий» Брюсов указывает в письме к «Молодому философу»: «Так как всякое научное познание начинается с опыта, — то в науке можем мы изучать никак не мир вещей, как он есть сам по себе, — а только мир наших представлений и законы, *ими* управляющие. [Прим.:] См. Дедукцию чистых рассудочных понятий. Ос<обенно> в первом издании “Критики чистого разума”»¹⁶³². Рискну высказать предположение, что на это различие и преимущества в этом вопросе первого издания перед вторым Брюсову указал Фохт, который в это время штудировал Канта и, возможно, уже знал работу Когена «Kant's Theorie der Erfahrung», где Коген, вскрывая несостоятельность шопенгауэровской критики учения Канта о категориях, обращается прежде всего к первому изданию «Критики чистого разума»¹⁶³³. В своих рассуждениях о научном опыте Брюсов выступает как правоверный

¹⁶²⁸ Брюсов, Дневники, 75.

¹⁶²⁹ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 3. Ед. хр. 15. Л. 30. — Та самая тетрадь, на фронтисписе которой сохранилась запись домашнего адреса Фохта.

¹⁶³⁰ Брюсов, Письма, 801. Ср.: Андреева И.С., Гулыга А.В. Шопенгауэр. М., 2003. С. 237.

¹⁶³¹ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 4. Ед. хр. 30. Учебные университетские заметки по философии. Кант. [1890е гг.]. Л. 19. Начало раздела «Дедукция категорий по 2-му изд.». Лл. 11—18.: «Что такое опыт (Дедукция категорий по 1-му изд.)». Ср.: Брюсов, Письма, 801. Это мнение схоже с мнением Шопенгауэра, который признавал расхождения между изданиями «Критики» относительно этого раздела, но в основном лишь количественного характера, — Кант произвел сокращения, заметив противоречия в изложении, но тем самым все же не избежал «ошибок». См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск, 1999. С. 791.

¹⁶³² Брюсов, Письма, 798, прим. Брюсова. Категории, по Канту, суть «чистые рассудочные понятия», и их дедукции посвящена вся вторая глава первой книги в «Трансцендентальной аналитике». См.: Кант, КЧР, 172—181, 181—216, 699—719.

¹⁶³³ См.: Cohen, 1871, 165—182; 1885, 349—367.

кантианец, придает этому учению важное значение¹⁶³⁴, но в том, что касается веры, его взгляды напоминают учение А.И. Введенского о «вере, допускаемой критическим руссудком»¹⁶³⁵, которая позволяет сооружать какие угодно метафизические построения¹⁶³⁶... В 1900 г. появилось стихотворение Брюсова, продолжающее кантовскую тему и одновременно — тему письма к «Молодому философу»:

Мой разум! Ты стенами строгими
Мне все пределы заградил.
Напрасно разными дорогами
Стремлюсь я, до упадка сил.
Мои безумные видения
Законам подчиняешь ты,
И в темных безднах исступления
Проводишь прочные мосты¹⁶³⁷.

1899-м годом датирована дневниковая запись Брюсова с упоминанием о Фохте: «В конце февраля читал в обществе Фохта свою статью о Баратынском¹⁶³⁸. (Были Жураковский, г-жа Кильчевская и еще два-три)»¹⁶³⁹.

О том, что Фохт и Брюсов в 1897— 1900-х гг. принадлежали к одному интеллектуальному кругу, в жарких горнах которого «выплавлялись» символистские идеи и художественные теории Серебряного века, говорят и другие записи поэта: «Март, 29 <1899 г.>. Ходил сегодня к университету. Там бродят студенты. Идет речь о том, чтобы бить тех, кто вздумает держать экзамены. По пути встретил Фохта. Он просит позволения перевести на немецкий язык мою книгу “О искусстве”»¹⁶⁴⁰. «Сентябрь, 21 <1899 г.>. <...> Был еще у Викторова. <...> Фохт перевел на немец-

¹⁶³⁴ См.: Письмо № 95 «Экономическому материалисту» (Москва. Между 25 ноября и 6 декабря 1898 г.): «Все это ошибочное разграничение областей духа и материи: кажется ведь, что материи естественно иметь свойства, а духу нет. Ведь глупо? — Прочтите Канта о том, что такое опыт». (*Брюсов*, Письма, 806).

¹⁶³⁵ *Введенский*, О видах веры, 170—186. Опубликовано впервые в 1893 г. в «Вопросах философии и психологии», кн. 20. К сожалению, не известно, был ли Брюсов знаком с этой статьей.

¹⁶³⁶ См. «Очерк первый. 5.2».

¹⁶³⁷ Литературное наследство. Валерий Брюсов. Т. 85. С. 43.

¹⁶³⁸ В архиве Брюсова сохранилось несколько вариантов статьи «Мировоззрения Баратынского», относящихся к 1898—1900 гг. ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 41. Ед. хр. 18/1-2. Опубл. по рукописи, датированной октябрём 1898 г. См.: *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений в 7-ми т. Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. Т. VI. Статьи и рецензии 1893—1924. «Далекие и близкие». Ст. и составл. Д.Е. Максимова. Подгот. текстов и примеч. Д.Е. Максимова и Р.Е. Помирного. М., 1975. С. 35—42. Далее цитируется как Брюсов, Собр. соч. с указанием страниц.

¹⁶³⁹ *Брюсов*, Дневники, 77.

¹⁶⁴⁰ *Брюсов*, Дневники, 84.

кий язык мою книжку “О искусстве”, но своим переводом не доволен и поэтому не хочет издавать его»¹⁶⁴¹. Ту же мысль подтверждают обнаруженные в брюсовском архиве письма Викторова и Фохта, датированные следующим годом. В открытке от 22 марта 1900 г. Викторов сообщает Брюсову о своем визите к нему «в ближайшую пятницу» в «компании» «В.Ф. Саводника и Б.А. Фохта»¹⁶⁴². Ровно через неделю, 29 марта, Брюсов получил «открытое письмо» от Фохта, который просил Брюсова известить членов кружка об очередном заседании, назначенном «на четверг в 8 1/2 вечера», потому что сам не знает «ни одного адреса, кроме Викторовского». Фохт называет имена Саводника, Эйхенвальда¹⁶⁴³, Журавовского, Фриче и Когана¹⁶⁴⁴. А в открытке от 20 мая того же года Фохт напоминает Брюсову его «любезное обещание прислать <...> “римские колонии в стихах”», которые Фохту нужно было выучить наизусть к экзамену по латинскому языку¹⁶⁴⁵...

Несколько комментариев к этим фактам. 1899 год был для Фохта особенный, — он оканчивал последний курс на физико-математическом факультете, так что студенческие волнения могли отразиться непосредственно на его судьбе: перенос выпускных экзаменов в случае решения студентов об их бойкоте заставил бы отложить на год — а может быть и навсегда — поступление на историко-филологический факультет. То, что Фохт в этот момент думал прежде всего о своих литературных занятиях, говорит о многом: о том, как он был далек от химии и анатомии, возможно, выбранных им по примеру или по воле отца, профессора медицины; о том еще, что в тот период он был как никогда далек от политики; а также о том, что, возможно, именно Брюсов был тем человеком, который, по меньшей мере, поддерживал и укреплял интерес Фохта к философско-эстетическим проблемам современного искусства.

Вернемся, однако, к сообщению о переводе Фохтом книжки Брюсова «О искусстве», опубликованной в начале 1899 г. Ее перевод, по-видимому, так и не был издан, рукопись его утрачена.

¹⁶⁴¹ Брюсов, Дневники, 93.

¹⁶⁴² ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 80. Ед. хр. 11.

¹⁶⁴³ Видимо, имеется в виду Ю.И. Айхенвальд, литературовед. В окружении Брюсова был, однако, Н.А. Эйхенвальд, бывший его одноклассник, «разгульный» тип из компании «любителей кутежей». С ним Брюсов общался в конце 1880-х — начале 1890-х гг. См.: Станюкович В.К. Воспоминания о В.Я. Брюсове. Публик. Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 724.

¹⁶⁴⁴ ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 106. Ед. хр. 42. Л. 2.

¹⁶⁴⁵ Перечень колоний Римской империи, предназначенный для заучивания при изучении латинского языка. Видимо, существовал зарифмованный вариант этого реестра. См.: ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 106. Ед. хр. 42. Л. 1.

Между тем, интересен сам по себе факт увлеченности Фохта этой работой Брюсова. Может быть, Фохт увидел, что в ней Брюсов в своих размышлениях над Кантом «переоткрыл» некоторые «интенции» Шопенгауэра¹⁶⁴⁶: «Мир есть мое представление. Мне даны только мои мысли, мои ощущения, мои желания — ничего больше и никогда больше»¹⁶⁴⁷; «наука познает только свойства нашей мыслительной способности, ибо весь умопостигаемый мир только мое представление»¹⁶⁴⁸.

В окружении Фохта и Брюсова был, однако, человек, чрезвычайно увлеченный Шопенгауэром, — Ю.И. Айхенвальд. С ним Брюсов был знаком задолго до написания брошюры: по крайней мере, с февраля 1897 г.¹⁶⁴⁹ К тому времени Айхенвальд успел перевести на русский язык монографию Куно Фишера «Шопенгауэр» (М., 1896), и уж, наверное, Айхенвальд не преминул при случае изложить Брюсову основные идеи шопенгауэрианства и особенности его подхода к Канту. Позднее, в 1901–1910 гг., Айхенвальд предпримет издание полного собрания сочинений этого философа, для которого заново переведет главный труд «Мир как воля и представление» и приложение к нему — «Критика кантовской философии». В архиве Фохта обнаружился фрагмент (приблизительно треть) перевода на русский язык этого приложения, выполненный не рукой Фохта, но содержащий его правку. Трудно сейчас определить, кому принадлежал этот перевод — рукопись не подписана и не датирована. Можно предположить, что она относится к «брюсовскому» периоду жизни Фохта и сделана кем-то из их окружения...

Таким сложным путем развивались философские пристрастия Брюсова рубежа XIX и XX в.: отталкиваясь от Канта — к Спинозе и монадологии Лейбница, который нужен был Брюсову «для души»: «Каждый человек — отдельная определенная личность, которой вторично не будет. Люди различаются по самой сущности души; их сходство только внешнее. Чем больше становится кто сам собою, чем глубже начинает понимать сам себя, — яснее проступа-

¹⁶⁴⁶ С. К. Кульяс полагает, что кантовско-шопенгауэрианские мотивы в «О искусстве» ведут свое происхождение непосредственно от Канта (Кульяс С. К. О «кантианстве» раннего В. Я. Брюсова // Учебный материал по теории литературы: литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. [Сб. ст.]. Таллин, 1982. С. 18). С. И. Гиндин указывает, что, напр., четвертая глава «О искусстве» была написана еще до чтения «Мира как воли и представления» Шопенгауэра (Брюсов, Письма, 801, прим. 3).

¹⁶⁴⁷ Брюсов, Собр. соч., 52.

¹⁶⁴⁸ Брюсов, Собр. соч., 53.

¹⁶⁴⁹ Розанов, <Встречи с Брюсовым>, 763, 771. Весной 1897 г. на одном из писем Брюсов сделал запись: «Прочсть Шопенгауэра» (Брюсов, Письма, 790).

ют его самобытные черты» (О искусстве)¹⁶⁵⁰, от Лейбница — к Канту с вопросом о свободе и автономии личности, о творческом «я»: «Я у Канта есть некий априорный акт мысли, присущий во всех явлениях, и не существующий вне этого. Имеет ли я свою жизнь, останется ли оно, если отнять все явления, есть ли какие-либо основания, чтобы утверждать существование я личного, я противоположного обманному призраку личности в пантеизме?»¹⁶⁵¹, смягчая жесткость кантовской философской системы поэтическим «волюнтаризмом» Шопенгауэра: «Я укажу на одно решение загадки искусства, принадлежащее именно философу, которое — кажется мне — дает объяснение всем этим противоречиям. Это — ответ Шопенгауэра. <...> вырывая его угадывания из тесных оков его мысли, освобождая его учение о искусстве от совсем случайно опутавших его учений о “идеях”, посредниках между миром нуменов и феноменов, — мы получим простую и ясную истину: искусство есть постижение мира иными, не рассудочными путями. Искусство — то, что в других областях мы называем откровением. Создания искусства это — приотворенные двери в Вечность» (Ключи тайн, 1904)¹⁶⁵² — вплоть до спиритизма: «В наши дни везде провозвестники и указатели нового. В душе своей мы усматриваем, чего не замечали прежде: вот явления распадаения души, двойного зрения, внушения; вот воскресающие сокровенные учения средневековья (магия) и попытки сношений с невидимыми (спиритизм)»¹⁶⁵³, — и ницшеанства: «Нет низменных чувствований, и нет ложных. Что во мне есть, то истинно. Не человек — мера вещей, а мгновение. Истинно то, что признаю я, признаю теперь, сегодня, в это мгновение» (Истины. Начала и намеки, 1901)¹⁶⁵⁴, отталкиваясь от которого Брюсов приходит к рационализму и наукоцентризму, к так называемой «научной поэзии»: «Все искусство есть особый метод познания. Становясь на эту точку зрения, мы находим между наукой и искусством различие только в тех методах, какими они пользуются. Метод науки (говоря в общих терминах) — анализ; метод искусства — синтез. Наука путем сравнений, сопоставлений, соотношений пытается разложить явления мира на их составные элементы. Искусство путем аналогий жаждет связать элементы мира в некоторые целые. Наука, следовательно, дает те элементы, из которых творит

¹⁶⁵⁰ Брюсов, Собр. соч., 44–45. В «О искусстве» можно найти самые разные идейные влияния, прежде всего Л.Н. Толстого.

¹⁶⁵¹ Брюсов В.Я. Письма к М.В. Самыгину // Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Т. 98. Кн. 1. С. 391.

¹⁶⁵² Брюсов, Собр. соч., 91.

¹⁶⁵³ Брюсов, Собр. соч., 53–54.

¹⁶⁵⁴ Брюсов, Собр. соч., 61.

художник, и искусство начинается там, где наука останавливается» (Литературная жизнь Франции. Научная поэзия, 1909)¹⁶⁵⁵, — к идее, под которой охотно подписался бы любой неокантианец: «Мысль — вечный Агасфер, ей нельзя остановиться, у ее пути не может быть цели, ибо эта цель — самый путь»¹⁶⁵⁶.

И еще одна из самых важных идей Брюсова, отсылающая читателя непосредственно к Канту, — идея о «незаинтересованности» искусства, то есть о свободе искусства от практических целей, отказ от теории «искусства для искусства», равно как и от теории «утилитарного» искусства, утверждение автономии творчества художника. Мера искусства — полнота души художника, сила его индивидуальности, запечатленная средствами искусства. В брюсовском объявлении о подписке на журнал «Весы» на 1904 г. и в «Introduction» к № 1 значилось: «“Весы” отстаивают безусловную свободу художественного творчества». В своих многочисленных печатных выступлениях тех лет Брюсов стремился теоретически обосновать «независимость» искусства от общественной жизни. К неприемлемым для себя «утилитарным» требованиям, предъявляемым к искусству, Брюсов относил, однако, не только требование «общественной пользы», но и религиозные императивы и критерии. «Ты говоришь, — упрекает он, например, А. Белого в открытом письме к нему, — только о тех поэтах, в творчестве которых сказался Апокалипсис. Но, как хочешь, поэтов можно мерить только по достоинствам или недостаткам их поэзии, ни по чему другому» (В защиту от одной похвалы, 1905)¹⁶⁵⁷. Брюсов был возмущен «прорицаниями Вяч. Иванова о пророческой миссии символизма»¹⁶⁵⁸, требовал свободы искусству, о чем заявил в статье «О “речи рабской” в защиту поэзии» (1910) и сделал запись в своем дневнике: «<...> Вяч. Иванов читал в “Эстетике” доклад о символизме. Это основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал»¹⁶⁵⁹. Тезис о независимости искусства Брюсов обосновывал, в отличие от других теоретиков русского символизма (А. Белого, Эллиса, Вяч. Иванова), тем, что символизм — это не «миросозерцание», а «метод искусства», который его отличает от других видов постижения действительности, и в то же время больше, чем другие символисты, связывал его с принципом абсолютной свободы творческой личности.

Понятие *творчества* в широком смысле стало одним из важнейших, узловых понятий новой культурно-исторической эпохи.

¹⁶⁵⁵ Брюсов, Собр. соч., 174–175.

¹⁶⁵⁶ Брюсов, Собр. соч., 57. Ср.: 175.

¹⁶⁵⁷ Брюсов, Собр. соч., 101.

¹⁶⁵⁸ Гречишкин С.С., Котрелев Н.В., Лавров А.В. Переписка с Вячеславом Ивановым. [Вступ. ст.] // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 431.

¹⁶⁵⁹ Брюсов, Дневники, 162.

Представление о свободе творчества объединило в себе идеи о творческой индивидуальности как личности, противостоящей в своих творческих устремлениях косной массе, нетворческой толпе, способной лишь репродуцировать готовые образцы, стандарты, нормы: народные массы — хранители культуры, а отнюдь не преобразователи ее. В этом отношении творчество и его критерии выводились не только из области художественного или научного творчества, но также из религии и философии, нравственности и политики. К самой социальной практике также обращались с принципами и критериями творческой деятельности.

Тонко чувствуя обозначенные тенденции и поднимая на недосягаемую высоту идею индивидуальности и синтеза форм искусства и жизни, Андрей Белый приходит к выводу:

«Мы должны забыть настоящее: мы должны все снова пересоздать: для этого мы должны создать самих себя.

И единственная круча, по которой мы можем еще карабкаться, это мы сами.

На вершине нас ждет наше “я”

Вот ответ для художника: если он хочет остаться художником, не переставая быть человеком, он должен стать своей собственной художественной формой.

Только эта форма творчества еще сулит нам спасение.

Тут и лежит путь будущего искусства»¹⁶⁶⁰.

Во взглядах на понимание творчества символисты не были едины между собой. «Кларисты» и «мистики», в сущности, продолжили старый спор о назначении искусства. «Кларисты» (Брюсов, С. Маковский, Кузмин), как это очевидно из их названия, провозглашали право художественного творчества «быть абсолютно свободным от всякого подчинения всем прокламациям»¹⁶⁶¹, в том числе и религиозным; «мистики» (А. Белый, Вяч. Иванов, С. Соловьев) настаивали на «творчестве жизни», на особой цели искусства, которая заключается в «преобразовании всей жизни» и, прежде всего, «самих себя» благодаря заложенной в искусстве творческой силе, вдохновляемой религией¹⁶⁶². Но взгляды и тех и других совпадали в понимании революционного значения символизма в развитии российской культуры:

¹⁶⁶⁰ Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Су-гай. М., 1994. С. 144. Далее цитируется как *Белый*, СкМ с указанием страниц.

¹⁶⁶¹ Валентинов Н. Два года с символистами / Предисл. и примеч. Г. Струве. М., 2000. С. 263. Далее цитируется как *Валентинов* 2000 с указанием страниц.

¹⁶⁶² См.: Валентинов 2000, 204–208, 232–234, 262–264; Маковский, Портреты современников, 262–270.

«Мы – символисты – являемся якобинцами в русской литературе. <...> Террористическими ударами по головам мы освободили русскую поэзию и литературу от опутывающих ее всяких оков и полного погружения в тину бытового маразма. <...> Для искусства нет ничего запретного, оно абсолютно свободно, оно может заниматься решительно всем, что его интересует, – и адом, и раем, и в довершение к этой свободе символисты принесли новые формы художественного творчества, поднимающие его на высокую ступень совершенства»¹⁶⁶³.

В *творчестве*, понимаемом как свободная самореализация личности в ее новаторских, нетрадиционных исканиях, происходило сближение и взаимопроникновение трех компонентов эпохи «культурного взрыва»: искусства, философии и общественности. На *жизнь в целом* также смотрели сквозь призму творчества, что выражалось в словосочетании «искусство жить» и «жизнетворчество». В кругу символистов

«жили особой жизнью. <...> Здесь пытались претворить искусство в действительность, а действительность в искусство. События жизненные, в связи с неясностью, шаткостью линий, которыми для этих людей очерчивалась реальность, никогда не переживались как *только* и *просто* жизненные; они тотчас становились частью внутреннего мира и частью творчества. Обратное: написанное кем бы то ни было становилось реальным, жизненным событием для всех. Таким образом, и действительность, и литература создавались как бы общими, порою враждующими, но и во вражде соединенными силами всех, попавших в эту необычайную жизнь, в это “символическое измерение” То был, кажется, подлинный случай коллективного творчества»¹⁶⁶⁴.

Это не означает, что символисты, например, Белый и Эллис, рассматривали само творчество как коллективный труд, как совместное «думание»: «<...> отрицательное отношение питаем мы к так называемой проповеди “*соборного действия*” <...> потому, что возможность коллективного “*религиозного действия*” там, где немислимо даже коллективное созерцание, более, чем немислима». Сущность «*истинного символизма*» они полагали в «свободной, творческой работе высшего познания», форма которого «*неизбежна и всегда аристократична и индивидуалистична*»¹⁶⁶⁵, что, однако, не мешало Белому пропагандировать «мистерийность» искусства,

¹⁶⁶³ Валентинов, 262, 264.

¹⁶⁶⁴ Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. С. 9.

¹⁶⁶⁵ Эллис, 29.

прежде всего драмы, которая, поскольку «вышла из мистерии», «неминуемо сходит со сцены и распространяется в жизнь»¹⁶⁶⁶.

Даже Брюсов, активно выступавший за «независимость» искусства, в 1905 г. требовал, тем не менее, «от поэта, чтобы он неустанно приносил свои “священные жертвы” не только стихами, но каждым часом своей жизни, каждым чувством <...>. Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь. Пусть хранит он алтарный пламень неугасимым, как огонь Весты, пусть разожжет его в великий костер, не боясь, что на нем сгорит его жизнь. На алтарь нашего божества мы бросаем самих себя»¹⁶⁶⁷. Во многом это было связано с представлением о революции — не только в искусстве, но и в обществе, в жизни в целом: революционная деятельность, революционное восстание также трактовалось Серебряным веком в категориях искусства¹⁶⁶⁸.

Романтико-символистский феномен экзистенциальной гиперболизации художественного творчества с неизбежностью возвращает нас к своим истокам, в лабиринты кантовской мысли¹⁶⁶⁹. Неисторичная интерпретация немецким романтизмом кантовской автономии разума произвела на свет особый феномен — «самонепонимание», то есть особое представление о самом себе как чистой самопродуктивной спонтанности *ex nihilo*, побуждавшей человека прожить свою жизнь так, «как если бы жизнь была произведением искусства»¹⁶⁷⁰. Мыслителем, философски обосновавшим эту теоретико-экзистенциальную ситуацию, был Новалис, не только непосредственно связавший романтизм с философией Фихте, полагая, что «романтизация» и «фихтезация» (*Fichtisi(e)ren*)¹⁶⁷¹ — одно

¹⁶⁶⁶ Белый, СКМ, 105.

¹⁶⁶⁷ Брюсов В.Я. Священная жертва // Брюсов, Собр. соч., 99.

¹⁶⁶⁸ Ср.: «Революция начинается в духе; в ней мы видим восстание на материальную плоть; выявление духовного облика наступает позднее; в революции экономических и правовых отношений мы видим последствия революционно-духовной волны; в пламенном энтузиазме она начинается; ее окончание — опять-таки в духе: в семицветной заре, восстающей из брызг: в романтической, тихой, сияющей радуге новорожденной культуры». (Белый А. Революция и культура // Белый, СКМ, 297).

¹⁶⁶⁹ См.: *Jesus P. de. Kant's Homo Educandus: Enlightenment as Educational Project* // Философский век. Альманах. Вып. 30. Т. 3. История университетского образования в России и международные традиции Просвещения. СПб, 2005. С. 121.

¹⁶⁷⁰ *Arendt H. Rahel Varnhagen: The Life of a Jewess*. London, 1957. P. XI.

¹⁶⁷¹ «Пожалуй, нет ничего невозможного в том, чтобы Фихте оказался изобретателем совершенно нового способа мыслить, для которого в языке еще нет названия. Изобретатель, наверно, не самый искусный и чуткий исполнитель на изобретенном им инструменте, — да я и не говорю, что так должно быть. — Но вполне вероятно, что найдутся гораздо лучшие фихтеанцы (*Fichtisieren werden*), чем сам Фихте. Тут могут возникнуть *восхитительные произведения искусства*, если только кто-нибудь займется фихтезацией (*Fichtisieren*) с точки зрения искусства (*artistisch*). См.: *Novalis. Schriften. Bd. 2: Das philosophische Werk I*. Stuttgart, 1981. S. 524.

и то же, но одновременно настаивавший на необходимости само-поэтики: «Начало Я исключительно идеально (*idealisches*). — Если бы оно [Я] имело начало, ему бы так и следовало начинаться. Начало — это уже будущее понятие. Начало возникает позднее, чем Я, поэтому у Я не может быть начала. Отсюда видно, что мы здесь оказались в области *искусства*, но эта *искусственная* предпосылка — основание некоей настоящей науки, которая постепенно складывается из *фактов искусства* (*künstlichen Factis*). Я должно быть сконструировано. <...> *Естественная история* Я есть ничто, Я — неприродный продукт — не-природа — неисторическое существо, но — эстетическое (*artistisches*) — некое искусство (*Kunst*) — произведение искусства»¹⁶⁷². Жизнь как произведение искусства — это именно то совпадение полного неведения с мыслительными построениями, сотканными из иллюзий, что в парадигмальном случае Рахель Варнгаген, описанном Ханной Арендт, привело к отказу от себя, отрицанию и лжи — потере уважения к себе, самому ужасному, что, по Канту, может произойти с человеком.

Надо сказать, что этому «увлечению» жизнью как произведением искусства отдали дань в той или иной степени все символисты и даже некоторые неокантианцы. Одним из наиболее ярких «гениев жизни» был Андрей Белый, отношения с которым и со своей возлюбленной Ниной Петровской Валерий Брюсов строил параллельно с *построением* сюжета «Огненного ангела» (опубл.: 1907–1909)¹⁶⁷³...

2. Андрей Белый

В истории культуры по вопросу о *философских* корнях русского символизма, начиная с работ В.Ф. Асмуса, бытует мнение, что его основные источники — это, во-первых, «учение мистика Владимира Соловьева, в особенности его мысль о “теургической” роли художника» и, во-вторых (для Андрея Белого), «учение неокантианцев, в особенности неокантианская критика науки как знания, способного отражать действительность в своих понятиях», то есть «идеи фрайбургской школы неокантианства», в особенности теория познания — Г. Риккерта и эстетиков его школы¹⁶⁷⁴. Есть и дру-

¹⁶⁷² Novalis. Schriften. Bd. 3: Das philosophische Werk II. Stuttgart, 1981. S. 253.

¹⁶⁷³ Гречишкин С.С., Лавров А.В. Переписка с Андреем Белым. [Вступ. ст.] // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 339. Ср.: Белый, Начало века, 313–314.

¹⁶⁷⁴ Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. Сборник статей. М., 1968. С. 568–570.

гая точка зрения, согласно которой «отнесение Белого к “риккертианству” (равно как и к любой другой философской доктрине) неправомерно и бесплодно», поскольку «наряду с пронизательными замечаниями и яркими прозрениями статьи его “неокантианского” периода характеризуются эклектизмом, поверхностным жонглированием терминологией и цитатами»¹⁶⁷⁵. Как ни странно, но обе эти точки зрения верны: учение Риккерта действительно имело большое значение для формулирования Белым его концепции символизма, и действительно взгляды самого Белого страдали непоследовательностью и эклектичностью. На этом можно было бы поставить точку, если бы не одно существенное, на мой взгляд, дополнение, внесенное в эту историю присутствием в ней Б.А. Фохта.

Они были знакомы с ранней юности — Борис Бугаев гимназистом бывал в доме у Фохтов¹⁶⁷⁶.

В своей внешней канве история их взаимоотношений выглядит примерно так: в юности недолго любили друг друга — Андрей Белый в одном из своих ранних произведений — в «Симфонии (2-ой, драматической)» (1901) — нарисовал пародийный образ сумасшедшего философа-кантианца, внешне списанный с Фохта¹⁶⁷⁷; Фохт обиделся¹⁶⁷⁸. Потом подружились — в сентябре 1904 г. Андрей Белый поступил на историко-филологический факультет Московского университета, «имея намерение специализироваться в философии»¹⁶⁷⁹, «руководителем выбрал: Б. Фохта»¹⁶⁸⁰. Много лет спустя Белый писал о Фохте: «...великолепнейший умница и педагог <...> я, уважая его и любясь трясущейся яростью, к “декадентам”, к нам, обращенной, силился с ним завязать разговор: увидав интерес к критицизму во мне, он изменился; в двух фразах, случайно бросаемых, после в беседах мозги мои “вывихнутые”, по его мнению, “ввихнул” в Канта он; <...> трогала зоркость Фохта к логическим сальто-мортале в мозгах его паствы»¹⁶⁸¹. В 1906 г. Эллис, скорее всего по совету Белого, обдумывал возможность

¹⁶⁷⁵ Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/I, 39.

¹⁶⁷⁶ «У Фохтов я познакомился с Фондаминским, еще гимназистом». См.: Белый, Начало века, 504. Не совсем понятно, кого имеет в виду Белый под гимназистом — себя или Фондаминского. Это, между тем, не принципиальный вопрос, поскольку Илья Фондаминский (Бунаков) и Андрей Белый были ровесниками (1880 г. рожд.) и, по-видимому, одновременно окончили гимназию — в 1899 г. Известно, что по крайней мере с зимнего семестра 1900/01 г. Фондаминский уже учился в Германии. (См.: Зензинов 1953, 83).

¹⁶⁷⁷ Белый, Кубок метелей, 89—114.

¹⁶⁷⁸ Белый, Начало века, 54.

¹⁶⁷⁹ Белый, СкМ, 438.

¹⁶⁸⁰ Белый, Начало века, 363.

¹⁶⁸¹ Белый, 384—385.

участия Фохта и его друга-неокантианца В.А. Савальского в планируемых сборниках «Арго»¹⁶⁸². Ученичество Белого у Фохта закончилось, по-видимому, в 1909 г. Осенью 1907 г. Андрей Белый еще изучал «Kants Theorie der Erfahrung» Германа Когена, продолжая пользоваться советами Б.А. Фохта¹⁶⁸³, в 1908 г. Белый посвятил своему философскому наставнику два стихотворения — «Премудрость» и «Мой друг»¹⁶⁸⁴:

Когда над восковым челом
Волос каштановая грива
Волнуется под ветерком,
Взъерошивши ее, игриво
На робкий роковой вопрос
Ответствует философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... — метод¹⁶⁸⁵.

Фохт и Белый идейно разошлись из-за увлечения Белого антропософией Рудольфа Штейнера в 1910-х годах. Белый вспоминал: «Фохт, меня ненавидевший в юности, после помогший учиться, теперь стал вдали: ни вражды, ни сочувствия»¹⁶⁸⁶. Уже в советское время общий знакомый, Алексей Владимирович Чичерин, предложил им возобновить общение: «Поэт по адресу философа рассыпался фейерверками восторгов». Назначили встречу. «Учитель был очень доволен и тронут, он явился в условленное время. Но ученик, видимо, об этом свидании забыл»¹⁶⁸⁷...

При всей важности биографических перипетий для понимания духовного становления мыслителя — в данном случае это верно и в отношении ученика (Белого), и в отношении учителя (Фохта) — имеет значение другое: фигура Б.А. Фохта и философия марбургского неокантианства, которую он вдохновенно пропагандировал, оказали основополагающее влияние на формирование теории символизма Андрея Белого в целом¹⁶⁸⁸. Это утверждение может показаться слишком категоричным или преувеличенным, — я попытаюсь здесь показать его обоснованность.

¹⁶⁸² Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 128.

¹⁶⁸³ Белый, Между двух революций, 524–525.

¹⁶⁸⁴ Белый А. Собрание стихотворений 1914 / Публ. и комм. А.В. Лаврова. М., 1997. С. 248–249, 251–252.

¹⁶⁸⁵ Белый, Собрание стихотворений, 251.

¹⁶⁸⁶ Белый, Между двух революций, 280.

¹⁶⁸⁷ Чичерин, Сила поэтического слова, 267.

¹⁶⁸⁸ Ср.: «Самым значительным эпизодом нового студенчества оказалось для него [для Белого] знакомство с молодым философом-когенианцем Б.А. Фохтом, который пробудил в нем пристальный интерес к неокантианству». (Лавров, Андрей Белый в 1900-е годы, 164–165).

Известно, что Андрей Белый с самого начала своей работы над теорией символизма искал для нее авторитетные философские основания. Вот что он писал об этом: «...философия Владимира Соловьева казалась мне отвлеченно-метафизической и не основанной на подлинном гносеологическом анализе; в Соловьеве меня привлекал дух прозрения, мистики, интуиции; к неокантианству меня влек рассудок; и я с увлечением продолжал изучение кантианской литературы; руководитель студентов, приверженных Канту, Б.А. Фохт, дал очень мне много своими прекрасными указаниями, советами и разъяснением некоторых для меня спорных пунктов кантианской литературы»¹⁶⁸⁹.

К необходимости серьезных занятий философией Белый пришел не сразу. Одним из стимулов к изучению кантовской системы и ее развития в неокантианстве стал, по-видимому, следующий случай. В ноябре 1902 г. на заседании в университетском Историко-филологическом обществе Борис Фохт разгромил реферат Бориса Бугаева (Андрея Белого) «О формах искусства», о чем сохранилось свидетельство самого Андрея Белого. Доклад вызвал в академической среде настоящий скандал: князь С.Н. Трубецкой и проф. Л.М. Лопатин отказались на нем председательствовать, их заменил приват-доцент В.Д. Виктор¹⁶⁹⁰. Диспут, в котором «принимали участие: Кубицкий, Эрн, Фохт, Борис Койранский и Топорков»¹⁶⁹¹, произвел на поэта большое впечатление. Спустя три месяца Борис Николаевич со всей свойственной ему эмоциональностью описывал в письме к Эмилию Карловичу Метнеру «забавную историю» со своим рефератом: «Тут вышла такая история. Я рассматривал формы *как таковые*, т. е. на первой стадии, иногда выкрикивая в виде риторических отступлений из области символизма (третьей стадии). Я обошел вторую стадию, т. е. *гносеологический аллегоризм* Канта. В некоторых мыслях при выкрикивании из области 3-ей стадии я упомянул о *нуменальном*, причем поставил этот термин в кавычках, ибо пользовался им условно; повторяю — центр реферата был на *первой стадии*. Я забыл при этом поставить всего две частицы: “как бы” нуменальное и поставил просто “*нуменальное*” Дурачки-Кантыя во главе с Фохтом уличили меня в незнании термина, употребленного Кантом!! А?! Тщетно я объяснял *тресмысленность* этого не существенного для

¹⁶⁸⁹ Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке / Под ред. В.М. Пискунова. М., 1995. С. 130.

¹⁶⁹⁰ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903 — 1919. Публ., предисл. и комм. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 17, 28—29 комм.

¹⁶⁹¹ Белый А. Материал к биографии (интимный). 1923. РГАЛИ. Приводится по: Zink A. Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietches und der Neukantianer. München, 1998. S. 19. далее цитируется как Zink 1998 с указанием страниц.

целого места — они ничего не поняли и свели мой реферат ко второй, аллегорической, т. е. *гносеологической* стадии, рассматривая его именно только с этой, единственно им доступной, стадии. <...> (реферат с выбросом некоторых мест напечатан в № 2 “Мир искусства”¹⁶⁹²) <...> Вот что происходит, когда мистик и декадент вступает в сношения со студентами!!»¹⁶⁹³. Спустя годы, Белый признавался: «Фохт так потрепал меня, ловя на незнании деталей неокантианских подходов к понятию форма. Самолюбие мое было задето; я решил твердо: — преодолеть Кантианскую схоластику: специально заняться Кантом»¹⁶⁹⁴.

В опубликованном реферате есть место, где Белый сам комментирует особенность применения в нем термина «нуменальное»: «Выражаясь кантовским языком — всякое искусство, исходя из феноменального, углубляется в “нуменальное” 1) — [Прим.:] 1) Оговариваюсь: я употребляю термин “нуменальное” не в специфически кантовском смысле»¹⁶⁹⁵, чем в действительности подтверждает обоснованность неокантианской критики Фохта и Кубицкого, выступивших в прениях по докладу, — Белый не понимал тогда всей глубины и тонкости этого кантовского понятия, работа была написана под влиянием идей Шопенгауэра и Ницше: «<...> отсеченность *нуменального* как вневременно-внепространственного создает весь тот ужас, зной без исхода Кантовской философии, понимаемой формально, т. е. логически. Вы понимаете — тут крышка, грозно нависающая — в этих априорных формах познания, не высвеченных символом. <...> при логических формах (аллегориях) оставаться нельзя еще и потому, что ведь помимо *ужаса гробовой крышки* — *кантовского ужаса* в истории философии дан теоретический выход отсюда еще Шопенгауэром, который различием форм познания мыслящего от открытого (интеллектуального) обосновал и представил для потомства право пользоваться так называемым “*психологическим*»

¹⁶⁹² Бугаев Б. Формы искусства // Мир искусства. 1902. № 12. Т. 8. С. 343–361. Перепеч. с некоторыми изменениями: Белый А. Символизм. М., 1910. С. 147–174; Белый, СкМ, 90–105. Далее цитируется по первому изданию.

¹⁶⁹³ ОР РГБ. Ф. 167. Карт. № 1. Ед. хр. № 9. Л. 2 об. Письмо Б.Н. Бугаева к Э.К. Метнеру от 14 февраля 1903 г. Далее цитируется как Белый, Письмо к Метнеру с указанием страниц.

¹⁶⁹⁴ Белый, Материал к биографии (1923). Приводится по: Zink 1998, 19. Позднее в своих воспоминаниях (1929) Белый несколько затушевал причины «скандала»: «<...> скандал в метафизическом семействе студентов, сгруппированных под Лопатиным и [С.Н.] Трубецким, — скандал двоякий: 1) появление “декадента” на кафедре, 2) проповедь эмпирики и индукции там, где господствует метафизический “нормативизм”». См.: Белый, На рубеже двух столетий, 384.

¹⁶⁹⁵ Бугаев, Формы искусства, 347. Это примечание исчезло в последующих изданиях.

методом” — выдал патент на него. Ницше этим пользуется с правом. Ницше не философ, но он *и философ*, ибо *и теоретически* кровно связан с Шопенгауэром — этим достойным представителем Канта. Ницше связан с Кантом. Да. Это так»¹⁶⁹⁶.

К сожалению «выброс», произведенный Белым при публикации, коснулся как раз рассуждения о *стадиях символизма*, или стадиях в развитии форм искусства. В том же письме к Э.К. Метнеру он, однако, изгалает эту идею применительно к «теософии» и говорит о *четырех* стадиях: «1) как таковая, 2) как аллегория, 3) как символ, 4) как воплощение, т. е. опять-таки *как таковое*, но иного, истинной реальности»¹⁶⁹⁷.

Однако, спустя несколько лет в своей статье «Метод символизма» (1907) Белый отчетливо формулирует мысли, когда-то путано высказанные в злосчастном реферате, — в идейной выстроенности, четкой и почти что строгой, чувствуются «уроки», полученные у Фохта — не его идейное влияние, но понятийная проработанность, которой учил Фохт: «<...> если в той или иной школе искусства мы отправляемся от методологического результата к опознанию метода, в символизме отправляемся мы от самой энергии творчества, приводящей нас к тому или иному методу отношения. <...> Источник творчества — энергия переживания <...> Единство психических деятельностей — чувствования, воления, мышления — должно содержаться в живом образе-модели, который и есть творческий символ»¹⁶⁹⁸. Здесь-то Белый и раскрывает значение заявленных в реферате *стадий символизма*, или, как он теперь выражается, «трехсмысленный смысл» символа: «1) символ как образ видимости, возбуждающий наши эмоции конкретностью его черт, которые нам заведомы в окружающей действительности», или «образ (плоть)»; «2) символ как аллегория, выражающая идейный смысл образа: философский, религиозный, общественный», или «идея (слово)»; «3) символ как призыв к творчеству жизни», или «живая связь, предопределяющая и идею, и образ (слово, ставшее плотью)». «Но символический образ есть ни то, ни другое, ни третье. Он — живая цельность переживаемого содержания сознания. <...> Способ отношения каждого из членов формулы друг к другу создает разнообразие методов символического творчества»¹⁶⁹⁹.

Развитие этих идей позднее привело Белого к формулированию основных положений *критики символизма* — «я даю негатив-

¹⁶⁹⁶ Белый, Письмо к Метнеру, 1 об.—2.

¹⁶⁹⁷ Белый, Письмо к Метнеру, 1.

¹⁶⁹⁸ Белый А. Метод символизма // Русский артист. 1907. № 10. С. 146.

¹⁶⁹⁹ Там же.

ное обоснование доктрины символизма»¹⁷⁰⁰, — или так называемых «предпосылок теории символизма», изложенных в «Эмблематике смысла» (1909), статье, которая стала центральной в книге «Символизм» (М., 1910). Как на один из многочисленных примеров произошедших изменений в теоретических взглядах Белого можно указать на замену во втором издании «Форм искусства» в выражении «нуменальный характер музыки» термина «нуменальный» на «эмблематический». Под *эмблемой* Белый понимает «монограмму чистого воображения, соединяющего образы творчества в систему; посредством эмблемы идеи разума становятся мыслимыми в чувственных образах»¹⁷⁰¹, то есть эмблема, по Белому, это аналог кантовского понятия «*схемы*» или, другими словами, это схема в применении не к чистым рассудочным понятиям, а к идеям разума. Отсюда — изменения содержательного характера в тексте о формах искусства: «Глубина музыки и отсутствие в ней внешней действительности наводят на мысль о [нуменальном] эмблематическом характере музыки, объясняющей тайну движения, тайну бытия»¹⁷⁰²...

Еще до начала занятий под руководством Фохта (сентябрь 1904 г.)¹⁷⁰³ Белый со всей определенностью сформулировал тезис «символизм плюс критицизм» (февраль 1904)¹⁷⁰⁴: «Критицизм — призма, разбивающая свет души на радужные краски. Символизм — обратно поставленная призма, опять собирающая эти радужные краски. Символизм без критицизма и критицизм без символизма охватывали бы мир однобоко»¹⁷⁰⁵. «Символизм, рождаемый критицизмом, в противоположность последнему, становится жизненным методом, одинаково отличаясь и от догматического эмпиризма, и от отвлеченного критицизма преодолением того и другого»¹⁷⁰⁶. Отношение к самому Канту также меняется: «Если в настоящую минуту возможно говорить об *освобождении духа от вековых кошмаров*, то, конечно, этим мы обязаны Канту. <...> мы — символисты — считаем себя *через Шопенгауэра и Ницше* законными детьми великого Кенигсбергского философа»¹⁷⁰⁷ [курсив мой. — Н.Д.].

¹⁷⁰⁰ Белый, Теория символизма/І, 43.

¹⁷⁰¹ Белый А. Эмблематика смысла (1909) // Белый, СкМ, 88.

¹⁷⁰² Бугаев, Формы искусства, 359; Белый, СкМ, 103.

¹⁷⁰³ Белый, Материал к биографии (1923). Фрагмент приводится по: Белый, Воспоминания о Блоке, 470 (прим.).

¹⁷⁰⁴ Белый, СкМ, 433.

¹⁷⁰⁵ Белый А. Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта // Кант: pro et contra, 555.

¹⁷⁰⁶ Белый, Критицизм и символизм, 563.

¹⁷⁰⁷ Белый, Критицизм и символизм, 555–556. Ср. с соответствующими выражениями цитированного выше письма к Э.К. Метнеру (Л. 106–2).

Реакция в обществе на эти ранние попытки Белого, а также других символистов, в том числе Брюсова, дать философское обоснование символизма была самая разная. Среди русских неокантианцев были те, кто, вдохновляясь художественными достижениями символизма, безжалостно критиковал философский дилетантизм и легкомыслие символистов, проявляемое в отношении к философии, тем самым заставляя их все больше времени посвящать теоретико-познавательным штудиям. Одним из таких «погруженных в ситуацию» критиков ранней «философии» символизма был близкий неокантианству философ Е.Л. Габрилович, выступавший в публицистических статьях под псевдонимом Леонид Галич¹⁷⁰⁸.

Галич с энтузиазмом приветствует бесспорные успехи символизма в области живописи и литературы, в создании собственной художественной школы. Русский символизм — это «едва ли не единственный уголок, где светится живая литературность и веет свежестью мысли»¹⁷⁰⁹. Он также «с благодарной радостью» признает, «что именно в кружках символистов в измельчавшее и бескрылое время проснулся вкус к мысли. “При свете совести” Минского — странная, но яркая книга — предварила лет на пятнадцать метафизику Бердяевых и Булгаковых. И вдобавок, “меонизм” Минского не наваян учебником Виндельбанда, а горит свежими красками самобытного, хотя и капризного творчества»¹⁷¹⁰.

В желании символистов «раздвинуть тесные очертания литературной программы» и создать свою философскую концепцию, конечно, нет ничего плохого, уверен Галич, поскольку «движение, окрыленное философией, может только выиграть в полнотворности»¹⁷¹¹. Все зависит от того, какой будет эта философия. «Новое исповедание символистов притязает — говоря по-церковному — на “кафоличность” всеобъемлющей философии», на «создание *катехизиса*»¹⁷¹². Диагноз такому философствованию Галич ставит сразу и без обиняков: «“Религия” символистов, которая теперь вылилась в вполне определенное правоверие, не радует, а скорее печалит. В ней нет задатков развития. Это ветвь, заранее обреченная. Чем скорей она засохнет, тем лучше»¹⁷¹³.

Главная причина «болезни» символистов — «неискренность и несерьезность мышления. Привычка думать словами, — быть

¹⁷⁰⁸ Позволю себе широко процитировать здесь этот малоизвестный, но чрезвычайно интересный текст.

¹⁷⁰⁹ Галич Л. Катехизис русского символизма // Театр и искусство. 1904. № 38. С. 678. Далее цитируется как Галич, Катехизис с указанием страниц.

¹⁷¹⁰ Галич, Катехизис, 679.

¹⁷¹¹ Галич, Катехизис, 678.

¹⁷¹² Там же.

¹⁷¹³ Галич, Катехизис, 679.

может, необходимая для того, чтобы сделать гибкой и выразительной нашу тусклую и неуклюжую речь, — не может не отомстить за себя. Возникают словесные построения, которые внутри пусты. Под яркой и блестящей одеждой, под словами, нагроможденными на слова, укрывается даже не заблуждение, а просто-напросто отсутствие мысли. При этом велеречивые отвлеченности, написанные с большой буквы, — Вечность, Беспредельность, Безвременность — играют роль межевых вех, которым предупредительно отграничено гладкое пустопорожнее место»¹⁷¹⁴. Галич не винит «мыслителей символизма», поскольку понимает, что «есть особая затягивающая прелесть в красивом сочетании слов, несоединимых в определенную мысль, но вызывающих в многострунной душе предварение, предчувствие мысли. Неудивительно, что художники и поэты наслаждаются переливами этих чувств и легко склоняются к выводу, что к такой игре переливами и сводится назначение философии. Где истинный, серьезный философ старается освободиться от слов, чтобы схватить голую мысль, там символисты, не думая, говорят, наслаждаясь ореолами настроений, мерцающих над странною речью с темным и ничтожным значеньем. И получаются красивые фразы, которые, переведенные в мысль, красноречиво превращаются в ноль»¹⁷¹⁵.

В то же время Галич сразу указывает на Канта — философа, давшего символистам *основу* для их «катехизиса» — «учение о *двояком познании*», как оно раскрывается Брюсовым: «Искусство <...> познает без помощи разума, стесненного в размахе своем устройством человеческой мысли, — пространством, временем, логикой. Наука познает не действительность, а только беглый мираж, порожденный в нашей душе непостижимой вещью в себе». И тут же замечает, что «Брюсов не цитирует Канта. Но он его знает»¹⁷¹⁶, в отличие от Белого, который, хотя и озаглавил свою статью «Критицизм и символизм», и «посвятил ее памяти Канта», знает Канта «лишь со слов Шопенгауэра»¹⁷¹⁷. «Символисты и их предтеча, Волынский, — очень нежно относятся к Канту. Они видят в нем отца. “Мы дети его”, — восклицает Белый. Но глубокомысленный кенигсбергский педант никогда не забавлялся словами. “Познавать без помощи разума” для него означало то же самое, как “выковывать деревянное железо” или “вычерчивать треугольный пятиугольник”»¹⁷¹⁸.

¹⁷¹⁴ Там же.

¹⁷¹⁵ Там же.

¹⁷¹⁶ Там же.

¹⁷¹⁷ Галич, Катехизис, 680.

¹⁷¹⁸ Там же.

Далее Галич критически рассматривает выдвинутые Брюсовым теоретические положения и предлагает свой вариант *философско-го обоснования символизма*:

«Насколько я понял Брюсова, роль которого, как теоретика символизма, обозначилась достаточно ярко, символисты разделяют познание на *понимание* и вдохновенное *созерцание*. Понимание – удел философии, созерцание – привилегия творчества. Мысль правдивая, но нисколько не новая. Нова только претензия, что искусство созерцает не мир, каким он представляется человеку, а “вещь в себе”, сущность природы. Ссылка на Шопенгауэра неудачна. Как известно, по учению Шопенгауэра, художник созерцает “идеи», но эти созерцаемые идеи – отнюдь не сущность вещей, лежащая вне разума человека, а просто совершенные образцы, в которых осязательно воплощается общий смысл отдельных предметов.

В единичности случайного впечатления художник видит “идею”, т. е. связь этого впечатления с бесконечной пестротой однородного. В случайной смерти от тифа он видит неразумность судьбы, в пляске листьев, подгоняемых ветром по дорожкам опустелого парка, – неизбежность и тоску увядания, в стремительной мелодии марша – готовность на борьбу и смерть.

Образец становится символом – единичным осязаемым представителем бесчисленного множества фактов. В случайной смерти от тифа, описанной великим художником, мы увидим не личную катастрофу, а великую трагедию человечества, которая в действительной жизни дробится на бесконечную пестроту частных обособленных драм, но здесь, в собрании гения, вбирается во всей полноте в единый потрясающий образ. Какова же цель творчества, как не та, чтобы в отдельном и частном заставить *ощутить* родовое, в эпизоде личной судьбы – великую судьбу мира?

Мне скажут, что искание родового есть также и задача науки. Но при этом забывается разница. Наука объединяет разнообразие в отвлеченности бесцветных понятий. Последние не могут быть созерцаемы. Они только мыслятся. В искусстве же объединение разнородного совершается в наглядных картинах, в конкретных чувственных образах. Вся задача истинного художника – нарисовать такую картину, которая, вступая в сознание, привлекала бы к себе, как магнит, все однородное, что дремлет в душе. Чем сильнее эта мощь притяжения, тем глубже внутренний смысл, тем шире круг бытия, символизуемый картиной художника.

Таинственный процесс созерцания, о котором говорят символисты, ни к чему иному не сводится, как именно к всплыванию представлений, притягиваемых художественным произведением. Очевидно, что подобный процесс не может выводить человека за грань

возможного опыта. Совершается не “Сокровляемость необъемно-го”, а смысл реальных явлений, как символов всеобщих начал, управляющих существованием человека...

Говоря о сверх-разумном познании, будто бы сокрытом в искусстве, символисты устремляются в пустоту. Вне разума познания не бывает. Если вынуть из души человека все то, что создается умом, то останутся одни ощущения – смутный хаос бесформенных элементов, ничем не связанных в целое. Ведь даже узнавание ощущений и различение их одно от другого относится к работе рассудка. Искусство далеко от познания, тем дальше, чем оно чище. Созерцающая художественные “идеи”, мы отнюдь не познаем отношения, а следим за вереницами представлений, тяготеющих, как струи водоворота, к одному общему центру. Только тот, кто мыслит словами, может видеть в этом процессе познание “абсолютного духа”, “Божества”, “Нумена”, “Бесконечного”

Я желаю символизму успехов, когда он освобождает искусство от условных и стеснительных форм. Но когда он превращается в веру, враждебную серьезности знания, в дилетантскую философию болтунов – он становится опасной отравой и с ним надо бороться»¹⁷¹⁹.

Судя по всему, Белый оценил серьезность и справедливость критики, выдвинутой против него Фохтом и Галичем, и потому в продолжение нескольких лет прилежно занимается изучением философии Канта и неокантианцев как Марбургской, так и Баденской школы¹⁷²⁰. С осени 1904 по 1908 г. Белый публикует целый ряд рецензий на книги (нео)кантианцев: Челпанова и Виндельбанда¹⁷²¹, Форлендера¹⁷²², Христиансена¹⁷²³.

Этот период стал для Белого временем самоосознания себя как художника: размышления над своим предназначением, над проблемой самооценности, попытки «объединить необъединимое»,

¹⁷¹⁹ Там же.

¹⁷²⁰ См. подробнее: Zink 1998, 17–92 (Кант), 93–131 (Риккерт); Сиклари А.Д. Неокантизм в мышлении Белого // Andrej Belyj. Pro et Contra. Atti del I Simposio Internazionale Andrej Belyj. Bergamo, 1986. С. 75–85.

¹⁷²¹ Белый А. (Бугаев Б.Н.) [Рец.:] Две замечательные книги. (О книге Челпанова «Проблема восприятия пространства. Часть 1-я». 1897 г. и о переводе сб. статей Виндельбанда «Прелюдии») // Весы. 1904. № 12. С. 32–38; Белый А. (Дельта) [Рец.:] В. Виндельбанд. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Пер. с нем. Т. 2. От Канта до Ницше. Спб., 1905 // Весы. 1906. № 2. С. 75–76.

¹⁷²² Белый А. [Рец.:] Карл Форлендер. Неокантианское движение в социализме. М., 1907 // Перевал. 1907. № 5. С. 56–57.

¹⁷²³ Белый А. (Бугаев Б.Н.) [Рец.:] Д-р Бродер Христиансен. Психология и теория познания. Пер. с нем. Е.И. Боричевского, под ред. Б.А. Фохта. М., 1907 // Весы. 1908. № 4. С. 54–56.

нашедшие выражение в интеллектуальных (философия / Кант / Фохт — символизм / Вл. Соловьев / Брюсов)¹⁷²⁴ и экзистенциальных (Я и Другие — студенты, профессора, революционеры, символисты, современное общество) метафорах «ножниц» и «бомбы». Эти размышления и искания привели к формированию образа *poeta doctus*, «ученого поэта», удивительно соединившегося в личности Белого с образом, во многом полярным первому, — *poute taudit*, «проклятого поэта» (Верлен)¹⁷²⁵, что предопределило следующие «внезапные» мировоззрительные повороты.

В 1909 г. в письме к Мариэтте Шагинян он сообщил, что пишет «теоретическую книгу по теории символизма», где «теоретически» выводит «символизм из критики критики познания; я разбираю Когена, Риккерта, Ласка (не Лааса)»¹⁷²⁶. К этому времени в Москве появляется уже целая группа молодых философов, получивших неокантианское «крещение». С ними Белый постоянно встречался в «философском кружке» М.К. Морозовой и затем в «Мусагете», к ним, как, например, к «Б. Алекс. Кистяковскому (личному другу Риккерта и риккертянцу)»¹⁷²⁷, стал обращаться за советом.

Результаты теоретической работы не заставили себя ждать. Ф.А. Степун в статье, посвященной Белому и его работе «Эмблематика смысла», признал, что «линия рационалистически-методологического разложения целостного сознания защищается Белым весьма серьезно, не без подлинно гносеологического блеска и пафоса»¹⁷²⁸. А «Фохт, Шпет “*et tutti quanti*”» удостоили Белого «звания “*философа*”»¹⁷²⁹.

Первые симптомы последующего прощания с Кантом и все возрастающего тяготения к мистицизму возникли, однако, уже в 1908 г. Выражая готовящуюся смену своих философских пристрастий, он полушутя-полусерьезно написал:

Оставьте... В этом фолианте
Мы все утонем без следа!..
Не говорите мне о Канте!!..
Что Кант?.. Вот... есть... Сковорода¹⁷³⁰.

Однако в 1910 г. Белый с энтузиазмом приветствует появление журнала «Логос»: «Да здравствует научная философия (Логос),

¹⁷²⁴ Белый, Начало века, 385.

¹⁷²⁵ Deppermann M. Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewusstseins: Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende. München, 1982. S. 54—57.

¹⁷²⁶ Шагинян М. Из книги «Человек и время» // Воспоминания об Андрее Белом, 151.

¹⁷²⁷ Там же.

¹⁷²⁸ Степун Ф.А. Встречи. М., 1998. С. 173.

¹⁷²⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка, 463.

¹⁷³⁰ «Мефистофель» (1908). См.: Белый, Собрание стихотворений, 263.

разбивающая старые стены культуры!»¹⁷³¹ и бросается на защиту неокантианцев от нападок Эрна¹⁷³². Белый бьет религиозных философов-«неославянофилов» их же оружием, апеллируя к их же кумиру (а также и своему собственному) – философу Владимиру Соловьеву, его авторитетом он берет под защиту не только ствоих друзей-философов, но Канта и всю западную философию:

«Покойный Владимир Сергеевич Соловьев выставил когда-то лозунг самоопределения русской философской мысли: вопрос о том, быть ли ей национальной или вненациональной, русской или западной, – он решил в сторону Запада. Западноевропейская мысль развивалась в борьбе со схоластическим догматизмом; в такой догматизм впала, естественно, религиозная философия; лозунг философии Запада есть мысль о ее автономном развитии. *“Если наша философская мысль обнаруживает теперь мистическое направление”*, – пишет Соловьев в *“Национальном вопросе”*, – *то она, наверное, никаких плодов не принесет*» Нам чрезвычайно ценно заявление философа-мистика о необходимости автономного философского развития.

<...> Изучение кантианской литературы есть вредная ересь; Киреевский, Хомяков – выше Канта.

Но позвольте!

Кант дал нам три капитальных исследования, вызвавших в новейшей философской литературе десятки блестящих и кропотливых работ, посвященных разработке и дальнейшему исследованию задач Канта; кроме того, Кант дал толчок философскому творчеству Фихте; из Фихте и Шеллинга вырос Гегель; Канта по-своему пересказал Шопенгауэр и т. д. Объявляя кантианство вредной ересью, следует, оставаясь последовательным, признать за ересь всю философию Запада, поскольку она стремится к автономии.

<...> Русская философская мысль в ее чистом виде (не считая художественных образов) развивалась в зависимости от Запада; самая идеология славянофильства получила мощный толчок к развитию от системы Гегеля. Мысль о самобытности национальной философии пришла с Запада. И вот теперь эта самая мысль обрушивается на Запад; философствующие неославянофилы рубят ветку, на которой сидят.

<...> Между тем, русские философы-славянофилы даже не опровергают Канта; они просто довольствуются заявлением об его

¹⁷³¹ ОР РГБ. Ф. 167. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 9 об. Письмо А. Белого к Э.К. Метнеру от 1, 2 октября 1910 г.

¹⁷³² Эрн. В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Московский еженедельник. 1910. № 29. С. 31–40; № 30. С. 29–40; № 31. С. 33–44; № 32. С. 33–42. Перепеч.: Эрн В.Ф. Борьба за Логос. М., 1911; Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 71–109.

несостоятельности; и на этом основании вовсе не считают нужным ответить на ряд задач современной философской мысли: Коген, Риккерт, Зиммель, Гуссерль, Виндельбанд попросту бойкотируются; ученики и последователи их вышучиваются. И противовесом десяткам философских трудов является голословное утверждение, что эти труды – схоластика. <...>

Оставаясь на точке зрения г. Эрн, мы должны отказаться от всей новейшей философии; с Декарта до Когена – философия Запада пуста и бессодержательна; Лейбниц, Спиноза, Кант, не говоря уже о великих позитивистах и идеалистах, только демоны, соблазняющие души. Безрелигиозная философия не имеет права на существование. Но если это так, то где искать принципа логической деятельности? В психологии, логике, теории знания этого принципа найти нельзя; в науке – тем менее. Итак, принцип религиозной философии есть откровение, философский догмат – символ; иерархия идей – иерархия высших существ, открывающихся человеку. Вот невольный вывод из крайней позиции самого крайнего представителя неославянофильской тенденции в русской философии; и этот вывод очень ценен. <...>

Для того чтобы оправдать такой крайний взгляд на задачи философии, следует принципиально решить вопрос об отношении мистики и религии к теории знания; для этого мы должны знать принципы образования и исторической эволюции религии, для этого мы должны иметь законченную теорию знания, как систему логических понятий. К такой системе и идет современная философия.

А пока такой системы нет, как нет в нас живого и деятельного переживания религии, пока суждения о сущности религиозного творчества в догматизме суть лишь рационализирование иррационального, вопрос об отношении между чистой логикой и чистой религией еще не может быть решен; это вопрос, хотя бы и близкого будущего, но *будущего*. И потому-то *чистая логика* должна развиваться своими путями, как и *чистая религия* должна быть пережита, а не объявлена философией, хотя бы и восточной, как того хочет г. Эрн.

<...> *религиозная логическая истина* – ни логическая истина, ни религиозная также; религиозная логическая истина – вовсе не истина; и стремление видеть в национальной русской философии прежде всего религиозную философию есть стремление подорвать и убить самую философию в том виде, в каком хотел ее видеть покойный Вл. С. Соловьев. <...>¹⁷³³

¹⁷³³ *Белый А.* Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // Утро России. 15 октября 1910 г. № 274. С. 2.

Окончательный разрыв Белого с неокантианством оформился только к 1912 г.: знакомство с Рудольфом Штейнером в мае¹⁷³⁴ в ноябре подвело черту философским мытарствам Белого по (нео)кантианской и вообще философской литературе. В № 4–5 журнала «Труды и дни» поэт опубликовал две статьи, сразу же получившие скандальную известность¹⁷³⁵, — создавалось впечатление, что Белый только и ждал момента, чтобы сбросить маску¹⁷³⁶ учености, которую, с большим или меньшим успехом имитируя свое кантианство¹⁷³⁷, носил, был вынужден носить или считал себя вынужденным носить в течение... семи (!) лет и, превратив всю мировую философию в балаган, вернуться к оставленным на время ницшеанским не-философским образам «кантовского ужаса гробовой крышки», к утверждению отодвинутого на время на второй план теософско-теургического смысла «философии» символизма:

«Основываясь на созерцании окружности с точкою посередине, догматисты всех стран утверждают бездну, лежащую между жизнью и догматом: точка — жизнь; догмат — окружность. Такая схема бегущей спирали — схема в точке и круге — конечно возможна: ведь *умелое* обращение с догматом и является задачей подлинной философии: *есть* догматы. <...>

Если есть «нет», то и «нет» есть «*есть*»¹⁷³⁸. Догматическое развитие окружности разрываемо в спирали. Коген и Риккерт разорвутся в Платоне¹⁷³⁹, классик же — в Гёте, ибо Гёте не только классик, но он и — символист. С Платоном — философия существования догмата. С Гёте — жизнь, возведенная в догмат. Символизм есть в том; символизация есть в другом. Платон — философема символики; Гёте — символ этой философемы. <...>¹⁷⁴⁰

Догматический символизм есть *символика*. Ее проекция в плоскости философии есть всегда *теософия*. Ее проекция в линии эволюции есть живая *теургия* творчеств.

То, что есть соединение *теософии* с *теургией*, — место, к которому планомерно приходит символизм, защищаемый нами на протяжении десяти лет. <...>

¹⁷³⁴ См.: Лавров, Белый в 1900-е годы, 312.

¹⁷³⁵ См., напр.: Сапов В.В. Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 3. С. 270–271.

¹⁷³⁶ Ср. слова Г.Г. Шпета, сказанные Белому: «Я приду в “Кружок” сорвать с тебя маску!» (Белый, Между двух революций, 273).

¹⁷³⁷ См.: Безродный М.В. Пиши пропало. СПб., 2003. Глава «Не кантовать!».

¹⁷³⁸ Явная пародия на учение Г. Когена о первоначале.

¹⁷³⁹ В статье Белый использует образ из басни И.А. Крылова «Лягушка и вол».

¹⁷⁴⁰ Белый А. Линия, круг, спираль — символизма // Труды и дни». 1912. № 4–5, июль — октябрь. С. 18.

Почему *теософия* есть философия символизма, очерченного не негативно, а данного положительно? Потому что единственным догматом такой философии есть догмат о Боге. Она – философия живого, а не мертвого Бога.

Почему теургией должна стать практика символизма. Потому что единственным человеческим делом есть действие обоготворения: действие созидания в Боге – себя и других. <...>¹⁷⁴¹

<...> есть <...> до конца не изученная болезнь ревности: имя ей – современная философия, где слишком очищенный разум – кантовский разум, в котором от Канта почти ничего не осталось, – кидается в пропасть, увлекая за собой философа-модерниста; модернист срывается головою вниз; и с ним летит “*Критика чистого разума*”, которую он продолжает читать снизу вверх и справа налево: вместо “*Разума*” он читает какую-то восточную ерунду, если только – не восточное заклинание, ибо он читает: “*Амузар*”

Или это – трагедия без названия, или это – сальтомортале чело-века... с резиновой головою: упадет, подпрыгнет (ибо резина упруга), опишет в воздухе круг, и опять, ощутив под ногами твердую почву, уверенно побежит по улице университетского городка – читать о случившемся рефератике, при помощи троякого приставления к слову “*Форма*” слова “*форма*”¹⁷⁴². Как будто бы, если скажешь “*сознание есть форма*”, то все еще разобьешься, а если скажешь “*сознание есть форма формы сознания*”, то станешь небьющимся. Но не есть ли подобное обращение с Разумом превращение Разума в... восточного человека... Амузар – слово восточное...

“*Кант был идиотом*”, сказал Ницше; и Ницше ошибся. Но сознание, составленное из суммы новокантианских сознаний, идиотично... до очевидности. Самое строение фразы “*сознание есть форма формы сознания*” – строение круговое.

Движение философского модернизма – движение круговое; здесь сознание оплодотворяет самого себя: оно гермафродитно; коллективно составленный новокантианец – гермафродитен; этот гермафродит, и Ницше отведавший, опрокинулся огромною шаровой головой, превратив все тщедушное тельце системы – в куб шара; к компании модернистов, этих “*снобов, сатиров, ейленишпигелей*”¹⁷⁴³, присоединимо еще одно чудище: чубатая голова... безо всякого организма.

Новокантианец, коллективно составленный из в отдельности взятых остроумных и вполне разумных людей, есть именно такое

¹⁷⁴¹ *Белый*, Линия, круг, спираль, 20.

¹⁷⁴² [Прим. Белого:] Каковое приставление есть в одной из книг профессора Ласка.

¹⁷⁴³ [Прим. Белого:] См. статью Вольфинга «Анвективы» (Труды и дни, № 3).

чудовище: смесь младенца со старичком – ни ребенок, ни муж, а гадкий мальчишка, оскотившийся до наступления зрелости и потом удивившийся, что у него не растет борода. Этот веселый бесстыдник – *философистик, философутик* – чрезвычайно начитан и мозговит.

Но он – совершеннейший идиот.

Мозг его, чрезмерно разбухший, изнутри разбивает свою черепную коробку, чтоб бескостно вращать все извилины; быстрота вращения не дает возможности ни за что уцепиться: маховое, громадное колесо, с которого сбросило вырождение всякие передаточные ремни, так что рядом целая система колес совершенно бездействует; а систему ту приводит в движение и менее развитой – *не идиотический* – мозг.

Бедная голова с несросшимся теменем, и бедное тельце – *философистика, философутика!* <...>¹⁷⁴⁴

Голова была круглая и имела вид циферблата. Циферблат завопил:

“Раз! Глубокая полночь, схоластика!...”

“Два! История новой философии Виндельбанда – Том Первый...”

“Три!.. Кантканткант!..

“Четыре! Фихте и шшш...”

(В месте Шеллинга часы были сломаны и некстати воскликнули:

“Философия Владимира Соловьева!”)

“Пять! Гегель и Коген!...”

“Шесть! Чорт возьми –

“Риккерт!...”

“Семь! Священная седмица на две недели: Зиммель, Гуссерль, Христиансен и Наторп”

(Далее – неотчетливо и лениво).

“Зи...гв...арт!...”

(Далее – не отчетливо вовсе; наоборот, совершенно отчетливо, с тяжким хрипом):

“Ка-ссси-рррерр!!!”

“Восемь! Кант!

“Девять! Кант!

“Десять! Кант!

“Одиннадцать! (с громким треском) Философия Ласка!..

“Двенадцать!.. Возрождение схоластики...”¹⁷⁴⁵

¹⁷⁴⁴ Белый А. Круговое движение (Сорок две арабески) // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 56–57.

¹⁷⁴⁵ Ср.: образ колокола, бьющего полночь, в «Другой танцевальной песни» Заратустры (Ницше Ф. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М., 1996. С. 165–166).

И опять затрезвонило:

“Раз! Глубокая полночь схоластики!” и т. д.

Голова слишком быстро вращалась...¹⁷⁴⁶

<...> За Ницше – культура ли? Или наоборот, Ницше – в культуре? Кто в чем? Если Ницше в культуре, то где ее нормы? Культурология пока не написана. Поскорей бы засел за эту работу Коген: одним “ценным вкладом в науку” было бы более.

И мера культуры все еще – великая личность, если мерой культуры не является культур-трегер: но культура не с *трегером*, да и нет таких *трегеров*, кто бы мог носить Наполеона или Ницше, не будучи чем-то от них; а в последнем случае *трегер* есть деятель. <...>¹⁷⁴⁷.

Что касается этого нового витка в мировоззрении Белого, Иванов-Разумник увидел в нем верный показатель того, что «внимательное изучение поэтом философии, в частности – теории познания, не перешло, однако, порога добросовестного дилетантства»¹⁷⁴⁸. «Путь Андрея Белого был предопределен: и разочарование в научной философии, и изыскания по теории символизма неизбежно должны были привести его к новой попытке найти спасение на пройденном до конца мистическом пути»¹⁷⁴⁹.

Был ли поворот Белого от критицизма к штейнерианскому мистицизму для современников и для него самого неожиданным? По всей видимости, он вызревал постепенно. «Критическая гносеология» была нужна Белому, во-первых, для обоснования собственной позиции в символизме и по отношению к символизму и, тем самым, во-вторых, для борьбы с оппонентами в стане символизма – борьбы против «чулковских воплей и блоковских истеканий клюквенным соком»¹⁷⁵⁰. И, наверное, в-третьих, – для придания

¹⁷⁴⁶ *Белый*, Круговое движение, 67–68.

¹⁷⁴⁷ *Белый*, Круговое движение, 70–71.

¹⁷⁴⁸ *Иванов-Разумник Р.И.* Андрей Белый // Русская литература XX века. (1890–1910). Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1916. Т. 3, Ч. 2 (окончание). С. 13–70.

¹⁷⁴⁹ *Иванов-Разумник*, Андрей Белый, 59.

¹⁷⁵⁰ *Белый*, Между двух революций, 188. Ср.: «Словами о свободе или несвободе творчества, выкриками о соборном творчестве или творчестве индивидуальном не отвертись от проблемы <...> И вот мы спрашиваем господ теоретиков-критиков, импрессионистов и анархистов мысли: нужна ли критика? <...> Если они ответят, что нужна <...> этого достаточно, чтобы пригласить их в Марбург к Когену, Натопу или во Фрейбург, потому что мы хотим честных доказательств, а не Парок бабьего лепетанья <...> Есть символизм Ибсена, Ницше, Мережковского, и есть теория символизма. Для изучения первого обратимся к данному нам творчеству названных художников. Для разработки второго не мешало бы чаще совершать паломничество в Марбург» (*Белый А.* Теория или старая баба (1907) // *Белый*, Теория символизма/II, 249–250).

своей позиции авторитета научно фундированной теории. Все же, по-видимому, Белый «ощущал тщету» собственных теоретических усилий¹⁷⁵¹, для него построение *теории* символизма осталось по преимуществу творением «*Philosophie als Ob*»¹⁷⁵², не лишенную, однако, «проницательных замечаний и ярких прозрений»¹⁷⁵³...

Между тем в этой борьбе постепенно зрел «антропософский поворот». Не вдаваясь в глубокий анализ текстов, изданных в «Трудах и днях», можно, тем не менее, сразу же указать, по крайней мере, на две темы в них, вынашиваемые Белым задолго до написания этих статей и теперь составившие своего рода «точки опоры» для произведенного Белым «переворота».

Первая тема — «метафизация» и догматизация критической философии. Эту идею Белый, по-видимому, впервые сформулировал в январе 1909 г. в письме к Шагинян: «Вы пишете, что идеализм и теология могли бы соединиться. <...> но для этого нужно, чтобы идеализм (не гносеологический) по-новому воскрес; но такое воскрешение идеализма требует преодоления идеализма гносеологического. В настоящую минуту идеалистическая метафизика по сю сторону теории познания. Что же получается: Наторп когенизирует Платона. Требуется обратное: платонизация Когэна. Шаг в эту сторону сделан Риккертом и Ласком. Нужно выискивать метафизические предпосылки теории знания. Нужна новая, гносеологическая метафизика; теория знания постулирует нормами практического разума. Возникает вопрос: могу ли я рассматривать теоретический постулат как практическую реальность? Возникает новая область философии: теория ценностей»¹⁷⁵⁴. Эту идею в несколько модифицированном виде Белый вложил в «Эмблематику смысла» и потом разъяснял Э.К. Метнеру: «Я беру Риккерта и говорю: если вложить в субъект познания смысл метафизический, то получится не Риккерт, а Платон»¹⁷⁵⁵. Сам же Риккерт, ознакомившись с «Эмблематикой смысла», заметил по поводу критики в свой адрес, что это — попытка «плотинизировать» его¹⁷⁵⁶. Интересно замечание исследователей, что Белый в своих работах, в сущности, не проводил различий между

¹⁷⁵¹ Лавров, Белый в 1900-г годы, 267.

¹⁷⁵² *Безродный*, Пиши пропало, «Не кантовать!».

¹⁷⁵³ *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/1, 39. Об идейных прозрениях Белого в сопоставлении с философией символических форм Кассирера см.: *Свасьян К.А.* Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ. Ереван, 1989. С. 33–36.

¹⁷⁵⁴ *Шагинян М.* Из книги «Человек и время» // Воспоминания об Андрее Белом, 153–154.

¹⁷⁵⁵ Письмо А. Белого к Э.К. Метнеру от 17 февраля 1913 г. Приводится по: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/1, 39.

¹⁷⁵⁶ *Свасьян*, Философия символических форм, 15.

«теорией ценностей» Риккерта и проблематикой Когена — и то, и другое подлежало «мимикрированию»¹⁷⁵⁷: это было удивительно, поскольку шло в разрез сложившейся традиции «съедания» во время философских споров — и устных, и печатных — неокантианцев «одной масти» неокантианцами «другой масти»¹⁷⁵⁸, и одновременно поучительно, поскольку раскрывало особенность отношения Белого к философии — на философию он смотрел «утилитарно», только как на *средство*, только как на оружие/орудие, взятое во временное пользование для решения проблем собственного творчества¹⁷⁵⁹.

Вторая тема — создание художественного образа Канта и неокантианцев, их художественная символизация в духе их учений. Фактически для Белого чуть не с самого начала его философских занятий, еще когда он в одиночку пытался одолеть Канта, Шопенгауэра, Гельмгольца, Ланге, большую роль играли эмоции и впечатления, получаемые от раскодирования философских идей и систем. У Белого они были подобны эмоциям и впечатлениям, получаемым от общения с живыми людьми¹⁷⁶⁰, от жизни в целом. Отвлеченные философские конструкции давали ему материал (прежде всего эмоциональный, не идейный) для создания новых художественных образов. Сформулировав тезис: «*жизнь есть личное творчество*» (1911)¹⁷⁶¹, Белый всесторонне пересматривает свое отношение к Канту и неокантианству. «Было ли личное творчество жизни в Канте?»¹⁷⁶² В соответствии с «косным образом жизни», каким представляется Белому образ жизни «гениального мертвеца»¹⁷⁶³ Канта («мы не можем отрицать, что Кант в своем кабинете был восьмым книжным шкафом среди семи шкафов своей библиотеки»¹⁷⁶⁴), такой же представлялась Белому и созданная Кантом философская система: *формализованная > формальная > оформленная > заключенная в «окружность» («догмат») > мысль*

¹⁷⁵⁷ Fleishman, Harder, Dorzweiler 1996/1, 40; Абрамов, О русском кантианстве и неокантианстве... // Кант и философия в России, 232.

¹⁷⁵⁸ Белый, Между двух революций, 273.

¹⁷⁵⁹ Ср.: Белый «взвизвался против философии кантианского “Логоса” в отместку за то, что, наскоро усвоенная им в особых, прежде всего полемических целях, она исподтишка начинала мстить ему, связывая по рукам и ногам его собственное вольно-философское творчество. Лишь этим своеобразным, внутренне полемическим характером беловского мышления объяснимы все зигзаги его внутреннего развития» (Степун Ф.А. Памяти Андрея Белого // Воспоминания об Андрее Белом, 170).

¹⁷⁶⁰ См., напр., вышеприведенный фрагмент, начинающийся словами: «Новокантианец, коллективно составленный...» (Белый, Круговое движение, 56).

¹⁷⁶¹ Статья «Искусство» в книге «Арабески» (М., 1911). См.: Белый, СкМ, 241.

¹⁷⁶² Там же.

¹⁷⁶³ Белый А. Песнь жизни (1908, опубл. 1911) // Белый, СкМ, 170.

¹⁷⁶⁴ Белый, СкМ, 241.

в ней движется по кругу: «*сознание есть форма формы сознания*» > в ней возможно только «*круговое движение*», которое совершается в «*круглой голове*», имеющей вид «*циферблата*» часов / ницшевского колокола¹⁷⁶⁵. Дальнейшее развитие этих образов шло в рамках романа «Петербург»¹⁷⁶⁶.

Прошло несколько лет, в продолжение которых случилась война и революция... Улеглись бури вокруг имени и философии Канта. Сквозь увлеченность Штейнером постепенно стали пробиваться прежние философские «привязанности», прежние «окаянные» вопросы, так и оставшиеся без ответа, несмотря на ученичество у Штейнера¹⁷⁶⁷, прежняя неудовлетворенность современной философией, которая по-прежнему не давала ответа «на вопрос о жизненном смысле»¹⁷⁶⁸: «Новейшая философия нас лишает вопроса о смысле. <...> Эрос, динамика — все это отжившее ничто, а смысла живого нет; есть научные теоретические рассудочные смыслы. <...> А наше “Я” есть только форма, которой я связываю различные формы. <...> Но этот субъект не имеет никакого отношения к моим стремлениям; это субъект познания <...>, но [он] неиндивидуален, он безличен»¹⁷⁶⁹. Чтобы вернуть философии возможность отвечать на коренные человеческие вопросы — «вопросы о смысле», — нужно в центр философии поставить «само “Я”, индивидуальное “Я”», «расширяющее сферу самого сознания»¹⁷⁷⁰. — В другом тексте того же периода Белый использует понятие «конкретного (само)сознания», определяя его как «первое и последнее», как цель — «последнее, к чему мы идем», — и вместе с тем как первоначало — «первое, что мы должны были бы в начале наших познавательных изысканий поставить»¹⁷⁷¹. Наторп бы это обозначил как «первоиндивидуальное» и «первоконкретное»¹⁷⁷², как их сочетание, что поздний

¹⁷⁶⁵ См. приведенные выше фрагменты статей из ж-ла «Труды и дни» (1912).

¹⁷⁶⁶ См. разбор текста романа «Петербург» с точки зрения его нео/кантианских мотивов и образов: Zink 1998, 236–237, 264–364.

¹⁷⁶⁷ В главе «Проблемы познания» из очерка «Основы моего мировоззрения» (1922) Белый приписывает Штейнеру оригинальный идейный ход, сделанный Когеном при формулировании трансцендентального метода: «Прав Рудольф Штейнер, что Кант в вопросе о том, как возможны а priori перепрыгнул через вопрос: возможны ли? И уже вопрос второй / Кантов/: если возможны, то как?» (Белый А. Душа самосознающая / Сост. и вступ. ст. Э.И. Чистяковой. М., 1999. С. 21). Ср.: «Очерк первый. 4.1»; Рубинштейн 1994, 239, 242.

¹⁷⁶⁸ Белый А. Философия культуры // Белый, СкМ, 317.

¹⁷⁶⁹ Белый, Философия культуры, 318. Ср.: «Знание, даже знание единства, знание основ не есть жизнь, вся жизнь, но только одна сторона ее <...>» (Natorp, Philosophische Systematik, 2).

¹⁷⁷⁰ Белый, Философия культуры, 324.

¹⁷⁷¹ Белый А. Культура мысли // Белый А. Душа самосознающая. С. 522.

¹⁷⁷² См., напр.: Natorp, Philosophische Systematik, § 80, 288–290.

Наторп ставил в центр своих философских поисков — поисков возможностей расширить границы рациональности. Удивительная интеллектуальная синхрония, не правда ли?!¹⁷⁷³

Из размышлений над этими вопросами у Белого возникла идея создания «философии культуры» (1920), которая бы не рассматривала «целостную человеческую жизнь и творчество с точки зрения составных элементов»¹⁷⁷⁴, не занималась «инвентаризацией» и «каталогизацией» «человеческих изделий», а брала «различные проявления человеческой деятельности» «в неразрывной целостности, в словах, а не в буквах алфавита», рассматривала «фразы человеческого развития» «с точки зрения связного романа», «гениальным художником» которого «является человечество»¹⁷⁷⁵. В соответствии с этим культуру следует, по Белому, определять как «связь знаний, как организм знаний чего-либо в связи с чем-либо», как «жизненное творчество, оформленное, сформированное сознанием», связующим «отдельные знания в нечто целостное»¹⁷⁷⁶; а философию, науку, историю, бытовое творчество, эстетику — как сферы человеческого знания, как «отдельные, в широком смысле говоря, знания, отдельные производства человеческой сознательной жизни»¹⁷⁷⁷.

Теперь философия понимается Белым как «культура мысли», история построения философских систем — это «история крепнущего человеческого самосознания», которое стремится к единству, автономии и свободе. А «поскольку философские системы являются отображением целостных стремлений человеческого мышления»¹⁷⁷⁸, то культуру можно рассматривать как «процесс роста самосознающего “Я”»¹⁷⁷⁹. Таким образом Белый в 1920 г.¹⁷⁸⁰, по-видимому, вне всякого идейного влияния со стороны позднего неокантианства, делает набросок *своей собственной* философии «символических форм» — философии культуры, что вполне, однако, вписывалось в общую логику исторических трансформаций неокантианства¹⁷⁸¹.

¹⁷⁷³ См. «Очерк первый. 4.2». Можно с высокой степенью вероятности утверждать, что Белому были неизвестны ни работы, ни идеи позднего Наторпа.

¹⁷⁷⁴ Белый, Философия культуры, 319.

¹⁷⁷⁵ Там же.

¹⁷⁷⁶ Белый, Философия культуры, 320.

¹⁷⁷⁷ Там же.

¹⁷⁷⁸ Белый, Философия культуры, 321–322.

¹⁷⁷⁹ Белый, Философия культуры, 326.

¹⁷⁸⁰ Работу над этой проблематикой Белый продолжил в 1925–1926, 1931 гг. в исследовании «История становления самосознающей души» (не закончено). См.: Лавров, Белый в 1900-е годы, 322, 325.

¹⁷⁸¹ Анализ теоретических работ позднего Андрея Белого только начинается. Один из первых опытов, раскрывающий идейное богатство этих работ, см.: Zink 1998, 85–93, 130.

3. Александр Скрябин

«Философы в роли композиторов или композиторы в роли философов являются большею частью людьми, попавшими “не в свои сани”»¹⁷⁸², — с этих слов начал свою статью «Заветные думы Скрябина» неокантианец И.И. Лапшин. Он объясняет это тем, что «натуры» истинного художника и истинного философа «и цели, к которым они стремятся, слишком различны, чтобы можно было ожидать оригинальной философской системы от музыканта или оригинальной симфонии от философа»¹⁷⁸³. Но в них есть общее: они смотрят на жизнь «с высоты» как бы ее творца, так что даже «маленького *фрагмента* действительности», попавшего в поле его зрения, достаточно, чтобы вывести из него *Вселенную*. Развивая эту идею, воспринятую у Гейне, Лапшин говорит о «типическом» для каждого художника и мыслителя «*коэффициенте преломления*» мира «в духовном зеркале», с помощью которого, если его удастся получить исследователю, читателю или слушателю, можно реконструировать *целое* — «мирочувствие» художника или «миропонимание» мыслителя. «Подобно тому, как философ Коген проникает в тайники мышления Канта, интерполирует и экстраполирует его миропонимание, восполняя пробелы *сообразно логической связи* с остальным, так и Римский-Корсаков, который, <...> углубившись в изучение “Хованщины”, чувствовал себя по временам как бы Мусоргским, мог реконструировать по фрагментам 5-ое действие»¹⁷⁸⁴.

Существование такой *связи* — логической для миропонимания или эмоциональной для мирочувствия — наводит на мысль о возможности расширения ее функции для объединения этих сфер. Случай Скрябина — пример того, как «философские идеи» могут быть «органически связаны с артистической индивидуальностью», «с музыкальным творчеством»¹⁷⁸⁵.

Лапшин указывает авторов, которых, по свидетельству Б.Ф. Шлёцера и по тексту «Записей»¹⁷⁸⁶, Скрябин читал в продол-

¹⁷⁸² Лапшин И.И. Художественное творчество. Пг., 1923 (1922). С. 304. Далее цитируется как Лапшин 1923 с указанием страниц.

¹⁷⁸³ Лапшин 1923, 304–305.

¹⁷⁸⁴ Лапшин 1923, 306.

¹⁷⁸⁵ Лапшин 1923, 308.

¹⁷⁸⁶ Многие философские заметки и наброски литературных программ к задуманным Скрябиным произведениям опублик.: Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи. Т. 6. Материалы по истории русской мысли и литературы. Сост. и подг. к печати М. Гершензон. М., 1919. С. 120–229. Далее цитируются как Записи Скрябина с указанием страниц.

жение своих философских занятий. Это Ибервег (история новой философии), Вундт и, может быть, Введенский (психология), Шуппе (о солипсизме), Шопенгауэр¹⁷⁸⁷, Ницше, «кое-какие теософы» (Блаватская). «В его философском развитии, вероятно, сыграл известную роль С.Н. Трубецкой <...>. Трубецкой пробовал заинтересовать его философией Соловьева, но первоначально безуспешно, и лишь «позднее, незадолго до смерти, Скрябин стал ценить Соловьева»¹⁷⁸⁸, потому что, по Лапшину, композитор сошелся с философом во взгляде на искусство и его «теургическую» роль: искусство должно преображать жизнь¹⁷⁸⁹.

Были, однако, в «философской биографии» Скрябина и другие события, Лапшину неизвестные.

В 1910 г. Скрябин обратился с просьбой «поговорить о философии»¹⁷⁹⁰ к... неокантианцу Б.А. Фохту¹⁷⁹¹. Воспоминаниями Фохта подтверждается предположение Лапшина о Трубецком. Сокрушаясь о безвременной кончине своего учителя и друга кн. С.Н. Трубецкого, Скрябин воскликнул, обращаясь к Фохту: «Какая ужасная потеря! Я решил, что после него могу говорить о великих проблемах философии только с Вами»¹⁷⁹². Было бы, однако, большой натяжкой утверждать, что Фохт оказался привлекателен для Скрябина в качестве собеседника именно своими *неокантианскими* идеями. Вероятно, важнее для Скрябина была репутация Фохта как истинного философа широких научных взглядов и бывшего ученика Трубецкого.

Имя Сергея Николаевича Трубецкого появлялось на этих страницах уже не раз¹⁷⁹³. Трубецкой был безусловно интересный мыслитель и замечательный Учитель, кому обязаны своим философским образованием многие герои этого уникального «века» русской культуры. Для понимания того, какие именно философские сюжеты Трубецкого могли быть «востребованы» Скрябиным, наиболее значимы две работы Трубецкого: «О природе человеческого сознания» и «Основания идеализма». Проблема сознания так, как ставит ее Трубецкой, это прежде всего проблема трансцендентальной субъективности, и здесь одним из главных

¹⁷⁸⁷ Скрябин начал читать Шопенгауэра в марте 1904 г., осенью 1906 г. «Мир как воля и представление» (рус. изд. 1893 г.) был им изучен «страница за страницей». См.: *Томпакова О.М.* В стране альпийских лугов. А.Н. Скрябин в Швейцарии. СПб., 2003. С. 17, 34.

¹⁷⁸⁸ *Лапшин* 1923, 312.

¹⁷⁸⁹ *Лапшин* 1923, 323.

¹⁷⁹⁰ *Фохт*, Скрябин, 201–226.

¹⁷⁹¹ Об обстоятельствах знакомства Фохта и Скрябина см.: «Очерк третий. 2».

¹⁷⁹² *Фохт*, Философия музыки, 202.

¹⁷⁹³ См.: «Очерк первый. 5.1».

персонажей в постановке и решении этой проблемы оказывается Фихте: вопрос о «чужом Я», или интерессубъективности, волновавший Трубецкого, впервые со всей остротой был поставлен именно у Фихте.

Философский вкус Скрябина формировался, без сомнения, под влиянием С.Н. Трубецкого. Скрябин познакомился с философом в последние годы уходящего — XIX — века¹⁷⁹⁴ в одном из московских философских салонов и стал часто заходить к нему, нуждаясь в советах по философии¹⁷⁹⁵. К 1904 г. оформился определенный круг философских предпочтений Скрябина: прежде всего Кант, потом Фихте, Шеллинг и Гегель¹⁷⁹⁶, — именно этих авторов рекомендует Скрябин своей ученице, М.К. Морозовой: «Когда все это усвоите, мне будет легко заниматься с Вами и Вы скоро воспримите мое ученье»¹⁷⁹⁷.

В сентябре 1904 Скрябин посетил Второй Международный философский конгресс в Женеве (4 — 8 сентября 1904 г.) — его имя внесено в список участников¹⁷⁹⁸. Он слушает и прилежно штудировать доклады, прежде всего те, которые посвящены психофизической проблеме (доклады Flournoy, Лассона, Стронга, Козловского и Бергсона)¹⁷⁹⁹ и философии Фихте, — в скрябинском экземпляре протоколов конгресса множество пометок, сделанных его рукой¹⁸⁰⁰.

Из «Фихтеаны», представленной на конгрессе, Скрябина привлек доклад «Фихте против Шеллинга» Ксавье Леона¹⁸⁰¹, редактора «Журнала метафизики и морали» и автора книги «Философия Фихте» (1902). Докладчик «говорил о шеллинговском понимании Абсолюта, как лишенного всякой дифференциации, о его принципе тождества и его натурфилософии»¹⁸⁰², через сопоставление

¹⁷⁹⁴ См.: Бэлаз И. Александр Николаевич Скрябин. М., 1982. С. 84–85.

¹⁷⁹⁵ Морозова М.К. Воспоминания об Александре Николаевиче Скрябине // *Федякин Р.С.* Скрябин. М., 2004. С. 509.

¹⁷⁹⁶ С этими философами Скрябин познакомился, скорее всего, по книгам Куно Фишера. См.: Письмо к М.К. Морозовой от 8/21 марта 1904 г. // *Скрябин А.Н.* Письма / Сост., ред. и примеч. А.В. Кашперова. М., 2003. С. 304; *Томпакова*, В стране альпийских лугов, 26.

¹⁷⁹⁷ Письмо к М.К. Морозовой от 3/16 апреля 1904 г. // *Скрябин*, Письма, 308.

¹⁷⁹⁸ Congrès International de Philosophie. II-me Session. Tenue à Genève du 4 au 8 Septembre 1904. Rapports et comptes rendus. Publiés par les soins du Dr. Ed. Claparède, secrétaire général du congrès. Genève, 1905. P. 30.

¹⁷⁹⁹ См. подробнее: *Маркус С.А.* Об особенностях и источниках философии и эстетики Скрябина // Александр Николаевич Скрябин. 1915 — 1940. Сборник к 25-летию со дня смерти / Под ред. С.А. Маркуса. М. — Л., 1940. С. 195.

¹⁸⁰⁰ *Томпакова*, В стране альпийских лугов, 55.

¹⁸⁰¹ *Léon X. Fichte contre Schelling* // Congrès International de Philosophie. P. 294–322. См.: *Томпакова*, В стране альпийских лугов, 26.

¹⁸⁰² *Маркус*, Об особенностях и источниках философии и эстетики Скрябина, 195.

учения Шеллинга с «наукоучением» Фихте обосновывал справедливость точки зрения Фихте — отнесение любых утверждений о существовании «вещей самих по себе» к догматизму и признание формы «Я», или формы абсолютной рефлексии, «корнем и основанием всякого знания»¹⁸⁰³. В тот же день, 5 сентября, Скрябин слушал доклад профессора Бернского университета, философа, близкого баденскому неокантианству, Людвиг Штейна «Что такое философия?». Штейн утверждал, что «предмет философии не более и не менее как весь универсум, как он раскрывается нам в природе и истории, но методы постижения и интерпретации этого универсума меняются вместе с определенными научными вкусами отдельных эпох. <...> Специальность философии — ее универсальность; она представляет собой клави́р оркестрового произведения, называемого миром (Хеблер)»¹⁸⁰⁴. Скрябинскому пониманию творчества должны были быть близки слова Штейна о том, что «задача философии — долженствование, а не бытие», что «мир, по Фихте, нам не дан, а задан», что «каждая достигнутая ступень в философии это лишь приступочка для подъема на следующую, более высокую ступень», и потому «философия — это не осуществленная идея, но идеал, к которому следует постоянно стремиться»¹⁸⁰⁵. Эти слова были безусловно созвучны скрябинскому видению мира: Скрябин впоследствии писал Морозовой, что хочет «не осуществления чего бы то ни было, а бесконечного подъема творческой деятельности»¹⁸⁰⁶. Штейн в своем докладе сделал акцент и на особом значении учения Фихте для современной философии¹⁸⁰⁷: Фихте, стремясь преодолеть кантовской дуализм, вызванный разрывом между чувственностью и рассудком, явлением и вещью в себе, феноменом и ноуменом, обосновал «тот монизм сознания, который сегодня завоевывает одну философскую кафедру за другой»¹⁸⁰⁸.

Другой доклад, вызвавший интерес Скрябина, был прочитан Вильгельмом Виндельбандом и назывался «Фихте и Конт». Виндельбанд, ни в коем случае не отрицая «диаметральную противоположность» позиций этих философов, нашел между ними общее в том, что «оба исходили из практической природы мышления (Denkernaturen), — они не хотели искать знание и познание о са-

¹⁸⁰³ Léon, Fichte contre Schelling, 322.

¹⁸⁰⁴ Stein L. Was heisst Philosophie? // *Congrès International de Philosophie*. P. 69.

¹⁸⁰⁵ Stein, Was heisst..., 72–73.

¹⁸⁰⁶ Письмо к М. К. Морозовой от 18 апреля / 1 мая 1906 г. // *Скрябин*, Письма, 422.

¹⁸⁰⁷ О значении Фихте для баденского неокантианства см.: Heinz M. Die Fichte-Rezeption in der südwestdeutschen Schule des Neukantianismus // *Fichte-Studien*. Bd. 13. 1997. S. 109–129; Stolzenberg, Fichte 2002, 421–434.

¹⁸⁰⁸ Stein, Was heisst..., 73.

мом себе, но с благороднейшим воодушевлением стремились к разумному оформлению жизни, к полному преобразованию состояния человеческого общества»¹⁸⁰⁹. Это не могло не импонировать скрябинскому пониманию художника как «теурга»: между 1900 и 1903 гг. Скрябин в либретто для оставшейся неосуществленной оперы вывел образ «художника-музыканта-поэта»¹⁸¹⁰:

Я силой чар гармонии небесной
 Навею на людей ласкающие сны,
 А силою любви безмерной и чудесной
 Я сделаю их жизнь подобием весны.
 Дарую им покой давно желанный
Я силой мудрости своей.
 Народы, радуйтесь, от века жданный
 Конец настал страданий и скорбей¹⁸¹¹.

Другой общей чертой для Фихте и Конта было, по мнению Виндельбанда, «внутреннее единство их жизни»¹⁸¹², цельность их натуры, — качество, в полной мере свойственное самому Скрябину и безусловно делавшее чрезвычайно привлекательным для него фигуру Фихте и его учение, проникнутое деятельностно-личностным началом. «Истинная действительность, смысл всей эмпирической жизни» для Фихте, говорил Виндельбанд, — «это свободная, самоопределяемая индивидуальность. Она никогда не подлежит выведению, пониманию, конструированию, но лишь только *переживанию*. <...> Исходя из этого, он создал, как в последнее время это показали Риккерт и Ласк, свой исторический эмпиризм, который развивался в устойчивой оппозиции к априористскому построению идеализма у Шеллинга и Гегеля. При этом основной проблемой была проблема персональности»¹⁸¹³. Виндельбанд доказывал, что Фихте удалось избежать опасности безграничного индивидуализма Шлегеля, Штирнера и Ницше благодаря «понятию определения (*Bestimmung*)». У Фихте «индивидуум со всем его особенным, неповторимым определением укоренен в глубокой жизненной основе: это “царство”, государство разума, чей идеальный образ он рисовал, было царством свободы, целесообразной, наполненной ценностями жизненной связью, где лишь в рамках разумного порядка должны раскрыться в своем полном своеобразии самоопределяемые и перед собой ответственные персональности»¹⁸¹⁴.

¹⁸⁰⁹ *Windelband W. Fichte und Comte // Congrès International de Philosophie. P. 287.*

¹⁸¹⁰ Записи Скрябина, 125.

¹⁸¹¹ Записи Скрябина, 129.

¹⁸¹² *Windelband, Fichte und Comte, 288.*

¹⁸¹³ *Windelband, Fichte und Comte, 292.*

¹⁸¹⁴ *Ibid.*

Приблизительно к времени посещения конгресса относятся первые подготовительные наброски к будущей «Поэме экстаза». Ее окончательный поэтический текст был создан в 1906 г.¹⁸¹⁵, а работа над музыкой «Поэмы» окончена в конце 1907 г. Наброски, сохранившиеся в дневниках Скрябина, перемежаются с многочисленными философскими записями композитора, где среди шопенгауэрианства и бергсонизма отчетливо читаются фихте-анские мотивы: «Мир — мое творчество, которое есть только мир»¹⁸¹⁶; «Жизнь — деятельность, стремление, борьба»¹⁸¹⁷; «О жизнь, о творческий порыв (хотенье) / Всесоздающее стремление / От центра, вечно от центра / К свободе / К сознанию»¹⁸¹⁸; «Для того, чтобы пережить что-нибудь, т. е. *отделиться*, нужно сознавать *не-я* и *я* и отношение *я* к *не-я*. Что такое моя индивидуальность? Это мое свойство поступить в известных обстоятельствах так, а не иначе, моя склонность к тому-то, одним словом, это весь комплекс явлений, который я называю *я* и который возможен только через *не-я*, как и *не-я* возможен только через *я*. Моя индивидуальность складывается из *сходства* и *различия* с другими индивидуальностями. При этом чем менее сходства, тем она ярче. Но все-таки она есть известное *отношение* к другим индивидуальностям, она все-таки есть только *отступление*, в крайнем случае *противоположение*, и возможна только через *не-я*. Итак, я хочу творить и этим хотением создать множество, множество во множестве и единое в множестве (*не-я* и *я*). Итак, необходимо *не-я*, чтобы *Я* в я могло творить. *Я* и *не-я* — форма деятельности. Но это не значит, что эта форма предшествует самой деятельности; она, как и все, есть единое свободное творчество»¹⁸¹⁹; «Мир есть *активность* моего сознания»¹⁸²⁰; «Мир порожден сопротивлением, которого *я захотел*. Жизнь есть преодоление сопротивления. Первое усилие, первый порыв к освобождению есть первая ритмическая фигура времени, первая жизнь, первое сознание, пронизывающее хаос и создавшее 2-ю ступень (стадию), первую грань»¹⁸²¹.

В отношении этой последней мысли Лапшин отметил особенность скрябинского понимания Фихте: по Фихте, Я нуждается в *толчке*, «препятствии, противоупоре» «для *моральной* деятельности, а для Скрябина прежде всего для *эстетического* творче-

¹⁸¹⁵ Записи Скрябина, 192–201.

¹⁸¹⁶ Записи Скрябина, 137.

¹⁸¹⁷ Записи Скрябина, 138.

¹⁸¹⁸ Записи Скрябина, 142–143.

¹⁸¹⁹ Записи Скрябина, 148–149.

¹⁸²⁰ Записи Скрябина, 177.

¹⁸²¹ Записи Скрябина, 153.

ства»¹⁸²². Лапшин указывает также на «полное соответствие» некоторых философских размышлений Скрябина «наиболее рас-судочным моментам» его текстов и программ к музыкальным про-изведениям. Одним из примеров такого соответствия (в данном случае — фихтеанской идее о порождении сознанием Я и всего ми-ра) он называет «*ритмическую фигуру* взлетов и падений в творче-ских порывах» в *поэтической* версии «Поэмы экстаза»¹⁸²³, а далее, анализируя *музыку* Скрябина, в качестве одной из характерных черт его музыкальной выразительности Лапшин называет «*свое-нравность ритмики*, <...> т. е. *кажущаяся* произвольность, но на самом деле имеющая свою внутреннюю, типически индивидуаль-ную законосообразность», которая «*придает мелодиям* Скрябина порывистость, обыкновенно *взлет и падение*»¹⁸²⁴.

Следующая мысль Скрябина: «Рост человеческого сознания есть рост сознания гениев; сознание же остальных людей есть раз-брызги, искры того же сознания. Есть только одно сознание — есть мое сознание. Гений вполне вмещает все переливы чувств отдель-ных людей, и потому он как бы вмещает сознания всех совре-менных ему людей. <...> Единым взглядом, единой мыслью я об-нимаю тебя, мой мир. Как проповедь Христа / Как подвиг Прометея»¹⁸²⁵, — была иронически прокомментирована Плехано-вым в разговоре с композитором в Женеве: «Так это мы вам, Алек-сандр Николаевич, обязаны хорошей погодой»¹⁸²⁶. Замечание Плеханова справедливо, но в скрябинском солипсизме в действи-тельности заключена гениальная мысль о том, что один-един-ственный человек может представлять все человечество: когда ученый делает открытие или художник создает гениальное произ-ведение, этот ученый или этот художник в этот момент в этой об-ласти представляет собой *все* человечество...

«И огласилась Вселенная
Радостным криком
Я есмь!»¹⁸²⁷.

Плеханов же был, по-видимому, одним из первых, кто отме-тил, что различие между Фихте и Скрябиным подобно различию между Новалисом и Фихте: на полях книги Ж.Е. Спенле «Нова-лис. О романтическом идеализме в Германии» (1904)¹⁸²⁸ рукой Плеханова подчеркнуто: «Новалис упрекает Фихте в том, что экс-

¹⁸²² Лапшин 1922, 316.

¹⁸²³ Лапшин 1922, 321.

¹⁸²⁴ Лапшин 1922, 325.

¹⁸²⁵ Записи Скрябина, 155.

¹⁸²⁶ По сообщению И.И. Лапшина. См.: Лапшин 1922, 317.

¹⁸²⁷ Скрябин А.Н. Поэма экстаза // Записи Скрябина, 201.

¹⁸²⁸ Spenlé J.É. Novalis: essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne. Paris, 1904.

таз не является основой его философской системы», — и приписано: «Скрябин»¹⁸²⁹.

К идеям фихтеанства Скрябин вернется вновь в 1910 г. Именно о Фихте пойдет речь между Скрябиным и Фохтом во время их московских встреч. Всего состоялись «три разговора», в которых Скрябин изложил Фохту свою философскую концепцию. Благодаря этим беседам «по основным метафизическим вопросам», а также широчайшей научной эрудиции и музыкальной одаренности самого Фохта до нас дошло уникальное свидетельство философского таланта великого композитора, приоткрывающее тайные смыслы его творчества.

В своих воспоминаниях Фохт стремится показать, каковы были те исторические источники, на которых базировались основные положения «философии музыки» Скрябина. У Фохта нет сомнения в том, что «в области философии Скрябин никогда ничего не читал бегло, но всегда все изучал или читал так медленно и внимательно, что это чтение нельзя назвать иначе как изучением, <...> некоторые философские произведения были им прочитаны и даже проконспектированы целиком»¹⁸³⁰, «над многими терминами, особенно кантовской и фихтеанской философии, он долго и напряженно думал, так что об этих терминах с ним можно было говорить как с специалистом по философии <...>: материя, дух, сознание, самосознание, дело-действие (Tathandlung), а priori, трансцендентальный, трансцендентный, имманентный, понятие, суждение, умозаключение, система, свобода воли и многое другое. Даже некоторые термины математики были предметом его довольно пристального внимания»¹⁸³¹. Скрябин «размышлял с величайшей точностью и искусством и умел с редкой силой защищать свои философские убеждения <...>. Меньше всего его можно было назвать дилетантом, потому что то, что он знал и читал, он всегда знал по-настоящему <...>. Единственное, что ему в области философии не хватало, — считает Фохт, — это того, что называется школой, а также исторической последовательности в изучении классических авторов по философии»¹⁸³².

Однако Фохт не всегда серьезно относился к скрябинскому философствованию. Белый, вспоминая о вечерах у Морозовой,

¹⁸²⁹ См.: Маркус, Об особенностях и источниках философии и эстетики Скрябина, 196.

¹⁸³⁰ Фохт, Философия музыки, 211–212. Ср.: «Александр Николаевич особенно много никогда не читал, он брал книгу, схватывал ее суть, принимал или отвергал ее. Но изучать что-нибудь было ему несвойственно» (Морозова, Воспоминания о Скрябине, 509).

¹⁸³¹ Фохт, Философия музыки, 212.

¹⁸³² Там же.

где он однажды встретился со Скрябиным, описывал Фохта как ироничного скрябинского антагониста¹⁸³³.

Отправной точкой философских бесед Скрябина и Фохта *наедине* послужило обсуждение принципов философии Фихте, «мужественно снявшего все препоны и преграды, якобы поставленные Кантом для свободного развития философской мысли»¹⁸³⁴. Принимая фихтеанскую трактовку бытия как деятельности сознания — в этом Фохт сходил с Скрябиным¹⁸³⁵, — Скрябин развивал эту идею в русле «мистического материализма»¹⁸³⁶: все, что выражено основной деятельностью сознания, *равно бытию*, а «бытие, равное деятельности, имеет в известной мере внешнюю природу, хотя ею, конечно, не исчерпывается»¹⁸³⁷. Но мистика эта чужда идеализму, ибо творческая деятельность, созидающая мир и в своем первоисточнике отождествляемая Скрябиным с бытием, есть столь же творчество *материального*, сколь и *духовного*¹⁸³⁸. На основе такого понимания деятельной природы бытия композитор выстраивал свою «теорию о синтезе искусств»¹⁸³⁹. Посредством синтеза искусств, по мнению Скрябина, можно дать творческой деятельности бытия многостороннее, не только специфически музыкальное, но и бесконечно разнообразное, внешнее пространственное выражение: мимическое, пантомимическое, световое, отображающее в движении природные и даже космические процессы. Бытие не может пониматься как чем-либо ограниченное, ведь тогда оно уже не будет бытием подлинным и первоначальным. К бытию нельзя подойти ника-

¹⁸³³ *Белый*, Между двух революций, 310: Скрябин играл, «мизинчиком бралась нота “Кант”; средний палец захватывал тему “культура”; и вдруг — хоп — прыжок указательного пальца через ряд клавиш на клавиш: Блаватская! <...> встряска хохолка волос и очаровательная улыбка с движением руки от меня, через Морозову, Мернера к сидевшему вместе с нами ехиднейшему когенианцу, Б.А. Фохту, — с игривым: — “Не правда ли?” Фохт рассматривал маленького “маркизика” с пристальным восхищением из... бешенства; но запевал он лукавым и бархатным тенором: — “Оно, коне-е-е-чно... Блава-а-а-тская... любопытна!.. Не мне судить! Кант, смею вас уверить, Александр Николаевич, это немного — не та-а-а-к-с!..” На что Скрябин <...>, смеясь, соглашался: — “Не смею спорить” Но оставлял в нас уверенность, что про себя он думал иначе».

¹⁸³⁴ *Фохт*, Философия музыки, 202.

¹⁸³⁵ *Фохт*, Философия музыки, 204.

¹⁸³⁶ Лапшин протестует против отнесения философии Скрябина к «мистическому материализму», трактуя эту идейную позицию как «веру в теургическую силу искусства, которая может вызвать изменение в материальном строе вселенной», как «пережиток первобытного религиозно-магического взгляда на мир», чего Скрябин был, по мнению Лапшина, несомненно лишен. См.: *Лапшин* 1922, 323.

¹⁸³⁷ *Фохт*, Философия музыки, 205.

¹⁸³⁸ *Фохт*, Философия музыки, 224.

¹⁸³⁹ *Фохт*, Философия музыки, 206.

кими обычными способами — ни научным познанием, ни отвлеченной мыслью о трансцендентном, ни чувством как некоторой эмоцией, пусть даже и художественной. Если можно подойти к первоначальному бытию, *слиться с ним* или, по крайней мере, приобщиться к нему как основной и первоначальной деятельности, то путь к этому должен быть совсем иным, таинственным, «*чрезвычайным*». Даже музыкальное воображение есть все-таки нечто внешнее, идущая от человека попытка подняться до бытия, но попытка, по мнению Скрябина, неудачная и безнадежная, поскольку это воображение всегда пользуется внешними средствами, уже готовыми звуками, пусть даже в самых причудливых и гениальных их сочетаниях. Чтобы понять истинное значение всякого художественного и особенно музыкального творчества, надо идти *от бытия, от внутренних*, никакими известными нам средствами невыразимых отношений той деятельности, которая составляет существо бытия. И внутренние акты духа, и реальная сущность целого во всех внешних своих проявлениях должны слиться, объединиться для выражения творческой деятельности¹⁸⁴⁰. *Бытие — это абсолютная творческая деятельность.*

Художник, музыкант должен выражать бытие и как бы повторять его в своей творческой природе. «Бытие само в себе музыкально» еще до его выражения внешне музыкальными средствами, всегда лишь неполно передающими и выражающими его существо. По Скрябину, постигнуть существо бытия как некую первоначальную деятельность нельзя иначе, как перейдя к *чрезвычайному, к чуду, к чему-то* для обычных глаз *невидимому, оккультному*, только через *особое посвящение* и упражнение становящемуся доступным. Здесь необходима уже не простая философия, но теософия, необходим особый подъем духа, *экстаз* и посвящение в его тайны, *мифика*. Музыка есть только доминирующий тон во всем и самое могущественное выражение первоначальной деятельности бытия, которое *само в себе музыкально*. Если бы все могли слиться в этом настроении и объединиться в нем, это был бы своего рода *апофеоз* творчества, в котором отдельная гениальная личность играла бы направляющую роль сразу и пророка и спасителя, своего рода мессии...¹⁸⁴¹ Совет композитора, данный Фохту, почитать труды Блаватской крайне озадачил философа-рационалиста¹⁸⁴².

Постепенно в разговоре с Фохтом Скрябин пришел к идее, что если бытие и может более или менее непосредственно открывать-

¹⁸⁴⁰ См.: Фохт, Философия музыки, 206–207.

¹⁸⁴¹ См.: Фохт, Философия музыки, 207–208.

¹⁸⁴² Фохт, Философия музыки, 208–209.

ся человечеству и говорить ему о себе, то исключительно языком музыки. Дело здесь в творческой уверенности созидającego, в убеждении, что можно все создать вновь, изменить до неузнаваемости, открыть совсем новые перспективы. Нужно, чтобы свет, зародившийся в душе музыкального гения, был передан другим, нужно соборное (коллективное) действо. Творчество и жизнь человечества должны стать творчеством и жизнью всей природы, а за ней и всего космоса, вся Вселенная должна стать выражением и воплощением единой музыкальной деятельности, музыки самого бытия¹⁸⁴³.

«Я хочу создавать», — таков лейтмотив всех рассуждений композитора, считает Фохт. «Я» в философии Скрябина есть только центральный и доминирующий момент творческой деятельности, с обращением назад к истории Вселенной и человечества и с перспективой вперед, в светлое будущее «Последнего Сверхшения» («Поэма экстаза»). Эта диалектика «Я» развита Скрябиным во всех оттенках ее значения с силой и богатством содержания, которые сделали бы честь любому поэту и философу. В своем философствовании Скрябин был *диалектиком*, применением диалектики разрешается у Скрябина проблема теоретического и нравственного «не-Я». «В страдании есть неудовлетворенность желая или препятствие расцвету индивидуальности»; через устранение (снятие) этого препятствия индивидуум становится относительно свободным, чтобы через преодоление нового препятствия стать еще более свободным¹⁸⁴⁴. Это и есть диалектика или, на поэтическом языке Скрябина, «свободная игра»: «Для полного расцвета я должен искать быть *наименее понятным* и в то же время *искать быть понятным*. Я создаю *не-я* черное и я белое и хочу *не-я сделать белым*. В этом *моя свободная игра*»¹⁸⁴⁵.

В «Поэме экстаза» два понятия — *дух* и «Я» — служат выражением единой творческой деятельности. Но как нечто *новое* выступает напряженный и освобождающий момент этой деятельности — *экстаз*, первое выражение теургической мистики Скрябина¹⁸⁴⁶. Момент экстаза — новый могущественный фактор диалектики творческой жизни¹⁸⁴⁷. К существу бытия, равного деятельности, Фохт относит также *борьбу противоположных стремлений*, «которая в то же время есть и любовь — существенный диалектиче-

¹⁸⁴³ См.: Фохт, Философия музыки, 209–210.

¹⁸⁴⁴ См.: Фохт, Философия музыки, 216.

¹⁸⁴⁵ Записи Скрябина, 146.

¹⁸⁴⁶ См.: Фохт, Философия музыки, 217.

¹⁸⁴⁷ Фохт, Философия музыки, 218.

ский момент, всюду подчеркиваемый Скрябиным в поэтических выражениях концепции бытия»¹⁸⁴⁸.

В «Предварительном действе», задуманном Скрябиным как вступление к «Мистерии», возникает проблема абсолютного *первоначала* творческой деятельности, которое должно проявиться и быть опознанным в конечном. Фохт считает, что это начало созидания у Скрябина не есть какое-либо духовное или материальное существо, но исключительно только *принцип* творческой деятельности — начало *мужественного* созидания *чистой* активности, воплощения ее в некоторого рода противоположности и соотносении с принципом *восприятия* как началом сравнительно пассивной деятельности, но *тоже* деятельности¹⁸⁴⁹.

«Преобразовать этот мир, сделать его <...> более утонченным и потому свободным и счастливым, и для этой цели подняться до первоисточника всякого творчества, чтобы, слившись с ним, стать его адептом, непосредственным участником его созданий, его миссионером — такова была основная концепция Скрябина, вдохновлявшая и его поэзию и его музыку»¹⁸⁵⁰.

От этих бесед Фохт получил уникальное впечатление: Скрябин исполнил ему на рояле несколько импровизаций — это были опыты музыкального выражения разных философских понятий: изменение, абстракция, конкретное единство, непрерывность, возникновение и т. п. «Мне кажется, — комментировал эти опыты композитор, — что из этих отдельных выражений я мог бы создать целую систему, <...> и что музыкальное выражение даже точнее логического — в нем есть изобразительность, которой нет в отвлеченных понятиях»¹⁸⁵¹. Нам, потомкам, можно только сожалеть, что технические средства в то время были слишком неразвиты, чтобы дать нам возможность услышать музыкальную философию великого художника.

Но кто же прав: Скрябин, который «хотел выразить в своей музыке не те или другие настроения, а целое мировоззрение»¹⁸⁵²; или Плеханов, с точки зрения которого «музыка и вообще искусство не может выражать отвлеченные понятия», а «Скрябин ставит перед искусством невыполнимую для него задачу»¹⁸⁵³? — По всей видимости, Лапшин, который утверж-

¹⁸⁴⁸ Фохт, Философия музыки, 219.

¹⁸⁴⁹ Фохт, Философия музыки, 221.

¹⁸⁵⁰ Фохт, Философия музыки, 225.

¹⁸⁵¹ Фохт, Философия музыки, 208.

¹⁸⁵² Плеханов Г. В. Искусство и литература / Вступ. ст. М. Розенталя, ред и комм. Н. Ф. Бельчикова. М., 1948. С. 760.

¹⁸⁵³ Плеханов, Искусство и литература, 761.

дал, что «для Скрябина его философское миропонимание — лишь удобная рамка, воплощающая его артистическую интуицию мира»¹⁸⁵⁴ и *соответствующая* так или иначе его художественным замыслам¹⁸⁵⁵. Что касается значения занятий философией для Скрябина как художника, Плеханов был безусловно прав, считая, что они «очень сильно расширили круг его духовных интересов» и «тем самым значительно увеличивали и без того огромный удельный вес его художественного дарования»¹⁸⁵⁶.

***

В России, где поэт всегда был больше, чем просто поэтом, новые идеи нового кантианства удивительным образом проникли в самую ткань творческого поиска представителей молодого художественного направления — символизма — и обрели там новую жизнь, трансформируясь до неузнаваемости в художественные образы, идеологические ориентиры... Носители же этих идей играли в этой ситуации роль «центров» коммуникативного притяжения: в непосредственном общении с русскими неокантианцами происходило оформление эстетических и мировоззренческих позиций таких замечательных деятелей русской культуры, как В.Я. Брюсов, Андрей Белый, А.Н. Скрябин, и, по-видимому, многих других более или менее значимых российских «культуртрегеров». Не вызывает сомнения и глубокая идейная и экзистенциальная укорененность самих русских неокантианцев в интеллектуальном ландшафте российской культуры вообще и русского символизма в особенности. Творческая рецепция и оригинальная трансформация неокантианских идей в русском неокантианстве — достаточное тому подтверждение.

¹⁸⁵⁴ Лапшин 1922, 319–320.

¹⁸⁵⁵ Лапшин 1922, 321.

¹⁸⁵⁶ Плеханов, Искусство и литература, 761.

Вместо заключения «Советское» неокантианство?

В 1920-е годы «неокантианство, которое до той поры пользовалось несомненным, хотя и не бесспорным авторитетом во всем мире»¹⁸⁵⁷, внезапно покинуло у себя на родине, в Германии, философскую сцену, уступив место феноменологии, философии жизни, экзистенциализму. В Советской России смена философских парадигм шла несколько иначе. Русское неокантианство, в отличие от немецкого, не погибло «в материальных битвах позиционной войны»¹⁸⁵⁸, но получило новую *raison d'être*, новый импульс к существованию в условиях неуклонно проводимого закрепощения духовной сферы и нарастающего иррационализма постреволюционной «повседневности».

Никто, конечно, не мог думать тогда, в самом начале 1920-х, что партийный контроль над интеллектуальной сферой перейдет из области политических действий на саму научную теорию. Специфика развития марксистской теории отнюдь не предполагала вмешательства официальных кругов в сферу обсуждения научных проблем. Призывы вроде «Философию за борт!»¹⁸⁵⁹ или «Пролетарий не нуждается в логике!»¹⁸⁶⁰ воспринимались не более чем курьез. Одним из первых тревожных симптомов будущих гонений можно считать закрытие в «мирном» 1921 году историко-филологического факультета Московского университета за «оппозиционно-неокантианское направление»¹⁸⁶¹. Симптоматично, что это произошло сразу после представления и защиты Б.А. Фохтом на диспуте в университете 30 мая 1921 г.¹⁸⁶² работы

¹⁸⁵⁷ Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 9.

¹⁸⁵⁸ Там же.

¹⁸⁵⁹ Минин С. Философию за борт! // Под знаменем марксизма. 1922. № 5—6. С. 122—127.

¹⁸⁶⁰ Из объявления на дверях Петроградского университета. См.: Письмо из Петрограда // Последние новости. Ежедневная газета под ред. П.Н. Милюкова. Париж. 30 декабря 1922. № 827. С. 2.

¹⁸⁶¹ Высшая школа в Советской России (Письмо из Петрограда) // Последние новости. 12 октября 1922. № 762. С. 2.

¹⁸⁶² Вопрос о ликвидации историко-филологического факультета Московского университета был поставлен в конце мая 1921 г., и с 1 июня 1921 г. декретом Сов-

«О трансцендентальном методе в философии Канта»¹⁸⁶³ *pro venia legendi*¹⁸⁶⁴.

Парадоксально, но именно на 20-е годы пришелся расцвет философского творчества многих русских неокантианцев. В целом их исследования шли по двум направлениям: *философское обоснование культуры и художественного творчества* (20-е годы) и *поиск теоретико-познавательного решения проблемы бытия* (20–30-е годы), которая специфицировалась в вопросах об иррациональном компоненте познания, о непредметном знании, о реальном существовании и т. п., — словом, о «жизненном мире».

Первое направление получило наиболее яркое выражение в трудах «советских» неокантианцев, то есть тех, кто после революции по тем или иным причинам остался в России. Это, однако, нельзя считать результатом исключительно внешних обстоятельств — попыткой ухода из-под идеологического контроля, осуществляемого новой властью¹⁸⁶⁵. Проблема обоснования культуры изначально постулировалась в неокантианстве, и не в последнюю очередь — в *марбургском* неокантианстве, где философии придавали значение «движущего ядра» культуры¹⁸⁶⁶.

Но все же долгое время проблема культуры и творчества оставалась на периферии марбургских исследований. При том, что одним из важнейших компонентов культуры наряду с наукой и нравственностью мыслилось искусство, из всех марбуржцев к началу 20-х годов только Коген разработал учение об искусстве (1912), но оно было настолько смутно и сложно, что даже внутри самой Марбургской школы вызывало больше вопросов, чем давало ответов¹⁸⁶⁷. Поэтому обращение к вопросам эстетики, а через нее — к проблемам культуры в целом стало к 20-м годам для марбургского неокантианства назревшей необходимостью, будучи обусловлено самой логикой исторического развития неокантианства.

В тенденции это обращение совпало с общеевропейским философским поворотом к «опыту искусства»¹⁸⁶⁸. Уехавший из Петербурга в эмиграцию, в Прибалтику, В.Э. Сеземан в статье, посвященной концепции искусства у Вёльфлина (1927), писал, что

наркома факультет был упразднен. Резолюция ректора В.П. Волгина на докладной записке о ликвидации факультета датирована 28.05.1921 г.. См.: ЦМAM. Ф. 1609. Оп. 1. Ед. хр. 492. Л. 1.

¹⁸⁶³ Оpubл.: *Фохт* 2003, 51–128.

¹⁸⁶⁴ «на разрешение преподавания в высшей школе» (*лат.*).

¹⁸⁶⁵ См.: *Чубаров И.М.* История подготовки Словаря художественной терминологии, 480.

¹⁸⁶⁶ *Cohen, Natorp, Zur Einführung // Cassirer, Der kritische Idealismus und..., I.*

¹⁸⁶⁷ См. об этом, напр.: *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 113–114.

¹⁸⁶⁸ *Гадамер*, Актуальность прекрасного, 9.

«эстетика, пожалуй, единственная из философских наук, которой до сих пор не коснулось брожение, охватившее в последнее время всю духовную культуру и в особенности философское мышление»¹⁸⁶⁹. Из русских неокантианцев, оказавшихся после революции за границей, проблемой эстетического, кроме Сеземана, занимались прежде всего Г.Э. Ланц и А.В. Вейдеман. В результате своих размышлений Вейдеман сформулировал «теорию пантрагизма»: он предложил под *эстетикой* понимать «*философию гуманитарного мира*», в которой объединяются «философии» трех форм отношения к миру, а именно — искусства, религии и истории. Их объединяющую основу составляет «трагика» — «трагический конфликт миров культуры и природы между собою»¹⁸⁷⁰, присущий в конечном счете самому Абсолюту в его самотворческой диалектической сущности¹⁸⁷¹. Ланц кроме общих вопросов эстетической теории, в частности вопроса об относительности эстетического¹⁸⁷², специально исследовал эстетику звука — в итоге им была написана монография о физической основе рифмы¹⁸⁷³.

Поворот философии к искусству произошел не только в соответствии с внутренней логикой развития философской проблематики, но и с «внешней» логикой социокультурного процесса в Европе вообще и в России особенно, содержанием которого в эти годы стало появление небывалого количества новых экспериментальных художественных форм во всех сферах искусства. И эти новые формы, и сам процесс их создания требовали философского осмысления! По воспоминаниям Варлама Шаламова, «Москва двадцатых годов напоминала огромный университет культуры, да она и была таким университетом»¹⁸⁷⁴.

Центром обсуждения художественно-эстетических проблем стала Государственная академия художественных наук (ГАХН) (1921–1929). В ее работе приняли самое активное участие «советские» неокантианцы, подавляющее большинство которых составили *марбуржцы*: Б.А. Фохт, А.Л. Саккетти, М.И. Каган, А.К. Топорков, Г.О. Гордон, М.М. Рубинштейн, — и их ученики: В.П. Zubov, Б.В. Горнунг, А.В. Чичерин, А.А. Сабуров, А.К. Соловьева и др.

¹⁸⁶⁹ Сеземан В.Э. Искусство и культура // Версты. Париж. 1927. № 2. С. 185.

¹⁸⁷⁰ Вейдеман А.В. Трагика как сущность искусства, религии и истории. (Теория пантрагизма). Riga, 1936. С. 44.

¹⁸⁷¹ Вейдеман, Трагика как сущность..., 42–43.

¹⁸⁷² См.: Lanz H. Aesthetic Relativity // Stanford University Publications: University Series: Language and Literature. Vol. VII. Stanford — London. 1947. № 1. P. 3–20. За предоставленный перевод этой работы я благодарю Ольгу Андреевну Попову (Саратов), исследовательницу философского наследия Г.Э. Ланца.

¹⁸⁷³ См.: Lanz H. The Physical Basis of Rime: An Essay on the Aesthetics of Sound. Stanford, 1931.

¹⁸⁷⁴ Шаламов В.Т. Воспоминания. М., 2001. С. 23.

Многие проблемы, поднимаемые на заседаниях в ГАХНе, обсуждались в Московском философском обществе, организованном 29 октября 1922 г. молодыми философами из последнего выпуска упраздненного философского отделения историко-филологического факультета Московского университета. Общество не было официально зарегистрировано, и собирались обычно у кого-нибудь на квартире — чаще всего у В.А. Игнатовой, реже — у И.Д. Левина или Б.А. Фохта¹⁸⁷⁵. Доклады читались из самых разных областей философского знания, не только по эстетике¹⁸⁷⁶. С арестом и расстрелом Игнатовой в 1927 г. общество прекратило свое существование.

В эти же годы появляются новые работы Андрея Белого, посвященные философии искусства и культуры¹⁸⁷⁷.

Исследователи творчества Б.Л. Пастернака находят в его ранней прозе и поэзии неокантианские аллюзии, реминисценции, термины; без марбургского контекста невозможно понять его рассуждения на этические и гносеологические темы в «Охранной грамоте»¹⁸⁷⁸. Кроме того, выдвигаются гипотезы о том, что и «Фауст» Гёте был прочитан Пастернаком через призму эстетических идей Когена...¹⁸⁷⁹

Можно с уверенностью говорить о «неокантианском» компоненте в работах М.М. Бахтина, где творческое преломление и развитие получили некоторые эстетические идеи и методологические решения марбургских неокантианцев¹⁸⁸⁰.

Неокантианские эстетические идеи оказались востребованными и в палеопсихологических трудах Б.Ф. Поршнева: в его исследовании возникновения эмоции нашла подтверждение когеновская трактовка чувства как синтеза познания и нравственности, осуществляемого при посредстве речи. «Полустершийся след»

¹⁸⁷⁵ Левин И.Д. Дневники. 1921–1931 // Литературное обозрение. 1996. № 5–6. С. 96–107.

¹⁸⁷⁶ См.: Левин, «Шестой план», 287.

¹⁸⁷⁷ См.: «Очерк четвертый. 2».

¹⁸⁷⁸ *Fleishman, Harder, Dorzweiler* 1996/I, 132–133.

¹⁸⁷⁹ Акиндинова Т.А. Эстетика неокантианства в Германии и России (сравнительный анализ) // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения И. Канта: Труды международного семинара и конференции: В 2 ч. / Под ред. В.Н. Брюшинкина. Ч. 1. Калининград, 2005. С. 138.

¹⁸⁸⁰ См.: Акиндинова, Эстетика неокантианства в Германии и России, 139–140; Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Под ред. С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева, комм. С.С. Аверинцева, Л.А. Гогтишвили, В.В. Ляпунова, В.Л. Махлина, Н.И. Николаева. М., 2003. С. 596–603 и след. Далее цитируется как Бахтин, Собрание сочинений I с указанием страниц; Мнич Р. (Mnich). Рецепция Кассирера в России в свете некоторых особенностей русской философии // *Revue des études slaves*. Т. SOIXANTE-QUATORZIEME. Fascicule 2-3. Paris. 2002–2003. С. 567–568. Ср.: Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 36.

этого синтеза и Поршнев, и Коген увидели в метафоре (*Vergleichung*)¹⁸⁸¹. Далее развитие концепции Поршнева шло в постоянной, правда, скрытой (и потому неизвестно — осознанной или случайной) полемике с когеновским эстетическим учением¹⁸⁸². В своем труде «О начале человеческой истории» Поршнев по сути разработал «новый вариант теории антропогенеза»¹⁸⁸³. Хорошо знакомый с когеновской «Логикой чистого познания», он мечтал написать «Критику человеческой истории»...

Эта идея в той или иной форме воплотилась в работах его младшего современника, ученика русского марбуржца Б.А. Фохта М.Б. Туrowsкого: они были посвящены исследованию «*логико-методологических принципов построения*» теории антропогенеза, понятого как «процесс, содержанием которого является формирование человеческого отношения к миру, то есть формирование исторического основания теории человеческой деятельности вообще»¹⁸⁸⁴. Неокантианское проблемополагание сказывается на всем философском творчестве Туrowsкого: от трактовки диалектической логики как логики *порождения* — до формулирования проблемы *всеобщего* и «персоналистической» философии культуры, где культура понимается как *функциональное* пространство с временной и *деятельностной* характеристиками¹⁸⁸⁵...

Этот разбор с целью выявить следы присутствия и развития неокантианских эстетических идей в концепциях российских философов можно — и нужно! — продолжить. Такая работа требует, однако, специального кропотливого исследования, вознаграждением которому должно стать обнаружение эвристической ценности тех или иных полузабытых идей неокантианского «обихода» для современной философской работы. Речь должна идти, разумеется, не только об *эстетической* составляющей неокантианской научной «программатики».

Поиск «выхода к бытию» — того самого «выхода», о котором грезили русские религиозные мыслители и которого не могли найти в сфере *философии*, греша «методологическим неразличением данного и заданного, бытия и долженствования»¹⁸⁸⁶, — этот «онто-

¹⁸⁸¹ См.: *Cohen, Ästhetik* 1912/1, 371–372, 376; *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974. С. 450.

¹⁸⁸² См. об этом: *Акиндинова, Бердюгина*, Новые грани старых иллюзий, 89–90; *Акиндинова*, Эстетика неокантианства в Германии и России, 140–141.

¹⁸⁸³ *Туrowsкий М.Б.* Предыстория интеллекта: Избранные труды. М., 2000. С. 325.

¹⁸⁸⁴ Там же.

¹⁸⁸⁵ См.: *Огурцов А.П., Румянцев О.К.* Предисловие // *Туrowsкий М.Б.* Философские основания культурологии. М., 1997. С. 4–9.

¹⁸⁸⁶ *Бахтин М.М.* <К философии поступка> (ок. 1920) // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. I: Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003. С. 22.

логический мотив» и стал той проблемой, которая определила на многие годы *второе направление* в развитии и трансформации неокантианских идей после революции.

Проблема бытия была осознана и артикулирована русскими (как и немецкими) неокантианцами еще до революции. В пореволюционное время во многом благодаря снижению эмоционального накала полемики с мыслителями религиозно-мистического направления сама постановка этой проблемы утратила, как это ни парадоксально, мировоззренческий пафос, но приобрела теоретическую трезвость:

«Можно и должно признать, что в области своих специальных задач современная философия (особенно неокантианство) достигла очевидных высот и сумела наконец выработать совершенно научные методы (чего не сумел сделать позитивизм во всех своих видах, включая сюда и прагматизм). Нельзя отказать нашему времени в высокой заслуге приближения к идеалу научной философии. Но эта научная философия может быть только специальной философией, т. е. философией областей культуры и их единства в теоретической транскрипции изнутри самих объектов культурного творчества и имманентного закона их развития. Зато эта теоретическая философия не может претендовать быть первой философией, т. е. учением не о едином культурном творчестве, но о едином и единственном бытии-событии. Такой первой философии нет и как бы забыты пути ее создания»¹⁸⁸⁷.

Осознание кризиса в «классическом» неокантианстве ни в коем случае не могло означать для русских неокантианцев «просто-го игнорирования» философского критицизма. Наоборот, понимая его ограниченность, которая неизбежно свойственна «любой стадии философского развития», они призывали «всех истинных друзей философии» совершить его «преодоление» «путем полного принятия всего истинно ценного в нем, путем постижения всей его глубины», поскольку, «лишь дойдя до точки, на которой остановилась данная философия», можно «сделать шаг за ее пределы»¹⁸⁸⁸. Поэтому Н.В. Болдырев предпочитает искать выход из кризиса не в той или иной метафизике с неким внешним разуму основанием¹⁸⁸⁹, не в «хилой интуиции», которая «не в силах объять бытия» и потому «вечно оставляет его вне себя, трансцендентным»¹⁸⁹⁰, но в «логике как истинной метафизике», в «познании

¹⁸⁸⁷ Бахтин, Собрание сочинений I, 21–22.

¹⁸⁸⁸ Болдырев Н.В. Бытие и знание, созерцание и разум: Онтологические мотивы критицизма // Мысль. 1922. Кн. 1. С. 13.

¹⁸⁸⁹ Болдырев, Бытие и знание, 25, 28.

¹⁸⁹⁰ Болдырев, Бытие и знание, 31.

как бытии»¹⁸⁹¹. Он убежден, что критицизм «продолжает отвечать запросам современной философской мысли», и, чтобы это понять, нужно «лишь вскрыть некоторые глубокие мотивы критицизма, обычно остающиеся в тени»¹⁸⁹².

Одним из тех, кто, «воюя целую жизнь с неокантианским логицизмом», «навсегда усвоил» один из его глубинных мотивов — «идею творчески мыслительного континуума, функционирующего наряду с единократными структурами»¹⁸⁹³, был А.Ф. Лосев. Влияние неокантианства (Наторпа, Кассирера) на Лосева сказалось прежде всего в его историко-философских работах (о Платоне, об эстетике Возрождения) и в его концепции мифа. Несмотря на всю остроту полемики с Кассирером, Лосев часто акцентировал родственность своего мышления кассиреровскому¹⁸⁹⁴.

Сейчас было бы трудно однозначно ответить на вопрос, кто из русских / «советских» неокантианцев¹⁸⁹⁵ и их учеников до конца прошли путем критицизма и в «углубленном переживании» его, по Болдыреву, его «изжили».

Трансформация центральных философских положений русских марбуржцев за пределами России шла, в основном, именно по пути «онтологизации». Н.А. Гартман и В.Э. Сеземан, испытывая сильное влияние со стороны феноменологической теории Э. Гуссерля, каждый по-своему приступили к разработке концепции «феноменологическо-онтологического реализма», что, в конечном счете, у Гартмана оформилось в учение о «новой», или «критической», онтологии. Сеземан, углубившись в проблемы познания, пытался синтезировать марбургский неокантианский и феноменологический подходы и с их помощью раскрыть сущность так называемого «непредметного» знания, необходимой стороной которого является «иррациональное», имеющее отношение к чувственному бытию. Тем самым Сеземан сближался в своих взглядах с С.И. Гессеном, учеником Г. Риккерта, который предложил оригинальную концепцию «трансцендентально-диалектического онтологизма». Такого рода развитие философских концепций российских неокантианцев, оказавшихся после революции в эмиграции, в тенденции совпадало с одним из немецких

¹⁸⁹¹ Болдырев, Бытие и знание, 22.

¹⁸⁹² Болдырев, Бытие и знание, 32.

¹⁸⁹³ Лосев А.Ф. Страсть к диалектике: Литературно-философские размышления философа. М., 1990. С. 16.

¹⁸⁹⁴ Мнич, Рецепция Кассирера в России, 569—571.

¹⁸⁹⁵ Понятие «советский неокантианец» здесь совершенно свободно от какого бы то ни было идеологического значения. Оно используется только для обозначения тех философов, кто, испытывая большее или меньшее влияние неокантианства на свою концепцию, жил и работал в Советской России.

вариантов развития неокантианства, который в столкновении с феноменологией воплотился в хайдеггеровской фундаментальной онтологии.

Как ни странно, но немногие из русских неокантианцев пошли по пути сближения с неогегельянством, как это происходило в большинстве случаев на родине этих учений, в Германии. Если не считать отдельных черт диалектизма в концепциях С.И. Гессена и К.Ф. Жакова, то среди тех, кто обратился к гегелевским идеям при построении своих концепций, можно назвать только А.В. Вейдемана и Я.И. Гордина¹⁸⁹⁶, самого, наверное, молодого из русских неокантианцев-эмигрантов.

В России, отрезанной политическими границами от европейского философского пространства, трансформация неокантианских идей обнаружила несколько тенденций. Во-первых, сращение с марксизмом с точки зрения деятельностного подхода к проблеме бытия и сознания и к теории личности (С.Л. Рубинштейн), что через неокантианскую идею о мышлении как бесконечном порождении, или чистой деятельности, непосредственно отсылает к кантовскому принципу активности субъекта, когда субъект сам конструирует предмет своего познания. И, может быть, разрабатывая свою концепцию об «отношении человека к миру, к бытию и отношении человека к человеку» «в их взаимозависимости и взаимообусловленности»¹⁸⁹⁷, Рубинштейн в действительности создавал «ненаписанное» Когеном, но «исправленное и дополненное» Марксом «учение о единстве культурного сознания»¹⁸⁹⁸?.. Во-вторых, формулирование принципов критического персонализма (М.М. Рубинштейн), согласно которому жизнь — «высшая ценность» в мире и «высшая категория» в философии¹⁸⁹⁹, а ее смысл раскрывается только в «возможности беско-

¹⁸⁹⁶ Яков Исаакович Гордин (1896–1947) родился в Даугавпилсе, учился в Петербургском университете, в 1923 г. вместе с женой Рахель (1896–1991) эмигрировал из Советской России, обосновался в Берлине, откуда бежал в 1933 г. во Францию. Дружил с Э. Левинасом. Уже в России сложился его интерес к Марбургской школе неокантианства. В 1926 г. в Гамбурге (?) он защитил диссертацию о понятии мышления у Гегеля и Когена (см.: «Литература»). По сведениям проф. Иветы Лейтаны (Leitane) (Рига, Латвия), Гордин слушал лекции Г. Когена в Петербурге в 1912 г., но никогда непосредственным учеником Когена не был. В его интерпретации понятия мышления и бесконечного суждения у Когена (1929) явственно читается влияние гегельянства. См.: *Holzhey* 1986/1, 66–67, 191–194 Anm.; *Stolzenberg* 1995, 10, 98 Anm., 137–138; Белоус В.Г. Вольфила [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. Кн. 2. М., 2005. С. 720–725.

¹⁸⁹⁷ *Рубинштейн* 2003, 286.

¹⁸⁹⁸ Так Г. Коген определял философскую (в отличие от экспериментальной) психологию. См.: *Cohen*, Einleitung, 466.

¹⁸⁹⁹ *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Ч. 1: Историко-критические очерки. М., 1927. С. 182.

нечно-конечной деятельности»¹⁹⁰⁰, что через философию ценности баденского неокантианства и педагогическую теорию П. Наторпа вело к кантовской трактовке человека как «цели в себе». В-третьих, консервация уже выработанной, близкой к «ортодоксальному» марбуржству, позиции (Б.А. Фохт). Такой подход к проблеме возможной трансляции философского знания и философской традиции латентно (в частности, благодаря П.В. Копнину, ученику Фохта в 40-х годах) определил постановку и решение некоторых локальных проблем марксистской теории: проблемы логического обоснования научного знания, введения в научный оборот позитивно определяемого положения «без субъекта нет объекта», реабилитации понятия «идея» и, в целом, антропологической ориентации философского исследования...

Таким образом, можно утверждать, что неокантианство в России, как это ни парадоксально, надолго пережило породившую его эпоху — эпоху порубежную, предреволюционную — и сыграло исключительную по своей значимости роль в истории советской философии.

Русские неокантианцы выступили настоящими продолжателями традиции неокантианских школ. Как ее полноправные наследники, они получили от своих учителей в Марбурге и Бадене не только готовые философские идеи и системы, которые позволили бы им безмятежно прожить целую интеллектуальную жизнь. Вместе с теоретическими открытиями и завоеваниями, они получили и нерешенные проблемы, которые, все более заостряясь в ходе философской полемики, потребовали подробного исследования и последующей творческой переработки, что привело к открытию новых познавательных горизонтов.

В условиях тотального идеологического контроля в новом, возникшем в результате контрреволюционного переворота 1927/29 — 1938 гг. политарном обществе «советским» неокантианцам удалось сделать невозможное: на практике применить эзопову технику тайнописи и тайного умысла, сохранив относительную свободу духа в условиях абсолютной несвободы, и таким образом поддерживать традицию российской интеллигенции; а также сохранить кантианскую спекулятивную традицию, традицию философии, понятой как *наука* и свободной от мировоззренческих претензий, что в дореволюционной ситуации означало *секуляризованную* традицию *чистой* философии, свободной от претензий *религии*, а в советское время получило дополнительное значение *научной* философии, свободной от *идеологии*... «Хитрость» «советских» неокантианцев, унаследованная от немецких критицистов и россий-

---

¹⁹⁰⁰ Рубинштейн, О смысле жизни I, 189.

ской дореволюционной интеллигенции, заключалась в том, чтобы дать возможность своим ученикам из домашних семинаров *прочсть* Канта, а также Когена, Наторпа, Кассирера...

С уходом из жизни последних русских неокантианцев и их учеников закончилась советская эпоха этого движения, но не закончилась его история. Опыт интеллектуального сопротивления, построенного на уникально трансформированной системе марбургского неокантианства и русской интеллигентской традиции, — ценнейшее наследство, доставшееся современному обществу от тоталитарной эпохи. Полузабытые неокантианские идеи и архивы — сокровище, способное принести немало впечатляющих открытий...

Марбургские письма Г.О. Гордона к Б.А. Фохту 1906–1907 гг.*

I. Письмо 17.09.1906 (Марбург – Москва)

Дорогой Борис Александрович!

Сегодня, в 9 час^{ов} утра я получил Ваше письмо и отправился к Наторпу. Он рекомендовал следующие книги:

Weimer. Kurze Geschichte d^{er} Pädag^{ogik} (<G.I.> Göschen Versammlung)¹.

Ziegler. Geschichte d^{er} Pädag^{ogik}² (та, которую Вы видели у Treuner'a³);

Raumer. Geschichte d^{er} Pädagogik. Gütersloh⁴;

Otto Willmann. Didaktik als Bildungslehre. 2 B. 2. Auf. Braunschweig, 1894⁵;

«Geschichte der Erziehung vom Anfang <an> bis auf unsere Zeit» v<on> Prälat<en> Dr. <K.>A. Schmid. 5 B-de. Stuttgart, 1884 г<од> (коллективная энциклопедия)

Отправившись к Treuner'у, я купил у него имевшиеся в наличии книги Ziegler'a и Weimer'a, а также на свой страх книжку проф<ессора> в Йене Rein'a «Pädagogik»⁶ из той же Göschensammlung. Купив их, я немедленно же отправил их Вам (в 11 час^{ов} утра, значит, через 2 часа по получении письма), но на адрес Александра Богдановича⁷ в целях отсутствия задержки со стороны пограничной цензуры: на адресе я написал «Его превосходительству» **профессору** А.Б. Фохт, так что по уставу должны пропустить книги беспрепятственно.

Что касается других книг, то Willmann, которого надо выписывать, так как в Марбурге его нет, стоит 16 мар<ок>, и я решил ждать запроса с Вашей стороны, думая, что Ziegler и те две книжки на первых порах потре-

---

* Впервые: *Дмитриева Н.А.* Из истории неокантианства в России // Eternity's Hostage: Selected Papers from the Stanford International Conference on Boris Pasternak. May, 2004. Ed. by L. Fleishman. P. II. Stanford, 2006. P. 406–547. Здесь примечания к письмам публикуются с некоторыми исправлениями и дополнениями.

буют некоторого времени, в течение которого я смогу, если понадобится, выписать Willmann'a. Raumer (4 тома) стоит 30 марок; «Geschichte d<er> Erzieh<ung>» Schmid'a, о которой Наторп отозвался как об универсальной книге по истории педагогики, совершенно недоступна: 5 томов стоят 172 марки, в разрозненном же состоянии они вряд ли имеют цену, так как книга, как я написал выше, имеет характер энциклопедии. Может быть, она есть в университете? А потом Вы имеете право внести в совет Чернявского института⁸ ходатайство о выписке книги для фундаментальной библиотеки: это не моя фантазия, но узаконенное (в мужских гимназиях, по крайней мере) право всякого преподавателя. Кроме того, Наторп сказал мне, что в конце осени выйдет в свет полное собрание ЕГО статей по педагогике, которое, разумеется, я Вам немедленно по выходе вышлю. Он очень кланяется Вам. Книги я выслал eingeschrieben⁹ и per Kreuzband¹⁰. Через 2 дня те будут у Вас, вероятно, одновременно с этим письмом. Стоили они: Ziegler 8 мар<ок> и две книжки из Göschensammlung по 80 = 1 м<арка> 60. Пересылка 1.50, итого 11 мар<ок> 10 к<опеек>. Так как у меня оставалось еще Ваших 6 марок из 10, оставленных мне Вами (и я должен был все-таки отдать Штелэ¹¹ за стол), то Вы должны мне, стало быть, только 5.10. Я переменял, как писал Вам во второй открытке, квартиру: Frankfurterstrasse 55^{III} Gabriel Gordon (а не *H. Hordon*). Напишу подробнее на днях.

Новый адрес Наторпа: Wörthstrasse, 36¹².

Простите, дорогой Борис Александрович, что пишу так нескладно и, вероятно, неполно. Но я совсем разбит сегодня и физически, и морально, — мысли разбегаются, почти не могу ни на чем сосредоточиться: я вычитал сегодня в «Р<усских> Вед<омостях>»¹³ совершенно потрясающее для меня лично известие (*не* семейного характера), которое прямо подавило меня и лишило способности владеть собою. Что это за известие, напишу или расскажу когда-нибудь потом. Оно помешало мне как следует порадоваться тому, что Ваши дела устроились с внешней стороны так удачно, и тому, что я вообще получил от Вас, наконец, известие. А то мы все здесь, то есть я, Савальский, антикварий Эльверт¹⁴ и Наторп, у которого я был несколько дней тому назад, относя ему «Thema u<nd> Disposition»¹⁵, уже беспокоились по поводу отсутствия известий от Вас.

Итак, прощайте пока, до следующего письма, которое будет обстоятельнее и подробнее. Пишите, пожалуйста, и Вы.

Ваш Г. Гордон

4—17/IX 06

¹ *Weimer H. Geschichte der Pädagogik. Leipzig, 1904.* (Коллекция Б.А. Фохта).

² *Ziegler T. Geschichte der Pädagogik mit besonderer Rücksicht auf das höhere Unterrichtswesen. 2. durchgeseh. und erg. Aufl. München, 1904.* (Коллекция Б.А. Фохта).

³ «Paul Treuner» — книжный магазин, владелец Hugo Hallwig.

⁴ *Raumer K. v. Geschichte der Pädagogik vom Wiederaufblühen klassischer Studien bis auf unsere Zeit. 4. Aufl. 3 Bd. Gütersloh, 1872—1873.*

⁵ *Willmann O. Didaktik als Bildungslehre nach ihren Beziehungen zur Socialforschung und zur Geschichte der Bildung. 2 Bd. 2. verb. Auf. Braunschweig, 1894—1895.*

⁶ *Rein W. Pädagogik im Grundriss. 3. Aufl. 3. Abdr. Leipzig, 1902.* — (Sammlung Göschens; 12).

⁷ Адрес Александра Богдановича Фохта: Москва, Б. Власьевский пер., д. Львовской (№ 20), кв. 6.

⁸ Усачевско-Чернявское женское училище (Москва, Zubovskaya ul., d. 14) находилось в ведомстве Императорского человеколюбивого общества и под покровительством императрицы Марии Федоровны.

⁹ «заказной» (нем.).

¹⁰ «бандеролью» (нем.).

¹¹ Fritz Staehle — конторский служащий, в 1906 г. проживал в Марбурге по адресу: Schwanallee, 3 (Staatsarchiv Marburg). Вероятно, Б.А. Фохт жил в его доме во время летнего семестра 1906 г.

¹² До переезда Наторп жил по адресу: Wilhelmstraße, 28 (Staatsarchiv Marburg). Сейчас Wörthstraße носит название Liebigstraße.

¹³ Возможно, Гордон имеет в виду еврейский погром с участием войск гарнизона и большим количеством жертв в польском городе Седлеце 28 августа 1906 г. Первое сообщение о погроме появилось в «Русских ведомостях» от 30.08.06 г. (№ 215, с. 2). В последующих номерах вплоть до 3 сентября (№№ 216–219) публиковались подробности происшедшего. К другим волнующим новостям этих дней можно отнести сообщение о казни утром 29.08.1906 г. З.В. Коноплянниковой, застрелившей в Петергофе генерала Мина (№ 217, 1.09.1906, с. 2), и о введении военно-полевых судов для расправы над революционерами (№ 212, 26.08.06, с. 1).

¹⁴ Эльвертом Гордон называет Вильгельма Брауна (Wilhelm Braun), издателя, книготорговца и владельца книжного магазина «N.G. Elwert» (Reitgasse, 7) (Staatsarchiv Marburg).

¹⁵ Natorp P. Thema und Disposition der aristotelischen Metaphysik // Philosophische Monatshefte. Heidelberg. 1888. Bd. XXIV. H. 1–2. S. 37–65; H. 9–10. S. 540–574.

II. Открытка 03.10.1906 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Сегодня я получил 21 м<арку> 30 пф<еннигов> из Лейпцига; они пришли очень кстати, так как у меня оставалось только 50 пфеннигов. На мою долю приходились из них 10 м<арок> 90; Меллина² я Вам отослал; он стоил 7 м<арок>, отсылка 85 пф<еннигов>, кроме того книгопродавец взял с меня еще 1.50 за Наторпа Religion³, присланную тогда Вам по адресу Штелэ (еще когда Вы были здесь), и отданную Вами, кажется, Савальскому. Так что в общем 20 м<арок> 30 – 10 м<арок> 90 – 7 м<арок> 85 – 1.50 = 1 м<арка> 5 пф<еннигов>. Следовательно, Ваших денег у меня теперь осталось 1 м<арка> 5 пф<еннигов>. Что касается книг по педагогике и преподаванию в Греции и Риме, то в магазинах таких книг не было, но там справляются в каталогах, и если найдется, то вышлю. О пролегоменах⁴ нового ничего нет.

Что касается моих занятий, то я успел сделать за месяц, исполнившийся вчера, Вашего отсутствия след<ующее>: проштудировал Форлендера I том и часть второго,⁵ часть «Пропедевтики» Наторпа⁶; остальное время у меня занято было Рюиссеном⁷; в часы отдохновения я переводил Липпса речь⁸, но, дойдя до половины, должен был выслать Вам подлин-

ник. На днях пришло Вам большое письмо с описанием различных вещей. Случайно я встретил в парикмахерской Наторпа, которому рассказал в ответ на его вопрос о Вас, что Вы будете вести семинарий по Канту; он очень смеялся, когда я ему рассказал, что рядом с Вами там будут читать еще Новгородц<ев> и Хвост<ов>, и так<им> обр<азом> будет три интерпретации на курсах и одна каша в головах курсисток⁹. Вчера приехал Гартман и был у меня. Работу свою он закончил¹⁰. Сесеман¹¹ писал мне, что вышлет на днях сюда лекции Ког<ена> по др<евней> фил<ософии> и еще писал кое-что о Петербурге и его настроении. Савальский через 1 1/2 недели уезжает в Галле. Пишите, пожалуйста, как и что. Как здоровье Ваше и что с Христиансеном¹²?

Ваш Г.Г.

3 окт<ября> 06.

¹ Адрес на открытке: «Russland. Moskau. Россия. Москва, Большой Власьевский пер., д. Львова <№ 20>. Его высокородию Борису Александровичу Фохт».

² *Mellin G.S.A.* Marginalien und Register zur Erleichterung einer Vernunftkenntnis der kritischen Philosophie aus ihrer Urkunde. 2 Bd. Bd. 1: Zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1900; Bd. 2: Zu Kants Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Kritik der praktischen Vernunft. Kritik der Urteilskraft. Leipzig, 1902.

³ *Natorp P.* Religion innerhalb der Grenzen der Humanität: Ein Kapitel zur Grundlegung der Socialpädagogie. Freiburg — Leipzig, 1894. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁴ Речь идет о новых исследованиях, посвященных «Прологоменам ко всякой будущей метафизике...» И. Канта.

⁵ *Vorländer K.* Geschichte der Philosophie. Bd. 1: Philosophie des Altertums und des Mittelalters. Leipzig, 1903; Bd. 2: Philosophie der Neuzeit. Leipzig, 1903. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁶ *Natorp P.* Philosophische Propädeutik (Allgemeine Einleitung in die Philosophie und Anfangsgründe der Logik, Ethik und Psychologie) in Leitsätzen zu akademischen Vorlesungen. 2. Aufl. Marburg, 1905. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁷ *Ruyssen T.* Kant. Paris, 1900. — (Les Grands Philosophes). (Коллекция Б.А. Фохта)

⁸ Видимо, это *Lipps T.* Naturwissenschaft und Weltanschauung. Leipzig, 1906. Sonderabdruck. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁹ Курсистки Московских высших женских курсов, где преподавал Фохт. См.: *Гарева*, Предисловие к публикации, 106. В это же время на МВЖК работали П.И. Новгородцев и В.М. Хвостов.

¹⁰ Речь идет о диссертации Н.А. Гартмана: *Hartmann N.* Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato. Marburg, 1908.

¹¹ Фамилия Василия Эмилевича Сесемана. Гордон передает ее также как «Зеземан».

¹² Фохт, видимо, в это время искал возможность издать перевод книги Бродера Христиансена: *Christiansen B.* Erkenntnistheorie und Philosophie des Erkennens. Napau, 1902. Вышел в 1907 г.: Христиансен Б. Психология и теория познания. Пер. с нем. Е.И. Боричевского. Под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. Москва, 1907.

III. Письмо 10.10.1906 (Марбург – Москва)

19 27–10/IX-X 06

Дорогой Борис Александрович!

Я только что кончил упаковку Рюиссена, когда принесли Вашу открытку. Чтобы покончить с Рюиссенем, напишу Вам сперва о нем.

1. В высылаемом транспорте содержится перевод от начала книги до стр<аницы> 161 включит<ельно>¹. Из самой книги я по техническим причинам шлю только 160 стр<аниц>, то есть ровно 10 листов.

2. В книге Вами проредактированы первые 52 стр<аницы> до главы IV: «Élaboration de la Critique <(1768–81)>»² на стр<анице> 53; этим 52 стр<аниц>ам соответствуют в рукописи первые 32 стр<аницы>. Все остальные подлежат редакции.

3. Все места из Канта в НЕредактированной части переведены мной по оригиналам; названия Кант<овских> сочинений приведены по К. Фишеру и Виндельбанду³.

4. Цитаты из «Кр<итики> ч<истого> раз<ума>» я перевел на Кербаха⁴ и Соколова⁵. За совпадение с Гартенштейновскими⁶ и точность между Кербахом и Соколовым ручаюсь. Из цитат «Прологомен» указал не все, что восполню при корректуре.

.....

5. В *редактированной* части не переведена одна фраза на стр<анице> 46 подлинника и 28 рукописи: «l'esprit de<s> baggatelles» — ее нужно посмотреть в Кантовском оригинале, в издании Розенкранца⁷ хотя бы.

6. При переписке у меня возникло сомнение по вопросу о правильности нашего перевода заглавия одной главы (рукопись стр<аница> 21): «Retour a l'empirisme»⁸. Мы перевели: «Возвращение к эмп<иризму>», но а) retour может значить и «поворот», и б) перевести так будет, кажется, вернее, так как раньше никакого эмпиризма у Канта ведь не было. Я оставил на месте слова retour пробел.

7. На стр<анице> 45 подлинника есть выражение: «l'être sorti de<s> mains de la Nature». Я перевел его: «существо, вышедшее из рук природы». Вы усомнились за неимением под руками Руссо. Но перевод все-таки правилен. В доказательство предлагаю Вам посмотреть в I томе «Ист<ории> новой филос<офии>» Виндельб<анда>—Введенского стр<аницу> 339, строку 16–17 снизу⁹.

Вот, кажется, и все о нем. На днях постараюсь выслать Вам второй транспорт, в котором будет содержаться конец метафизики природы из Рюиссена¹⁰ и Шульц¹¹.

Что касается Форлендера о социализме¹², то я при всем желании не мог еще перевести его, потому что решительно не было времени. Вы спросите, куда оно идет? Я работаю часов 12–13 в день и все-таки не успеваю сделать все, что хотелось бы. Задача, которую себе поставил, заключалась, как Вы, впрочем, кажется, знаете, в том, чтобы до начала лекций подготовиться к ним путем тщательного прочтения Форлендера¹³ для Когена и Пропедевтики для Наторпа. Это мне, по-видимому, удастся, так как лекции начинаются очень поздно: Ледер¹⁴ сказал мне, что Коген придет только 12–15 окт<ября>, а я со своей стороны прошел Форлендера кончая Спинозой, и Наторпа тоже на днях кончаю; проделал я обе вещи очень тщательно, в особенности Наторпа, где останавливался на всяком предложении и разбирал его по косточкам, пока оно не становилось мне совершенно ясным (что не исключает, разумеется, возможности непра-

вильного с моей стороны понимания). Пользу я вынес из этого очень большую и приступлю к изучению «*Theorie d'«er» Erfahrung*» Когена¹⁵ с меньшими опасениями, но времени взяло это много. Кроме того, Рюиссен, как я Вам писал, тоже отнял немало. Затем мы с Гартманом начали читать Аристотеля, и так как я стараюсь вынести из этого как можно больше, то читаю Боницевский комментарий¹⁶, а это, как Вы знаете, штука не простая. Без него же я не нахожу в чтении особенной пользы, хотя со стороны языка Аристотеля читается очень легко, и к моему удивлению в этом отношении не только Ник<иколай> Авг<устович> мне, но и я ему подчас бываю полезен. Для Вас же наше чтение имеет ту выгоду, что весной я привезу Вам тщательнейшее по Боницу составленное изложение, по крайней мере, I-ой книги «Метафизики», равно как и разработанную по Боницу терминологию всего того, что успеем прочитать. Так вот, видите, Борис Александрович, что я стараюсь выжать из моего пребывания здесь все соки, какие только возможно. Но зачем в сутках только 24 часа?

Что касается переводов, то было бы лучше всего попытаться устроить Рюиссена, а если не удастся, то тогда я бы перевел «Социализм» Форлендера. Переводить же его на авось я бы не хотел, потому что он возьмет минимум 10 дней, то есть часов 60, что в значительной степени выбьет меня из колеи. Иное дело для денег, подлежащих непосредственному получению. А то ведь через 4 месяца я, как Вы знаете, оказываюсь без всяких ресурсов, кроме займов.

Что касается Форлендеровской истории¹⁷, то хорошо бы ее продать, по-моему, или, верите, запродать, потому что ведь собственное издание потребует массы денег: в переводе будет minimum 45 листов.

С «Психологией» и «Педагогией» Наторпа¹⁸ должен я спешить?

Auffarth'a¹⁹ Эльверт разыскивает. Сейчас отправлюсь покупать для Вас книги и отправлять Вам их, Рюиссена и это письмо. Поэтом кончаю. Жаль, что не могу сейчас описать Вам смехотворных похождений и приключений абсолютно бьющего баклуши и раскладывающего пасьянсы Савальского, а также его высоко интересного философского совещания с Гартманом, которое последнего привело в недоумение и уныние, а Савальского в радостное и гордое настроение, проявившееся в том, что по окончании разговора, последовавшем, как и надо было полагать, в кабаке, он рассказал Гартману такой рафинированный анекдот, что тот, сперва его не поняв, потом, когда его озарило, воскликнул: «Фу, воняет». Вообще не достаёт только какого-нибудь публичного скандала, чтобы Савальский стал здесь притчей во языцех. Ну, пока до свидания в письме.

Ваш Г. Гордон

<P.S.> У Эльверта нашел я и Auffarth'a, шлю Вам его.

¹ Из 8 глав и 395 страниц книги Рюиссена к моменту отправки письма Гордон перевел Предисловие, три главы и 5 страниц четвертой главы («*Avant-Propos*», *Chapitre I*. «*Kant et son temps*», *II*. «*Période antécritique*», *III*. «*La critique de la raison pure speculative*». *IV*. «*Métaphysique de la Nature*».)

² *Ruyssen*, *Kant*. *Chapitre II*—4.

³ Видимо, речь идет о переведенных на русский язык двух книгах по истории философии: К. Фишер. История новой философии. Пер. с нем. юбилейного изд. СПб.

Т. IV: Иммануил Кант и его учение. Ч. 1: Возникновение и основание критической философии. Пер. с 4-го нем. изд. Н.Н. Полилова, Н.О. Лосского, Д.Е. Жуковско-го. 1901. Т. V: То же. Ч. 2: Система разума на основе критики разума. Пер. Д.Е. Жуковско-го, О.А. Аносовой. Под ред. и с пред. Д.Е. Жуковского. 1906; *В. Виндельбанд*. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Пер. со 2-го нем. изд. Е.И. Максимовой, В.М. Невежиной и Н.Н. Платоновой. Под ред. [и с предисл.] А.И. Введенского. В 2 т. Т. 2: От Канта к Ницше (СПб., 1905), стр. 3–12. § 57. Жизнь и сочинения Канта.

⁴ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Text der Ausg. 1781 mit Beifügung sämtlicher Abweichungen der Ausg. 1787. Hrsg. von K. Kehrbach. 2-te Aufl. Leipzig, 1878. — (Reclam-Bibliothek).*

⁵ *Кант И.* Критика чистого разума. Пер. с нем. Н.М. Соколова. Изд. 2-ое. СПб., 1902.

⁶ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Hrsg. von G. Hartenstein. Leipzig, 1853.*

⁷ «ein <...> Geist der Kleinigkeiten (esprit des bagatelles)». См.: *Kant I. Sämtliche Werke. Hrsg. von K. Rozenkranz u. F.W. Schubert. Bd. IV. Kritik der Urtheilskraft und Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen Leipzig, 1838. S. 422.*

⁸ *Ruyssen, Kant. Chapitre II—3. P. 34.*

⁹ «Руссо повествует человеку о том, что он вышел из рук природы подобным счастливому ребенку, покоящемуся на груди матери...». См.: *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Т. 1: От Возрождения до Канта. СПб., 1902. С. 339.

¹⁰ Конец главы IV «*Métaphysique de la nature*» со страницы 161 по 190.

¹¹ *Schulze Johann.* Erläuterungen zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Im Gewande der Gegenwart hrsg. von Rob. C. Hafferberg. Jena — Leipzig, [1897].

¹² Видимо, речь идет о книге: *Vorländer K.* Die neukantianische Bewegung im Sozialismus. Berlin, 1902. — 62 S. (Коллекция Б.А. Фохта), поскольку перевод другого сочинения Форлендера о социализме (*Kant und der Sozialismus unter besonderer Berücksichtigung der neuesten theoretischen Bewegung innerhalb des Marxismus*, 1900) был опубликован в том же 1906 г. в Москве П. Земновым (*Форлендер К.* Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме. Пер. с нем. П. Земнова. М., 1906) и о подготовке этой работы к публикации Фохт, вероятно, знал. П. Земновым в 1907 г. были переведены и две другие работы Форлендера о социализме: *Форлендер К.* Неокантианское движение в социализме. М., 1907; *он же.* Современный социализм и философская этика. М., 1907. В «Русских ведомостях» от 14.11.1906 г. (№ 278, с. 5) появилось объявление о выходе из печати перевода 1906 г. и готовящейся публикации двух других.

¹³ *Vorländer, Geschichte der Philosophie.*

¹⁴ Герман Ледер (Leder) — до 1907 г. сотрудник (ассистент) в университетской библиотеке Марбурга (Staatsarchiv Marburg). Защитил диссертацию в Марбургском университете по истории философии: *Leder H.* Untersuchungen über Augustins Erkenntnistheorie in ihrem Beziehungen zur antiken Skepsis, zu Plotin und zu Descartes. Inaugural-Dissertation. Marburg, 1901. (Коллекция Б.А. Фохта).

¹⁵ *Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. 2. neubearb. Aufl. Berlin, 1885. (Коллекция Б.А. Фохта).

¹⁶ Вероятно, это *Bonitz H.* Observationes criticae in Aristotelis libros metaphysicos. Scripsit Hermannus Bonitz. Berolini, 1842, или *Ders.* Aristotelische Studien. 5 Bd. Wien, 1862–1867.

¹⁷ *Vorländer*, Geschichte der Philosophie. Перевод на русский язык: *Форлендер К.* История философии (в 3-х томах). Т. 1. Авториз. пер. со 2-го нем. изд. под ред. проф. В.А. Савальского. СПб., 1911.

¹⁸ *Natorp P.* Allgemeine Pädagogik in Leitsätzen zu akademischen Vorlesungen. Marburg, 1905. Что касается работы Наторпа по психологии, то в коллекции Фохта сохранилось только ее второе издание: *Natorp P.* Allgemeine Psychologie in Leitsätzen zu akademischen Vorlesungen. 2. verbess. Aufl. Marburg, 1910. (Первое издание: Marburg, 1904).

¹⁹ *Auffahrt A.* Die Platonische Ideenlehre. Berlin, 1883. (Коллекция Б.А. Фохта).

IV. Письмо 21.10.1906 (Марбург – Москва)

Дорогой Борис Александрович!

Я получил Вашу открытку сегодня, то есть в воскресенье, и потому предпринять по покупке и заказу книг ничего не мог. Что касается Religion¹, то недостающих страниц я не могу найти у себя по той простой причине, что я вообще даже не дотрагивался до книги. Взяв с собой рукопись Рюисс<ена>, я отправился тогда к Эльверту, купил речь² и Religion, причем посмотрел только на заглавие последней, так как никак не мог предполагать, что там не будет 2 листов (я покупал ведь не в антикварном отделении), и попросил запаковать, а потом в том виде, как посылка пришла к Вам, снес ее на почту. Я справлюсь у Эльверта, — нет ли этих выпавших листов на полке, где стояла книга. Требуемые Вами книги вышлю сейчас же по получении денег, которые пока еще не пришли.

Сообщенные Вами известия о Вашем здоровье меня очень огорчили. Не лучше ли Вам было бы отказаться от Чернявского института: ведь подготовка отнимает, вероятно, много сил и времени. Тем более, что ведь Вы, отправляясь в Москву, вообще не имели, кажется, в виду этого нового способа самоизнурения? Да и с денежной стороны, насколько я могу об этом судить, игра ведь не стоит такой массы свеч, какая на нее идет. Я Вам писал уже, что Наторп очень удивлялся, что Вы так много дела взвалили на себя; опасения по поводу Вашего здоровья выражал и Гартман, а отбывший вчера в Галле Савальский даже сострил, сказав про Вас, что «как бы Бор<ис> Ал<ександрович> там не заврался, то бишь, виноват, не зарвался», но, не встретив в ответ на это никакого сочувствия с моей стороны, смутился. Кроме того, я почти уверен, что Вы, по обыкновению, ничего не предпринимаете в отношении лечения. Не напрасно ли?

Так вот, совокупность всех этих известий: о Вашей болезни, аресте Б<ердникова>³, плохом состоянии дел в торговле отца, о чем он писал мне, приводят меня в большое уныние. К этому присоединяется еще и отсутствие правильных сведений о России, так как «Р<усские> Вед<омости>» последнюю неделю приходили к Савальск<ому> уже в Галле, а немцы пишут мало, сбивчиво и несочувственно. Кроме этого и известия о пертурбациях в университете вызвали во мне порядочную тревогу, так как ведь положение академич<еских> дел в Москве может, как Вы знаете, иметь решающее влияние на мою судьбу.

Так что эмоциональное состояние мое не из важных, и как мне удается владеть собою настолько, что я не теряю способности заниматься, — вопрос для меня самого. В остальном дела в Марбурге по-прежнему. Никаких признаков зимы не замечается, на улице градусов 15–16 Реом<юра>, за все время с Вашего отъезда дождь шел только два раза и то ночью. Здоровье мое, по обыкновению, великолепно. Так как лекций еще нет, то мы с Гартманом занимаемся Аристот<елем> каждый день и прочли уже А и В (α выпустили по причине ее подложности и эклектичности). Коген начинает читать только 17–30 окт<ября>. Вот и все, кажется, о здешних делах. Немцы со мной очень хороши. Приобрел некоторых новых знакомых. Только язык мой хромает на все четыре ноги. Если удастся, то, пожалуйста, пришлите Туссэна⁴.

Что касается, в частности, ареста Б<ердникова>, то я вполне разделяю Ваши соображения, высказанные в письме, и с этой стороны почувствовал даже при этом известии некоторое облегчение, но все-таки стало мне грустно. По-видимому, мрак так стусилился за последнее время, что просветов почти не видно. Если удастся узнать что-нибудь о причинах и дальнейшей его судьбе, то будьте добры, напишите мне, пожалуйста. Или если сами не можете, то передайте Боричевск<ому>, что я очень прошу его об этом.

Только что получил коллективное письмо из дому, где наряду с разно-го характера известиями находится и следующее: (пишет сестра⁵, воспроизвожу букв<ально>) «Б<орис> А<лександрович> ведет у нас семинарий по Канту, но я никак не могу на него попасть, потому что как раз в это время у меня урок. Его очень хвалят наши курсистки, и в гимназии (то есть в 1-ой) он произвел превосходное впечатление». Вот видите! Я и тогда Вам говорил, что нечего кокетничать и притворяться, что будто бы опасается плохих результатов. Меня это известие очень порадовало, хотя я и раньше в возможности его не сомневался. Если же сестра говорит, что Вас очень хвалят, то это имеет большое количественное значение, так как она имеет на курсах обширнейшее знакомство.

Кроме того, мне пишут из дому, что Алекс<андр> Ив<анович> Герлах⁶ болен чем-то. Знаете ли Вы об этом?

Ну вот, я, кажется, уже сделал достаточно, чтобы порядком надоест Вам и вызвать с Вашей стороны какое-нибудь крылатое словцо по моему адресу. Поэтому умолкаю, но еще раз очень и очень прошу Вас не махать рукой на свое здоровье и не лечиться собственными средствами. А главное — не изнурять себя без всякой надобности 24 часовыми подготовками к лекциям. То же самое ставит Вам на вид и Николай Августович, собирающийся писать Вам, а пока посылающий поклон и привет.

Ваш Г. Гордон

Marburg 8/21 X 06.

¹ Natorp, Religion innerhalb der Grenzen der Humanität.

² Неизвестно, что имеется в виду: упомянутая выше работа Т. Липпса, речь Г. Когена или текст выступления П. Наторпа, сохранившиеся в коллекции Б.А. Фохта: *Cohen H. Rede bei der Gedenkfeier der Universität Marburg zur hundersten Wiederkehr des Todestages von Immanuel Kant gehalten am 14. Februar 1904. Marburg, 1904; Natorp P. Zum Gedächtnis Kants. Leipzig, 1904.*

³ Речь идет о А.И. Бердникове (см. письмо № 9 от 17.12.1906), с которым Фохт работал над первым изданием «Кантианы»: *Штанге К.* *Ход мыслей в «Критике чистого разума»*: Руководство для чтения. Пер. с нем. Б.А. Фохта и А.И. Бердникова. М., 1906. — (Kantiana. Серия руководств к изучению философии Канта. Вып. 1).

⁴ Самоучитель немецкого языка для взрослых. По методу Туссэна и Лангенштейнта (издания: сост. Д.Н. Сеславин. СПб, 1893, 1903; сост. А.П. Редкин. СПб, 1903, 1905).

⁵ Мария Осиповна Гордон — сестра Г.О. Гордона (всего в семье было трое детей: Гавриил, Мария и Владимир), впоследствии жена Алексея Германовича Циреса (1889—1967). В 1904—1909 гг. училась на Московских высших женских курсах. (По сообщению Игоря Широкина <http://www.orojaz.ru/gybnikova.html>).

⁶ Александр Иванович Герлах — товарищ казначея Русского библиографического общества при Императорском Московском университете, секретарь правления «Общества книгопродавцев», совладелец торгового дома «Альшванг В. и Герлах А.» (книжный магазин «Журнальное дело»).

V. Письмо 10.11.1906 (Марбург — Москва)

Простите, дорогой Борис Александрович, что пишу Вам такое колоссальное письмо, но надо же когда-нибудь высказать все нужное.

Прежде всего, о делах. Ваша открытка вызвала во мне тревогу и недоумение: Вы пишете, чтобы я Вам выслал Форлендера¹ и Лассвица², но я послал их Вам по первой же Вашей просьбе (заказной посылкой) еще в воскресенье 15/28 октября, то есть почти две недели тому назад. Одновременно послал и открытку³. Если Вы не получили, то что это значит? В открытке я писал Вам, что деньги 20 р<ублей> получил и дал отчет об их израсходовании (что-то марок 6—7, не хочется сейчас считать); там же сообщал Вам по Вашей просьбе, какие из Ваших книг еще остаются у меня. Пожалуйста, напишите, получили ли Вы эти книги и открытку хотя бы теперь. Что касается Ваших новых заказов, то я сегодня высылаю Вам Наторпа «Логик»⁴ и те 32 страницы из его же Religion, которые не доставали у Вас: Эльверт любезно дал мне их, специально откуда-то выписав и не взяв денег. В одном пакете с ними шлю Вам недостающие из моей части листы Шульца; из них первые 10 страниц (от 38 по 48: нумерация начинается с 38 стр<аницы>), так как первые 37 находятся уже у Вас) *про-редактированы*, остальные (в тексте Шульца 19 страниц) подлежат проверке. Что касается книг Arnoldt'a⁵ и Mencke⁶, то первая была мною, как я Вам писал, уже давно заказана и на днях будет Эльвертом получена, — вторую же я заказал. Теперь: Kommentar Когена⁷ и статьи Наторпа⁸ еще не вышли; что касается Ланге, то 1) название Вы, по-видимому, написали не точно, так как такой книги у Ланге нет, а есть «Logische Studien. Ein Beitrag zur Neubegründung der formalen Logik u<nd> der Erkenntnisstheorie»⁹, а 2) Коген ее не издавал. Не зная, поэтому, эту ли книгу Вы имеете в виду, мы с Эльвертом решили послать Вам запрос, что я, как видите, и делаю. Benno Erdmann'a¹⁰ я имею (мой собственный экземпляр), но я, к сожалению, никак не могу его Вам выслать, потому что он мне каждый день может быть теперь нужен, но мне помнится, что ведь у Вас

был он. Или пропал? Тогда черкните мне, и я немедленно куплю и pošлю. Вот, кажется, и все о книгах. Появились, кстати, лекции Зиммеля: «Schopenhauer und Nietzsche. Vorlesungenzyklus»¹¹, но я, сообщая Вам это ex officio, не думаю, чтобы стоило ее покупать. Если Вы иного мнения, пишите, и пришлю.

Теперь, чтобы покончить с темами, затронутыми деловой стороной Вашего письма, я задам Вам некоторые вопросы, на которые очень хотел бы получить ответ: как обстоит дело с Христиансеном? как думаете об издании Шульца¹²? Что с распродажей Штанге¹³? Имеете ли Вы еще дело с Герлахом и вообще какой политики по отношению к нему думаете держаться или уже держитесь? Как Вы нашли перевод Рюиссена?, то есть много ли работы над редакцией? Еще последнее: из психологии и педагогики Наторпа¹⁴ у меня кое-что уже переведено, и я через некоторое время надеюсь Вам выслать.

Теперь о моем положении. Я не унываю и не падаю духом, Борис Александрович, но не могу не думать, что мои дела неблестящи. Вот Вам цифры: я должен родным 250 рублей, Вам около 100, Герлаху около 40; теперь: у меня остается еще столько денег, чтобы прожить почти до самого конца семестра, но потом у меня не остается ни копейки на дорогу и дальнейшее существование. Если бы удалось продать Рюиссена, то это дало бы мне 300 рублей (15 листов: высчитал по Вашему способу путем счета букв; и 20 рубл<ей> за лист) и было бы мне большой поддержкой, но если смотреть действительности прямо в глаза, то надо сказать, что у Вас теперь, судя по всему, так много дела, что редакция необходимо затянется, и можно ли брать обязательство перед Сытиным¹⁵? О переводе Форлендера думать теперь ведь тоже не приходится. Это одна сторона дела. Теперь другая: постоянные волнения в университете могут вынудить Мануилова¹⁶ исполнить его заявление об исключении студентов, и это не так уж неправдоподобно, а в таком случае я теряю право на отсрочку и по закону обязан немедленно, как вольноопределяющийся, явиться на службу. Подавать прошение министру тогда уже будет, кажется, поздно, а в начале семестра мои родители, как я писал Вам два месяца тому назад, этого не сделали, потому что Полонский¹⁷ запугал их там в университете черт знает чем. Таким образом, перспектива прервать здешнюю жизнь и идти в солдаты вполне возможна и была бы слишком досадна. Вот что я имел в виду, когда писал Вам в прошлом письме о беспокойстве, вызываемом во мне университетскими делами.

Вы предлагаете мне денег. Я очень благодарю Вас за это предложение и, должно быть, месяца через три volens nolens¹⁸ принужден буду ими воспользоваться, но не могу не сказать, что забирать так деньги у Вас, у другого, у третьего, при отсутствии всяких ресурсов в ближайшем будущем, с почти полной неизвестностью того, что же вообще-то дальше, очень тяжело. Вот мысли, которые я всячески стараюсь отгонять, чтобы они не мешали работе, — и это мне удается, — но которые в минуты подведения итогов не могут не выступить на сцену.

Но я слышу уже разные члено- и нечленораздельные звуки, срывающиеся с Ваших губ и уничижительно летящие по моему адресу, и потому, спеша умиловить Вас, перехожу к Марбургской Академии. В виде интервала еще пару слов: шлю Вам мою фотографическую карточку, предпо-

лага, что мой не совсем, кажется, приличный с точки зрения «тона» почин в этом деле не встретит с Вашей стороны чересчур сурового осуждения. Прошу прощения за варварский стиль надписи на обороте: она шла не от разума, а от сердца. Последнее же, как Вы сами не раз утверждали, находится у меня в еще более хаотическом состоянии, чем первый. Отсюда и лапидарность стиля. Und jetzt¹⁹, скажу я с Наторпом, in medias res²⁰!

Also²¹, системы мировых рычагов часть первая: Paul Natorp и его Leitsätze²². Аудитория № 20, газ, зажигающийся по уставу в 4 часа, хотя на дворе абсолютно светло, с каждым днем безнадежно уменьшающийся состав слушателей (даже белобрысая сволочь начала манкировать) и Павел Наторп, мчащийся со скоростью 100 верст в час, ни на что не обращающий внимания. Иногда он сходит с рельс, когда на пути встречается неразборчивое место в одной из его неисчерпаемых бумажек, но, оправившись, продолжает, для намерстки надав еще немного.

Его психология является в значительной степени повторением «Einleitung in die Psychologie»²³ 1888 г., к которому он прибавляет некоторые разъяснения и дополнения, а также три лекции читал о своих Auseinandersetzung'ax²⁴ решительно со всеми существующими психологами, которых он, оказывается, тоже знает доподлинно. Решительному осуждению подверглись у него Эббингауз за материализм (он привел из него цитату решающего значения, где Эбб<ин>гауз заявляет, что «Bewusstseinserscheinungen sind nichts anderes, als die Produkte und Abspiegelungen der Nervensubstanz»²⁵, — так приблизительно), Вундт²⁶ за различие психических и физических явлений в сознании (с точки зрения объекта психологии) и сближение психологии и физиологии (метод), на том же основании Циген²⁷, Кюльпе²⁸, Экспер²⁹; долго и сосредоточенно ругал он Мюнстерберга за методологическую неопределенность и различные подлости, которые этот отщепенец произвел против него, Наторпа (так, он воспользовался Наторповским термином Bewusstheit³⁰, не назвав Наторпа и произведя это после того, как его же, Наторпа, за эту самую Bewusstheit опровергал на многих страницах³¹), будучи ему же в научном отношении многим обязан; за что-то он разносил и Липпса, но этого я уже не понял, как, впрочем, и почтенное большинство присутствовавших, так как дело шло уже о больших тонкостях и, кроме того, непосредственно после неразборчивого места, вызвавшего особенно сильное поступательное движение Вашего любимого рычага. В конце концов, кроме себя самого Наторп оказался солидарен только с Шуппе, что вышло даже комично, потому что, назвав его, он тут же добавил: Er hat, leider, keine Psychologie geschrieben³². Но и его он поправил (имея в виду главы Шуппе'вской «Логики»³³, относящиеся к психологии), заменив у него термин Gattungsbegriffe³⁴, если не ошибаюсь, — термином gesetzmäßige Begriffe³⁵. В прочих отношениях Вы ничего не потеряли, не слушая его «Психологии», потому что, повторяю, в «Einleitung <...>» все главное и важное сказано, Наторп же сам говорил Гартману, что в имеющем выйти в свет новом издании точка зрения и существенные соображения не изменятся. Что касается семинария по психологии, то (сегодня был только 2-ой раз) пока вопросы поднимались, правда, довольно интересные (напр<имер>, по вопросу о невозможности, как это говорит Наторп, одновременной наличности в сознании кроме акта еще и сознания этого

акта) (§3 Leitsätze)³⁶, но рядом с ними много и плохо говорил, например, Фёрстер³⁷. О педагогике напишу в другой раз, так как мы только теперь добрались до интересного пункта, именно отношения педагогики к психологии и философии. Вот и все о Наторпе. Я провожал его как-то до дому: он просил меня Вам кланяться и пожелал Вам хорошего здоровья, так как я рассказал ему, что Вы плохо себя чувствуете. Кланяется Вам и Коген, сказавший мне, кроме того: Drücken Sie, bitte, Herrn Vogt meinen herzlichsten Dank aus für seinen schönen Brief³⁸. За такую его любезность скажу теперь о нем.

В аудитории у него положительно некуда прислониться, хотя он читает в той же большой аудитории № 10: люди приносят стулья даже из других помещений. В семинарии (был вчера в первый раз) так много народу, что сидят в обыкновенной комнате, где были летом семинарии, а кроме того, раскрыты двери в маленькую комнату, «Direktorenkabinett»³⁹, и там сидят, кто поздно пришел, и за всем тем человек 10 еще стоят за неимением места. Если летом он читал хорошо, то теперь каждая лекция (было уже 7) по богатству содержания при сжатости выражения, по законченности, свежести и глубокому пафосу (он читает уже без всяких записок и цитирует все наизусть) — прямо перл. Он успел прочесть введение, которое ни в чем по расположению мыслей в главных чертах не отступало от первых 55–60 стр<аниц> «Theorie d<er> Erfahrung», но было по сравнению с последними общее и яснее, и сегодня говорил уже всю лекцию специально по вопросу Кантовского различения аналитич<еских> и синтетич<еских> сужд<ений>. Здесь сильно досталось он него Паульсену и комп<ании>. Тут я, между прочим, с радостью убедился, что совершенно правильно понимал смысл, границы, характер и следствия этого различения. Я понимаю вообще его лекции со стороны языка теперь уже совершенно без всякого труда, со стороны же содержания, мне думается, тоже, — по крайней мере, впечатление от лекций не расходится с тем, что я предварительно извлекаю из великолепной, правда, в чем я с Вами вполне согласен, но все-таки очень трудной, для меня, по крайней мере, «Theorie d<er> Erf<ahrung>». Что касается семинария, то вчера он весь был посвящен повторению общих положений и основных точек зрения прочитанных шести лекций введения, что Коген производил путем вопросов, на которые желающие давали ответы, причем 99% мимо цели. И здесь очень много и очень неудачно говорил Фёрстер. О том, как пойдет дальше (в следующий раз будем читать «Введение» в критику⁴⁰, — предисловия к 1-му и 2-му изданию Коген отложил на позже, в чем, конечно, вполне прав), напишу в свое время. О себе могу сказать, что стараюсь взять отовсюду все, что могу, и, кажется, в некотором отношении продвигаюсь вперед. Но самому судить трудно, а по весне, когда приеду, выяснится, надеюсь, в разговорах. Стараюсь работать над собой и в некоторых направлениях из тех, которые Вы мне рекомендовали, помните, с помощью разных энергичных выражений. Вообще же, говоря на Вашем бесподобном языке, я стремлюсь по возможности «выйти не в ослы, но в люди» и надеюсь, что это мне удастся рано или поздно. Раздуться в воля я не собираюсь, но стать хорошей лягушкой, думается мне, смогу. Однако уже почти два часа ночи, и я написал уже целый трактат. Поэтому прошу извинения за столь долгое удерживание Вашего внимания на

такой маленькой персоне, как я, и желаю Вам покойной ночи, не будучи все-таки в состоянии не высказать пред концом двух покорнейших просьб: 1) пишите разборчивее, 2) я умоляю, вышлите Туссэна, если еще не успели этого сделать, как писали в открытке.

Ваш Г. Гордон

Марбург, 10 ноябр<я> 06.

¹ Неизвестно, о какой книге Форлендера идет речь. Кроме упомянутых выше, в коллекции Фохта сохранилось издание: *Vorländer K. Der Formalismus der kantischen Ethik in seiner Notwendigkeit und Fruchtbarkeit: Inaugural-Dissertation.* Marburg, 1893.

² *Lasswitz K. Geschichte der Atomistik vom Mittelalter bis Newton.* Hamburg — Leipzig, 1890. Bd. 1: Die Erneuerung der Korpuskulartheorie; Bd. 2: Höhepunkt und Verfall der Korpuskulartheorie des Siebzehnten Jahrhunderts. В коллекции Фохта не сохранилась.

³ Открытка не сохранилась.

⁴ *Natorp P. Logik. (Grundlegung und logischer Aufbau der Mathematik und mathematischen Naturwissenschaft): In Leitsätzen zu akademischen Vorlesungen.* Marburg, 1904. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁵ *Arnoldt E. Kritische Excurse im Gebiete der Kant-Forschung.* Königsberg, 1894. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁶ Не ясно, о каком авторе идет речь: Rudolph A. Meincke или J.B. Mencke. В коллекции Фохта сохранилось лишь издание: *Meincke R.A. Johann Gottlieb Fichte: Zum hundertjährigen Jubiläum seiner Reden an die deutsche Nation.* Hamburg, 1908.

⁷ *Cohen H. Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft.* Leipzig, 1907. — (Philosophische Bibliothek. B.113). (Коллекция Б.А. Фохта).

⁸ *Natorp P. Gesammelte Abhandlungen zur Sozialpädagogik. 1. Abteilung.* Stuttgart, 1907. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁹ *Lange F.A. Logische Studien. Ein Beitrag zur Neubegründung der formalen Logik und der Erkenntnisstheorie.* Leipzig, 1894. (Коллекция Б.А. Фохта).

¹⁰ Речь идет об одной из двух работ, представленных в коллекции Б.А. Фохта: *Erdmann B. Historische Untersuchungen über Kants Prolegomena.* Halle a.S., 1904, или *Ders. Immanuel Kant.* Bonn, 1904.

¹¹ *Simmel G. Schopenhauer und Nietzsche: Ein Vortragszyklus.* München — Leipzig, 1907.

¹² *Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»:* Руководство для чтения / Пер. со 2-го нем. изд. 1897 г. под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. Москва, 1910. — (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта. Вып. 2).

¹³ Перевод Б.А. Фохта и А.И. Бердникова с немецкого издания: *Stange C. Der Gedankengang der «Kritik der reinen Vernunft»:* Ein Leitfadens für die Lektüre. Leipzig, 1902. В русском издании: *Штанге, Ход мыслей в «Критике чистого разума».*

¹⁴ Гордон имеет в виду две работы Наторпа: *Allgemeine Psychologie in Leitsätzen* и *Allgemeine Pädagogik in Leitsätzen.*

¹⁵ Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — известный издатель, владелец крупнейшего в России книжного дела.

¹⁶ Александр Аполлонович Мануйлов (Мануйлов) (1861—1929) — ректор Московского университета (1905—1911), министр народного просвещения (март — июль 1917 г.), профессор права юридического факультета.

¹⁷ Владимир Михайлович Полонский служил в канцелярии Московского университета.

18 «волей-неволей» (лат.).

19 «а теперь» (нем.).

20 «в суть дела» (лат.).

21 «итак» (нем.).

22 «тезисы» (нем.). Это название работы *Allgemeine Psychologie in Leitsätzen*, на основе которой Наторп читал цикл лекций по психологии в течение зимнего семестра 1906/07 гг.

23 *Natorp P. Einleitung in der Psychologie nach kritischer Methode*. Freiburg, 1888. (Коллекция Б.А. Фохта).

24 «спор» (нем.).

25 «Явления сознания есть не что иное, как продукты и отображения нервной субстанции» (нем.). Источник цитаты не установлен. Похожая мысль о том, что «психические образы возникают первоначально как ощущения из воздействий внешнего мира, преобразуются в представления, которые поначалу спутываются и переплетаются между собой и с другими, — и в заключение при большем или меньшем посредничестве опять превращаются в движения внешних органов тела», высказана Генрихом Эббингхаузом в кн.: *Ebbinghaus H. Grundzüge der Psychologie*. 2. Halbband. Leipzig, 1902. S. 568.

26 См.: *Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie*. In 3 Bd. 5. Aufl. Bd. 1, 2. Leipzig, 1902; Bd. 3. Leipzig, 1903.

27 Видимо, Наторп спорил с положениями, выдвинутыми в учебнике физиологической психологии Т. Цигена: *Ziehen Th. Leitfaden der Physiologischen Psychologie in 15 Vorlesungen*. 7. Aufl. Jena, 1906. (Коллекция Б.А. Фохта).

28 См. об этом работу Кюльпе: *Külpe O. Grundriss der Psychologie. Auf experimenteller Grundlage dargestellt von Oswald Külpe*. Leipzig, 1893. (Коллекция Б.А. Фохта).

29 Вероятно, речь идет о кн.: *Exner S. Entwurf zu einer physiologischen Erklärung der psychischen Erscheinungen*. Leipzig — Wien, 1894.

30 «сознательность» (нем.).

31 Хуго Мюнстерберг при рассмотрении вопроса о единстве сознания критикует Наторпа (*Münsterberg H. Grundzüge der Psychologie*. 2. unveränd. Aufl. Leipzig, 1918 [1. Aufl., 1900]. S. 29) за разделение психологии на «конструктивную, или объяснительную», якобы сближающуюся по своему предмету и методам с естественными науками, и «реконструктивную», стремящуюся «всякую познанную объективность свести на непосредственную субъективность явления», то есть произвести «реконструкцию субъективного» (*Natorp, Philosophische Propädeutik*, 56. Рус. изд.: *Наторп*, ФП, 107; *Ders., Einleitung in der Psychologie*, 42–44). Под термином «Bewusstheit» Наторп понимает отношение содержания сознания (*Bewusstseinsinhalt*) к сознательному бытию (*Bewusst-sein*), или к Я (*das Ich*) (*Natorp, Einleitung in der Psychologie*, 11; *Ders., Philosophische Propädeutik*, 54. Рус. изд.: *Наторп*, ФП, 105). Мюнстерберг употребляет понятие «Bewusstheit» (без ссылки на Наторпа) при рассмотрении проблемы соотношения субъекта и содержания сознания и спорит с «популярной точкой зрения», которая «настаивает с безусловностью на [существовании] различия степеней сознательности» (*Münsterberg, Grundzüge der Psychologie*, 212 и. а.).

32 «он, к сожалению, не написал психологии» (нем.).

33 *Schuppe W. Erkenntnisstheoretische Logik*. Bonn, 1878. (Коллекция Б.А. Фохта).

34 «родовые понятия» (нем.) Анализ этого понятия посвящен раздел XVIII. *Art- und Gattungsbegriff*, §§ 129–133 в кн.: *Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik*, 569–582.

³⁵ «закономерные понятия» (нем.). Такого понятия в работах Наторпа этого периода не найдено, но встречается мысль, близкая к высказанной в лекции: «“Компренсивное” единство рода (Einheit der Gattung) мыслится как внутреннее объединение, как объединение, идущее из центра, как содержащее в себе основание многообразия, как источник, как первооснова, откуда закономерно развивается качественное, а значит и количественное многообразие». См.: *Natorp*, Логика. Обоснование и логическое построение..., 18. Нем. изд.: *Natorp*, Logik in Leitsätzen, 19.

³⁶ См.: § 3 «Различие акта [сознания] и содержания [сознания] обманчиво» в кн.: *Natorp*, Allgemeine Psychologie in Leitsätzen, 4.

³⁷ Видимо, речь идет об Эрнсте Фёрстере (Foerster), студенте из Регенсбурга и товарище Фохта времен студенчества в Марбурге. 7 июня 1907 г. Фёрстер защитил в Марбургском университете диссертацию на философском факультете (см.: Chronik der Königl. preussischen Universität Marburg für das Rechnungsjahr 1907. XXI. Jahrgang. Marburg, 1907) по филологии. Тема диссертации: «Женский вопрос в романах Джорджа Эгертон [Мэри Брайт], Моны Кэрд и Сары Гранд». См.: *Foerster E.* Die Frauenfrage in den Romanen von George Egerton, Mona Caird und Sarah Grand: Beiträge zur englischen Literatur neuester Zeit. 1. Teil. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg: Friedrich, 1907. — VI, 46 S. Полностью сочинение вышло в издательстве «Эльверта»: *Foerster E.* Die Frauenfrage in den Romanen englischer Schriftstellerinnen der Gegenwart. Marburg, 1907. — IV, 78 S. О переводе этой работы на русский язык хлопотал Б.А. Фохт через Л.Ф. Маклакову-Нелидову (РГАЛИ. Ф. 331. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 5—6). Книга вышла под названием: *Ферстер Э., д-р.* Женский вопрос в романах английских писательниц настоящего времени. Пер. с нем. Ашунга. М., 1907. — 96 с.

³⁸ «Выразите, пожалуйста, господину Фохту мою сердечнейшую благодарность за его прекрасное письмо» (нем.).

³⁹ «кабинет директора» (нем.).

⁴⁰ «Критика чистого разума» И. Канта.

VI. Открытка 26.11.1906 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Получив сегодня Вашу открытку и пойдя к Эльверту, нашел у него совершенно неожиданно только сегодня вышедший 1-ый том статей Наторпа² и шлю его Вам; второй том выйдет в будущем году. Вместе с ним шлю Вам Адамсона³ и психологию⁴. Что касается других книг, то мною заказаны и будут получены в течение недели и Вам посланы следующие:

Справка о цене книг:

Natorp. «Platos Ideenlehre» ⁵	Lasswitz. G<eschichte> d<er> At<omistik>. 2 B. 40 мар<ок>
Lambert u<nd> Kant. 1902 ⁶	Lange. G<eschichte> d<er> Mat<erialismus>. 2 B.
Lange. Log<ische> Studien	15 мар<ок> (Cohen) ⁷
Cohen. Статья о Паульсене ⁸	Зигварт. Logik. 2 B ⁹ . 28 м<арок> 40 пф<еннигов>

С ними же придут и 2 экзempl<яра> «Пропедевтики». Сегодняшние книги посылаю на адрес Алекс<андра> Богдан<овича>, так как это надежнее. Они стоили: Наторп 9 м<арок> 70 пф<еннигов> и Нат<орпа> псих<ихология> 1.20. Пересылка 2 м<арки> 15 пф<еннигов>. Итого: 13 м<арок> 5 пф<еннигов>. Так что теперь из высланных Вами тогда 40 с чем-то марок у меня остается (я тратил их только на покупку и посылку книг) 20 м<арок> 95 пфеннигов. Что касается перевода педагогики Наторпа¹⁰, то у меня уже порядочно сделано, и я надеюсь через неделю послать Вам первые 33 страницы. Коген кланяется Вам и просит сообщить, что Комментарий он к Рождеству сдает в печать. Туссена я получил несколько дней назад и очень благодарю Вас за него. Закрытых писем я получил от Вас два. Гартман кланяется Вам и спрашивает Вас, были ли Вы в Петерб<урге> у Вас<илия> Емельян<овича>¹¹? В «Р<усских> Вед<омостях>»¹² в числе сотрудников нового журн<ала> «Перевал», журнала, судя по Булгаковско-Бугаевскому созвездию lauter¹³ Соловьевско-декадантско-спиритического, я к ужасу своему прочел имя Б. Фохта¹⁴ (правда, там стояло «Б<орис> Кохт», но ведь это уже Ваша судьба быть перевираемым газетами). Напишите, сделайте милость, какие соображения побудили Вас вступить в лагерь прокаженных и бесноватых? Или Вы думаете произвести там дезинфекцию и изгнание бесов? А Вы так и не написали мне о Герлахе и делах с ним. Я очень рад, что Шульце появится-таки на свет. При следующей посылке напишу еще. Пока всего хорошего.

Ваш Г.Г.

26.XI.06.

¹ Адрес на открытке: «Russland. Moskau. Россия. Москва, Гагаринский переулок, д. Муравьевой, кв. 2. Его высокородию Борису Александровичу Фохт».

² *Natorp, Gesammelte Abhandlungen zur Sozialpädagogik.* (Коллекция Б.А. Фохта).

³ *Adamson R. Über Kants Philosophie.* Leipzig, 1880. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁴ *Natorp, Allgemeine Psychologie in Leitsätzen.* В коллекции Б.А. Фохта сохранилось только 2-е исправленное издание (Marburg, 1910).

⁵ *Natorp P. Platons Ideenlehre: Eine Einführung in den Idealismus.* Leipzig, 1903. (В коллекции Фохта это издание не сохранилось).

⁶ *Baensch O. Johann Heinrich Lamberts Philosophie und seine Stellung zu Kant.* Tübingen – Leipzig, 1902. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁷ *Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart.* In 2 Bd. 7. Aufl. Biographische Vorwort und Einleitung mit kritischem Nachtrag in 2. erweit. Bearb. von Hermann Cohen. Leipzig, 1902. Bd. 1: Geschichte des Materialismus bis auf Kant; Bd. 2: Geschichte des Materialismus seit Kant. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁸ Рецензия Г. Когена на книгу Ф. Паульсена «Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre» (1899) см.: *Cohen H. Ein Buch über Kant // Die Nation.* Hrsg. von Th. Barth. 22./29. Juli 1899, № 43/44. (Печенеч. в: *Cohen H. Schriften zur Philosophie und Zeitgeschichte.* Hrsg. von Albert Görland und Ernst Cassirer. Berlin, 1928. Bd. II: S. 478–500.)

⁹ *Sigwart C. Logik.* 3. Aufl. Tübingen, 1904. Bd. 1: Die Lehre vom Urteil, vom Begriff und vom Schluß; Bd. 2: Die Methodenlehre.

¹⁰ Очевидно, речь идет о переводе книги: *Natorp P. Allgemeine Pädagogik in Leitsätzen...*

- ¹¹ Видимо, это Василий Эмильевич Сеземан.
¹² Русские ведомости. № 272, вторник, 7.11.1906. С. 2.
¹³ «сплошь» (нем.).
¹⁴ Перевал. Журнал свободной мысли. Редактор Сергей Соколов. Издатель Владимир Линденбаум. В №1 (ноябрь) 1906 г. (а также и во всех последующих номерах) журнала среди участников действительно значится имя Бориса Фохта. С № 5 (1907, март) у журнала появился девиз: «Радикализм философский, эстетический, социальный».

VII. Открытка 05.12.1906 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Простите, что несколько запоздал с ответом, но я хотел написать при отсылке новых книг, которые, однако, придут только завтра. Я получил ту открытку, где Вы писали мне о получении моей карточки, и рад, что вы были довольны. Что касается денег, то пока я их имею, но на днях, как Вы хотите, напишу Вам, сколько мне нужно по расчету. С высылкой же их спешить нечего пока, так как моих хватит, как я надеюсь, до половины февраля. Ваш план передать мне гимназии, — увы! невыполним, так как в Москве у меня зачтено (по забастовочным причинам) лишь 3, а не 5 сем<естров>. Из моих тетрадей Вам может пригодиться только Коген, 1-ую тетрадь которого я Вам и вышлю, а вторую — некоторое время спустя, так как я еще не закончил запись в нее Зеземановск<ой> рукописи². Брандис же (мое изложение) весь есть и, понятно, гораздо лучше в Вашем томе его истории, который и является как раз изложением более кратким того тома Handbuch'a³, из которого делал выписки я. Вашим завоеваниям я от души рад, только опасаюсь за Ваше здоровье; очень обрадовался им и Гартман, видя в Вашем выступлении начало торжества когенианства в России. А что кто-то делает там об Вас какие-то неудобопередаваемые отзывы, так черт с ними: ведь и над победоносными войсками каркают вороны. Сообщаю Вам интересную новость: «Этика» Когена⁴ (не «Kants Begr<ündung> d<er> Eth<ik>») распродана; он в восторге и издает в скором времени 2-ое изд<ание> с некоторыми добавлениями. Выйдет 2-ым изд<анием> и «Kants Begr<ündung> d<er> Ethik»⁵. Вчера я был по делу у Наторпа, и он прочитал мне некоторые места из Вашего письма к нему и сказал, что Вам скоро ответит. Там он напишет Вам одну приятную для Вас вещь: какую — не скажу. Напишите мне, стал ли уже читать Челпанов? Пока прощайте.

Ваш Г.Г.

5. Dez<ember> 06.

¹ Адрес на открытке: «Russland. Moskau. Россия. Москва, Гагаринский переулок, д. Муравьевой, кв. 2. Его высочородию Борису Александровичу Фохт».

² Видимо, речь идет о конспектах В.Э. Сеземана лекций по древней философии Когена, упомянутых в конце 2-го письма.

³ Возможно, Гордон имеет в виду вторую часть книги Брандиса: *Brandis Ch. Geschichte der Entwicklungen der griechischen Philosophie und ihren Nachwirkungen*

im römischen Reiche. Hälfte 1–2. Berlin, 1862–1864. Hälfte 2: Dritte Entwicklungsperiode der griechischen Philosophie. 1864. – VIII, 430 S., – и вторую часть (с тем же названием, но большую по объему) 3-го тома «Руководства»: *Brandis Ch.A. Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie*. In 3 Bd. Berlin, 1835–1866. Bd. 3. Abt. 2: Dritte Entwicklungsperiode der griechisch-römischen Philosophie. 1866.

⁴ Имеется в виду первое издание книги Когена «Ethik des reinen Willens». В коллекции Фохта есть 2-е издание: *Cohen H. Ethik des reinen Willens*. 2. revid. Aufl. Berlin, 1907. – (System der Philosophie. 2. Teil).

⁵ Второе издание (1-ое изд-е 1877 г.) появилось лишь в 1910 г.: *Cohen H. Kants Begründung der Ethik nebst ihren Anwendungen auf Recht, Religion und Geschichte*. 2. verbess. u. erweit. Aufl. Berlin, 1910. (Коллекция Б.А. Фохта).

VIII. Открытка 07.12.1906 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Вчера отправил Вам открытку, а сегодня получил Вашу. Отправить Вам книги сегодня мне не удалось: Эльверт надул меня и говорит, что они придут завтра. Я рассердился на него и заказал новый транспорт у Трейнера (где Вы купили Кассирера)², то есть 2 Адикеса³, 2 Лассвица и 2 Кинкеля⁴. Судя по оптовым выписываниям, Вы кого-то снабжаете Адикесом. Не кажется ли Вам более рациональным для начинающих издание Форленд<ера>⁵ в силу его прекрасного регистра и интересного введения? Примечания же Адикеса (я говорю о носящих систематический, НЕ экзегетический характер), по-моему, сущий вздор и могут только сбить с толку начинающих, в особенности же тех, которые под Вашим руководством усваивают себе как раз ту точку зрения, которую оспаривает Адикес. Впрочем, Вам лучше знать. Пожалуйста, вышлите мне возможно скорее побольше денег для уплаты за книги, так как с приходом Эльвертского транспорта мне придется отдать остающиеся еще от прошлой присылки 7 м<арок> 50 пф<еннигов> и еще задолжать ему, тем более что тут еще предвидится получение от Трейнера только что заказанных книг. Мои же деньги придут из Лейпцига только 13 числа. Что касается изложенного мне Гартманом плана изложения Когена, то я думаю, что удобнее всего будет, если мы с Вами сделаем это по моему приезду, что не исключает, конечно, работы над этим с моей стороны еще и здесь. Для себя я уже писал и пишу изложение. Часть педагогики⁶ и 1-ую тетрадь Когена шлю Вам с книгами по их получению. В чем Вы чувствуете мое отсутствие? Ну, будьте здоровы.

Ваш Г.Г.

6 Dez<ember> 1906

¹ Адрес на открытке: «Russland. Moskau. Россия. Москва, Гагаринский переулок, д. Муравьевой, кв. 2. Его высокоородию Борису Александровичу Фохт».

² Речь, видимо, идет об издании: *Cassirer E. Der kritische Idealismus und die Philosophie des 'gesunden Menschenverstandes'*. Giessen, 1906. – (Philosophische Arbeiten. 1. B. 1. H.). (Коллекция Б.А. Фохта).

³ Имеется в виду издание: *Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Mit einer Einleitung und Aufmerkungen* hrsg. von Erich Adickes. Berlin, 1889. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁴ Вероятно, речь идет об одном из изданий: *Kant I. Logik. Ein Handbuch zu Vorlesungen* (zuerst) hrsg. von G.R. Jäsche. 3. Aufl. Neu hrsg. mit einer Einleitung sowie einem Personen- und Sach-Register versehen von Walter Kinkel. Leipzig, 1904. — (Philosophische Bibliothek. B. 43) или *Kinkel W. Geschichte der Philosophie als Einleitung in das System der Philosophie. T.I: Von Thales bis auf die Sophisten*. Giessen, 1906. Обе книги представлены в коллекции Б.А. Фохта.

⁵ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft*. Hrsg. und mit einer Einleitung, sowie einem Personen- und Sach-Register versehen von Karl Vorländer. Halle a. S., [1899]. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁶ *Natorp, Allgemeine Pädagogik...*

IX. Открытка 17.12.1906 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Только что направил Вам посылку с Ланге² (2 м<арки> 50 пф<еннигов>), «Ламберт и Кант»³ (2 марки), 2 № Nation с рецензией Когена⁴ (2 марки против номинальной цены 60 пф<еннигов> — за два номера) и Зеземановскую рукопись, которой оканчивается 1-ая тетрадь моих записей. Остальное вышлю Вам в самом скором времени.

Адикес («Кр<итика> ч<истого> р<азума>») *распродан*. Не зная, хотите ли Вы Форлендера, решил подождать Вашего ответа. Пересылка стоила 90 пф<еннигов>. Когеновский комментарий, по-видимому, закончен и поступит, вероятно, скоро в печать. На днях Коген прочитал Ник<ола>у Августовичу Комментарий к «Введениям», и тот пришел в большой восторг: говорит, что написано прямо классически. Как только он выйдет, я, разумеется, Вам вышлю его. Напишите мне, как Вам понравилась новая книга Наторпа? Потом мне очень хотелось бы знать, нет ли каких вестей о Бердникове. Кланяйтесь Боричевскому. В скором времени будете иметь счастье увидеть вновь Савальского, возвращающегося в Москву.

Что касается Педагогики⁵, то на днях пришлю Вам дальнейший транспорт.

Пока всего хорошего.

Ваш Г. Гордон

<P.S.> Поклон от сидящего у меня в настоящий момент Гартмана.

¹ Адрес на открытке: «Russland. Moskau. Россия. Москва, Гагаринский переулок, д. Муравьевой, кв. 2. Его высочородию Борису Александровичу Фохт».

² *Lange, Logische Studien*.

³ *Baensch, Johann Heinrich Lamberts Philosophie und seine Stellung zu Kant*.

⁴ *Cohen, Ein Buch über Kant*.

⁵ *Natorp, Allgemeine Pädagogik...*

Х. Открытка 04.01.1907 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Сегодня получил от Fernau² деньги: 321 м<арку> 50 пф<еннигов>. Из них на долю Файгингеровского заказа³ приходится 107 м<арок> 15 пф<еннигов> по расходу: $321\frac{1}{2} \text{ м<арки>} = 150 \text{ рубл<ей>}$ $321\frac{1}{2} : 150 - 50 = 107 \text{ м<арок>}$ 15 пф<еннигов>. С отправкой их по назначению придется, к сожалению, подождать два дня, так как Гартмана нет в Марбурге, а придет он в воскресенье.

Очень благодарю Вас за присылку денег. Вместе с доотъездными, летними и теперешним займами (включая и Туссэн–Лангенштейдта⁴) мой долг Вам равен в настоящую минуту 176 рубл<ей> 56 коп<еек>.

На днях шлю Вам еще педагогику⁵. Простите, что я так медленно двигаюсь с ней, но причина этому та, что, с одной стороны, Наторп прочел и разобрал в семинарии всего 7<->8 страницами больше того, что я Вам уже выслал, а с другой стороны, — терминология его в педагогике страшно трудна для перевода. Я как-то раз говорил с Наторп<ом> об этом. Он сказал, что, может быть, французская терминология будет легче для перевода на русский язык, и перевел мне Gemeinschaft через communauté; но трудность осталась той же самой, так как оба эти термина покрывают, действительно, друг друга вполне, но у нас ведь нет середины между «обществом» и «общением», а в этой середине как раз и лежит Gemeinschaft-communauté⁶.

Получили ли Вы Forschungen⁷? Будьте добры, напишите мне, насколько Вам хватит Когеновских лекций: я тогда пошлю остальное.

Наши *ferien*⁸ приходят к концу: 8<-го> начинает читать Коген. Поздравляю с праздниками и предстоящим Новым годом и желаю всяческих благ и здоровья.

Ваш Г. Гордон

4/I 1907

¹ Адрес на открытке: «Russland. Moskau. Россия. Москва, Гагаринский переулок, д. Муравьевой, кв. 2. Его высокоородию Борису Александровичу Фохт».

² Вероятно, название немецкого банка.

³ Издания Файхингера до 1906 г., представленные в коллекции Б.А. Фохта: *Vaihinger H. Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft*. B.1–2. Stuttgart–Berlin, 1881–1892; *Ders. Hartmann, Düring und Lange. Zur Geschichte der deutschen Philosophie im XIX. Jahrhundert: Ein kritischer Essay*. Iserlohn, 1876; *Ders. Die Philosophie in der Staatsprüfung*. Berlin, 1906; *Ders. Die transcendente Deduktion der Kategorien*. Halle, 1902.

⁴ Самоучитель немецкого языка для взрослых...

⁵ *Natorp, Allgemeine Pädagogik*...

⁶ А.А. Громбах термин «Gemeinschaft» перевел на русский язык как «общность». См.: *Наторп П. Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности*. Пер. А.А. Громбаха с 3-го доп. нем. изд. СПб., 1911. В работе *Allgemeine Pädagogik*... термин «Gemeinschaft» встречается на с. 15–16.

⁷ Natorp P. Forschungen zur Geschichte des Erkenntnisproblems im Alterthum. Protagoras, Demokrit, Epikur und die Skepsis. Berlin, 1884. (Коллекция Б.А. Фохта).

⁸ От нем. «Ferien» — «каникулы».

XI. Письмо 12.01.1907 (Марбург — Москва)

Дорогой Борис Александрович!

Одновременно с Вашим письмом я получил открытку из дому, из которой видно, что там не получили моей поздравительной открытки; между тем она была послана вместе с адресованной Вам, где я сообщал, — и благодарил Вас, — о получении денег от Фернау, а также давал отчет о моих долгах Вам вообще. Весьма возможно, что и Вы не получили моей открытки, — по крайней мере до 26<-го> — даты Вашего письма. Я посылал по расчету к 25-му декабря. Впрочем, особенно важных вещей там не было.

Сообщу Вам, чтобы не забыть, о положении дел с Kantstudien¹. По получении Вашего предложения я отправился в библиотеку, взял там Kantstudien и узнал след<ующее>: 1) письма к Файгингеру послать нельзя, так как дел по редакции он уже не ведет, как об этом заявлено на обложке: ...sämtliche für die Redaktion bestimmte Mitteilungen sind zu richten an Priv<at>doz<ent> Dr. Bruno Bauch². Halle a. S. Goethestr<aße> 41a; 2) дела по выписке сосредоточены не в редакции, а в книгоиздательстве, выпускающем Kantstudien, как и об этом стоит на обложке: «Neueintretende Subskribenten auf die K<an>tst<udien> sind wir bereit die bish-er [то есть до 1906 г.] erschienene B<än>de I—X statt M. 120 zu M. 90 zu liefern»³. На этом основании я послал в это книгоиздательство (Reuther u<nd> Reichard, Berlin W. 9) запрос: сколько денег надо ему выслать за те десять томов, о которых он объявлял в 1906 г., плюс 11-ый том, составившийся из 4 тетрадей 1906 года, плюс стоимость новой подписки на 1907 г. (neueintret<ende> Subskribenten) плюс стоимость poste⁴ до Москвы. По получении ответа я немедленно переведу ему per Postanweis<ung>⁵ требуемое количество, и он отправит Вам книги. Надеюсь на одобрение Вами такого образа действий, перехожу к Вашему письму.

Меня не удивило, к сожалению, но, конечно, очень опечалило известие о Вашем обострившемся нездоровье. Надеюсь, что мне удастся по приезду, теперь уже недалеко (через 7 недель), облегчить Вам насколько возможно труд по ведению всех Ваших бесчисленных дел и тем содействовать приведению Вашего здоровья в более приличное состояние. Что касается гнусного поведения Боричевского, то я, если помните, предупреждал Вас о его деловой ненадежности и совершенном неумении входить в чье-либо положение. Он вначале всегда быстро воспламеняется и со слепу кидается на возбудившую его пыл вещь, но, налетев сразу же на какую-нибудь даже легкую заминку, сейчас же впадает в Weltschmerz⁶ и начинает искать по сторонам, нет ли где виноватого. Поэтому с ним надо всегда держаться такой тактики: с одной стороны, охлаждать и не давать забираться в эмпиреи, а с другой, — подогревать его пламенные чувства на огне маленького тщеславия и заманчивых перспектив. Так,

впрочем, теоретически. Практически я никогда не выдерживал до конца такой политики и потому не раз, хотя тоже без крупных разговоров, мы испытывали друг к другу некоторое человеконенавистничество. Но он, во всяком случае, не совсем скверный человек, и ладить с ним все-таки можно, мне кажется. По приезде я постараюсь его вразумить и пристыдить с помощью некоторых средств личного характера и, надеюсь, вернуть его из состояния блудного сына.

В гораздо, конечно, большей степени опечалило меня ваше сообщение о Б<ерднике>ве. Ваша мысль о собрании для него денег безусловно целесообразна, так как больше пока сделать, по-видимому, ничего нельзя. Когда выяснится место его ссылки, то можно будет организовать правильную пересылку ему книг и средств, что я беру на себя, так как вряд ли высылка и прибытие его до места совершатся раньше моего приезда, а я в своих сношениях с ним могу заручиться содействием таких кругов, куда вряд ли имеет доступ Розов⁷, и помощь которых может оказаться фундаментальной. Вот пока и все, что пришло мне на мысль по этому печальному поводу.

История с таинственной «экспроприацией» 200 экз<емпляров> Штанге довольно-таки подозрительна. В частности, не могу не заметить, что я как-то написал Герлаху небольшое письмо, в котором выражал очень почтительное сожаление о его молчании; затем перед праздниками послал ему открытку, несомненно дошедшую, так как я отправил ее на магазин к 23 декабря, так что никаких предпраздничных задержек быть не могло: но он набрал в рот воды и молчит. Деньги, впрочем, прислал аккуратно через Fernau: 321 м<арку> 50 пф<еннигов>. Итак, повторю только Ваши слова: «поживем — увидим», — или скажу в отношении к себе лично: «приедем — поговорим».

Соображения Ваши о рецензии на «Этику»⁸ передам на размышление Гартмана, который Ваше письмо получил, о чем сказал мне еще несколько дней назад: оно было переслано ему в Вестфалию, где он был во время каникул. Он отвечает Вам на днях.

Жду корректуру Штанге⁹ и, получив и исправив, отошлю Вам ее назад вместе с экземпляром Форлендер<овской> «Кр<итики> ч<истого> раз<ума>» и несколькими листами «Педагогики»¹⁰. Об Арнольдте¹¹, заказанном Эльверту, ни слуху, ни духу. «Комментарий» печатается. О<б> истории теории познания спрошу у Наторпа. Как он мне сам вчера сказал, он читает летом только «Пропедевтику» и ведет семинарий а) по ней же и б) по Метафизике и физике Аристотеля. Что касается Когена, то пока еще неизвестно, что он будет делать. Все заинтригованы и интересуются вопросом, — будет ли это история новой философии или эстетика, которую он одну еще, кажется, не читал из составных частей своей системы.

Что касается меня, то я живу по-прежнему и делаю свои дела. По России я все-таки очень соскучился и, хотя буду покидать Марбург с большим сожалением, но, тем не менее, приеду в Москву с радостью, если только где-нибудь по дороге мой поезд не взорвет кто-нибудь с экспроприаторскими целями. Я с нетерпением жду свидания с Вами и возможности принять более активное участие в наших общих делах по проведению в русскую жизнь тех начал, которые все мы (разумею Вас, Гартмана, Зеземана с их петербургскими друзьями и себя) считаем за наиболее цен-

ные и животворные. В наших подчас долгих разговорах с Гартманом о будущности кантианства и когенианства в России, на пользу и процветание которых мы оба (он, конечно, в большем масштабе) собираемся работать, мы всегда при оценке и разборе сил рассматриваем Вас как лидера и пионера той маленькой кучки людей, которая рассеяна теперь в Москве (Вы), в Петербурге (Зеземан, Ведеманн¹² и другие) и Марбурге (мы двое), и от успехов Вашей московской работы ожидаем многого. Тем более я, так как знаю Вас ведь гораздо ближе, нежели Гартман; поэтому я особенно и стремлюсь помочь Вам в той или иной степени и по мере моих сил в Вашей, что всякому из нас ясно, чересчур тяжелой работе. Рад, что осталось так немного времени до момента моего возвращения к пенатам.

Теперь, как мне это ни смешно, должен закончить свое длинное письмо следующим оглушительным известием, от которого у Гартмана, получившего его одновременно со мной, разлилась, кажется, желчь: Савальский, Василий Александрович Савальский... получает кафедру в Юрьеве!!!!....¹³ Это можно рассматривать как последний акт в трагедии обрусения Дерптского университета. Одна надежда только, что он врет. Вот текст его бесподобного письма, приводимый буквально, с соблюдением не лишенной своеобразия орфографии:

«С новым годом, новым счастьем! Дорогой Гавр<иил> Осипович!

Закончил я, наконец, свои чернотки: о Когене получилось 160—170 страничек и таким образом диссертация на черно написана. В три месяца я мог бы приготовить ее к печати. Коген произвел на меня такое впечатление, что я написал ему даже письмо [боюсь, как бы Ког<ен> не слег от этого пассажа в постель. Г.Г.]. Я думаю, что он ГЕНИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК [ну, как он ему об этом написал?!] Собираюсь уезжать. Кажется, я получу кафедру в Дерпте. Идут переговоры, но чтобы обеспечить дело, хочу выехать в Москву. Будьте здоровы и т. д.»

Ну, что Вы на это скажете? У Гартмана было в письме то же самое с прибавлением лишь слов о том, что он, Савальский, уже собирается писать или даже пишет «Критику юридической силы суждения», «проблема» которой ему, Савальскому, ясна, как на ладони. Гартман дал мне прочесть это письмо и не нашелся при этом ничего сделать, как только, поникнув своей поэтической головой, развести безнадежно руками и проговорить унылым голосом: «И черт его знает... почему это он думает, что “проблема” пишется через два м...?» Воображаю, какой ушат вздору выльет на Вас при свидании наш почтенный и добрейший «юрист». Поручая Вас на этот предмет помощи и воле Всевышнего, остаюсь Ваш

Г. Гордон

12 янв<аря> 07 г.

¹ Kantstudien (Kant-Studien) — философский журнал Кантовского общества под редакцией Г. Файхингера и Б. Бауха. Издается с 1897 г.

² «все предназначенные для редакции сообщения направлять приват-доценту д-ру Бруно Бауху» (нем.).

³ «Новым подписчикам на “Кантовские исследования” мы готовы предложить уже вышедшие тома с 1 по 10 по цене 90 марок вместо 120 марок [за комплект]». (нем.).

⁴ «почта» (фр.).

⁵ «почтовым переводом» (нем.).

⁶ «мировая скорбь» (нем.).

⁷ И.С. Розов – врач, член правления ссудосберегательной кассы при Московском попечительном комитете о бедных, член Общества вспомоществования бедным учащимся в средних учебных заведениях г. Москвы и других благотворительных обществ.

⁸ *Cohen*, Ethik des reinen Willens.

⁹ *Штанге*, Ход мыслей в “Критике чистого разума”

¹⁰ *Natorp*, Allgemeine Pädagogik...

¹¹ *Arnoldt*, Kritische Excurse.

¹² Александр Викторович Вейдеман.

¹³ В.А. Савальский кафедру в Юрьевском (Дерптском) университете не получил.

ХII. Письмо 28.01.1907 (Марбург – Москва)

Дорогой Борис Александрович!

Сегодня утром получил Вашу открытку и спешу ответить.

Заказанные Вами книги (2 «Проп<едевтики>», 1 «Plat<os> Id<een-lehre>» и Форл<ендер>¹) заказал и вышлю через несколько дней вместе с дальнейшим транспортом Когеновских лекций. Третьего дня, то есть в день получения, я отправил Вам просмотренную корректуру Шульца² на Ваш адрес.

Я уже однажды говорил с Наторпом по поводу книг по ист<ории> т<еории> позн<ания>, и тогда он сказал мне, что кроме Кассиреровской «Истории теоретико-познават<ельной> проблемы»³, которая у Вас ведь, кажется, есть, ничего по этому предмету не существует, но обещал еще навести справки. Сегодня я снова с ним говорил и спросил насчет Лааса⁴. Он ответил, что, конечно, отправная точка зрения совершенно противоположна его собственной, но материала там для Вас очень много, и притом полезного. Я рассказал ему, что Вы едете летом сюда и везете с собой целую банду учеников и учениц. Он крайне обрадовался, потирал себе руки и все говорил: ah, ah, schön, schön⁵.

С Вашим приездом состоится, конечно, и семинарий по «Крит<ике> прак<ического> раз<ума>» у Когена.

Вчера на торжественном акте в универс<итете> по случаю Kaisers Geburtstag'a⁶ состоялось присуждение наград за сочинения. Гартман получил при необыкновенно длинной похвальной рецензии *полную* премию⁷, — Якобус ничего. О подробностях самой оценки сочинения Гартман написал Вам, вероятно, в том письме, которое на днях отправил Вам. Получили ли Вы его?

Нас с Гартманом очень опечалило известие о Вашей болезни, но мне думается все-таки, что разные мрачные мысли, которые Вы высказываете в Вашей открытке, навеяны на Вас болезнью и не имеют под собой реальной почвы. За лето Вы отдохнете и наберетесь новых сил, а зимой не возьмете на себя такой массы дел, как теперь, и все будет ладно.

Что касается меня, то в прошлую среду состоялось мое первое выступление на Наторповском семинарии, где я, набравшись смелости, поднял вопрос о положении религии в системе философии, так как то решение,

которое он дает в § 8 «Пропедевтики»⁸, отводя религии самостоятельное положение и ставя ее на особое место, подняло у меня целый ряд вопросов, с одного из которых я начал, поставив его в такой форме: так как, по Наторпу («Пропедев<тика>», «Педагогика», «Religion in<nerhalb> der Grenzen der Humanität»⁹), религии, с одной стороны, надо отказаться от Transzendenz-Frage⁹, с другой, — ядро и суть ее — этика, а с третьей, — вся она коренится в Gefühl'e¹⁰, то, спрашивается, — не исчерпывается ли содержание Religionsphilosophie¹¹ тремя Objektswissenschaften¹², то есть логикой, решающей отрицательный вопрос о трансцендентном, этикой, по самой природе своей принужденной заниматься вопросами религии, поскольку суть их, как выше было сказано, этическая, и, наконец, эстетикой, в ведение которой поступает Gefühl, — все же это вместе рассматривается с субъективной стороны в психологии, как это и выходит по его основной мысли? Так< им> обр<азом>, для особой Religionsphilosophie как будто не остается места в системе. Наторп сказал мне в ответ на это, что в моей мысли то верно, что, действительно, Religionsphilosophie не имеет совершенно самостоятельного предмета и принуждена будет иметь еще раз дело с тем, что уже однажды было рассмотрено в трех науках об объектах, но что, тем не менее, с мыслью о полном размещении философии религии по указанным трем рубрикам он согласиться не может. По его мнению, религия как самостоятельно-социальный фактор и составная часть культуры должна быть и рассматриваема отдельно как своеобразный конгломерат Gefühl'я и этики. «Das ist schon das Eigentümliche in Cohen, — сказал он в дальнейшем, возражая уже Гартману, — dass er die Religionsfragen ausschliesslich als ethische betrachten will»¹³. Он, Наторп, все-таки с этим согласиться не может и говорил об этом Когену, как говорили и другие.

Спор перешел потом на другие вопросы и будет длиться еще раза два, по-видимому.

Я не могу сказать, чтобы Наторповские возражения убедили меня, как и вообще далеко не все кажется мне решительно непреложным в его «Religion и т. д.». В особенности, что касается вопроса о трансцендентном. Мне все-таки кажется, что если мы совершенно устраним этот вопрос из религии, то устраним, правда, конфликт с наукой, но сомнительно, получим ли религию «в пределах гуманности». Тут много очень тонких и потому трудно мною улавливаемых привходящих моментов, так что я, конечно, очень далек от окончательного решения вопроса в пользу или против Наторпа, но его решение все-таки не удовлетворяет меня пока.

Послезавтра, в среду, мы (то есть Гартман, я и еще один человек) опять перенесем вопрос с педагогической, куда было он направлялся, на философскую почву и попросим у Наторпа еще кое-каких разъяснений. Я, в частности, о том, как мыслит он себе возможным, чтобы при отказе от трансцендентного мы удержали бы все-таки «<die> religiöse Vorstellung <aber> in ihrer naiv symbolisierenden Kraft»¹⁴ (стр<аница> 22 «Педагогики»)¹⁵.

Я написал обо всем этом, думая, что Вам интересно узнать о том положении, какое занимает Наторп по отношению к Когену в этом важном вопросе.

Теперь я бы хотел сказать пару слов о денежном вопросе. Мой долг Вам равен теперь 176 рубл<ей> 56 коп<еек>. В свою очередь Вы должны

мне 40 марок 55 пфенн<игов>, составившиеся из разных мелких расходов по уплате за заказанные Вами книги, из прибавки в 10 марок к заказу на Kantstudien, о чем я Вам писал, и из расходов по отсылке Вам книг. Эти 40 марок 55 пфен<нигов> равны 18 рубл<ям> 94 коп<ейкам>.

Так что мой долг Вам сводится к 157 р<ублям> 62 к<опейкам>.

Что касается нужных мне для отъезда денег, то сумма их равна 58 рубл<ям>. Если бы Вы могли их мне выслать, то это было бы для меня лучше всего, так как занять мне решительно негде, отец же мой, ресурсы которого, как Вы знаете, вообще невелики, только что заплатил за меня снова в университет. Если же Вы не можете выслать мне этих денег, то будьте добры и напишите мне возможно скорее об этом.

В эти 58 рублей не входит оплата за покупку и отсылку тех двух экз<емпляров> «Пропедевтики», «Platos Ideenlehre» и Форл<ендера>, которые сегодня я заказал для Вас. Все эти вещи будут стоить 19 м<арок> 50 пф<еннигов> (2 «Проп<едевтики>» 2 м<арки> 80 пф<еннигов>, Форл<ендер> 8 м<арок>, «Platos Ideenlehre» 8 м<арок> 70 пф<еннигов>) + отсылка, вероятно, марки 3, так что вместе 22 м<арки> 50 пф<еннигов>. Эти деньги вышлите мне, пожалуйста, так как из своих я не могу их теперь заплатить во избежание недохвата при отъезде.

В Марбурге с внешней стороны никаких перемен нет. Но среди людей есть кое-какие. Так, наш общий знакомый Dr. Leder уехал вчера из Марбурга в Познань, куда переведен библиотекарем в университет. Летом здесь не будет уже ни Якобуса, ни Кассирера, ни Френкеля¹⁶, которые все оставляют Марбург. Зато приедет, вероятно, снова Зеземан. Гартман тоже остается на лето и в конце его будет, должно быть, держать на доктор-ра¹⁷, после чего уедет в Россию, как он это пока предполагает.

Совершенно неожиданно я получил на днях приглашение к обеду от Кальбфлейша¹⁸. «Откуда мне сие?» — до сих пор не понимаю. Вероятно, за то, что я ему на Новый год сделал визит и, не застав, оставил карточку.

Вот и все текущие новости.

При отъезде я думаю оставить Вам здесь некоторые Ваши вещи и книги, которые у меня теперь, если Вы ничего не будете иметь против. В свое время напишу Вам реестр. Оставить можно будет у Гартмана.

Видали ли Вы Савальского?

Ваш Г. Гордон

28/I 07.

¹ Видимо, это книга: Kant, Kritik der reinen Vernunft. Hrsg. von Karl Vorländer.

² Шульц, Разъясняющее изложение «Критики чистого разума».

³ Cassirer E. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. В. 1–3. Berlin, 1906, 1907 и 1923. (Коллекция Б.А. Фохта). Речь идет о первых двух книгах 1906 и 1907 гг. издания.

⁴ Коллекция Б.А. Фохта: Laas E. Idealismus und Positivismus. Eine kritische Auseinandersetzung. В. 3: Idealistische und positivistische Erkenntnistheorie. Berlin, 1884.

⁵ «ах, ах, прекрасно, прекрасно» (нем.).

⁶ «день рождения кайзера» (нем.).

⁷ Имеется в виду премия философского факультета за 1906/07 учебный год, которую получил Н.А. Гартман за конкурсное сочинение. См.: «Очерк второй. 1.2».

⁸ § 8 «Отдельные задачи философии» в кн.: *Natorp, Philosophische Propädeutik*, 10–11; *Наторп*, ФП, 65–66.

⁹ «вопрос о трансцендентности» (нем.).

¹⁰ «чувство» (нем.).

¹¹ «философия религии» (нем.).

¹² «науки об объектах» (= «объективирующие науки») (нем.).

¹³ «Уже то своеобразно в Когене, что он стремится рассматривать религиозные вопросы исключительно как этические» (нем.).

¹⁴ «религиозное представление <однако> в его непосредственно символизирующей силе» (нем.).

¹⁵ *Natorp, Allgemeine Pädagogik...*

¹⁶ Видимо, Фриц Френкель (Fränkel) — в 1906/07 г. студент, оканчивающий философский факультет Марбургского университета (*Verzeichniss des Personals und der Studierenden auf der Königl. Preußischen Universität Marburg im Winter-Semester 1906/07. Marburg, 1906*).

¹⁷ Н.А. Гартман сдал докторский экзамен летом 1907 г. См.: *Hartmann F. Biographische Notizen zu Nicolai Hartmann (1882–1950)* // *Hartmann, Heimsoeth*, 321.

¹⁸ Карл Кальбфлейш (Kalbfleisch) (1868–1946) — профессор классической филологии.

ХIII. Письмо ок. 10.02.1907 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Простите, что пишу на неприличной бумаге, но другой у меня нет, а я спешу Вам ответить. Напишу Вам сперва ответы на Ваши вопросы, чтобы потом перейти к изложению ряда соображений по разным вопросам, как возникшим у меня раньше, так и вызванным Вашим письмом.

Я напишу книгопродавцу о Kantstudien, хотя, собственно говоря, в факте их неприхода нет ничего неожиданного: ведь они идут per Paket², то есть товарным поездом, — поэтому их отсылка и стоила только 6 марок: иначе, если посылать как Drucksache³, это влетело бы minimum в 60–70 мар<ок>.

Посылка же грузом длится, как Вы знаете, недели 3–4.

Вопрос о рецензии на этику Когена⁴ замер пока в той стадии, которая определилась Вашим ответом на Гартмановское предложение. Но второго издания придется еще некоторое время ждать, а пока Вы, может быть, успеете проштудировать *Логик*⁵ и первое изд<ание> *Этики*, что и решит, конечно, вопрос о написании рецензии Вами самолично. Пока что появилась в «Christliche Welt», — журнале либеральных протестантских теологов, — рецензия на «Этику» Когена, принадлежащая перу знаменитого Гермманна⁶. Рецензия же, по отзыву Гартмана, хороша, хотя, по его мнению, Гермманн останавливается не на самых важных пунктах; тон этой рецензии хвалебный в пользу Когена, да и на одной из своих лекций Гермманн как-то раз говорил целый час о Когеновской философии и усиленно рекомендовал ее своим ученикам. Коген, кажется, доволен.

Очень благодарю Вас за деньги и жалею, что достать их стоило Вам стольких хлопот. Очень благодарен и Льву Николаевичу⁷ за его содей-

ствие в этом деле. Что касается высылки денег, то я бы хотел получить их возможно скорее, так как до моего отъезда осталось уже меньше трех недель. Кроме того, пожалуйста, соберите с Ваших учениц, для которых я выслал Вам две Пропедевтики, *Platos Ideenl* и *Форленд*, деньги за эти книги (вместе с пересылкой стоят 22 марк и 5 пфеннигов), то есть 10 рублий 50 копеек (приблизительно) и пришлите их вместе с 60 рублями, предназначающимися мне, так как надо заплатить Трейнеру за эти книги, а из своих, как я Вам писал в предыдущей открытке, я не могу заплатить во избежание недохвата при отъезде.

Очень рад, что Вы не обратились за деньгами к Боричевскому: это как раз пункт, в котором с ним *совершенно не следует* соприкасаться.

Тому обстоятельству, что Вы не будете читать курсов по истории древней философии и теории познания, с одной стороны, огорчился, так как и сил было истрачено Вами на это немало, да и на самое чтение мы с Гартманом возлагали большие надежды, но, с другой стороны, мне кажется, хорошо, что Вы не будете больше продолжать Вашей изнурительной подготовки. Тем более, что это там от Вас все равно не уйдет, и осенью ничто уж не помешает Вам, если захотите, открыть эти курсы.

Теперь в связи с последним пунктом перейду к изложению тех соображений, о каких говорил выше. Они касаются, прежде всего, вопроса о предстоящих нам с Вами работах. Оставляя в стороне решенный Вами положительно, против чего и я, конечно, ничего не имею, вопрос об участии в издании Лопатинских лекций, в чем мы заинтересованы только материально, — я бы хотел поговорить о тех планах по издательству, которые Вы наметили в письме. Мне думается, что в виде 1) необходимости и Вам, да и мне, всячески стремиться к скорейшему окончанию всех наших учебных занятий, то есть у Вас докторского, у меня государственного экзамена, 2) ввиду того, что Вам следует очень и очень беречь свои физические силы, а мне время (так как, употребляя картинное сравнение, я могу сказать, что мое научное одевание представляет собой почти сплошную дыру, подлежащую постоянному и методическому штопанию и зашиванию), — ввиду всего этого мы и должны оставить в стороне, по крайней мере, на время, издание Гольдера⁸ и Адамсона⁹, речей¹⁰ и Рюиссена¹¹ и сосредоточить все свои силы на том, чтобы покончить с Шульце¹² и Наторповскими *Leitsatz*'ами¹³. Только в таком случае вижу я возможность быстрого (а требуется именно быстрый) перевода Вами Когеновского комментария¹⁴. Иначе, если мы будем придерживаться прежней системы одновременного перевода Шульце, Рюиссена, Боница, речей, Адамсона и т. д., и т. д., то я боюсь, что нам долго не удастся ни с чем покончить. Не забывайте, что теперь, с арестом Бердникова, отпадом Боричевского, смертью могшего быть полезным Братенши¹⁵, мы остались только вдвоем и притом наше разделение труда по самому существу дела призрачное, так как лежащая на Вас редакция отнимает больше сил и времени, чем мой перевод. Итак, *in medias res!* — предлагаю я, то есть в узко очерченный круг Шульце и Наторпа. Теперь остается вопрос о Форлендере¹⁶, на мысли о переводе которого я строю для себя много надежд. Но это стоит уже в связи с вопросом о моей ближайшей судьбе, к чему я перехожу.

Мои планы вкратце таковы: буду ли я здесь летом или нет, но зиму я провожу в Москве, а весной след<ующего> года держу государственный экзамен, чтобы получить право стать учителем. Раньше это никак не удастся, — в особенности если я лето проведу в Марбурге, то есть принужден буду заниматься предметами мне, конечно, более симпатичными, но стоящими вдали от подготовки к государственному экзамену. Теперь, чтобы иметь возможность прожить это время, расплатиться с Герлахом, Вами и домашними, а также и подготовить почву для поездки летом следующего года в Марбург в целях держания здесь осенью докторского экзамена, к которому я, кажется, смогу подготовиться за это время, я и думаю поста...

¹ Нет окончания и даты.

² «посылкой» (нем.).

³ «бандероль (по почтовому тарифу “печатное”»)» (нем.).

⁴ *Cohen*, Ethik des reinen Willens.

⁵ *Cohen H.* Logik der reinen Erkenntnis. Berlin, 1902.

⁶ Речь в письме идет о первой части рецензии. См.: *Herrmann W.* Hermanns Cohens Ethik. Teil 1: Die sittliche Erkenntnis // Die Christliche Welt. Evangelisches Gemeindeblatt für Gebildete aller Stände. 21. Jahrgang. Marburg. 1907. № 3. 17. Januar. S. 51–59. Вторая часть рецензии появилась через полтора месяца: *Herrmann W.* Hermanns Cohens Ethik. Teil 2: Die Religion // Die Christliche Welt. 1907. № 10. 7. März. S. 222–228.

⁷ Лев Николаевич Тростьянский.

⁸ *Hölder A.* Darstellung der kantischen Erkenntnistheorie mit besonderer Berücksichtigung der verschiedenen Fassungen der transcendentalen Deduction der Kategorien. Tübingen, 1873. (Коллекция Б.А. Фохта). Совместный перевод этой работы Фохтом и Бердниковым планировался для третьего выпуска «Кантианы», о чем было объявлено во втором выпуске (*Шульц*, Разъясняющее изложение «Критика чистого разума»).

⁹ *Adamson*, Über Kants Philosophie.

¹⁰ Возможно, имелся в виду составленный самим Фохтом сборник, в который должны были войти следующие тексты: *Cohen*, Rede bei der Gedenkfeier der Universität Marburg zur hundersten Wiederkehr des Todestages von Immanuel Kant; *Natorp*, Zum Gedächtnis Kants; а также, вероятно, некоторые тексты из: Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100jährigen Todestage. Hrsg. von H. Vaihinger und B. Bauch. Berlin, 1904. (Kantstudien IX, 1/2). Предположительно именно речь Виндельбанда «Nach hundert Jahren» (S. 5–20) из указанного издания «Kantstudien» переводил Г.О. Гордон для сборника, задуманного Фохтом, перед отъездом в Марбург им. А.С. Пушкина. Колл. XI, разд. V, ед. хр. 6).

¹¹ *Ruyssen*, Kant.

¹² *Шульц*, Разъясняющее изложение.

¹³ *Natorp*, Allgemeine Psychologie in Leitsätzen; *Ders.*, Allgemeine Pädagogik in Leitsätzen.

¹⁴ *Cohen*, Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft.

¹⁵ Андрей Михайлович Братенши (1882–1906) — студент историко-филологического факультета Московского университета, брат Елены Михайловны Метнер, «застрелился, убивши любимую женщину» (*Белый*, Между двух революций, 125).

¹⁶ Видимо, это: *Vorländer*, Geschichte der Philosophie.

XIV. Открытка 23.02.1907 (Марбург – Москва)¹

Дорогой Борис Александрович!

Не знаю, получили ли Вы мое закрытое письмо, посланное в ответ на Ваше. На Ваш вопрос о времени присылки мне денег я ответил, что жду скорого получения. Между тем они не приходят. Если Вы еще не выслали, то, будьте добры, пошлите их в день получения этой открытки или на следующий день: пожалуйста, *не позже*, потому что мне придется в противном случае жить здесь понапрасну несколько лишних дней. Итак, жду. Не забудьте, как я Вам писал, прислать кроме предназначенных мне 60 рублей еще 19 м<арок> 10 пф<еннигов> для Трейнера за посылку. Письма направляйте ко мне, если будете еще писать, с таким расчетом, чтобы они пришли не позже 2 марта *нов<ого> ст<илия>*. Я уеду, вероятно, 4-го. Везу Вам расписание летних лекций. Перед отъездом еще раз, вероятно, напишу открытку. У Наторпа о книгах спрашивал. Герц² и Апелът³ не годятся. Есть одна книга Маха: называется, кажется, «Geschichte der Mechanik»⁴: Наторп в точности не знал.

Ваш Г.Г.

10–23/II 07.

P.S. Если бы Вы почему-либо не могли выслать мне денег, то, пожалуйста, сообщите немедленно.

---

¹ Адрес на открытке: «Russland. Moskau. Россия. Москва. Гагаринский пер., д. Муравьевой, кв. 2. Его высокородию Борису Александровичу Фохт».

² Возможно: *Hertz H.R. Gesammelte Werke. Bd. 3. Principien der Mechanik in neuem Zusammenhange dargestellt. 2-te Aufl. 1910. [1. Aufl. 1895].*

³ Возможно: *Apelt E.F. Die Theorie der Induction. Leipzig, 1854.* (Коллекция Б.А. Фохта).

⁴ *Mach E. Die Mechanik in ihrer Entwicklung. Historisch-kritisch dargestellt von Dr. Ernst Mach. 5. Aufl. Leipzig, 1904.* (Коллекция Б.А. Фохта).

XV. Письмо 27.05.1907 (Москва – Марбург)

27-9/V-VI 07

Дорогой Борис Александрович!

Почему от Вас ни слуху, ни духу? После той открытки я не получал от Вас ничего.

Поручения Ваши исполнены: Сомовой¹ уплачено, программы на другой же день отданы Гобзе². О Шушукине³ не беспокойтесь: все сделаю сам, а не чрез Герлаха. Он же, кстати, неделю, как в Баден-Бадене. Шлю Вам корректуру. С того места, где отчеркнуто красным чернилом, начинается совсем не редактированная часть. На нее только и должно быть обращено Ваше благосклонное внимание. Пожалуйста, не особенно долго задерживайте корректирование: там немного и вряд ли утомительно,

а лучше скорее сдать в сверстку. Корректуру производите прямо на гранках, но как можно отчетливее и яснее.

Я на урок не поехал и живу под Москвой на даче, но адрес мой прежний, то есть Большая Серпуховская, д. Брашнина <(№ 19)>, кв. 3.

От Боричевского получил письмо, где он спрашивается о Вашем здоровье. Кстати, он пишет, что в «Вестнике знания» (есть такой журнал) появился перевод Христиансена⁴. Кто переводил, мы пока не знаем.

Что Вы предприняли с моей матрикулой⁵ и заплатили ли Вы за меня 2 м<арки> 50 пф<еннигов> за Kommentar Гартману, как я Вас просил? Если еще нет, то сделайте это, пожалуйста.

Я жду от Вас подробного письма обо всем. Как Ваше здоровье? Как занятия? Передали ли Вы Когену, что я просил? Как поживает Ал<ександр> Влад<иславович>⁶ и сильно ли воюет с Наторпом из-за Аристотеля? Кланяйтесь ему, то есть Алекс<андру> Влад<иславовичу> (а не Аристотелю, конечно).

Я был однажды у Ваших и был ими приглашен на лето в Волынское. Думаю съездить в начале июля.

Пока всего хорошего. Простите, что письмо так нескладно: пишу на почте.

Ваш Г. Гордон

P.S. Как действует Ваш и Ал<ександр>а Влад<иславович>а enfant terrible, — ich meine Herrn Toporkoff⁷?

¹ Ольга Лаврентьевна Сомова — владелица типографии.

² Иосиф Освальдович Гобза — директор Московской 1-й мужской гимназии.

³ Василий Николаевич Шушукин — купец, владелец типографии, литографии и переплетного заведения.

⁴ Христиансен Б. Теория познания и психология познавания // Вестник знания. Санкт-Петербург. 1907. № 3. С. 65—81.

⁵ Видимо, имеется в виду официальное зачисление в студенты университета.

⁶ Александр Владиславович Кубицкий.

⁷ «ужасный ребенок», — я имею в виду господина Топоркова» (фр., нем.).

XVI. Письмо 11.06.1907. (Москва – Марбург)

Дорогой Борис Александрович!

Получив Ваше письмо и прочтя в нем строки о Шульце, я пришел в совершенное уныние. Никаких гранок я прислать Вам не могу, так как 5-ый лист, содержащий в себе весь текст антиномий до тех двух гранок, которые у Вас теперь, уже сверстан и напечатан¹. Произошло это так. Как Вы знаете, я держал последние корректуры этого листа уже через неделю по моем приезде в Москву. Затем я начал оттягивать отдачу их в верстку, причем производил это в течение целого месяца, получив за это время два требования скорости от Сомовой. Цель оттяжки была та, чтобы проверить с Вами «синие знаки», так как в остальном редакция была ведь со-

вершенно готова. Вы, вероятно, помните, что часть этих знаков Вы и рассмотрели со мной в срединный период Вашей болезни, когда упала до 37° температура. Остальные я проверил сам. Наконец, через месяц, в день, который пришелся на ту неделю, когда Ваша болезнь приняла снова очень опасный и тяжелый оборот, я получил от Сомовой краткое и выразительное письмо, где она требовала немедленного представления ей гранок для сверстки 5-ого листа, заявляя, что ей совершенно необходим занятый нами набор. Совершенно не зная, что предпринять, и не допуская даже мысли о возможности совещаться с Вами по этому поводу, я отправился в клинику с гранками Шульце и, застав там Льва Николаевича, рассказал ему тут всю историю и мы с ним проверили ряд «синих знаков», не найдя там при этом никаких неясностей. Он также, конечно, был того мнения, что говорить Вам об этом теперь нельзя (это был, кстати, тот день, когда у Вас был Котляревский²: вспомните свое тогдашнее состояние). Мне не оставалось ничего, как только идти к Сомовой, что я и исполнил на следующий день. Она встретила меня необычайно сухо и официально и на все мои извинения в задержке и просьбы подождать еще несколько дней в надежде, что Вам станет лучше, отвечала, что у нее масса работы и невозможно обойтись без нашего набора, что печатание длится вот уже больше полгода, попросила у меня тут же денег и, когда я, наконец, отдал ей гранки, видя, что делать нечего, она демонстративно позвала при мне же метранпажа и отдала ему гранки, сказав: «верстать!» Затем лист был сверстан, я его еще раз пробежал, заменил там согласно Вашему указанию слова «im gemeinen Wesen»³, и он был напечатан. Вот Вам история этого листа. Признаюсь, что я был сильно опечален, что Вы нашли там бессмыслицы в терминологии, и утешаюсь единственно тем, что, может быть, опасения Ваши преувеличены? Ведь редакция всего напечатанного материала была продержана: не редактированная Вами часть начинается только с той гранки, которая находится у Вас. Во всяком случае, я не знаю теперь, что делать с этой печальной историей. Напишите мне, пожалуйста, какие-нибудь директивы.

Что касается моего отказа от урока, то я не поехал на последний не по поводу моего отказа: через два часа после того, как я опустил в ящик письмо с отказом, я получил письмо от г-жи Бергман (значит, еще раньше, чем она получила мое), где она писала, что «должна отказаться воспользоваться моим предложением, так как нашла учителя, который согласился посвящать ее сыну все свое время». Я обрадовался тому, что дело приняло благополучный оборот, и уехал на дачу, где получил урок, правда, небольшой, и получу, вероятно, еще один.

Не совсем понял я, за что были заплачены Вами 4 м<арки> 60 пф<еннигов>: за Kommentar ли Cohen'a или за эксматрикуляцию⁴. Будьте добры, черкните как-нибудь. Я был бы очень рад, конечно, если бы Вы написали мне хоть немного о содержании Ваших занятий. Что касается меня, то я изучаю Cohen'овский Kommentar, который теперь сделался уже мне более или менее понятен, хотя некоторые места в начале его и до сих пор являются для меня в значительной степени ребусами. Кроме того, приходится все время плавать в водах Челпановского философствования, с которым я, впрочем, скоро покончу, так как уже отделался от Логики⁵, Психологии⁶ и половины «Введения в философию»⁷, и тогда буду писать ему

реферат о Спинозе⁸. От Челпанова я получил в ответ на мою просьбу очень любезное письмо с подробным ответом на поставленные вопросы и предложением писать и впредь.

Пока всего хорошего. Кланяйтесь всем и Гартману скажите, что я очень извиняюсь за долгое молчание и скоро напишу. За последнюю неделю я вообще выбывал на некоторое время из строя, так как испытал жесточайший приступ моей обычной ушной болезни, от которого не оправился и до сих пор.

Ваш Г. Гордон

11–24/VI 07

¹ Шульц, Разъясняющее изложение «Критики чистого разума», 65–80.

² Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) – приват-доцент кафедры всеобщей истории Московского университета, в 1907 г. – преподаватель на курсах по общественно-юридическим наукам при женской гимназии Бесс. Член ЦК кадетской партии.

³ Schulze, Erläuterungen zu Kants Kritik der reinen Vernunft, 113. В переводе Б.А. Фохта: ...в обиходе повседневной жизни» (Шульц, Разъясняющее изложение «Критики чистого разума», 74).

⁴ Исключение из списка студентов университета.

⁵ Челпанов Г.И. Учебник логики. (Выдержал 10 изданий. 1-е изд.: Киев, 1897).

⁶ Челпанов Г.И. Психология. Лекции. Москва, 1892.

⁷ Челпанов Г.И. Введение в философию. 2-е изд. Киев, 1907.

⁸ Реферат «Психофизический параллелизм у Спинозы» для семинара Г.И. Челпанова 1907/1908 уч. г. См.: Гордон Г.О. Повести о моей жизни. Углич, 1939. Личный архив И.Г. Гуровой.

XVII. Открытка 4.07.1907 (Москва–Марбург)¹

Дорогой Борис Александрович!

Сегодня отправил Вам заказной бандеролью листы Шульца. Простите, что запоздал, но я поздно получил на даче Ваше письмо. Что касается того, что я раньше не выслал Вам их, то произошло это не от моей «невнимательности», а от того, что в Вашем письме было сказано: «...доколе не получу все предшествующие гранки последнего листа», а о предшествующих «листах» ни слова. Второго листа Шульца с Вашими отметками у меня не было, и в папках я его тоже не нашел.

В самом скором времени я вышлю Вам материал для редакции. Напишите, в какое время думаете быть в Москве.

Мои дела по-прежнему. От Боричевского никаких известий не имею.

На следующей неделе рассчитываю быть у Ваших.

Пока всего хорошего.

Пишите,

Ваш Г. Гордон

4–17/VII 07

¹ Адрес на открытке: «Германия. An Herrn Dr. Phil. B. Vogt, Hochwohlgl. Werderstr. 3 in Marburg a/d Lahn», Hessen-Nassau».

XVIII. Письмо 18.11.1907 (Москва–Марбург)

Дорогой Борис Александрович!

Я очень извиняюсь пред Вами за свое долгое молчание, но объясняется оно тем, что за все время, прошедшее со дня Вашего отъезда, я не имел ни минуты свободного времени, чтобы сосредоточиться настолько, насколько это нужно для письма. Кроме того, в силу, вероятно, усталости я все прихварываю, и это создает во мне довольно унылое настроение, мало пригодное для письма, которым бы я мог хоть несколько рассеять Ваше, — судя по тому, что Вы написали, — очень грустное душевное состояние. Было, наконец, и еще одно обстоятельство, которое косвенно заставляло меня отсрочить несколько письмо: я хотел прислать его вместе с Христиансеном¹, но выпуск его в свет замедлился вследствие того, что Шушукин несколько времени не работал по случаю перевода его в новое помещение². Это было особенно досадно потому, что дело только за обложкой, которую надо отпечатать. В среду будет окончательно готово, через неделю я надеюсь выпустить его в продажу.

Жизнь наша течет по-прежнему: профессора почитывают, студенты похаживают, Челпанов демонстрирует одного за другим своих учеников в «Психологическом обществе», принимающем все более и более киевский, если можно так выразиться, оттенок. В психологической семинарии работа наша идет по-прежнему, то есть читаются рефераты и ведутся по поводу них умеренные и аккуратные споры. Мы с Лопатиным время от времени схватываемся, но теперь уже реже, так как дело дошло до диалектики, где речь пошла уже о паралогизмах, пункте сравнительно нейтральном. Зато отчаянная схватка была у нас недели 2 назад по поводу понимания идей. Лопатин прямо неистовствовал, заставляя меня признать, что идеям присуща потусторонняя реальность, я же неизменно парировал его удары уничтожающими цитатами из главы «Об идеях вообще»³ и «О регулятивном применении идей»⁴, направляя из вежливости эти выпады против референта того дня, — Блонского⁵ (ученик Челпанова), который выступил было на защиту Лопатина, но после нескольких тяжелых залпов с моей батареи, которую представляло собою Vorländer'овское издание Критики⁶, замолк, как подбитая пушка, и ретировался за спину Лопатина, который тут вдруг паче чаяния заявил и произвел тем некоторую сенсацию, что он собственно со мной совершенно согласен, поскольку дело идет об идеях как регулятивных принципах теоретического разума, но что в «Крит<ике> прак<ического> раз<ума>» дело будто бы обстоит не так. Но я остался неумолим и быстро выстрелил по нему той знаменитой фразой, которой, помните, Вы два года тому назад обучали меня перед моим первым визитом к Когену: «nicht die Freiheit als Noumenon...»⁷ и т. д. Это уже окончательно рассердило Лопатина, и он перестал со мной на тот случай разговаривать.

Впрочем, уже на следующий же раз он сам вызвал меня на спор, прямо обратившись с вопросом: «ну, а как по-вашему будет вот то-то?»

Вот собственно и все, что я мог бы написать о себе и университете в наших с ним отношениях. Я был как-то у Алекс<андра> Владисл<аво>

вича>, и мы с ним просидели 5½ часов, причем он развивал очень интересные, на мой взгляд, идеи, которые мы и подвергали обсуждению. После того, как я уже года 1½ ни о чем с ним не говорил, его воззрения меня поразили: до чего изменились его позиции по сравнению с тем, какими они были раньше.

Ваше поручение исполню завтра или послезавтра (высылку *Forschungen*⁸).

Удивляюсь, почему Вам никто, как Вы говорите, не пишет. Это объясняется, может быть, тем, что жизнь теперь в Москве как-то мало интенсивна: даже думские события (с адресом и изгнанием Родичева⁹) как-то сероваты. Нет, таким образом, стимулов для писания о теперешней жизни.

Что касается тех дум, которые волнуют внутреннюю мою жизнь, то о них вряд ли стоит писать: до того они еще неоформлены и неустойчивы. Наряду с работой над детализированием того, что уже есть и установилось как будто бы прочно, идет и ломка многого из старого. Много еще совершенно незатронутых и необдуманных проблем врывается иногда даже против воли и производит сумятицу и перетасовку в том, что казалось уже окончательно систематизированным. Иногда это анархическое состояние доходит до того, что положительно начинаешь сомневаться, да есть ли собственно что-нибудь устойчивое в том, чего до сих пор старался особенно крепко держаться. Больше, чем когда-либо, чувствую я теперь необходимость обратиться к себе самому кардинальный вопрос: *δὸς μοι ποῦ στῶ*¹⁰; — и на выяснении и решении его одного только и сосредоточиться.

Такое смятенное состояние духа в связи с физическим недомоганием, о котором я Вам выше писал, тем не менее, почти не мешает мне удерживаться пока на той линии работы, какую я себе наметил. В частности, теперь у меня масса дела: приближаются всевозможные полукурсовые экзамены и зачеты.

На днях я видел мельком Елену Алекс<андровну>¹¹. Она показалась мне немного бледной: вероятно, много занимается. Кроме того, ей, должно быть, и скучновато: ведь знакомых у нее, как кажется, мало.

Ну, приходится кончать. Простите за беспорядочность письма: усталость и спешка — вот главные причины ее. Жду от Вас более подробных сведений о состоянии Вашего здоровья и занятий.

Ваш Г. Гордон

18—1/XI—XII 07

¹ Христиансен, Психология и теория познания.

² Типо-литография В.Н. Шушукина была переведена по адресу: Москва, ул. 2-ая Рыбинская, д. 8.

³ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Elementarlehre. II. Thl. II. Abth. I. Buch. 1. Abschn. Von den Ideen überhaupt (В 368—377).

⁴ Elementarlehre. II. Thl. II. Abth. II. Buch. 3. Hauptst. Anhang zur transscendentalen Dialektik. Von dem regulativen Gebrauch der Ideen der reinen Vernunft (В 670—696).

⁵ Павел Петрович Блонский (1884—1941) — психолог, педагог. В 1907 г. окончил курс историко-филологического факультета Киевского университета, а государственный экзамен держал в Московском университете весной 1908 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 894. Л. 3).

⁶ Kant, Kritik der reinen Vernunft. Hrsg. von Karl Vorländer.

⁷ «не свобода как ноумен...» (нем.).

⁸ Natorp, Forschungen zur Geschichte des Erkenntnissproblems im Alterthum.

⁹ Федор Измайлович Родичев (1853, по др. данным, 1856–1932) — один из лидеров конституционно-демократической партии, член ее ЦК, депутат Государственной Думы всех четырех созывов от партии кадетов. 17 ноября 1907 г. на заседании 3-й Государственной Думы Родичев выступил с речью в ответ на декларацию («адрес») от 16 ноября председателя совета министров П.А. Столыпина «о целях, преследуемых правительством, о способах, намеченных для их достижения, и о существе законодательных его предположений» (Русские ведомости. 1907. № 264. 17 ноября. С. 3) и на выступление В.М. Пуришкевича 17 ноября в поддержку этой декларации. Говоря о тех чувствах, которые должна вызывать в поляках практикуемая по отношению к ним русской администрацией политика, Ф.И. Родичев сказал: «...то, что Пуришкевич назвал муравьевскими воротниками, потомство, может быть, назовет столыпинскими галстуками». На заседании присутствовал Столыпин, и правые восприняли эти слова как оскорбление в его адрес. Родичев публично извинился перед председателем совета министров, но по предложению председателя Думы и по итогам голосования был лишен права участвовать в работе Государственной Думы в течение 15 заседаний. (Русские ведомости. 1907. № 265. 18 ноября. С. 4–6.).

¹⁰ «дайте мне точку опоры» (Архимед) (греч.).

¹¹ Елена Александровна Фохт — вторая жена Б.А. Фохта.

XIX. Открытка 28.11.1907 (Москва–Марбург)¹

Дорогой Борис Александрович!

Сегодня, зайдя к Вашим, я узнал от Алекс<андра> Александровича², что Вы на днях писали, что не получили моего письма. Между тем уже не меньше 1½ недель, как я отправил Вам закрытое письмо на 6 страницах, еще до получения Вашей второй открытки. Она пришла через день после отправки моего письма, и я едва успел присоединить к запакованному было Natorp'у (Forschungen) другие выписываемые Вами книги и снести их к Марье Федоровне, так как обстоятельства тут сложились так, что она скорее их могла бы отправить, чем я. Будьте добры, напишите, получили ли Вы книги, а, кроме того, сколько экземпляров Христиансена, который сегодня должен быть уже окончательно готов, отложить для Вас, а также послать кому-нибудь из Ваших знакомых, если Вы хотите. Разнос книжки по магазинам и отсылка по журналам будет произведена нами в самом широком масштабе.

Я потому не ответил ничего на Вашу 2-ую открытку, что решительно ничего не мог бы прибавить в своем письме к тому, что говорил Вам уже в Москве по поводу тех же самых Ваших замечаний: мое отношение к Вам отнюдь не изменилось, и я все-таки никак не могу усмотреть тех признаков, по которым Вы заключаете об обратном. Ну, всего лучшего.

Ваш Г. Гордон

28–11/XI–XII

¹ Адрес на открытке: «Германия. An Herrn Dr. B. Vogt. Frankfurterstr. 60 (bei Frau Strubs(?)) in Marburg a/d L<ahn>, Hessen-Nassau».

² Александр Александрович Фохт — младший брат Б.А. Фохта, проживал вместе с родителями по адресу: Москва, Б. Власьевский пер., д. Лоренца (бывш. Львова), кв. 6.

XX. Письмо 17.12.1907 (Москва–Марбург)

Дорогой Борис Александрович!

Очень извиняюсь, что так долго не писал: за это время я совершенно сбился с ног. Сперва была 3 недели больна моя мать воспалением легких, но благодаря Александру Богдановичу и присланному им хорошему врачу удалось поднять ее на ноги; не успела еще выздороветь мама, как на смену ей пришла тетка. Теперь выздоравливает и она, но обе эти болезни внесли, конечно, немало перемен в наладившуюся жизнь и отняли много сил и спокойствия. Однако мне удалось развить по Христиансену усиленную деятельность: он выпущен в приличном виде и имеется уже в 10 больших магазинах, из которых Вольф, Кар<a>басников, Суворин и Филимонов¹ купили за наличные 55 экз<емпляров> (на сумму 15 руб<лей> 40 к<опеек>) и взяли на комиссию 80. Из взявших на комиссию большинство (в том числе «Труд»²) разошлет экземпляры по провинции. Цену я назначил в 40 к<опеек> (за наличные книгопродавцам 28 к<опеек>, а на комиссию 30 к<опеек>), руководствуясь тем, что за Штанге мы назначали тоже 40 к<опеек>, так что не приходится сбивать цену, а кроме того мне и сведущие люди советовали не назначать меньше, говоря, что книжка пойдет. Она уже идет, как я знаю, успешно, хотя со времени ее фактического появления на окнах магазинов прошло только 1½ недели. Особенно она пойдет в будущем году, когда у нас будет семинарий по гносеологии. Боричевский по моему настоянию преподнес Челпанову 2 экз<емпляра> (один для библиотеки семинария, а другой ему лично), и тот остался, по-видимому, доволен как переводом, так и изданием. К началу января я пошлю книжку для рецензии в 9 журналов и газет, из которых в «Рус<ских> Вед<омостях>», «Вопр<осах> фил<ософии> и псих<ологии>»³, «Рус<ской> Мысли»⁴ и «Весах»⁵ обеспечены, можно сказать, хвалебные рецензии. Я посылаю нарочно попозднее, чтобы рецензии появились в момент подъема сезона. В январе же я разовью разнос по магазинам Штанге. Вам я высылаю сегодня один экземпляр и жду указаний, кому из знакомых Ваших их раздать. Я на свой страх и риск дал по экз<емпляру> Елене Алекс<андровне> и Алекс<андру> Влад<иславо-вичу>, но последний уже успел купить один у Путиловой⁶, хотя я отнес ему книжку на другой день после ее появления.

От Ваших знакомых я слышал, что Ваше здоровье опять ухудшилось: может быть, Вы напишите, как Вы себя чувствуете и что собираетесь предпринимать? На свое письмо и открытку я еще не получал от Вас ответа, и это меня беспокоит, потому что я отношу Ваше молчание насчет плохого самочувствия.

Я по-прежнему занимаюсь, насколько это было для меня за последнее время возможно, а кроме того начал «печататься» (звучит гордо, не прав-

да ли?), и мой первый дебют величиною в 1 страницу и ценою в 2 с полтиной появится в виде рецензии в декабрьской книжке «Вопросы фил<ософии> и псих<ологии>»⁷. Если получу оттиски, то вышлю Вам мой «труд», единственное достоинство которого состоит, вероятно, в его лаконичности.

Пока всего хорошего.

Ваш Г. Гордон

17/30 XII 07

---

¹ Книжные магазины.

² Книжный магазин С.А. Скирмунта.

³ *Ляшкевич Л.* [Рец.:] Б. Христиансен. Психология и теория познания. Пер. Е.И. Боричевского под ред. Б.А. Фохта. М., 1907 // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 92. С. 285–287.

⁴ *Топорков А.* [Рец.:] Б. Христиансен. Психология и теория познания // Русская мысль. 1908. Кн. III. С. 51–52.

⁵ *Бугаев Б.* Заметки о книгах. Д-р Бродер Христиансен. Психология и теория познания // Весы. 1908. № 4. Апрель. С. 54–56.

⁶ П.Д. Путилова, владелица писчебумажного и книжного магазина на Арбате, д. 17.

***

Письма из личного архива Анны Аркадьевны Гаревой любезно предоставлены для публикации ее дочерью — Натальей Михайловной Морозовой.

При составлении примечаний использовались книги из коллекции Б.А. Фохта (Институт философии Национальной Академии наук Украины, Киев, Украина).

В публикации однократно подчеркнутые слова передаются курсивом, двукратно — полужирным курсивом, троекратно — подчеркнутым полужирным курсивом.

Сокращения «т. е. « и «т.к.» заменены в тексте полным написанием по умолчанию.

Редакторские конъектуры даются в ломаных скобках: <...>.

Немецкая орфография унифицирована в соответствии с современными требованиями, кроме случаев передачи названий немецких книг, когда представлялось целесообразным соблюсти орфографические особенности источника.

Письма, отправленные из Марбурга, датируются по европейскому календарю, из Москвы — по российскому, то есть по старому стилю.

Источники

Работы русских нео/кантианцев

1. *Алексеев Н.Н.* Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Часть первая. Механическая теория общества. Исторический материализм. М.: Имп. Моск. ун-т, 1912. (Ученые записки Моск. ун-та юрид. фак-та. Вып. 38). — 268 с.
2. *Алексеев Н.Н.* Русский гегельянец Борис Николаевич Чичерин // Логос. М. 1911. Кн. 1. С. 193—220.
3. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., «Аграф», 1998. — 640 с.
4. *Алексеев Н.Н.* Об идее философии и ее общественной миссии // Путь. 1934. № 44. С. 27—43. Перепеч.: Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1994. С. 380—392. — (Русский путь, т. 1).
5. *Алексеев Н.Н.* Общее учение о праве. Курс лекций, прочитанных в Таврическом Университете в 1918/19 году. Симферополь, 1919.
6. *Алексеев Н.Н.* Опыт построения философской системы на понятии хозяйства (Сергей Булгаков, Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. Москва, 1912) // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 115. С. 704—735.
7. *Алексеев Н.Н.* Социальная философия Рудольфа Штаммлера // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 96. С. 1—26.
8. *Алексеев Н.Н.* Философия марксизма // Критическое обозрение. Под ред. Б.А. Кистяковского. М. 1908. Вып. VI (XI). С. 5—15.
9. *Бердников А.И.* [Рец.:] Ueber Willensfreiheit. Zwölf Vorlesungen von Wilhelm Windelband // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 76. С. 117—124.
10. *Болдырев Н.В.* Богословие и философия в Германии XVII века ([Отзыв:] Спекторский Е. Происхождение протестантского рационализма. Варшава, 1914) // Русская мысль. 1916. Кн. V. С. 32—33 («В России и за границей»).
11. *Болдырев Н.В.* Бытие и знание, созерцание и разум. Онтологические мотивы критицизма // Мысль. Пб. 1922. Кн. 1. С. 13—32.
12. *Болдырев Н.В.* К вопросу о подражании // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1908. № 3. С. 173—184.

13. *Болдырев Н.В.* А.С. Лаппо-Данилевский (Некролог) // Мысль. 1922. № 2. С. 152–153.
14. *Болдырев Н.В.* Подражание как социологическое понятие // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1907. № 5. С. 183–195.
15. *Болдырев Н.В.* Правда большевицкой России. Голос из гроба (1928–1929) // *Болдырев Н.В., Болдырев Д.В.* Смысл истории и революция / Сост., вступ. ст. и примеч. М.Б. Смолина. М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. С. 29–166.
16. *Болдырев Н.В.* Смысл истории и прогресс (1922) // *Болдырев Н.В., Болдырев Д.В.* Смысл истории и революция. С. 169–204.
17. *Болдырев Н.В.* [Рец.:] Д. Виктор. Эмпириокритицизм или философия чистого опыта. М., 1909 // Логос. 1910. Кн. 1. С. 272.
18. *Боричевский Е.И.* О природе эстетического суждения. Минск: «Белтрестпечатъ», 1923. — 12 с. <<Оттиск статьи, помещенной в «Трудах Белорусского государственного университета». № 4–5>>.
19. *Боричевский Е.И.* [Рец.:] Э. Лаас. Идеализм и позитивизм. Первая, общая и основная часть. Перев. с нем. под ред. С.Н. Эверлинга // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 91. С. 278–280.
20. *Боричевский Е.И.* [Рец.:] Dr. C. Meumann. Einführung in die Aesthetik der Gegenwart. Leipzig, 1908 // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 92. С. 281–285.
21. *Введенский А.И.* О пределах и принципах одушевления. Новый психо-физиологический закон в связи с вопросами метафизики. — СПб.: тип. В.С. Балашева, 1892. — 119 с.
22. *Введенский А.И.* О мистицизме и критицизме в теории познания В.С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1901, № 56. С. 2 — 35.
23. *Введенский А.И.* Статьи по философии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. — 232 с.
24. *Введенский А.И.* О Канте действительном и Канте воображаемом. (По поводу книги г. Каринского «Об истинах самоочевидных») // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 621–660.
25. *Введенский А.И.* Учение Канта о смене душевных явлений. (Ответ на защитительную статью г. Каринского) // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 430–477.
26. *Вейдеман А.В.* Мир как понятие (Мышление и бытие). Рига: Издание автора, 1931. — 360 с.
27. *Вейдеман А.В.* Мышление и бытие (Логика достаточного основания). Рига: Изд-е автора, 1927. — 334 с.
28. *Вейдеман А.В.* *Оправдание зла.* Рига, 1939.
29. *Вейдеман А.В.* Предмет познания. Основная часть (Мышление и бытие) / 2-ое, испр. изд-е. Вступ. ст. В.Э. Сеземана. Riga: “Sfinkss”, 1937. — 220 с.
30. *Вейдеман А.В.* Предмет познания. Дополнительная часть (Мир как понятие). Riga: “Sfinkss”, 1937. — 280 с.
31. *Вейдеман А.В.* Трагика как сущность искусства, религии и истории. (Теория пантрагизма). Riga: Dr. A.Veidemana izdevnieciba, 1936. — 332 с.

32. *Вышеславцев Б.П.* Василий Александрович Савальский. [Некролог]. [М]. тип. Г. Лисснер и Д. Собко, [1915]. — 5 с. <<Отд. отт. из журнала «Юрид. вестник» 1915 г., кн. 9 (3)>>
33. *Вышеславцев Б.П.* [Рец.:] Карл Форлендер. Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме. Перев. П. Земнова. Изд. «Пульс жизни». М. 1906. С. 80; Карл Форлендер. Неокантианское движение в социализме. Перев. П. Земнова. Изд. то же. М. 1907. Стр. 81. // Критическое обозрение. 1908. Вып. IV (IX). С. 23–25.
34. *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст., комм. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. — 1037, [3] с.
35. *Вышеславцев Б.П.* Обоснование социализма у Фихте // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 95. С. 571–587.
36. *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Московский Имп. ун-т, 1914. — 437 с.
37. *Вышеславцев Б.П.* Фихте и немецкая нация // Юридический вестник. М., 1914. Кн. 7–8. С. 15–22.
38. *Габрилович Л.Е.* (Галич). Итоги марксизма: (По поводу книги проф. Масарыка «Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus») // Новое дело. Еженедельная общественно-политическая газета. 1902. № 24. С. 755–762; № 29. С. 912–916; № 30. С. 946–951.
39. *Габрилович Л.Е.* (Галич). Новейшие русские метафизики. (Спор о возможности метафизики) // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75. С. 645–682.
40. *Габрилович Л.Е.* (Галич). О понятиях истинности и достоверности в теории познания // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 94. С. 463–490.
41. *Габрилович Л.Е.* (Галич). Проблема абстракции // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98. С. 444–476.
42. *Габрилович Л.Е.* (Галич). О крайнем солипсизме // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 112. С. 213–249.
43. *Габрилович Л.Е.* (Галич). Так называемый «формализм» в математике и его отношение к теории знания // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 119. С. 471–513.
44. *Галич Л.* (Габрилович). Катехизис русского символизма // Театр и искусство. 1904. № 38. С. 678–680.
45. *Галич Л.* (Габрилович). [Рец.:] Н.О. Лосский. Обоснование интуитивизма. СПб., 1906 // Русская мысль. 1907. Кн. III. С. 55–60.
46. *Галич Л.* (Габрилович). Религия, политика и культура // Полярная Звезда. СПб. 1906. № 14. 19 марта. С. 203–210.
47. *Галич Л.* (Габрилович). Два пути русского социализма // Свобода и культура. СПб. 1906. № 3. 16 апреля. С. 159–168.
48. *Галич Л.* (Габрилович). О религиозной романтике // Русская мысль. 1908. Кн. IV. С. 11–23.
49. *Галич Л.* (Габрилович). О способах борьбы с властью (Заметки по философии тактики) // Свобода и культура. 1906. № 5. 1 мая. С. 350–364.

50. *Галич Л.* (Габрилович). Пирсон и его «Грамматика науки» // Русская мысль. 1912. Кн. III. С. 35–37.
51. *Галич Л.* (Габрилович). Расширение Германии // Русская мысль. 1912. Кн. VIII. С. 38–59.
52. *Галич Л.* (Габрилович). Э. фон Гартман // Свобода и культура. 1906. № 8. 31 мая. С. 609–611.
53. *Галич Л.* (Габрилович). Цель прогресса // Русская мысль. 1907. Кн. V. С. 26–49.
54. *Галич Л.* (Габрилович). [Рец.:] Paul Natorp. Die logischen Grundlagen der exak-ten Wissenschaften. Leipzig u Berlin. B.G. Teubner. 1910. // Логос. 1910. Кн. 2. С. 288 – 290.
55. *Гартман Н.А.* Систематический метод // Логос. М. 1913. Кн. 3-4. С. 1–45.
56. *Гессен С.И.* (Sergius). Герман Коген // Речь. 1914. 23 апреля (6 мая). № 109. С. 3.
57. *Гессен С.И.* Избранные сочинения / Сост. А. Валицкого, Н. Чистяковой, вступ. ст. А. Валицкого. М.: РОССПЭН, 1999. – 812, [3] с. – (Приложение к журналу «Вопросы философии»).
58. *Гессен С.И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию. Берлин: «Слово», 1923. – 418 с. Перепеч.: *Гессен С.И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с. Перев. на итал.: *Hessen, Sergio.* Fondamenti filosofici della pedagogia. Prima ristampa. Vol. 1, 2. Roma: Avio, 1958. – 245 p. + 289 p.
59. *Гессен С.И.* Педагогические сочинения / Сост.: Е.Г. Осовский (вступ. ст. и общ. ред.), М.В. Богуславский, О.Е. Осовский, подгот. текста и комм. Е.Г. Осовского, В.П. Киржаевой, О.Е. Осовского. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2001. – 566 с. – (Педагогическая библиотека Российского Зарубежья. Т. 1).
60. *Гессен С.И.* Педагогика Канта // Русская школа за рубежом. Под ред. проф. С.И. Гессена, прив.-доц. С.И. Карцевского и В.А. Ригона. Прага. 1924. Кн. 8. С. 2–18. Перепеч.: *Гессен С.И.* Педагогические сочинения. С. 341–353.
61. *Гессен С.И.* Пауль Наторп // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 10/11. С. 1–8. Перепеч.: *Гессен С.И.* Педагогические сочинения. С. 372–378.
62. *Гессен С.И.* [Рец.:] Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70-en Geburtstag dargebracht. S. 358. 1912 // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 366–369.
63. *Гордон Г.О.* [Рец.:] А. Ярош. Происхождение души и элементы познания. Опыт параллелистического мирозерцания. СПб., 1907 // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 90. С. 723–725.
64. *Гордон Г.О.* [Рец.:] Paul Natorp. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig u Berlin. B.G. Teubner. 1910 // Русская мысль. 1910. Кн. XII. С. 404–405.
65. *Гордон Г.О.* [Рец.:] Natorp P. Philosophie, ihr Problem und ihre Probleme. Einführung in den kritischen Idealismus. – Göttingen, 1911 // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 381–383.

66. *Гурлянд А.С.* Герман Коген и его философское обоснование еврейства: Критический очерк. Петроград, 1915. — 109 с.
67. *Жаков К.Ф.* Понятие бесконечности в алгебре, в анализе, в геометрии, в философии; проблема о бесконечности пространства; проблема о бесконечности вещества // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 1 (61). С. 568—580.
68. *Жаков К.Ф.* Гносеология в ряду других наук. Тезисы доклада 9 ноября 1904 г. Прения по докладам // Протоколы заседаний Русского общества нормальной и паталогической психологии за 1904 г. СПб. С. 151—153.
69. *Жаков К.Ф.* К вопросу о происхождении познания и интеллекта // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. № 8. С. 553—562; С. 619—621.
70. *Жаков К.Ф.* Происхождение познания и интеллекта. Доклад 4 мая 1904 г. // Протоколы заседаний Русского общества нормальной и паталогической психологии за 1904 г. С. 137—139.
71. *Жаков К.Ф.* Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. СПб.: М.В. Пирожков, 1904. — [4], 164 с.
72. *Жаков К.Ф.* Понятие предела в математике (с точки зрения логики). СПб.: Тип-я училища глухонемых, 1905. — 16 с.
73. *Жаков К.Ф.* Принцип эволюции в гносеологии, метафизике и морали. СПб.: «Парма», 1906. — 88 с. (На обложке: 1907).
74. *Жаков К.Ф.* Попытка критической оценки позитивизма. Тезисы доклада 14 февраля // Протоколы заседаний Русского общества нормальной и паталогической психологии за 1906 г. СПб., 1907. С. 183—185.
75. *Жаков К.Ф.* Логика (с эволюционной точки зрения). Основы эволюционной теории познания (лимитизм). СПб.: Типо-литография т-ва «Грамотность», 1912. — 168+128 с.
76. *Жаков К.Ф.* О границах естествознания // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1908. № 1. С. 18—26.
77. *Жаков К.Ф.* О духе // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1907. № 5. С. 196—202.
78. *Жаков К.Ф.* Единение славян на почве науки и философии // Вестник знания. 1909. № 5. С. 616—617.
79. *Жаков К.Ф.* Иван Карамазов. Попытка философского истолкования романа Достоевского «Братья Карамазовы» // Ясная Поляна. 1909. № 5. С. 25—32; № 6. С. 33—64.
80. *Жаков К.Ф.* Платон и его значение в истории философской мысли // Виндельбанд В. Платон. СПб., 1909. С. 5—20.
81. *Жаков К.Ф.* Классификация науки как метод философии // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма / Под ред. В.М. Бехтерева. СПб., 1910. Вып. 5. С. 529—530.
82. *Жаков К.Ф.* Критика монизма и метод бесконечно-малого в философии // Вестник знания. 1910. № 1. С. 97—105.
83. *Жаков К.Ф.* Лимитизм. Теория переменного и предела в гносеологии // Вестник знания. 1911. № 5. С. 425—434.
84. *Жаков К.Ф.* Гипотеза, её природа и роль в науке и философии. Пг.: Студенческое об-во потребителей при Психоневрологич. ин-те, 1915. — 80 с.

85. *Жаков К.Ф.* Лимитизм: Единство наук, философии и религии. Rōgv: «Limitiskvbs filosofijas biedrobas Latvijā izd.», 1929. — 226 с.
86. *Жаков К.Ф.* Сквозь строй жизни. Ч. 1–3. СПб.: М.К. Костин, 1912–1914. — 136+132+154 с. Перепеч.: Сыктывкар: Коми, 1996. — 384 с.
87. *Ильин И.А.* Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте старшего // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 111. С. 1–39; Кн. 112. С. 290–344.
88. *Ильин И.А.* Философия Фихте как религия совести // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 122. С. 165–185.
89. *Ильин И.А.* [Рец.:] Фихте. Назначение человека. Пер. с нем. Л.М. под ред Н.О. Лосского. Изд. Жуковского. СПб. 1906. Стр. 133; Фихте. Основные черты современной эпохи. Пер. с нем. Л.М. под ред. Н.О. Лосского. Изд. Жуковского. СПб. 1906. Стр. 232 // Критическое обозрение. М. 1907. Вып. V. С. 25–29.
90. *Каган М.И.* О ходе истории / Ред.-сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. — 704 с.
91. *Каринский М.И.* Критический обзор последнего периода германской философии. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. — 333 с.
92. *Каринский М.И.* Классификация выводов. СПб.: Тип. Ф.Г. Елеонского, 1880. — 271с.
93. *Каринский М.И.* Об истинах самоочевидных. Т. 1. Вып. 1. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1883. — 196с.
94. *Каринский М.И.* По поводу статьи проф. А.И. Введенского «О Канте действительном и Канте воображаемом» // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 26. С. 20–46; Кн. 27. С. 242–273; Кн. 28. С. 314–360.
95. *Кистяковский Б.А.* В защиту научно-философского идеализма // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 86. С. 57–109.
96. *Кистяковский Б.А.* Общество и индивид. (Методологическое исследование) / Перев. с нем. и предисл. Е. Довгань. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. — 160 с.
97. *Кистяковский Б.А.* Проблема и задача социально-научного познания // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 112. С. 106–134.
98. *Кистяковский Б.А.* Реальность объективного права. Критико-методологический этюд // Логос. М. 1910. Кн. 2. С. 193–239.
99. *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права / Сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1999. — 800 с. — (Русская социология XX века).
100. *Койген Д.М.* Европейская проблема (Культурно-философский этюд) // Северные записки. 1915. № 11–12. С. 252–281.
101. *Койген Д.М.* Мировоззрение социализма. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1906. — 146 с. — (Задачи социалистической культуры. Изд-е И. Постмана и Б. Ревзина в Берлине; № 1).
102. *Койген Д.М.* Платоно-кантовский юдаизм. (К характеристике религиозно-философского учения Германа Когена) // Еврейский мир. Трехмесячный ж-л. 1910. Кн. 2–3. С. 19–41.
103. *Койген Д.М.* Социальная философия с точки зрения Платоно-кантовского идеализма // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 71. С. 71–128.

104. *Коральник А.Д.* Пафос разума. О Германе Когене // Русская мысль. 1914. Кн. VI. С. 30–33 («В России и за границей»).
105. *Коральник А.Д.* Германская идея // Русская мысль. 1914. Кн. XII. С. 42–61.
106. *Коральник А.Д.* [Рец.:] *Vaihinger Н.* Die Philosophie des Als-Ob. Berlin, 1911 // Логос. 1911–1912. Кн. 2–3. С. 295–296.
107. *Кубицкий А.В.* Учение Плотина о мысли и бытии // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98. С. 477–493.
108. *Кубицкий А.В.* Фихте и иенский период // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 122. С. 186–226.
109. *Ланц Г.Э.* Бытие и знание в философии Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 122. С. 227–282.
110. *Ланц Г.Э.* Вильгельм Шуппе и идея универсальной имманентности // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 100. С. 757–799.
111. *Ланц Г.Э.* Вопросы и проблемы бессмертия // Логос. М. 1913. Кн. 3–4. С. 249–267.
112. *Ланц Г.Э.* Иоганн Готлиб Фихте // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 122. С. 65–119.
113. *Ланц Г.Э.* Момент спекулятивного трансцендентализма у Платона // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Ч. 49. Январь. С. 84–138.
114. *Ланц Г.Э.* Памяти И.Г. Фихте // Русская мысль. 1914. Кн. VI. С. 42–51.
115. *Ланц Г.Э.* Свобода и сознание. К столетию со дня смерти И.Г. Фихте // Логос. М.—СПб. 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 1–23.
116. *Ланц Г.Э.* Философия Рихарда Авенариуса // Логос. М. 1911/1912. Кн. 2–3. С. 205–241.
117. *Ланц Г.Э.* Эдмунд Гуссерль и психологисты наших дней // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 98. С. 393–443.
118. *Ланц Г.Э.* Эстетика чистого чувства Г. Когена // Русская мысль. 1914. № 4. С. 40–44 («В России и за границей»).
119. *Липшин И.И.* Законы мышления и формы познания. О трусости в мышлении. О мистическом познании и «вселенском чувстве». Index nominum // Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Ч. LXXX. СПб.: Тип-я В. Безобразова и Ко, 1906. — 327+93+9 с.
120. *Липшин И.И.* Иоганн Фихте и его философия // *Фихте И.Г.* Назначение человека. Пер. с нем. Т.В. Поссе и В.М. Брадиса. СПб.: Изд-е журнала «Жизнь для всех», 1913. С. 5–35.
121. *Липшин И.И.* Мистический рационализм профессора С.Л. Франка // Мысль. Пб. 1922. № 3. С. 140–153.
122. *Липшин И.И.* Неокритицизм Шарля Ренувье // Новые идеи в философии. 1914. № 13. С. 66–113.
123. *Липшин И.И.* Опровержение солипсизма [1924] // Философские науки. 1992. № 3. С. 18–45.
124. *Липшин И.И.* О трусости в мышлении (Этюд по психологии метафизического мышления) // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 55. С. 817–881.
125. *Липшин И.И.* Проблема «чужого я» в новейшей философии // Записки историко-филологического факультета Императорского

- С.-Петербургского университета. Ч. ХСІХ. СПб.: Сенатская тип-я, 1910. — 194, V, с. — [Извлечено из Журнала министерства народного просвещения за 1909 год].
126. *Лапшин И.И.* Философия изобретений и изобретения в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. — 399 с. — (Мыслители XX века).
127. *Лапшин И.И.* Художественное творчество. Петроград: Мысль, 1923 (1922). — 336 с.
128. *Лапшин И.И.* Социальная педагогика Наторпа // Очерки по истории педагогических учений. М.: «Польза», 1911. С. 209–229. — (Педагогическая академия в очерках и монографиях (Воспитание в семье и школе). Под общ. ред. А.П. Нечаева).
129. *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / Предисл. А.П. Альбова. СПб.: Алетейя, 2000. — 320 с.
130. *Новгородцев П.И.* Науки общественные и естественные. (Несколько замечаний по поводу книги Н.Н. Алексеева) // Вопросы философии и психологии. М. 1913. Кн. 120. С. 716–722.
131. *Новгородцев П.И.* Русский последователь Германа Когена // Вопросы философии и психологии. М. 1909. Кн. 99. С. 636–661.
132. *Новгородцев П.И.* О философском движении наших дней // Новый путь. СПб. 1904. Октябрь. С. 59–67.
133. *Новгородцев П.И.* Памяти Куно Фишера // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 89. С. V–VIII.
134. *Новгородцев П.И.* [Рец.:] Г. Савальский о самом себе и о других // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 105. С. 382–389.
135. *Поливанов М.П.* Основные задачи логики Аристотеля // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. II. Ярославль. 1923. С. 1–10.
136. *Поливанов М.П.* Памяти С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. М. 1906. № 81. С. 139–145.
137. *Поливанов М.П.* Нравственный идеал Ибсена (Посвящается памяти кн. С.Н. Трубецкого) // Московский еженедельник. 1909. № 25. С. 45–58; № 26. С. 19–40; № 27. С. 33–50; № 28. С. 41–52; № 29. С. 29–40; № 30. С. 43–60; № 34. С. 57–62.
138. *Рубинштейн М.М.* Виноват ли Кант? // Русские ведомости. 1915. № 33, 11 февраля. С. 5.
139. *Рубинштейн М.М.* Логические основы системы Гегеля и конец истории // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 80. С. 695–764.
140. *Рубинштейн М.М.* Генрих Риккерт. Очерк теоретико-познавательного идеализма // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 86. С. 1–61.
141. *Рубинштейн М.М.* К вопросу о методологии и гносеологии Декарта // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 97. С. 143–169.
142. *Рубинштейн М.М.* К вопросу об трансцендентной реальности // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 106. С. 19–54.
143. *Рубинштейн М.М.* Идея личности как основа мировоззрения (Социализм и индивидуализм). Критически-философский очерк. М.: Тип. «Печатный труд», 1909. — 124 с.

144. *Рубинштейн М.М.* О смысле жизни. Ч. 1: Историко-критические очерки. Л.: Издание автора, 1927. — 199 с.; Ч. 2: Философия человека. М.: Издание автора, 1927. — 271 с.
145. *Рубинштейн М.М.* Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. М.: К.И. Тихомиров, 1913. — IV, 594 с.; 2-е изд., 1916. — IV, 613 с.; 3-е изд., 1920. — [4], 540 с.
146. *Рубинштейн М.М.* Памяти И.Г. Фихте // Вестник воспитания. 1914. № 2, 1 отд. С. 1–7.
147. *Рубинштейн М.М.* Педагогические идеи Платона // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 124. С. 400–462.
148. *Рубинштейн М.М.* Платон-учитель. Иркутск, 1920. — 122 с.
149. *Рубинштейн М.М.* Проблема смысла жизни в философии Канта // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134. С. 252–270.
150. *Рубинштейн М.М.* Проблема «Я» как исходный пункт философии. Иркутск: Тип. Окружного Военно-редакционного Совета, 1923. — 37 с. — (Труды профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета, вып. V).
151. *Рубинштейн М.М.* Социализм и его истинный смысл. М.: А.М. Михайлов, 1917. — 32 с.
152. *Рубинштейн М.М.* Философия ценности как продукт времени // Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств: Сборник статей и ответов. М.: Заря, 1910. С. 129–139.
153. *Рубинштейн М.М.* Философия истории в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Русская мысль, 1911, июль, С. 78–103 (2-ая пагинация).
154. *Рубинштейн М.М.* [Рец.:] Генрих Риккерт. Философия истории. Пер. с нем. С. Гессена, с предисл. автора к русск. изд. СПб., 1908. Изд. Е.Д. Жуковского. Стр. XV+154 // Критическое обозрение. 1908. Вып. VIII (XIII). С. 35–38.
155. *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена (1917–1918) // Историко-философский ежегодник' 92. М.: «Наука», 1994. С. 230–259; Перепеч.: *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. С. 428–451.
156. *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самостоятельности. К философским основам современной педагогики (1922) // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 88–109.
157. *Савальский В.А.* Введение в философию права // Критическое обозрение. 1907. Вып. 5. С. 6 – 13.
158. *Савальский В.А.* Государственное право. Общее и русское. Конспект лекций. Ч. 1. Варшава: Изд-е П. Савальского, 1912. — 191 с.; Ч. 2. Варшава, 1913. — 184 с. (На правах рукописи).
159. *Савальский В.А.* Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии. Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. 1 // Ученые записки Московского Императорского университета, юрид. ф-та, вып. 33. М., 1909. — 361 с.
160. *Савальский В.А.* [Полемика.] Ответ проф. Новгородцеву // Вопросы философии и психологии. 1910. № 105. С. 341–381.
161. *Савальский В.А.* Критика понятия солидарности в социологии О. Конта // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1905. Сентябрь. Ч. 361. № 9. Отд. 2. С. 94–106.

162. *Саккетти А.Л.* [Рец.:] В.А. Савальский. Основы философии права в научном идеализме // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. СПб. 1909. Ч. XXI, май. С. 178–185.
163. *Саккетти А.Л.* Государство и народность // Юридический вестник. 1915. Кн. XII. С. 5–16.
164. *Салагов Л.П.* «Гносеология» — онтология // Сб.: Георгию Ивановичу Челпанову от учеников его семинариев в Киеве и Москве, 1891 — 1916. Статьи по философии и психологии. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1916. С. 120–141.
165. *Салагов Л.П.* О понятии значимого в современной логике // Антология феноменологической философии в России. Т. 1. М.: Логос, 1997. С. 243–270.
166. *Салагов Л.П.* [Рец.:] Александр Введенский. Логика как часть теории познания. СПб., 1909, стр. 404 // Логос. М. 1910. Кн. 2. С. 286–287.
167. *Салагов Л.П.* По поводу русского перевода «Логических исследований» Гуссерля // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1910. Октябрь. Ч. XXIX. Новая серия. № 10. 2. Критика и библиография. С. 361–371.
168. *Салагова В.* Трансцендентальный характер учения Лейбница о монаде. Харьков: Тип. Б.Г. Бенгис, 1916. — 23 с.
169. *Сеземан В.Э.* Искусство и культура // Версты. Под ред. кн. Д.П. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского, С.Я. Эфрона и при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова. Париж. 1927. № 2. С. 185–204.
170. *Сеземан В.Э.* Очерки по проблеме познания // Антология феноменологической философии в России. № 2. Под общ. ред. И.М. Чубарова. М.: Логос; «Прогресс-Традиция», 2000. С. 269–278.
171. *Сеземан В.Э.* Платонизм, Плотин и современность // Логос. Прага. 1925. Кн. 1. С. 51–107.
172. *Сеземан В.Э.* Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. М. 1911. Кн. 1. С. 93–122.
173. *Сеземан В.Э.* Сократ и проблема самопознания // Евразийский временник. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. Кн. 4. С. 224–267.
174. *Сеземан В.Э.* Теоретическая философия Марбургской школы // Новые идеи в философии. Сб. № 5. СПб.: «Образование», 1913. С. 1–34.
175. *Сеземан В.Э.* Эстетическая оценка в истории искусства (К вопросу о связи истории искусства с эстетикой) // Мысль. 1922. Кн. 1. С. 117–147.
176. *Сеземан В.Э.* [Рец.] А.Ф. Лосев. Философия имени. Москва. 1927 г., 254 стр., издание автора. А. Вейдеман. Мышление и бытие (Логика достаточного основания). 327 стр. Рига 1927 г. // Версты. Париж. 1928. № 3. С. 163–172.
177. *Сеземан В.Э.* [Рец.:] Валериан Муравьев. Овладение временем. Издание автора. Москва 1924. 120 стр. // Версты. Париж. 1928. № 3. С. 172–175.
178. *Сеземан В.Э.* [Рец.:] «Путь»: орган русской религиозной мысли № 5 (октябрь–ноябрь 1926 г.) и № 6 (январь 1927 г.) // Версты. Париж. 1928. № 3. С. 175–181.

179. *Сеземан В.Э.* [Рец.:] Nicolai Hartmann. Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis // Логос. Прага. 1925. Кн. 1. С. 229–235.
180. *Сеземан В.Э.* [Рец.:] Wladyslaw Tatarkiewicz: Die Disposition der Aristotelischen Principien. (Philosophische Arbeiten von H. Cohen u. P. Natorp). Giessen 1910, IV B. II. Heft. 102 S. // Логос. М. 1911. Кн. 1. С. 225.
181. *Степун Ф.А.* Сочинения / Сост., вступ. ст., прим. и библиограф. В.К. Кантора. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 1000 с. — («Из истории отечественной философской мысли»).
182. *Сырцов А.И.* К вопросу об аналитических суждениях // Вопросы философии и психологии. 1917. Кн. 139–140. С. 68–88.
183. *Сырцов А.И.* К методологии изучения философской системы Лейбница // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Под ред. А.П. Дьяконова, А.И. Сырцова, Н.П. Обнорского. Вып. 3. Пермь, 1927. С. 239–288.
184. *Сырцов А.И.* Пространство и время А. Эйнштейна // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете. Под ред. А.П. Дьяконова, А.И. Сырцова, Н.П. Обнорского. Вып. 2. Пермь, 1927. С. 1–26.
185. *Топорков А.К. (Ophis).* Идея // Труды и дни. 1912. № 1. С. 73–82.
186. *Топорков А.К. (Ophis).* Sic et Non // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 121–131.
187. *Топорков А.К. (Ophis).* О сущностях // Труды и дни. 1914. № 7. С. 124–135.
188. *Топорков А.К. Goetheana.* Лесной царь // Труды и дни. 1913. № 1–2. С. 8–18.
189. *Топорков А.К. Goetheana I.* Гете и Фихте. (К столетию со дня смерти Фихте). 1914. № 7. С. 11–20.
190. *Топорков А.К. (Югурта).* Логика и риторика // Труды и дни. 1912. № 3. С. 40–49.
191. *Топорков А.К. (Югурта).* Культура и личность // Труды и дни. 1914. № 7. С. 107–123.
192. *Топорков А.К.* Очерки современной философии. Нео-кантианцы // Новая жизнь. 1915. Июль — август. С. 162–174.
193. *Топорков А.К.* [Рец.:] Б. Христиансен. Психология и теория познания // Русская мысль. 1908. Кн. III. С. 51–52.
194. *Топорков А.К.* [Рец.:] Г. Гефдинг. Философские проблемы. Пер. с нем. Г.Я. Котляра. М. 1904 // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 76. С. 127–131.
195. *Фохт Б.А.* Избранное (из философского наследия) / Публ., предисл. и комм. Н.А. Дмитриевой. М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 456 с.
196. *Фохт Б.А. Lexicon Aristotelicum.* (Пособие для изучения Аристотеля как в подлиннике, так и в русском переводе). Краткий лексикон важнейших философских терминов, встречающихся в произведениях Аристотеля. Публ. и предисл. М.А. Солоповой // Историко-философский ежегодник '97. М.: «Наука», 1999. С. 39–74.
197. *Фохт Б.А.* П. Наторп, 17 сентября 1924 г. // Историко-философский ежегодник '91. М.: «Наука», 1991. С. 232 — 270.

198. *Фохт Б.А.* О философском значении лирики Пушкина. Публ. и предисл. А.А. Гаревой // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 105–144.
199. *Фохт Б.А.* Памяти князя С.Н. Трубецкого. Речь, произнесенная в заседании Моск. психол. о-ва 7 октября 1905 г. // Вопросы философии и психологии. М. 1906. № 81 (1). С. 130–139.
200. *Фохт Б.А.* Педагогические идеи Сократа // Дидакт. М. 1998. № 1 (22), январь – февраль. С. 60 – 64.
201. *Фохт Б.А.* Перечитывая античную классику // Педагогика. 2000. № 8. С. 64–72.
202. *Фохт Б.А.* Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера. Тезисы к докладу. Публ. и примеч. Н.А. Дмитриевой // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. С. 761–763.
203. *Фохт Б.А.* Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера. Подгот. текста и публ. А.А. Гаревой // Вопросы философии. М. 1998. № 9. С. 150–174.
204. *Фохт Б.А.* Философия музыки А.Н. Скрябина // А.Н. Скрябин. Человек. Художник. Мыслитель. М.: Гос. мемориальный музей А.Н. Скрябина, 1994. С. 201–226.
205. *Фохт Б.А.* [Рец.:] В.А. Савальский. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др. Т. I. М. 1908 // Критическое обозрение. М. 1909. Вып. II, февраль. С. 66–74.
206. *Штейнберг А.З.* Герман Коген как воспитатель (1842 – 1918) // Еврейская мысль. Научно-литературный сборник под ред. С.М. Гинзбурга. Т. 1. Пг.: «Кадима», 1922. С. 115–136.
207. *Штейнберг А.З.* Обзор журналов. Русские юридические журналы за 1913 г. (Философия права и психология права) // Логос. 1914. Т. 1. Вып. 2. С. 357–362.
208. *Штейнберг А.З.* Различные течения в новейшей немецкой эстетике // Русская мысль. 1911. Кн. II. С. 246–251.
209. *Штейнберг А.З.* В поисках философии будущего. LOGOS. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Bd. I. Heft 1–3. 1910–1911. Verlag von I.C. Mohr, Tübingen. IV+418 S. // Русская мысль. 1911. Кн. VI. С. 39–43 (В России и за границей).
210. *Штейнберг А.З.* Парламент философии // Русская мысль. 1911. Кн. VII. С. 40–44 («В России и за границей»).
211. *Штейнберг А.З.* Тезисы к докладу «Время и пространство в философии истории». Публ. В.Г. Белоуса // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. 1994. № 4. С. 107–108.
212. *Штейнберг А.З.* Философия и культура. LOGOS. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. Bd. II. 1911–12. Verlag von I.C. Mohr, Tübingen. VII+380 S. // Русская мысль. 1912. Кн. V. С. 12–15 («В России и за границей»).
213. *Штейнберг А.З.* Философия мнимого. Vaihinger, H. – Die Philosophie der Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religiösen Fiktianen der Menschheit auf Grund eines idealistischen Positivismus. – Berlin, 1911 // Русская мысль. 1911. Кн. XI. С. 40–44 («В России и за границей»).

214. Штейнберг А.З. [Рец.:] Gurland-Eljaschoff E. Erkenntnistheoretische Studien auf antipsychologischen Grundlagen. Berner Studien zur Philosophie. Bd. LXXI. — Bern, 1910 // Русская мысль. 1911. Кн. VIII. С. 306.
215. Яковенко Б.В. Герман Коген // Русские ведомости. 1912. № 151. 1 июля. С. 4.
216. Яковенко Б.В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте / Сост., вступ. ст. А.А. Ермичева. СПб.: Наука, 2004. — 456 с.
217. Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. М.Ф. Солодухиной / Общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. — 510 с.
218. Яковенко Б.В. (Философ). Критицизм и полиция // Русские ведомости. Москва. 1911. 21 июня. № 141. С. 2.
219. Яковенко Б.В. Мошь философии / Сост., перев., вступ. ст., комм. А.А. Ермичева. СПб.: Наука, 2000. — 975 с. — (Сер. «Слово о сущем»).
220. Яковенко Б.В. Новая история европейской философии // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134. С. 271–301.
221. Яковенко Б.В. О современном состоянии немецкой философии. Обзор // Логос. М. 1910. Кн. 1. С. 250–267; Кант: pro et contra / Сост. А.И. Абрамов, В.А. Жучков, предисл. и комм. В.А. Жучкова. СПб.: РХГИ, 2005. С. 668–686.
222. Bubnoff, Nikolai von. Kultur und Geschichte im russischen Denken der Gegenwart // Quellen und Studien. Abteilung: Sprachwissenschaft, Literatur und Geschichte. Heft 2. Berlin–Breslau: Hermann Sack, 1927. — 58 S.
223. Bubnoff, Nikolai von. Das Problem des Bösen in der russischen Religionsphilosophie // Der russische Gedanke. Internationale Zeitschrift für russische Philosophie, Literaturwissenschaft und Kultur. Hrsg. von B. Jakowenko. Bonn. 1. Jahrgang 1929/30. S. 295–304; 2. Jahrgang 1930/31. S. 64–80.
224. Bubnoff, Nicolai von. Das Wesen und die Voraussetzungen der Induktion. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Halle: Kaemmerer, 1908. — 52 S. — (Aus: Kantstudien. 1908. Nr. 13. H. 4. S. 357–408).
225. Bubnoff, Nicolai von. Zeitlichkeit und Zeitlosigkeit. Ein grundlegender theoretisch-philosophischer Gegensatz in seinen typischen Ausgestaltungen und in seiner Bedeutung für die modernen philosophischen Theorien. Habilitation-Schrift. Heidelberg: Winter, 1911. — 65 S.
226. Buek, Otto. Die Atomistik und Faradays Begriff der Materie. Eine logische Untersuchung. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Berlin & Marburg, 1905. — 76 S.
227. Buek, Otto. M. Faradays System der Natur und seine begrifflichen Grundlagen // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag (4. Juli 1912) dargebracht. Berlin: Bruno Cassirer, 1912. S. 99–122.
228. Buek, Otto. Zur Kritik des Marxismus // Die Aktion. Zeitschrift für freieitliche Politik und Literatur. Hrsg. von Franz Pfemfert. Berlin. 1911. S. 1029–1033.

229. *Buek, Otto*. Leo Tolstoi // Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand. Hrsg. von Senna Hoy (Johannes Holzmann). Berlin. Jg. 2. Nr. 19, 24. Februar 1905. С. 539–543.
230. *Buek, Otto*. Leo Tolstoi. II. Zur Kritik // Kampf. Jg. 2. Nr. 20, 3. März 1905. С. 575–579.
231. *Gabrilovitsch, Leonid*. Über mathematisches Denken und den Begriff der aktuellen Form. Berlin, 1914. — 92 S. — (Bibliothek für Philosophie. Bd. 8. Beilage zu H. 4. des Archivs für systematische Philosophie. Bd. XXVI).
232. *Gabrilovitsch, Leonid*. Über zwei wissenschaftliche Begriffe des Denkens // Archiv für systematische Philosophie. Berlin. XV. Bd., 1909. S. 40–52.
233. *Gabrilovitsch, Leonid*. Über Bedeutung und Wesen der Elementarbegriffe (Versuch einer neuen Inangriffnahme des Universalproblems) // Archiv für systematische Philosophie. XVI. Bd., 1910. S. 453–497.
234. *Gawronsky, Dimitry*. Die Bilanz des russischen Bolschewismus. Berlin: Paul Cassirer, 1919.
235. *Gawronsky, Dimitry*. Ernst Cassirer: His Life and His Work // The Philosophie of E. Cassirer / Ed. by Paul A. Schilpp. Evanston, 1947. P. 3–37; Ernst Cassirer / Hrsg. von P. Schilpp. Stuttgart, 1966. S. 1–28.
236. *Gawronsky, Dimitry*. Friedrich Nietzsche und das Dritte Reich. Bern: Lang, 1935. — 63 S.
237. *Gawronsky, Dimitry*. Das Kontinuitätsproblem bei Poncelet // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70-sten Geburtstag. S. 65–85.
238. *Gawronsky, Dimitry*. Das Urteil der Realität und seine mathematischen Voraussetzungen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1910. — 120 S.
239. *Gawronsky, Dimitry*. Das physikalische Gehalt der speziellen Relativitätstheorie. Stuttgart: J. Engelhorn's Nachf., 1925. — 64 S.
240. *Gawronsky, Dimitry*. Die Relativitätstheorie Einsteins im Licht der Philosophie. Ein neuer Beweis der Lorenz-Transformationen. Bern, 1924. — 128 S.
241. *Gawronsky, Dimitry*. Das Trägheitsgesetz und der Aufbau der Relativitätstheorie. Bern, 1924. — 76 S.
242. *Gordin, Jacob*. Untersuchungen zur Theorie des unendlichen Urteils. Berlin: Akademie-Verlag, 1929. — 167 S.
243. *Gordin (Gordin), Jacob*. Der Ichbegriff bei Hegel, bei Cohen und in der südwestdeutschen Schule hinsichtlich der Kategorienlehre untersucht. Berlin: Akademie-Verlag, 1927. — (Veröffentl. der H. Cohen-Stiftung bei der Akademie von der Wissenschaft des Judentums). 1. Teil: Das Begriff des Denkens bei Hegel und Cohen. Dissertation. Hamburg, 1926. — 79 S.
244. *Hartmann, Nikolai*. Systembildung und Idealismus // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70-sten Geburtstag. S. 1–23.
245. *Hartman, Nikolai*. Über das Seinsproblem in der griechischen Philosophie vor Plato. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1908. — 76 S.
246. *Hartmann, Nikolai*. Des Proklus Diadochus philosophische Anfangsgründe der Mathematik nach den ersten zwei Büchern des Euklidkommentars.

- Habilitationsschrift. Marburg, 1909; Giessen: Töpelmann, 1909. — 57 S. — (Philosophische Arbeiten hrsg. von Hermann Cohen und Paul Natorp. Bd. IV. H. 1).
247. *Hartmann, Nicolai*. Platos Logik des Seins. Giessen: Töpelmann, 1909. — X, 512 S. — (Philosophische Arbeiten. Bd. III).
248. *Hessen, Sergius*. Individuelle Kausalität. Studien zum transcendentalen Empirismus. Berlin: Reuther & Reichard, 1909. — XI, 151 S. — (Kant-Studien: Ergänzungshefte; 15).
249. *Hessen, Sergius*. Die Entwicklung der Physik Galileis und ihr Verhältnis zum physikalischen System von Aristoteles // Logos. Internationale Zeitschrift. Tübingen. Bd. XVIII. 1929. S. 339–361.
250. *Hessen, Sergius*. Die Tragödie des Guten in «Brüder Karamasoff». Versuch einer Darstellung der Ethik Dostojewskis. Bonn: Cohen, 1929. — 18 S. — (Aus: Der Russische Gedanke. 1929. Jg. 1. H. 1).
251. *Hessen, Sergius*. Weltanschauung, Ideologie, Bildung. Прага: Русский свободный университет, 1934. — 44 с. — (Записки Научно-исследовательского объединения. Т. 1 (6). № 2).
252. *Jakowenko, Boris*. Dreißig Jahre russischer Philosophie (1900–1929) // Der russische Gedanke. 1929/30. S. 325–349.
253. *Jakowenko, Boris*. Die Grundvorurteile des menschlichen Denkens // Der russische Gedanke. 1929/30. S. 29–48.
254. *Jakowenko, Boris*. Die Philosophie in ihren Verhältnisse zu den anderen Hauptgebieten der Kultur // Festschrift Th.G. Masaryk zum 80. Geburtstage. 1. Teil. Bonn: Friedrich Cohen, 1930. S. 125–150.
255. *Jakowenko, Boris*. Masaryk und die russische Philosophie // Festschrift Th.G. Masaryk zum 80. Geburtstage. 2. Teil. Bonn: Friedrich Cohen, 1930. S. 106–120.
256. *Jakowenko, Boris*. Rückkehr zum Dogmatismus // Der russische Gedanke. 1930/31. S. 149–150.
257. *Jakowenko, Boris*. Zur Kritik der Dialektik // Der russische Gedanke. 1929/30. S. 130–137.
258. *Jakowenko, Boris*. Zur Kritik des Psychologismus // Der russische Gedanke. 1929/30. S. 238–239.
259. *Jakowenko, Boris*. [Rez.:] A.K. Toporkow. Elementy dialektitscheskoj logiki. Moskau, 1928 // Der russische Gedanke. 1929/30. S. 222–223.
260. *Kagan, Morduch*. Versuch einer systematischen Beurteilung der Religiosität in Kriegszeit // Archiv für systematische Philosophie. XXII. Bd., 1916. S. 31–53.
261. *Kananow, Paul*. Über das Gefühl der Tätigkeit. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität München. München: Steinebach, 1910. — 136 S.
262. *Kistiakowski, Theodor*. Gesellschaft und Einzelwesen. Eine metodologische Untersuchung. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Kaiser-Wilhelms-Universität zu Strassburg. Berlin, 1899.
263. *Klatzkin, Jakob*. Hermann Cohen: mit einem Bildnis von Hermann Cohen nach einer Radierung von Hermann Struck. Berlin: Jüdischer Verlag, 1919. — 100 S.; 2., erw. Aufl. Berlin: Jüdischer Verl., 1921. — 131 S.

264. *Klatzkin, Jakob*. Die Judenfrage der Gegenwart: [Vortrag, gehalten in der Schweiz und in Holland (1933 – 1934)] / Mit einem Geleitwort von Albert Einstein. Vevey: Ed. Studio, [1935]. – 36 S.
265. *Klatzkin, Jakob*. Krisis und Entscheidung im Judentum: der Probleme des modernen Judentums. 2., erg. Aufl. Berlin: Judischer Verlag, 1921. – 208 S.
266. *Klatzkin, Jakob*. Probleme des modernen Judentums. Berlin: Judischer Verlag, 1918. – 193 S.; 3., erg. Aufl. Berlin: Schneider, 1930. – 208 S.
267. *Klatzkin, Jakob*. Forderungen an den XII. Zionistenkongress: Grundlinien eines Aktionsprogramms Heidelberg: Freie Zionist. Blatter, [um 1921]. – 30 S. – (Schriftenreihe der Freien zionistische Blatter; 3).
268. *Klatzkin, Jakob*. Der Erkenntnistrieb als Lebens- und Todesprinzip. Zurich [u.a.]: Rascher, 1935. – 330 S.
269. *Koigen, David*. Ideen zur Philosophie der Kultur. Der Kulturakt. München: Müller, 1910. – XVIII, 593 S.
270. *Koigen, David*. Hermann Cohen als rationalistischer Kulturbegründer // Dokumente des Sozialismus: Hefte für Geschichte, Urkunden und Bibliographien des Socialismus / Hrsg. von E. Bernstein. Bd. 5. Berlin, 1905. S. 172–177. (Unveränd. Nachdruck der Ausgabe Berlin 1902–1905. Frankfurt a. M.: Sauer&Auvermann, 1968).
271. *Koigen, David*. Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland: zur Geschichte der Philosophie und Socialphilosophie des Jugendhegelianismus. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Bern (1900). Bern: Sturzenegger, 1901. – XIII, 319 S.
272. *Lanz, Heinrich*. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik. I. Kants Lehre von der Objektivität. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Heidelberg, 1911. – 54 S.
273. *Lanz, Heinrich*. Das Problem der Gegenständlichkeit in der modernen Logik. Berlin: Reuter & Reichard, 1912. – 166 S. – (Kant-Studien. Ergänzungshefte im Auftrag der Kantgesellschaft, hrsg. von H. Vaihinger, B. Bauch und A. Liebert. Nr. 26).
274. *Lanz, Heinrich*. Fichte und der transzendente Wahrheitsbegriff // Archiv für Philosophie. I. Abteilung: Archiv für Geschichte der Philosophie. Bd. XXVI, H. 1. Neue Folge. XIX. Bd. H. 1. Berlin. 1913. S.1–25.
275. *Lanz, Henry*. Aesthetic Relativity // Stanford University Publications. University Series. Language and Literature. Vol. VII. Stanford – London. 1947. № 1. P. 3–20.
276. *Lanz, Henry*. Force and Acceleration. A Dialog // Der russische Gedanke. 1929/30. H. 3. S. 253–264.
277. *Lanz, Henry*. Genus and Species // The Philosophical Review. Vol. XXXIII, No. 5. New York, 1924, September. P. 463–478.
278. *Lanz, Henry*. The Irrationality of Reasoning // The Philosophical Review. Vol. XXXV. No. 4 (208). New York, 1926, July. P. 340–359.
279. *Lanz, Henry*. The Phisical Basis of Rime: An Essay on the Aesthetics of Sound. Stanford: Stanford Univ. Press, 1931. – XIV, 365 p.; Repr. New York: Greenwood Pr., 1968. – XIV, 365 S.

280. *Lanz, Henry*. The Thing-Conception in the Middle Ages // The Philosophical Review. May, 1920. S. 226–241.
281. *Rubinstein, Moses*. Die logischen Grundlagen des hegelschen Systems und das Ende der Geschichte. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Freiburg i. Br. Halle: C.A. Kaemmerer & Co., 1906. – 73 S.
282. *Rubinstein, Moses*. Das Wertsystem Hegels und die entwertete Persönlichkeit. Berlin: Reuther & Reichard, 1910. – 16 S. (Aus: Kant-Studien. 1910. Bd. XV. H. 2–3. S. 263–274).
283. *Rubinstein, Sergej*. Eine Studie zum Problem der Methode. I. Absoluter Rationalismus (Hegel). Teildruck. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1914. – 68 S.
284. *Sesemann, Wilhelm*. Das Rationale und das Irrationale im System der Philosophie // Logos. Internationale Zeitschrift. Bd. II. 1911/1912. Tübingen: Mohr, 1912. S. 208–241.
285. *Sesemann, Wilhelm*. Die bolschewistische Philosophie in Sowjet-Russland // Der russische Gedanke. 1930/31. S. 178–183.
286. *Sesemann, Wilhelm*. Die Ethik Platos und das Problem des Bösen // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. S. 170–189.
287. *Sesemann, V.* Die logischen Gesetze im Verhältnis zum subjektbezogenen und psychischen Sein // Eranus: Commentationes Societatis philosophicae lituanae. Vol. II. Kaunas: «Spindulio», 1931. S. 61–230. – (Humanitarinių Mokslų Fakulteto Raštai).
288. *Sesemann, V.* Studien zur Erkenntnisproblem. [I. Über gegenständliches und ungegenständliches Wissen.] II. Rationales und Irrationales. Kaunas: Valstybės Spauduvė, 1927. – (Humanitarinių Mokslų Fakulteto Raštai; III t., IV sąs.).
289. *Sesemanas, V.* Zum Problem der logischen Paradoxien. (S.l., s.a.) – 85 S.
290. *Sesemann, Wilhelm*. Zum Problem des reinen Wissens // Philosophischen Anzeiger. Bonn. II. Jahrgang. 1927. H. 2. S. 204–235; H. 3. S. 325–344.
291. *Slonimsky, Henry*. Heraklit und Parmenides. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1912. – 53 S.; Gießen: A. Töpelmann, 1912. – (Philosophische Arbeiten. Bd. VII. H. 1). – 62 S.
292. *Stepun, Fedor*. Bolschewismus, Marxismus und Christentum // Der russische Gedanke. 1929/30. S. 126–129.
293. *Stepun, Fedor*. Wladimir Ssolowjew. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Leipzig: Eckardt, 1910. – VI, 132 S.
294. *Ssalagoff, Leo*. Vom Begriff des Geltens in der modernen Logik. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg. Leipzig: Barth, 1910. – 63 S.
295. *Tschizhevskij, Dmitrij*. [Rez.:] N. v. Bubniff. Kultur und Geschichte im russischen Denken // Der russische Gedanke. 1929/30. H. 2. S. 216.
296. *Tumarkin, Anna*. Kants Lehre vom Ding an sich // Archiv für Philosophie. I. Abteilung: Archiv für Geschichte der Philosophie. XXII. Bd., H. 3. Neue Folge. XV. Bd. H. 3. Berlin. 1909. S. 291–318.

297. *Tumarkin, Anna*. Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Psychologie. Leipzig, 1923. — 165 S. — (Wissenschaft und Forschen. Bd. 15).
298. *Tumarkin, Emilie*. Wladimir Ssolowjew als Philosoph. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Bern. Halle: Kaemmerer, 1905. — 86 S.
299. *Wedenski, Alexander*. Ein neuer und leichter Beweis für den philosophischen Kritizismus // Archiv für systematische Philosophie. Berlin. XVI. Bd., 1910. S. 191–216.
300. *Weidemann, Alexander*. Das Denken und sein Schaffen // Der russische Gedanke. Hrsg. von Boris Jakowenko. 2. Jahrgang (1930/1931). 1. Heft. S. 16–24.
301. *Weidemann, Alexander*. Der Begriff des Absoluten // Der russische Gedanke. 1930/1931. 2. Heft. S. 145–148.
302. *Wischeslawzeff, Boris*. Recht und Moral // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. S. 190–202.

*Работы русских символистов:
рецензия и критика неокантианства*

303. *Белый А.* [Рец.:] Вильгельм Виндельбанд. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Пер. с нем. Т. 2. От Канта до Ницше. Спб., 1905 // Весы. 1906. № 2. С. 75–76. [Подпись: Дельта]
304. *Белый А. (Бугаев Б.Н.)* [Рец.:] Две замечательные книги. (О книге Челпанова «Проблема восприятия пространства. Часть 1-я». 1897 г. и о переводе сб. статей Виндельбанда «Прелюдии») // Весы. 1904. № 12. С. 32–38.
305. *Белый А.* Душа самосознающая / Сост. и вступ. ст. Э.И. Чистяковой. М.: Канон+, 1999. — 560 с. — (История философии в памятниках.)
306. *Белый А. (Бугаев Б.Н.)* [Рец.:] Д-р Бродер Христиансен. Психология и теория познания. Пер. с нем. Е.И. Боричевского, под ред. Б.А. Фохта. М., 1907 // Весы. 1908. № 4. С. 54–56.
307. *Белый А.* «Идеалисты» и «Новый Путь» // Весы. 1904. № 11. С. 66–67.
308. *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2-х тт. М.: Искусство, 1994. — 571 с. — (История эстетики в памятниках и документах).
309. *Белый А.* [Рец.:] Карл Форлендер. Неокантианское движение в социализме. М., 1907 // Перевал. Журнал свободной мысли. 1907. № 5. С. 56–57.
310. *Белый А.* Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта // Весы. 1904. № 2. С. 1–13; Перепеч.: Кант: pro et contra. Рецензия идей немецкого философа и их влияние на развитие русской философской традиции. Антология / Сост. А.И. Абрамов, В.А. Жучков. СПб.: РХГИ, 2005. С. 555–564.
311. *Белый А.* Круговое движение. (Сорок две арабески) // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 51–73.
312. *Белый А.* Кубок метелей: Роман и повести-симфонии. М.: ТЕРРА, 1997. — 768 с. — (Манон).

313. *Белый А.* Кумир на глиняных ногах // Перевал. 1907. № 8–9. С. 21–32.
314. *Белый А.* Линия, круг, спираль – символизма // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 13–22.
315. *Белый А.* Метод символизма // Русский артист. 1907. № 10. С. 146–147.
316. *Белый А.* Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни) // Логос. М. 1910. Кн. 2. С. 240–258.
317. *Белый А.* Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // Утро России. 15 октября 1910 г. № 274. С. 2.
318. *Белый А.* О смысле познания (1916) // Белый А. (Belyi Andrei). Поэзия слова. О смысле познания. Пб.: «Эпоха», 1922; Chicago, 1965. С. 35–51. – (Russian Study Series, № 51).
319. *Белый А.* Ответ Ф. Степуну на открытое письмо в № 4–5 «Трудов и дней» // Труды и дни. 1912. № 6. С. 16–26.
320. *Белый А.* Прыжок в царство свободы // Знамя. 1920. № 5. С. 17–20.
321. *Белый А.* Символизм. Nachdruck der Ausgabe Moskau 1910 / Hrsg. von Dmitrij Tschizewskij in Zusammenarbeit mit D. Gerhardt, L. Müller, A. Rammelmeyer und L. Sandik-Aitzetmüller. München: Wilhelm Fink, 1969. – 640 S. – (Slavische Propyläen; Bd. 62).
322. *Белый А.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и прим. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. – 528 с. – (Мыслители XX в.)
323. *Белый А.* Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке / Под ред. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. – 510 с.
324. *Белый А.* Собрание стихотворений 1914. М.: «Наука», 1997. – 458 с.
325. *Белый А. (Бугаев Б.Н.)* Формы искусства // Мир искусства. 1902. Т. 8. № 12. С. 343–361. Перепеч. с измен.: Белый А. Символизм. М., 1910. С. 147–174; Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 90–105.
326. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений в 7-ми томах. Под общ. ред. П.Г. Антокольского и др. Т. VI. Статьи и рецензии 1893–1924. «Далекие и близкие». Ст. и составл. Д.Е. Максимова. Подгот. текстов и примеч. Д.Е. Максимова и Р.Е. Помирченко. М.: Худож. лит., 1975. – 656 с.
327. *Брюсов В.Я.* Письма из рабочих тетрадей (1893–1899). Вступ. ст., публ. и комм. С.И. Гиндина // Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Т. 98. В 2-х кн. Кн. 1. Отв. ред. Н.А. Трифонов. М.: «Наука», 1991. С. 555–828.
328. Валерий Брюсов. Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. – 854 с.
329. Из наследия «раннего» Пастернака // Историко-философский ежегодник' 91. М.: Наука, 1991. С. 355–359.
330. *Пастернак Б.Л.* О предмете и методе психологии // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 96–105.
331. *Пастернак Б.Л.* Избранное. М.: Изд-во «Гудьял–Пресс», 1999. – 608 с. – (Серия «Гранд Либрис»).
332. *Fleishman, Lazar, Harder, Hans-Bernd; Dorzweiler, Sergej.* Boris Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные философские конспекты

и заметки Бориса Пастернака. В 2-х т. Stanford, 1996. — (Stanford Slavic Studies, Vol. 11).

333. *Pasternak, Boris*. Sommer 1912. Briefe aus Marburg / Vorwort, Zusammenstellung, Kommentar und Übertragung aus dem Russischen von S. Dorzweiler. Marburg: Blauer Hörner, 1990. — 174 S.

Работы «советских неокантианцев»

334. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Под ред. С.Г. Бочарова, Н.И. Николаева, комм. С.С. Аверинцева, Л.А. Гоготишвили, В.В. Ляпунова, В.Л. Махлина, Н.И. Николаева. М.: «Русские словари», «Языки славянской культуры», 2003. — 957 с.
335. *Зубов В.П.* Аристотель. Человек. Наука. Судьба наследия. М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 366 с.
336. *Зубов В.П.* Избранные труды по истории философии и эстетики. 1917 — 1930 / Сост. М.В. Зубова. М.: Индрик, 2004. — 448 с.
337. *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. М.: «Мысль», 1974. — 568 с. — (АН СССР. Ин-т философии).
338. *Копнин П.В.* Проблемы диалектики как логики и теории познания. Избранные философские работы / Сост. Л.Ф. Копниной, предисл. В.А. Лекторского. М.: «Наука», 1982. — 368 с.
339. *Копнин П.В.* Развитие познания как изменение категорий // Вопросы философии. 1965. № 11. С. 37—46.
340. *Левин И.Д.* Сочинения. В 2-х т. Москва: «Радикс», 1994.
341. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука. М.: Издание автора, 1927. — 550 с.
342. *Лосев А.Ф.* Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. — 655 с.
343. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. — 959 с.
344. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство / 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. — 320 с.
345. *Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике: Литературно-философские размышления философа. М.: Советский писатель, 1990. — 320 с.
346. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: «Мысль», 1974. — 487 с.
347. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание (1957). Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. — 512 с. — (Серия «Мастера психологии»).
348. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 147 с.
349. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Учебн. Пособие для высших пед. учеб. заведений и ун-тов. М.: Учпедгиз, 1940. — 596 с.
350. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-е АН СССР, 1959. — 354 с.
351. Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред., предисл. Б.Ф. Ломов; Примеч. О.Н. Бредихиной и др.. М.: Наука, 1989. — 435 с. (С. 332—423).
352. *Сабуров А.А.* Рассуждение о познании // Московский журнал. 1991. № 11. С. 39—43.

353. *Топорков А.К.* Как стать культурным. М.: «Работник просвещения», 1929. — 148 с.
354. *Топорков А.К.* Предисловие // Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке. М.—Л.: Госуд. социально-экономическое изд-во, 1933. С. I—XIX.
355. *Топорков А.К.* Технический быт и современное искусство. М.—Л.: Гос. изд-во, 1928. — 258 с.
356. *Топорков А.К.* Элементы диалектической логики. М.: «Работник просвещения», 1927. — 136 с.; Изд-е 2-ое, дополн. М.: «Работник просвещения», 1928. — 160 с.
357. *Туровский М.Б.* Предыстория интеллекта. Избранные труды. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 575 с.
358. *Туровский М.Б.* Философские основания культурологии. М.: «Российская политическая энциклопедия» РОССПЭН, 1997. — 440 с.

Переводы нео/кантианской литературы рубежа XIX-XX вв.

359. *Баух Б.* Иммануил Кант и его отношение к естествознанию. Пер. с нем. Г. Гордона. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левинсон, 1912. — 36 с.
360. *Виндельбанд В.* История древней философии / Пер. с нем. слушательниц Высших женских курсов под ред. проф. А.И. Введенского. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1893. — VIII, 380 с.; 2-е изд., 1998; 3-е изд., 1902; 4-е изд., 1908.
361. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / Пер. со 2-го нем. изд. Е.И. Максимова, В.М. Невежиной и Н.Н. Платоновой. Под ред. и с предисл. проф. А.И. Введенского. Т. 1—2. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1902—1905. — XII, 464 + VI, 421 с.; 2-е изд., 1908. Перепеч.: *Виндельбанд В.* От Канта до Ницше. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. (Период от Канта до конца XIX века) / Пер. с нем. под ред. А.И. Введенского. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. — («Канон философии»).
362. *Виндельбанд В.* История философии: Пер. с нем. П. Рудина. К.: Ника-Центр, 1997. — 560 с. — (Серия «Познание»; Вып. 5).
363. *Виндельбанд В.* Прелюдии: Философские статьи и речи / Пер. со 2-го нем. изд. С. Франка. СПб.: Изд-е Д.Е. Жуковского, 1904. — 374 с.
364. *Виндельбанд В.* О свободе воли / Пер. с нем. Г. Сониной, под ред. В.В. Битнера. СПб.: В.В. Битнер, 1904. — 112 с.; Пер. с нем. М.М. Рубинштейна. М., 1905.
365. *Виндельбанд В.* Платон / Пер. с нем. А. Громбаха. СПб.: «Образование», 1900. — [4], 200 с.; 2-е изд., 1904; Пер. с 4-го нем. изд. И.В. Постмана под ред. и со вступ. ст. проф. К.Ф. Жакова. СПб.: А.А. Цветков, 1909. — 171 с. — (Б-ка «Знания». Ред. В.А. Максимова).
366. *Виндельбанд В.* Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. Пять лекций. Авторизов. пер. с нем. М.М. Рубинштейна. М.: «Звено», 1910. — [8], 150 с. Перепеч.: М.: Наука, 1993. — 105 с.

367. *Виндельбанд В.* Философия Канта. (Из истории новой философии *Виндельбанда*) / Пер. с нем. Н. Платоновой, предисл. А.И. Введенского. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. — VIII, 202 с.
368. *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. Пер. Б. Стоппера и П. Юшкевича. СПб.: Шиповник, 1912. — 454 с.; М.: Гнозис, 2006. — 400 с.
369. *Кассирер Э.* Теория относительности Эйнштейна / Пер. Е.С. Берловича и И.Я. Колубовского. Пг.: Наука и школа, 1922. — 144 с.
370. *Коген Г.* Значение еврейства в религиозном прогрессе человечества (Речь Германа Когена, произнесенная на V-м всемирном конгрессе для свободного христианства и религиозного прогресса) // Еврейский мир. Трехмесячный ж-л. 1910. Кн. 2—3. С. 5—18. Перепеч.: Теоретические и практические вопросы еврейской жизни. СПб., 1911.
371. Ланге Ф.А. История материализма и критика его значения в настоящем. Пер. с 3-го нем. изд. Н.Н. Страхова. Т. 1. СПб., 1881; Т. 2. СПб., 1883; 2-е изд.: Т. 1—2. СПб., 1899; 3-е изд.: Пер. с 5-го нем. изд. под ред. В.С. Соловьева. Киев—Харьков: Южно-русское кн-во Ф.А. Иогансона. Т. 1. С предисл. В.С. Соловьева. [1899]. — 323 с.; Т. 2. 1900. — 415 с.
372. *Лаас Э.* Идеализм и позитивизм. Критическое исследование. Первая, общая и основная часть. Пер. с нем. под общ. ред. С.Н. Эверлинга. М.: Изд-е Д.П. Ефимова, [1907]. — 219, [2] с.
373. *Мессер А.* Введение в теорию познания / Авторизов. перев. с нем. А.А. Франковского под ред. С.О. Грузенберга. СПб.: Изд-е О. Богдановой, 1910. — 182 с.
374. *Мюллер-Фрейенфельс Р.* Философия XX столетия в ее главных течениях. Пер. с нем. под ред. проф. В.Э. Сеземана; с предисл. авт. к рус. изд. Берлин: «Идея», 1923. — 157 с.
375. *Наторп П.* Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: «Территория будущего», 2006. — 384 с. — («Университетская библиотека Александра Погорельского»).
376. *Наторп П.* Кант и Марбургская школа // Новые идеи в философии. Непериодическое издание под ред. Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова. Сб. № 5. СПб.: «Образование», 1913. С. 93—132; Перепеч.: Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 121—144.
377. *Наторп П.* Культура народа и культура личности. Шесть лекций П. Наторпа, проф. Марбургского университета. Пер. с нем. М.М. Рубинштейна. СПб.: Изд-е О. Богданова, 1912. — 189 с. Перепеч.: Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 147—294.
378. *Наторп П.* Логика. Обоснование и логическое построение математики и математического естествознания. (Сжатое пособие к лекциям). Пер. с нем. В.А. Радзиевского с пред. И.И. Лапшина. СПб.: «Улей», 1909. — 64 с.
379. *Наторп П.* Общая педагогика. Пер. Б.А. Фохта. М.: Изд-е Н.Н. Ключкова, 1910.
380. *Наторп П.* Песталоцци. Его жизнь и его идеи. Пер. с нем. М.А. Энгельгардта. СПб.: «Школа и жизнь», 1912. — 104 с.; Пг., 1918, 2-е изд. — 104 с.; 1920, 3-е изд. — 168 с.

381. *Наторп П.* Принцип относительности // Минковский Г. Пространство и время. Пер. И.В. Яшунского. СПб.: «Физика», 1911. С. 75–93.
382. *Наторп П.* Развитие народа и развитие личности. Перев. с нем. А. Пальчика. СПб.: Школа и жизнь, 1912. — 144 с.
383. *Наторп П.* Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности. Пер. А.А. Громбаха с 3-го доп. нем. изд-я. СПб.: тип. О. Богданова, 1911. — XXVI, 360 с.
384. *Наторп П.* Социальный идеализм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 1. С. 55 — 126; Перепеч.: Каган М.И. О ходе истории. М., 2004. С. 98–149.
385. *Наторп П.* Философия и психология // Логос. СПб. 1914. Т. 1. Вып. 1. С. 34–56; Перепеч.: *Наторп П.* Избранные работы. М., 2006. С. 27–54.
386. *Наторп П.* Философия как основа педагогики. Пер. с нем., предисл. Г.Г. Шпета. М.: Изд-е Н.Н. Ключкова, 1910. —106, [1] с.; Перепеч.: *Наторп П.* Избранные работы. М., 2006. С. 297–383.
387. *Наторп П.* Философская пропедевтика. (Общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии). Пер. с 3-го нем. изд. под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М.: Изд-е Н.Н. Ключкова, 1911. — 118, [1] с.; Перепеч.: *Наторп П.* Избранные работы. М., 2006. С. 57–118.
388. *Паульсен Ф.* Введение в философию. Пер. со 2-го нем. изд. Н. Титовского, под ред. В. Преображенского. М.: Моск. психологич. о-во, 1894. — XVIII, 442 с.; 2-е изд. Пер. с 5-го нем. изд. под ред. В.П. Преображенского. 1899. — XVI, 448 с.; 3-е изд. 1904. — XVI, 446 с.; 4-е изд. Пер. под ред. В.П. Преображенского, с доп. и изм. по 24-му нем. изд. 1914. — XVIII, 454 с.
389. *Паульсен Ф.* Иммануил Кант, его жизнь и учение. Пер. с нем. Н.О. Лосского. СПб.: «Образование», 1899. — [4], 356 с.; 2-е испр. изд. 1905. — XIV, 380 с.
390. *Паульсен Ф.* Философия протестантизма. (Кант и протестантство) / Пер. с нем. СПб., 1907. — 17 с. — (Приложение к еженедельнику «Век»).
391. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. Пер. с нем. А. Водена. СПб.: Изд-е Е.Д. Кусковой, 1903. — II, II, 615 с. Перепеч.: СПб.: «Наука», 1997. — 536 с. — (Слово о сущем).
392. *Риккерт Г.* Естествоведение и культуроведение. Пер. с нем. М.Я. Фитермана. СПб.: Изд. Е.Д. Кусковой, 1903. [2], 44 с.
393. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. Перев. со 2-го, совершенно перераб. нем. изд-я М.Е. Зингера под ред. и со вступ. С.О. Гессена. СПб.: «Образование», 1911. — 196 с.
394. *Риккерт Г.* Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени. Пер. Е.С. Берловича и И.Я. Колубовского. Пб.: «Academia», 1922. — 167 с.
395. *Риккерт Г.* Философия истории. Пер. с нем. С.И. Гессена, с предисл. автора к рус. изд. СПб.: Д.Е. Жуковский, 1908. — XIV, 154 с. Перепеч.: *Риккерт Г.* Философия жизни: Пер. с нем. К.: Ника-Центр, 1998. С. 167–266.

396. *Риль А.* Дарвинизм и трансцендентальная философия // Дарвинизм и теория познания Георга Зиммеля, Фридриха Ницше и Алоиза Рилля. СПб.: С.-Петербургская коммерческ. Типо-лит., 1899. С. 45–57. — (Дарвинистская библиотека. Вып. 1. Ред.: Л. Габрилович, Г. Калантаров, К. Платонов).
397. *Риль А.* Научная и ненаучная философия / Пер. с нем. С. Кричевского под ред. М.М. Филиппова. СПб.: Сойкин, 1901. — 24 с. — (Библиотека «Научного обозрения»).
398. *Риль А.* Теория науки и метафизика с точки зрения философского критицизма / Пер. с нем. Е. Корша. М.: Изд-е К.Т. Солдатенкова, 1887. — VII, 426 с.
399. *Риль А., Виндельбанд В.* Иммануил Кант: Речи / Пер. с нем. Б.В. Яковенко. М.: Д.П. Ефимов, 1905. — 62 с.
400. *Риль А., Кюльпе О.* Современная философия. Введение и характеристика главнейших течений / Пер. с нем. М.Г. и Н. Секерина под ред. и с предисл. В.В. Битнера. СПб.: В.В. Битнер, 1904. — 120 с. — (Энциклопедическая б-ка для самообразования).
401. *Фишер К.* История новой философии / Пер. с нем. Н. Страхова. Т. 1–4. СПб., 1862–1865.
402. *Фишер К.* История новой философии / Пер. с нем. юбилейного изд. Т. 1–8. СПб.: Д.Е. Жуковский, 1901–1909.
403. *Форлендер К.* История философии (в 3-х томах). Т. 1 / Авториз. пер. со 2-го нем. изд. под ред. проф. В.А. Савальского. СПб.: Изд-е О. Богдановой, 1911. — 264 с.
404. *Форлендер К.* Кант и Маркс. Очерки этического социализма. Пер. с разрешения автора Б.И. Элькина с предисл. М.И. Туган-Барановского. СПб.: «Наша жизнь», 1909.
405. *Форлендер К.* Кант и социализм. Обзор новейших теоретических течений в марксизме. Пер. П. Земнова. М.: «Пульс жизни», 1906. — 80 с.
406. *Форлендер К.* Неокантианское движение в социализме. Пер. П. Земнова. М.: «Пульс жизни», 1907. — 81 с.
407. *Форлендер К.* Современный социализм и философская этика. Пер. с нем. П. Земнова. М.: «Пульс жизни», 1907. — 60 с.
408. *Форлендер К.* Общедоступная история философии. Перев. с нем. Полины Виноградской. Предисл. Е. Преображенского. М.: «Московский рабочий», 1922. — XIII, 310 с.
409. *Христиансен Б.* Психология и теория познания. Пер. с нем. Е.И. Боричевского. Под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М.: Тип. б. Шушукина, 1907. — 28 с.
410. *Христиансен Б.* Теория познания и психология познавания // Вестник знания. Санкт-Петербург. 1907. № 3. С. 65–81.
411. *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории / Пер. со 2-го нем. изд. под ред. и со вступ. ст. проф. И.А. Давыдова. Т. 1. СПб.: «Начало», 1907. — 408 с.; Т. 2. СПб., 1907. — LXXII + 347 с.
412. *Штанге К.* Ход мыслей в «Критике чистого разума»: Руководство для чтения. Пер. с нем. Б.А. Фохта и А.И. Бердникова. М.: Тип. б. Шушукина, 1906. — III, 27 с. — (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта; Вып. 1).

413. Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума»: Руководство для чтения / Пер. со 2-го нем. изд. 1897 г. под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1910. — II, 146 с. — (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта; Вып. 2).
414. Шульце-Гевециц Г. Маркс или Кант? (Ректорская речь, прочитанная 9 мая 1908 г.). Пер. с нем. Б.А. Анощенко-Федоровского и С.И. Гессена с разрешения автора. СПб.: Изд-е Д.Е. Жуковского, 1909. — 87 с.

Работы марбургских неокантианцев

415. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1997. — 447 с. — («Книга света»).
416. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.—СПб.: Университетская книга, 2000. — 654 с. — («Книга света»).
417. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Пер. Ю.А. Муравьева. М.: Гардарики, 1998. — 784 с. — (серия «Лики культуры»).
418. Кассирер Э. Лекции по философии и культуре / Пер. И.А. Лейтес, Е.А. Жуковой // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 104–162.
419. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. Пер. Ю.А. Муравьева // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3–31.
420. Кассирер Э. Опыт о человеке. Пер. Ю.А. Муравьева // Философские науки. М. 1991. № 7. С. 97–134.
421. Кассирер Э. Философия символических форм. М.: Наука и школа, 1929. — 547 с.
422. Кассирер Э. Философия просвещения / Пер. с нем. В.Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2004. — 400 с. — («Книга света»).
423. Кассирер Э. и Хайдеггер М. Семинар, 1929 г. / Перев., предисл. и примеч. В.М. Литвинского // Ступени. Л. 1992. № 3. С. 151–166.
424. Коген Г. Теория опыта Канта. Гл. 16. Система критического идеализма. Пер. В.Н. Белова // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 151–173.
425. Коген Г. Эстетика чистого чувства. Т. 1. § 11. Эстетическое чувство любви / Пер. с нем. Т.А. Акиндиновой // Studia culturae. Вып. 3. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры филос. ф-та С.-Петербургского ун-та. СПб.: С.-Петербургское философское общество. 2002. С. 219–232.
426. Cassirer, Ernst. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Bd. 3. Die nachkantischen Systeme. Berlin: Cassirer, 1920. — XIV, 483 s.
427. Cassirer, Ernst. Gesammelte Werke. Bd. 9. Aufsätze und kleine Schriften (1901–1921). Hrsg. von B. Recki. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001.
428. Cassirer, Ernst. Hermann Cohen, 1842 – 1918 // Social Research. An International Quarterly of Political and Social Science. May 1943. Vol. 10. № 2. P. 219–232.
429. Cassirer, Ernst. Kant und die moderne Mathematik (Mit Bezug auf Bertrand Russels und Louis Couturats Werke über die Principien der Mathematik) // Kant-Studien. Brl. 1907. Bd. 12. S. 1–49.

430. *Cassirer, Ernst*. Der kritische Idealismus und die Philosophie des "gesunden Menschenverstandes" Giessen: Töpelmann, 1906. — 35 S. — (Philosophische Arbeiten. 1. B. 1. H.).
431. *Cassirer, Ernst*. Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen. Marburg: Elwert, 1902. — XIV, 548 S.
432. *Cassirer, Ernst*. Neo-Kantianism // Encyclopaedia Britannica. 14th Ed. 1930. Vol. XVI. P. 215—216.
433. *Cassirer, Ernst*. The problem of knowledge. Philosophy, science and history since Hegel. New Haven: Yale University Press, 1966. — XVIII, 334 p.
434. *Cohen, Hermann*. Die dramatische Idee in Mozarts Operntexten. Berlin: Cassirer, 1915. — 115 S.
435. *Cohen, Hermann*. Die Geisteswissenschaften und die Philosophie // Die Geisteswissenschaften. Leipzig. Jg. 1. 1913. 1. Oktober. H. 1. S. 2—4.
436. *Cohen, Hermann*. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin: Dümmler, 1889. — XII, 433 S.
437. *Cohen, Hermann*. Kants Begründung der Ethik. Berlin: Dümmler, 1877. — 328 S.
438. *Cohen, Hermann*. Kants Theorie der Erfahrung. Berlin: Dümmler, 1871. — 271 S.; 2-te neubearb. Aufl. Berlin: Dümmler, 1885. — 616 S.
439. *Cohen, Hermann*. Kommentar zu Immanuel Kants Kritik der reinen Vernunft. Leipzig: Meiner, 1907. — IX, 233 S. — (Philosophische Bibliothek. B. 113).
440. *Cohen, Hermann*. Das Princip der Infinitesimal Methode und seine Geschichte. Berlin: Dümmler, 1883. — VII, 162 s.
441. *Cohen, Hermann*. Rede bei der Gedenkfeier der Universität Marburg zur hundertsten Wiederkehr des Todestages von Immanuel Kant. Marburg: Elwert, 1904. — 31 S.
442. *Cohen, Hermann*. System der Philosophie. T. 1: Logik der reinen Erkenntnis. Berlin: Cassirer, 1902. — XVII, 520 S.
443. *Cohen, Hermann*. System der Philosophie. T. 2: Ethik des reinen Willens. Berlin: Cassirer, 1904. — XVIII, 641 S.; 2. rev. Aufl., 1907. — XXII, 679 S.; 3. Aufl., 1921. — XXIV, 672 S.
444. *Cohen, Hermann*. System der Philosophie. T. 3: Ästhetik des reinen Gefühls. Bd. 1, 2. Berlin: Cassirer, 1912. — XIV, 402+478 S.
445. *Cohen, Hermann*. Schriften zur Philosophie und Zeitgeschichte. Hrsg. von A. Görland, E. Cassirer. 2 Bd. Berlin: Akademie, 1928.
446. *Cohen, Hermann*. Professor Paul Natorp zu seinem 60. Geburtstage 24. Januar 1914 // Kleinere Schriften V. 1913—1915. Bearb. u. eingeleitet von H. Wiedebach. Hildesheim—Zürich—New York, 1997. S. 91—97.
447. *Cohen, Hermann*. *Natorp, Cassirer, Windelband, Rickert, Lask, Cohn*. Néokantismes et Théorie de la Connaissance. Traduit sous la direction de Marc de Launay. Paris: Librairie Philosophique J. VRIN, 2000. — 350 p.
448. *Falter, Gustav*. Beiträge zur Geschichte der Idee. Teil I. Philon und Plotin. Gießen: Töpelmann, 1906. — 66 S. — (Philosophische Arbeiten. Bd. I. H. 2).
449. *Görland, Albert*. Aristoteles und die Arithmetik. Inaugural-Dissertation. Marburg, 1898. — 61 S.
450. *Görland, Albert*. Aristoteles und die Mathematik. Marburg, 1899. — 211 S.

451. *Görland, Albert.* Aristoteles und Kant, bezüglich der Idee der theoretischen Erkenntnis untersucht. Giessen, 1909. — 535 S. — (Philosophische Arbeiten. Bd. II. H. 2).
452. *Görland, Albert.* Die Schicksalsidee in der Geschichte der Tragödie // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. S. 334–358.
453. *Görland, Albert.* Ethik als Kritik der Weltgeschichte. Leipzig: Teubner, 1914. — XI, 404 S. — (Wissenschaft und Hypothese; 19).
454. *Görland, Albert.* Neubegründung der Ethik aus ihrem Verhältnis zu den besonderen Gemeinschaftswissenschaften. Berlin: Reuther & Reichard, 1918. — 59 S. — (Philosophische Vorträge; 19).
455. *Heimsoeth, Heinz.* Descartes' Methode der klaren und deutlichen Erkenntnis. Inaugural-Dissertation. Marburg, 1911. — 166 S.
456. *Heimsoeth, Heinz.* Die Objektfrage in der Kantischen Aesthetik // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. Berlin, 1912. S. 315–333.
457. *Kinkel, Walter.* Beiträge zur Aesthetik des reinen Gefühls // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. S. 299–314.
458. *Kinkel, Walter.* Hermann Cohen. Eine Einführung in sein Werk. Stuttgart: Strecker & Schroeder, 1924. — VII, 356 S.
459. *Kinkel, Walter.* Idealismus und Realismus. Eine Einführung in ihr Wesen und in ihre kulturgeschichtliche Entwicklung. Göttingen: Vanderhoeck u. Ruprecht, 1911. — 65 S. — (Wege zur Philosophie; 3).
460. *Knittermeier-Götte, G.* Zur Grundlegung einer transzendentalphilosophen Methode // Logos. Internationale Zeitschrift. Tübingen. Bd. XI. 1922/23. S. 329–361.
461. *Natorp, Paul.* Allgemeine Logik // Erkenntnistheorie und Logik im Neukantianismus: e. Textauswahl. Hrsg. und Einleitung von W. Flach und H. Holzhey. Hildesheim: Gerstenberg, 1979. S. 227–269. — (Seminar-Textbücher; Bd. 1: Fachgebiet Philosophie).
462. *Natorp, Paul.* Allgemeine Psychologie nach kritischer Methode. 1. Buch: Objekt und Methode der Psychologie. Tübingen: Mohr, 1912. — 352 S.
463. *Natorp, Paul.* Beethoven und wir: Rede. Marburg, 1921. — 39 S.
464. *Natorp, Paul.* Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrisis: Mit einem Anhang zur geistigen Krisis der Gegenwart. Jena: Diederichs, 1923. — 41 S.
465. *Natorp, Paul.* Hermann Cohen als Mensch, Lehrer und Forscher. Marburg: Elwert, 1918. — 30 S. — (Marburger Akademische Reden, Nr. 39).
466. *Natorp, Paul.* Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Leipzig – Berlin: Teubner, 1910. — XX, 416 S.
467. *Natorp, Paul.* Philosophie, ihr Problem und ihre Probleme. Einführung in den kritischen Idealismus. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1911. — 172 S. — (Wege zur Philosophie; 1).
468. *Natorp, Paul.* Philosophische Propädeutik (Allgemeine Einleitung in die Philosophie und Anfangsgründe der Logik, Ethik und Psychologie). 2. Aufl. Marburg: Elwert, 1905.
469. *Natorp, Paul.* Philosophische Systematik. Aus dem Nachlass hrsg. von H. Natorp. Mit der Gedankrede zum 100 Geburtstag von H.-G. Gadamer

- сowie mit Einl. und textkritischen Anwerk. von H. Knittermeyer. Hamburg: Meiner, 1958. — XL, 420 S.
470. *Natorp, Paul.* Platos Ideenlehre: Eine Einführung in den Idealismus. Hamburg: Meiner, 2004. — 572 S.
471. *Natorp, Paul.* Plato's Theory of Ideas. An Introduction to Idealism / Edited with an introduction by V. Politis. 1st english transl. by V. Politis and J. Connolly. Postscript by André Laks. 2004. — (International Plato Studies; 18).
472. *Natorp, Paul.* Recht und Sittlichkeit. Ein Beitrag zur kategorialen Begründung der praktischen Philosophie. Mit besonderem Bezug auf Hermann Cohens «Ethik des reinen Willens» und Rudolf Stammers «Theorie der Rechtswissenschaft» // Kant-Studien. 1913. Bd. XVIII. H. 1–2. S. 1–79.
473. *Natorp, Paul.* Religion innerhalb der Grenzen der Humanität. Ein Kapitel zur Grundlegung der Sozialpädagogik. 2-te durchgesehene und um ein Nachwort vermehrte Aufl. Tübingen: Mohr, 1908. — VII, 126 S.
474. *Natorp, Paul.* Sozialpädagogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft. Stuttgart: Frommann, 1899. — VIII, 352 S.
475. *Natorp, Paul.* Gesammelte Abhandlungen zur Sozialpädagogik. Abt. 1. Historisches. Stuttgart: Frommann, 1907. — VIII, 510 S.
476. *Natorp, Paul.* Selbstdarstellung // Die deutsche Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Hrsg. von P. Schmidt. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig: Meiner, 1923. S. 161–190.
477. *Natorp, Paul.* Sozialidealismus. Neue Richtlinien sozialer Erziehung. Berlin, 1920; 2. unveränd. Aufl. Berlin: Springer, 1922. — 262 S.
478. *Natorp, Paul.* Individuum und Gemeinschaft. Jena: Diederichs, 1921. — 32 S.
479. *Natorp, Paul.* Über den Ausgangspunkt der Philosophie // Die japanisch-deutsche Zeitschrift für Wissenschaft und Technik. Jg. 1, H. 4, Oktober 1923. S. 121–128.
480. *Natorp, Paul.* Über objektive und subjektive Begründung der Erkenntnis // Philosophische Monatshefte. 1887. Bd. XXIII. S. 257–286.
481. *Natorp, Paul.* Zum Gedächtnis Kants. Sonderdruck aus «Deutsche Schule. 1904. H. II». Leipzig: J. Klinkhardt, 1904. — 23 S.
482. *Rozalewski, Willy.* Schillers Ästhetik im Verhältnis zur Kantischen. Teildruck. (Inaugural-Dissertation). Marburg, 1912. — 61 S.; Heidelberg, 1912. — 129 S. — (Beiträge zur Philosophie. I).
483. *Tatarkewicz, Wladislaff.* Über die natürliche Weltansicht // Philosophische Abhandlungen. Hermann Cohen zum 70sten Geburtstag. S. 24–43.
484. *Vorländer, Karl.* Rudolf Stammers Lehre vom richtigen Recht // Kant-Studien. 1903. № 8. S. 329–335.

Критическая литература конца XIX – первой половины XX в.

485. *Аксельрод Л.И.* Опыт критики критицизма // Научное обозрение. 1900. № 12. С. 2053–2085.
486. *Алексеев С.А. (Аскольдов).* Мысль и действительность. М.: «Путь», 1914. — 387 с.
487. *Аскольдов С. (Алексеев С.А.)* Внутренний кризис трансцендентального идеализма // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125. С. 781–796.

488. *Аскольдов С. (Алексеев С.А.)* Основные проблемы теории познания и онтологии. СПб., 1900. — VII, 250 с.
489. *Аскольдов С. (Алексеев С.А.)*. Теории новейшего критицизма (по поводу двух книг) // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74. С. 520–549; Кн. 75. С. 601 – 623.
490. *Айхенвальд Ю.И.* [Рец.] Friedrich Paulsen. Immanuel Kant, sein Leben und seine Lehre. Stuttgart, 1898 // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 47. С. 207–210.
491. *Бачинский А.* [Рец.:] К. Жаков Теория переменного и предела в гносеологии и в истории познания. СПб. 164 с. Изд. Пирожкова // Вестн. 1905. № 2. С. 63–64.
492. *Бердяев Н.А.* Гносеологическая проблема (к критике критицизма) // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 105. С. 281–308.
493. *Бердяев Н.А.* К спорам о германской философии // Русская мысль. 1915. Кн. 5. С. 115–121.
494. *Бердяев Н.А.* О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75. С. 683–724.
495. *Бердяев Н.А.* Об онтологической гносеологии // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93. С. 413–440.
496. *Бердяев Н.А.* Самопознание: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО–Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. — 624 с. — (Серия «Антология мысли»).
497. *Берлович Е.С.* [Рец.:] Ernst Cassirer, Zur Einsteinischen Relativitätstheorie // Мысль. 1922. Кн. 2. С. 132–134.
498. *Блонский П.П.* Современная философия. Часть 1-я. М.: «Русский книжник», Московское общество народных университетов, 1918 (1919). — 282 с.
499. *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1896 – 1903 / Сост., вступ. статья и комм. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. — 1008 с. — (Социальная мысль России).
500. *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.*: Очерки по истории русской философии / Сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — 592 с.
501. *Василенко Н.П.* Академик Богдан Александрович Кистяковский // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 139–154; № 4. С. 129–139; № 5. С. 135–140.
502. *Викторов Д.В.* Идеи разума в философии Канта // Научное Слово. М. 1903. Кн. III. С. 98–111.
503. *Волинский А.Л.* Критические и догматические элементы в философии Канта // Северный вестник. 1889. № 7. С. 67–87; № 9. С. 61–83; № 10. С. 89–109; № 11. С. 51–72; № 12. С. 55–78. Перепеч.: *Волинский А.Л.* Книга великого гнева. Статьи. Заметки. Полемика. СПб., 1904. С. 243–349.
504. *Грузенберг С.О.* Очерки современной русской философии: опыт характеристики современной тенденции русской философии. СПб.: Изд-е К.Н.Губинского, 1911. — 84 с.
505. *Гурьев Г.* [Рец.:] Минковский Г. Пространство и время. С статьями В. Аина и П. Наторпа о принципе относительности / Пер. И. Яшунского // Новая жизнь. 1912. № 10, октябрь. С. 263–264.

506. *Давыдов И.А.* Исторический материализм и критическая философия. Сб. статей. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1905. — XX, 320 с.
507. *Дживелегов А.К.* Марксизм и критическая философия // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 58. С. 252—281.
508. *Ефремова М.Н.* Воспитательная теория Наторпа // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб. 1903. № 2. С. 161—173; № 3. С. 270—276; № 4. С. 374—388; № 5. С. 407—425; № 6. С. 485—506; № 7. С. 1—15.
509. *Зеньковский В.В., прот.* С.И. Гессен как философ // Новый журнал. Нью-Йорк. 1951. Кн. 25. С. 209—214.
510. *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2-х тт. Ленинград: «ЭГО», 1991.
511. *Зеньковский В.В.* Платон в истолковании П. Наторпа // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 95. С. 588—619.
512. *Иоф В.С.* [Рец.:] Кн. Евгений Трубецкой. Метафизические предположения знания. (Опыт преодоления Канта и кантианства). Москва, 1917 г. // Мысль. Пб. 1922. Кн. 1. С. 167—172.
513. *Козлов А.А.* Сознание Бога и знание о Боге. Воспоминание об онтологическом доказательстве бытия Божия // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 445 — 460; Кн. 30. С. 558—567.
514. *Ланге Н.Н.* Психический мир / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 368 с.
515. *Ленин В.И.* Сочинения. Т. 14. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Изд-е 4-е. М.: Госполитиздат, 1947. — 368 с.
516. *Лопатин Л.М.* Аксиомы философии. Избранные статьи. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. — 560 с.
517. *Лопатин Л.М.* Философские характеристики и речи / Вступ. статья проф. В.В. Зеньковского; Вместо послесл. проф. В.В. Рубцов, А.Д. Червяков. М.: ИЦ «Academia», 1995. — 328 с.
518. *Лосский Н.О.* Введение в философию. Ч. 1. Введение в теорию знания. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. — IV, 275 с.; 2-е изд. Пг.: «Наука и школа», 1918. — 305 с.
519. *Лосский Н.О.* Конкретный и отвлеченный идеал-реализм // Мысль. Пб. 1922. Кн. 1. С. 4—12; 1922. Кн. 2. С. 51—57.
520. *Лосский Н.О.* Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений // Логос. 1912—1913. Кн. 1—2. М. С. 83—98.
521. *Мурзыченко А.Ф.* Современные педагогические течения в Западной Европе и Америке. IV. Индивидуалистическое, социальное и экспериментальное направление в педагогике // Современные педагогические течения. М.: «Польза», 1913. С. 169—172. — (Педагогическая академия в очерках и монографиях (Воспитание в семье и школе). Под общ. ред. А.П. Нечаева).
522. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. Сост. П.В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. — 528 с.
523. *Перцов П.П.* Гносеологические недоразумения (По поводу классификации наук Генриха Риккерта) // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 96. С. 27—72.

524. *Плеханов Г.В.* Сочинения: В 24 тт. Т. 11. Критика наших критиков. М.: Гос. изд., 1925. — 399 с.
525. *Плеханов Г.В.* Сочинения: В 24 тт. Т. 24. История русской общественной мысли в XIX веке. Кн. 2. От 60-х до 90-х гг. М.: Гос. изд., 1927. — VIII, 383 с.
526. *Преображенский В.П.* [Рец.:] Н. Cohen. Kants Begründung der Aesthetik. Berlin 1889. — Lose Blätter aus Kants Nachlass. Mitgeteilt von R. Reicke. I Heft. Königsberg, 1889 // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. 1. С. 95–98.
527. Проблемы идеализма. Сб. статей. Под ред. П.И. Новгородцева. М: Моск. психологическое общ-во, 1902. — 522 с. + X.
528. *Радлов Э.Л.* Новокантианство и новокантианцы // Энциклопедический словарь. Т. XXI. СПб.: Типо-лит. И.А. Ефрона, 1897. С. 281.
529. *Румер И.* Пантеизм и теизм. Философия бесконечного и закон противоречия. (По поводу книги Б. Вышеславцева «Этика Фихте») // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 129. С. 530–544.
530. *Селитренников А.М.* Новая система панлогизма (Paul Natorp. Die logischen Grundlagen der exakten Wissenschaften. Teubner 1910. Leipzig und Berlin) // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 106. С. 94–115.
531. *Слонимский Л.* Воинственная Германия и возврат к Канту // Вестник Европы. 1915. Март. С. 317–322.
532. *Сорокин П.А.* Реферат: П. Наторп. Социальная педагогика // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1911. № 4. С. 100–109.
533. *Спекторский Е.В.* Из области чистой этики // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 78. С. 384–411.
534. *Трубецкой Е.Н.* Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М.: изд-е авт., 1917. — 335 с.
535. *Трубецкой Е.Н.* Панметодизм в этике. (К характеристике учения Когена) // Вопросы философии и психологии. 1909. кн. 97. С. 121–165.
536. *Трубецкой С.Н.* К вопросу о признаках сознания // *Трубецкой С.Н.* Собрание сочинений. Т. II. Философские статьи. М.: Тип-я Г. Лиснера и Д. Собко, 1908. С. 587–598.
537. *Трубецкой С.Н.* Сочинения / Сост., ред. и вступ. ст. П.П. Гайденко; прим. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова. М.: Мысль, 1994. — 816 с. — (Филос. наследие. Т. 120).
538. *Флоренский П.А.* Сочинения: В 4-х тт. М.: Мысль, 1994—. (Философское наследие).
539. *Флоренский П.А.* Отзыв о кандидатском сочинении действительного студента Московской Духовной академии выпускни текущего 1910 г. Рубинского Сергея на тему: «Логика чистого познания и религиозная истина (Панметодизм Когена и его критика)» // Богословский вестник. Сергиев-Посад. 1911. (Год 20-й). Март. Т. 1. С. 370–379.
540. *Франк С.Л.* Введение в философию в сжатом изложении. СПб.: Academia, 1922. — 83 с.; 2-е испр. изд-е. Берлин: «Обелиск», 1922. — 139 с.
541. *Франк С.Л.* Вильгельм Виндельбанд // Русская мысль. 1915. Кн. XI. С. 20–23 («В России и за границей»).

542. Франк С.Л. Борьба за «мировоззрение» в немецкой философии. (*Weltanschauung. Philosophie und Religion in Darstellungen von Dilthey, Groethuysen, Misch, Igel, Spranger, Wiesner, Driesch, Adickes, Schwarz, Keyserling, Natorp, Simmel...* — Berlin, 1910. Reichl u. Co) // Русская мысль. 1911. Кн. IV. С. 34—41 («В России и за границей»).
543. Франк С.Л. Задачи философской психологии // Русская мысль. 1916. Кн. X. С. 23—49.
544. Франк С.Л. Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 33—40.
545. Франк С.Л. Мобилизация мысли в Германии // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 20—27 («В России и за границей»).
546. Франк С.Л. Новокантианская философия мифологии // Путь: орган русской религиозной мысли. Париж. 1926. № 4. С. 190—191. Перепечат.: Путь: орган русской религиозной мысли. Кн. 1 (№ 1—6). М., 1992. С. 533—534.
547. Франк С.Л. О критическом идеализме // Мир божий. 1904. № 12. С. 224—264.
548. Франк С.Л. Предмет знания: Об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию / Сост., вступ. ст., комм. И.И. Евлампиева. СПб.: «Наука», 1995.
549. Франк С.Л. Религиозная философия Когена // Русская мысль. 1915. Кн. XII. С. 29—31 («В России и за границей»).
550. Франк С.Л. Русское мировоззрение / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. СПб.: «Наука», 1996. — 738 с.
551. Хвостов В.М. Науки об общем и науки об индивидуальном // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 340—367.
552. Челпанов Г.И. Введение в философию. 7-е изд-е. (С приложением вопросника и конспективного обзора истории философии). М.—Пг.—Харьков: Изд-е т-ва «В.В. Думнов — наследн. Бр. Салаевых», 1918. — 547 с.
553. Челпанов Г.И. Гельмгольц как философ и психолог // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 10. С. 41—51.
554. Челпанов Г.И. К вопросу о восприятии пространства // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 37. С. 276—287.
555. Челпанов Г.И. О предмете психологии // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93. С. 228—250.
556. Челпанов Г.И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 19. С. 36—54.
557. Челпанов Г.И. О современных философских направлениях. Публичные лекции, читанные в осеннем полугодии 1902 года проф. Г. Челпанова. Издал Густав Шпет. Киев: Типогр. Петра Барского, 1902. — 110 с. (Вместо рукописи).
558. Челпанов Г.И. Об априорных элементах познания. (Понятие числа) // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 59. С. 529—559.
559. Челпанов Г.И. Об отношении психологии к философии // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 89. С. 309—323.
560. Челпанов Г.И. Основные направления в современной теории познания // Мир божий. 1904. № 8. С. 30—46; № 9. С. 1—16.

561. *Челпанов Г.И.* Философия Канта // Мир божий. 1901. № 3. С. 1–24; № 4. С. 165–188; № 5. С. 55–81; № 6. С. 84–108.
562. *Челпанов Г.И.* Эволюционный и критический метод в теории познания // Мир божий. 1902. № 7. С. 1–23; № 8. С. 94–118.
563. *Чернов В.М.* Экономический материализм и критическая философия // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 39. С. 609–644.
564. *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: «Правда», 1989. — 604 с.
565. *Эрн В.Ф.* Сочинения / Сост. Н.В. Котрелева и Е.В. Антоновой; вступ. ст. Ю. Шеррер; прим. В.И. Кейдана и Е.В. Антоновой. М.: «Правда», 1991. — 576 с.
566. *Berdiajew, Nikolai.* Friedrich Albert Lange und die kritische Philosophie in ihren Beziehungen zum Sozialismus // Die Neue Zeit. Wochenschrift der Deutschen Sozialdemokratie. Berlin. 18. Jg. (1899–1900), 2. Bd. Nr. 32. S. 132–140; Nr. 33. S. 164–174; Nr. 34. S. 196–207.
567. *Losskij, Nikolaj.* Das «mythische» und das gegenwärtige wissenschaftliche Denken // Der russische Gedanke. 1930/31. S. 121–135.
568. *Masaryk, Tomáš Garrigue.* Russland und Europa. Studien über die geistigen Strömungen in Russland. Erste Folge. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen. 2. Bd. Jena: Diederichs, 1913. — 534 S.
569. *Plechanow, Geogi W.* Materialismus oder Kantianismus? // Die Neue Zeit. 17. Jg. (1898–1899). Nr. 19. S. 589–596; Nr. 20. S. 626–632.
570. *Tschitscherin, Boris.* Raum und Zeit // Archiv für systematische Philosophie. Berlin. V. Bd., 1899. S. 137–158, 253–285.

Воспоминания и письма

571. *Абрамов С.* Медицинский факультет Московского университета 90-х годов // Московский университет 1755 — 1930. Юбилейный сборник. Париж: «Современные записки», 1930. С. 366–404.
572. *Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. The New Review. Кн. LIII, 1958. С. 172–188; Кн. LIV, 1958. С. 148–163; Кн. LV, 1958. С. 160–175; Кн. LVII, 1959. С. 191–205.
573. *Алексеев Н.Н.* В бурные годы. Глава 7: Бунт и тюрьма; Глава 11: Два года за границей. Рукопись на машинке. (ИНИОН. С 2. Инв. № 7481 — 7482).
574. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и комм. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада; подгот. текста Т.В. Павловой и др. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. — 733 с.
575. *Белый А.* Между двух революций. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 3. М.: Худож. лит., 1990. — 670 с., ил., портр. — (Литературные мемуары).
576. *Белый А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1989. — 543 с., ил., портр. — (Литературные мемуары).
577. *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М.: Худож. лит., 1990. — 687 с., ил., портр. — (Литературные мемуары).
578. *Белый А.* «Ваш рыцарь»: Письма к М.К. Морозовой. 1901–1928 / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова и Джона Малмстада. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. — 292 с.

579. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: «Прогресс», 1996. — 342 с.; илл.
580. *Валентинов Н.* Два года с символистами / Предисл. и примеч. Г. Струве. М.: XXI век — Согласие, 2000. — 384 с. — (Б-ка русской культуры).
581. *Вашер Т.С.* Виденное и пережитое. (В Советской России). Берлин: «Труд», 1923. — 160 с.
582. *Вернадский В.И.* Дневники: 1926 — 1934. М.: Наука, 2001. — 456 с.
583. Взыскующие града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комм. В.И. Кейдана. М.: Языки русской культуры, 1997. — 753 с.
584. *Вильмонт Н.Н.* О Борисе Пастернаке: Воспоминания и мысли. СПб.: Летний сад; М.: Огни, 2006. — 368 с. — (Библиотека русской культуры).
585. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции 1919 — 1969. Париж — Нью Йорк (Воспоминания). Stanford: Hoover Institution Press, 1970. — 480 с. Перепеч.: СПб.: «ФормаТ», 2005. — 480 с.
586. *Волконский С.* Мои воспоминания. Лавры. Странствия. Мюнхен: «Медный всадник», 1923. — 352 с.
587. *Волконский С.* Мои воспоминания. Родина. Мюнхен: «Медный всадник», 1923. — 378 с.
588. Воспоминания об Андрее Белом / Сост. и вступ. ст. В.М. Пискунова; худож. Г.Д. Расторгуев. М.: Республика, 1995. — 591 с.: ил.
589. *Вышеславцев Б.П.* К.А. Коровин. Личность и творчество. Публик. С.С. Бычкова // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1992. М.: Наука, 1993. С. 58—63.
590. *Гарева А.А.* Фигнер философской Москвы // Дидакт. Журнал по проблемам образования и культуры. М. 1997. № 3—4 (17—18). С. 27—31.
591. *Гарева А.А.* «Фигнер философской Москвы». Борис Александрович Фохт (1875—1946) // Судьбы творцов российской науки / Отв. ред. и сост. А.В. Сурин и М.И. Панов. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 279—287.
592. *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. М., 1995. № 1. С. 84—96.
593. *Горнунг Б.В.* Поход времени. Кн. 2: Статьи и эссе. Т. 2. М.: РГГУ, 2001. 193—510 с. — (Библиотека Мандельштамовского общества. Том 2).
594. *Гревс И.* В честь доброго носителя веры, идеи и активной любви (Сборник статей в память кн. С.Н. Трубецкого. «Вопросы философии и психологии», 1906, янв.-февр.) // Русские ведомости. М. 1906. № 180. 15 июля. С. 2—3; № 182. 18 июля. С. 2.
595. *Гуссерль Э.* Избранная философская переписка. М.: «Феноменология — Герменевтика», 2004. — II, 310 с.
596. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. — 720 с. — (Серия «Российские пропилеи»).

597. Давыдов Н.В. Из прошлого. Князь С.Н. Трубецкой // Голос минувшего. 1916. № 12; 1917. № 1. С. 5–34.
598. Данин Д.С. Бремя стыда. Книга без жанра. М.: «Раритет-537», 1997. — 532 с.
599. Две любви, две судьбы: Воспоминания о Блоке и Белом / Вступ. ст. В.В. Нехотина; оформл. серии А.М. Игитханяна. М.: XXI век — Согласие, 2000. — 512 с. — (Б-ка русской культуры).
600. Записи А.Н. Скрябина // Русские пропилеи. Т. 6. Материалы по истории русской мысли и литературы. Сост. и подг. к печати М. Гершензон. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1919. С. 120–229.
601. Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — 416 с.
602. Левин И.Д. Дневники. 1921–1931 // Литературное обозрение. 1996. № 5–6. С. 96–107.
603. Левин И.Д. «Шестой план» // Историко-философский ежегодник' 91. М.: «Наука», 1991. С. 271–306.
604. Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995. С. 235–237.
605. Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994.
606. Маковский С.К. Портреты современников: Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи / Сост., подгот. текста и комм. Е.Г. Домогацкой, Ю.Н. Симоненко; послесл. Е.Г. Домогацкой. М.: «Аграф», 2000. — 768 с.
607. «Наша любовь нужна России...» Переписка Е.Н. Трубецкого и М.К. Морозовой. Вступ. ст., сост., публик. и комм. А. Носова // Новый мир. 1993. № 9. С. 172–229; № 10. С. 174–215.
608. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 1. М.: Захаров, 2005. — 640 с. — (Серия «Биографии и мемуары»).
609. Новиков М.М. Московский университет в первый период большевистского режима // Московский университет. 1755 — 1930 гг. С. 156–192.
610. Осоргин М.А. Времена. Париж: ALON, 1955. — 186 с. Перепеч.: Осоргин М.А. Времена. Автобиографическое повествование. Романы. М.: «Современник», 1989.
611. Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин: «Обелиск», 1928. — 77 с.
612. Поливанов М. Историко-филологический факультет Университета // Двухсотлетие Московского университета. 1755 — 1955. Празднование в Америке. New York, 1956. С. 89–102.
613. Русские в Германии. Беседа с Х.-Г. Гадамером. Публ. и прим. Вл. Малахова // Логос, 1992, № 3 (1). С. 228–232.
614. Скрябин А.Н. Письма / Сост., ред. и примеч. А.В. Кашперова. М.: «Музыка», 2003. — 720 с. — (Отечественная музыкальная культура в письмах и документах).
615. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. Изд-е 2-е, испр. СПб.: Алетейя, 2000. — 651 с.
616. Степун Ф.А. Встречи. М.: «Аграф», 1998. — 256 с.
617. Степун Ф.А. Памяти С.И. Гессена // Новый журнал. Нью-Йорк. 1951. Кн. 25. С. 215–218.

618. *Стратонов В.* Потеря Московским университетом свободы // Московский университет 1755 – 1930. С. 193–242; Перепеч.: На рубежах познания Вселенной / Под ред. А.А. Гурштейна. М.: Физматлит, 1992. С. 410–455. – (Историко-астрономические исследования, XXIII, 1991).
619. *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. – 272 с.
620. *Трубецкой Е.Н.* Воспоминания. София: Российско-болгарское кн-во, 1921. – 195 с.
621. *Трубецкой С.Е.* Минувшее. Москва: Изд-во сов.-фр. совмест. предприятия «ДЭМ», 1991. – 328 с.
622. *Фрейденберг О.М.* Университетские годы // Человек. 1991. № 3. С. 145–156.
623. *Херасков И.М.* Из истории студенческого движения в Московском университете. (Воспоминания участника. 1897 – 1903) // Московский университет 1755 – 1930. С. 431–449.
624. *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 тт. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М.: Согласие, 1997. – 744 с.
625. *Цвейг С.* Вчерашний мир. (Пер. с нем.) Предисл. Д. Затонского; Вступ. статья К. Федина. М.: «Радуга», 1991. – 544 с.
626. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений в семи томах. Том 7: Письма. Сост., подгот. текста и комм. Л. Мнухина. М.: «Эллис Лак», 1995. – 848 с.
627. *Чехов А.П.* Собрание сочинений в 12-и тт. Т. 12: Письма 1893–1904. М.: Художественная литература, 1957. – 610 с.
628. *Чичерин А.В.* О «последних русских философах» и трудах одного из них // Московский журнал. 1992. № 2. С. 28–36.
629. *Чичерин А.В.* Сила поэтического слова. Статьи, воспоминания. М.: «Советский писатель», 1985. – 320 с.
630. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания: Земство и Московская Дума. Предисл. В.И. Невского. М.: Кооперативное издательство «Север», 1934. – 372 с.
631. *Шагинян М.С.* Человек и время. М.: Худ. литература, 1980. С. 538–595.
632. *Шаламов В.Т.* Воспоминания. М.: «Олимп», «Астрель», «АСТ», 2001. – 384 с.
633. *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928) / Подгот. текста, послесл. и прим. Ж. Нива. Париж: «Синтаксис», 1991.
634. *Cassirer, Toni.* Mein Leben mit Ernst Cassirer. Hildesheim: Gerstenberg Verlag, 1981. – 362 s.
635. *Gadamer, Hans-Georg.* Philosophische Lehrjahre. Eine Rückschau. 2. Aufl. Frankfurt a.M.: Klostermann, 1995. – 244 S.
636. *Nicolai Hartmann und Heinz Heimsoeth* im Briefwechsel / Hrsg. von F. Hartmann und R. Heimsoeth. Bonn: Bouvier, 1978. – 326 S.
637. *Tatarkiewicz, Wladislaw.* Erinnerungen eines Philosophen an Marburg // Alma Mater Philippina. Marburger Universitätsbunde E.V. Marburg (Lahn). Sommersemester 1980. S. 24–26; Wintersemester 1980/81. S. 25–27.

Исследования

О русском неокантианстве

638. *Абрамов А.И.* Кантианство в русской университетской философии // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 58–69.
639. *Акиндинова Т.А.* Эстетика неокантианства в Германии и России (сравнительный анализ) // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта (Kant zwischen West und Ost. Zum Gedenken an Immanuel Kants 200. Todestag und 280. Geburtstag): Труды международного семинара и конференции: В 2 ч. / Под ред. В.Н. Брюшинкина. Ч. 1. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 134–141.
640. *Англёните Л.* Феноменология и критический реализм В.Э. Сеземана // Регионализм как культурная альтернатива глобализации: сб. научных статей / Под ред. В. Багдонавичюса. Гродно: ГрГУ, 2005. С. 40–44.
641. *Безродный М.В.* Из истории русского германофильства: издательство «Мусaget» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. Под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. С. 157–198.
642. *Безродный М.В.* Из истории русского неокантианства. (Журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах: I. М.; СПб, 1992. С. 372–407.
643. *Белов В.Н.* 'Новый либерализм' русских неокантианцев // Европейское просвещение и развитие цивилизации в России. Саратов, 2001. С. 12–16.
644. *Белов В.Н.* Русское неокантианство // Известия Саратовского университета. 2003. Т. 3, вып. 2. С. 87–95.
645. *Белов В.Н.* Философия Германа Когена и русское неокантианство // Историко-философский ежегодник' 2003. М.: «Наука», 2004. С. 333–353.
646. *Белов В.Н., Рожков В.П.* История русской философии. Саратов: «Научная книга», 2003. — 287 с. (Глава: «Русское неокантианство». С. 149–168).
647. *Бредихина О.Н.* Ранний период в творчестве С.Л. Рубинштейна // Историко-философский ежегодник' 92. М.: «Наука», 1994. С. 228–230.
648. *Вашестов А.Г.* Жизнь и труды Б.А. Фохта // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1991. С. 223–231.
649. *Водзинский Е.И.* Русское неокантианство конца XIX – начала XX века. Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1966.
650. *Другач Т.Б.* Пастернак в Марбурге // Историко-философский ежегодник' 91. С. 352–355.
651. *Дмитриева Н.А.* Борис Александрович Фохт: к истории русского неокантианства. Монография. М.: «Прометей», 1999. — 108 с.
652. *Дмитриева Н.А.* Борис Александрович Фохт: триумф нетипичности // Философский век. Альманах. Вып. 10. Философия как судьба: Российский философ как социокультурный тип / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. С. 84–94.

653. *Дмитриева Н.А.* Две эпохи российского неокантианства // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 4. С. 81–91.
654. *Дмитриева Н.А.* Московский университет versus неокантианство: Марбургское «просветительство» в России в начале XX века // Философский век. Альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 3 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 125–140.
655. *Дмитриева Н.А.* Из истории неокантианства в России // Eternity's Hostage: Selected Papers from the Stanford International Conference on Boris Pasternak. May, 2004. In Honor of Evgeny Pasternak and Elena Pasternak. Ed. by Lazar Fleishman. Part II. Stanford, 2006. P. 467–547. — (Stanford Slavic Studies, Vol. 31:2).
656. *Дуденков В.Н.* Кант, неокантианство и «русский духовный ренессанс» // «Критика чистого разума» Канта и современность. С. 230–235.
657. *Ермичев А.А.* Приезд Германа Когена в Россию // Ермичев А.А. О философии в России. Исследования, полемика, заметки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. С. 108–115.
658. Кант и философия в России. М.: «Наука», 1994. — 271 с.
659. *Ковальчук С.Н. (Kovaļčuka, Svelana).* «Взыскуп Истину...» Из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли Латвии: Ю.Ф. Самарин, Е.В. Чешихин, К.Ф. Жаков, А.В. Вейдеман. (Середина XIX в. — середина XX в.). Рига: LU FSI, 1998. — 246 с.
660. *Куренной В.А.* Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // «Логос» в истории европейской философии философии: Проект и памятник. Сб. материалов под ред. Н.С. Плотникова. М.: «Территория будущего», 2006. С. 13–72.
661. *Лекторский В.А.* Немецкая философия и российская гуманитарная мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 129–139.
662. *Малинкин А.Н.* Николай Гартман: «забытый философ» // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 648–653.
663. *Мнич Р. (Mnich, Roman).* Рецепция Кассирера в России в свете некоторых особенностей русской философии // Revue des études slaves. Tome SOIXANTE-QUATORZIEME. Fascicule 2-3. Paris. 2002–2003. С. 563–575.
664. *Ненашева С.А.* Трансцендентальный плюрализм Б.В. Яковенко в контексте русского неокантианства начала XX века. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 1998.
665. *Плотников Н.С.* В ожидании русской философии. Заметки по поводу книги Б.В. Яковенко «Мощь философии» (СПб., 2000) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001/2002. Под ред. М.А. Колерова. М.: «Три квадрата», 2002. С. 785–793.
666. *Плотников Н.С.* Предисловие // «Логос» в истории европейской философии философии: Проект и памятник. Сб. материалов под ред. Н.С. Плотникова. С. 7–12.

667. Пуль Б. «Назад к Кагану». Марбургская школа в Невеле и философия М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. № 1. С. 38–48.
668. Санов В.В. Журнал «Логос» — прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 3. С. 267–279.
669. Санов В.В. Рыцарь философии. Штрихи к портрету Б.В. Яковенко // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 8. С. 753–760.
670. Санов В.В. Сергей Гессен — русский философ // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 6. С. 523–535.
671. Botz-Bornstein, Thorsten. Vasily Sesemann. Experience, Formalism, and the Question of Being. Amsterdam — New York: Rodopi, 2006. — XIII, 133 p. — (On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics, Vol. 7).
672. Dmitrieva, Nina A. Kant's Philosophy Through The Prism Of Russian Neo-Kantianism: On the Problem of Self-Identity of Russian Neokantian Schools // Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта (Kant zwischen West und Ost...). Ч. 1. Калининград, 2005. С. 142–151.
673. Evtuhov, Catherine. An Unexpected Source of Russian Neo-Kantianism: Alexander Vvedensky and Lobachevsky's Geometry // Studies in East European Thought, 47. Dordrecht — Boston — London, 1995. P. 245–258.
674. Nemeth, Thomas. Aleksandr I. Vvedenskij on Other Minds // Studies in East European Thought, 47. 1995. P. 155–177.

О рецепции неокантианства в русском символизме

675. Асмус В.Ф. Эстетика русского символизма // Вопросы теории и истории эстетики. Сб. статей. М.: Искусство, 1968. С. 531–609.
676. Безродный М.В. Пиши пропало. СПб: «Чистый лист», 2003. — 126 с.
677. Дмитриева Н.А. «Не говорите мне о Канте!!..» (Андрей Белый, Борис Фохт и марбургское неокантианство) // Философия — Культура — Философия культуры. Сборник статей кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Под ред. Ю.А. Муравьева. М.: Московский социально-гуманитарный институт, 2004. С. 147–153.
678. Кулыос С.К. О «кантианстве» раннего В.Я. Брюсова // Учебный материал по теории литературы: литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. [Сб. ст.]. Таллин: Таллинский ГПИ, 1982. С. 17–19.
679. Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. — 335 с.
680. Лавров А.В. Андрей Белый и Борис Пастернак: Взгляд через «Марбург» // Themes and Variations. In Honor of Lazar Fleishman. Темы и вариации. Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Ed. by K. Polivanov, I. Shevelenko, A. Ustinov. Stanford, 1994. С. 40–55. — (Stanford Slavic Studies. Vol. 8).
681. Русская литература XX века. (1890 — 1910). Под ред. проф. С.А. Венгерова. М.: «Мир», 1916. Т. 3, часть 2 (оконч.). — 184 с.
682. Сиклари А.Д. Неокантизм в мышлении Белого // Andrej Belyj. Pro et Contra. Atti del I Simposio Internazionale Andrej Belyj. Bergamo, 1986. С. 75–85.

683. Флейшман Л.С. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 380–520, 677–683.
684. Boris Pasternak und Deutschland / Hrsg. und bearbeitet von S. Dorzweiler, B. Lauer und K. Linke. Kassel: Brüder Grimm-Museum, 1992. — 96 S.
685. *Deppermann, Maria.* Andrej Belyjs ästhetische Theorie des schöpferischen Bewusstseins. Symbolisierung und Krise der Kultur um die Jahrhundertwende. München: Otto Sagner, 1982. — 256 S.
686. *Deppermann, Maria.* Belyj and Dilthey — Preliminary Notes on an Unknown Relationship // Andrej Belyj. Pro et Contra. Atti del I Simposio Internazionale Andrej Belyj. Bergamo, 1986. P. 61–73.
687. *Dorzweiler, Sergej.* Boris Pasternak und die Marburger Schule // Alma Mater Philippina. Sommersemester 1991. Marburg (Lahn). S. 8–14.
688. *Grossman, Joan Delaney.* Neo-Kantianism, Pantheism, and the Ego. Symbolist Debates in the 1890's // Studies in East European Thought, 47. Dordrecht — Boston — London, 1995. S. 179–193.
689. *S(c)hein, Louis J.* Neo-Kantian Influences in Russian Philosophical Thought // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative and Interdisciplinary Studies. Vol. IV, No. 4 (Fall 1983). P. 191–204.
690. *Stepun, Fedor.* Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus. München: Carl Hanser, 1964. — 442 S.
691. *Zink, Andrea.* Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. München: Otto Sagner, 1998. — 388 S.
692. *West, James.* Art as Cognition in Russian Neo-Kantianism // Studies in East European Thought, 47. Dordrecht — Boston — London, 1995. P. 195–223.
693. *West, James.* Ivanov's Theory of Knowledge: Kant and Neo-Kantianism // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. Ed. by R.L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven: Yale Center for International and Area Studies, 1986. P. 313–325.
694. *West, James.* Russian Symbolism. A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic. London: Methuen, 1970. — 250 S.

О марбургском неокантианстве

695. Автономова Н.С. Неокантианство и структурализм // Из истории философии. Сб. аспирантских статей. Вып. 3. М.: АН СССР, Ин-т философии, 1972. С. 378–399.
696. *Акиндинова Т.А., Бердюгина Л.А.* Новые грани старых иллюзий. Проблема мировоззрения и культуры в буржуазной эстетической и художественной мысли XIX–XX веков. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. — 255 с.
697. *Асмус В.Ф.* Неокантианство // Буржуазная философия кануна и начала империализма. М.: Высшая школа, 1977. С. 59–124.
698. *Бакрадзе К.С.* Очерки по истории новейшей и современной буржуазной философии. Тбилиси: «Сабчота Сакартвело», 1960. С. 210–300.

699. *Белов В.Н.* Неокантианство. Часть I. Возникновение неокантианства. Марбургская школа. Герман Коген. Саратов: Научная книга, 2000. — 172 с.
700. *Белов В.Н.* Неокантианство. Часть II. Пауль Наторп. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. — 108 с.
701. *Белов В.Н.* Система критического идеализма Германа Когена // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 144—150.
702. *Белов В.Н.* [Рец.:] Эрнст Кассирер. Философия символических форм. Пер. с нем. Т. 1—3. М., СПб.: Университетская книга, 2002 // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 177—182.
703. *Бобок А.* Кризис неокантианства и теория познания Э. Кассирера: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. М.: АН СССР, ин-т философии, 1964. — 17 с.
704. *Богомолов А.С.* Немецкая буржуазная философия после 1865 г. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 448 с.
705. *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 528 с.
706. *Горништейн Т.Н.* Философия Николая Гартмана. Критический анализ основных проблем онтологии. Л.: «Наука», Ленингр. отд., 1969. — 279 с.
707. *Григорьян Б.Т.* Неокантианство. Критический очерк. М.: Высшая школа, 1962. — 90 с. — (Материалы к лекциям по философии).
708. *Григорьян Б.Т.* Философия немецкого неокантианства: автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филос. наук. М.: Ин-т философии, 1955. — 16 с.
709. *Грищенко А.М.* Критический анализ теории символической культуры Э.Кассирера: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Минск: 1977. — 21 с.
710. *Грищенко А.М.* Философия культуры Марбургской школы. Минск: Наука и техника, 1984. — 175 с.
711. *Другач Т.Б.* Понятие «вещи в себе» и его переосмысление в философии марбургской школы неокантианства // «Критика чистого разума» Канта и современность. Рига: «Зинатне», 1984. С.245—250.
712. *Дьяченко Е.И.* Концепции мифа в философии и эстетике Э. Кассирера // Вопросы истории и теории эстетики. Вып. 5. М.: МГУ, 1977. С.283—292.
713. *Иванов А.В.* Философская судьба Э. Кассирера // Вестник МГУ Сер. 7, философия. 1990. № 2. С. 48—58.
714. Кант и кантианцы: критические очерки одной философской традиции. Отв. ред. А.С. Богомолов. М.: Наука, 1978. — 456 с.
715. И. Кант, неокантианство и Г. Коген / Под ред. В.Н. Белова. Саратов: Научная книга, 2004. — 219 с.
716. *Китаева Л.А.* Философия религии Германа Когена. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. к. филос. н. Саратов, 2005. — 19 с.
717. *Кравченко А.А.* Гносеологические основы философии культуры Э. Кассирера // Актуальные проблемы исторического материализма. М.: МГУ, 1971. С. 416—432.
718. *Кравченко А.А.* Логика гуманитарных наук Э. Кассирера. Кассирер и Гете. М.: Диалог—МГУ, 1999. — 333, [2] с.

719. *Кравченко А.А.* Неокантианство в эстетике // История эстетической мысли. Становление и развитие эстетики как науки. Т. 5. Буржуазная эстетика XX века. М.: Искусство, 1990. С. 16–24.
720. *Кравченко А.А.* Эволюция неокантианства Марбургской школы: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М.: Ин-т философии, 1971. — 14 с.
721. *Крамме Р.* «Творить новую культуру» — «Логос» 1910 — 1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 122–136.
722. *Коницкий А.* Василий Сеземан // Вильнюс. 1995. № 4 (143). С. 123–130.
723. *Круглов А.Н.* Трансцендентальный метод // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 101–103.
724. *Куренной В.А.* Философия и педагогика Пауля Наторпа // Наторп П. Избранные работы. М., 2006. С. 7–24.
725. *Лисовенко Н.А.* Критика концепции религии Марбургской школы неокантианства: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М.: Ин-т философии, 1971. — 20 с.
726. *Лисовенко Н.А.* Философия религии Марбургской школы неокантианства. Киев: «Наукова думка», 1983. — 96 с.
727. *Мелещенко З.Н.* Неокантианство как философская основа ревизионизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960.
728. *Михайлов Б.В.* Гносеологизм как философская концепция: Э. Кассирер // Историко-философский сборник. Т. 5. М.: МГУ, 1974. С. 85–94.
729. *Михайлов Б.В.* Концепция познания Э. Кассирера // Историко-философский сборник. Т. 4. М.: МГУ, 1972. С. 61–77.
730. *Михайлов Б.В.* Проблема познания в философии Э. Кассирера: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М.: МГУ, 1974. — 22 с.
731. *Михайлов Б.В.* Э. Кассирер и методология науки начала XX века // Вестник МГУ. Сер. 7, философия. 1974. №. 4. С. 52–63.
732. *Муравьев Ю.А.* Animal symbolism и XX век: личность в культурологии Э. Кассирера // Философия, человек, культура: Межвуз. сб. научных трудов. М.: Прометей, 1992. С. 142–150.
733. *Муравьев Ю.А.* Истина. Культура. Идеал. М.: Прометей, 1995. — 194 с.
734. *Павлов В.В.* Ф. Энгельс и Г.В. Плеханов как критики немецкого неокантианства // Методологические проблемы истории общественной мысли. Сб. статей. Л.: «Наука», Ленингр. отд-е, 1971. С. 29–37.
735. *Попов С.И.* Кант и кантианство. М.: Изд-во Московского Университета, 1961. — 168 с.
736. *Савостьянова Э.Р.* Проблема человека в философии неокантианства: автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. М. Горького, 1994. — 18 с.
737. *Свасьян К.А.* Проблема человека в философии Э. Кассирера // Буржуазная философская антропология XX века: сб. ст. АН СССР, ин-т философии; отв. ред. Б.Т. Григорьян. М.: Наука, 1986. С. 227–239.
738. *Свасьян К.А.* Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. — 237 с.
739. *Семенов В.Е.* Становление проблемы понимания в западной философии науки (Кант и кантианство): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М.: МГУ, 1995. — 30 с.

740. *Ситковский Е.* Неокантианство // Из истории философии XIX века. Сб. статей. Под ред. и с предисл. И.К. Луппола. М.: Соцэкгиз, 1933. — 423 с. — (Ин-т красной профессуры философии).
741. *Соболева М.Е.* Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. СПб.: Изд-во С-Петербургского университета, 2001. — 151 с.
742. *Тевзадзе Г.В.* Кантианство и неокантианство // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Калининград, 1978. Вып. 3. С. 96—103; Переиздано: Лучшие публикации «Кантовского сборника». 1975—2001. 2-е изд., доп. / Отв. ред. В.Ю. Курпаков, Л.А. Калининников. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 5—15. — (Серия «Stoa Kantiana»).
743. *Тевзадзе Г.В.* Теория познания немецкого неокантианства: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра филос. наук. Тбилиси, 1963. — 43 с.
744. *Туманова Л.Б.* Естественнонаучное понятие и история культуры (опыт современного анализа идей Э. Кассирера) // Вопросы истории естествознания и техники. М. 1988. № 4. С. 135—147.
745. *Фомин А.С.* Критический анализ историко-философских концепций Э. Кассирера // Методологические проблемы истории общественной мысли. Л.: ЛГУ, 1971. С. 65—77.
746. *Шемякина Е.М.* Миф и символ в философии культуры Эрнста Кассирера. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. к. филос. н. М., 1997. — 20 с.
747. *Adelmann, Dieter.* Einheit des Bewußtseins als Grundproblem der Philosophie Hermann Cohens. Heidelberg, 1968. — 239 S.
748. *Arlt, Gerhard.* Subjektivität und Wissenschaft. Zur Psychologie des Subjekts bei Natorp und Husserl. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1985. — 354 S. — (Studien zur Anthropologie. Bd. 10).
749. *Beck, Lewis White.* Neo-Kantianism // The Encyclopedia of philosophy. Ed. by Paul Edwards. Vol. 5. New York, London, 1967. P. 468—473.
750. *Campo, Mariano.* Paul Natorp // The Encyclopedia of philosophy. Vol. 5. New York, London, 1967. P. 445—448.
751. *Copleston, Frederick.* A History of Philosophy. Vol. VII. Fichte to Nietzsche. Part III. Later Currents of Thought. Chapter XIX. The Neo-Kantian Movement. London, 1965. P. 361—373.
752. *Cramer, Konrad.* «Gegeben» und «Gemacht». Vorüberlegungen zur Funktion des Begriffs «Handlung» in Kants Theorie der Erkenntnis von Objekten // Handlungstheorie und Transzendentalphilosophie. Hrsg. von G. Prauss. Frankfurt a. M., 1986. S. 41—81.
753. *Cramer, Konrad.* Metaphysik im 20. Jahrhundert als Metaphysik nach Hegel // Metaphysik nach Kant? Stuttgarter Hegel-Kongreß 1987. Hrsg. von D. Henrich und R.-P. Horstmann. Stuttgart, 1988. S. 297—322. — (Veröffentlichungen der Internationalen Hegel-Vereinigung, Bd. 17).
754. Der Neukantianismus und das Erbe des deutschen Idealismus: die philosophische Methode / Hrsg. von D. Pätzold und Ch. Krijnen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002. — 198 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 19).
755. *Dietrich, Wendell S.* Cohen and Troeltsch. Ethical Monotheistic Religion and Theory of Culture. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1986. — 100 p.

756. *Dosch, Hans Günter.* Ernst Mach und Ernst Cassirer // Internationale Zeitschrift für Philosophie. Hrsg. von G. Figal und E. Rudolph. Stuttgart. 1992. H. 2. S. 189–204.
757. *Dufour, Éric.* Les Néokantiens. Valeur et vérité. Paris: Librairie philosophique J. VRIN, 2003. — 192 p. — (Bibliothèque des philosophies).
758. *Dufour, Éric.* Hermann Cohen. Introduction au néokantisme de Marbourg. Paris: Presses Universitaires de France, 2001. — 128 p.
759. *Düring, Eugen.* Natürliche Dialektik. Neue logische Grundlegungen der Wissenschaft und Philosophie. Berlin, 1865. — 227 S.
760. *Ebbinghaus, Julius.* Hermann Cohen // The Encyclopedia of philosophy. Ed. By P. Edwards. Bd. II. New York, London, 1967. P. 125–128.
761. *Edel, Geert.* „Es gibt hier keinen definitiven Abschluß“: Cohens System – ein Torso oder wohlbegründet offen? // Systemphilosophie als Selbsterkenntnis. Hegel und der Neukantianismus / Hrsg. von H.F. Fulda und Ch. Krijnen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006. S. 51–65.
762. *Edel, Geert.* Von der Vernunftkritik zur Erkenntnislogik: die Entwicklung der theoretischen Philosophie Hermann Cohens. Freiburg (Breisgau); München: Alber, 1988. — 546 S.
763. *Edel, Geert.* Kantianismus oder Platonismus? Hypothesis als Grundbegriff der Philosophie Cohens // Il cannocchiale, rivista di studi filosofici, n. 1–2, gennaio-agosto 1991. Napoli. S. 59–88.
764. Ethik oder Ästhetik? Zur Aktualität der neukantianischen Kulturphilosophie. Hrsg. von P.-U. Menz-Benz, U. Renz. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2004. — 290 S.
765. *Ferrari, Massimo.* Ernst Cassirer. Dalla scuola di Marburgo alla filosofia della cultura. Firenze: Leo S. Olschki, 1996. — 343 pp. Перев. на нем.: *Ferrari, Massimo.* Ernst Cassirer. Stationen einer philosophischen Biographie. Von der Marburger Schule zur Kulturphilosophie / Übersetzt von Marion Lauschke. Hamburg: Meiner, 2003. — XVI, 366 S. — (Cassirer-Forschungen; 11).
766. *Ferrari, Massimo.* Il giovane Cassirer e la scuola di Marburgo. Milano: Franco Angeli, 1988. — 311 p.
767. *Ferrari, Massimo.* Paul Natorp – ‘The Missing Link’ in der Davoser Debatte // Cassirer – Heidegger: 70 Jahre Davoser Disputation. Hrsg. von Dominic Kaegi und Enno Rudolph. Hamburg: Meiner, 2002. — S. 215–233. — (Cassirer-Forschungen; 9).
768. *Fiorato, Pierfrancesco.* Geschichtliche Ewigkeit: Ursprung und Zeitlichkeit in der Philosophie Hermann Cohens. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1993. — 191 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 2).
769. *Fisher, Simon.* Revelatory Positivism? Barth’s Earliest Theology and the Marburg School. Oxford University Press, 1988. P. 1–68.
770. *Flach, Werner.* Einleitung zu Hermann Cohen: Das Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte. Ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntniskritik, 1883/1968. Frankfurt, 1968.
771. *Friedman, Michael.* A Parting of Ways: Carnap, Cassirer, and Heidegger. Chicago–LaSalle: Open Court Publishing Co., 2000. — 192 p.

772. *Gadamer, Hans-Georg*. Die philosophische Bedeutung Paul Natorps // Kant-Studien, Vol. 46 (1954/55) S. 129–134; *Natorp, P.* Philosophische Systematik. S. XI–XVII.
773. *Giesecke, Peter*. Kant und der Sozialismus. Studien zum Marburger Neukantianismus, philosophischen Kritizismus und kritischen Rationalismus. Inaugural-Dissertation. München, 1990. — 482 S.
774. *Günther, Henning*. Philosophie des Fortschritts. Hermann Cohens Rechtfertigung der bürgerlichen Gesellschaft. Mit einem Vorwort von Prof. Dr. G. Rohrmoser. München: Goldmann, 1972. — 128 s.
775. *Hake, Ann-Kathrin*. Vernunftreligion und historische Glaubenslehre: Immanuel Kant und Hermann Cohen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003. — 199 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 21).
776. *Heinz, Marion*. Die Fichte-Rezeption in der südwestdeutschen Schule des Neukantianismus // Fichte-Studien. Bd. 13. 1997. S. 109–129.
777. *Hermann Cohen* / Helmut Holzhey (Hrsg.). Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1994. — 362 S. — (Auslegungen. Bd. 4).
778. Hermann Cohen's Critical Idealism. Ed. by Reiner Munk. Dordrecht: Springer, 2005. — 434 p. — (Amsterdam Studies in Jewish Thought. Vol. 10).
779. Hermann Cohen und die Erkenntnistheorie / hrsg. von W. Marx und E.W. Orth. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2001. — 163 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 18)
780. *Hinsch, Michaela*. Die kunstästhetische Perspektive in Ernst Cassirers Kulturphilosophie. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2001. — 292 S.
781. *Holzhey, Helmut*. Cohen und Natorp. 2 Bd. Bd. 1: Ursprung und Einheit. Die Geschichte der «Marburger Schule» als Auseinandersetzung um die Logik des Denkens; Bd. 2: Der Marburger Neukantianismus in Quellen. Basel / Stuttgart: Schwabe & Co. AG, 1986. — 420+536 S.
782. *Holzhey, Helmut*. Hegel im Neu-Kantianismus. Maskerade und Diskurs // il cannocchiale, n. 1–2, gennaio-agosto 1991. S. 9–28.
783. *Holzhey, Helmut*. Neukantianismus // Geschichte der Philosophie. Hrsg. von W. Rödl. Bd. XII: Holzhey, H., Rödl, W. Die Philosophie des ausgehenden 19. und des 20. Jahrhunderts (2). München: Beck, 2004. S. 13–129.
784. *Jegelka, Norbert*. Paul Natorp: Philosophie, Pädagogik, Politik. Würzburg: Königshausen und Neumann, 1992. — 388 S. — (Epistemata: Reihe Philosophie; Bd. 109).
785. *Jegelka, Norbert*. Paul Natorps Sozialidealismus // Ethischer Sozialismus. Zur politische Philosophie des Neukantianismus. Hrsg. von Helmut Holzhey. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1994. S. 185–222.
786. *Kim, Alan*. Original Fracture: Plato in the Philosophies of Paul Natorp and Martin Heidegger. Dissertation. Montreal, 2001.
787. *Kluback, William*. The Idea of Humanity: Hermann Cohen's Legacy of philosophy and theology. Lanham—New York—London: University Press of America, 1987. — 314 p.
788. *Kluback, William*. A Philosophy of Courage: Hugo Bergman and Herman Cohen // il cannocchiale, n. 1–2, gennaio-agosto 1991. S. 401–418.
789. *Köhnke, Klaus Christian*. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus: die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und

- Positivismus. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986. – 624 S. Перев. на англ.: *Köhnke, Klaus Christian*. The Rise of Neokantianism. German Academic Philosophy between Idealism and Positivism. Transl. by R.J. Hollingdale. Foreword by L.W. Beck. Cambridge – N.Y. etc., 1991.
790. *Krebs, Inge*. Paul Natorps Ästhetik. Eine systemtheoretische Untersuchung. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1976. – XII, 327 s.
791. *Krijnen, Christian*. Der Wahrheitsbegriff im Neukantianismus // Die Geschichte den philosophischen Begriffs der Wahrheit. Hrsg. von M. Enders und J. Szaif. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 2006. S. 287–300.
792. *Krijnen, Christian*. Neukantianismus. Lesehinweise // Information Philosophie. 32. Jahrgang, H. 1. März 2004. S. 48–52.
793. *Krois, John Michael*. Cassirer: Symbolic Forms and History. New Haven: Yale University Press, 1987. – XIII, 262 p.
794. *Laks, André*. Platon entre Cohen et Natorp: Aspects de l'interprétation néokantienne des idées platoniciennes // Cahiers de philosophie politique et juridique: L'Ecole de Marbourg. Presses Universitaires de Caen. 1994. Nr. 26. Перев. на англ.: *Laks, André*. Plato between Cohen and Natorp: Aspects of Neo-Kantian Interpretation of the Platonic Ideas. Transl. by A. Kim // *Natorp, P.* Plato's Theory of Ideas. Sankt Augustin, 2004.
795. *Lehmann, Hugo*. Die Wende zur Kulturpsychologie. Wundt. Natorp // Archiv für Philosophie. II. Abteilung. Archiv für systematische Philosophie. Neue Folge der Philosophischen Monatshefte. XXV. Bd. 1. u. 2. H. Berlin, 1920. S. 17–21.
796. *Lembeck, Karl-Heinz*. Platon in Marburg: Platon-Rezeption und Philosophiegeschichtsphilosophie bei Cohen und Natorp. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1994. – XI, 441 S. – (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 3).
797. *Lilge, Frederic*. The Abuse of Learning. The Failure of the German University. New York: Macmillan Company, 1948. – VI, 184 p.
798. *Lipton, David R.* Ernst Cassirer: The Dilemma of a Liberal Intellectual in Germany, 1914 – 1933. Toronto: University of Toronto Press, 1978. – XIII, 212 p.
799. *Löns, Helmut*. Transzendentalpsychologie und „Metaphysik“ der Kultur: eine Untersuchung zur theoretischen Philosophie Paul Natorps. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1994. – 178 S. – (Europäische Hochschulschriften: Reihe 20, Philosophie; Bd. 429).
800. *Lübbe, Hermann*. Politische Philosophie in Deutschland. Studien zu ihrer Geschichte. Basel / Stuttgart: Verlag Schwabe & Co, 1963. – 242 s.
801. *Luft, Sebastian*. A Hermeneutic Phenomenology of Subjective and Objective Spirit: Natorp, Husserl and Cassirer // The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Vol. IV. (2004). P. 209–248.
802. *Luft, Sebastian*. Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms Between Reason and Relativism. A Critical Appraisal // Idealistic Studies. 2004. 34/1. P. 25–47.
803. Materialien zur Neukantianismus-Diskussion / Hrsg. von H.-L. Ollig. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1987. – 470 S. – (Wege der Forschung; Bd. 637).

804. *Mückenhausen, Gabriele*. Wissenschaftstheorie und Kulturprogressismus: Studien zur Philosophie Paul Natorps. Bonn: Bouvier, 1986. — XI, 131 S.
805. *Navon, E.* Plato versus Aristotle: Herman Cohen's Interpretation of Maimonides // *Il cannocchiale*, n. 1–2, gennaio-agosto 1991. S. 29–44.
806. Neukantianismus: Perspektiven und Probleme / E.W. Orth; H. Holzhey (Hrsg.). Würzburg: Königshausen & Neumann, 1994. — 528 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; Bd. 1).
807. Der Neukantianismus und das Erbe des deutschen Idealismus: die philosophische Methode / Hrsg. D. Pätzold und Ch. Krijnen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002. — 197 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 19).
808. *Ollig, Hans-Ludwig*. Der Neukantianismus. Stuttgart: Metzler, 1979. — IX, 175 S.
809. *Orth, Ernst Wolfgang*. Die anthropologische Wende im Neukantianismus. Ernst Cassirer und Richard Högnswald // *Il cannocchiale*, n. 1–2, gennaio-agosto 1991. S. 261–288.
810. *Orth, Ernst Wolfgang*. Von der Erkenntnistheorie zur Kulturphilosophie: Studien zu Ernst Cassirers Philosophie der symbolischen Formen. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1996. — VIII, 326 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 8).
811. *Paetzold, Heinz*. Ernst Cassirer: Von Marburg nach New York: Eine philosophische Biografie. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1995. — 240 S.
812. *Pascher, Manfred*. Einführung in den Neukantianismus: Kontext — Grundpositionen — praktische Philosophie. München: Fink, 1997. — 186 S.
813. *Paulson, Stanley L.* Der fin de siècle Neukantianismus und die deutschsprachige Rechtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Einleitung // Neukantianismus und Rechtsphilosophie. Hrsg. von R. Alexy, L.H. Meyer, S.L. Paulson, G. Sprenger. Baden-Baden: Nomos, 2002. S. 11–22.
814. *Perry, Ralph Barton*. Philosophy of the Recent Past. An Outline of European and American Philosophy since 1860. New York: Scribner, 1926. — VIII, 230 p.
815. *Philonenko, Alexis*. L'école de Marbourg: Cohen, Natorp, Cassirer. Paris; Librairie philosophique J. Vrin, 1989. — 208 p.
816. The Philosophy of Ernst Cassirer. Edited by P.A. Schilpp. Evanston, Illinois: the Library of living philosophers, inc., 1949. — 936 p.
817. Philosophisches Denken — Politisches Wirken. Hermann-Cohen-Kolloquium Marburg 1992. Hrsg. von R. Brandt und F. Orlik. Hildesheim—Zürich—New York: Georg Olms, 1993. — 269 S. — (Philosophische Texte und Studien. Bd. 35).
818. *Poma, Andrea*. Yearning for Form and Other Essays on Hermann Cohen's Thought. Dordrecht: Springer, 2006. — 388 p. — (Studies in German Idealism. Vol. 5).
819. *Renz, Ursula*. Die Rationalität der Kultur: zur Kulturphilosophie und ihrer transzendentalen Begründung bei Cohen, Natorp und Cassirer. Hamburg: Meiner, 2002. — VII, 321 S. — (Cassirer-Forschungen; Bd. 8).
820. *Renz, Ursula*. Neukantianismus und Aufklärung. Zur Revision des Vernunftbegriffes in der Kulturphilosophie von Hermann Cohen und

- Ernst Cassirer // Aufklärungsprozesse seit dem 18. Jahrhundert. Hrsg. von H. Reinalter. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006. S. 145–164.
821. *Rintelen, Fritz-Joachim von.* Contemporary German philosophy and its background. With a Foreword by H.W. Schneider. Bonn: Bouvier, 1970. — 177 p.
822. *Ritzel, Wolfgang.* Philosophie und Pädagogik im 20. Jahrhundert. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. — 310 S.
823. *Rosenzweig, Franz.* Einleitung // Hermann Cohens jüdische Schriften. 1. Bd. Ethische und religiöse Grundfragen. Berlin: C.A.Schwetschke & Sohn, 1924. S. XIII–LXIV.
824. *Rotenstreich, N.* From Consciousness of Culture to Symbolic Forms // Il cannocchiale, n. 1–2, gennaio-agosto 1991. S. 247–260.
825. *Saltzman, Judy Deane.* Paul Natorp's Philosophy of Religion within the Marburg Neokantian Tradition. With a Preface by Walter H. Capps. Hildesheim—New York: Georg Olms Verlag, 1981. — 252 p.
826. *Schnädelbach, Herbert.* Philosophie in Deutschland. 1831–1933. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1983. — 338 S.
827. *Schmid, Peter A.* Ethik als Hermeneutik: Systematische Untersuchungen zu Hermann Cohens Rechts- und Tugendlehre. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1995. — 324 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 5).
828. *Schmid, Peter A.* Der Übergang von theoretischer zur praktischen Philosophie bei Natorp // Neukantianismus und Rechtsphilosophie. Baden-Baden, 2002. S. 483–498.
829. *Schmidt, Winrich de.* Psychologie und Transzendentalphilosophie: zur Psychologie-Rezeption bei Hermann Cohen und Paul Natorp. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1976. — 190 S.
830. *Servois, Julien.* Paul Natorp et la théorie platonicienne des Idées. Lille: Les Presses Universitaires du Septentrion, 2004. — 224 p. — („Opuscules φ“, 16).
831. *Sieg, Ulrich.* Aufstieg und Niedergang des Marburger Neukantianismus: die Geschichte einer philosophischen Schulgemeinschaft. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1994. — 580 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 4).
832. Sinn, Geltung, Wert: Neukantianische Motive in der modernen Kulturphilosophie / Hrsg. von Christian Krijnen und Ernst Wolfgang Orth. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1998. — 249 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus; 12).
833. *Staudinger, Franz.* Cohens Logik der reinen Erkenntnis und die Logik der Wahrnehmung // Kant-Studien, № 8, 1903. S. 1–29.
834. *Stolzenberg, Jürgen.* Fichte im Neukantianismus. Probleme der Fichte-Rezeption bei Wilhelm Windelband, Heinrich Rickert, Hermann Cohen und Paul Natorp // Neukantianismus und Rechtsphilosophie. Baden-Baden, 2002. S. 421–434.
835. *Stolzenberg, Jürgen.* Hermeneutik und Letztbegründung. Hans-Georg Gadamer und der späte Paul Natorp // Kunst, Hermeneutik, Philosophie. Das Denken Hans-Georg Gadamers im Zusammenhang des 20. Jahrhunderts. Akten des Internationalen Symposiums Budapest, 19.–22. Oktober 2000. Hrsg. von I.M. Fehér. Heidelberg: Winter, 2003. S. 63–74.

836. *Stolzenberg, Jürgen.* L'ultimo Natorp. Fondazione ultima e teoria della soggettività // Neokantismo e fenomenologia. Logica, psicologia, cultura e teoria della conoscenza. Atti del convegno internazionale L'Aquila, 29-31 marzo 2001; a cura di Stefano Besoli, Massimo Ferrari e Luca Guidetti, Quodlibet edizioni. Macerata, 2002. P. 173–186.
837. *Stolzenberg, Jürgen.* Paul Natorp // Deutsche biographische Enzyklopädie (DBE). Hrsg. von Walther Killy und Rudolf Vierhaus. Bd. 7. München: K.G. Saur, 1998. S. 344–345.
838. *Stolzenberg, Jürgen.* Selbsterkenntnis und Systemphilosophie. Hegel und der späte Paul Natorp // Systemphilosophie als Selbsterkenntnis. Hegel und der Neukantianismus. Würzburg, 2006. S. 95–111.
839. *Stolzenberg, Jürgen.* Ursprung und System. Probleme der Begründung systematischer Philosophie im Werk Herman Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1995. – 324 S.
840. *Stolzenberg, Jürgen.* Der Weg zum Selbst. Paul Natorp und der frühe Martin Heidegger // Expressis verbis. Philosophische Betrachtungen. Festschrift für Günter Schenk zum 65. Geburtstag. Hrsg. von M. Kaufmann u. A. Krause. Halle, 2003. S. 283–316.
841. Studien zur Philosophie Richard Höningswalds / Hrsg. von E.W. Orth. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1996. – VIII, 247 S.
842. *Thomas-Fogiel, Isabelle.* Référence et autoréférence. Étude sur le thème de la mort de la philosophie dans la pensée contemporaine. Paris: J. Vrin, 2005. – 336 p. – (Analyse et philosophie).
843. *Wagner, Hans.* Philosophie und Reflexion. 3., unveränd. Aufl. München-Basel: Reinhardt, 1980. – 422 S.
844. *Weck, Eugen.* Der Erkenntnisbegriff bei Paul Natorp. Inaugural-Dissertation. Ohligs, 1914. – 72 S.
845. *Wetz, Franz-Josef.* Die Ueberwindung des Marburger Neukantianismus in der Spätphilosophie Natorps // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1993. Nr. 47 (1). S. 75–92.
846. *Wiehl, Reiner.* Reflexion und Korrelation als Methodenbegriffe in den Systemphilosophien Hegels und Cohens // Systemphilosophie als Selbsterkenntnis. Hegel und der Neukantianismus. Würzburg, 2006. S. 67–93.
847. *Winter, Eggert.* Ethik und Rechtswissenschaft. Eine historisch-systematische Untersuchung zur Ethik-Konzeption des Marburger Neukantianismus im Werke Hermann Cohens. Berlin: Duncker & Humblot, 1980. – 474 S. – (Schriften zur Rechtstheorie; 92).
848. *Willey, Thomas E.* Back to Kant: The Revival of Kantianism in German Social and Historical Thought, 1860 – 1914. – Detroit: Wayne State University Press, 1978. – 224 p.
849. *Wind, Edgar.* Contemporary German philosophy // The journal of philosophy. XXII, 1923. P. 477 – 493.
850. *Wolzogen, Christoph von.* Die autonome Relation: zum Problem der Beziehung im Spätwerk Paul Natorps; ein Beitrag zur Geschichte der Theorien der Relation. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1984. 182 S.

851. *Wolzogen, Christoph von.* Natorp—Heidegger—Levinas: Zur Entwicklung des Begriffsfeldes „Es gibt“ // *Il cannocchiale*, n. 1—2, gennaio-agosto 1991. S. 169—194.
852. *Wuchterl, Kurt.* Bausteine zu einer Geschichte der Philosophie des 20. Jahrhunderts: von Husserl zu Heidegger: eine Auswahl. Bern—Stuttgart—Wien: Haupt, 1995. — 504 S.
853. *Zank, Michael.* The Idea of Atonement in the Philosophy of Hermann Cohen. With an Appendix of Manuscripts from the National and University Library, Givat Ram, Jerusalem and Nachlaß Natorp Ms. 831 (Hessisches Staatsarchiv, Marburg). Providence, Rhode Island: Scholars Press, 2000. — 533 p. — (Brown Judaic Studies; no. 324).

Другая привлеченная литература

854. 100 этюдов о Канте / Общ. ред., сост., предисл., перевод В.В. Васильева. М.: КДУ, 2005. — 272 с.
855. *Автономова Н.С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М.: «Наука», 1988. — 286 с.
856. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В., Ярошевский М.Г.* Сергей Леонидович Рубинштейн: лидер теоретической психологии // Выдающиеся психологи Москвы. Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Ярошевского. М.: ПИ РАО, МОПК, 1997. С. 321—332.
857. Александр Николаевич Скрябин. 1915—1940. Сборник к 25-летию со дня смерти / Под ред. С.А. Маркуса. М. — Л.: Государственное музыкальное издательство, 1940. — 247 с.
858. *Алексеев П.В.* Философы России XIX — XX столетий: Биографии, идеи, труды. 4-е изд-е, перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2002. — 1152 с.
859. *Аристотель.* Аналитики первая и вторая. Пер. с греч. Л.: Госполитиздат, 1952. — 440 с.
860. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Том 1. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. — 318 с.
861. *Ахутин А.В.* София и черт. (Кант перед лицом русской религиозной метифизики // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 51—69.
862. *Бажанов В.А.* Прерванный полет. История «университетской» философии и логики в России. М.: Изд-во МГУ, 1995. — 109 с.
863. *Баранец Н.Г.* О вере, репутациях и авторитетах в философии // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 54—57.
864. *Батищев Г.С.* Философская концепция человека и креативности в наследии С.Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 96—109.
865. *Белов В.Н.* Русская религиозная философия и Кант: компаративистский анализ гносеологического аспекта // Русская философия. Новые исследования и материалы (Проблемы методологии и методики) / Под. ред. А.Ф. Замалева. СПб.: Летний сад, С.-Петербургское философское о-во, 2001. С. 260—269.

866. *Бирюков Б.В.* Трудные времена философии: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2006. — 244 с.
867. *Блок А., Белый А.*: Диалог поэтов о России и революции / Сост., вступ. ст., коммент. М.Ф. Пьяных. М.: Высшая школа, 1990. — 687 с. — (Б-ка студента-словесника).
868. *Болдырев А.Н.* Осадная Запись (Блокадный дневник) / Подгот. к печати В.С. Гарбузова, И.М. Стеблин-Каменский; Предисл. И.М. Стеблина-Каменского. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, Европейский Дом, Европейский ун-т в С.-Петербурге, 1998. — 365 с., [2] с. — (Дневники и воспоминания петербургских ученых).
869. *Боричевский И.А.* Введение в философию науки (наука и метафизика). Пб.: Гос. издат., 1922. — 115 с.
870. В раздумьях о России (XIX век) / Отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Археологический центр, 1996. — 444 с.
871. *Ванчугов В.В.* Женщины в философии (из истории философии в России XIX — нач. XX вв.). М.: РИЦ «Пилигрим», 1996. — 304 с.
872. *Васильев В.В.* История философской психологии. Западная Европа — XVIII век. Калининград: ГП «КГТ», 2003. — 560 с. — (Сер. «Stoa Kantiana», вып. 6).
873. *Васильев В.В.* Подвалы кантовской метафизики: (Дедукция категорий). М.: «Наследие», 1998. — 160 с.
874. *Веселовский А.Н.* Избранное: Историческая поэтика / Сост., вступ. ст. и комм. И.О. Шайтанова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 688 с. — (Серия «Российские Пропилеи»).
875. Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. М.: «Новое время», «Горизонт», 1990. — 218 с.
876. *Виндельбанд В.* Избранное: Дух и история. Пер. с нем. М.: Юрист, 1995. — (Лики культуры). — 687 с.
877. *Волков В.А., Куликова М.В.* Российская профессура глазами жандармов и чекистов // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. Кн. Первая / Под общей ред. акад. Е.П. Челышева и проф. Д.М. Шаховского. М.: «Наследие», 1994. С. 292–300.
878. *Волинский А.Л.* Книга великого гнева. Статьи. Заметки. Полемика. СПб.: Изд-е т-ва «Труд», 1904. — 524 с.
879. *Востриков А.В.* Борьба Ленина против неокантианской ревизии марксизма в России. М.: Госполитиздат, 1949. — 236 с.
880. *Вульх И.П.* Павел Христофорович Кананов // Советская библиография. 1983. № 3. С. 68–69.
881. *Вышегородцева О.В.* Лесные тропы гуманитаристики: Обоснование знания в гуманитарных науках. М: Изд-во МГСУ, 1999. — 64 с.
882. *Гадамер Х.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: «Искусство», 1991. — 367 с. — (Серия «История эстетики в памятниках и документах»).
883. *Гадамер Х.-Г.* Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества / Пер. с нем. А.В. Лаврухина. Минск: «Пропилеи», 2005. — 239 с.
884. *Гайденко П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 472 с.

885. *Гайденко П.П.* Об античных традициях в немецком идеализме. (Обоснование геометрии у Платона, Прокла и Канта) // Традиции в истории культуры. М., 1978. С. 148–162.
886. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. — 495 с. — (Философия на пороге нового тысячелетия).
887. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Часть 3 (т. 3). Философия духа / Перев. Б.А. Фохта. М.: АН СССР, 1956.
888. *Геллер М.Я., Некрич А.М.* «Утопия у власти». История Советского Союза с 1917 года до наших дней. В 3-х кн. Книга первая: Социализм в одной стране. М.: «МИК», 1995. — 504 с.
889. *Голлербах Е.А.* Идеология путейства. Московское религиозно-философское издательство «Путь» и его политическая философия // «Вече». Альманах русской философии и культуры. СПб. 1997. № 9. С. 17–70.
890. *Голлербах Е.А.* К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910 — 1919) в поисках новой русской идентичности / Под общ. ред. М.А. Колерова. СПб.: Алетейя, 2000. — 560 с. — (Исследования по истории русской мысли).
891. *Голосовкер Я.Э.* Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд-во АН СССР, 1963.
892. *Горький М.* Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. — 400 с.
893. *Гранин Д.* Собрание сочинений в 5 тт. Л.: Худож. лит. Ленингр. отделение, 1989. Т. 3. Повести и рассказы. — 653 с.
894. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советской Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. — 479 с.
895. *Дильтей В.* Собрание сочинений: В 6 т. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. под ред. В.А. Куренного. М.: «Три квадрата», 2004. — 419 с.
896. *Другач Т.Б.* Проблема бытия в немецкой философии и современность. М.: ИФ РАН, 2002. — 222 с.
897. *Дмитриева Н.А.* «Летучий голландец» российской интеллигенции (очерки истории «философского парохода») // Скепсис. Научно-просветительский журнал. М. 2005. № 3/4. С. 79–102.
898. *Дунаев А.Г.* Лосев и ГАХН // Лосев А.Ф. и культура XX века.: Лосевские чтения. М.: Наука, 1991. С. 197–219.
899. *Егоров В.К.* Многоликая Россия: XX век. Философско-историческое исследование. М.: «Воскресенье», 1998. — 440 с.
900. *Жданов А.А.* Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 24 июня 1947 г. — М.: Госполитиздат, Образцовая тип., 1947. — 47 с.
901. Жизнь в ленинской России (А. Изгоев, А. Рапопорт, Д. Лутохин, Е. Постникова) / Сост. и предисл. М. Геллера. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1991. — 193 p.
902. За партийность в философии и естествознании // Естествознание и марксизм. М. 1930. № 2–3. С. I–XVI.

903. *Зандер Л. О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах* // Мосты. 1963. № 10. С. 318–340.
904. *Иванова И.И. Роль общественных организаций философов в обеспечении их влияния на общество* // Вызовы современности и ответственность философа: Материалы «Круглого стола», посвященного всемирному Дню философии. Кыргызско-Российский Славянский университет / Под общ. ред. И.И. Ивановой. Бишкек, 2003. С. 32–38.
905. *Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории.* Изд-е 2-е, доп. М.: Политиздат, 1984. — 320 с.
906. *История диалектики. Немецкая классическая философия* / Под ред. А.С. Богомолова и др. М.: Мысль, 1978. — 366 с.
907. *Калинников Л.А. Кант в русской философской культуре: Монография.* Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — 311 с.
908. *Каменский З.А. Методология историко-философского исследования.* М.: ИФ РАН, 2002. — 372 с.
909. *Кант И. Сочинения 1747–1777: В 2-х томах.* Под общ. ред. Б.Ю. Сливкера, пер. Б.А. Фохта. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1940.
910. *Кант И. Сочинения: В 6 тт.* М.: Мысль, 1973 – 1979.
911. *Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ).* М.: РОССПЭН, 2001. — 704 с.
912. *Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма.* М.: Т-во Типо-Литографии И.М. Машистова, 1914. — 100 с.
913. *Клюс Э. Ницше в России. Революция морального сознания* / Пер. с англ. Л.В. Харченко. СПб.: Академический проект, 1999. — 240 с. — (Серия «Современная западная русистика», т. 23.)
914. *Клинг О.А. Эволюция и «латентное» существование символизма после Октября* // Вопросы литературы. М. 1999. № 4. С. 37–64.
915. *Кожин В.В. Немецкая классическая эстетика и русская литература* // Традиции в истории культуры. С. 191 – 197.
916. *Козлов И.И. Взор ума: Визуальное мышление глазами философа.* М.: «Горизонт», 2001. — 84 с.
917. *Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921 – 1938): исторический очерк* // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112.
918. *Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.).* СПб: «Дмитрий Буланин», 1999. — 274 с.
919. *Павел Васильевич Копнин* / АН УССР; Сост. Л.Т. Иваненко; Авт. вступ. ст. П.Ф. Йолон, Б.А. Парахонский, М.В. Попович; Отв. ред. П.Ф. Йолон. Киев: Наук. Думка, 1988. — 68 с.: порт. — (Био-библиография ученых Укр. ССР).
920. *Костиков В.В. «Не будем проклинать изгнание...» (Пути и судьбы русской эмиграции).* М.: «Международные отношения», 1990. — 462 с.
921. *Косулина Л.Г., Ляшенко Л.М. История России. Часть II. Расцвет и закат Российской империи (XIX – начало XX вв.).* М.: «Знание», 1994. — 240 с.
922. *Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций.* М.: РОССПЭН, 1998. — 264 с.

923. *Круглов А.Н.* Природа трансцендентального метода. Автореферат дисс. на соискание учен. ст. канд. филос. н. М., 1999. — 27 с.
924. *Круглов А.Н.* Трансцендентализм в философии. М.: НИПКЦ «Восход-А», 2000. — 384 с.
925. *Куренной В.А.* К вопросу о возникновении феноменологического движения // Логос. 1999. № 11/12 (21). С. 156–182.
926. *Куренной В.А.* Интерпретация ‘Логических исследований’ в работе Л. Салагова «О понятии значимого в современной логике» // Антология феноменологической философии в России. Т. 1. М.: Логос, 1997. С. 239–243.
927. *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. — 496 с. — (История философии в памятниках).
928. Ленин В.И. и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). М.: Издательство политической литературы, 1987. — 642 с.
929. *Лисичкин Г.* Миф и реальность // Новый мир. 1998. № 11. С. 160–187.
930. *Логинов В.Т.* В.И. Ленин о «Вехах» и современная идеологическая борьба // Интеллигенция и революция. XX век. (Сборник статей). М.: «Наука», 1985. С. 283–298.
931. *Лосев А.Ф.* и культура XX века.: Лосевские чтения. М.: Наука, 1991. — 221 с.
932. *Лосский Н.О.* Обоснование интуитивизма: Пропедевтическая теория знания. 2-е изд. с 2-мя доп. ст. СПб., 1908. — X, 372 с.
933. *Лосский Н.О.* Обоснование мистического эмпиризма // Вопросы философии и психологии. 1904. № 74 (4). С. 315–396; № 75 (5). С. 451–507.
934. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, изд. группа «Прогресс», 1992. — 272 с.
935. *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классическая и современная буржуазная философия // Вопросы философии. М. 1970. № 12. С. 23–38; 1971. № 4. С. 59–73.
936. Материалы IV конференции памяти М.Б. Туrowsкого (В.Ж. Келле, Ф.Т. Михайлов, С.В. Туrowsкая, В.П. Визгин, А.Ю. Шеманов) // От философии жизни к философии культуры: Сборник статей / Под ред. В.П. Визгина. СПб.: Алетейя, 2001. С. 365–389.
937. *Махлин В.Л.* Михаил Бахтин: философия поступка. М.: «Знание», 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия и жизнь»; б).
938. *Махлин В.Л.* Я и Другой: к истории диалогического принципа в философии XX в. М.: Лабиринт, 1997. — 254 с.
939. *Мотрошилова Н.В.* Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 477 с.
940. *Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей: Историко-философские очерки и портреты. М.: Политиздат, 1991. — 464 с.
941. *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. М.: Институт государства и права РАН, 1994. — 352 с.
942. *Огурцов А.* Подавление философии // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 353–374.

943. Огюст Конт: Взгляд из России / Под ред. К.Х. Делокарова, Б.М. Шахматова. М.: Изд-во РАГС, 2000. — 367 с.
944. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Издательство «Весь мир», 1997. — 700 с.
945. Осип Манделштам и Гейдельбергский университет. Публикация Т. Бейера // Минувшее. Исторический альманах. 5. М., 1991. С. 222–227.
946. Павел Христофорович Кананов [Некролог] // Советская музыка. 1967. № 7. С. 159.
947. Павел Христофорович Кананов [Некролог] // Музыкальная жизнь. 1967. № 14. С. 24.
948. *Павлов А.Т.* Философия в Московском университете в послереволюционные годы. 1917 – 1941 // Философские науки. 2003. № 9. С. 100–117.
949. *Пайман А.* История русского символизма / Авторизованный пер. Пер. с англ. В.В. Исакович. М.: Республика, 2000. — 415 с.
950. *Панфилов О., Панфилова Н.* Мистический дух переходных эпох // Ступени. Философский журнал. СПб. 1992. № 2 (5). С. 42–57.
951. *Пассмор Дж.* Сто лет философии: Пер. с англ. М.: «Прогресс-Традиция», 1998. — 496 с.
952. *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Биография. М.: «Цитадель», 1997. — 728 с., ил.
953. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташевой. СПб.: Журнал «Нева», 2000. — 416 с.
954. *Плеханов Г.В.* Искусство и литература / Вступ. ст. М. Розенталя, редакция и комм. Н.Ф. Бельчикова. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во худ. лит., 1948.
955. *Плотников Н.С.* Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. — 232 с.
956. *Плотников Н., Колеров М.* Русский образ Германии: социал-либеральный аспект // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. М.: ОГИ, 1999. С. 65–156.
957. *Поливанов К.М.* Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения [текст]. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. — 272 с.
958. Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии: [Сборник] / Отв. ред. К.А. Абульханова-Славская и др. М.: Ин-т психологии АН СССР, 1989. — 211 с.
959. *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: РХГИ, 2003. — 919 с.
960. *Пыпин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). С предисл. и примеч. В.В. Водовозова. СПб: Книгоизд-во «Колос», 1913. — 190 с.
961. *Реале А., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 278 – 285.
962. *Риккерт Г.* Философия жизни: Пер. с нем. Киев: Ника-Центр, 1998. — 512 с. — (Серия «Познание»; вып. 6).

963. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. Пер. с англ., 2-е изд-е, испр. М.: ОГИ, 2000. — 152 с. (= Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 4).
964. Россия и Германия: Опыт философского диалога. М.: «Медиум», 1993. — 352 с.
965. Русские философы (конец XIX — середина XX века): Антология. Вып. 2 / Сост. С.Б. Неволин, Л.Г. Филонова. М.: Изд-во «Кн. Палата», 1994. — 424 с.
966. Семенов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX — начала XX века // Философия и общество. М. 1997. № 4. С. 113—137.
967. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради», 2003. — 776 с.
968. Словарь художественных терминов. Г.А.Х.Н. 1923—1929 гг. / Под ред. и с послесл. И.М. Чубарова. М.: Логос-Альтера, Ессе Ното, 2005. — 504 с.
969. Соболева М.Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005. — 412 с.
970. Соловьев В.С. Собрание сочинений: В 8 тт. + Т. 9: Дополнительный. СПб.: «Общественная польза», 1901 — 1903, 1907.
971. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 тт.: приложение к ж-лу «Вопросы философии» / Вступ. статья В.Ф. Асмуса. М.: «Правда», 1989.
972. Струве Г.П. Русская литература в изгнании / Глеб Струве. — 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. — 448 с.
973. Тахо-Годи А.А. Лосев. М.: Молодая гвардия; Студенческий меридиан, 1997. — 459[5] с., ил. — (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 742).
974. Томпакова О.М. В стране альпийских лугов. А.Н.Скрябин в Швейцарии. С.-Петербург: «КМБХ», 2003. — 58 с. — (Серия «А.Н.Скрябин и мировая художественная культура»).
975. Философия в Санкт-Петербурге (1703—2003). Справочно-энциклопедическое издание. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. — 400 с.
976. Философия в СССР: версии и реалии. (Материалы дискуссии) // Вопросы философии. М. 1997. №11. С. 3 — 38.
977. Философия Канта и современность. Под общ. ред. Т.И.Ойзермана. М.: «Мысль», 1974. — 469 с. (АН СССР. Ин-т философии).
978. Философия Канта и современный идеализм / Ред. И.С. Андреева, Б.Т. Григорьян. М.: Наука, 1987. — 387 с.
979. Философия Фихте в России / Ред.-сост. В.Ф. Пустарнаков. СПб.: РХГИ, 2000. — 368 с.
980. Философское содержание русских журналов начала XX в. Статьи, заметки и рецензии в литературно-общественных и философских изданиях 1901—1922 гг. Библиографический указатель / Отв. ред. А.А. Ермичев. СПб.: РХГИ, 2001.

981. Флейшман Л.С. Борис Пастернак в двадцатые годы. СПб.: Академический проект, 2003. — 464 с. — (Современная западная русистика, т. 43).
982. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Репринт. переизд. 1983 г. Париж: YMCA-Пресс; — Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. — 599 с.
983. Фридендер Г.М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб.: Наука, 1995. — 524 с.
984. Фролов И.Т. Генетика и диалектика. М.: Наука, 1968. — 360 с.
985. Хайзе В. В плену иллюзий. Критика буржуазной философии в Германии / Пер. с нем. Б.В. Богданова, Н.В. Мотрошиловой и Е.А. Сафоновой. Ред. и послесл. проф. А.С. Богомолова. М.: «Прогресс», 1968. — 672 с.
986. Хмельницкая Т.Ю. Литературное рождение Андрея Белого // Блоковский сборник. Вып.: VI. А. Блок и его окружение. Тарту, 1985. С. 66–84.
987. Чичерин Б.Н. (*Русский патриот*). Россия накануне двадцатого столетия. 3-е изд-е. Берлин: Изд-е Гуго Штейниц, 1901. — 160 с.
988. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. → 1917–1922 гг.: Пер. с англ. М.: «Весь Мир», 1997. — 560 с.
989. Шириняни А.А., Шириняни С.А. Российская интеллигенция на рубеже веков: заметки о политической культуре. М.: Изд-во МГУ, 1997. — 160 с.
990. Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Крёбера, Г. Штейнера. М.: «Наука», 1977. — 524 с. — (Науковедение: проблемы и исследования).
991. Шоптеряну В. Философско-эстетическая мысль и русская литература. Часть I. Философская мысль и проза русских символистов «старшего поколения». Бухарест: Изд-во Бухарестского университета, 1994 (1995). — 236 с.
992. Шпет в Геттингене. Публ., предисл. и комм. И. Чубарова // Логос. 1992. №3 (1). С. 243 — 263.
993. Щедрина Т.Г. Письма Густава Шпета // Персонология русской философии. Материалы IV Всероссийской научной заочной конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. С. 291–296.
994. Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 416 с.
995. Щетинина Г.И. Идеальная жизнь русской интеллигенции: конец XIX — начало XX века. М.: Наука, 1995.
996. Эллис (*Кобылинский Л.Л.*). Русские символисты: К. Бальмонт, В. Брюсов, А. Белый. М.: «Мусaget», 1910. — 339 с. Переизд.: Томск: «Водолей», 1996. — 288 с.
997. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. М., 1961. С. 273–317.
998. Эренбург И. На тонущем корабле. Статьи и фельетоны 1917 — 1919 гг. СПб.: Петербургский писатель, 2000. — 208 с.
999. Arendt, Hannah. Rahel Varnhagen: The Life of a Jewess / Transl. by Richard and Clara Winston. London: Leo Baeck Institute, 1957. — 222 p.

1000. *Bakhurst, David*. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — XI, 292 p.; Cambridge: Pippin, 2003. — 304 p. — (London Mathematical Society Lecture Note Series; 96).
1001. *Becher und die Insel*. Briefe und Dichtungen 1916–1954. Hrsg. von Rolf Harder und Ilse Siebert. Leipzig: Insel-Verlag, 1981. — 478 S.
1002. *Becher, Johannes R.* Briefe. 1909–1958 / Hrsg. von R. Harder unter Mitarbeit von S. Wolf und B. Zessin. Berlin–Weimar: Aufbau-Verlag, 1993. — 678 S.
1003. *Briefe an Johannes R. Becher*. 1910–1958 / Hrsg. von R. Harder unter Mitarbeit von S. Wolf und B. Zessin. Berlin–Weimar: Aufbau-Verlag, 1993. — 740 S.
1004. *Brazill, William J.* The Young Hegelians. New Haven: Yale University Press, 1970. — X, 305 p.
1005. *Bücherverzeichnis der Bibliothek Paul Natorp*. Seizyo-Gakuen. Tokio, 1938.
1006. *Kabanov, Annette*. Ol'ga Michajlovna Frejdenberg (1890–1950). Eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. — 417 S. — (Opera Slavica. Neue Folge hrsg. von Reinhard Lauer; 41).
1007. *Chronik der königlich preussischen Universität Marburg für das Rechnungsjahr 1907*. XXI. Jahrgang. Marburg: J.A. Koch, 1907.
1008. *Chronik der Königlich Preussischen Universität Marburg für das Rechnungsjahr 1908*. XXII. Jahrgang. Marburg: J.A. Koch, 1908.
1009. *Dahlmann, Dittmar*. Bildung, Wissenschaft und Revolution. Die russische Intelligencija im Deutschen Reich um die Jahrhundertwende // Intellektuelle im Deutschen Kaiserreich. Hrsg. von G. Hübinger und W.J. Mommsen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1993. S. 141–235.
1010. *Deppermann, Maria*. Rußland um 1900: Reichtum und Krise einer Epoche im Umbruch // Musik-Konzepte. Die Reihe über Komponisten. Hrsg. von Heinz-Klaus Metzger und Rainer Riehn. H. 37/38. Skrjabin und die Skrjabinisten II. Juli 1984. S. 61–106.
1011. *Die Dozenten der bernischen Hochschule*. Ergänzungsband zu Hochschulgeschichte Berns 1528–1984. Bern, 1984.
1012. *Einstein in Ascona*. Mit Otto Buek gegen den Krieg. Mitteilungen aus dem Monte Verita Archiv Freudenstein. Hrsg. von H. Müller. Jg. XII. 1997. Folge 25. — 14 S.
1013. *Encyclopaedia Judaica: das Judentum in Geschichte und Gegenwart* / Hrsg. von Jakob Klatzkin. Bd. 1–10. Berlin: Eschkol, 1928–1934.
1014. *Es begann vor hundert Jahren*. Die erste Frauen an der Universität Marburg und die Studentinnenvereinigungen bis zur «Gleichschaltung» im Jahre 1934. Ausstellung und Katalog: Margret Lemberg. Marburg, 1997. — X, 133 S.
1015. *Ethos*. Vierteljahresschrift für Soziologie, Geschichts- und Kulturphilosophie. 1. und 2. Jahrgang (1925–1927). In 2 Bände. Karlsruhe: Braun, 1925–1927. — IV, 557 S. + IV, 485 S.
1016. *Goerdts, Wilhelm*. Russische Philosophie. Bd. 1: Zugänge und Durchblicke. Freiburg i. Br.; München: Alber, 1984. — 768 S.

1017. *Habermas, Jürgen*. Der philosophische Diskurs der Moderne. Zwölf Vorlesungen. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1988. — 450 S.
1018. *Hall, G. Stanley*. Founders of Modern Psychology. New York — London: D. Appleton & Co, 1912. — VII, 471 p.
1019. *Hammer, Darrell P.* USSR: The Politics of Oligarchy. Hinsdale (Ill.): Dryden Press, 1974. — XII, 452 p., ill.
1020. *Hanke, Edith*. Prophet des Unmodernen Leo N. Tolstoi als Kulturkritiker in der deutschen Diskussion der Jahrhundertwende. Tübingen: Max Niemeyer, 1993. — VII, 274 S. — (Studien und Texte zur Sozialgeschichte der Literatur; 38).
1021. *Hermann, Armin*. Einstein. Der Weltweise und sein Jahrhundert. Eine Biographie. München — Zürich: Piper, 1994. — 636 S.
1022. *Jesus, Paulo de*. Kant's Homo Educandus: Enlightenment as Educational Project // Философский век. Альманах. Вып. 30. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 3 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 112–124.
1023. *Kline, George L.* Five Paradoxes in Losev's Life and Work // Russian Studies in Philosophy. Vol. 44, no. 1 (summer 2005). P. 13–32.
1024. Kurt Wildhagen, 1871–1949: Der Weise von Heidelberg / Hrsg. für das Kurpfälzische Museum Heidelberg von Roland Krischke und Frieder Hepp; Mit einem Vorw. von Frieder Hepp. Heidelberg, 1997. — 240 S.
1025. *Liebert, Arthur*. Das Problem der Geltung. Berlin: Reuther & Reichard, 1914. — VI, 262 S. — (Kantstudien Ergänzungsheft 32).
1026. *Lotze, Hermann*. Briefe und Dokumente Hrsg. von E.W. Orth. Zusammengestellt, eingeleitet und kommentiert von R. Pester. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2003. — 828 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus Bd. 20).
1027. *Marías (Aguilera), Julián*. José Ortega y Gasset. Circumstance and vocation. Transl. by Frances M. Lopez-Morillas. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 1970. — 13, 479 S.
1028. *Mosse, George L.* Germans and Jews. The Right, the Left, and the Search for a «Third Force» in Pri-Nazi Germany. London: Orbach & Chambers, 1971. — 7/ 260 p.
1029. *Otten, Karl*. Wurzeln. Roman. Neuwied a. Rh.: Luchterhand, 1963. — 287 S.
1030. *Pester, Reinhardt*. Hermann Lotze. Wege seines Denkens und Forschens. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1997. — 408 S. — (Studien und Materialien zum Neukantianismus Bd. 11).
1031. *Pfemfert, Franz*. Ich setze diese Zeitschrift wider diese Zeit: sozialpolitische und literaturkritische Aufsätze / Hrsg. von Wolfgang Haug. Darmstadt — Neuwied: Luchterhand, 1985. — (Sammlung Luchterhand; 559).
1032. *Rickert, Henrich*. Alois Riehl // Logos. 1924/25. Nr. 13. S. 162–185.
1033. Russisches Denken im europäischen Dialog / Maria Deppermann (Hrsg.). Innsbruck; Wien: Studien-Verl., 1998. — XXIX, 329 S.
1034. *Scherrer, Jutta*. Die Peterburger religiös–philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). Berlin, 1973. — 474 S. — (Osteuropa-Institut an

der Freien Universität Berlin. Historische Veröffentlichungen. Hrsg. von M. Bernath und W. Philipp. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 19).

1035. *Schulze, Johann*. Erläuterungen zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Im Gewande der Gegenwart hrsg. von Rob. C. Hafferberg. Jena – Leipzig, [1897]. <Erläuterungen über des Herrn Professor Kant Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1791>. – 254 S.
1036. *Schleiermacher, Friedrich*. Über die Religion. Reden an die Gebildeten unter ihren Verächtern. Mit einer Einleitung herausgegeben von Andreas Arndt. Hamburg: Meiner, 2004. – XXXI, 176 S. – (Philosophische Bibliothek; Bd. 563).
1037. *Stange, Carl*. Der Gedankengang der «Kritik der reinen Vernunft». Ein Leitfaden für die Lektüre. 3. Aufl. Leipzig: Dieterich, 1907. – 46 s.
1038. *Steila, Daniela*. Scienza e rivoluzione. La recezione dell'empirio-criticismo nella cultura russa (1877–1910). Firenze: Le Lettere, 1996. – 530 p.
1039. Thesaurus philosophicus linguae Hebraicae et veteris et recentioris / Hrsg. von Jakob Klatzkin. [Repr. der Ausg. Leipzig, 1928–1933]. New York: Feldheim, 1968; Hildesheim [u. a.]: Olms, 2004.
1040. *Treitschke, Heinrich von*. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. T. 5: Bis zur März-Revolution. 5. Aufl. Leipzig: Hirzel, 1908. – VIII, 774 S.
1041. *Vaihinger, Hans*. Die Philosophie des Als Ob. System der theoretischen, praktischen und religioesen Fiktionen der Menschheit auf Grund eines idealisyrischen Positivismus. Mit einem Anhang über Kant und Nietzsche. Berlin: Reither & Reichard, 1911. – 804 S.
1042. *Vucinich, Alexander*. Science in Russian Culture, 1861–1919. Stanford, (Cal.): Stanford Univ. press, 1970. – XV, 575 p.
1043. *Vucinich, Alexander*. Social Thought in tsarist Russia: The quest for a general science of society, 1861–1917. Chicago – London: Univ. of Chicago press, 1976. – IX, 294 p.
1044. *Windelband, Wilhelm*. Die Erneuerung des Hegelianismus. Festrede in der Sitzung der Gesamtakademie am 25. April 1910. Heidelberg, 1910. – 15 S. – (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 10. Abhandlung).
1045. *Ziegler, Theobald*. Die geistigen und sozialen Strömungen des neunzehnten Jahrhunderts. 14. Aufl. Berlin: Georg Bondi, 1899. – VII, 714 S.
1046. Zu Kants Gedächtnis. Zwölf Festgaben zu seinem 100-Jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F.A. Schmid, E. v. Aster. Hrsg. von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit 4 Beilagen. Berlin: Reuther & Reichard, 1904. – 350 S.

- Абрамов А.И. 14, 15, 108, 134, 140, 367
 Абрамов С. 288, 289
 Абульханова-Славская К.А. 181
 Августин Блаженный 399
 Авенариус Р. 138, 154, 185, 210, 211, 221, 222
 Аверинцев С.С. 386
 Аверюшкин А.Н. 8
 Адамсон Р. 255, 408, 409, 421, 422
 Адикес Э. 411, 412
 Айналов Д.В. 174
 Айхенвальд Ю.И. 336, 341, 342
 Акиндинова Т.А. 13, 77, 386, 387
 Аксельрод Л.И. (Ортодокс) 121
 Александр II 33
 Александров Г.Ф. 309
 Алексеев Н.Н. 15, 59, 60, 147, 148, 155–157, 193–195, 197, 200, 201, 204, 212, 225, 235–237, 260, 261, 267, 268, 270, 274, 275, 283, 294–297
 Алексеев П.В. 127
 Альтенбург М. 163, 253
 Андерсон Г.-Х. 146
 Андреас-Саломе Лу 280
 Андреев К.А. 289
 Андреев Л.Н. 285
 Андреев Ф.А. 288
 Андреева И.С. 339
 Анисимов А.И. 296–298
 Аносова О.А. 399
 Антокольский П.Г. 340
 Антонова Е.В. 228
 Анучин Д.Н. 318, 319
 Апель М. 310
 Апельт Е.Ф. 423
 Арендт Х. 347, 348
 Аристотель 80, 89, 160, 175, 176, 182, 187, 209, 250, 252, 300, 312–314, 334, 338, 398, 399, 401, 415, 424
 Арльт Г. 104
 Арндт А. 83
 Арнольдт Э. 57, 402, 406, 415, 417
 Аронсон Е.Я. см.:
 Фохт Е.Я.
 Аскольдов С. (Алексеев С.А.) 116, 129, 242, 244–246
 Асмус В.Ф. 42, 43, 54, 312, 313, 348
 Ауффарт А. 398, 400
 Афиногенов Д.Е. 113
 Ах Н. 285
 Ахмезер А.С. 30
 Ахматова А.А. 146
 Ашукин Н.С. 335, 341
 Ашунг М. 408
 Баадер Ф.К. фон 236
 Базанкур Ш. де 288
 Байрхоффер К.Т. 53
 Бакрадзе К.С. 42, 54
 Бальмонт К.Д. 336
 Баранович Н. 169
 Баратынский Е.И. 340
 Барлович Е.С. 166
 Барт Г. 39
 Барт К. 77
 Барт Т. 409
 Баух Б. 97, 182, 259, 414, 416, 422
 Бауэр Б. 25, 119
 Бах И.-С. 78
 Бахтин М.М. 386–388
 Бачинский А. 250
 Бебель А. 286
 Безродный М.В. 14, 15, 232, 362
 Бейер Т. 155
 Бейль П. 184
 Белинский В.Г. 285
 Белкин А.С. 300
 Белов В.Н. 8, 13–15, 42, 50, 54, 63, 66, 80, 85, 97–99, 104, 114, 117, 131, 134, 135, 153, 157, 261
 Белоус В.Г. 390
 Белый А. (Бугаев Б.Н.) 133, 136, 151, 152, 176, 177, 208, 210–212, 229, 230, 232–234, 255, 262, 274, 301–304, 330, 332–334, 344–356, 358–369, 377, 378, 382, 386, 422
 Бельчиков Н.Ф. 381
 Беляев В.А. 169, 170
 Бенеке Ф.Э. 39, 42, 65
 Бенш О. 409, 412
 Беньямин В. 12
 Бенюх П.С. 288, 309
 Бергсон А. 195, 252, 372
 Бердников А.И. 254, 255, 302, 400–402, 406, 412, 415, 421
 Бердюгина Л.А. 77, 387
 Бердяев Н.А. 5, 34, 107, 112, 123, 126, 127, 157, 201, 220–225, 227–229, 231, 232, 234, 235, 241, 260, 272, 274, 275, 355
 Беркли Дж. 300
 Бернштейн Э. 30, 123, 203, 220, 286
 Бесоли С. 105

- Бетховен Л. ван 78, 308
 Бехер Й.Р. 286
 Бёме Я. 236
 Бёрингер А. 253
 Бирюков Б.В. 176
 Блаватская Е.П. 371, 378, 379
 Блок А.А. 133, 147, 208, 211, 212, 331–333
 Блонский П.П. 71, 321, 427, 428
 Блох Э. 281
 Бобров А.А. 289
 Богданов А. 261
 Богуславский М.В. 182
 Бодлер Ш. 329
 Болдырев А.Н. 178
 Болдырев Д.В. 177, 260
 Болдырев Н.В. 168, 170, 177, 178, 209, 260, 268, 388, 389
 Бониц Г. 398, 399, 421
 Боричевский Е.И. 202, 254, 255, 401, 412, 414, 421, 424, 426, 430
 Борнхаузен К. 80, 81
 Бочаров С.Г. 386
 Бошковиц Р.И. 161
 Брамс И. 29, 78
 Брандис Х.А. 410, 411
 Брандт Р. 40
 Братенши А.М. 421, 422
 Браун В. (Эльверт) 394, 395, 398, 400, 402, 408, 411
 Брауне Т.-В. 155
 Бредихина О.Н. 14, 181
 Брупбахер Ф. 281
 Брушлинский А.В. 181
 Брюсов В.Я. 302, 332–345, 347, 348, 355–357, 359, 382
 Брюшкин В.Н. 386
 Бубнов Н.Н. 152, 153, 158
 Бук М. (урожд. Вестфален) 279
 Бук О.П. 105, 151, 160–162, 196, 279–288
 Бук П. 279
 Булгаков С.Н. 123, 126, 159, 220, 232, 234–237, 355
 Бутру Э. 195
 Бухенау А. 163, 285
 Бэкон Ф. 35
 Бэлза И.Ф. 372
 Бюхнер Л. 27, 28, 43
 Вагнер Рихард 29, 78, 260, 331
 Вагнер Рудольф 29
 Вайо А. дель 287
 Вайсе Х.Г. 42–44
 Валентинов Н. 345, 346
 Валицкий А. 14
 Ванновский П.С. 289, 295, 296
 Ванчугов В.В. 184
 Варнгаген Р. 347, 348
 Василенко Н.П. 151
 Васильев А.В. 130, 338
 Вацек М. 287
 Введенский А.И. 14, 107, 108, 113, 119, 120, 130–135, 138, 139–141, 152, 167, 208, 243, 272, 340, 371, 397, 399
 Введенский Н.Е. 34
 Вебер М. 151, 155, 156, 283
 Вейдеман (Вейдеманн) А.В. 15, 170, 171, 178, 209, 260, 385, 390, 416, 417
 Веймер Х. 393, 394
 Вейссе К. 110
 Веревкина М. фон 281
 Верлен П. 359
 Вернадский В.И. 34, 290, 311
 Вернадский Г.В. 190
 Веронезе Дж. 163
 Вец Ф.-И. 13, 105
 Вёльфлин Г. 384
 Видебах Х. 13
 Викторов Д.В. 130, 252, 254, 293, 305, 306, 308, 336–338, 340, 341, 351
 Вильмовиц-Мёллендорф, У. фон 175, 179
 Виль Р. 12
 Вильдхаген К. 159, 160, 285
 Вильманн О. 393, 394
 Вильмар А. 53
 Вильям-Вильмонт Н.Н. 188, 189, 307
 Виндельбанд В. 29, 40, 44, 58, 59, 62, 123, 136, 146, 148, 150–158, 192, 195, 206, 212, 221, 261, 265, 268, 285, 355, 358, 361, 364, 373, 374, 397, 399, 422
 Виноградов Н.Д. 130, 306
 Виноградов П.Г. 289, 298
 Винтер Э. 74
 Виппер Р.Ю. 290, 316
 Вишняк М.В. 165–167
 Владиславлев М.И. 119
 Власов А.К. 316
 Воден А. 233
 Водзинский Е.И. 134
 Войтак В. 169, 183, 184 см. также Салаго-ва В.
 Воландт Г. 61
 Волгин В.П. 384
 Вольдер Б. де 184
 Вольфинг см. Мет-нер Э.К.
 Вольцоген К. фон 13, 104
 Волинский А.Л. 111, 112, 334, 335
 Воскресенская Е.Г. см. Гордон Е.Г.
 Воскресенский Г.Л. 319
 Вулых И.П. 178, 179
 Вульферт А.А. 288, 298, 304, 313
 Вундт В. 121, 137, 191, 261, 285, 338, 371, 404, 407
 Вухтерль К. 12

- Вусинич А. 150
 Вырубова Г.И. 34
 Вышеславцев Б.П. 15,
 60, 147, 183, 192–197,
 212, 213, 233, 242, 243,
 248, 249, 268, 272
 Вышинский А.Я. 323
- Габрилович Л.Е. (Га-
 лич Л.) 97, 116–118,
 161, 162, 242, 243, 251,
 257, 268, 355–358
 Гавронская (Фонда-
 минская) А.О. 152
 Гавронский Д.О.
 162–167, 187, 190, 196
 Гадамер Х.-Г. 13, 97,
 105, 153, 165, 383, 384
 Гайденок П.П. 13, 71,
 92, 97, 112, 113, 117
 Гайм Р. 119
 Галилей Г. 79
 Гамба Э. 12, 13
 Гарбузов В.С. 178
 Гарева А.А. 7, 173,
 176, 253, 255–256,
 267, 290–292, 300,
 301, 305–310, 313,
 314, 396, 431
 Гартенштейн Г. 397,
 399
 Гартман Е. (урожд.
 Хакманн) 167
 Гартман К.А. 167
 Гартман Н.А. 60, 93,
 164, 165, 167, 168, 170,
 172–176, 180, 182, 183,
 187, 188, 195, 196, 242,
 246, 253, 258, 267, 268,
 285, 319, 322, 389, 396,
 398, 400, 401, 404, 409–
 411, 413, 415–421, 424,
 426
 Гартман Ф. 93, 420
 Гартман Э. фон 58
 Гарэтто Э. 302
 Гасилов В.Б. 265
 Гаттерман(н) Л. 151
 Гауптман(н) Г. 285
 Гвидетти Л. 105
 Гегель Г.В.Ф. 12, 24,
 27, 38, 40, 42, 50, 53,
 54, 59, 62, 74, 104, 107,
 112, 154, 155, 180, 181,
 198, 199, 201, 206, 216,
 222, 223, 239, 242, 245,
 250, 251, 268, 300,
 309–312, 360, 364,
 372, 374, 390
 Гейзенберг В. 29
 Гейне Г. 119, 370
 Гейнике Н.А. 296, 297
 Гейнце (Хайнце) М.
 26, 119
 Геккель Э. 27
 Гельмгольц Г. фон 26,
 28, 39, 42, 55, 58, 65,
 110, 119, 367
 Гераклит 99, 104, 180
 Гербарт И.Ф. 65
 Гергель Р.Е. 155, 157,
 159
 Геринг Э. 136
 Герлах А.И. 401–403,
 415, 422, 423
 Германн А. 286
 Германн В. 80, 81,
 195, 420, 422
 Герре П. 105, 284
 Герц Г.Р. 423
 Герцен А.И. 285
 Гершензон М. 232, 370
 Герье В.И. 289, 290,
 316
 Гессе Г. 281
 Гессен С.И. (С.О.) 14,
 15, 152, 153, 158, 182,
 183, 208, 229,
 232–234, 244, 246,
 252, 259, 260, 268, 269,
 389, 390
 Гефтер А.-В. 153
 Гёльдер А. 255, 305,
 310, 311, 421, 422
 Гельдерлин Ф. 189
 Гёрдт В. 37
 Гёрланд А. 46, 163,
 182, 185, 190, 195, 263,
 285
 Гёте И.Г. 39, 44, 260,
 362, 386
 Гёффдинг Г. 254
 Гизеке П. 43, 74
 Гильдебранд А. 186
- Гиндин С.И. 337, 338,
 342
 Гинцбург М.А. 185
 Гликсон М.Х. 168, 170
 Гловински М. 271
 Глокнер Г. 39, 312
 Гнесины 322
 Гобза И.О. 423, 424
 Гоббс Т. 200
 Гоголь Н.В. 285
 Гоготишвили Л.А. 386
 Голлербах Е.А. 38, 228
 Голованенко С.А. 306
 Голосовкер Я.Э. 107
 Горбунков М.П. 169,
 186, 267
 Гордин Я.И. 390
 Гордина Р. 390
 Гордон В.О. 402
 Гордон Г.Г. 315, 319,
 322, 324, 326, 393–431
 Гордон Г.О. 7, 137,
 168, 170, 171, 173, 174,
 183, 187, 188, 202,
 209–212, 232, 233,
 254, 256, 259, 262, 267,
 268, 302, 314–326, 385
 Гордон Е.Г. (урожд.
 Воскресенская) 316,
 319, 322, 326,
 Гордон Е.Г., Лика
 (урожд. Гордон) 319
 Гордон М.О. 402 см.
 также: Цирес М.И.
 Гордон О.А. 315
 Горнунг Б.В. 274, 385
 Горнштейн Т.Н. 168
 Горький М. (Пеш-
 ков А.М.) 291, 331
 Гоц А.Р. 152, 162
 Гоц М.Р. 162
 Гранд С. 408
 Гранин Д. 291
 Гревс И.М. 167
 Гречишкин С.С. 344,
 348
 Grimm Э.Д. 167
 Громбах А.А. 86, 257,
 258, 413
 Гросс О. 282
 Грот Н.Я. 35, 293, 294,
 300, 337

- Грузенберг С.О. 107,
134, 184, 262
Грушка А.А. 316
Грэзер Г. 281
Грэзер К. 281
Гулыга А.В. 339
Гурлянд А.С. 203, 204
Гурова И.Г. (урожд.
Гордон) 7, 315, 316,
319, 320, 322, 323, 325,
326, 426
Гуссерль Э. 13, 39,
104, 105, 154, 156, 242,
243, 249, 251, 261, 361,
364, 389
Гучкова Н.К. 304
- Давыдов И.А.
123—126, 259
Давыдов Н.В. 176,
209, 290, 291, 300
Давыдова Л.С. 119
Дальманн Д. 150, 151,
154, 158
Данилова Л.А. 257
Дарвин Ч. 27
Декарт Р. 79, 160, 163,
172, 174, 176, 177, 182,
185, 199, 206, 253, 272,
307, 335, 336, 361, 399
Делёз Ж. 17
Делокаров К.Х. 34
Демокрит 80, 414
Депперманн М. 14,
31, 330, 331, 333, 359
Джесон Р.Л. 334
Джемс У. 230
Дживелегов А.К. 123,
124
Джованелли М. 12
Джованьоли Р. 325
Джойс Дж. 281
Дидерикс Е. 282
Дий Одинокий 146
Дильс Г. (Х.) 175, 179
Дильтей В. 39, 40,
122, 149, 179
Динзе В.Ф. 257, 258
Дитрих В. 13
Дугач Т.Б. 13, 14, 50,
68
Дмитриев А.П. 9
- Дмитриева Г.П. 9
Дмитриева Н.А. 14,
151, 393
Довгань Е. 150
Дойбер-Манковская
А. 12
Доймиг Э. 319, 320
Домогацкая Е.Г. 329
Дорцвайлер С. 8, 14,
78, 162, 165—168, 176,
180, 181, 186—189,
201, 209, 267, 307, 349,
366, 367, 384, 386
Достоевский Ф.М. 31,
104, 107, 308
Дробиш М. 35
Дубенская Е.Н. 304
Дубенская
(Фохт) М.Н. 292
Дувакин В.Д. 386
Дударов Т.М. 325
Дункан А. 281
Духовский М.В. 289
Дьяконов А.П. 190
Дьяконов М.А. 290
Дьяконова Е.А. 133,
134
Дю Прель К. 337
Дюринг Е. 58, 413
Дюркгейм Э. 195
Дюфур Э. 13
Дягилев С.П. 38, 329
- Евклид 168, 172
Евлампиев И.И. 241
Евтухова Е. 131
Езуз П. де 347
Еллинек (Йеллинек) Г.
151, 152, 154, 195
Емельянов Б.В. 108
Ермичев А.А. 14, 15,
108, 130, 131, 155, 166,
185, 201, 202, 230, 249,
317
Ефремова М.Н. 122
- Жаков К.Ф. 250, 390
Живокини В.И. 281
Жуков Г.А. 173
Жуковский Д.Е. 399
Жураковский Е.Д.
336, 338, 340, 341
- Жучков В.А. 108
- Зайцев В.А. 34
Зальцман Ю.Д. 80
Замалеев А.Ф. 117
Зандер Л. 158, 159
Затонский Д. 145
Зелинский Н.Д. 167,
174, 290, 293
Земнов П. 399
Зензинов В.М. 148,
152, 162
Зеньковский В.В. 107,
244
Зернов Д.Н. 289
Зибек Г. 153, 184, 208
Зиг У. 10, 12, 26, 42,
53, 54, 56, 167, 168,
180—182, 205
Зигварт Х. 364, 408,
409
Зиммель Г. 58, 148,
150, 151, 154—156,
158, 179, 191, 195, 236,
285, 361, 364, 403, 406
Зубов В.П. 307, 385
- Ибервег Ф. 26, 57, 58,
119, 371
Ибсен Г. 107, 329, 365
Иван IV Грозный 288
Иваненко Л.Т. 314
Иванов Вяч. 244, 269,
331—334, 344, 345
Иванов-Разумник
(Иванов Р.В.) 303,
359, 365
Иванова И.И. 219
Ивановский В.Н. 130,
252, 316
Иванцов Н.А. 119
Игнатова В.А. 386
Иконников В.С. 34
Ильенков Э.В. 18, 19
Ильин И.А. 156, 249,
268
Иоф Вл. 240
- Йегелька Н. 12, 88
Йеше Г.Р. 412
Йодль Ф. 119

- Кавелин К.Д. 34
 Каган М.И. 14, 16, 71, 169, 191, 192, 267, 385
 Каган Ю.М. 191
 Калининков Л.А. 41, 109, 112, 334
 Кальбфлейш К. 419, 420
 Каляев И.П. 316, 317
 Каменский З.А. 108
 Кананов П.Х. 168, 178, 179
 Кандинский В.В. 329
 Кант И. 13, 15–18, 20, 23, 24, 29, 38–45, 49–51, 53–55, 57, 58, 61, 62–70, 72, 74, 79–83, 94, 97, 99, 101, 106–124, 126, 127, 130, 131, 133–136, 141, 146, 148, 149, 151, 154–157, 160, 162, 174, 175, 177, 182, 183, 187, 192, 193, 201, 202, 206, 207, 220, 221, 231, 237, 238, 240, 245, 250, 251–258, 260, 261, 263, 268, 272, 274, 285, 300, 301, 303, 305–308, 310–312, 316, 320, 321, 333–339, 342–344, 347–349, 351–354, 356, 358–361, 363, 364, 367, 368, 370, 372, 378, 384, 386, 392, 396–399, 401, 405, 406, 408–414, 419, 422, 427–429
 Кантор В.К. 14
 Кантор Г. 163
 Каппс В.Х. 80
 Карабьянкова О.И. 8
 Карабегов И.А. 204
 Каракозов Д.В. 33
 Кареев Н.И. 34
 Каринский М.И. 109–111, 130
 Карпов В.Н. 108, 109
 Карстанъен Ф. 210
 Кассирер Т. 165, 167
 Кассирер Э. 10–13, 17, 41, 44, 46, 58, 61, 63, 79, 104, 105–107, 159, 165, 166, 168, 181, 182, 185, 188–191, 199, 200, 204–205, 246, 252, 253, 259, 267, 285, 286, 308, 319, 334, 364, 366, 384, 386, 389, 392, 409, 411, 417, 419
 Кассо Л.А. 290
 Каутский К. 3, 203, 220, 286
 Кауфман М.Р. 104, 121
 Кашперов А.В. 372
 Кейдан В.И. 228
 Келлер Е.С. (урожд. Шукина) 322
 Келлерманн Б. 285
 Кербах К. 397, 399
 Кёниг Э. 136
 Кёнигсвальд (Хёнигсвальд) Р. 105
 Кёнке Кл.К. 12, 13, 25, 26, 36, 38–40, 42, 51, 54, 55, 62
 Кизеветтер А. 291, 316
 Килли В. 78
 Кильчевский В.А. 336
 Ким А. 13
 Кинкель В. 411, 412
 Кириллов И. 146
 Кистяковский Б.А. 14, 123, 128, 129, 150, 151, 208, 226, 236, 268, 359
 Кларк(е) С. 184
 Клацкин Я. 168–170
 Клее П. 281
 Клинг О.А. 332
 Клочков Н.Н. 256
 Клубак В. 13
 Ключевский В.О. 34, 289
 Коган П.С. 336, 341
 Коген Г. 11–13, 16, 17, 34, 40, 41, 44, 46, 47, 49–54, 57–61, 63–80, 85, 88, 91–97, 99, 101, 103, 104, 114, 115, 120, 121, 123, 126–128, 131, 136, 139, 140, 148, 154, 157, 159, 160, 162–174, 178–189, 191–193, 195–197, 199, 201–210, 212–222, 224, 226–228, 230–232, 234, 235, 237–242, 244, 248–250, 252, 253, 255, 256, 259, 261, 263, 264, 266, 274, 276, 283–286, 301, 303, 305, 307, 308, 311, 339, 350, 359, 361, 362, 364–367, 370, 384, 386, 387, 390, 392, 396–399, 401, 402, 405, 406, 408–413, 415–418, 420–422, 424, 425, 427
 Козлов А.А. 35, 36, 117, 222
 Козлов И.И. 8
 Козловский В.-М. 372
 Койген Д.М. 122–125, 203, 204
 Койранский Б. 351
 Колеров М.А. 232
 Колеровский Л.А. 289
 Колубовский И.Я. 166
 Кон Й. 202
 Кондаков И.М. 35
 Конолли Дж. 13
 Конопляникова З.В. 395
 Конт О. 33, 34, 192, 212, 373, 374
 Кончаловский Д.П. 296
 Конюс (Шукина) Н.А. 317, 319
 Копнин П.В. 18, 274, 307, 314, 391
 Коральник А.Д. 203, 204
 Корнелиус Х. 310
 Корнилов К.Н. 318
 Коровин К.А. 194
 Корш Е. 119, 120
 Коршенинников А.А. 9
 Коршенинникова Л.П. 9
 Косулина Л.Г. 30
 Котляревский С.А. 425, 426
 Котрелев Н.В. 228, 344
 Коффка К. 285

- Кравченко А.А. 13, 44
 Крайнен К. 10, 40, 44, 45, 62
 Крамер К. 12
 Крамме Р. 14, 39, 153, 209
 Красильщиков В.А. 30
 Краузе А. 104
 Кребе И. 85
 Крейман Ф.И. 335
 Кречетова Е.А. 336
 Крёбер Г. 265
 Кришке Р. 160
 Кройс Дж.М. 11–13
 Кронер Р. 39, 158
 Кроче Б. 236
 Круглов А.Н. 62, 65
 Крупская Н.К. 320, 321
 Крусман В.Э. 190
 Крылов И.А. 362
 Ксантиппа 194
 Кубицкий А.В. 113, 176, 177, 183, 188, 209, 212, 232, 233, 247, 249, 251, 253, 267, 300, 307, 351, 352, 424, 427–428, 430
 Кузмин М.А. 345
 Кульбюс С.К. 335, 342
 Кун Т. 17
 Куренной В.А. 13, 24, 59, 179
 Курпаков В.Ю. 41
 Кэрд М. 408
 Кюльпе О. 58, 404, 407
 Кюнеманн Е. 160
- Лаас Э. 79, 88, 359, 417, 419
 Лавров А.В. 344, 348, 350, 362, 366, 369
 Лавров П.Л. 34
 Лазарев В.В. 112
 Лакс А. 13
 Ламберт Й.Г. 408, 412
 Ланге Н.Н. 136, 181
 Ланге Ф.А. 24, 26, 28, 39, 41, 42, 53–58, 60, 64, 65, 74, 76, 79, 110, 119, 121, 131, 367, 402, 406, 408, 409, 412, 413
 Ландия А. 168
 Ланц Г.Э. 15, 154, 185, 186, 242, 247–249, 385
 Лаппо-Данилевский А.С. 34, 201, 208, 268
 Лапшин И.И. 14, 88, 121, 129, 130, 134–136, 138–141, 174, 208, 241, 243, 249, 251, 256, 257, 337, 370, 371, 375, 376, 378, 381, 382
 Ласк Э. 62, 152–155, 157, 237, 359, 364, 366, 374
 Ласс Э. 111
 Лассаль Ф. 40
 Лассвиц К. 402, 406, 408, 411
 Лассон А. 149, 155, 179, 372
 Лацарус М. 64
 Лебедев П.Н. 290, 316
 Левин И.Д. 274, 307, 386
 Левин С. 169
 Левинас Э. 13, 390
 Левинсон А.А.
 Ледер Г. 397, 399, 419
 Лейбниц Г.В. фон 44, 160, 163, 177, 183, 184, 185, 191, 199, 206, 210, 335, 337, 338, 343, 361
 Лейтане И. 390
 Лейтес И.А.
 Лекторский В.А. 182
 Лембек К.-Х. 12, 71, 99
 Ленин В.И. 146, 220, 281
 Леон К. 372, 373
 Леруа Г.В. 184
 Лесевич В.В. 34, 130
 Лёвенфельд Р. 282
 Лёнс Х. 12
 Либерт А. 46
 Либкнехт К. 286
 Либман О. 39, 40, 42, 57, 58, 121
- Ливий Тит 316
 Линденбаум В. 410
 Лиотар Ж.-Ф. 17
 Липпс Т. 176, 177, 179, 195, 202, 395, 396, 401, 404
 Лисовенко Н.А. 80
 Лифшиц М.А. 18
 Лихачев Д.С. 315
 Лобачевский Н.И. 131
 Локк Дж. 35, 316, 335, 338
 Лонэ М. де 13
 Лопатин А.М. 304
 Лопатин Л.М. 36, 116, 177, 208, 210–212, 222, 231, 233–235, 240, 249, 251, 254, 255, 293, 294, 300, 301, 304, 305, 316, 317, 335–337, 351, 421, 427
 Лопез-Мориллас Ф.М. 77
 Лоренц К. 39
 Лоренц Х.А. 166
 Лосев А.Ф. 100, 107, 108, 119, 134, 171, 272, 309, 389
 Лосский Н.О. 61, 107, 108, 117, 119, 134, 174, 184, 222, 252, 399
 Лотман Ю.М. 329
 Лотце Р.Г. 35, 43–47, 52, 60, 61, 110, 120, 121, 210, 301, 334
 Лукач Д. 17
 Лукиан 316
 Луначарский А.В. 320, 331
 Лурье С.В. 233
 Львов К.И. 321
 Любавский М.К. 290, 316
 Люббе Х. 25
 Любутич К.Н. 108
 Люфт С. 13
 Ляпунов В.В. 386
 Ляшенко Л.М. 30
 Ляшкевич Л. 431
- Маклакова-Нелидова Л.Ф. 408

- Маковский С.К. 329, 345
 Максимов Д.Е. 340
 Максимова Е.И. 399
 Малиновский Б. 285
 Малахов В.С. 153, 165
 Малинкин А.Н. 14
 Мальбранш Н. 253
 Мандельштам О.Э. 155
 Мансуров С. 187, 188
 Мануйлов (Мануйлов) А.А. 290, 403, 406
 Мариас (Агуилера) Х. 77
 Маркс В. 12, 47
 Маркс К. 75, 122–124, 126, 146, 197, 198, 200, 220, 235, 249, 390
 Маркус С.А. 372, 377
 Масарик Т.Г. 118, 119
 Матисс А. 171
 Мах Э. 130, 138, 154, 338, 423
 Махлин В.Л. 8, 14, 71, 191, 386
 Меерсон-Сударская Р.М. 301
 Мейер Ю.Б. 26, 39, 42, 57
 Мейнеке Ф. 153
 Мейнке Р.А. 406
 Мейнерт Т. 136
 Мейстер Экхарт 104
 Мелис Г. 158
 Меллин Г.С.А. 395, 396
 Менделеев Д.И. 34
 Мензбир М.А. 290, 294
 Менке Й.Б. 406
 Мережковский Д.С. 233, 365
 Мессер А. 184, 310
 Метерлинк М. 329
 Метнер Е.М. (урожд. Братенши) 317, 319, 422
 Метнер Э.К. (Вольфинг) 232, 234, 269, 302, 303, 317, 351, 352–354, 363, 366
 Мечников И.И. 34
 Микеланджело Буонаротти 186
 Микешина Л.А. 8
 Микулинский С.Р. 265
 Милль Дж.С. 33, 36, 252
 Миллюков П.Н. 34, 383
 Мин Г.А. 395
 Минин С. 383
 Минковский Г. 257
 Минский Н.М. 229, 355
 Михайловский Н.К. 34, 122
 Михелет К.Л. 40
 Михельс Р. 280, 283
 Мнич Р. 386, 389
 Молешотт Я. 28, 43
 Молотов В.М. 323
 Молотова П.С. (Жемчужина) 323
 Моммзен В.Й. 150
 Мороз М. 169
 Морозова М.К. 210, 233, 237, 255, 359, 372, 373, 377
 Морозова Н.М. 7, 431
 Мотрошилова Н.В. 112, 241
 Моцарт В.А. 308
 Мунк Р. 12
 Муравьев Ю.А. 8, 13, 270, 330
 Мусоргский М.П. 370
 Муссолини Б. 280
 Мюзам Э. 282
 Мюллер Г. 280, 281, 287
 Мюллер Й. 42, 136
 Мюллер Кл. 13
 Мюллер-Фрейенфельс Р. 39, 71, 259
 Мюнстерберг Х. 58, 236, 243, 404, 407
 Наги Л.Т. 281
 Наполеон I Бонапарт 365
 Натопф П. 8, 11–13, 16, 17, 40, 44, 46, 47, 56, 58, 59, 61, 63, 65, 71, 78–105, 109, 121–123, 125–127, 140, 148, 159–165, 168, 169, 171–183, 186, 187, 190, 191, 193–197, 201–203, 205, 209, 210, 213, 221, 243, 244, 246, 248, 249, 252, 253, 256–258, 262–264, 266, 267, 276, 286, 303, 306–308, 313, 319, 320, 322, 364–366, 368, 369, 384, 389, 391–398, 400–410, 412–415, 417, 418, 420–424, 429
 Невежина В.М. 399
 Нейман Ф. 155
 Нельсон Л. 58, 156, 334
 Немет Т. 131
 Ненашева С.А. 14
 Никитенко А.В. 32
 Никитский А.В. 316
 Николаев Н.И. 386
 Николаи Г.Ф. 286, 287
 Николай Кузанский 79
 Никулин А.Г. 108, 130, 131
 Ницше Ф. 25, 107, 146, 280, 303, 329, 331, 333, 352–354, 363–365, 371, 374, 399, 403
 Новалис 347, 348, 376
 Новгородцев П.И. 148–150, 192, 195, 213, 214, 218, 219, 233, 268, 396
 Нойманн Э. 164, 179
 Нол Й. 282
 Носков С. 168
 Носов А. 210
 Ньютон И. 406
 Обнинский В.П. 317
 Огнев А.И. 233, 251
 Огурцов А.П. 387
 Огус Я. 43, 120
 Оллинг Х.-Л. 11

- Орлик Ф. 11, 40, 65
Орт Э.В. 11, 12, 39, 41, 43, 47, 49, 50, 52, 53, 63, 105
Ортега-и-Гассет Х. 77, 183, 205
Освальд В. 261, 285
Осовский Е.Г. 182
Осовский О.Е. 182
Остеррайх К. 58
Островский А. 169
Оттен К. 283
- Павлов И.П. 34
Пальмер Г. 12
Пальчик А. 258
Панфилов О. 23
Панфилова Н. 23
Парахонский Б.А. 314
Парменид 99, 180
Паскаль Б. 272
Пастернак Б.Л. 14, 78, 165, 167, 169, 181, 185–189, 194, 203, 205, 251, 253, 315, 386, 393
Пастернак Е.Б. 187
Пастернак Е.В. 181
Паульсен Ф. 119, 148, 149, 154, 179, 405, 408, 409
Паульсон Ст.Л. 13
Пашер М. 13, 74
Первухин М. 146
Перминов В.Я. 117
Песталоцци И.Г. 258
Пестер Р. 43
Петр I 288
Петражицкий Л.И. 201, 212
Петровская Н.И. 302, 348
Петцольд Д. 44
Петцольд И. 210
Петцольд Х. 12
Пикассо П. 171
Пинес Б.М. 166
Пирогов Н.И. 34
Писарев Д.И. 34
Пискунов В.М. 351
Плаггенборг Ш. 8
Планк М. 29, 285, 287
- Платон 12, 13, 46, 50, 60, 61, 71, 79, 86, 87, 89, 91, 99, 100, 104, 108, 109, 160, 167, 168, 174–176, 180, 183, 188, 192, 197, 199, 206, 218, 221, 241, 242, 244, 248, 252, 253, 262, 272, 300, 305, 309, 311, 316, 321, 362, 366, 389, 400, 408, 417, 419, 421
Платонов С.Ф. 167
Платонова Н.Н. 399
Плеханов Г.В. 376, 381, 382
Плотин 109, 186, 247–249, 252, 272, 309, 399
Плотников Н.С. 24, 59, 123, 126, 158, 228
Погодин А.Л. 254
Погодин С.Н. 14
Покровский М.М. 316
Поливанов К.М. 181, 187, 188
Поливанов М.П. 113, 176, 209, 233, 251, 300, 306
Поливанова А.П. 254
Полилов Н.Н. 28, 399
Политис В. 13
Полонский В.М. 403, 406
Пома А. 12, 13
Помирчий Р.Е. 340
Понселе Ж.В. 166
Попова О.А. 385
Попович М.В. 314
Поржезинский В.К. 316
Поршнева Б.Ф. 386, 387
Прантль К. 25, 26
Прейсс (Пройсс) Х. 149, 150
Преображенский В.П. 120
Преображенский П.Ф. 325
Прокл Диадох 168, 309
- Протагор 414
Протопопов В.С. 296
Пуль Б. 14
Пуришкевич В.М. 429
Пустарнаков В.Ф. 32, 33, 36, 37, 129, 136, 138, 251–253
Путилова П.Д. 430, 431
Пушкин А.С. 107, 108, 185, 188, 194, 308
Пфемферт Ф. 284
Пфендер А. 179
- Радек К. 322
Радзиевский В.А. 88
Радлов Э.Л. 107, 108, 119, 120, 130, 134, 170, 272
Райн В. 393, 394
Райфенберг Б. 8
Рахлин С. 168
Рахманинов С.В. 195
Раумер К. фон 393, 394
Редкин А.П. 402
Рекки Б. 11, 199, 200
Ремон Н. 184
Ренн Й. 287
Рентген В.-К. 285
Ренувье Ш. 249
Ренц У. 12, 76
Рескин Дж. 329
Рёд В. 27
Риккерт Г. 40, 41, 44, 58, 148, 151, 153, 154–157, 181, 192, 195, 203, 208, 210, 212, 221, 222, 224, 230, 237, 251, 252, 261, 348, 358, 359, 361, 362, 364, 366, 367, 374, 389
Риль А. 40, 41, 111, 119, 122–124, 136, 148, 152, 155, 179, 191, 195, 261, 285
Рильке Р.М. 281
Римский-Корсаков Н.А. 370
Риос (Уррути) Х. де лос 60, 194, 195, 205
Ритцель В. 68

- Рихарц Ф. 160, 162, 164, 179
 Роберти Е.В. де 34
 Родичев Ф.И. 428, 429
 Рождественский А.А. 306
 Розанов В.В. 5
 Розанов И.Н. 336, 342
 Розенкранц К. 339, 397, 399
 Розенталь М. 381
 Розов И.С. 415, 417
 Российский Д.И. 288
 Россолимо Г.И. 288, 293
 Рубинский С. 226, 227, 244
 Рубинштейн М.М. 86, 154, 156, 258, 261, 268, 385, 390, 391
 Рубинштейн С.Л. 15, 70–74, 169, 180–183, 215, 217, 218, 232, 368, 390
 Рубцов В.В. 35
 Руге А. 25
 Руднев В. 162
 Румянцев О.К. 387
 Руссо Ж.-Ж. 397, 399
 Рыбников Н.А. 137, 318
 Рюиссен Т. 256, 395–400, 403, 421, 422
- Сабатьев А.П. 293
 Сабуров А.А. 292, 293, 307, 385
 Савальский В.А. 15, 60, 71, 154, 157, 193–195, 200, 201, 207, 212–215, 218, 219, 233, 252, 258, 259, 264, 268, 305, 350, 394–396, 398, 400, 412, 416, 417, 419
 Саводник В.Ф. 336, 338, 341
 Саккетти А.Л. 71, 154, 201, 209, 212–214, 264, 385
 Саккетти Л.А. 154
 Салагов Л.П. 169, 183
- Салагова (Палеолог) В. 156, 183–185
 Самарин Д.Ф. 169, 183, 186–188
 Самсонов Н.В. 251
 Самыгин М.В. (Марк Криницкий) 337, 343
 Сапов В.В. 14, 15, 123, 155, 159, 195, 232, 362
 Сафонов В.И. 315, 316
 Сахаров Г.П. 288
 Свасьян К.А. 366
 Сеземан (Зеземан) В.Э. 15, 60, 61, 71, 168, 170, 171, 174–176, 182, 185, 196, 197, 209, 246, 252, 259, 260, 268, 384, 385, 389, 396, 409, 410, 412, 415, 416, 419
 Секерина Н.В. (Маркова, Гурлянд, Усачева) 292, 293
 Секерина О.В. 293
 Семенов Ю.И. 18, 19, 126, 269
 Сергей Александрович 316
 Сеславин Д.Н. 402
 Сеченов И.М. 34
 Сиклари А.Д. 14, 358
 Симоненко Ю.Н. 329
 Ситтья Э. (Шенк А.) 280, 287
 Скирмунт С.А. 431
 Скворода Г.С. 359
 Скрябин А.Н. 233, 292, 293, 302, 329, 333, 334, 337, 370–382
 Слепцов В.А. 292
 Сливкер Б.Ю. 312
 Слонимский Г. 168, 179, 180, 261
 Смолин М.Б. 177, 178
 Соболева М.Е. 8, 13
 Соболевский С.И. 167, 316
 Соколов Н.М. 119, 167, 397, 399, 410
 Сократ 127, 146, 194, 252, 262, 300
- Соловьев В.С. 5, 33–38, 106, 107, 112, 113, 117, 119, 126, 152, 157, 210, 219, 222, 235, 241, 260, 302, 333, 348, 351, 359–361, 364, 371
 Соловьев С.М. 8
 Соловьев С.М. (свщц.) 345
 Соловьева А.К. 306, 307, 385
 Солодухин Ю.Н. 14, 109
 Солодухина М.Ф. 14, 135
 Солопова М.А. 312
 Сомова О.Л. 423–425
 София Шарлотта 184
 Спекторский Е.В. 127, 128, 214, 215
 Спенле Ж.Е. 376
 Спенсер Г. 33, 250
 Спиноза Б. 44, 82, 149, 152, 160, 192, 253, 317, 335, 342, 361, 397, 426
 Стадлер (Штадлер) А. 136
 Сталин И.В. 18
 Станиславский К.С. 329
 Станюкович В.К. 335, 341
 Стеблин-Каменский И.М. 178
 Стейла Д. 130, 338
 Степун Ф.А. 14, 15, 146, 152, 155, 157–159, 211, 212, 233, 264, 268, 269, 334, 359, 367
 Столович Л.Н. 13, 157
 Стоппнер Б. 166
 Столыпин П.А. 429
 Стравинский И. 329
 Страхов Н.Н. 109, 119
 Стронг Ч.А. 372
 Струве Г. 345
 Струве П.Б. 122–124
 Стынопалов А. 169
 Сугай Л.А. 345
 Сумбатов А.И. (Южин) 292

- Сырцов А.И. 169,
189–191, 209
Сытин И.Д. 403, 406
- Тагор Р. 105
Тарасов И.Т. 289
Тарасов Н.Г. 321
Татаркевич В. 60, 165,
173, 175, 205
Тахо-Годи А.А. 309
Твестен К. 57
Тевзадзе Г.В. 41, 42,
134
Тейхмюллер Г. 35
Тимирязев К.А. 34, 290
Тихомиров Д.И. 253
Тоблер М. 280, 281
Тоде Г. 151, 152, 155
Толстой Л.Н. 31, 107,
196, 280, 282–285, 316
Тома-Фожель И. 13
Томпакова О.М. 292,
371, 372
Топорков А.К. 155,
177, 211, 233, 249, 254,
273, 274, 351, 385, 424,
431
Трейчке Х. фон 26,
149
Тренделенбург Ф.А.
43, 47–53, 60, 62, 64,
110, 113, 119, 312
Трельч Э. 179, 180
Трифонов Н.А. 337
Троицкий М.М. 35,
36, 300, 337
Трост Г. 306
Трост М. 306
Тростянская А.Б.
(урожд. Фохт) 233
Тростянский Л.Н.
233, 420, 422, 425
Тростянский Н.С. 234
Трубецкая О.Н. 290,
295, 298
Трубецкой Е.Н. 35,
36, 71, 115, 133, 141,
210, 212–218, 220,
231, 233–235,
237–241, 244, 290
Трубецкой Н.С. 187,
188
- Трубецкой С.Н. 36,
113–116, 120, 139, 141,
172, 176, 208–210, 222,
253, 265, 276, 289, 290,
294, 295, 297–301, 316,
351, 371, 372
Туган-Баранов-
ский М.И. 123
Тумаркина Э. 152
Тумаркина М.С. 162
Тургенев И.С. 31, 160,
285
Туровский М.Б. 18,
274, 307, 387
Туссэн (Туссен) К.
401, 402, 406, 409, 413
- Уайльд О. 329
Узнер Г. 78
Уиллий Т.Э. 23, 24,
28, 29, 40, 44, 53, 54,
57
Умов Н.А. 34, 289
Унамуно М. де 285
Ухтомский А.А. 34
Уэст Дж. 14, 115, 135,
136, 141, 334
- Файхингер Г. (Х.) 41,
136, 204, 303, 413, 414,
416, 422
Фалес 412
Фалькенберг Р. 119
Фальтер Г. 247
Фарадей М. 161, 283
Федин К.А. 145
Федоров Н.Ф. 118
Федякин Р.С. 372
Фейербах Л. 25, 107,
220
Феррари М. 12, 13,
105
Фехнер Г.Т. 35, 43, 54
Фёрстер В. 286
Фёрстер Э. 405, 408
Фигнер Н.Н. 290, 303
Филиппов Л.И. 134
Филон Александрий-
ский 247
Филоненко А. 13
Финкельштейн С. 169
Фирхаус Р. 78
- Фихте И.Г. 24, 33, 40,
42, 44, 52, 59, 121, 135,
140, 152, 155, 195–197,
216, 222, 242, 245,
247–249, 252, 253, 300,
333, 347, 360, 364,
372–378, 406
Фихте-мл.И.Г. 42, 110
Фишер К. 25, 26, 35,
39, 42, 49–51, 62, 64,
110, 113, 130, 148,
150–152, 293, 342, 372,
397, 398
Фишер С. 13, 77
Флах В. 10, 12, 62, 63,
88, 97
Флейшман Л.С. 8, 14,
78, 162, 165–167, 173,
180, 181, 185–189,
194, 201, 203, 209, 267,
307, 349, 366, 367, 384,
386, 393
Флеров А.Е. 317
Флоренский П.А. 220,
226, 227, 244
Флоровский Г. 159,
207
Флурнуа Т. 372
Фогель Д. 200
Фогт К. 28, 29, 43
Фолькельт Й. 191
Фондаминский И.И.
(Бунаков) 152, 162,
301, 349
Форлендер К. 56, 61,
123, 249, 258, 310, 358,
395–400, 402, 406,
412, 415, 417, 419, 421,
422, 427
Форстен Г.В. 167
Фосслер К. 152
Фохт А.А. 429, 430
Фохт А.Б. 233–234,
288–292, 304, 393,
395, 409, 430
Фохт Б.А. 7, 14, 18, 71,
78, 79, 80, 85, 97, 98,
100, 101, 106, 113, 151,
152, 168, 171–173, 176,
197, 202, 209, 211, 213,
232–234, 253–257,
265, 267, 274, 276, 288,

- 292–314, 334, 336, 337,
339–342, 349–354, 358,
359, 371, 377–381,
383–387, 391, 393–431
Фохт Г. 288
Фохт Е.А. 305, 306,
428–430
Фохт Е.Я. (урожд.
Аронсон) 173, 313, 314
Фохт К.Б. 305, 315
Фохт М.Н. (урожд.
Дубенская) 288, 292
Фохт-Сударская Р.М.
(урожд. Меерсон) 233,
301, 305
Франк Л. 282
Франк С.Л. 37, 40,
112, 158, 220,
229–231, 241–244, 269
Фреге Г. 47
Фрейд З. 280
Френкель Л.Я. 325
Френкель Ф. 419, 420
Фридеберг Р. 281, 282
Фридлендер Б. 281
Фридлендер Г.М. 107
Фридман М. 13
Фридрих Август II
Саксонский 195
Фриз Я.Ф. 42, 58, 64
Фриче В.М. 336, 341
Фрошаммер Я. 157
Фьорато П. 12
- Хаазе Х. (Гаазе Г.) 286
Хабермас Ю. 10
Хайдеггер М. 10, 11,
13, 17, 104, 105, 267
Хайм Р. 26
Хаймзют (Гаймзёт) Х.
60, 93, 164, 165, 167,
172, 173, 183, 185, 195,
205, 267, 319, 420
Хаймзют Р. 93
Хайнц М. 373
Ханке Э. 280–282
Хакс А.-К. 12
Хардер Х.-Б. 14, 78,
162, 165–168, 173,
180, 181, 186–189,
201, 209, 267, 286, 307,
349, 366, 367, 384, 386
- Хачикян-Мечлумян Й.
169
Хвостов В.М. 210,
211, 233, 290, 396
Хеблер К. 373
Хензель К. 160, 162,
165, 180
Хепп Ф. 160
Херасков И.М.
294–299
Хесс Э. 160
Хинш М. 12
Хобсбаум Э. 145
Ходасевич В.Ф. 346
Холл Г.С. 43
Холлингдэйл Р. 13
Хольцман И. (Сенна
Гой) 281, 282
Хольцхай Х. 10–12,
25, 27, 39, 40, 42, 46,
47, 57, 61–63, 66–68,
72, 74, 75, 79, 80, 86,
88, 91, 93, 97, 99, 101,
159, 161, 163, 165, 176,
180–182, 184–186,
195, 247, 263, 283, 285,
286, 390
Хомяков А.С. 113,
222, 360
Хорст К. 186, 247
Христиансен Б. 202,
254, 255, 358, 364, 396,
403, 424, 427–431
Христофорова К.П.
303
Хюбингер Г. 150
- Цанк М. 12, 13
Цвейг С. 145
Целлер Э. 36, 42, 53,
58, 110
Церас(с)кий В.К. 289,
290
Циген Т. 404, 407
Циглер Т. 24, 119,
393, 394
Цинк А. 14, 351, 352,
358, 368, 369
Цирес А.Г. 323, 402
Цирес М.И. (урожд.
Гордон) 323
Цохер Р. 61
- Чайковский П.И. 31
Чаплыгин С.А. 290
Челпанов Г.И. 14, 130,
134–138, 140, 141, 171,
183, 188, 209, 210–212,
316–318, 358, 410, 425,
426, 427, 430
Чернов С.А. 14,
110–112, 116, 118,
123, 124, 162
Чернышевский Н.Г.
32, 33
Чехов А.П. 38, 285,
291, 292
Чистякова Н. 14
Чистякова Э.И. 368
Чичерин А.В. 274,
307, 308, 350, 385
Чичерин Б.Н. 112,
113, 222
Чубаров И.М. 203,
309, 384
- Шагал М.З. 329
Шагинян М.С. 157,
359, 366
Шаламов В.Т. 385
Шанин Т. 30, 147
Шанявский А.Л. 179
Шахматов Б.М. 34
Швеглер А. 119
Швеммер О. 11
Шейн Л.Дж. 134
Шеллинг Ф.В.Й. 24,
40, 42, 54, 59, 105, 107,
112, 222, 236, 242, 245,
253, 300, 360, 364,
372–374
Шеммель М. 287
Шемкина Е.М. 8
Шер В.В. 296, 297
Шеррер Ю. 228
Шестов Л. 112, 241
Шеффер П. 322, 323
Шёндрерфер О. 285
Шило С. 313
Шиллер Ф. 56
Ширинский-Шихма-
тов П.А. 32
Широнин И. 402
Шитов А.М. 155
Шлегель Ф. 374

- Шлейermaхер Ф. 83–85
 Шлесс К. 168–169
 Шлёцер Б.Ф. 370
 Шмид К.А. 393, 394
 Шмид П.А. 13
 Шмид Р. 179
 Шмидт К. 123
 Шмидт П. 78
 Шмоллер Г. фон 149, 150
 Шнедельбах Х. 27, 38, 40, 41, 43, 44
 Шопенгауэр А. 26, 65, 115, 301, 333, 339, 342, 343, 352–354, 356, 357, 360, 367, 371, 403
 Шор Е.Д. 166
 Шоттки Ф. 159, 160
 Шпет Г.Г. 86, 107, 108, 119, 176, 182, 203, 232, 233, 251, 256, 261, 271, 272, 304, 317–319, 359, 362
 Шпет М.А. (урожд. Крестовская) 318
 Шпигельберг Х. 179
 Штаммлер Р. 12, 61, 71, 123–126, 155, 156, 192, 193, 195, 196, 249, 259
 Штанге К. 254, 402, 403, 406, 415, 417, 430
 Штаудингер Ф. 56, 123, 125
 Штейн Л. 161, 373
 Штейнберг А.З. 157, 320
 Штейнер Г. 265
 Штейнер Р. 147, 350, 362, 368
 Штеле Ф. 394, 395
 Штейнталь Х. 64
 Штирнер М. 374
- Штольценберг Ю. 8, 11–13, 44, 45, 47, 65, 67, 70, 72, 78, 91, 93, 97, 98, 104, 105, 373, 390
 Штрёкер Е. 47, 48
 Шуберт Ф.В. 399
 Шуберт-Зольдерн Р. 121, 256
 Шульц (Шульце) И. 253–255, 397, 399, 402, 406, 409, 417, 419, 421, 422, 424–426
 Шульце-Гевеверниц Г. 153
 Шульце-Энезидем Г.Э. 115
 Шуман Р. 78
 Шуппе В. 121, 123, 140, 154, 221, 222, 230, 249, 251, 252, 371, 404, 407
 Шушукин В.Н. 423, 424, 427, 428
- Щедрина Т.Г. 8, 176, 271
 Щербаков Р.Л. 335, 341
 Щетинина Г.И. 289, 290
 Шукин И.С. 168, 171, 318, 319
 Шукин С.И. 185, 317–319, 322
- Эббингхауз (Эббинг(г)ауз) Г. 64, 77, 285, 404, 407
 Эгертон Дж. (Мэри Брайт) 408
 Эдель Г. 12, 13, 44, 72
 Эйнштейн А. 29, 166, 181, 190, 191, 286, 287
- Эйснер К. 30, 280
 Эйхенвальд Н.А. 341
 Эксерс С. 404, 407
 Эллис (Кобылинский Л.Л.) 331, 332, 344, 346
 Элькин Б.И.
 Энгельгардт М.А. 258
 Энгельс Ф. 220, 221
 Энгельхорн Й.
 Эпикур 414
 Эрве Г. 282
 Эрдман Б. 191, 402, 406
 Эрдман Г. 168
 Эрн В.Ф. 113, 118, 220, 228–232, 235, 236, 260, 268, 300, 351, 360, 361
- Юм Д. 149, 156, 338
 Юнг К.-Г. 281
 Юркевич П.Д. 35, 36, 109, 112
 Юшкевич П.С. 166
- Явленский А. 281
 Якобсон П.М. 307
 Якобсон Р. 271
 Якобус 417, 419
 Яковенко Б.В. 14, 15, 71, 77, 107, 109, 111, 126, 135, 141, 155, 170, 202, 203, 205–208, 213, 217–219, 225, 227–236, 244–246, 249, 260, 262, 264, 265, 268, 270, 272, 273
 Ярошевский М.Г. 35, 265
 Ясперс К. 275, 285
 Яшунский И.В. 257

Die vorliegende Untersuchung „*Der russische Neukantianismus: Marburg in Rußland. Historisch-philosophische Skizzen*“ widmet sich einem unzureichend erforschten Bereich der Philosophie- und Kulturgeschichte der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Auf der Basis zahlreicher bisher unveröffentlichter Materialien aus Nachlässen russischer und deutscher Philosophen und gestützt auf Memoiren, Archivdokumente und philosophische Texte, wird der Prozeß der Rezeption und Transformation des kantischen Kritizismus im Rußland am Ende des 19. und in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts untersucht. Hierzu wird das Phänomen des russischen Neukantianismus rekonstruiert; insbesondere wird die Rolle der Marburger Schule des Neukantianismus in der Formierung der kritischen philosophischen Tradition in Rußland aufgezeigt.

Bis zum letzten Drittel des 19. Jahrhunderts hatte die Philosophie Kants in Rußland viel weniger Anklang als die Lehren Schellings, Hegels und Feuerbachs gefunden. Ähnlich wie in Deutschland trugen einige Naturwissenschaftler in Rußland in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts zur Rezeption der kritischen Philosophie bei. Die russischen Naturwissenschaftler (D. Mendelejew, N. Pirogow, I. Pawlow, I. Setschenow u. a.) eigneten sich sehr schnell den Szientismus von Auguste Comte's Positivismus an, den sie als eine Art Weltanschauung verstanden und den sie gegen die akademische Philosophie (P. Jurkewitsch, A. Kozlow, L. Lopatin u. a.) und gegen die offizielle Ideologie einer orthodox-christlichen Weltanschauung (K. Pobedonostzew) wie auch gegen die mystische Lehre Wl. Solowjews ins Feld führten. Die russischen akademischen Philosophen verteidigten und entwickelten eine Form von Metaphysik, die ihre Quellen und Evidenzen im deutschen Idealismus hatte, während in Deutschland die Wende zur Erkenntnistheorie die idealistische Metaphysik unaufhaltsam verdrängte. Aufgrund dieser Situation blieb das Ansehen der Philosophie als Wissenschaft in Rußland zunächst äußerst gering.

Dasselbe gilt für ihre gesellschaftliche Anerkennung. Positivisten, Materialisten, revolutionäre Demokraten und die sog. Volkstümpler prangerten die Unfähigkeit der Denker jener religiös-metaphysischen

Richtung an, die Wirklichkeit einschließlich der sozialen Wirklichkeit zu erklären und neue theoretische Grundlagen für den Umbau von Staat und Gesellschaft zu entwickeln. In diese Situation fällt im letzten Jahrzehnt des 19. Jahrhunderts die Wahrnehmung und Aneignung der Ideen des deutschen Neukantianismus' in Russland.

Im Gegensatz zur Marburger Schule erlangte die Badische Schule des Neukantianismus in Rußland grössere Popularität und Berühmtheit bei philosophisch interessierten Intellektuellen. Doch zog die Marburger Schule als die programmatisch und institutionell strengere Ausprägung des Neukantianismus gleichwohl große Aufmerksamkeit auf sich. Am frühesten wurde die neukantianische soziale Lehre in den 1890er Jahren von seiten der sog. „legalen Marxisten“ (N. Berdiajew, S. Bulgakow, J. Dawydow, B. (Th.) Kistiakowski, M. Tugan-Baranowsky, P. Struve u. a.) wahrgenommen und diskutiert, die, wie E. Bernstein und andere in Deutschland, auf der Suche nach einem liberalen Programm „in den Marxismus einen Pfropfen des kantischen Kritizismus einbringen“ (S. Bulgakow) wollten. Diesen Versuch wie auch die neukantianische Theorie an sich kritisierten L. Akselrod, Wl. Lenin, G. Plechanow und andere russischen Marxisten vehement.

Die russischen Studenten und jungen Wissenschaftler, die sich ernsthaft der Philosophie widmen wollten, eigneten sich vor allem die Marburger Erkenntnistheorie und die Bemühungen um ein philosophisches System an. Sie studierten oft bei Vertretern beider Schulen, so hörten sie Windelband und Rickert eine zeitlang in Heidelberg und Freiburg im Breisgau, sodann studierten sie in Marburg bei Cohen und Natorp (N. Aleksejew, O. Buek, S. Hessen, P. Kananow, H. Lanz, S. Rubinstein, A. Sacchetti, W. Sawal'sky, L. Ssalagoff, A. Toporkoff, B. Vogt, B. Wischeslawzeff u. a.).

Hörer Windelbands und Rickerts waren darüber hinaus N. Berdiajew, N. Bubnoff, I. Fondaminski, A. Fondaminskaja (geb. Gawronskaja), A. Gotz, I. Iljin, B. Jakowenko, B. (Th.) Kistiakowski, O. Mandelstam, P. Nowgorodzew, M. Rubinstein, M. Schaginyan, W. Sensinow, A. Steinberg, F. Stepun u. a.

Schüler Cohens und Natorps waren ebenfalls W. Beliajew, N. Boldyrew, D. Gawronsky, M. Glikson, M. Gorbunkoff, G. Gordon, N. Hartmann, M. Kagan, J. Klatzkin, A. Kubitzky, B. Pasternak, D. Samarin, W. Sesemann, H. Slonimsky, A. Syrtzoff, A. Weidemann, K. Wildhagen, V. Ssalagowa (?) (geb. Woytiak) u. a. Unter beträchtlichem Einfluß der marburgischen Ideen standen M. Bachtin, Wl. Dinse, L. Gabrilowitsch, J. Gordin, A. Gurland, B. Jakowenko, D. Koigen, A. Koralnik, I. Lapschin, E. Spektorsky, A. Steinberg u. a.

Das Studium bei den Marburger Neukantianern vermittelte den jungen russischen Intellektuellen das gesuchte System des philosophischen Wissens, eine leistungsfähige und zugleich flexible wissenschaftliche

Methodologie sowie die für ihre selbständigen wissenschaftlichen Studien notwendige Kenntnis der neuesten philosophischen Problemlagen. Von der aufklärerischen Idee der Verbreitung der säkularisierten wissenschaftlichen Philosophie begeistert, kehrten sie in ihre Heimat zurück und suchten zur „Bildung einer dauerhaften philosophischen Tradition“ (B. Jakowenko) des kritischen Rationalismus in Rußland beizutragen. Die Lehre der Marburger Schule galt ihren russischen Protagonisten als eine „Philosophie des Humanismus und der Aufklärung“ im Anschluß an die „historische, [...] jahrhundertalte auf Sokrates zurückgehende Tradition“ (E. Spektorsky).

Vom Beginn der „Institutionalisierung“ der neukantianischen Bewegung in Russland an waren die russischen Schüler der Marburger und Badischen Schule des Neukantianismus sich darüber im klaren, dass, wie es in einem Artikel der Redaktion der russischen Ausgabe der Zeitschrift *Logos* hieß, ihr „philosophisches Schaffen, das auf unbedingter Aneignung des westlichen Erbes beruht, unvermeidlich die [in Rußland] vorhandenen [...] spezifischen und starken kulturellen Motive“ in sich aufnehmen muß (*Logos* 1910, Bd. 1). Auf dieser Grundlage entstand das Phänomen des *russischen Neukantianismus*, der, als Antithese zu einem religiös-mystischen Philosophieren und als Plädoyer für eine nachgeholte Aufklärung in der Entwicklung der russischen Philosophie, zu einem integralen Teil der russischen Kultur wurde.

In Rußland kam es gleichwohl nicht zur Bildung einer eigentlichen neukantianischen Schule. Die Gründe liegen nicht etwa in der starken Abhängigkeit von der deutschen neukantianischen Philosophie. Sie sind vielmehr in dem Umstand zu sehen, daß eine entwickelte universitäre philosophische Tradition fehlte, sowie darin, daß die Philosophie von verschiedenen Schichten der Gesellschaft als Hort eines gefährlichen Freidenkertums angesehen wurde. Deswegen waren die russischen Neukantianer gezwungen, einerseits ihre Kraft auf den Unterricht nicht nur an Universitäten, sondern auch in Gymnasien und auf das Übersetzen von westlichen philosophischen Texten zu konzentrieren, anstatt eine eigene philosophische Konzeption auszuarbeiten, andererseits sich um öffentliche Beachtung zu bemühen und eine Rolle im kulturellen Leben der Gesellschaft zu übernehmen, z. B. in eine Auseinandersetzung mit den um 1910 in Mode gekommenen Ideen der religiös-mystischen Denker einzutreten und eine klare Stellung in der Frage zu beziehen, ob, wie diese wollten, die Philosophie eine Weltanschauung bzw. eine religiöse nationale Philosophie sein solle und dürfe. Außerdem gehörten einige russische Neukantianer zu revolutionären Kreisen wie den Anarchisten (O. Buek), den sog. Sozialisten-Revolutionären (D. Gawronsky, L. Gabrilowitsch, B. Jakowenko u. a.) und Sozialdemokraten (O. Buek, G. Gordon, P. Kananow, D. Koigen, S. Rubinstein u. a.).

Aufgrund dieser Umstände erhielt die Institutionalisierung des Neukantianismus in Rußland eine informelle Gestalt in der Tätigkeit philosophischer Zirkel und Gemeinschaften, unter denen die so genannten „Hausseminare“ von großer Bedeutung waren, insbesondere das von dem „Marburger“ Boris Vogt veranstaltete Seminar, das mit geringen Unterbrechungen von 1904 bis 1946 in Moskau bestand.

Die Analyse der Werke der russischen Neukantianer erlaubt es, mit Blick auf das Verhältnis der behandelnden Probleme zur Tradition eine methodische Unterscheidung in deutsch-neukantianische und russisch-neukantianische Schriften vorzunehmen.

Zu deutsch-neukantianischen Untersuchungen gehören wissenschaftlich-methodologische Werke, historisch-philosophische Studien zur Philosophie der Antike, sodann Arbeiten über die transzendente Methode in der Philosophie Kants, Cohens, Hegels und Leibniz', ferner zusammenfassende Untersuchungen, die allgemein der theoretischen Philosophie des Marburger Neukantianismus und speziell der Lehre Hermann Cohens gewidmet sind, und schließlich Untersuchungen zur Rechtsphilosophie.

Russisch-neukantianischen Untersuchungen kann man diejenigen Werke zurechnen, in denen die Besonderheiten der russischen Kultur und entsprechend die Spezifikation des russischen Neukantianismus deutlich werden. Das Problem, das die meisten russischen Neukantianer beschäftigt hat, kristallisierte sich in ihren Auseinandersetzungen mit russischen religiösen Philosophen heraus und wurde als das „Problem des Rationalen und Irrationalen und ihrer Wechselbeziehung“ (N. Aleksejew) formuliert, wobei man unter dem „Irrationalen“ das Psychische, das Intuitive und schließlich das Individuelle verstand. Einen umfassenden Ausdruck hat dieses Problem in historisch-philosophischen Untersuchungen über Plotin sowie in einer Folge von Arbeiten gefunden, die der Philosophie Fichtes gewidmet sind, was die nachfolgende „anthropologische Wende“ im russischen Neukantianismus in vielem vorbereitete und verursachte.

Im Laufe der Arbeit gelang es, einige Fälle der Rückwirkung der im russischen Neukantianismus entwickelten Ideen auf den Neukantianismus der Marburger Schule auszumachen. Es handelt sich um die Untersuchungen W. Sesemanns über die Frage nach dem Irrationalen (1911), die auf die Überlegungen P. Natorps einwirkten, um die Auseinandersetzung Natorps und Wischeslawzeffs über das Problem der Wechselbeziehung von Moral und Recht, ferner um „die erste Anregung“ von B. Vogt an H. Heimsoeth zu seiner Dissertation über Descartes' Methode (1911), sodann um die indirekte Polemik zwischen D. Gawronsky und E. Cassirer über das Kontinuitätsproblem bei Poncelet (1910–1912) und über den philosophischen und physikalischen Sinn der Relativitätstheorie Einsteins (um 1920), wie schließlich

um die Idee einer kritischen Sprachphilosophie, die B. Pasternak im Gespräch mit E. Cassirer (1912) äußerte. Hier steht eine detaillierte Untersuchung noch aus.

In Rußland, wo das künstlerische Schaffen stets vom Standpunkt nicht nur seiner ästhetischen, sondern auch seiner gesellschaftlichen Bedeutung aus betrachtet wurde, entfalteten die Ideen des „neuen Kantianismus“ eine erstaunliche Wirkung bei den Vertretern des russischen Symbolismus. Hier ging es nicht nur um neukantianische Ideen wie die unendliche Aktivität des schöpferischen Bewusstseins, sondern auch um genuin kantische Ideen, die von den Neukantianern angeeignet wurden, wie, z. B. die Autonomie der Person oder die „Uninteressiertheit“ der künstlerischen Produktion. Als Träger dieser Ideen fungierten die russischen Neukantianer gleichsam als „Zentren“ in einem höchst lebendigen und wirkungsvollen intellektuellen Austausch von Konzepten, Programmen und Überzeugungen. Im unmittelbaren Verkehr mit ihnen fand die Formierung der ästhetischen und weltanschaulichen Ansichten so bedeutender russischer Künstler wie V. Brjusov, Andrej Belyj, A. Skrjabin u. a. statt.

Nach der Revolution wurde das Problem einer philosophischen Begründung der Kultur und des künstlerischen Schaffens zu einem der dringlichsten Anliegen. Hier traten viele russische Neukantianer hervor, sowohl Emigranten als auch diejenigen, die im sowjetischen Rußland geblieben waren. Die Frage nach einem „Ausgang zum Sein“ (N. Berdiajew), d. h. nach einer neuen Ontologie, deren Antwort die russischen emigrierten Neukantianer (S. Hessen, W. Sesemann, A. Weidemann, J. Gordin u. a.) in einer Synthese der Grundlagen des Marburger Neukantianismus, des Hegelianismus und der Phänomenologie suchten, wurde zu einem vordringlichen Problem.

Im sowjetischen Rußland, das vom europäischen philosophischen Raum abgeschnitten war, hatte die Transformation der neukantianischen Ideen zwei Haupttendenzen. Zum einen, im Blick auf das Prinzip der Tätigkeit, die Verbindung des Marxismus mit dem Problem des Bewusstseins und der Theorie der Persönlichkeit, was sich in den Werken des größten sowjetischen Psychologen S. Rubinstein, in den Arbeiten über Kulturphilosophie von M. Turowsky und teilweise in den paläopsychologischen Untersuchungen von B. Porschnew zeigt. Zum anderen die Bewahrung der bereits ausgearbeiteten und dem klassischen Marburger Neukantianismus nahestehenden Position, was sich in den Werken B. Vogts und implizit besonders bei P. Kopnins, Vogts Schüler in den 1940er Jahren, zeigt, der sich um die Bearbeitung spezifischer Probleme der marxistischen Theorie, wie des Problems der logischen Begründung des wissenschaftlichen Wissens, der Rehabilitierung des Begriffs der Idee und der anthropologischen Orientierung der philosophischen Forschung insgesamt verdient gemacht hat.

Als höchst widerstandsfähig und wirkungsmächtig hat sich sowohl im vorrevolutionären als auch im sowjetischen Rußland das Projekt der Marburger Schule des Neukantianismus mit seinem Plädoyer für Aufklärung, der kantischen „Bildung des Verstandes“ und der Begründung einer wissenschaftlichen Programmatik erwiesen. Diese Prinzipien der Marburger Schule wurden von den je persönlichen Beziehungen, in denen die „russischen Marburger“ zu ihren russischen Mentoren (S. Trubetzkoy, A. W(w)edensky u. a.) und deutschen Lehrern (H. Cohen, P. Natorp) standen, sowie von der Protesttradition der russischen Intelligenz verstärkt, die sich für die russischen Neukantianer zu einem großen Teil im Einklang mit dem „ethischen Sozialismus“ des Marburger Neukantianismus befand. In diesem Projekt fand in Russland die europäische philosophische Tradition, in der die Philosophie als eine von Weltanschauungsansprüchen, und zwar sowohl von Religion, als auch von Ideologie freie Wissenschaft verstanden worden ist, ihren Ausdruck. Die kritische europäische Tradition und die russische Protesttradition erlaubten den russischen Neukantianern, sich eine relative Geistesfreiheit unter den Bedingungen absoluter Unfreiheit in der totalitären Epoche zu erhalten und die Prinzipien einer freien wissenschaftlichen Philosophie ihren Schülern im sowjetischen Rußland zu vermitteln.

Statt eines Vorworts	5
Einleitung	10
I. Quellen	
Kant und Neukantianer in Deutschland und in Rußland – Eine komparative Analyse	21
1. Deutschland und Rußland – Kulturgeschichtlicher Kontext	23
2. Deutschland: Von Kant zum Neukantianismus	38
3. Neukantianismus: Zum Problem der philosophischen Schulen	58
4. Marburg und seine Schulhäupter	63
4.1 Hermann Cohen	63
4.2 Paul Natorp	78
5. Kant und Neukantianer in Rußland – Die Anfänge der Rezeption	106
5.1 Kant in Rußland (1860–1905)	107
5.2 Neukantianer in Rußland (1890–1905)	120
II. „Russisches Marburg“	143
1. Intellektuelle Wallfahrt nach Deutschland	147
1.1. Von Baden nach Marburg	148
1.2. Russen in Marburg	159
2. Russische „Universitätsphilosophie“, „religiöse Philosophie“ und der Neukantianismus in wechselseitigen Einflüssen und Kontroversen	207
3. Zur programmatischen und funktionalen Identität den neukantianischen Schulen in Rußland	263
III. Russische Neukantianer	
Beiträge zur russischen neukantianischen Bio- und Bibliographie	277
1. Otto Petrowitsch Buek	279
2. Boris Aleksandrowitsch Vogt	288
3. Gabriel Osipowitsch Gordon	314
IV. Symbolisten und Neukantianer	
Kantianische Ideen im russischen künstlerischen Symbolismus	327
1. Valerij Brjusov	334
2. Andrej Belyj	348
3. Aleksandr Skrjabin	370
Statt eines Schlusses. „Sowjetischer“ Neukantianismus?	383
Anhang. Marburger Briefe von G.O. Gordon an B.A. Vogt (1906–1907)	393
Literaturverzeichnis	432
Personenregister	492
Zusammenfassung (Deutsch)	504

Вместо предисловия	5
Введение	10
Очерк первый. Истоки. Кант и неокантианцы. Кантианство	
в Германии и России: компаративный анализ	21
1. Германия и Россия: социокультурный контекст	23
2. Германия. Кантианская магистраль: от Канта к неокантианству (к предыстории проблем)	38
3. Неокантианство: философские школы	58
4. «Марбург»: схоластики	63
4.1. Герман Коген	63
4.2. Пауль Наторп	78
5. Кант и неокантианцы в России: начало рецепции	106
5.1. Кант в России (1860-е — 1905 гг.)	107
5.2. Неокантианцы в России (1890-е — 1905 гг.)	120
Очерк второй. «Русский Марбург»	143
1. Интеллектуальное паломничество: Германия	147
1.1. От Бадена к Марбургу	148
1.2. Русские в Марбурге	159
2. Русская «университетская философия», «религиозная философия» и неокантианство во взаимовлияниях и контроверзах	207
3. На русской почве: к вопросу о программной и функциональной идентичности неокантианских школ в России	263
Очерк третий. Русские неокантианцы	
Начала русской неокантианской библиографии	277
1. Отто Петрович Бук	279
2. Борис Александрович Фохт	288
3. Гавриил Осипович Гордон	314
Очерк четвертый. Символисты и неокантианцы	
Кантианские идеи в русском художественном символизме	327
1. Валерий Брюсов	334
2. Андрей Белый	348
3. Александр Скрябин	370
Вместо заключения. «Советское» неокантианство?	383
Приложение. Марбургские письма Г.О. Гордона к Б.А. Фохту 1906—1907 гг.	393
Литература	432
Указатель имен. Составитель И.И. Ремезова	492
Zusammenfassung	504

Научное издание

Дмитриева Нина Анатольевна

**РУССКОЕ НЕОКАНТИАНСТВО : «МАРБУРГ» В РОССИИ.
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОЧЕРКИ**

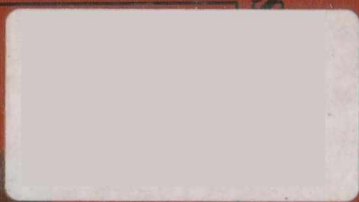
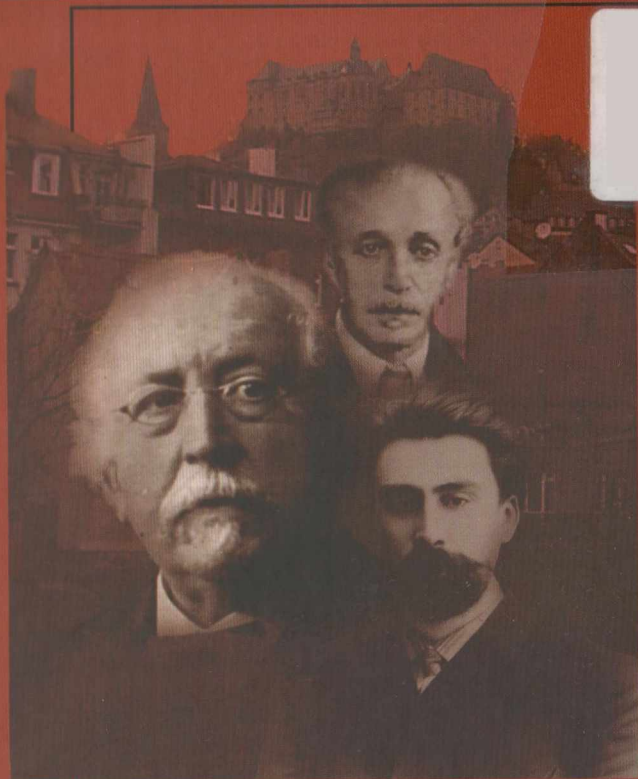
Корректор *Н.С. Сотникова*
Компьютерная верстка *Г.В. Славинская*

Лицензия ЛП № 066009 от 22.07.1998.

Подписано в печать 22.11.06. Гарнитура NewtonС. Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32. Уч.-изд. л. 30,8. Тираж 1000 экз. Заказ 1314

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция). Тел./факс 334-82-42 (отдел реализации).

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

747/31